

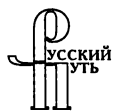
С.И.ФУДЕЛЬ

С.И.
ФУДЕЛЬ

Том 1

ноз Маши
Фема. 2
доогра
от нех
тетрад
го себя
сам по Н
аром-го
времени
а везд
моск
выходило
но, да
мене
за слово
Г бога
трудно п
агса в
адагний
дев-яго

С.И.Фудель

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Москва • Русский путь • 2001

С.И.Фудель

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Воспоминания

У стен Церкви

Воспоминания
об отце Николае Голубцове

Моим детям и друзьям

Письма

ББК 86.372+83.3(2 Рос)6
Ф 94

ISBN 5-85887-086-4 (Т. 1)
ISBN 5-85887-120-8

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при поддержке
Русского Общественного Фонда
Александра Солженицына

Составление, подготовка текста, комментарии
прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной

Предисловие
прот. В.Н. Воробьева

Художник
С.А. Стулов

© С.И. Фудель (наследники), 2001
© Прот. Н.В. Балашов, Л.И. Сараскина,
составление, подготовка текста, комментарии, 2001
© Прот. В.Н. Воробьев, предисловие, 2001
© С.А. Стулов, художественное оформление, 2001
© ПСТБИ, иллюстрации, принадлежащие институту, 2001
© Русский путь, 2001

От составителей

В настоящем издании наиболее полно представлены завершённые произведения С.И. Фуделя и материалы к его биографии.

В первом томе печатаются «Воспоминания» С.И. Фуделя, собрание заметок, озаглавленное «У стен Церкви», а также близкая по жанру к воспоминаниям работа «Моим детям и друзьям»; вторую половину тома составляют письма С.И. Фуделя.

Второй том включает составленную и прокомментированную С.И. Фуделем антологию святоотеческих текстов «Путь Отцов», а также работы «Церковь верных», «Записки о литургии и Церкви», «Причастие вечной жизни» и ряд меньших по объёму статей богословской и церковной тематики.

В третьем томе помещены работы С.И. Фуделя, посвященные творчеству Ф.М. Достоевского, славянофилов (прежде всего А.С. Хомякова и И.В. Киреевского), о. Павла Флоренского: «Наследство Достоевского», «Славянофильство и Церковь», «Начало познания Церкви», а также сопутствующие им приложения.

За пределами трехтомника остаются стихотворения, не предназначенные автором к публикации (кроме тех, которые цитируются в «Воспоминаниях» и других произведениях С.И. Фуделя), а также незавершённые статьи: «К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю», «Размышление над одним текстом», «Макарий Великий и мессалианство», «О христианском браке». Не включены в настоящее собрание и черновики С.И. Фуделя, в частности, две тетради выписок из святоотеческих творений, использованных при написании работы «Путь Отцов». «Заметки по поводу работ о Церкви священника Павла Флоренского» и статья «Священник Павел Флоренский как учитель церковности» были переработаны автором; большей частью эти материалы вошли в работу «Начало познания Церкви». Статья «К 100-летию со дня смерти Хомякова» также представляет собой первоначальный вариант более поздней работы «Славянофильство и Церковь». Отдельные фрагменты ранних редакций помещаются в корпусе комментариев.

Наиболее полное собрание произведений С.И. Фуделя в машинописных копиях сохранил, по просьбе Сергея Иосифовича, друг семьи Фуделей А.А. Бармин. Рукописи, черновые записи, машинописные ко-

пии были предоставлены для этого издания друзьями автора Д.М. Шаховским и Е.Н. Чернышевой. Подробные сведения об источниках текстов писем помещены в соответствующем комментарии.

С.И. Фудель не имел возможности тщательно готовить свои рукописи к печати. Его произведения расходились в самиздате во множестве машинописных копий, и даже те тексты, которые просматривались автором, не были последовательно выверены: в них нередко вносились новые вставки или изменения, опечатки исправлялись лишь частично. При жизни С.И. Фуделю трудно было рассчитывать на квалифицированную редакторскую помощь, в которой нуждались его сочинения: они не могли преодолеть преград политической цензуры 60–70-х гг.

При подготовке настоящего издания учитывались особенности творческой и человеческой судьбы С.И. Фуделя. В связи с этим были скорректированы некоторые общепринятые принципы подготовки текстов к печати: сочинениям С.И. Фуделя была оказана необходимая редакторская помощь.

Для выявления последних и наиболее выверенных редакций были сопоставлены все имеющиеся рукописные и машинописные источники текста, максимально учтена прижизненная авторская правка. Стилистические исправления вносились в минимальном объеме и лишь в самых необходимых случаях; по возможности была сохранена авторская пунктуация. Последовательно устранялись случайные недосмотры автора (в частности, искажения в цитатах и неточности в ссылках на источники цитируемого материала, явные ошибки в датировках событий, очевидные разночтения в употреблении имен собственных, опечатки и т. п.). Справочный аппарат, предложенный автором, при необходимости был уточнен, дополнен и оформлен в соответствии с современными издательскими требованиями. Библейские ссылки автора также уточнены и дополнены согласно принятым стандартам.

Авторские примечания помещены постранично; комментарий составителей — в конце каждого тома; некоторые особенности подготовки текстов указаны в преамбулах к комментариям.

Протоиерей

Николай Балашов

Доктор филологических наук

Людмила Сараскина

Предисловие

Сергей Иосифович Фудель родился в Москве 13 января 1900 г. (31 декабря 1899 г. по старому стилю). Отец его, священник Иосиф Фудель, через всю свою жизнь пронес горение истинно христианской души и сумел передать его детям. С детства и до самой смерти Сергей Иосифович принадлежал Церкви.

Сергею Иосифовичу довелось общаться со святыми старцами Оптиной пустыни, Зосимовой пустыни, с отцом Алексием Мечёвым и другими. Вихрь революции прервал размеренную церковную жизнь и каждого христианина поставил перед вопросом: будет ли он воистину воином Христовым в наступающей кровавой войне, воздвигнутой на веру силами зла?

В 1922 г. после окончания первого курса философского отделения Московского университета Сергей Иосифович был арестован. За Бутырской тюрьмой последовала ссылка в Усть-Сысольск Зырянского края (теперь Сыктывкар Коми АО). Оказавшись в начале своего исповеднического пути вместе с митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), епископом Ковровским Афанасием (Сахаровым), архиепископом Фаддеем (Успенским), С.И. Фудель всю жизнь духовно следовал за этими великими подвижниками XX в. В ссылке, в комнате святого епископа Афанасия, Сергей Иосифович венчался со своей супругой — Верой Максимовной Сытиной. «Исаия, ликуй...» пел архиепископ Фаддей. В 1932 г. новый арест, лагерь, ссылка в Вологодскую область, жизнь в Загорске с «непоминающим» архимандритом Серафимом (Битюговым), некоторое время скрывавшимся в доме Фуделей. Затем война, фронт и после возвращения — третий арест в 1946 г. и ссылка в Красноярский край.

Стокилометровый рубеж сохранял свою силу до конца дней С.И. Фуделя, и он так и не смог вернуться в Москву. Последнюю часть своей жизни Сергей Иосифович прожил в городе Покрове Владимирской области. Дом Сергея Иосифовича находился недалеко от старинной церкви, единственной действующей на всю округу. Сергей Иосифович прислуживал в ней в качестве псаломщика. Этот период его жизни был, как и остальные, суровым и трудным. Постоянная нужда и болезни, постепенно наступавшая слепота от глаукомы, оторванность от детей и близ-

ких и тяготы провинциального российского быта — отсутствие продуктов, топка печки, ношение воды из колонки...

Именно в покровский период, начавшийся с осени 1962 г., он написал большинство своих работ, для чего ему приходилось совершать утомительные поездки в Москву, где можно было (чаще летом) поработать в библиотеке, навесить кого-нибудь из прежнего великого множества друзей и знакомых, еще оставшихся к тому времени в живых.

Скончался Сергей Иосифович после долгой и тяжелой болезни в своем намоленном доме 7 марта 1977 г. и похоронен на местном кладбище.

С.И. Фудель не писал церковную историю XX века, но был участником ее событий. Судьбы Церкви стали его жизнью. Революция, страшные и радостные годы церковного правления Патриарха Тихона, трагическая церковная смута, катакомбная церковная жизнь — все эти пути были пройдены им. Он впитывал дух тихой, гонимой русской святости, подобно пчеле собирая ее крупицы на быстро оскудевающих церковных полях. И этим подлинным духом наполнены его сочинения, что делает их столь драгоценными сегодня. Все, что писал Сергей Иосифович, прошло горнило его собственного духовного опыта, несет в себе свидетельство о духе времени и о Церкви.

В то время, когда даже Евангелие найти было трудно, когда «глад слышания слова Божия» достиг небывалой силы, работы Сергея Иосифовича во множестве расходились в самиздате, жадно читались ищущими веры и духовной жизни. Обладая прекрасной памятью, незаурядным литературным талантом, Сергей Иосифович спешил поделиться сокровищницей духовного опыта, привести своих читателей в живое общение со святыми новомучениками и исповедниками, преподобными старцами, затворниками, великими святителями, подвижниками-священниками, — с теми христианами, которые ценой своей жизни отстаивали православную веру на Руси в годину небывалого по силе и продолжительности гонения.

Особую ценность в наследии Сергея Иосифовича имеют его письма, приоткрывающие его внутренний мир.

Весь облик Сергея Иосифовича являл постоянную устремленность к духовному миру. В этой, земной, жизни его удерживала необходимость пройти свой путь по воле Божией, любовь к людям, надежда быть еще полезным Церкви. Пережитые скорби наложили на него свой неизгладимый отпечаток. Он как будто постоянно помнил, видел то зло, которое беспощадно поглощает мир, и научился смиренному осознанию своей немощи, кроткому упованию на милосердие Божие. Приобретенный опыт делал его осторожным в суждениях, придавал особую глубину каждому его слову и взгляду. Помнится ощущение, что Сергей Иосифович знает нечто сокровенное, что невозможно рассказать, может быть, даже выразить словами. Но при этом он поразительно много умел сказать каждым своим словом. Некоторая печать неизбывной грусти, неот-

мирности, несовместимости с окружающим миром, печальная улыбка, мгновенный, насквозь видящий взгляд, тихая, неторопливая, ненавязчивая речь, готовность слушать или молчать и молиться — все это создавало образ, совершенно противоположный герою нынешнего времени. «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин. 2, 15), «ищите прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6, 33) — казалось, всем своим видом говорил Сергей Иосифович. Его отталкивала всякая личина духовности, елейность, неподлинность, непростота. Он сторонился сильных мира сего, охотно предпочитая периферию центру. Но его тяготило одиночество, оно причиняло ему новые страдания, свидетельствуя о скудости любви в окружающих людях. «Трудно без дружеского общения. Мы здесь как в пустыне», «я все время один и читать даже не могу, так как в глазах часто туман», «время ведь ужасно одинокое», — писал он в своих письмах.

В наше время, когда прославляются новые святые мученики и исповедники XX в., когда заново осмысляется и познается недавняя страшная и одновременно великая история, драгоценное духовное наследие Сергея Иосифовича — свидетеля и участника ее, поможет нам найти свои корни, восстановить духовное преемство, вернуться, наконец, к вере в Бога.

Ноябрь 2000 г.

Протоиерей

Владимир Воробьев

С.И. Фудель. Воспоминания.

1.

Мой отец умер 15/2 октября 1918 года, пятидесяти-
трех лет от роду, но уже с 1915, ~~уже~~ как раз,
года у него завелись кигарисовые четки. Такие
они были легкие и уютные, — я и сейчас их
пою на ладони. Для мирского священни-
ка это было, конечно, весьма необходимо: кружак
~~был~~ в Москве было, так называемое, "фила-
ретьское" духовенство. Этот термин собственно
не имеет ^{имел в это время} отношения к личности самого миро-
-полца и характеризовал только определенную кате-
-горию людей. Может быть при Филарете они
были другие, но в этот период — перед и во вре-
мя первой мировой войны — это были люди
в своем большинстве предивающие, с порази-
тельным спокойствием, в каком-то освободен-
ной благополучии. Есть одно трудное
слово у апостола: "Страдающий плоть пере-
-тает урещити". Плоть большинства батюшек
не страдала. Только однажды за обеденным
столом моя сестра стала что-то с похвалой
говорить именно о "филаретьском" духовенстве.
Отец, такой обычно терпимый и сдержанный,
вдруг как-то весь сморщился и воскликнул:
"Ох! уже это мне филаретьское духовенство".
В последние ~~несколько~~ годы жизни появился у него
и гнет псалтыря, совместно с мамой. Помню

Воспоминания

Вспоминая поездку — 50 лет тому назад — в Оптину, приношу это тебе не только как некие итоги «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», но и как знак сердечной моей благодарности за всю прожитую вместе с тобою жизнь.

Лазарева суббота 1972 г. Сергей

Кто-то сказал, что «все забывается, кроме счастья». Как ни тяжёлы для человека постигающие его страдания, но по какому-то благому закону они постепенно рассеиваются в душе, и в ней неожиданно остаются, точно острова нетленной радости, только счастливые часы или минуты прошлого. И тогда это прошлое существует вместе с настоящим. Это то, о чем когда-то сказал Баян:

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной.

Но бывает так, что человек разрушает даже и этот благой закон: он может так приглушить свою душевную чуткость, что голос пережитого счастья будет все больше и больше замирать в пустынях памяти. Когда наступит полная тишина — очевидно, приближается духовная смерть.

Как ни тяжёл последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

I

Почему-то мне хочется начать свои воспоминания с монастыря.

Одни из наиболее верных слов о монастыре я прочел у мало-

известного русского философа XVIII века Григория Сковороды. В одном письме он пишет: «Монах есть ученик Христа, во всем уподобляющийся своему Учителю. Ты скажешь: апостол выше монаха. Согласен, но ведь апостол может получиться лишь из монаха. Тот, кто властвует над собой одним, есть монах. Кто же покоряет других, становится апостолом. Христос, пока был в уединении, *μοναχὸς ἦν**».

Истинное монашество есть вечно живое и никогда не прекращающееся первохристианство.

Мои первые воспоминания о монастыре переплетены с первыми детскими радостями и с первым чувством родины. Когда мне было лет пять, отец взял меня с собой в Оптину пустынь. В памяти остались безоблачные летние дни и крестный ход вокруг монастыря, кажется на Казанскую, когда я почувствовал торжество праздника под голубым небом и среди полей. Есть особое чувство детского благополучия, когда «все хорошо» и «папа с мамой рядом». Вот это чувство живет у меня от того крестного хода среди полей под широкий монастырский благовест.

Кроме этого, помню только улыбку глаз старца Иосифа, когда он, стоя среди толпы в своей келье, увидел входящего отца.

Особый мир скита, дорожки среди цветов и деревянная церковь — все это было пережито мной уже во второй приезд в Оптину, а от первого помню еще дорогу в Шамордино, под вечер, в удобной пролетке — я сижу в ногах у отца, а кругом все те же широкие калужские поля. Какие-то богомолки при встрече с нами кланяются, и отец им отвечает, а я опять охвачен этим чувством детского благополучия.

Потом, до 17–18 лет, все было у меня связано с другим монастырем, с Зосимовой пустыней. Туда мы ездили часто и чуть ли не всей семьей, по несколько раз в год.

Вот уходит поезд, из которого мы выходим в Арсаках по Ярославской железной дороге. И так уж тихая станция совсем затихает, и тишина охватывает нас. Знакомая пролетка и знакомый кучер-монах, одетый в какую-то смесь мирского с монашеским, и знакомая лесная дорога, по которой мы устремляемся в еще большую тишину, мимо елей и берез и болотистых канав с незабудками.

Природа здесь не та, что в Оптиной, — здесь север, и кругом монастыря густой еловый лес. Удивительно, как раскрывается человеку природа, когда она у церковных стен. Один ряд номеров гостиницы выходил окнами прямо в лес. И вот я помню, как

---

* Был монахом (др.-греч.). — Здесь и далее под звездочками перев. и примеч. сост.

зимой откроешь широкую форточку и чувствуешь запах снегов среди елей и среди такой тишины, которая уму непостижна. Все живое и нетленное и благоухающее чистотой.

Там, где монахи — истинные ученики Христовы, там около них расцветают самые драгоценные цветы земли, самая теплая радость земли около их стен. В связи с этим я вспоминаю еще один монастырь, Толгский, на Волге. Там манатейные монахи были как студенты в общежитии. Некоторые во время обедни не стеснялись выходить покурить. Я лично знал одного такого — хороший был человек и меня угощал папиросами, но зачем он был в монастыре — неизвестно. И вот я помню, что кедровая и березовая рощи и красивая Волга этого монастыря никогда не открывали мне того, что Зосимовские снега и ели.

Природа, очевидно, не сомневается в необходимости подвига очищения человека.

Кстати, кедровая роща Толгского монастыря была очень древняя, на одном из кедров висел железный лист с описанием каких-то событий Смутного времени, но ни грозное веяние истории, ни указание на бывшие здесь чудеса не действовали на сердце. Тут же, на других кедрах и на скамейках, были памятные надписи посетителей из Ярославля, из которых запомнилась самая длинная и самая безобидная: «Бедность не порок, но большое неудобство».

Толгский монастырь, очевидно, представлял обычную картину духовного оскудения тех лет. Была там и гостиница, но она существовала главным образом для дачников: все номера на летний сезон сдавались под дачи. Низший монастырский персонал готовил обеды, на Волге можно было достать лодку — чего же больше? Была и пристань с монастырской часовней. Каждый пассажирский пароход (общества «Самолет») отходил не иначе, как после краткого молебна.

Помню совсем пустую часовню с иеромонахом, спешащим поскорее закончить, потом гудки, стук отбрасываемых сходен и фигуру наконец окончившего молебен иеромонаха в золотой ризе на фоне нарядных и равнодушных пассажиров верхней палубы, крестом благословляющего отходящий пароход. Что-то до сих пор щемит в сердце от этого воспоминания, точно и я был тогда в чем-то виноват. Такая одинокая была эта фигура, так страшно было, что никому до нее нет никакого дела. Там ехали стареющие Вронские и еще жирные Климы Самгины, и какое им было, в общем, дело до этого благословляющего креста.

«Се, оставляется вам дом ваш пуст». Впрочем, еще не совсем «пуст», если быть точным. Помню, там был один старик монах,

для которого такой монастырь был, конечно, «миром», и он жил за Волгой, при какой-то монастырской часовенке.

Потом вспоминается собор. Широкая каменная лестница вела на открытую галерею вокруг храма, расписанную видениями Апокалипсиса. Иконостас был высокий, по полному чину, и фигуры апостолов и пророков, устремленные к центру, молча говорили о многом. История России, история веры России ощущалась именно здесь, а не у кедров с мемориальной доской. В конце каждой службы монахи (и покурившие и не покурившие) сходились на середине храма и пели «О, всепетая Мати...» особым тишайшим напевом. Пели они действительно хорошо, никогда и нигде после я не слышал такого пения этой молитвы, которая как будто старалась покрыть и наполнить духовную пустоту древнего монастыря.

Такое же духовное оскудение я в те же годы (1915–1916) почувствовал и еще в одном монастыре — в Николо-Бабаевском, тоже на Волге. Не рассеяло этого впечатления и то, что к отцу привели очень старенького монаха, который еще застал в юности здесь кончившего свою жизнь известного многим (хотя бы по рассказу Лескова) епископа Игнатия Брянчанинова. И могилка его была совсем заброшенная: очевидно, и в монастыре им уже не интересовались.

Но я забыл о Зосимовой.

Зосимова пустынь была в чем-то сходна с Оптиной. В ней было что-то более суровое, что-то от «Северной русской Фиваиды», чего не было в теплых просторах калужского монастыря. Оптина была, так сказать, убедительнее для боязливой интеллигентского сознания. Но, с другой стороны, мы знаем, что и она не могла до конца убедить Толстого. Что же удивительного, что Зосимова не смогла убедить Бердяева, как-то сюда приезжавшего. Благодарить познания мира и самого себя дается только смиренным сердцам, а из автобиографии Бердяева мы с сожалением узнаем, что он гордился не только своим умом, но даже и родством с титулованными фамилиями. Бердяева оттолкнула от зосимовского старца Алексия его непочтительность в отношении Толстого. В те годы мне показывали книгу Ладыженского «Свет незримый», в которой рукой старца был вычеркнут эпитет, приставленный к Толстому, — «великий писатель земли Русской». Для отца Алексия он был прежде всего разрушитель веры в Церковь.

Старец был духовным центром монастыря. Поражала красота всего его облика, когда в длинной мантии он выходил из своего полузатвора на исповедь богомольцев: и седые пряди волос на плечах, и какая-то мощность головы, и рост, и черты лица, и удивительно приятный низкий баритон голоса, а главное — глаза,

полные внимания и любви к человеку. Эта любовь покоряла и побеждала. Человек, подходящий к нему, погружался в нее, как в какое-то древнее лоно, как в стихию, непреодолимую для него, до сих пор еще ему неведомую и вожделенную. Он уже не мог больше не верить, так как в нем уже родилась ответная любовь: огонь зарождается от огня. Моя жизнь была наполнена любовью моих родителей, но в любви старца, когда, стоя на коленях перед ним на исповеди (он обычно исповедовал сидя), я открывал ему свои тяжелые грехи, я ощущал нечто еще более полное, еще более надежное и теплое, чем земная родительская любовь. Это была уже любовь Небесного Отца, о которой мы только говорим, изливаемая ощутительно на меня в эти минуты через старца.

Монастырские службы в таком монастыре, как Зосимова, особенные. Если отдать себя им вполне и доверчиво, то такое чувство, будто сел в крепкую ладью и она вздымает тебя по волнам выше и выше. Тебе и страшно немного, и в то же время так хорошо. Что-то, если можно так сказать, есть безжалостное в такой службе ко всем нашим мирским полу-словам, полу-чувствам, полу-молитвам, с оборачиванием все время на себя, на свое настроение или на свою слабость. Тут что-нибудь одно: или уходи, потому что стоять надо долго и трудно, или же бросай свои лень и трусость, сомнение и грех и в священном безумии иди за этими голосами, стройно и сладостно и страшно поющими все про одно: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею!» «...и Ему одному служи!»

Стихиры поются сначала отдельно по клиросам, но вот монахи сходятся вместе, и тогда под своды возносится так легко и непобедимо торжествующая песня: «Ему одному служи!»

На кафизмах гасятся свечи, только кое-где остаются лампы. Словно опять Ветхий Завет — еще только ожидание Мессии. Сидишь и дремлешь. Нагнется папа, спросит: «Не устал ли?» Выходим и сидим рядом с храмом на лавочке. Небо звездное. По дорожке в гостиницу кто-то идет: хрустит песок. Там, в номере, я знаю, есть сдобные баранки, и это, конечно, тоже хорошо, но все-таки уходить не хочется. Еще раз подняться на этой ладье к сводам храма, к звездам. Скоро канон.

«Христос моя сила, Бог и Господь, честная церковь боголепно поет взывающи...»

В номере по-монастырски пахнет. Засыпаешь, конечно, тут же, но среди ночи где-то в холоде неба опять благовест и опять идешь по хрустящей дорожке. Я помню, что ночные службы я наполовину спал, но помню и то, как в эти сны вдруг врвались

голоса поющих, я открывал глаза, видел огни, рядом стоящего отца и радостно убеждался, что я в той же крепкой ладье, что моего сна никто не заметил, что меня и спящего они, эти голоса поющих, унесут с собой.

Музыка настоящего, то есть монастырского церковного пения так благозвучна, как и его слова. Тут «печать дара Духа Святаго».

Помню исповедь у затворника и старца отца Алексия. В маленькой надвратной церкви перед образом Нерукотворного Спаса горит лампада. Отец Алексий исповедует сидя, вдали от людей, и исповедует очень долго. Стоишь в ожидании своей очереди и слышишь невнятный говор его низкого мягкого баса. Он в чем-то убеждает пришедшего на исповедь, что-то старается открыть ему, с чем-то спорит, о чем-то умоляет. Через какую-то толщу самолюбия, забвения, неведения, ложного стыда, а, главное, бесчувствия и окаменения души нужно пробиться изнемогающему от своих лет и подвигов затворнику, чтобы «теплая заря покаяния» зажглась в темноте и этой души. «Вот — Христос! Или не видишь Его красоты? Или не чувствуешь дыхания Его жизни?» Старец снова умоляет, настаивает, стучит в дверь сердца. Я бы сказал, что исповедь у него была не только исповедью кающегося, но и исповедью самого старца, исповедующего в ней свою веру-любовь ко Христу, благовествующего в ней о Нем, зовущего в ней к Нему склоненного перед ним человека. Когда я вспоминаю ее, мне приходит на память образ одной исповеди, запечатленной в искусстве: отца Савелия в «Соборях» Лескова. «Прости все! Примиришь, примиришь!...» — тоже настаивал, умолял, не отступал от него духовник. И, преодолевая в предсмертной муке последний холод души, отец Савелий только благодаря этой мольбе любви своего духовника вдруг все познал и все простил, — чтобы и самому быть прощенным. «Божественную пия кровь ко общению, первее примиришь ты опечалившимся», — читаем мы в молитвах, готовящих нас к Причастию.

Вот большая теплая ладонь старца ложится на голову, ниже пригибает ее, покрывает холодком эпитрахили, и уже спокойный, точно торжествующий голос его произносит разрешительную молитву: «Соедини его святых Твоей Церкви...» Соедини его вновь со святыней любви!

Живет в истории святая Церковь и несет в себе любовь Христову. Грех же есть измена любви и измена Церкви. «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди». И, наоборот, «от умножения беззаконий охладает любовь». Не нарушение какого-то кодекса, не уклонение от каких-то прописей, а преступление против самого дыхания жизни — вот как в Церкви осознается грех и вот чем определяется значение покаяния.

Когда мне было лет 15–17, я два раза приезжал в Зосимову пустынь и один. Одному, да еще совсем юному, страшнее в таком настоящем монастыре. Такое чувство, точно попал маменькин сынок на передовую. Какая там «тихая пристань»?! Тут уж никакого «Дворянского гнезда» или «Былого и дум». Вместо «гнезда» — море, в которое нужно броситься, вместо «дум» или «былого» — живое и трепетное делание настоящего. Здесь может быть только человек-творец, возжелавший внутри себя найти свою нетленную первооснову, здесь «невидимая брань» и воинское дело духовного подвига.

Помню, однажды я, вопреки всем семейным традициям, остался там один на пасхальную ночь. Служил заутреню отец Дионисий, которого мы в семье особенно любили за его исключительное смирение.

С ним у моего отца был такой случай. Отец стоял на всенощной среди богомольцев. Проходящие монахи подходили к нему для получения благословения. Вот подошел в толпе еще какой-то небольшой монашек. Отец благословил и, только когда тот, поцеловав руку, как простой монах, отошел, отец с ужасом заметил, что он в рассеянности дал поцеловать свою руку иеромонаху Дионисию, то есть такому же священнику, как он.

Крестный ход обошел храм и остановился перед закрытыми наружными дверями. Пасха была поздняя, ночь светозарная была легка. Отец Дионисий поднял голову к этому единственному в году небу и начал пение: «Христос воскрес...»

И вдруг — страшное замешательство у стоящего рядом иеродиакона: отец Дионисий забыл, что надо сделать еще один краткий вступительный возглас. Все было тотчас, конечно, сделано смертельно смущенным иеромонахом, иеродиакон был успокоен, и что-то самое главное было этим исправлением нарушено. Мне стало горько за моего иеромонаха, за себя, за звезды, к которым он поднял лицо, мне захотелось тут же бежать домой, на Арбат.

«Не имамы дерзновения за премногия грехи наша».

А был еще случай, когда я действительно убежал из монастыря «в мир». Мне было лет 15, и я также приехал в Зосимову один на Страстной, чтобы остаться на заутреню. Все было для меня, как обычно, хорошо, но все-таки не совсем все. Так же поскрипывала деревянная лестница гостиницы, когда сходишь к службе, так же четко стучали по камню шаги под красной надвратной колокольной, так же выходили из келий монахи, спеша в церковь, с концом мантии, перекинутой на левую руку. И все-таки мне вдруг стало чего-то остро не хватать.

Конечно, теперь я охотно делаю скидку на самое естественное

для 15-летнего мальчика чувство — тоску по семье в эти блаженные предпасхальные часы. Но в то же время я ясно помню, что я затосковал, помимо этого, еще и по тишине такого «мира», который замолкает перед заутреней, по необычайной и невероятной тишине большого и грешного города в эти часы. Монастырская тишина стала мне недостаточна. И вот в Великую субботу я не выдержал и убежал.

Было уже, наверное, часов семь или восемь вечера, когда я шел от Ярославского вокзала пешком на Арбат. Трамваи уже не ходили: не полагалось, а автомобилей что-то совсем не помню, и все улицы, по которым я шел, были одной длинной тихой дорогой. Помню Мясницкую с опущенными железными жалюзи на окнах контор и магазинов. Вот «Брабец», где я, начитавшись Ната Пинкертона, еще совсем недавно купил себе финский нож. Вот часовня Пантелеимона, совсем пустая Никольская, по которой я несусь мимо Синодальной типографии с какими-то зверями на стене, мимо опять таких же закрытых, громадных контор. Может быть, хозяин одной из них, как диккенсовский мистер Скрудж, сейчас спит и видит во сне своего умершего компаньона? На Воздвиженке я запыхался, пошел тише и услышал сзади переборы Спасской башни — «еще не поздно». Вот и родной Арбат и шатер Николы Явленного.

Я не знаю, что я больше любил: саму пасхальную заутреню или тот час, который в церкви предшествует ей, — час пасхальной полунощницы.

На полу — ковры, народу много, но не так еще много. Везде видны белые платья, но они еще точно прячутся, не выпячивают себя. Все ставят последние, прощальные свечи перед плащаницей.

И вот, как-то совсем неожиданно, хор начинает этот, по-моему, самый великий канон церковной службы: «Волною морскою» — «творение (как сказано в богослужебных книгах) жены некия, Кассия именуемая». Все совсем замолкает, и делается ясно слышным слабый папин голос, читающий слова канона.

«Господи Боже мой, исходное пение и надгробную Тебе песнь воспою, погребением Твоим жизни моя входы отверзшему».

Я был вознагражден за свою верность грешному городу в эти часы.

Так бесконечно хорошо, когда запели девятую, последнюю песнь. Дальше — я знаю — будет тоже хорошо, но затем все-таки опять пойдут, громохая, трамваи, будут приезжать визитеры в мундирах и в орденах — все уже будет не то.

Но во время крестного хода вокруг церкви все еще было «то».

«...Нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». Идут огоньки свечей; церковь на углу Арбата, и попутно видишь, что

многие окна высокого дома напротив открыты и видны крестьящиеся фигуры. Весь город хочет «чистым сердцем Тебе славить».

В египетских и палестинских монастырях V–VI веков был хороший обычай. Когда начинался Великий пост, монахи уходили на все время Четырнадцатницы в пустыню, в разные места, поодиночке или по двое для полнейшего безмолвия и подвига. А накануне Пасхи все опять собирались. Для них монастырь был уже как бы «мир», и для совершеннейшего подвига им нужно было идти на время в уже совершеннейшую пустыню, чтобы тем радостнее встретить Воскресение в «миру» своего монастыря.

Мне иногда жалко — хотя, конечно, это нелепая мысль, — что монахи наших русских монастырей, живя весь год в «пустыне» своего монастыря, не приходили на одну эту единственную ночь в город, чтобы вместе со всеми людьми вострепетать «радоствию неизреченною и неизглаголанною».

Мир был слишком оставлен.

II

Мой отец умер 15/2 октября 1918 года, пятидесяти трех лет от роду, но уже с 1915-го, кажется, года у него завелись кипарисовые четки. Такие они были легонькие и уютные, я и сейчас помню их на ладони. Для «мирского» священника это было, конечно, весьма необычайно: кругом было так называемое «филаретовское духовенство». Этот термин, собственно, не имеет отношения к личности самого митрополита и характеризует только определенную категорию людей. Может быть, при Филарете они были другие, но в этот период — перед и во время первой мировой войны — это были люди, в своем большинстве пребывающие с поразительным спокойствием в каком-то особом сытом благополучии. Есть одно трудное слово у апостола: «Страдающий плотию перестает грешить». Плоть большинства батюшек не страдала. Помню, однажды за обеденным столом моя сестра стала что-то с похвалой говорить именно о «филаретовском духовенстве». Отец, такой обычно терпимый и сдержанный, вдруг как-то весь сморщился и воскликнул: «Ох уж это мне филаретовское духовенство!»

В последние годы жизни появилось у него и чтение Псалтири совместно с мамой. Помню раскрытую книгу на столе, красную закладку и рядом лежащие кипарисовые четки. Отец прошел весь свой путь в большой дружбе со своей женой, от студенчества 80-х годов, когда он робко входил со своей статьей в приемную Ивана Аксакова, до «испанки» 1918 года.

Странное это было время, когда среди общего бездумного

благодушия высших классов отдельные люди страдали страданиям умирающей эры. Отец несомненно принадлежал к ним.

Эра давно умирала. В воспоминаниях Я.М. Неверова (близкого друга Станкевича) есть такое место, относящееся, очевидно, к 1830—1831 годам: «Читаю ли я Евангелие? — спросил меня предподобный Серафим. Я, конечно, отвечал “нет”, потому, что в то время кто же читал его из мирян — это дело дьякона».

Чьим же делом стало это чтение через 50 лет после этого разговора? Конечно, дьяконы продолжали читать его, читали его и батюшки на всенощных, но кто читал его из интеллигенции?

Отец родился в 1864 году в семье делопроизводителя по хозяйственной части Владимирского драгунского полка и материпольки. В «Хронике моей жизни» архиепископа Саввы Тверского есть такие строки: «Священник Фудель — интереснейший человек, внук немца заграничного, женившегося на русской, и сын отца, православного по матери, но плохо говорившего по-русски. Окончил он курс в Московском университете по юридическому факультету, прослужил три-четыре года в Московском окружном суде, женился, съездил в Оптину пустынь два лета кряду и с благословения почившего старца Амвросия бросил службу, полгода учился церковным наукам в Вильне под руководством почившего архиепископа Алексия и рукоположен им священником в Белосток... Это мастер служения и замечательный проповедник»¹.

Когда после окончания университета он в 1889 году принял священство, это вызвало бурю со стороны родителей. Маловерие его отца тут вошло в союз с католическим изуверством матери. Успокоить отца оказалось даже легче, чем мать. Передо мной сейчас лежат два письма моего отца к родителям. Письмо к дедушке спокойно и полно различных обоснований правильности выбранного им пути. Характерно такое место: «Вас смущает то, что я хочу быть исключением из общего правила и, будучи юристом, идти в священники; правда, современное общество наше настолько холодно относится к религии, что многим покажется странным, как это человек с высшим образованием окажется человеком и с высшим религиозным чувством. Но это оттого, что наше время такое мерзкое. Лет через 30 все это будет очень обыкновенно, а пока ужасно».

Письмо к матери полно страдания. Очевидно, если она его не прокляла, то во всяком случае низвергла на него все католические громы.

«Исполняю Вашу просьбу, дорогая мамаша, отсылаю Вам Ва-

---

¹ Архиепископ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни. Сергиев Посад, 1911. Т. 9. С. 365. — *Здесь и далее под цифрами примеч. авт.*

ши образочки и крестик; не говорите, что я его обманом взял. Божие благословение можно приобрести только покаянием и молитвой, а не обманом. Ради Христа прошу Вас, мама, не вините папашу ни в чем; он ни в чем не виноват, разве только в том, что имеет доброе христианское сердце... Быть может, когда-нибудь в будущем Вы пожелаете меня простить, простить мое единственное непослушание; тогда Вы найдете во мне того же преданного и искренно любящего сына Иосифа».

Вот, оказывается, как трудно было стать служителем Христовым в 80-х годах прошлого столетия.

Приняв посвящение в Вильно, отец был назначен на служение в Белосток, и здесь он сразу же столкнулся с другой стороной медали: духовенство, в среду которого он попал, приняло его как чужого.

Об этом он пишет в одном письме к К. Леонтьеву от 1890 года. С Леонтьевым он познакомился в 1887 году, а первый раз увидел в 1886 году в редакции «Русского дела» Шарапова, где он сотрудничал, и с тех пор был всегда с ним близок, хотя до конца жизни оставался больше «ранним славянофилом», чем «леонтьевцем». Вот что он пишет: «Здесь (в Белостоке) мы (с женой) подняли целую бурю, произвели целый переворот в здешнем обществе и вызвали яростные крики против нашего поста. Каковы здесь обычаи, можете судить по тому, что большинство священников в этом храме не знают, что такое пост, и даже Великим постом едят мясо. В оправдание такого порядка вещей указывают на недостаток и дороговизну рыбы и т. п. Вообразите, сколько нам здесь приходится выслушивать со всех сторон сожалений по поводу того, что мы разрушаем постом свое здоровье и т. д.»

Монастырский «оптинский дух», с которым он начал служение, был, конечно, чужим и непонятным. Дальше в этом же письме он пишет: «Бываю я почти во всех интеллигентных семьях, и между тем буквально не с кем душой отвести в разговоре. Все или “безмыслие”, или “недомыслие”, или узкая специальность, съевшая человека, или просто хамство».

Но, для того чтобы не ошибиться в понимании этого «оптинского духа» и того, как он сам его понимал, я приведу отрывок из некролога, написанного моим отцом на смерть оптинского старца отца Иосифа.

«Старец отец Иосиф, — пишет он, — не был известен “в миру”, как его духовный воспитатель отец Амвросий... Народ не толпился у его хибарки густою толпой в несколько сот человек, как это бывало при отце Амвросии... Но, кто хоть раз побывал в его келье, посмотрел в его дивные по особенному выражению глаза, услышал его тихий, тихий голос, видел его радостную

улыбку, не сходившую никогда с изможденного лица, тот уносил с собой то непередаваемое словами ощущение особенной благодарности, которое переживать можно было только в Оптиной... Достаточно было *посмотреть* на него, чтобы увидеть, как в зеркале, *свой* лик, искаженный буйным мирским нетерпением и гордостью, и устыдиться себя. Но что особенно покоряло в отце Иосифе — это его безграничная любовь, покрывавшая собою всякую человеческую немощь. Казалось, он никогда *не мог* не простить чего-либо или наказать провинившегося хотя бы отеческим наказанием. Страшно ослабевший, изможденный и постом, и болезнью, приковавшей его на много лет к постели, отец Иосиф встречал каждого входившего в его келью такую светлую, радостною улыбкой, как будто он только что был в раю и хочет нам, беспокойным и мятущимся, передать оттуда нечто непередаваемое».

Старец Иосиф умер в 1911 году. От 1907 года сохранилась такая запись священника Павла Левашова: «Я увидел необыкновенный свет вокруг его головы, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся».

Отец Амвросий как-то сказал об отце Иосифе: «Вот я поил вас вином с водой, а отец Иосиф будет поить вас чистым вином».

Все это вместе, включая, конечно, и пост, и подвиг, и есть тот «оптинский дух», который привез мой отец в Белосток.

Что в этот период (ему было 26 лет) он был готов и способен говорить не только о посте, но и о Тургеневе, свидетельствует это же самое письмо, при котором он послал Леонтьеву свои «стихотворения в прозе». В оправдание этой посылки он пишет: «Переход от великопостных мотивов к лирическим немножко странен и неловок. Но что же делать? Ведь под рясой у меня тоже бьется сердце, и сердце, кажется, довольно чувствительное. Соединение эстетики с религией, казавшееся для меня невозможным, осуществляется теперь в том, что я, священник, во вторую неделю Великопостя посылаю Вам свои «Лирические мотивы». Почему-то уж очень мне хочется их напечатать».

После дружеской критики Леонтьева «Лирические мотивы» печати не увидели. Да кроме того, окунувшись с головой в пастырскую работу отцу в дальнейшем было уже не до них. Кроме пастырской, шла большая работа в газетах и журналах. За 30 лет литературной деятельности он участвовал в 18 повременных изданиях и опубликовал около 250 статей и брошюр. Для них характерно полное отсутствие тем политических. Основное и единственное, что всегда держало в напряжении его внимание, — это религиозно-культурное развитие личности и общества.

Печататься он начал в 1886 году, то есть уже после знакомства

с И. Аксаковым. В 1887 году издал отдельной книжкой «Письма о современной молодежи» и послал ее с письмом к К. Леонтьеву в Оптину пустынь. С этого и началась их дружба. Первый раз в Оптину он попал в 1888 году и до 1891 года, то есть до смерти отца Амвросия, побывал там уже четыре раза.

В 1892 году отец был переведен в Москву, где еще больше погружился в литературную работу, хотя эта работа сама по себе никогда не была его целью. В письме от 1891 года к Леонтьеву он говорит: «Я не забываю, что публицистика для меня не цель, а только средство для проповеди, и если в этой области я найду неблагодарность или “благоглупость”, то это пустяки, потому что в других областях своей же деятельности я нахожу громадное нравственное удовлетворение и духовное наслаждение. Тем-то и велико и хорошо священство, что оно не замыкает дух в одну узкую область, а дает ему свободу воплощаться в самых разнообразных видах: богослужение, требоисправление, проповедь церковная, школьная деятельность, публицистика, духовное воспитание и т. д. и т. д.».

В краткой формуле можно было бы так охарактеризовать всю совокупность его пастырской, проповеднической, литературной и школьной деятельности: апология чистого христианства. Особенно интересно для тогдашнего времени, что и школьную работу он вел именно так: почти весь урок его ученики или ученицы читали Евангелие или он сам его читал, пояснял, дополнял параллельными местами. На вопросы по катехизису оставлялись последние минуты перед звонком. Ему, очевидно, хотелось «преодолеть» Я.М. Неверова и лишить дьяконов монополии чтения этой книги.

Когда началась революция 1905 года и большинство пастырей были в смятении, так как слишком долго в их сознании срашивалось тело Церкви с большим телом умирающего строя, он сразу нашел правильное слово христианина, отвечающее на вопрос «что делать?». *Вернуться к Христу* — вот смысл ответа, который отец вложил в одну из своих статей того времени. Он пишет: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или другой партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастырь Церкви, я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Все дышит ею. Она растет с каждым часом: у одних — к существующему порядку, у других — к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой... Чувствуется, что любовь иссякла... И в этом бесконечный ужас положения... К

нам, пастырям Церкви, обращаются наши прихожане с неотступной просьбой указать, где же выход, умоляют принять какие-либо меры умиротворения и спасения... У нас есть собственное оружие, которое всегда при нас и единственно только действенно к господствующему чувству. Это средство — общественная молитва к Господу Любви “о умножении в нас любви и искоренении ненависти и всякия злобы”...

Что же? Неужели мы не воспользуемся нашим оружием? Или в нас оскудела вера в силу молитвы? Или же мы привыкли молиться только по указу консистории и будем ждать его?»

Я не знаю, последовал ли «указ консистории» о молитве к Господу Любви, но даже в самом этом словосочетании есть уже точно какое-то кощунство. Очевидно, дело в этой области было очень плохо, и недаром еще «нотатки» старика Туберозова в «Соборьянах» были политы горькими слезами одиночества и ужаса перед церковной действительностью. Этими же слезами полны письма епископа Игнатия (Брянчанинова). «Все возрастающая бюрократизация Церкви, — пишет Л. Тихомиров в своих воспоминаниях об отце, — пугала и предвещала недоброе». Он в этих воспоминаниях, между прочим, приводит один интересный факт. На орловском миссионерском съезде 1901 года, в котором участвовал и мой отец, была произнесена (М. Стаховичем) речь с цитированием стихов Хомякова:

Оттого, что Церковь Божию
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножию
Власти суетной, земной.

У Хомякова это обращено к Англии, но в речи в Орле это было применено к царскому правительству России.

Сохранилось еще одно письмо отца — от 1898 года — к священнику Евгению Ландышеву, которое является, мне кажется, документом большого церковно-исторического значения. Оно вскрывает то положение, в котором находились истинные служители Слова в конце «викторианского века».

«Дорогой во Христе собрат отец Евгений. Получил Ваше письмо, читал, перечитывал со вниманием и с сердечным сочувствием к Вашей великой скорби. Но отвечать Вам берусь с нерешительностью. Чем могу помочь Вам? Что сказать?.. Несмотря на то, что добрых пастырей (и архипастырей из молодых) очень много... все-таки современное состояние нашего народа так плохо, что нужны невероятные усилия, невероятная работа со стороны той части духовенства, которая не изменила своему долгу и призванию, чтобы положить хоть некоторый предел народному

разложению... Недостойные пастыри всегда были. И при Златоустом, и раньше его на епископских кафедрах сидели сребролюбцы, развратники и т. д. И всегда это будет. И, несмотря на это, Церковь всегда была и будет чиста и непорочна и пастырское звание всегда будет величайшим званием на земле... Что и говорить, отче, дело наше очень плохо. В народе наш авторитет подрывается, общество не любит, власть не поддерживает. Архиереи выдают нашего брата гражданской власти с головой, страха ради иудейска. Это совершенно естественный результат того не-свободного состояния, в каком находится Русская Церковь со времени Петра Великого. Когда это все кончится, одному Богу известно».

«Что же делать?» — спрашивает он себя дальше. И ответ на это — во второй части письма, по-моему еще более ценной, чем первая часть, поскольку определение положения Церкви было уже достаточно сделано Достоевским, Соловьевым, славянофилами и Лесковым. Отец пишет, соединяя иногда свои слова со словами своего архипастыря Алексия Литовского: «По моему глубокому убеждению, надо закрыть глаза на все происходящее вне нас и чего изменить мы не можем, углубиться в себя и всецело отдаться своему непосредственному делу. Необходимо прежде всего бодрствовать над самим собой, умерщвлять свои страсти и помыслы греховные, дабы не явиться кому-либо соблазном, и в то же время неленостно исполнять свои обязанности: учить, служить, наставлять. Затем, исполняя свой долг, надо непрестанно помнить, что священство есть величайший крест, возлагаемый на наши рамена Божественной Любовью, — крест, тяжесть которого чувствуется сильнее теми иереями, кои по духу таковы, а не по одному названию... Каждый час, каждую минуту приходится им идти согнувшись, приходится терпеть жестокость и непослушание своих духовных чад, насмешки и дерзость отщепенцев Церкви, равнодушие представителей власти, приходится страдать молча, всех прощая и покрывая чужие немощи своей любовью. Таков закон, такова чаша наша. И “насколько вымирает в ежечасных страданиях естественная жизнь проповедника или пастыря, настолько лишь и только таким путем насаждается жизнь духовная в слушателях, в пастве”¹... Больно Вам, обидно, что правды нигде не видите, что все окружающее погрязло в формализме, угасивши свои светочи, — Вы не гасите свой огонь, сильнее его разожгите, бережней храните...

Раскольники песни поют около Вас, когда Вы служите, Вам больно, обидно. — не зовите следователя и земского начальни-

¹ Слова в кавычках — архиепископа Алексия Литовского.

ка... прощайте и молитесь о заблудших, заставьте плакать с собою тех, кто с Вами молится, и только этим путем, только великим страданием сердца, соединенным с великой любовью, Вы растопите ту ледяную кору около себя, которую напрасно стараетесь пробить ударами кулака... Таков закон. Этот закон освятил Своими страданиями Сам Искупитель».

Когда читаешь это письмо, с великим волнением вспоминаешь «Соборян» и думаешь: «Неужели после факта такого письма одного благонамереннейшего священника к другому такому же кто-нибудь усомнится в обоснованности скорби отца Савелия? И неужели действительно церковное руководство 60-х годов прошлого века приняло этот роман Лескова только как литературную блажь?»

Окончание письма такое: «Но Вы знаете, конечно, что священство есть не только великий крест, но и великое счастье, величайший дар Божий на земле. Оно есть источник неизъяснимых духовных радостей, которые мирянам недоступны, и вот в этой радости иерей Божий почерпает ту силу, которая так необходима ему, чтобы не упасть под тяжестью креста. В молитвенном подвиге духа, в благодатной близости к престолу Божию почерпает он средство против уныния и обновляется духом для продолжения трудов. Нет на земле никакого другого, более высокого духовного наслаждения и радости, как предстоять престолу Господню и совершать таинство Евхаристии... Да не лишит же Господь Бог всемилостивый нас с Вами, честный отче, этого высшего наслаждения духовного до последней минуты нашей жизни! Будем молиться, терпеть, страдать и любить, а дальше — да будет воля Божия».

Письмо помечено 14 мая 1898 года, то есть оно писано через девять лет после посвящения.

Вот еще один документ того времени — письмо отца к священнику М. Хитрову о школьной работе.

«Настала пора отрешиться от мысли о непогрешимости программы церковноприходской школы. Мальчик, окончивший церковноприходскую школу, из всех дивных притчей Спасителя, в которых так осязательно выражено все учение христианское, обязан знать только три! Мальчик, вышедший из школы до окончания ее, ничего не знает о Лице Иисуса Христа и учении Его, так как *запрещается* говорить об этом, пока не прошли Ветхого Завета. А между тем *таких* детей большинство, так как в селах не кончают курса до 60% учащихся! С чем же они выходят из школы? Ну не грустно ли все это?»

Если «без указания консистории» пастырям было невдомек молиться о любви, то, конечно, логично и то, что «запрещалось»

говорить о христианстве, «пока не прошли Ветхого Завета». Само правительство и руководство Русской Церковью способствовали росту неверия.

В 1892 году отца перевели из Белостока священником «Мертвого дома» — московской Бутырской тюрьмы, и он со всей горячностью своей натуры погрузился в громадную работу проповеди христианства среди заключенных. Это была целая эпоха жизни, продолжавшаяся 15 лет и надорвавшая его силы. Для начала ее характерно письмо к С.А. Рачинскому от 15 января 1893 года.

«Причина моего молчания очень проста. Я просто-напросто, попав в Москву, завертелся в круговороте дел и забот... Тюремное дело — это такое сложное дело, что тут не только один священник, но и десять могли бы быть полезны. Это целый мир особых людей, более всего ищущих духовной помощи... Просто теряешься от той громадной области духовных нужд, какую представляет из себя тюрьма. Ведь здесь постоянно средним числом 2500 человек заключенных! Это целый городок людей духовно больных, людей, наиболее восприимчивых к духовному свету. И вот приходится теряться в громаде дел и впечатлений. Пойдешь по камерам, зайдешь в одну, другую — полдня прошло; как вспомнишь, что еще 45 камер, так и руки опускаются. А тут еще литературное дело, какое ни на есть, а все время отнимает часа три в день.

К тому же характер у меня самый противный: за все берусь, не рассчитывая сил и возможностей, всюду разбрасываюсь, затыгиваюсь, поэтому никогда не вижу осязательных результатов своей большой, но бестолковой деятельности; от этого часто впадаю в уныние».

От этого же 1893 года, то есть от первого года служения отца в тюремной церкви, сохранился еще один документ — письмо каторжника Никифорова к его знакомому в Гомель.

«К нам в камеры каторжных стал очень часто ходить наш престелнейший батюшка отец Иосиф, г-н Фудель, и при всяком посещении давал нам читать различные книги духовно-нравственного содержания... Он по приходе во всякую камеру положительно подвергался, так сказать, нападению со всех сторон наших каторжных арестантов, и каждый желал получить хоть какую-нибудь книгу для чтения... Не лишним считаю заметить, что появление в наших камерах священника был случай не просто обыкновенный, а выходящий из ряда обыкновенных... Это подтверждают и бродяги, проходящие через Москву в продолжение последних 10 лет раза по два, по три, которых я нарочно спрашивал, видели ли они когда-нибудь в камерах священника? Они всегда

отвечали: “Нет, не видели никогда, это первый батюшка, который обратил на нас несчастных внимание”».

Дальше в письме говорится об организации моим отцом через этого же Никифорова внутрикамерной школы грамотности. И в сохранившемся отчете отца за 1893 год есть такое место: «Один из заключенных (ссылно-каторжный Козьма Никифоров) стал обучать грамоте своих товарищей посредством звуковой системы. Успехи были настолько неожиданно велики, что через три месяца 40 человек могли совершенно свободно читать и очень сносно писать, так что письма домой писали уже сами».

Уже этого факта достаточно, чтобы понять причину любви к отцу со стороны заключенных.

При жизни отца все правые ящики его стола были заполнены «арестантскими» письмами, живыми знаками благодарности. Писали из тюрьмы, и с пересылочных этапов, и с поселения в Сибири, и с Сахалина. Один заключенный, шедший по этапу на каторгу, кажется, в течение полутора лет, причем последние 1500 верст он шел в кандалах пешком, прислал ему после прибытия целую рукопись своего, если можно так сказать, дорожного дневника, своеобразные «Записки из Мертвого дома», которые могли бы служить хорошим материалом для изучения тюремного быта того времени. Большинство писем были наполнены благодарностью за материальную помощь.

«Получаю от Вас 2 письма и 2 рубля, которые для меня были все равно как бы Господом Богом сброшены с неба, потому что Маня была положительно без юбки и за эти деньги справила себе юбку». «Маня» — жена, которая шла по этапу с мужем и с дочкой. В конце письма приписка: «Добрейший отец Иосиф, если возможно, то пришлите по возможности для поддержания наших сил».

Вот другое письмо, с Сахалина:

«Уведомляем Батюшко мы получили вашего письма, которые Вы послали из 3 рублями».

«Просьба моя состоит в том, чтобы поддержать мои падающие силы в настоящее время при большом недостатке жизни — это пишу из бутырской камеры».

Вот из Иркутского централа: «...остаюсь молящий Богу за ваше здоровье за тот гостинец который вы дали нам в Москве (5 р.) и многи от большой нужды избавили».

Из того же централа: «Во-первых, чувствительно благодарю Вас за присланный мне гостинец к празднику Рождества Христова».

Может быть, еще большим делом, которое отец делал для заключенных, было соединение мужей с женами. Ряд писем полны

их криками о помощи или благодарностью за помощь в этом. Вот одно из таких писем: «Я к вам с глубокой скорбью, у меня очень большое горе, в котором я прошу вашей помощи. На днях этой недели отправили мужа моего в партию, пошел в Сибирь, я с маленьким ребенком осталась здесь (в тюрьме). Зачем он меня покинул, не знаю, мы так любили друг друга. Я скорей ожидала смерть, чем этой разлуки. Не знаю, кого винить. Виноват всему начальник, такой строгий режим лишил нас всего... Покорно прошу вас, батюшка, попросите начальника за меня, напишите от себя в Главное тюремное правление, чтоб меня выслали вслед за мужем».

А вот письмо от другого лица: «Здравствуйте, пресветлейший батюшка... Очень благодарю вам, што меня соединил с женой, за ето мы молимся Богу за вашего здоровья». Подпись: «Константин Антонов, Сахалин». От этого Антонова сохранилось и первое письмо: «Всепокорнейше прошу вас дать мне страдающему защите, чтобы представить разом в мою отправку вышеупомянутую законную мою жену и умоляя горькими слезами повторяю покорнейше прося не оставить моей просьбы».

Просьба, очевидно, «не оставлялась», писались заявления и письма, велись переговоры, шла большая работа по пробиванию стены бюрократизма или бездушия.

Вот письмо из самарской тюрьмы: «Как дела идут о моих малютках?.. Умоляю Вас ради Господа, не поставьте себе в труд уведомить меня о деле касательно моих детей, есть ли какая надежда?.. Кроме Бога и Вас, нет к кому обратиться».

Всем этим горем, слезами человеческими и человеческой радостью полны письма, чередуясь с призывами о помощи духовной.

«Я, многогрешный преступник Петр, — читаем в одном письме из бутырской камеры, — прибежал к помощи властителей наших, начальству, но оно не желает не только излечить мою душу, но не хочет даже и вести об этом речь. Со слезами и большой душой прошу батюшка вашего духовного лекарства... Батюшка! помоги мне дай мне место где б я мог излить свои горькие слезы...»

А вот просьба о Псалтири: «Покорнейше прошу вас батюшка пожертвуйте мне Псалтирь вашу память. Мне так хочется читать псалтирь, все бы я читал, и даже во сне снится что я псалтирь читаю». Это письмо тоже из Бутырской тюрьмы. А на некоторых конвертах арестантских писем из Сибири имеются пометки рукой отца: «Купить книг на (столько-то) рублей и отослать».

Его любили не только каторжане. Дом, где мы жили, стоял против Пугачевской башни. Помню, я, семилетний, играю где-то около нее, а какой-то служащий тюрьмы идет мимо и привет-

ливо мне говорит: «А ты знаешь, что твой отец теперь стал протоиереем?» Я не понимаю, что такое «протоиерей», но чувствую, что этот человек радуется за моего папу. Когда он умирал в 1918 году, отходную читал очень ему преданный второй священник тюремной церкви отец Димитрий.

Но любимый каторжанами батюшка, наверное, уже давно вызывал недовольство начальства. Пятнадцать лет такой широкой христианской деятельности, не дожидавшейся «консисторских указов», закончились в 1907 году. Поводом к этому, очевидно, послужил отказ отца ввести политику в свою христианскую проповедь.

Сохранились копии отношений московского губернского тюремного инспектора и ответов на них отца. Первым отношением предлагалось организовать в коридорах тюрьмы беседы на духовно-нравственные темы с *обязательным* посещением их арестантами. Отец отвечал так: «Духовно-нравственные чтения и беседы велись всегда в тюремной церкви и школе. Вызывались для этого из числа арестантов только *желающие*, так как я не нахожу возможным принуждать (зачеркнуто более резкое «насиловать совесть») кого-либо участвовать в духовно-нравственной беседе, ибо принуждение в этом случае не уменьшает, а укрепляет противорелигиозное настроение, в ком оно есть. В настоящее время такое настроение — преобладающее среди каторжан, ибо из них более половины осуждены за политические преступления. Беседа на религиозные темы с такими людьми тотчас же переходит на почву социально-политическую и возбуждает страсти, а не умиротворяет».

В своем ответе на это тюремный инспектор указал, что «в последнем случае вина всецело лежит на священнике, не умеющем руководить беседами и умиротворять страсти... Обязанности тюремного священника не исчерпываются церковными службами и проповедями на узкой почве укрепления в заключенных начал православия... Вся нравственная жизнь заключенного... все помыслы и влечения сердца должны быть под моральным контролем тюремного пастыря».

В заключение этого отношения говорится: «Конечно, здесь важны почин, энергия... а не казенное исправление должности священника, обязанного служить определенные дни за определенное вознаграждение при готовой квартире».

Эта переписка велась с февраля по апрель 1907 года, а в конце сентября этого же года «пресветлейший батюшка», как его называли каторжане, не считавший, что проповедь христианства есть «узкая почва», не пожелавший быть «моральным контролером» арестантских помышлений, не умевший «насиловать их совесть»

да притом еще служивший «за определенное вознаграждение и при готовой квартире», — переехал в маленький и бедный приход на Арбат.

III

Когда мы здесь в 1907 году поселились, Арбат был еще совсем тихий. Даже трамвая на нем еще не было и асфальта на мостовой, между булыжниками кое-где пробивалась летом травка, а фонари были газовые, низкие, которые по вечерам зажигали специальные рабочие-зажигальщики, перебежавшие быстро с длинными легкими лесенками от одного фонаря к другому. Улицы Москвы тогда вообще были тихими дорогами большой деревни. В воздухе был покой. На углу Никольского переулка (теперь Плотникова) был большой склад дров, а за ним, по переулку, стояли два деревянных дома, в которых жил причт Николо-Плотниковской церкви. В них первые годы нашей здесь жизни не было еще и электричества, а воду привозили ежедневно на лошади в громадной бочке. Не было тогда еще и кино, и автомобилей, а на углу почти каждого переулка стояли извозчики разных категорий: от совсем простеньких «ванек» до шикарных лихачей на дутых резиновых шинах. На одном из первых появившихся в Москве автомобилях я катался вместе с детьми одного служащего военно-окружного суда, помещавшегося там же, где он и сейчас, на углу Кривоарбатского переулка. Это было, наверное, уже в 1910–1911 годах. На самом Арбате, не считая Арбатской площади и прилегающих переулков, стояли три церкви. У Николы Явленного, посередине Арбата, был такой красивый, низкий по звуку большой колокол, что, когда этот звук плыл к небесам, прохожие невольно замедляли свои шаги, точно желая идти в такт с этим движением к вечности.

К арбатскому и последнему периоду жизни отца относится его дружба с отцом Павлом Флоренским.

У нас была семейная традиция: мы, дети, на Рождество дарили папе подарки. День его рождения был как раз 25 декабря, а 26-го — именины. Я помню себя еще пятилетнего, но уже взятого сестрами в писчебумажный магазин и выбирающего там на собственный двугривенный какую-то замысловатую ручку. В 1914-м, кажется, году подарком от дочерей была только что вышедшая тогда книга «Столп и утверждение истины».

Об этой книге трудно спорить. Я помню, один архимандрит в «Миссионерском журнале» назвал ее печатно «букетом ересей». Один духовный старец на мой боязливый вопрос, как он отно-

сится к Флоренскому, ответил: «Как же отношусь — конечно, хорошо. Он был только еще юный, еще что-то недоговорил». Нас тогда эта книга подвела к живому касанию церковных стен.

Многих людей прежде всего шокировала ее форма. Я помню одного генерала, который все возмущался, что это «какие-то письма». Нас убеждала прежде всего ее форма, то, что это именно «письма к другу», писанные совсем новыми или, наоборот, очень древними словами ума, живущего в сердце. Где-то в ней было сказано: «Иногда в зияющих трещинах рассудка видна бывает лазурь вечности».

Хотя вся она была, собственно, построена на этих трещинах, хотя в ней был великий груз доказательств лазури, однако вся ее притягательность заключалась в том, что груз совершенно не ощущался, что основное ощущение, которое она давала, было то, что «уже все доказано». Входя в нее, мы сразу понимали, что вышли из леса цитат (хотя они были тут же в целом томе примечаний), из шумного зала религиозно-философских собраний, столь распространенных в те времена, и даже из мансарды Достоевского, где его юноши проводят ночи в спорах о Боге. Здесь уже никаких споров быть не могло, здесь мы читали запись об осуществленной уже жизни в Боге, доказанной великой тишиной навсегда обрадованного ума. Ум наконец нашел свою потерянную родину, то теплейшее место, где должно быть его стояние перед Богом. Мысль оказалась живущей в какой-то клетке сердца, где в углу, перед иконой Спаса, горит лампада Утешителя. Вспомнилось, что некоторые теплейшие письма апостолов были тоже письмами к другу. В этой клетке сердца не было ничего «от мира», но здесь мысль, восходя на крест подвига воцерковления, охватывала все благое, что было в мире, как *свое*, как принадлежащее Премудрости Божией, Богу — Творцу и твари, и мысли. Стало понятно, что борьба за крест есть борьба не только за личное спасение, то есть тем самым спасение своего разума, но и борьба за любимую землю человечества, спасаемую и освящаемую благодатью. Конечно, все это было древнее: озарение святых средних веков. Но громадность и несравнимость попытки Флоренского изложить это на современном религиозно-философском диалекте была совершенно очевидна. После него легко и радостно читались послания апостолов, рассказы Патериков о святых, пронизанных светом Утешителя, описания древних икон и храмов, тайноводственные слова отцов Церкви о преображенной твари, но никак не диссертации на тему «К вопросу о развитии тринитарных споров» или мертвые «Курсы догматического богословия».

Всю свою глубину и сложность Флоренский нес в тишине совершенной цельности. И это было в нем, пожалуй, самое удивитель-

тельное. Тут было дело не только в цельности энциклопедического ума, хотя диапазон этой энциклопедичности был исключительным. Помимо его поразившей всех книги, я помню его работы или авторитетные замечания, какие-то властные вторжения — по филологии, по китайской перспективе, по философии культа, по электричеству, по символизму, по философии истории женских мод, по русской поэзии, по новым способам запайки консервных банок, по древнегреческой философии, по генеалогии дворянских родов. Его знания высшей математики были для всех очевидны, но последний раз, когда я его видел, я застал его за изучением вопроса о способах затаривания лука в Америке. Но все-таки дело не только в этом. Флоренский был какой-то исторически непостижимый человек во всем своем жизненном облике. «Вы ноумен, — помню, как-то сказал ему Розанов. И при этом добавил: — Но у вас есть один недостаток — Вы слишком обаятельны: русский поп не может быть обаятельным».

Его ряса казалась не рясой, а какой-то древневосточной одеждой. Его голос в личной беседе звучал из давно забытых веков религиозной достоверности и силы. То, что он писал, и то, как он писал, давало не такие слова, по которым мысль прокатится, как по арбузным семечкам, и забудет, а какие-то озаренные предметы. Пусть кое-что из того, что он написал, было недозрело. Главная его заслуга заключалась в том, что, овладев всем вооружением современной ему научной и религиозно-философской мысли, он вдруг как-то так повернул всю эту великую махину, что оказалось — она стоит покорно и радостно перед давно открытой дверью богопознания. Этот «поворот» есть воцерковление мысли, возвращение запуганной, сбитой с толку и обедневшей в пустынях семинарии религиозной мысли к сокровищам благодатного Знания. Это не «научное доказательство бытия Божия» и не рационалистическая попытка «примирить религию с наукой», а какое-то отведение всей науки на ее высочайшее место — под звездное небо религиозного познания. «Доказать» научно, в смысле рационалистическом, бытие Божие нельзя, и «примирять» тоже ничего не надо. Надо как раз обратное: надо, чтобы наука «доказала» самое себя, надо заставить науку сделать еще один, и дерзновенный, шаг вперед и дать ей самой увидеть открывшиеся для нее вечные горизонты.

Казалось, что еще немного — и ботаника, и математика, и физика заговорят человеку ангельскими языками, словами, свойственными именно этим точным наукам, но проросшими в Вечность и омытыми там от Нетленного Источника.

Я не знаю, так ли это будет, то есть пойдет ли религиозная мысль когда-нибудь по его пути, или эта новая наука будет толь-

ко в Царстве Божиим, но свое дело он сделал. Если он нам ее еще не открыл, то он открыл нам глаза и уши на древнюю и вечную Церковь, источник величайшей радости человеческого ума. Мы, я помню, когда читали его книгу, говорили себе: «Начинается Весна. Церковь и есть Вечная весна. Теперь на всю жизнь все ясно». Пусть мы часто не понимали его божественные логарифмы, хоть и догадывались, о чем он хочет сказать, — к нам шло основное: раскрытие небесной лазури человеческого ума под темными и такими любимыми сводами родной Церкви. И нам тогда делалось вполне очевидным, что, конечно, именно Церковь, открывающая эту лазурь, и есть «столп и утверждение истины».

Встречи отца с Флоренским были редки, но я хорошо помню какую-то особенно радостную улыбку отца, когда он говорил о нем или когда при нем произносилось его имя.

Помню, я иду с отцом по Никольскому переулку и говорю ему, что, как я сам слышал, Флоренский так объясняет слова панихиды «надгробное рыдание творяще песнь»: надгробное рыдание мы претворяем в песнь торжествующей победы.

Что я — семнадцатилетний — этого не знал, это немудрено, но я помню, как радостно просветлело лицо отца: «Да, да, как это он правильно сказал». Этот разговор был, кажется, уже осенью 1918 года, месяца за два до смерти отца. Флоренский один из первых священников пришел на панихиду, и я помню его, читающего «Боже духов и всякия плоти».

Первый раз я увидел Флоренского еще до выхода его книги. Отец, бравший меня с собой в Оптину к монахам, повез меня к нему в Лавру. Смутно помню разговор о какой-то евгенике или о чем-то еще, мне совершенно непонятном. Я оживился, кажется, только за ужином, за которым, помню, было виноградное вино в стаканчиках, и в том, как оно подавалось (я сравнивал с другими домами), чувствовался какой-то ежедневный строгий обиход, что-то тоже не от нашей истории.

Керосиновая лампа освещала стол. После ужина отец Павел пошел провожать отца в лаврскую гостиницу. Была зима, но ночь была не морозная. Мы шли по пустой улице, мимо маленьких домиков на темные контуры Лавры. Кругом были снега и тишина той, далекой теперь России. У моста, я помню, до меня дошли отрывки их разговора: сначала говорили о темных силах, которые рвутся в Россию (может быть, это было в связи с Распутиным). Потом заговорили о символике цветов на древних иконах Богоматери.

В 1918 или 1919 году, когда в Лавре сняли ризу и реставрировали рублевскую «Троицу» и тихие краски божественного творения засияли огнями Невечернего Света, — я вспомнил этот раз-

говор о красках икон как ночное предобручение, как напутствие радости на всю свою жизнь.

«В непогоде тих» — была подпись под одной из виньеток-эпиграфов книги Флоренского. Таким и остался он в моей памяти, и в этом именно его облик как-то слился для меня с обликом отца.

Я вспоминаю, как отец говорит, с какой-то насмешливой улыбкой: «Отец Павел велел мне прислать ему мои “omnia oreга”^{*}». Улыбка мне понятна: отец скромно думал о своих действительно скромных литературных трудах. «Уж какие, мол, там omnia oreга, да еще для Флоренского».

В 1887 году отец издал «Письма о современной молодежи», в 1893 году — «Наше дело в Северо-Западном крае», в 1894 году — «Основы церковноприходской жизни», в 1897 году — «Народное образование и школа», в 1900 году — «О значении церковной дисциплины». Это почти все, что вышло отдельным изданием: пять-шесть небольших брошюр. Правда, кроме этого, была очень большая журнальная работа, но все-таки все это было только «публицистика», только «попутная проповедь», а не капитальная работа мышления.

Тут мне вспоминается В. Розанов. Отец не любил его как писателя. Помню, как-то он сказал мне, увидя у меня в руках «Опавшие листья»: «Не стоит читать — это только и есть что опавшие листья». Так вот, когда Розанов летом 1917 года приезжал в Москву и был у нас, он за чайным столом сказал со свойственной ему непосредственностью: «А вы, отец Иосиф, литературный пустоцвет». Отец мне рассказал это и с добродушной улыбкой добавил: «Он, конечно, совершенно прав». Отец понимал, что его дело было в другом: в живом общении с людьми для христианского на них воздействия и человеческой им помощи. Лишившись поля этой деятельности в тюрьме, он горячо взялся на новом месте за приходскую работу. В первую очередь привлекла его внимание вся беднота, живущая в приходе. Если в тюрьме людей во всяком случае кормили и давали койку, то здесь часто не было и этого и кто-нибудь мог мечтать о тюрьме, как Сопи в известном рассказе О'Генри.

Через полгода после своего переезда в приход, то есть в мае 1908 года, отец начал, как он сам писал, «с сомнением и боязнью совершенно новое дело для приходской жизни в России» — издание своими силами и средствами «Приходского вестника», печатного органа общения пастыря с приходом. Листки этого вестника за 1908—1914 годы могут быть не без пользы и для современного священника.

^{*} Все труды (лат.).

В № 1 от 20 мая 1908 года он пишет об усилении работы приходского попечительства о бедных: «Много, очень много дела в приходе всем, кто не умом только, а сердцем откликается на вопиющую нужду. Я говорю о детях тех тружеников, которые перебиваются изо дня в день, не имея часто определенного заработка, которые ютятся в крошечных квартирках, иногда в углах, не имея подчас самого необходимого для своего пропитания».

В № 3 от 4 ноября 1908 года вместо поучения — прямой крик: «Зима приближается быстрыми шагами. Вспомните бедняков! Одеться надо, без башмаков нельзя выйти на улицу. Стужа много страданий приносит с собой. Нетопленые углы, замерзающая в комнатах вода, прикрытые всяким тряпьем дети. А помочь им уж не так трудно. В каждой сравнительно обеспеченной семье всегда бывают остатки одежды и обуви. Куда они деваются? Много из этого бросается зря. Пришлите ко мне на квартиру то, что желаете пожертвовать бедным. Особенно нужны валенки, большие и маленькие».

Так началось его попечительство об арбатских нищих.

В четвертом номере того же, 1908 года уже было помещено следующее объявление: «На мое приглашение в № 3 пожертвовать ненужную одежду откликнулись очень многие. До сего времени пожертвовано 84 вещи. Много роздано бедным, многое еще осталось. Наше приходское попечительство постановило открыть приходский склад одежды для бедных». Просто и понятно. «Особенно нужны валенки». Как действительно идти зимой бедному человеку в Царство Божие без валенок?

За 1909 год на склад поступило уже 134 предмета одежды и обуви.

На рождественской елке того года собралось 72 человека детей бедняков.

Но вопль о валенках не прекращается. «Одна старушка с больными ногами очень нуждается в валенках. Нужны также валенки для мальчишка девяти лет. В нашем складе таковых нет».

А о трудной представимости для нас тех времен рассказывает такое обращение «Вестника»: «Прошу убедительно каждую хозяйку разрешить своей прислуге заблаговременно поговеть. Невыразимо тяжело выслушивать на исповеди от рабочего люда признания, что не говел года два и больше, потому что невозможно было — “хозяева не пускали”».

В этом же номере «биржа труда»: «Меня очень просят пристроить на место мальчишка четырнадцати лет. Отец его обременен громадной семьей — восемь человек детей».

В 1911–1912 годах был страшный голод в Поволжье, и «Приходский вестник» отражает работу отца по помощи голодающим

людям. Сборы средств были начаты в декабре 1911 года, а уже 5 февраля 1912 года отца уведомили, что на собранные им деньги была в Поволжье открыта столовая для питания 36 школьников одного голодающего района. Как сообщалось с места, «Самарским епархиальным комитетом постановлено именовать столовую «имени протоиерея И. Фуделя»». Столовая просуществовала 178 дней.

Таким образом, живое дело отец нашел и на Арbate, но все-таки сердце свое, всю основную силу своей горячей воли он оставил в тюрьме. На арбатский приход он пришел уже надорванным от борьбы с косностью, от все усиливающегося чувства духовного одиночества и безнадежности. Это можно заметить даже и по этому «Приходскому вестнику». Он начался бурно в мае 1908 года, дав до конца того года пять номеров. За весь 1909 год было уже четыре номера. В 1912 году вышел только один номер, а в 1913-м — ни одного. Страшное время действовало неумолимо. В первом номере отец писал: «Люди, живущие жизнью церковной, скорбят о том, что наши приходы и обезличены, и не проявляют даже признаков жизни». Признаки духовной жизни уже давно замирали везде.

На днях один старый священник сказал мне: «Мы, выходившие из прежних семинарий, были в большинстве атеистически настроены». Я думаю, что в этом определении есть некоторое преувеличение: не «атеистически настроенные», а равнодушные люди выходили оттуда. Но, конечно, от этого не легче, если иметь в виду, что именно эти равнодушные люди должны были блюсти угасающий огонь христианства в России и учить этому огненному учению народ.

Как пишет в своих воспоминаниях об отце Лев Тихомиров, «в конце концов от всех надежд остался только чад потухших плашек да убеждение, что правительство ничего доброго не умеет ни понять, ни совершить».

Если в 1891 году отец еще мог писать Леонтьеву: «Я верю в чисто религиозное призвание России и желаю только одного его», то теперь пошатнулась окончательно вера и в это «только». «Святая Русь» умирала изнутри, идея сохранения христианства в массах терпела страшное крушение. И вот, началось у него в этот последний период его жизни точно какое-то душевное иссыхание, как у растения, лишённого подземных родников.

Я бы не смел об этом говорить, если бы не было одного его посмертного письма. Период перед Первой мировой войной был наиболее душным и страшным периодом русского общества. Это было время еще живой «Анатэмы», еще продолжающихся «огарков» и массовых самоубийств молодежи, время разлива сексу-

альной литературы, когда Сологубы, Вербицкие, Арцыбашевы буквально калечили людей, время, когда жандармские офицеры читали о «розовых кобылках», а гимназисты мечтали стать «ворами-джентльменами», время, когда на престол ложилась тень Распутина, сменяющего архиереев и министров.

Главная опасность этого времени заключалась в том, что даже лучших людей оно точно опяляло своим иссушающим ветром. Страшное состояние духовного засыпания хоть на время касалось и их и заставляло забывать о «невидимой брани».

Отец все меньше ведет литературную работу. Правда, много времени отдает изданию собрания сочинений Леонтьева, но это больше долг благодарного ученика, чем творческое дело сердца. Сердце он отдает теперь, как я уже рассказал, приходским бедным. Помогает им сам, собирает пожертвования, говорит об этом проповеди. Даже в передней нашей, я помню, висела медная кружка с надписью «Приходским бедным». Авось кто-нибудь из богатых гостей, уходя после долгого и томительного преферанса, опустит часть своего выигрыша. Да! и преферанс появился в его доме. Ведь кончилась эта переписка со всей Сибирью, со всеми централами и этапами. Никто уже не пишет ему из камеры: «Батюшка! помоги мне, дай мне место, где б я мог излить свои горькие слезы». Нет жен, которых надо соединять с мужьями или совать им пятерки при отправке на этап. Бедные есть и здесь, но их сравнительно мало. Весь приход всего 30 домов, населенных главным образом купцами и интеллигенцией. И вот началось механическое заполнение образовавшейся пустоты. Отец начал строить (на банковские деньги) большой доходный дом для церкви. Стройка поглощала все время: сметы, чертежи, контроль — все дела строительные легли на его плечи. Он лазил на леса вместе с архитектором, ездил в банк, писал отчеты. Деятельность новая и небывалая для него была ключом, а душа сохла в строительной пыли. Стройка закончилась в 1913 году, а в 1915-м на даче в Сходне он написал свои письма с пометкой: «Открыть после моей смерти».

Вот об одном из этих писем я и хочу говорить... Это было, собственно, не письмо, а какая-то исповедь, в которой он говорил только об одном: как постепенно высыхала у него за последние годы душа и какие страдания он вынес от этой болезни. Он говорил о долгих годах своей жизни, в которой все видели его таким невозмутимым, добродушным, ласковым и не сухим. Больше того: прямыми и честными словами — его путь был всегда прямой и честный — он говорил о том, что тот молитвенный восторг, та духовная радость, которая так часто посещала его в первые годы служения в церкви, только тогда изредка и в малой степени к не-

му потом возвращалась, когда он как бы силой воспоминания вызывал к себе ее, эту радость «первой любви». «Душа у меня постепенно высыхала, умирала духовная жизнь, веяние Святого Духа переставало веять в сердце», — вот смысл того, о чем он говорил в этой исповеди, которую мы со слезами страха и любви читали после его смерти.

В конце ее он писал, что с началом войны 1914 года его духовное состояние улучшилось, что душа его опять как-то просветле-ла. Предгрозовая атмосфера России кончилась, и началась гроза.

Теперь, вспомнив слова из его письма к отцу Евгению Ландышеву от 1898 года: «Да не лишит же Господь Бог всемилостивый нас с Вами, честный отче, этого высшего наслаждения духовного до последней минуты нашей жизни», — нам будет яснее видна вся линия его жизни: его вера, его жажда правды и истинного богообщения, болезнь оскудения и его предсмертное выздоровление.

Наиболее светлым он мне вспоминается именно в последние годы — после 1914-го. В это время он освободился почти от всех литературных работ. Им были написаны тогда, кажется, только «Воспоминания о Леонтьеве», «Леонтьев и В. Соловьев» и работа о приходе. Воспоминания он читал мне и маме, и помню, как он весело смеялся, когда я напомнил ему после чтения фразу какого-то приятеля Леонтьева, когда Леонтьев читал ему свои воспоминания о Тургеневе: «Это воспоминания о самом себе и отчасти о Тургеневе».

Он все больше уходил в молитву. В чем тайна благого влияния священника на людей? Очевидно, в том, о чем кому-то сказал преподобный Серафим: «Стяжи мир в душе, и тысячи вокруг тебя спасутся». В отце был ясный луч этого теплого мира, даже и в эпоху «высыхания», и он все ярче светил в последние годы, когда появились кипарисовые четки и началось чтение Псалтири.

В одной статье еще до 1914 года он писал: «Русская религиозная личность корни свои имеет в монашестве». В последние его годы подземные родники опять омыли эти корни, и он начал готовиться к смерти.

К последнему периоду его жизни относится укрепление его дружбы с Флоренским. Во многом это были совершенно различные люди. Отец многим был обязан Леонтьеву, любил его, как человека большого ума и сердца, был близок к его идеям исторического пессимизма, но он никогда не был «леонтьевцем». Знаменитый византизм Леонтьева, его теория «замораживания форм» для удержания неумолимо исчезающей из них жизни есть «дорога в никуда», и она была по природе чужда моему отцу. Ему было ясно, что спастись от умирания истории сохранением ее внешних живописных форм, этим «формализмом от отчаяния»,

конечно, невозможно. Леонтьев силен только в своей негативности, и никакого здания на нем не построишь. В отце же, при всей его, казалось бы, ограниченности по сравнению с блестящим Леонтьевым, был тот духовный онтологизм, та изнутри созидающая сила, которая и в истории, и в личной жизни нужнее всего. Он не был ни «обличителем», ни «пророком», он был только строителем — себя, других, Дома Божия. И вот мне кажется, что именно этот дар созидания и притягивал к нему Флоренского и роднил их. Отец Павел не любил то, что он называл «религиозной публицистикой» (Бердяев и некоторые другие писатели), за ее чисто журнальную легкость трактовки и построения трудных и антиномичных религиозных тем. В нем была глубина какого-то молчания, скорее в молчании была его сила. Когда в 1914 году вышла его большая книга, она, конечно, помогла отцу освободиться от гнета разочарования в судьбе русского народа. Стены Успенского собора в лавре имеют больше метра толщины. Внутри круга мышления Флоренского люди ощутили себя в такой же безопасности, как за такими стенами. Он, как первохристианский пастырь Ерм, призывал к построению «башни Церкви» — «столпа и утверждения истины». За его учеными словами всегда ощущалась простая и понятная сила, созидающая жизнь, — сила, ведущая в жизнь вечную. Эта сила, конечно, влекла к себе моего отца и многому учила, чему не мог его научить византизм Леонтьева, бесплодный по своей природе. Строительство Дома Божия никогда не прекратится, и в этом деле нет места ни отчаянию, ни тоске.

Леонтьев ведет к апокалиптике страха и неприязни. Но есть еще апокалиптика радости и любви, и только она есть апокалиптика истинно христианская. Прав был кто-то, назвавший Апокалипсис «посланием радости и утешения». Флоренский в своей книге писал: «По мере приближения конца истории являются на маковках святой Церкви новые, доселе почти невиданные розовые лучи грядущего Дня Немеркнувшего».

Только на такое восприятие Конца как Начала могла всем сердцем откликнуться созидающая вера моего отца.

И умирал он в полном сознании своей смерти именно как момента перехода в «иного жития вечного начало». За три дня до смерти, лежа в жару, он попросил одну из дочерей почитать ему Псалтирь. «Какую кафизму читать?» — спросила она. «Открой наугад». Она открыла, и, когда прочла до конца, он сказал: «А знаешь, Ниночка, это ведь ты на погребение мне прочла». Это была 17-я кафизма — «Блажени непорочнии в путь», читаемая на заупокойных службах. Он умер под утро 15/2 октября 1918 года, а накануне вечером причастился и сам громко и внятно произнес всю молитву «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко», глядя

неотступно на икону Казанской Божией Матери, писанную в Шамордине, рядом с Оптиной, там, где была его юность у ног старца Амвросия. После этого каждого из своих детей благословил, с каждым простился, каждому улыбнулся. Я, помню, был в соседней комнате, и туда вошла мама и сказала: «Идите, он хочет проститься».

Так надо умирать. И не поэтому ли его похороны были для нас не то горем, не то каким-то торжеством?

О нем я мог бы написать еще много: вот лежат сейчас передо мной пожелтевшие листы его «стихотворений в прозе», его негодующие письма о Вл. Соловьеве, планы его бесед и проповедей, планы и черновики книг «Записки тюремного священника», «Земля и государство», «Женщина», выписки, письма к родителям, но все это нужно ли? В отношении внешних фактов главное я, кажется, сказал. Что касается внутреннего, то — «как сердцу высказать себя?» Как передать его службу на Страстной, его служение пасхальной заутрени, когда он читал слово Златоуста: «Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа?»

Лет через пять после его смерти, когда у меня в душе уже оскудевало христианство, я, помню, увидел сон, все опять ожививший, как дождь на засыхающую землю. Я стою в толпе на паперти нашей Николо-Плотниковской церкви в пасхальную ночь. Отец, освещенный свечами народа, стоит в центре толпы и запекает пятый ирмос Пасхального канона: «Утренюем утреннюю глубину...»

Проснувшись, я вспомнил слова: «И на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его».

На этом надо было бы мне и кончить свои воспоминания о нем, но как-то не хочется оторваться. Пока пишу, он живой и близкий где-то рядом, и все хочется, как в детстве, поцеловать его сухую родную руку. Мы все, дети, всегда говорили ему «Вы», но любили его ужасно.

Когда-то, лет 25 назад, я попытался написать его портрет в стихах:

Чело высокое. Черты
С какой-то строгостью особой.
Славянофильские мечты,
Очищенные перед гробом.

Покой и честь не дороги,
Чтоб не кривить ни тем, ни этим.
Я берегу в ушах шаги
В холодноватом кабинете...

Сухая твердая рука.
Шуршит страница осторожно.
В себе самом сгорят тревожно
И утомленье, и тоска.

И вот глаза глядят в глаза
С такой отрадой и печалью.
И знаешь: в них — за серой далью —
Уже давно прошла гроза.

И, начиная на краю
«Волной морской» исход из муки,
Я вспомню там любовь твою
И к небу поднятые руки.

1956 г. Троицкая суббота

IV

Таинство всего бытия Церкви, обнимающее все ее таинства, есть осуществление мира Божественного в мире земном, Царства Божия среди тления. Поэтому священник есть священнодействитель святыни, в котором для него вся полнота Жизни, вся его мудрость, вся правда и вся красота. Он знает всем своим умом и сердцем, что здесь, в Церкви, он нашел все, что кончились его богоискания, что он уже не искатель Жизни, а ее теург.

Так мне думается о священстве, о котором я мечтал всю свою жизнь и которого никогда не достигну. «И рад бы в рай, да грехи не пускают».

Вечность искания есть тоже болезнь души, ее рудинское бессилие достичь великого и смиренного творчества жизни. Богоискательство может быть очень убедительным, но только до известного срока.

Я хочу записать все, что я помню о С.Н. Дурьiline. Вся религиозная сила его была тогда, когда он был только богоискателем, а поэтому, когда он, все продолжая быть им, вдруг принял священство, он постепенно стал отходить и от того и от другого. Если золотоискатель, стоя над открытой золотой россыпью, все еще где-то ее ищет, то это признак слепоты или безумия. Как сказал мне когда-то один старец: «Я стою перед вами с чашей холодной воды, а вы передо мной машете руками и кричите, что умираете от жажды».

В 1920 году, вскоре после своего посвящения, Сергей Николаевич писал мне: «У меня кончилась жизнь и началось житие».

У нас, маловерных, есть одна тайная мысль: в церкви, конечно, хорошо, но как же все-таки быть с Диккенсом и Рафаэлем, Пушкиным и Шопеном? Ведь, кажется, их нельзя взять с собой? И не только их, но и Эдгара По и Гогена, Полонского и Клода Фаррера, Иннокентия Анненского и Еврипида. От многих людей остался в их книгах или музыкальных созвучиях точно какой-то огонь под пеплом, обжигающий душу. «Душа стесняется лирическим волнением».

Можно ли сохранить все эти книги, живя целиком в Церкви? Или же здесь «кончилась жизнь и началось житие»?

Незадолго до своего священства (наверное, в 1919 году) Сергей Николаевич как-то мне сказал: «Нельзя на одной полке держать Пушкина и Макария Великого». У Сергея Николаевича был большой талант художественной прозы, я помню его чисто лесковские рассказы, но я помню и то, как в те же годы он мне говорил: «Мне нельзя писать. У писателя, как сказал Лесков, должны быть все страсти в сборе». И в обоих этих его высказываниях звучала мне тогда его сокровенная грусть: Макарий Великий велик, но как же я буду без Пушкина? И вот он, очевидно, решил снять с полки Пушкина, не сняв его с полки души, он решил, что теперь ему будет хорошо, что начнется его «житие», что-то такое, что переживается, а не только пишется по-церковнославянски, — некая тишина отказавшейся от самого дорогого и любимого и все этим отказом приобретшей и умиротворенной души.

Для целиком живущего в вере, наверное, нет разрыва между Церковью и светом мира: и Шопен, и Пушкин для него «только отзвук искаженный торжествующих созвучий». Тем, что он целиком отказывается от зла мира, от всего греха мира, он отказывается не от «отзвуков», хотя бы искаженных, а от всего того, что обычно, сопутствуя отзвукам, мешаает ему слушать всю полноту торжествующих созвучий. Ни истина, ни красота не разрываются в вере, но всякая искра света на темных тропинках мира воспринимается ею как отсвет все того же великого Света, у престола Которого она непрестанно стоит. Человек, полный веры, наверное, ничем не жертвует, отходя от мира с тайным вздохом о своей жертве, так как, наоборот, он все приобретает: он становится теперь у самых истоков музыки, слова и красок.

Если священство есть не обретение «сокровища, скрытого на поле», а некая «жертва», то, конечно, тоска о пожертвованном будет неисцелима и воля в конце концов не выдержит завязанного ею узла. Так я воспринимаю вступление Сергея Николаевича в священство и его уход из него.

Помню, что в то далекое время, когда он вступал на этот путь, он не один раз говорил мне эту строфу стихов, кажется, З. Гиппиус:

Покой и тишь во мне.
Я волей круг свой сузил...
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел!

Все вступление в священство сопровождалось для Сергея Николаевича его «плачем во сне» о пожертвованных им отзвуках и отсветах мира.

Я узнал близко Сергея Николаевича ранней весной 1917 года, когда он жил один в маленькой комнате во дворе серых кирпичных корпусов в Обыденском переулке. На небольшой полке среди других книг уже стояли его вышедшие работы: «Вагнер и Россия», «Церковь Невидимого града», «Цветочки Франциска Ассизского» (его предисловие), «Начальник тишины», «О церковном соборе», статья о Лермонтове и что-то еще. Икона была не в углу, а над столом — старинное, шитое бисером «Благовещение». Над кроватью висела одна-единственная картина, акварель, кажется Машкова: Шатов провожает ночью Ставрогина. Это была бедная лестница двухэтажного провинциального дома, наверху, на площадке, стоит со свечой Шатов, а Ставрогин спускается в ночь. В этой небольшой акварели был весь «золотой век» русского богоискательства и его великая правда.

Тут, на кровати, Сергей Николаевич и проводил большую часть времени, читал, а иногда и писал, сидя на ней, беря книги из большой стопки на стуле, стоящем рядом. Писал он со свойственной ему стремительностью и легкостью сразу множество работ. Отчетливо помню, что одновременно писались, или дописывались, или исправлялись рассказы, стихи, работа о древней иконе, о Лермонтове, о церковном Соборе, путевые записки о поездке в Олонецкий край, какие-то заметки о Розанове и Леонтьеве и что-то еще. Не знаю, писал ли он тогда о Гаршине и Лескове, но разговор об этом был.

На верхнем этаже книжной башни у кровати лежал «Свет Невечерний» Булгакова, а из других этажей можно было вытащить «Размышления о Гёте» Э. Метнера, «По звездам» В. Иванова, «Из книги невидимой» А. Добролюбова, «Русский архив» Бартенева, два тома Ив. Киреевского, «Богословский вестник», романы Клода Фаррера, «Кипарисовый ларец» Иннокентия Анненского, какие-то книги о Гоголе, журналы «Весы» и «Аполлон» и даже издание мистически темных рисунков Рувейра.

Я, придя вечером, часто оставался ночевать, спать ложился на

полу на каком-то старом пальто, и тогда начинались «русские ночи» Одоевского: долгие разговоры о путях к Богу и от Бога, все те же старые разговоры шатовской мансарды, хотя и без Ставрогина.

От долгого ночного бодрствования всегда хотелось есть, но еды в гостях у Сергея Николаевича тогда не полагалось: он забывал о ней, да к тому же какая могла быть еда в те совершенно голодные годы почти сорок лет назад? Я не знаю, чем питался Сергей Николаевич днем, но вечером он обычно ничего не ел, а выпивал только стакан или два вечно остывающего в забвении чая. Впрочем, когда мой голод бывал слишком очевидным (мне было тогда 17–18 лет), он, весело улыбаясь, почтительно вытаскивал из-под кровати деревянный ящик с какой-то крошечной сушеной рыбкой, привезенной им из странствований по Олонецкому краю, где он искал народные говоры и колдунские ритуалы, старые леса «края непуганых птиц», старые деревянные церкви допетровской эпохи. Он жил как монах, и то, что раза два было так, что перед нами на столе стояла бутылка красного кислого вина и он мне говорил стихи Брюсова, не ослабляло, а еще подчеркивало это восприятие его жизни. Это было вольное монашество в миру, с оставлением в келье всего великого, хотя бы и темного волнения мира.

У него была одна любимая тоскующая мазурка Шопена. Он часто напевал мне ее начало, и до сих пор — через 40 лет, — когда я ее слышу, я точно вновь у него в Обыденском переулке.

Помню, как после долгого и восторженного рассказа об Оптиной, где он только что был, он стал говорить об опере «Русалка». «Это истинное чудо!» — сказал он. Или вдруг после молчания, когда он, лежа на кровати, полузакрыв глаза, казалось, был весь в ином духовном мире, он начинал читать мне отрывки из его любимой вещи Клода Фаррера «В чаду опиума». Это не было дешевое любопытство зла, так как для него и здесь был «иной мир». Это было, или так ему (и мне) казалось, какое-то соучастие в тоске этого зла по добру. Его рассказ «Жалостник», где им дана вольная интерпретация слов св. Исаака Сирина о молитве за демонов, был уже напечатан в «Русской мысли». Образ тоскующего лермонтовского Демона был тогда его любимый поэтический образ. Но, впрочем, может быть, тут было и какое-то особое, русское и тоже тоскующее любопытство.

О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится.

А может быть, все-таки слегка разбудить? Это, кажется, Достоевский сказал: «Слишком широк русский человек — я бы су-

зил». Когда ткань чрезмерно расширяется, она утончается, а «где тонко, там и рвется».

«Заснувшие бури» просыпались вечером, когда подбор материалов для работы по гносеологии русской иконы окончен, мысленная и безнадежная полемика о том, прав ли был Гоголь, сжигая «Мертвые души», утомила, а впереди — еще долгая русская ночь!

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть:

Сергей Николаевич очень любил ночные стихи и Тютчева, и Пушкина: «Когда для смертного умолкнет шумный день», «Бессонницу».

Парки бабье лепетанье,
Жизни мышья беготня,
Что тревожишь ты меня?

Кажется, в 1918 году он написал рассказ, который так и назывался — «Мышья беготня». Он посвятил его мне, потому что именно с этой, мышьиной стороны я был ему тогда больше близок.

Но вот ударили к ранней обедне у Илии Обыденного. Уверенно, непобедимо, всегда спокойно зазвучали колокола, и темный хаос образов, тоски и наваждений исчез в лучах света, как

Миф, порожденный грехами,
Призрак, летающий ночью над нами,
Тающий в блеске зари.

Опять — «победа, победившая мир, вера наша!»! Все ночное теперь воспринимается уже не в остроте притягивающего «познания добра и зла», а как этап борьбы. Я помню, что Сергей Николаевич любил эту строфу стихотворения Эллиса, его соучастника в «Мусагете»:

Белую розу из пасти дракона
Вырвем средь звона мечей.
Рыцарю дар — золотая корона
Вся из лучей!

Борьба духа есть постоянный уход от постоянно подступающего зла, в какой бы врубелевский маскарад это демонское зло ни наряжалось. Уход и есть уход, движение по пути, странничество, и в этом своем смысле духовное странничество, то есть богоискательство, присуще всем этапам веры. Оно есть побег от зла.

В один из тех годов Сергей Николаевич написал мне большое автобиографическое стихотворение, которое начиналось так:

Что помню я из детства? — Сад цветущий,
Да белых яблонь первый снег,
И тихий звон к вечерне, зов, зовущий
Младенческую душу на побег.

А еще как-то вечером он взял с полки свою книжку «Вагнер и Россия» и на обороте обложки вместо обычного «От автора» написал мне экспромтом другие стихи, в которых были такие строки:

Тебе — что скажу, что помыслю?
Я дням своим воли не числю,
Я путник в бездолье равнин.

Русские путники всегда искали потонувший в озере Китеж, Церковь Невидимого града, где уже нет зла в Церкви, а всегда благовест и служение Богу. Благо тем, кто несет в себе до конца эту невидимую Церковь! Разве не про них Мельников-Печерский нашел где-то такие слова: «Хранит (их) Господь и покрывает Своею невидимою дланью, и живут они невидимо в Невидимом граде. Возлюбили они Бога всем сердцем своим, и всею душою, и всем помышлением, потому и Бог возлюбил их, яко мати любимое чадо».

Но Мельников-Печерский говорил это о простых мужиках, которые молча шли к своему Китежу, оттолкнувшись без особой тонкости от всей темноты мира. Мы на это плохо способны: слишком «тонкие» или попросту слабые в духовной борьбе. Одно дело писать о Китеже, а другое дело идти к нему.

У Сергея Николаевича была одна черта: казалось, что он находится в каком-то плену своего собственного большого и стремительного литературного таланта. Острота восприятия не уравновешивалась в нем молчанием внутреннего созревания, и он спешил говорить и писать, убеждать и доказывать.

Кроме того, наряду со всей остротой его познания у него была какая-то точно мечтательность, нереалистичность. То, что надо было с великим, терпеливым трудом созидать в своем сердце, — святыню Невидимой Церкви, — он часто пытался поспешно найти или в себе самом, еще не созревшим, или в окружающей его религиозной действительности. Его рассказы о поездках в Оптину были полны такого дифирамба, что иногда невольно им не вполне верилось: не так-то легко Китежу воплотиться даже в Оптиной. Помню, однажды меня спросил К.Н. Игумнов: «Скажите мне откровенно — можно ли вполне верить тому, что пишет

и говорит об Оптиной Сергей Николаевич?» Очевидно, в нем был какой-то мистический гиперболизм, который давал неверный тон исполнению даже и совершенно верной музыкальной вещи. Если вместо слова «жизнь» говорить «житие», то от этого жизнь житием не станет. Этот неверный тон присущ многим, и некоторые замечают его, например, в религиозной живописи Нестерова, с которым, кстати сказать, Сергей Николаевич был очень близок. Вот почему, когда он молчал, не апологетировал, не убеждал, а только изредка, «в тихий час», в минуту сердечного письма, в одинокой молитве, говорил переболевшие слова или только смотрел из-под золотых очков своим внимательным, теплым взглядом, — тогда была в нем особенная власть, и именно тогда я любил его больше всего. В своей тишине он был из тех редких людей, которые обладают даром открывать людям глаза на солнечные блики на обоях. Ведь бывают минуты, когда в серую мглу комнаты войдет луч солнца, и, как странника Божия, может принять его просветлевшая вдруг душа. Десятки лет одиночества и труда, бесчувствия и греха могут тогда забыться, и в слезах поймешь, что любовь Божия «все покрывает, всему верит, всего надеется» и «что времени уже не будет». Увидеть это — значит вновь почувствовать путь Божий! Сергей Николаевич был странник, и поэтому именно он мог иногда гораздо лучше других открывать нам глаза на этот вечно теряемый и вновь находимый путь.

Вспоминается, с какой любовью и знанием дела он открывал нам смысл древней иконы. Икона — это видение святости, видение святого тела тех, кто озарен до конца благодатью. Лицо, озаренное Невечерним Светом, дается в ней не в анатомической записи тленной плоти, а в молитвенном прозрении его еще непостижимой славы.

Вот почему в истинной, то есть древней, иконе — свои слова, краски, линии, свои законы, нам, тленным, непонятные. Но древняя икона открывает не только глубину, но и широту христианства.

Однажды летом 1917 года Сергей Николаевич повел своих друзей в Кремль показывать иконопись Благовещенского собора. Там есть большая фреска «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». В центре ее — Богоматерь, а кругом — вся Вселенная: и мыслящая, и произрастающая, и люди, и горы, и цветы, и звери, и святые люди, и простые, и христиане, и древнегреческие философы — вся радующаяся тварь.

Кажется, в 1918 году произошло открытие рублевской «Троицы» в Лавре. Я был тогда там с Сергеем Николаевичем. Перед ней горели золотые годуновские лампы, и в их отсветах, когда

совершалась церковная служба, икона светилась немерцающим светом. Я, помню, спросил Сергея Николаевича, что он чувствует, глядя на нее, и он ответил: «Почти страх».

Любовь Сергея Николаевича к моему отцу была большая, я помню его горькие слезы после смерти отца, и эта любовь была взаимной.

Мне кажется, что они познакомились не раньше 1914 года, но уже в 1915 году отец в завещательном письме оставляет ему всю свою работу над изданием К. Леонтьева — это был знак полного сердечного доверия. Я не думаю, чтобы в Сергее Николаевиче было когда-нибудь, даже в те годы — 17, 18 и 19-м, о которых я пишу, что-нибудь от «византизма» Леонтьева, хотя занимался он им тогда усердно и в те времена, наверное, считал себя «леонтьевцем». Любовь его к моему отцу имела другие причины: он видел в нем духовного отца, который сочетал большую религиозную жизнь с любимой Сергеем Николаевичем русской культурой XIX века. Через него он прикасался Оптиной еще 80-х годов прошлого века, Оптиной отца Амвросия, у которого бывали и Достоевский, и Толстой.

Отец начал писать еще при последнем славянофиле И. Аксакове, хотя, несмотря на это, так и не сделался «писателем», а всегда был просто священником. Он никогда не выступал в Религиозно-философском обществе, где Сергей Николаевич был секретарем, кроме одного юбилейного вечера памяти Леонтьева в 1916 году, но его религиозная философия была для Сергея Николаевича очевидной и близкой. Это была философия религиозной России, любовь к которой Сергей Николаевич сливал с любовью к Богу.

Весной 1917 года Сергей Николаевич окончил свою речь о России в Богословской аудитории Московского университета своими стихами. Я помню последние строки:

Истрадать себя тютчевской мукой,
«Мертвых душ» затаить в себе смех,
По Владимирке версты измерить,
Все познать, все простить —
Это значит: в Бога поверить!
Это значит: Русь полюбить!

Не кончивший даже гимназии, он сделался глубоким ученым в области русской литературы и театра, но, конечно, еще за несколько десятков лет до получения им почетного докторского звания он уже «все познал» и именно тогда — до священства — «все простил».

Я помню его маленькую стремительную фигуру на Арбате, ка-

жется, в 20-м году: он идет в черном подряснике с монашеским поясом и скуфейке. Тень какой-то рассеянности и в то же время тяжелой заботы была на его лице, точно «все простить» ему уже было трудно.

Летом 1945 года я видел его в последний раз. Это было на его даче в Болшеве, «которую мне построила Анна Каренина», шутливо сказал он А.А. Сабурову, намекая на свою работу по литературной постановке в Малом театре.

Наше свидание (как и предыдущее, лет за десять перед этим) было свиданием только старых знакомых: нельзя было касаться дружбы в Обыденском переулке. Наконец он повел меня обедать. И вот, когда мы проходили на террасу через какую-то комнату вроде гостиной, он вдруг меня остановил и, показав на большой портрет, закрытый белым чехлом, сказал: «Ты сейчас увидишь то, что тебе будет интересно». На портрете был Сергей Николаевич, еще молодой, в черном подряснике, с тяжелым взглядом потухших глаз. «Это писал Нестеров. Я тогда уже не носил рясы, но Михаил Васильевич заставил меня еще раз ее надеть и позировать в ней. Он назвал эту свою работу “Тяжелые думы”». После этих слов Сергей Николаевич опять натянул, точно саван, белый чехол, и мы пошли обедать.

Эпоха жизни Сергея Николаевича после ухода из священства мне почти совсем неизвестна, и я ничего не могу о ней писать. Да и в годы священства я его мало знал. Я все еще живу с ним до 1920 года. Когда изредка я встречал его священником после 1920 года, он был для меня гораздо меньше духовным отцом, чем в эпоху «Кипарисового ларца» и сушеной рыбки из Олонецкого края.

Очевидно, сохранить веру, уже живую и трепетную, еще труднее, чем ее приобрести. Мне кажется, что Сергей Николаевич принял на себя в священстве не свое бремя и под ним изнемог. Как сказал апостол, «до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить» (Флп. 3, 16). Нельзя жить выше своей меры, выше того, чего достигла душа. Он мог бы быть до конца «очарованным странником», которых так любила русская земля. Каждому свое, и для него, я думаю, даже больше «свое» было бы быть не священником, а «болотным попиком» Блока.

И тихонько он молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За большую звериную лапу
И за Римского папу.

Некоторые «отсветы мира» светят сильнее некоторых богословских диссертаций.

Недавно я узнал, что одна девушка молится Богу за упокой Диккенса — так благодарно ему ее сердце.

Тут мне хочется, кстати, упомянуть о Николае Николаевиче Прейсе — человеке, который нес подвиг молитвы за многих писателей. Андрей Белый где-то пишет, что в его чемодане, когда он путешествовал по Европе, всегда были три книги: «Критика чистого разума», томик Ницше и Евангелие. Но чемодан А. Белого, как человека состоятельного, наверное, носили носильщики или швейцары европейских отелей, а нищий чужак Прейсе свою книжную котомку всегда таскал на себе.

Это был весьма интересный человек, и я не представляю себе весенней Москвы 1917–1918 годов без его небольшой сутуловатой фигуры в черном пальто или в длинном черном сюртуке, золотых очках и какой-то маленькой старой фетровой шапочке. Легкое бремя Христово он носил с собой всегда и везде в черной клеенке, опоясанной двумя ремнями с деревянной ручкой, — совершенно так же, как мы, гимназисты, носили тогда свои учебники. В этой сумке был Новый Завет, несколько книг святых отцов и поэтов. Каких поэтов, я не смогу сейчас сказать точно, но помню, что среди них был и Фет. Знаю также, что с годами удельный вес поэтов в сумке уменьшался. Но важно не это — важно было само явление Прейса, этот живой факт того, как человек веры может любить мир, эту теплую землю человечества, настолько любить, чтобы собрать ее в свою котомку, как драгоценное бремя страдания и любви. В этом был символ, но этим символом был живой человек, появлявшийся среди нас (я часто видел его с Сергеем Николаевичем) и нас иногда не замечавший, всегда погруженный в свою тревожную думу, всегда куда-то спешащий — то в церковь, читать шестопсалмие, то на философский диспут в Мертвый переулок (слушать, конечно, а не выступать), то в Данилов монастырь, на могилу Гоголя.

И столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.

В своей любви он старался сохранить перед Богом все Его «отсветы», все сокровища мира, «ибо так возлюбил Бог мир».

Сергей Николаевич не обладал этой детскостью веры, хотя больше всего к ней стремился.

В 1934 или 1935 году, то есть уже много лет спустя, после ухода Сергея Николаевича из священства, я написал ему письмо в стихах. Даже в слабых стихах иногда как-то легче преодолеть трудности темы.

Я вспоминаю двор угрюмый
И камень грязный у перил,
Там, где над домом и над шумом
Московский вечер проходил.

Усталость сердца, как вериги,
От непосильных дум и снов.
И, глядя в сумрак, меркли книги,
Храня палящий пепел слов.

И в той же комнате, за шторой,
Где уходил Ставрогин в ночь,
Мы про калужские просторы
Мечты не смели превозмочь.

Иль сердце верило неверно?
Но ведь тогда, как вещей сон,
Явились Светом Невечерним
Нам краски тихие икон.

Прости меня, что я словами
Тревожу в сердце след огня...
Томит меня опять ночами
Все та же мышья беготня.

«Калужские просторы» — это, конечно, Оптина. Там было что-то еще, пишу сейчас по памяти, но смысл был один: призыв к до-священническому светлomu и свободному другу. Посылая письмо, я мало на что рассчитывал — уже лежали между нами годы одиночества на разных путях. Кстати, сейчас вспомнил, как однажды Сергей Николаевич, уже будучи священником, сказал мне: «Сейчас время одинокое». И вот пришел ответ. Он писал примерно так: «Спасибо тебе. Я получил письмо, когда лежал едва живой в сердечном припадке, и я читал его в слезах». Тут же были выписаны строки Батюшкова:

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной!

Но переписка и общение дружбы между нами так и не восстановились.

Говорят, что перед смертью он много плакал, что он чувствовал ее приближение и сказал своей жене: «Можешь хоронить меня или как священника, или как мирянина — мне все равно», как

бы заявляя этим, что он не отрекся от священства, а только отошел от него.

Передавали мне, что и епископ Стефан (Никитин), знавший его лично, говорил, что он никогда и нигде не отрекался от Церкви и не снимал сан.

Писать о нем мне трудно, потому что его болезни — мои еще больше или, как он мне сам написал в этом же письме, «на Страшном суде мы с тобой будем расплачиваться по одному векселю».

Когда-то, кажется в 20-х годах, он читал в московском Богословском институте курс аскетики, а жил он тогда в келье башни Боголюбской часовни у Варварских ворот. Мне говорил один монах, опытно и до конца жизни прошедший аскетическим путем, что когда он в этот период пришел к нему, то увидел действительно монаха-мыслителя, несущего силу и тишину.

Но «курс аскетики», то есть учения о практике христианского пути, имеет одну особенность: если за него братья, то по этому курсу надо и идти, хоть спотыкаясь, всю долгую жизнь. Это не «Размышление о Фаусте», закончив которое можно испортить существование своим ближним или окунуться в иной вид слепоты и самодовольства.

Вот почему чем ближе ко мне срок расплаты по векселю, тем мне все страшнее жить.

V

Милому Андрею Дмитриевичу с благодарностью за тепло дружеской поддержки — самое нужное в мире.

В одном своем автобиографическом рассказе Сергей Николаевич пишет: «Я хотел бы умирать, слушая, как через открытую форточку доносится благовест».

Если человек, так возлюбивший Церковь, так понявший всю ее историческую красоту и правду, все же от нее отходит, то не налагает ли это на нас, любящих его и «дающих ему последнее целование», обязательство хоть сколько-нибудь понять, в чем же все-таки то бремя, которого не выдержали его плечи? Что его смертельно испугало в Церкви?

Объяснение не уменьшает его ответственности, но оно может помочь другим людям преодолеть ту же скорбь на тех же путях.

Сергей Николаевич увидел в Церкви неверующих под видом верующих и решил, что дело Христово не удалось. Это лучше пояснить не рассуждениями, а также воспоминаниями.

Лет 30 тому назад я жил в провинции, в доме одного бывшего обер-кондуктора. Уйдя в отставку, он мирно жил со своей старухой, сам тоже будучи стар, хотя типичные обер-кондукторские усы дореволюционного происхождения еще молодецки топорщились. Человек он был вполне благочестивый, еженедельно ходил в церковь и ежегодно говел. Однажды мы сидели с ним за чаем и беседовали. Сначала, помню, разговор шел о различных видах сбора «дани» старозаветными ревизорами с кондукторской бригады за провоз зайцев в виде, так сказать, сливок с заячьего молока. «Дедка», как я его тогда называл, с особым восхищением рассказывал об одном ревизоре, пользовавшемся таким способом: после обхода вагонов ревизор шел в купе к оберу и ложился спать, отвернувшись к стенке и поставив фуражку на противоположную лавку нутром кверху. Через некоторое время входил на цыпочках обер и клал в фуражку собранную с бригады дань. Еще через некоторое время он слегка отодвигал дверь и смотрел: если фуражка на месте, значит, «мало».

Пили мы чай долго, и постепенно разговор перешел на серьезное — об умерших близких. И вот, когда я сказал, что придет день, когда мы их снова встретим, я увидел, как в искреннем изумлении поднялись мохнатые «дедкины» брови: «Это вы как? Или всерьез? Ну, это все поповские сказки. Умрем — и шабаш, и все кончено! Ничего там не будет».

Очевидно, для неверия можно и не быть Базаровым, а достаточно быть обер-кондуктором и при этом ежегодно говеть. Не наука нужна для неверия, а только холод сердца. Я много раз в жизни встречался с подобными фактами неверия «верующих», но каждый раз эти факты потрясают.

В конце XIX века был такой уже судебный случай. Деревенская девочка возвращалась после пасхальных каникул из дома в школу и несла с собой немного денег, корзиночку с домашними пирогами и несколько штук крашенных яиц. На дороге ее убили с целью ограбления. Убийца был тут же пойман, денег у него уже не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему он не съел и яйца, убийца ответил: «Как же я мог? Ведь день был постный».

За спиной этого человека ясно видны звенья длинной цепи (почему-то мне хочется сказать «византийской»), уходящей в века. Оказывается, что можно числиться в Церкви, не веря в нее, можно считать себя православным, не зная Христа, можно верить в посты и в панихиду и не верить в загробную жизнь и в любовь.

Очень это, конечно, страшное дело, но мне представляется не менее страшным тот факт, что высоко над этими людьми, про-

пившими свою веру в ночных кабаках и на железнодорожных вокзалах дореволюционной России, стояли люди, часто вполне порядочные, обладающие знанием и властью, саном и кругозором, которые все это величайшее духовное неблагополучие Церкви тщательно замазывали каким-то особым елеем словесной веры: «На Шипке древнего православия все спокойно». Ведь и «дедка», наверное, мог прочесть Символ веры, а этот постыжий человек на дороге твердо отличал среду от четверга.

Что может означать этот факт для верящего в Церковь, но «немогущего в вере», по апостолу, каким был и Сергей Николаевич? Уж не померещится ли ему, что на Тайной вечере Церкви сидит не один Иуда среди одиннадцати святых и любящих учеников, а двенадцать неверующих и не любящих Иуд? Уж не покажется ли ему, что не удалось то единственное и величайшее дело, для которого приходил Христос, — созидание на земле из любящих Его святой Церкви, Непорочной Невесты Божией? Что вместо нее в истории, за стеной византийского устава, существует некая область неверия и нелюбви, область внешности без содержания, лицемерия и тщеславной пустоты, оцеживания комаров и поглощения верблюдов, холода и равнодушия души? Это всего только «призрак Церкви», но этот «призрак», или ее «двойник», совершает в истории страшное дело провокации: создает у людей впечатление, что иной Церкви, кроме него, не существует, что нет на земле больше Христовой правды, что нет на земле больше тела Христова, «плащаницей обвитого». Нестеров как-то сказал о Сергее Николаевиче: «Что вы все осуждаете его отход от Церкви? Если хрупкую вазу бить молотком, она обязательно разобьется». Таким молотком был для «хрупкого» Сергея Николаевича «призрак Церкви». Обман действовал всегда, но более крепкие люди, противодействуя ему, всегда искали и всегда находили истинную Церковь: шли в глухие монастыри и леса, к старцам и юродивым, к Амвросию Оптинскому или Иоанну Кронштадтскому, к людям не только правильной веры, но и праведной жизни. Они-то и есть истинная Церковь, живущая и в городах, и в пустынях, а всякое зло людей, только причисляющих себя к ней, есть, как говорил отец Валентин Свенцицкий, зло или грех не Церкви, а *против* Церкви.

Но здесь есть один «секрет». Для того чтобы видеть в истории и хранить в себе, как непорочную святыню, истинную Церковь, неодолимую и от тех врагов ее, которые внутри ее исторических стен, нужна не только любовь к ней, но и всецелое покаяние в себе самом, в том числе и в этом самом грехе древнего фарисейства — неверия и нелюбви. «Я-то лучше ли дедки?» «Не убивал ли я любовь Христову?» Только тогда яд «двойника» Церкви пере-

стает действовать, так как Церковь есть неодолимость любви при постоянстве покаяния.

Был весенний вечер в Москве. Тогда шла Первая мировая война. В газетах печатались сообщения о «новых победах русского оружия» и там же тем же шрифтом — о новой постановке оперы «Чио-Чио-сан». В самом начале Страстной недели отец служил всенощную и после «Се, Жених грядет в полночи» читал Евангелие: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». И еще раз, и еще раз — «горе». Это горчайшее горе Евангелия все нарастает, все ширится и, мне кажется, звучит уже на весь мир. Я хорошо знаю своего отца и слышу в его голосе и слезы, и страх, и великую тревогу, и страшную правду о том, что все это он читает про себя, про нас, про людей Церкви. «Дополняйте же меру отцов ваших...» «Горе» стихает, потому что уже все сказано, но не прекращаются слезы о Церкви: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки... колькраты восхотех собрати чада твоя... и не восхотесте. Се, оставляется вам дом ваш пуст».

Страшно было и так хорошо было это слушать! За окном была весна в арбатских переулках, а здесь — черный бархат риз, тишина и правда Церкви, неодолимой во веки веков.

В память этих весенних служб отца у меня были такие стихи:

Когда весны капель покажет,
 Что начался Великий пост,
 Ты на Божественную стражу
 Шел сердцем тих, душою прост.
 И не сказать теперь словами,
 Как жизнь была с тобой тепла,
 Когда в четверг Страстной над нами
 Свой счет вели колокола...

Дальше не помню — уж так давно все это было, если считать по календарю. Но хорошо помню храм, полный народа, огонь и запах свечей и удары колокола по счету прочитанных Евангелий.

Один ли Сергей Николаевич не выдержал испытания? Один ли он оказался в «немощи веры»?

В 1921 году я был во второй раз в Оптиной пустыни, на ее закате. Недавно я прочел стихи неизвестного мне автора, начинающиеся так:

Ты, Оптина! Из сумрака лесного,
 Из сумрака сознания моего,
 Благословенная, ты выступаешь снова —
 Вся белизна, и свет, и торжество...

С каким непостижимым для нас терпением слушал меня старец отец Анатолий! Мне до сих пор стыдно вспомнить тот душевный хлам, которым я загромоздил его маленькую келью. Он почти не прерывал меня, только изредка вставлял два-три слова, перебирая четки, или вдруг порывисто шел в угол за какой-нибудь книжкой, листочком или просфорой. Это был человек, который все знал про меня еще до того, как я открыл рот, — человек, который знал, что он должен взять на себя и мое бремя грехов. Очевидно, это совсем не аллегорическое бремя. Когда я лет через 20 после этого (и после смерти отца Анатолия) показал его фотографию другому такому же, как он, старцу, никогда его в жизни не видевшему, тот вдруг начал со слезами и волнением целовать лицо на фотографии, воскликнув несколько раз: «Какое страдание! Какое страдание!...» Лицо отца Анатолия и в жизни, и на фотографии светилось любовью и тем особым оптинским весельем, которое известно всем посещавшим старцев этого удивительного русского монастыря, но другому старцу было, кроме того, видно, что это — свет воскресения после Голгофы, не замечаемой никем. Я помню, что, когда мое посещение отца Анатолия кончилось, он — маленький, в короткой крылатой полумантии — вдруг стремительно пошел к двери впереди меня, открыл ее в приемное зальце и пошел туда, подняв лицо к образу Божией Матери, со словами: «Пресвятая Богородица — спаси нас!» И такое облегчение, и такая отрада были в его восклицании — ведь из духоты непросветленной души он выходил снова на просторы Божии!

Потом я пошел в скит. Дорога туда идет могучей сосновой рощей, сквозь которую (как сказал тот же неизвестный мне поэт)

...Розовеют скитские ворота,
И белеет хибарка твоя.
Там, у входа простой работы, —
Стерлись краски и позолота —
С черным враном пророк Илия.

Была середина мая, и в скиту уже распустились цветы. Там тогда жил отец Нектарий, последний старец оптинской династии. Я ходил по дорожкам, никого не встречая, и это безлюдье меня поразило своей точно предсмертной тишиной. Потом я услышал сердитое бормотание и увидел Гаврюшу — юродивого, почитаемого старцами, с длинной палкой, в рубашке без пояса, с какими-то котомками на плечах.

«Гаврюша, — сказал я, — что мне? Идти в монастырь или жениться?» И тут только впервые в жизни я увидел близко грозный взгляд блаженного. «А мне что! Хоть женись, хоть не женись!» —

в голосе была явная досада. Он пошел дальше по дорожке между цветами, потом вдруг обернулся и прибавил: «А в одном мешке Евангелие с другими книгами нельзя носить».

Мой вопрос был праздный: я тогда был одинаково не готов ни к монашеству, ни к браку. А замечание блаженного попадало прямо в цель. Раздвоенность души — это все та же немощь веры, боящейся идти до конца за Христом: «Возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия». Озирающийся назад уже и возвращается назад, уже изменяет любви. И Сергей Николаевич, и я, и многие из моих современников оказались не готовыми к тому страшному часу истории, в который она тогда нас застала и в который Бог ждал от нас, чтобы мы возлюбили Его больше своего искусства, своего страха, своей лени и своих страстей. Тогда решались какие-то судьбы, определялись какие-то сроки, и можно ли было особенно тогда путать Евангелие с другими книгами?

Вот почему, хотя это было время еще живых оптинских святых и время юности, мне тяжело его вспоминать — слишком велика была вина и хочется скорее миновать эти блоковские годы раздвоения и измен.

Впрочем, а после них — разве не все те же измены? Выходит, что лучше ни на кого свою вину не сваливать, в том числе и на Блока, тем более что как раз им сказаны те слова, которые я хотел бы вспомнить и в смертный час:

Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

VI

Горят во мне и жгут
Слова любви, не сказанные мною.

В этих строчках Бальмонта выражен закон всякого вида литературного писательства, и в особенности воспоминаний. Они только тогда оправданны, когда они не «о себе», когда они — «слова любви» к другим, «не сказанные мною». И иногда мне кажется, что мне возможно будет как-то выговорить именно такие слова об ушедших близких, — слова, которые, точно руками, тронут их плечи в немой радости и скажут им, что они не одни и что мы не хотим быть одни без них.

Поэтому я продолжаю воспоминания.

Лев Тихомиров, бывший член ЦК партии «Народная воля», а затем верующий и церковный человек и редактор «Московских

ведомостей», был близок с моим отцом еще в XIX веке. Его жена в начале 1901 года стала крестной моей матерью. К детской вере Лев Тихомиров вернулся в Париже, где он жил эмигрантом после убийства Александра II в 1881 году и разгрома партии, — вернулся, кажется, под влиянием своего старшего сына Александра, тогда еще очень юного, а в конце концов ставшего епископом Тихоном и умершего в Ярославле, кажется, в конце Второй мировой войны. Сам Лев Тихомиров умер в начале 20-х годов в Загорске в своей семье и еще в своем доме на Московской улице (позднее проспект Красной Армии, д. 30), но в большой скудости, почти в нищете. А я помню его великолепную квартиру на Петровке в эпоху редакторства правительственной газеты на втором этаже особняка, с громадным его кабинетом и еще более громадным холодным залом, где очень редко кто собирался, а когда собирались, то, как мне рассказывали мои старшие сестры, было всегда скучно. Впрочем, все-таки там и танцевали немного, причем среди молодых людей бывал там и танцевал Симанский, будущий патриарх Алексей, а тогда воспитанник московского лицея. С сыном Льва Александровича епископом Тихоном они потом были вместе vicarями в Новгороде.

Скучно было у Тихомировых не только в зале, но и везде, и я, тогда еще совсем мальчик, это чувствовал. Лев Александрович давал тон всему, а это был человек, отрешенный от обыденной жизни и погруженный в жизнь мысли, — жизнь горячую и живую, но замкнутую в себе и часто не замечающую живых людей. Конечно, Лев Александрович боролся непреклонно и страстно в книгах, статьях и выступлениях за тепло в мире, за сохранение этого уходящего из мира тепла, но не знал, что надо начинать с борьбы за тепло в собственном доме. Впрочем, даже этот холодок в его доме я любил и люблю за какую-то его особенную тихомировскую неотмирность. Он воевал за то, что он понимал как христианскую государственность, и свою жизнь воспринимал как жизнь в окопах этой войны. В ЦК «Народной воли» он когда-то ведал идеологической работой. После революции его не тронули: были еще люди, знавшие его безупречную и благородную партийную и личную жизнь. Но все-таки ему пришлось пойти в милицию (почему в милицию — не помню) и там отдать свою «декларацию», в которой он обязался подчиняться новой государственности. Он это сделал как выражение христианского подчинения власти, но кто-то в газете назвал его «двойным ренегатом». Потом он переехал в г. Сергиев и, доживая там жизнь, писал «Тени прошлого» — воспоминания о встречах на своем большом пути. Там было много о его прежних соратниках по революции, но была глава, посвященная и моему отцу, с такой характерной для

вечно недовольного собой Льва Александровича припиской на полях: «Этот очерк никуда не годится и представляет только материал...» Он в это последнее время жизни в Загорске, конечно, больше жил в тених прошлого. Этим объясняется то, что он не сблизился с жившими тогда там же Флоренским, Мансуровыми, Розановым, Дурьлиным и часто туда приезжавшим Новоселовым. Флоренский ему казался каким-то модернистом. Не любил он и не понимал не только новые течения религиозно-философской мысли, но и искусство эпохи перелома, воспринимая его тоже только как «декадентство». Помню, как он с возмущением говорит, цитируя чьи-то стихи: «Вы только подумайте! Это называется поэзия:

Ходит месяц обнаженный
Пред лазоревой луной...»

Не бывал он, еще живя в Москве, и в Религиозно-философском обществе имени Вл. Соловьева в Мертвом переулке. Во всем этом он оставался где-то в 80-х годах XIX века, неся свой трезвый подвиг мысли. Но тем более потому ценно, что именно он написал еще в 1906—1907 годах эту удивительную по религиозной актуальности и нужности статью «О семи апокалиптических Церквах», в образе которых апостолом дано как бы начертание истории Вселенской Церкви. Я знаю, как высоко ценят эту статью многие люди и в наши дни. (Она была напечатана в журнале Московской духовной академии «Христианин» в 1907 году.)

Над темой Апокалипсиса он работал и в последние годы жизни в Сергиеве, написав «Апокалиптическую повесть», в которой весь сюжет художественного произведения, в том числе взаимоотношения мужчины и женщины, был дан на фоне последних лет жизни мира. Я помню из всего только имя женщины — Лидия и ту обстановку, в которой происходило чтение. Мы сидели в столовой, угощением были какие-то не очень съедобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему-то пил его с солью. Керосина тоже не было (это был 1918 год), и горели две маленькие самодельные коптилки, освещая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести про Лидию, но уже и в комнате.

В том Религиозно-философском обществе, которое мало интересовало Льва Александровича, я был первый раз в декабре 1916 года. Это был третий год Первой мировой войны.

Заседание было посвящено 25-летию со дня смерти К. Леонтьева. С ним было много предварительных огорчений, как я понял из разговоров отца. Московский градоначальник публичное

и открытое празднование юбилея запретил, — Леонтьев и в 1916 году казался подозрительным, — в университете тоже ничего не вышло и вот все ограничилось скромным собранием в Соловьевском обществе.

Первый доклад читал мой отец, об отношениях Соловьева с Леонтьевым, а второй читал С.Н. Булгаков, — читал так же страстно, как всегда он и мыслил, и говорил. Помню, что он искал какого-то «выхода» из совершенно, конечно, чуждого ему Леонтьева, и при этом — не для себя, а как бы для самого Леонтьева — искал в нем какой-то религиозной правды.

Мышление Леонтьева, имея весьма много ценного в своей негативной части — в критике современного прогресса, в своей положительной части было какой-то «дорогой в никуда». Истина его мышления — в констатации конца европейской мещанской демократии и цивилизации, но, оставив эту истину в одиночестве, не найдя от нее путей в историческое будущее человека, он из самой этой истины сделал какой-то тупик и мышления, и жизни. И вот Булгаков без гнева, но страстно разламывал воздвигнутый тупик, вырывался на свободу неумирающей мысли и жизни христианства. Умирает европейская цивилизация, но вечно живет спасенный Христом человек, созидая свою историю: и в катакомбах, и на просторах мира.

Заседания Религиозно-философского общества были, наверное, часто бесплодны и наивны, и я понимаю, почему Тихомиров их не признавал. Но даже я, несмотря на свою молодость, успел присутствовать на таких докладах, которые запомнились навсегда.

Один из них читал Вяч. Иванов — «О границах искусства», о том, что оно не безгранично и не всеильно, как это иногда думают даже и верующие люди. Сила доклада была в том, что его читал настоящий художник слова, поэт и философ. Вяч. Иванов был во многом родствен Флоренскому, их объединяла какая-то онтологичность мышления и еще, может быть, общая «предыстория» их христианства: Древняя Греция и Восток в своем ожидании Нового Завета. У него была книга под названием «По звездам», и в моей памяти он сохранился как волхв евангельского рассказа, медленно, на верблюде приближающийся к тому месту, где лежал Младенец, спеленатый в яслях.

Помню, какое негодование вызвал этот доклад у Андрея Белого. Стоя в последнем ряду небольшого зала, где происходило собрание, он даже не говорил, а выкрикивал свои возражения, как-то иногда подпрыгивая вслед за словами. Доклад он явно воспринял как измену искусству и все предостерегал докладчика от страшной для него опасности — от какого-то аписа.

В эти и последующие годы А. Белый представлялся мне искусным мистическим фокусником: что только ни вынимал он из своего цилиндра, поставленного на стол, — и Канта, и Ницше, и Гёте, и Штейнера, и многое другое, и, может быть, даже и утку, но тоже мистическую!

Но в одних своих воспоминаниях он искренне жалеет, что на фронтоне углового здания Московского университета, там, где на углу бывшей Никитской улицы помещалась домовая университетская церковь, нет более этой издали видной надписи: «Свет Христов просвещает всех». И он был один из первых, кто в печати приветствовал Флоренского.

Г.И. Чулков говорил мне, что, когда А. Белый умирал, он пошел с ним проститься и унес с собой от этого последнего свидания что-то хорошее. Я не помню точных слов Григория Ивановича об этом свидании, но точно знаю, что он, бывший «мистический анархист» и поэт, сотоварищ и Блока, и Белого, член общества политкаторжан, был уже в это время духовным сыном Алексия Мечёва и, если бы не имел основания, так бы не сказал.

То, как вообще опасно выносить о ком-либо «судебный приговор», можно показать на записи речи Мережковского, произнесенной тоже на заседании Религиозно-философского общества, но только петербургского. Тот самый Мережковский, которого мы так легко анафематствуем, вот как неожиданно глубоко отчитал В. Розанова за его толстовский адогматизм и отрицание богословского и обрядового вооружения Церкви. Мережковский сказал: «Мертвый камень (храма Святой Софии в Константинополе) таит в себе живую силу христианства, как в живом теле. Надо видеть этот храм, чтобы понять, что нигде не могла раздаться впервые Херувимская, кроме как под твердым куполом Святой Софии. Такое чувство, как будто находишься внутри огромной золотой лилии, пронизанной солнцем: благоухание, душа этой лилии, которая возносится к Богу, и есть “Херувимская”. Но если бы не было твердой “механики” Никейского Собора, то не было бы и твердых сводов Святой Софии, не было бы “Херувимской”»¹.

У меня осталось благодарное воспоминание только об одной из вещей А. Белого — о его «Северной симфонии», в которой так вдохновенно в языческих формах передано предощущение Нового неба и Новой земли:

И понесся вдале безумный кентавр, крича, что он с холма
видел розовое небо,
Что оттуда виден рассвет...

¹ Христианское чтение. 1904. Т. 218. С. 785.

Из докладов Дурьлина я помню его доклад о Леонтьеве (на том же вечере памяти Леонтьева в 1916 году). Доклад, как это часто бывало у Сергея Николаевича, был полон сплошного восхищения перед Леонтьевым, причем не только в отношении его исторических прогнозов и социальной зоркости, но и в отношении его явного примитивизма в чисто религиозной области, в отношении его метафизической слепоты.

Еще помню его доклад на тему «Апокалипсис в русской литературе». Это было уже летом 1917 года. Запомнилось, что в перерыве кто-то (кажется, Оболенский) убеждал Л.М. Лопатина, виднейшего тогда представителя русской философской мысли, выступить с возражением: «Вы должны сказать ему (докладчику), что выводы его о близости конца истории неверны, что, по Священному Писанию, сначала еще должно наступить тысячелетнее Царство Божие». Лопатин не выступал, и прений почти не было. У меня долгое время хранилось отдельное издание «Трех разговоров» Вл. Соловьева с надписью: «Л.М. Лопатину от автора».

С летом 1917 года у меня связано воспоминание о Тернавцеве и о его работе по Апокалипсису, которую он читал в московских религиозно-философских кружках. Помню, что он — убежденный сторонник хилиазма, то есть веры в тысячелетнее Царство.

В докладе Сергея Николаевича хилиазм под влиянием того же Леонтьева замалчивался, а на нем следовало бы остановить мысль, даже и не вынося никакого приговора. Веры в тысячелетнее царство держались, на основании 20-й главы Апокалипсиса, многие великие святые первых трех веков христианства. Хилиазм нигде и никогда не был осужден каким-либо Собором. Начиная с IV столетия он просто сам по себе замолк, уступая место теории христианства как уже осуществленного на земле через Церковь Царства Божия. После Миланского эдикта и торжества христианства над языческим государством в этом был как бы логический вывод. И не будет ли столь же логичным возврат к чаяниям хилиазма некоторых людей после крушения всех их надежд на создание в истории истинно христианской государственности?

Духовенства на этих заседаниях Религиозно-философского общества я что-то не помню, но рассказывали, что в таком же обществе, но в Петербурге, бывало много священников. Москва продолжала быть твердыней так называемого «филаретовского духовенства», в общем безмятежно спящего в своих приходах.

Заседания московского общества происходили в доме М.К. Морозовой в Мертвом переулке (теперь переулок Островского). За столом президиума обычно сидели: председатель общества Г.А. Рачинский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, «православный софианец» по определению Вл. Лосского,

и С.Н. Дурылин (секретарь). Рачинский был широко образованный и широко мыслящий человек, знавший, говорят, наизусть в подлиннике всего «Фауста», умевший объединять труднообъединяемое и премудро сглаживать ненужные углы. Печатная работа у него была, кажется, всего одна — «О японской поэзии», но его опыт и философско-литературные знания, так же как и прекрасный характер, делали его незаменимым в качестве председателя. Он очень уважал моего отца, и я помню его фигуру с седой, коротко стриженной головой на чтении Великого покаянного канона в Николо-Плотниковском храме на первой неделе Великого поста. На этих чтениях я помню также фигуры Нестерова, С.А. Котляревского и даже один раз Бердяева.

Однажды, на первый день Пасхи в 1917 или 1918 году, одна знакомая девушка предложила мне и своей подруге пойти поздравить Рачинского. Пасха была поздняя, день был безоблачный. Мы прошли длинный Трубниковский переулочек, вышли через проходной двор в конце его мимо церкви на Кудринскую площадь (теперь площадь Восстания) и в начале Садовой повернули куда-то влево, к Грузинам, уже не по оформленной улице, а мимо каких-то многочисленных небольших домов, занимавших среди молодой травы и уже распускающихся деревьев громадное пространство какого-то вольного поселка. Шел первый или второй год революции, но Москва, точно по какой-то инерции, еще жила прежним бытом: в ее небе со всех сторон ее «сорока сороков» бесконечно легко и радостно поднимался пасхальный звон. Это было точно уже неземное откровение великого земного города, часы и минуты точно уже единого и уже святого града и христианского торжества. «Вниди и ты — грешный город — в радость Господа твоего, в Его “Непобедимую победу”».

С.Н. Булгакова много раз я встречал и в 1916, и в 1917 году. Помню его летом 17-го года в вестибюле московского Епархиального дома в Лиховом переулочке, пытающегося в перерыве заседаний Епархиального съезда как-то утихомирить и образумить группу бунтующих и кричащих псаломщиков, будущих живоцерковников. Я помню лицо Сергея Николаевича, когда он вдруг осознал, что никакой логикой тут не осилишь, что тут просто бунт неверия в Церковь. На этом съезде тогда происходили очень ответственные выборы московского митрополита из двух кандидатов: Тихона, архиепископа Литовского, и А.Д. Самарина.

Помню Булгакова, отвергающего проект наименования нового церковного журнала, после закрытия всех прежних в том же 1917 году, — «Святая Русь». «Нельзя профанировать святое имя», — сказал Сергей Николаевич, и журнал был назван «Возрождение». Вышло его только несколько номеров. В третьем, кро-

ме статьи С. Н. Дурьлина о церковном возрождении и статьи «Филадельфийская Церковь» о нем же, была помещена статья Сергея Сидорова «Обыденные храмы в Древней Руси» с фотографией храма, сделанной Н. С. Чернышевым. Сидоров — это будущий отец Сергей, до сих пор многими людьми с любовью вспоминаемый священник, а о Н. Чернышеве я еще буду говорить дальше.

Журнал не случайно назвали «Возрождением». Некоторые современные православные из молодых и недавно пришедших в Церковь, видя в ней зло греха и неверия, не знают или не хотят знать, что это зло родилось не сейчас, что оно есть зло древнее, жившее внутри церковных стен уже с Тайной вечери. Поэтому, отвергая «живоцерковничество», как перенесение в Церковь идей и методов революции, и Булгаков, и Флоренский, и Свенцицкий, и Дурьлин, и Новоселов, и все другие деятели и мыслители того времени одновременно ждали для Церкви возрождения в жизни истинной духовности, в освобождении от государственного и бытового обмирщения и формализма. Все они тогда ждали наступления эпохи духоносной «Филадельфийской Церкви» после окончания своей, «Сардийской» церковной эпохи, о которой в Апокалипсисе сказано: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв». Имя этой мертвенности — замена внешностью внутреннего духовного бытия, то есть все то же обмирщение.

Помню Булгакова, колеблющегося вместе с Новоселовым и В. А. Кожевниковым над вопросом, издавать или нет рукописи Анны Шмидт — загадочного русского мистика конца XIX века, не то больной, не то истинной пророчицы («о године свершения»), как-то связанной с Вл. Соловьевым, который, кажется, провожал ее гроб до могилы.

Помню острые и умные статьи Булгакова, в частности о Достоевском, о котором он говорил лучше всех, сам представляя собой точно сплав всех трех братьев Карамазовых. Но все-таки Алеши в нем было меньше, чем Ивана, и потому, в те годы во всяком случае, в нем было слишком много профессиональной публицистики. Сам себя он называл тогда Колей Красоткинским.

Еще запомнилась мне одна всенощная у Спаса на Песках, на Арбате летом 1917 года, то есть еще до его священства. Возглашают: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Поют хорошо, то есть просто и тихо, и вечер московский был тих. Около входной двери стоит Сергей Николаевич, и по его глазам видно, как он любит этот свет и радуется, что до него дошел.

«Свет Невечерний» уже издан и, кажется, уже весь распродан. (На епархиальном съезде в вестибюле была продажа книг издательства «Путь», издавшего эту книгу.) Но сейчас для него, наверное, совершается лично что-то еще большее, чем в этой книге.

Флоренский продолжил и углубил Хомякова, а Булгаков — Достоевского в области русской религиозной мысли. Вполне возможно, что Булгаков мог впоследствии перейти какую-то меру богословствования о Софии и допустить ошибки, как пишут те, которым доставляет удовольствие производить над ним суд. Не будем участвовать в этом. Богословие должно быть смиренно, как молитва, но и судить еще не смиренных мы не решаемся.

Человек, присутствовавший при смерти Булгакова, мне рассказывал, что он умер как праведник, весь потянувшись к уже ему зримому горнему миру.

О С.Н. Дурьiline хочется сказать еще несколько слов, так как некоторые люди были ему многим обязаны, в частности будущий отец Сергей Сидоров. Он водил его, меня и Колю Чернышева в кремлевские соборы, чтобы мы через самый покой их камня и красок ощутили славу и тишину Церкви Божией, водил на теософские собрания, чтобы мы знали, откуда идет духовная фальшь, на лекции Флоренского «Философия культа», чтобы мы поняли живую реальность таинства, в Щукинскую галерею, чтобы мы через Пикассо услышали, как где-то совсем близко шевелится хаос и человека, и мира, на свои чтения о Лермонтове, чтобы открыть в его лазурности, не замечаемой за его «печоринством», ожидание «мировой души» Соловьева.

И в пурпуре небесного блистанья,
С очами, полными лазурного огня,
Явилась ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Это строфа из стихотворения Вл. Соловьева, а вторую строчку он взял у Лермонтова.

Те «университеты», которые мы тогда проходили под влиянием всех людей, о которых я вспоминаю, а лично мы трое особенно под влиянием С.Н. Дурьилина, в главном можно было бы определить так: познание Церкви через единый путь русской религиозной мысли, начиная от древних строителей «обыденных храмов» и кончая точно случайными отсветами великого Света у некоторых современных русских писателей, — отсветами, осознанными как предчувствие «всемирного и творческого дня».

Третий из нас и наиболее близкий к С.Н. Дурьилину был Коля Чернышев. Он был «тяжелодум», мыслил не по-интеллигентски быстро, а как-то по-мужицки медленно, но, когда тяжелый пласт «средостения» у него снимался, было видно, что в его душе — все «свое», а не интеллигентски заимствованное и все глубокое, глубинное, как слова из той древней «Книги голубиной» или «глубинной», которую мы тогда с ним читали. Читали мы тогда Тют-

чева, Блока, И. Анненского, «Три разговора» Соловьева и его стихи, Флоренского, Эрна, Эврипида, Розанова, каких-то ранних символистов, «Цветочки» Франциска Ассизского, «Древний патерик» и «Луг духовный». Мы не читали Достоевского только потому, что жили вместе с ним, нося его всегда в себе и уже давно его прочитавши глазами.

Дом Чернышева был на Немецкой улице, и в его большом и нарядном зале С.Н. Дурьлин поставил в 1916 году как семейный спектакль пьесу Крылова «Трумф», причем актерами были его ученики, и среди них Игорь Ильинский. Сережа Сидоров тогда был юноша с курчавой черной головой и красивыми восточными глазами: его мать была грузинка. Где-то в Курской губернии тогда еще жила в своем бывшем имении его тетка, и туда, к моей зависти, иногда ездили и Сергей Николаевич и Коля, а я почему-то не мог ездить и оставался в голодной Москве 1918 года, зная, что там будут не только «пиры ума» — интереснейшие разговоры с Сергеем Николаевичем и Сережей, но и достаточно сытные обеды.

Сейчас тем, кто не пережил этих лет — 1918, 1919, 1920-го, невозможно представить себе нашу тогдашнюю жизнь. Это была жизнь скудости во всем и какой-то великой темноты, среди которой освещенный своими огнями плавал свободный корабль Церкви. В России продолжалось старчество, то есть живое духовное руководство Оптиной пустыни и других монастырей. В Москве не только у отца Алексия Мечева, но и во многих других храмах началась духовная весна, мы ее видели и ею дышали. В Лавре снимали тяжелую годуновскую ризу с рублевской «Троицы», открывая Божественную красоту. В Москве по церквям и в аудиториях Флоренский вел свою проповедь, все многообразие которой можно свести к одной самой нужной истине: о реальности духовного мира. В Московском университете еще можно было слушать лекции не только Челпанова, но даже и Бердяева, читавшего курс какой-то путаной, но все же «Космической философии». Он же потом (кажется, в 1921-м) основал «Вольную академию духовной культуры». В Москву из Петербурга приехал на жительство Розанов, сразу посмирневший от пережитого и уехавший умирать в Сергиев Посад. Я, помню, провожал его на Ярославском вокзале, и он все меня благодарил. Он был тогда такой самый простой старичок (с хитрецей), вернувшийся по мудрому страху к «вере отцов» и, кстати, решивший из благодарности за проводы, что я и Коля Чернышев должны жениться на двух его дочерях, совершенно нам неизвестных.

Далеко-далеко от меня это время — скудости и богатства, темноты и духовного счастья. Когда-то митрополит Филарет Мос-

ковский перестал ездить на заседания в Синод, говоря, что «шпоры генерала (то есть обер-прокурора) цепляют за мою мантию». В то время, о котором я пишу, все шпоры были позади и мы вдыхали полной грудью великую церковную свободу.

А скудость была большая, попросту голод, и поездки куда-то за Рязань в тамбурах и на крышах вагонов за хлебом и магическим тогда спасительным пшеном. Помню, как помогали сохранять и терпение, и веру эти тогда написанные строчки Вяч. Иванова:

Вари пшено, и час тебе довлеет...
Ах, вечности могила глубока...

Мало остается близких от того времени людей. Иные и остались, но они точно перемолоты в каких-то жерновах долгих десятилетий, и нужно дерзновение любви, чтобы прорваться через все занавесы времени к чистой душе этих первоначальных лет.

Вот наверху окошко светится,
Упав на белой мостовой,
Там, где легко мела метелица,
Год Революции второй.

Сережа ни в каком высшем заведении не учился, но был посвоему образован и так же самобытен, как Коля. Он хорошо знал русскую поэзию, мемуарную литературу и русскую историю, и в этой истории его любимым веком был XVIII. Он был романтик, ощущая тепло земли именно в этом аспекте, но романтика как-то легко и просто уживалась в нем с глубоким церковным чувством. Помню, я как-то спросил его: «Почему в церковных песнопениях я больше люблю благодарственные, а не покаянные?» Он ответил: «Потому, что ты еще очень юн в Церкви. Со временем все придет». Иногда он меня тоже спрашивал, но я, кажется, не умел отвечать. Как-то он спросил меня: «Можно ли сочетать христианство с влюбленностью?» Был он тогда влюблен в Таню Кожевникову, и я помню, как, отстоявши 12 Евангелий в Великий четверг у нас в «Плотниках», мы спешили с ним пешком (трамваи не ходили) в университетскую церковь на угол Никитской, чтобы успеть увидеть ее при выходе «как мимолетное виденье». Знал Сережа и какое-то продолжение, еще нигде не записанное, рассказов «о русских подвижниках XVIII и XIX веков», и XX, конечно, об этих чистых и странных для мира людях, не вмещавшихся в нем. Я из таких знал только Н.Н. Прейса, о котором уже писал, и А.Н. Руднева, умершего в 1920 году, ученого-филолога, ученика профессора С.И. Соболевского, много лет работавшего в библиотеке Московского университета. Это были праведники с

высшим образованием, любившие мир Божий и прошедшие по нему, не запятнав ничем своей к нему любви. Я бы не сказал, что они были «последние», потому что и сейчас знаю таких. А. Н. Руднев не был женат, но был в многолетней переписке с одной слушательницей Московских Высших женских курсов, то есть по-теперешнему гуманитарного вуза. Она (Вера Ив. Л.), как и Алексей Николаевич, любила посещать московские храмы, где ее особенное внимание привлекали блаженные и странники. Таких блаженных тогда было немало, и я их тоже помню, не только по монастырям, но и по Москве. Эти два человека, несомненно имея друг к другу большое чувство и живя в одном городе, вели друг с другом переписку, но никогда не бывали друг у друга и нигде не бывали вместе.

Сергея Сидоров, помню, прочел нам то, что он записал тогда об одном из таких людей, о Лучинском (или Лучицком). Все забылось, кроме одного: как Лучинский любил ходить по московским улицам и переулкам в поисках тех мест, где когда-то давно, в веках, стояли сгоревшие или снесенные храмы. Много храмов было снесено и в любимом Сережей XVIII веке, что он хорошо знал, так что если и продолжал его любить, то без всяких иллюзий. И вот Лучинский искал и находил эти места и там, на улице, молился. Уже очень много лет спустя я слышал, как отец Серафим (Битюгов) придавал особое значение тому месту, где когда-то совершалась Божественная служба и возносилась чаша.

На этом чтении о Лучинском, кажется, был и Коля Чернышев. Потом он женился на моей сестре, которую как-то по-своему любил. Он учился живописи у Машкова и Фалька, совершенно отрицал Васнецова, но вот одну его картину он признавал: «Иван-царевича на сером волке», и я знаю, почему: ему казалось, что он — царевич (а может, и волк), а она — царевна.

Для жизни в браке надо иметь такое же призвание, как для жизни в монашестве. Может быть, Коле лучше было бы быть монахом. Я помню, с каким сердечным чувством он декламировал свое любимое стихотворение Блока:

Ветер стих, и слава зарева
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́нная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

Коля не выговаривал «л» и произносил: «без кробука», звонко и светло повышая голос на этих словах. Он говорил и от себя и от нас, от нашего тогдашнего (в 1918—1919 годах) восприятия монашества — то ли в романтизме и ограниченности, то ли в истинном подвиге, широте и любви. Я не знаю. Многого в своей жизни я не узнал до сих пор.

В 1933 году зимой сестра умерла. Мне рассказывали, что, пока она лежала дома в гробу, он все бегал по улицам в тоске. Я ему написал из Вологды и получил в ответ его стихи о ее смерти, в которых была такая строчка: «Не дрогнут мраморные пальцы...»

Отпевание сестры на дому совершал епископ Афанасий (Сахаров), как-то оказавшийся в это время в Москве в редком промежутке между своими бесконечными высылками. Я узнал его еще в 1923 году в зырянской ссылке.

С.Н. Дурьлин привез впервые меня и Колю в Абрамцево летом 17-го года. Тогда оно было еще совсем не музей, а большой дом, полный личной жизни владеющих им людей. Помню на террасе за чайным столом совсем уже старого Савву Ивановича Мамонтова. Но мамонтовскую эпоху дома в этот приезд и в последующие я как-то не замечал, в частности Врубеля, весь погружаясь в воздух аксаковского гнезда, тогда еще совсем теплого. Я впервые попал в этот мир уходящей эпохи и полюбил его навсегда. Я ходил по дому и буквально нюхал необъяснимо милый мне запах какого-то навсегда теряемого покоя. Ночевал я не раз в отдельном домике уже мамонтовской эпохи, но там был простой письменный стол у окна, а за окном парк, и хотелось писать за этим столом что-то очень спокойное, доброе и нужное всем, может быть продолжение «Записок об ужении рыбы». Но все-таки и я понимал, что, возвышаясь над всем, что есть в этом доме, и будучи в центре его, сидела эта девочка с ясными глазами на удивительном портрете Серова.

Кажется, этим же летом или осенью помню всюнощную в абрамцевском храме. Шестопсалмие читал А.Д. Самарин. Мой отец давно знал его и высоко ценил, и, когда Александра Дмитриевича незадолго до революции назначили обер-прокурором Святейшего Синода, я помню, что он пошел на телеграф (мы жили тогда на даче) и послал ему поздравление. Тогда шла глухая борьба против Распутина, против разложения правительства и церковного руководства и назначение Александра Дмитри-

евича воспринималось как победа в этой борьбе. Помню неудачную попытку повлиять на лиц, ослепленных страшным мужиком, через оптинского старца Анатолия, привезенного для этого в Петербург. Помню передаваемые из рук в руки, не помещаемые в газетах стенограммы антираспутинских речей в Государственной думе. Помню рассказ о том, что Распутин уже в полном ослеплении от своей власти послал на фронт великому князю Николаю Николаевичу телеграмму с уведомлением, что он выезжает к нему в Ставку, и краткий телеграфный ответ главнокомандующего: «Приезжай, повешу». Ужас и отвращение перед существованием над Россией Распутина были тогда так сильны, что, я помню, когда совершилось его убийство и я сообщил об этом иносказательно (в печати, конечно, ничего не было) по телефону одной знакомой, то она мне сказала: «Ну, слава Богу! Теперь осталась еще одна», — намекая на императрицу. Здесь интересным фактом является только то, что эта знакомая дама была из очень почтенного общества и верующей семьи.

Явление Распутина страшно не потому, что был такой человек сам по себе, а потому, что он был выразителем и точно «итогом» многовекового затемнения в русской религиозной душе великой и трудной идеи святости. Русский человек вдруг оказался падким на тот самый соблазн, на который строго указал уже апостол Павел. «И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, — пишет он римлянам как бы от имени этих соблазненных, — как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таких». Из «делать зло, чтобы вышло добро» русский человек сотворил себе дьявольский силлогизм: 1) «не покаешься — не спасешься»; 2) «не согрешишь — не покаешься», а поэтому 3) «не согрешишь — не спасешься». Путь к спасению стал утверждаться не против греха, а через грех. Как удобно! И мы хорошо знаем, что не только темные сибирские мужики, хитро иногда подмигивая собеседнику, могли развивать эту теорию своей практики о спасении *через грех*, но и вполне интеллигентные люди, ничего не понимая в истинной святости, могли и могут говорить нечто подобное (но, конечно, более деликатно), убежденно презирая, как они говорят, «всякое святошество». «Праведен суд на таких». Может быть, все положительное, что было и есть в послереволюционной религиозной мысли, надо было бы определить как возврат к апостольскому осознанию идеи святости, не имеющей, конечно, ничего общего со «святошеством», так же как истинное покаяние не имеет ничего общего, то есть не совместимо, с грехом. Отец Амвросий Оптинский, передавая учение отцов, говорил, что «покаяние не оканчивается до гроба и имеет три

свойства: очищение помыслов, терпение скорбей и молитву. Три эти вещи одна без другой не совершаются»¹, то есть без очищения нет покаяния.

А.Д. Самарина я еще помню по литургии в Успенском соборе уже после епархиального съезда, на котором большинство всего в несколько голосов получил второй кандидат на Московскую митрополию — Тихон. Когда подходили к кресту, который держал новый митрополит, я видел, как он с улыбкой привета и уважения сделал движение вперед к подходившему Александру Дмитриевичу.

Все современные моей юности Самарины были живыми носителями духа старого славянофильства, одного из наиболее неожиданных и светлых движений русских образованных людей XIX века, которому многим обязан не только Достоевский, но и Герцен. Недаром самый сердечный некролог на смерть Константина Аксакова был написан именно Герценом.

Светлая неожиданность славянофильства — в том, что после давнего разложения образованного общества и его дехристианизации в XVIII веке возникло движение яркое, смелое и чистое к возрождению христианства в этом образованном обществе и к преобразению всей России на основе христианства. Суть славянофильства, конечно, не «славяне» и совсем даже не «народ» как таковой, а только христианский народ, то есть Церковь.

«Славянофилы придавали и народности значение не самой по себе, а *только* как органу, призванному осуществить в жизни учение Христа»².

«Для России возможна только одна задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ»³.

«Славянофильство есть не что иное, как высшая христианская проповедь»⁴.

Возврат к чистому христианству — вот что такое старое славянофильство, имеющее очень мало общего с позднейшим национализмом и реакцией. Эта суть славянофильства драгоценна нам теперь тем более, что всю широту понятия истинного христианства славянофилы уместили в ясное определение Церкви как бо-

¹ Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Сергиев Посад, 1908. Вып. 1. С. 294.

² Самарин Д. Ф. Поборник вселенской правды. СПб., 1890. С. 25.

³ Хомяков А. С. О юридических вопросах: Письмо к издателю «Русской беседы» // Сочинения. М., 1861. Т. 1. С. 626.

⁴ Письмо И. С. Аксакова Н. Н. Страхову от 6 июля 1863 г. — Цит. по: Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 257.

гочеловеческого организма, то есть вернули экклезиологию к ее первоисточнику — к учению апостола Павла. «Введение его (понятия Церкви) в наше религиозное сознание, — пишет Вл. Соловьев, — есть главная и неотъемлемая заслуга славянофильства»¹. «Церковь не доктрина, не система и не учреждение. Церковь есть живой организм истины и любви»² — так формулирует Ю.Ф. Самарин взгляд Хомякова и свой.

Славянофильство мне вспомнилось вместе с людьми, тогда еще живыми, после того, как я вспомнил службу в Успенском соборе. Собор был полон святыни, и он был полон русской историей. Когда в нем шла служба, все это оживало: и святые на фресках, и вся Россия, страдавшая и радостная, умиравшая и снова несущая свою веру — свой крест.

Однажды, наверное в 1914 или 1915 году, я пришел в собор ночью, на утреню с понедельника на вторник Страстной. Собор был совсем темный, немного страшный при мысли, что здесь стояли опричники Грозного в рясах поверх кольчуг. Что-то читалось, мерцали немногочисленные лампы, а потом вдруг с обоих клиросов начали сходить гуськом соборные протопопы в камилавках, священники и диаконы и встали в круг посередине перед амвоном. Их было много, человек двадцать, и вдруг они запели: «Се, Жених грядет в полунощи». Они пели басами (причт Успенского собора и подбирался по басам), и в их пении было что-то грозное, и в нем была все та же Россия.

Была у меня еще одна ночь в Кремле, но уже на площади, в мае 1913 года, когда открывали мощи святителя Гермогена. По всей площади от соборов к Спасским воротам стоял или сидел народ большими и малыми группами, не расхившийся после всенощной в ожидании утреннего торжества. Горели во многих местах свечи перед иконами, раздавалось пение молебнов, не нарушая как-то общей тишины ожидания. Ночь была очень тихая. Можно ли забыть это видение Церкви, молящейся в самом центре большого города? Это была какая-то Пасха «среди лета», и в то же время это был 1913 год, то есть канун Первой мировой войны, когда мы вступили в «свою», нам предназначенную эпоху, так что можно сказать, что в то время как Страстная должна быть перед Пасхой, здесь Пасха была перед Страстной. Не означает ли это, что в христианстве одно от другого неотделимо?

---

¹ Соловьев В. С. История и будущее теократии // Полн. собр. соч. СПб., 1901. Т. 4. С. 223.

² Самарин Ю. Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 2. С. XXI.

VII

В духовном облике епископа Афанасия (Сахарова) было для меня что-то чуждое, но, так как, несмотря на это, я его любил и люблю, мне хочется записать то, что сохранилось о нем в моей памяти, пока эта память еще действует.

Прежде всего мне кажется, что это мое в отношении его отчуждение он сам же во мне как-то уничтожал своим сердцем, полным любви. Он был одним из тех русских епископов-подвижников XX века, «ихже имена Ты, Господи, веси». Хотя неудобно начинать воспоминания о другом с воспоминания, так сказать, о самом себе, но для вводной и очень важной характеристики Владыки я начну с одного его письма ко мне и обо мне. В конце 50-х годов он прочел мою работу «Путь Отцов», где я пытаюсь дать современному христианину, живущему «в миру», сборник для чтения по монашеской аскетике, вне которой непонятно то первохристианство, к которому, очевидно, постепенно будет возвращаться ход церковной истории. Вскоре я получил от него письмо о его впечатлении: «Милость Божия буди с Вами, милый и дорогой мой Сереженька (Владыка был старше меня лет на 12–13)... Господь да поможет Вам шествовать “путем Отцов”... “Монастырь в миру” — на эту тему была написана большая тетрадь покойным отцом Валентином Свенцицким... Идея “монастыря в миру” для меня особенно дорога, и пропаганду ее я считаю существенно необходимой... Вы знаете меня, что я не аскет-созерцатель. Я уставщик, обрядовер и, может быть, даже в некоторых отношениях буквоед. Я, говоря о “монастыре в миру”, стал бы говорить о внешнем поведении православных христиан — монахов в миру. Ваша книга — богословское обоснование “монастыря в миру”... С любовью обнимаю вас и лобызаю, и паки прошу прощения. Спасайтесь о Господе. С любовью, богомолец Ваш, епископ Афанасий».

Тут все его: и «буквоедство», и любовь смиренной и великой души старца-епископа, одного из тех редчайших людей, которым хочется поклониться до земли и припасть к коленям, ища у них их неоскудевающего мужества и неугасимого тепла. А поклониться можно было бы, даже если знать только одни чисто внешние факты его жизни. Кажется, из тридцати трех лет его епископства он только вначале три года был свободен и руководил своей епархией, а остальное время провел в лагерях и ссылках. Ссылки были в промежутках между лагерями — «для некоторого отдыха», как он, улыбаясь, говорил. А в лагерях проходил он всякие общие работы, включая и такие, как вывозка нечистот.

В самом еще начале этого его «хождения по мукам» я его и

увидел впервые в 1923 году в Усть-Сысольске, или Сыктывкаре. Тогда это был еще совсем молодой архиерей, худой, белокурый, очень живой и веселый. Жил он в пригороде Усть-Сысольска Искаре со своим келейником и добровольным спутником иеромонахом Дамаскином. Они занимали одну большую светлую комнату. В ней были стол, два небольших диванчика, стоявшие за занавеской спинками друг к другу, и в углу у икон небольшой столик, служивший престолом для литургии. Из архиереев тогда были в том же городе: Кирилл, митрополит Казанский; Николай (Добронравов), архиепископ Владимирский; Фаддей, архиепископ Астраханский и кто-то еще. Время от времени появлялись и целые партии архиереев, но их обычно тут же расселяли по другим городкам и селам, а те, которых я назвал, были уже вроде местных «старожилов».

Пел и читал во время богослужений владыка Фаддей, а у владыки Афанасия не было ни слуха, ни голоса. Он служил довольно часто, так как в местную церковь никто из нас не ходил: там были живоцерковники. Конечно, он мог бы иметь и полное архиерейское облачение, но он предпочитал служить в простой холщовой священнической фелони, только сверх нее надевая омофор. И митра у него была не обычная, не высокая и не сияющая искусственными бриллиантами, а маленькая, матерчатая, по образу древних митр русских святителей, без камней и украшений, только с иконками. Говорили, что она и поныне цела. В этом была какая-то мудрая мера. Служение в комнате предъявляет духовные требования и к внешности: пышность византийского обряда становится в комнате чем-то громоздким, ненужным и даже досадным. Я особенно почувствовал эту, так сказать, диалектику истории, когда однажды в том же крае, в селе Серегове, был на богослужении в комнате у епископа Аввакума, Уфимского vicария. Это был тоже молодой, очень образованный и приветливый человек, еще совсем недавно перед этим бывший профессором математики в Казани, а до этого, как говорили, увлекающийся анархизмом, — человек, конечно, совсем невизантийских вкусов. Но он жил в доме, полном монахинь из только что закрытого там Сереговского монастыря, недалеко от Усть-Выми, — монахинь, его приютивших и его опекавших. И вот я видел, как он покорно облачался в полное и великолепное архиерейское облачение, точно заполнявшее всю комнату и делавшее ее как-то еще более тесной.

На богослужении у владыки Афанасия были только свои ссыльные по делам Церкви. После окончания службы полагалось обильное, по мере возможности конечно, и во всяком случае очень оживленное и веселое кормление всех присутствующи-

щих. Простота отношения к ним Владыки не допускала даже намека на ту фальшивую елейность, которая почему-то многими считается каким-то хорошим тоном для общения с людьми духовного звания. Оптинский старец Леонид (в схиме Лев), основатель оптинского старчества, называл такое елейное обращение «химерой». Одна знакомая рассказывала, как за такой же вот веселой трапезой после богослужения Владыка, высмеивая елейность, сказал, передавая кому-то чайную ложку: «Возьмите эту ложечку — ею сам владыченька кушал».

Он не любил акафистов и тяготился тем, что некоторые их составители присылают их ему на оценку и благословение. В современных акафистах угнетает искусственность их составления, обязательность этих именно 144-х «радуйся», хотя невозможно человеку 144 раза подряд радоваться, эта и тематическая, и даже словарная стандартность. Каноны, составившиеся в древности, неизмеримо глубже, свободнее и богаче акафистов. Помню, как Владыка говорит: «Вот опять прислали новосоставленный акафист святому. Вы знаете, как они теперь составляются: берется житие и перелagается отдельными стишками, с прикреплением к каждому слова “радуйся”. Вот и в этом: в житии святого был случай, что он, не желая нарушить закон любви, в постный день не отказался в гостях от рыбы. В акафисте насчет любви сократили и получился такой стишок: “Радуйся, иже в пяток от рыбных пиши не отказавыйся”». И тут Владыка залился своим добрым смехом.

В его же комнате было и мое венчание. Венчать нас должен был митрополит Кирилл, но его за неделю до этого дня неожиданно перевели в другой городок, где он жил потом вместе с епископом Николаем Петергофским, будущим известным митрополитом Николаем Крутицким. Но зато «Исаия, ликуй» пел нам владыка Фаддей, а напутственное слово сказал, кроме венчавшего нас священника, владыка Николай (Добронравов), причем оно состояло всего из четырех слов по-латыни: «*Reg gisces ad lucem*» («Через крест к свету»). Для всех архиереев я по просьбе Владыки заказал столяру деревянные посохи — длинные некрашенные палки с утолщением наверху. Владыка Афанасий всегда ходил с посохом: и на регистрацию, и на прогулку. Он даже на суд пришел с посохом и так с ним и сидел на скамье подсудимых. Этот суд был каким-то мимолетным и не совсем понятным эпизодом. Кажется, что-то где-то заподозрили незаконное в действиях лиц, подчиненных Владыке, когда он еще был на свободе в своей епархии. Может быть, во время изъятия церковных ценностей — не помню. Прокурор говорил большую речь, мы все волновались, но кончилось все благополучно, и Владыка пошел домой со своим посохом, окруженный нами.

Для всех ссыльных священников Владыка любил делать очень искусные иерейские кресты из картона и бумаги, золотой и серебряной, и священники, когда совершали богослужение, всегда их надевали. Был при этом случай, который смутил и огорчил Владыку. Сделал он одному священнику «золотой» крест. Тот его с удовольствием принял, но тут же попросил написать ему удостоверение о том, что он «награжден золотым крестом». Оказалось, что он у себя в епархии имел только серебряный. Огорчила Владыку, конечно, эта деловитость да и собственная неосмотрительность.

За недостатком икон Владыка делал и маленькие иконки разных святых из вырезанных где-нибудь их изображений, из материи, картона и бисера. Входишь из кухни в его комнату — и в ней обычная картина: тишина, в углу горит лампадка, а за столом Владыка или пишет, или клеит иконки. Это при его живом характере вместо разъездов по епархии!

Отец Дамаскин — келейник — был человек исключительно преданный ему, но человек болезненный. Иногда у него делались какие-то приступы неудержимой тоски. Он тогда от всех убегал, странствовал где-то по улицам и полям, не одетый, без шапки. Приходилось его искать и вести домой. Так что та тишина, которая окружала Владыку, была совсем не такая простая и легкая. Это была тишина подвига. Он был настоящий монах. Помню, он говорит: «Если бы было нужно иметь в Церкви не семь, но восемь таинств, то я хотел бы, чтобы этим восьмым было монашество».

Он был, конечно, строгий постник. Для того чтобы показать, насколько пост угоден Богу, он как-то рассказал про себя: «Особенно я старался в тюрьме соблюсти именно Великий пост, как подготовку к Пасхе, и заметил, что на пасхальные дни Господь всегда посылал мне и в пище великое утешение и обилие. А вот однажды было так: перед Пасхой меня отправили на этап, перевод на другое место, и на этапе я не выдержал и поел рыбных консервов. И вот это была самая трудная и самая скудная для меня Пасха!»

Можем ли мы вообще представить себе эту лагерную Пасху и ее скудость? Молящимся мы его видели только во время всенощной и обедни, но, конечно, они с отцом Дамаскином вычитывали все установленные на день службы и монашеское правило. Об этом можно судить хотя бы по тому, что уже в Петушках, то есть в последние годы его жизни, он, уже старый и слабый, неуклонно выполнял это ежедневное молитвенное «стояние на страже». От тех, кто тогда приезжал к нему с ночевкой, неоднократно я слышал: «Бывало, утро зимнее темное, в комнате еще не тепло,

спать хочется страшно, но из-за стены слышно плескание ручья и добрый голос Владыки: «Вставайте, вставайте, ленивии!» — причем это последнее слово он произносил по-славянски, с двумя «и» на конце. И Владыка начинал длинное утреннее правило».

Его душа звала близких участвовать в подвиге, но его доброта, конечно, никого не принуждала и, самое главное, никого не осуждала. Он был строг к себе, но не к другим. Это я очень хорошо знаю. Материально Владыка там, в Усть-Сысольске, не бедствовал, получал посылки и помощь от близких. Тогда была жива еще его мать, которую он очень любил (она умерла в 1930 году, и это было для него, как он сам говорил, величайшим горем). И тут его доброта выражалась в материальной помощи другим людям, причем не только близким. Помню, что моя сестра принесла от него большую пищевую передачу в тюрьму совершенно чужим ему по духу людям. Это были эсеры, и тут, кстати сказать, произошло одно «осложнение». Когда его передача была передана их вожакам (а сидели они все вместе, большой группой, в какой-то закрытой церкви), то у этих вожаков возникла серьезная принципиальная проблема: «Можно ли принимать помощь от церковников?» Большинство этих вождей склонялись к тому, что «нет», и только решительное противодействие одного из них (Вани Кашина) спасло положение, и, как потом рассказывали, он, лукаво поблескивая своими очками, внес к голодному и обрадованному рядовому составу громадный поднос с котлетами и со словами: «Владыка благословил рыбкой».

После моего венчания я поступил на работу в городе, который отстоял примерно в двух верстах от нашего жилья. Вскоре моя жена заболела и почти весь день должна была проводить одна в ожидании моего возвращения с работы. Единственной ее опорой и утешением был Владыка. Он приходил, подметал пол, приготавливал пищу или приносил что-нибудь с собой, причем, я уверен, не забывал принести и что-нибудь сладкое, так как он сам его любил и всегда говорил с улыбкой: «Во-первых, я сам “Сахаров”, а во-вторых, все “духовные” должны есть побольше сладкого».

Таким же Владыка остался и освободившись от своих «университетов» и поселившись после 1953 или 1954 года в Петушках. К этому последнему периоду его жизни относится его открытое письмо к Ольге Илиодоровне Сахарновой, явившееся для многих людей поворотным пунктом в их отношении к Церкви. В этом письме, которое лучше назвать посланием епископа, было дано благословение всем, кто еще уклонялся тогда от общения с Церковью по мотивам незаконности ее высшей иерархии, войти

в полноту этого общения. Этим посланием епископ, оставшийся после тридцатилетнего лагерного стажа совершенно таким же, каким он был всю жизнь, утверждал какое-то недомыслие, нелепость ухода в раскол и необходимость сохранения единства церковной ограды даже и в том случае, если она все больше наполняется духом, чуждым ее апостольской чистоте. Конечно, Владыка уже знал в то время благодатную формулу об этом отца Валентина Свенцицкого: «Грех в Церкви есть грех не Церкви, но против Церкви».

Ольга Илиодоровна была одним из близких ему людей, когда в юности знавшая еще отца Иоанна Кронштадтского, а в то время пребывавшая в каком-то недоуменном расколе. Я ее знал в течение пяти лет в Сибири, причем последние два года она пребывала там совершенно добровольно, только для того, чтобы обслуживать уже совсем больного и старого отца Димитрия Крючкова. Только похоронив его на глухом сельском кладбище, она вернулась в родные места и жила до смерти в Загорске.

В петушкинский период, хотя Владыка не стал епархиальным архиереем, а жил там как частное лицо, его церковная деятельность неизмеримо расширилась. Он получил возможность ездить во Владимир, в Москву, в Загорск. К нему все время приезжали отовсюду люди за духовным советом. Он начал интенсивно работать над приведением в порядок богослужебных книг. Несколько раз его приглашали участвовать в архиерейском служении во Владимире, в Загорске. «Лавра и та и не та», — сказал он о своем впечатлении от Лавры. Во Владимире он служил на праздновании 800-летия города, и его служение привлекло толпы народа, из которого еще многие могли знать его в начале 20-х годов, когда он был Владимирским викарием. Служить в петушкинском храме по архиерейскому чину ему не разрешили, а служить как простой священник он не захотел. Когда он мне об этом рассказывал, я, кажется, впервые увидел, что он может сердиться. «Я сам знаю, как мне служить», — сказал он.

В этот же период столько людей в разных городах получали от него письма или открытки с фотографиями икон и с письменным обращением на обороте, всегда таким ласковым и простым, к Пасхе, к Рождеству (вторые обычно начинались словами: «Христос рождается!»).

Владыке сшили новую рясу, и иногда его можно было встретить на московских улицах — по всему своему облику, по этой рясе, по длинным волосам, по дорожному посоху человека не этого мира, а каким-то образом сошедшего с иконы в наш атомный век святителя допетровской Руси.

В это же время его пригласили для работы в Патриархии, в

Комиссию по церковному уставу. Он, правда, недолго в ней работал, его скоро освободили. «Не умел ладить с начальством», — писал он в одном письме. Но, может быть, в этом отстранении его выразилась, хоть и уродливо, какая-то закономерность церковной эпохи. Когда его назначили в эту комиссию, кто-то сказал: «Владыку назначили председателем комиссии по оцепиванию комаров».

Соблюдение богослужебного устава, то есть Типикона, надо уважать и по мере сил соблюдать. Только не надо этот устав «догматизировать», считать, что Типикон — это «боговдохновенная книга», то есть книга, равная Священному Писанию, а именно это определение Типикона приводит Владыка с одобрением в своей работе 50-х годов «О поминовении усопших по уставу Церкви». Ужасно, когда из-за нежелания войти в труд молитвы, из-за духовной лени сокращается богослужение, то есть нарушается Типикон. Но ужасно и то, если «на плечи людям кладутся бремена тяжкие и неудобноносимые». Если Типикон есть требование во всем меры, то и наше отношение к нему самому не должно быть безмерным. Он в смысле своих детальных правил есть нечто условное, а не безусловное, как Слово Божие. Было время, когда этих правил не было. Надо осознать, что Типикон создавался в византийском средневековье, в монастырях, и преимущественно для монахов или вообще для людей, свободных от других обязанностей, семейных или служебных, — создавался для выполнения всего большого суточного круга. Вот в нем запрещено в воскресные и праздничные дни за литургией возносить открытые моления об усопших, и Владыка в своей работе правильно показал, что это только для того запрещено, чтобы не отвлекать молящихся во что-то хорошее, но все же личное, — в личное горе от вселенского, всецерковного литургического торжества. И что желающие литургически молиться за усопших могут сделать это в любой другой, то есть не праздничный и не воскресный, день. Он правильно рассуждал, так же как и составитель этого запрещения в каком-нибудь VIII—IX столетии, видя монахов или других людей, имеющих возможность посещать храм в будние дни. Но если современный нам и еще работающий где-нибудь в учреждении или на заводе человек только в воскресенье и сможет попасть в церковь, и то только, может быть, от скорби по своим усопшим, то не понуждает ли нас любовь к нему, к миллионам таких, как-то молиться об усопших и в воскресный день? Но конечно, это очень трудный вопрос. Прикрываясь любовью, можно уйти по дороге живоцерковничества. Без духовного рассуждения соблюдая Типикон, можно действительно заняться «поглощением верблюдов». Без устава может возникнуть

произвол, с уставом на плечи может лечь невыносимое бремя, противоречащее закону любви и тому самому чувству меры, которое должен осуществлять устав.

Очевидно, правильно мыслил отец Павел Флоренский, говоря, что в уставе надо различать две стороны — духовную и внешнюю. Первая — это животворящий страх Божий перед участием в богослужении, необходимость нашего молитвенного труда и в нем порядка. Вторая сторона — это буква устава, которая иногда может и мертвить, это всевозможные конкретные установления относительно этого порядка, размещение и построение фактически уже существующих в практике богослужебных частей. Первая — незыблема, вторая же меняется, как условная. И может меняться в зависимости от сокращения или включения в богослужение новых частей или от создания новых богослужений. До IV–V веков в богослужении не было ни Херувимской, ни «Святый Боже...», ни нашего Символа веры, ни многого другого. До IV века не было богослужения даже для такого великого праздника, как Рождество Христово. Первая же сторона существует с самого основания Церкви, она есть сама суть богослужения и нашего стояния перед Богом. Она не зависит от прибавления или убавления тех или иных богослужебных частей.

Только твердо держась духовной стороны устава, можно избежать противоречий относительно него и, что главное, получить действительное оружие против духовной смерти, проникающей в церковное человечество, уже давно проникшей в него, причем еще в эпоху полного и безраздельного господства Типикона. Об этом говорят и история Византии, и история России XVI–XVII веков. «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» — эти слова были сказаны в первом веке, то есть тогда, когда у Церкви еще ничего не было, кроме Слова Божия и огней Пятидесятницы. Но в этом и было действительно все, что надо было «держаться», в этом была и есть вся полнота бытия, и в этой полноте живет и духовная сторона устава. Если мы и будем ее в себе держать, нам будут чужды богослужебный произвол и молитвенная лень и мы будем жить в духе первохристианской Церкви, с ее горением в непрестанном молитвенном труде, с ее апостольским чувством меры, строя и страха Божия.

Во Владыке же чувствовалась какая-то недооценка значения для нас первоначального христианства. Помню, он еще в Усть-Сысольске говорил: «Из двух слов: “христианин” и “православный” — мне милее и дороже второе». И это будет понятно, если вспомнить, что слово «христианин» появляется уже в «Деяниях святых апостолов» за тысячелетие до Типикона. В тех же «Деяниях» рассказывается, что тогда «все верующие были вместе и име-

ли все общее... и каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. 2, 44, 46). А вот Владыка как-то рассказал мне один поразительный факт: когда ему в его скитаниях в Сибири однажды посчастливилось случайно соединиться в какой-то глухой ссыльной деревне с митрополитом Кириллом, очень им всегда уважаемым и действительно великим иерархом, то это счастье длилось у них, оказывается, недолго. «Пришлось нам, — рассказывал мне Владыка, — через некоторое время поселиться врозь, и все из-за расхождений по Типикону». Не в силах был дать им Типикон ни единодушия, ни «простоты сердца». Но при всем том Владыка понимал, что Церковь входит в какую-то иную эпоху своей истории, чуждую некоторых установившихся традиций и понятий.

Как-то, уже незадолго до его смерти, будучи в Петушках, я пересказал ему рассказ одного искреннего священника, который в бытность свою в молодости иподиаконом у Воронежского архиерея присутствовал при вскрытии мощей епископа Митрофанья. «Я, — говорил этот священник мне, — пришел в великое смущение, потому что все было так же, как тогда писали в газетах о некоторых других мощах: какие-то тряпочки, посторонние предметы, какая-то фальсификация». Я это передал Владыке, и мне было тяжело ждать его ответа. Я боялся, что он промолчит или как-то обойдет ответ, ибо ответ прямой был, по моему мнению, немыслим для такого «традиционного» архиерея. И вдруг оказалось, что Владыка совсем не «традиционный». После какого-то молчания он мне сказал: «Да, когда по приказанию Петра мощи Александра Невского повезли на лошадях из Владимира в Петербург, они где-то, на какой-то станции обгорели. И вот был приказ: сделать скульптурное подобие головы». Владыка еще помолчал, а потом добавил: «Один архиерей в начале революции мне говорил: “и те останки святых, которые действительно были нетленными, должны все к концу истории разрушиться, по общему закону Божию: Земля еси и в землю отыдеши”».

В этом ответе Владыка, по существу, учил, что не надо слепо принимать на веру все старое только потому, что оно «старое». Когда-то полноводная река Византии обмелела до того, что местами превратилась в болото. Надо идти не к «старому», а к «живым источникам вод», в «старом» ли они или в «новом».

Последние годы Владыка был точно в каком-то смятении чувств. То, что совершалось и в стенах Церкви, и в мире, вызывало в нем глубочайшую тревогу. Он стал сомневаться даже в правдивости своего «ухода на покой», в этом своем, как ему стало

казаться, уклонении от участия в борьбе со все усиливающимся злом. «Не попросить ли мне о назначении меня на епархию?» — спрашивал он близкого ему человека. Кажется, в это время его «повысили», сделали архиепископом, но разве это могло ему помочь? Он так и не собрался поехать в Москву для получения звания. Какое-то горестное недоумение и скорбь о все увеличивающемся обмирщении Церкви выражались и в разговорах его, и в письмах.

Так он умер в 1962 году. Но перед смертью он сказал близким о том, где же выход. «Вас всех спасет молитва» — это были его одни из самых последних слов. А в работе «О поминовении усопших» он когда-то, в 50-х годах, писал: «Каждый должен молиться о всех». Так он остался верен своей сути, своему монашескому молитвенному духу, который, если он истинный, есть, конечно, дух первохристианский. «Бдите и молитесь, да не внидете в напасть», «непрестанно молитесь» — слышим мы в первохристианстве.

Я узнал о его смерти в Москве и поехал в Петушки. По дороге смущала мысль: «Неужели я больше не увижу его лица?» Ведь по традиции лица монашествующих и духовенства после смерти закрываются материей. В дом было трудно войти. Народ стоял во дворе, на лестнице, в комнатах. Мне уже рассказали, что приехал от Патриарха для совершения похорон архиепископ Симон, близкий человек Владыке, что похороны будут во Владимире с участием и Владимирского архиерея. Наконец, я вошел в комнату, где люди стояли вплотную и где в углу у гроба священник читал Евангелие. Я взглянул в гроб и был поражен: передо мной в полном голубом архиерейском облачении лежал с совершенно открытым лицом Владыка. Где же традиция? Все отошло перед иной правдой. Лицо было невероятно скорбно. Перед нами лежала страдающая за нас и молящая за нас любовь.

17 декабря 1975 г.

VIII

Теперь я попытаюсь подробнее записать то, что осталось в памяти от моих тюремных и ссыльных лет — эпохи моего и страдания, и счастья.

Было часов шесть утра в середине июля, когда я вышел из дома, стоявшего в старом парке под Москвой, чтобы ехать к себе на Арбат. Цвели липы, и воздух был полон покоем и чистотой Божьего утра. Я уже с вечера знал, что в Москве у меня на квартире «засада», что мой арест за выступление против живоцерковни-

ков неизбежен, и все же утро было такое, что, когда я увидел у самой стены дома человека в черной гимнастерке с наганом в руке, я как-то не сразу связал его с тем, чего ждал и к чему был подготовлен. Я почувствовал только вопиющее, невероятное несоответствие этой фигуры всему, что ее окружало. И тут же сердце запылало от боли по уходящей свободе. Из-за угла вышла вторая фигура, тоже с наганом, и меня вполне драматически повели на вокзал.

Тогда, в 1922 году, были времена, так сказать, еще архаические, и даже во внутренней тюрьме, куда меня через два с половиной часа привезли, еще сохранялось кое в чем древнее простодушие. Со мной при выходе из дома были две книги по русской филологии, кожаный портфельчик и маленькое Евангелие на славянском языке. И вот с этим багажом меня и ввели в «предварилку». Это был ряд комнат в полуподвале, на первый взгляд самых обычных, с окнами во двор, откуда несло монотонное и деловитое пение электропилы, напоминавшее мне зубоорудную бормашину. Но окно было закрыто высоким щитом, в нижние просветы которого можно было наблюдать — в яме перед окном — бесшумно путешествующую крысу.

«Предварилка» — это нечто вроде проходной комнаты. Люди приходили и уходили, редкие оставались дольше двух дней, никто не успевал ни с кем сблизиться, все были растеряны, старались говорить о посторонних вещах и как можно больше спать, подложив под голову кепку, — сон был единственным способом бегства от действительности. Из этой комнаты я помню поэта с круглым лицом, с волосами в скобку и с ногтями длиной буквально сантиметров в восемь или десять. Я так и не спросил, к какому поэтическому цеху он принадлежал — ведь в те времена были самые невероятные, — но помню, что из-за этих ногтей он с трудом подносил ко рту ложку с баландой. Потом привели нашего посла в Китае, прямо с дороги, очень растерянного, держащего в руке единственную вещь: пачку прекрасной голубоватой почтовой бумаги. Потом в коридоре, когда водили на допрос, мелькнула фигура митрополита Агафангела в черной рясе и белом клобуке и очень многое мне напомнило: всего за шесть лет перед этим мы вместе с ним жили летом в Толгском монастыре под Ярославлем, и это ему, по рассказам, варили тогда монахи уху на курином бульоне. Это было последнее лето перед революцией. На великой реке была тишина, с одной стороны была березовая, а с другой — кедровая роща, и если подойти к краю березовой, то открывались луга и там, на краю их, верст за пять, белая церковь, от которой по субботам слабо доносился звон. Я тогда уже знал стихи И. Аксакова:

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонят ко всеношной,
К молитве благодной.

Я тогда читал славянофилов, Григория Сковороду, преподобного Серафима «О цели христианской жизни», и, слушая этот звон, мне думалось, что там, наверное, нет монахов, выходящих покурить во время литургии, что именно там, а не здесь хранима еще Богом Церковь — «ты, риза чистая Христа», как сказал Тютчев. Но, несмотря на растерянность, все в камере, в общем, чувствовали себя довольно спокойно: ведь период террора окончился и ВЧК была тогда уже переименована в ГПУ. Надо было только научиться наименее болезненно перенести полученную рану.

Кажется, на второй день один из сидевших сказал мне, что в соседней камере отец Владимир Богданов со святыми Дарами и что можно упротить дежурного к нему пройти. Я так и сделал и в тот же вечер вошел в голубую от табачного дыма соседнюю камеру, чтобы причаститься.

Отец Владимир обрадовался моему приходу. Он был бодрый, улыбающийся, простой, совсем непохожий на известного «богдановского» вождя арбатского периода. Это был человек, точно сбросивший какое-то бремя и нашедший наконец свое истинное место. А рядом с ним на нарах изнемогал от духоты и своего громадного тела протопресвитер большого Успенского собора Любимов — «поп-гора», как его называли его ученицы по закону Божию в дореволюционной гимназии.

Дежурный, впусив меня, стоял у полуприкрытой двери и ждал, пока окончится таинство. И сидевшие в камере — я помню — не очень удивились моему приходу. Такие тогда еще были времена! Отец Владимир Криволицкий рассказал мне о случае еще более знаменательном. Он был однажды арестован на улице, когда шел с дароносицей причащать больного. Введя в комендатуру, его поставили где-то в углу и велели ждать. Рядом был высокий прилавок. Он поставил на него дароносицу и попросил четверть стакана воды, объяснив в немногих словах окружающим, что с ним святыня, которую он не может отдать, но должен выпить. Окружающие — в кожаных куртках — переглянулись, и кто-то из них молча принес ему до краев полный стакан воды. Это мне кажется совсем как «и побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить». Когда все было закончено, отец Владимир тщательно вытер маленькую чашу и отдал ее этим же людям.

Вскоре после того, как я вернулся в свою камеру, меня пере-

вели уже в «настоящую» внутреннюю, на второй или третий этаж, причем опять оставили, хотя был обыск, и филологические книги, и Евангелие.

Прогулок во «внутренней» тогда не полагалось, книг не давали, сидение было довольно томительное, но зато тогда можно было днем лежать на своей койке сколько хочешь и, следовательно, уткнувшись носом в стенку, быть только с самим собой. Впрочем, окружение у меня оказалось и небольшое, и неутомительное. Молодой добродушный агроном с украинской фамилией, постоянно недоумевающий тому, что он сюда попал, выходил под вечер «посмотреть овсы», как он говорил, то есть походить между койками, где на полу лежала осыпающаяся из тюфяка солома. Старый адвокат Жданов, привезенный прямо с процесса правых эсеров, где он изводил прокурора саркастическими репликами, рассказывал, пожевывая седеющие усы, всякие истории из дореволюционных политических процессов. Бывший директор конторы Государственного банка в мешковатом сером костюме по-стариковски аккуратно перекладывал с места на место свои многочисленные мешочки с передачей. Молодой простецкий парень в тугреватом лицом, мелкий служащий на железной дороге и в то же время сын «графа Амори» — скандального продолжателя в литературе известных романов Вербицкой, — методично бил боксом по пальто на вешалке у двери. Об отце он не любил говорить. Был еще маленький испуганный еврей, инженер, из тех, кто когда-то в молодости хаживал в меньшевистские кружки, а теперь был бы ужасно рад забыть о них вполне и совершенно. Был еще кубанский белый офицер, остаток уже отошедшей тогда в прошлое гражданской войны, рассказывавший о том, как его водили на фиктивный расстрел. Был еще секретарь ЦК партии левых эсеров, молодой караим с черной бородой, вечно лежавший на койке с закинутыми за голову руками, вечно молчаливый и не сводивший с потолка своих больших печальных караимских глаз.

А по ночам, когда затихали все рассказы и закрывались все глаза, когда в тишине лишь изредка доносился через стены из недостигаемого свободного мира визг трамвая, наверное при повороте с Театральной, а по ковру коридора не замирали мягкие шаги, — можно было наблюдать, как вездесущие мыши плясали свои свадебные пляски на старом паркете. Ведь когда-то это было зданием страхового общества и гостиницы «Россия». Уткнувшись в стену, можно было без конца читать Евангелие. Мне был тогда только 21 год, но мне — я помню — было до очевидности ясно, что происшедшая катастрофа — это Божие возмездие. Я понимал, что когда верующий человек отказывается от подвига

своей веры, от какого-то узкого пути и страдания внутреннего, то Бог — если Он еще благоволит его спасти — посылает ему страдание явное: болезни, лишения, скорби, чтобы хоть этим путем он принес «плод жизни вечной». «Жена, когда рождает, терпит скорбь» — это закон христианского пути. Я понимал, что к прежней жизни я просто не смею вернуться, выйдя отсюда, и мне казалось, что мне легко это будет сделать. Дверь камеры была заперта, но во мне внутри ощутимо открылась тогда какая-то дверь, и я выходил через нее на большую и радостную дорогу. Помню, как особенно часто я читал там 6-ю главу от Марка: «И призва обанадесяте, и начат их посылати два два (по два)... и заповеда им, да ничесоже возмут на путь, токмо жезл един: ни пирры (сумы), ни хлеба, ни при поясе меди». Через ткань этих слов все яснее чувствовалось, что при любви к Христу нельзя работать двум господам, что душа должна, наконец, сделать выбор. И таким простым тогда казался мне этот выбор! Душа так легко, так бездумно шла уже по дорогам и проселкам Галилейским, ища даже не учения, а только зримый образ Учителя и Бога. Как сказал Пастернак о Магдалине,

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи,
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые Твои.

В этом я жил тогда. Это был кризис и выздоровление после долгой и тяжелой болезни молодости.

Через два месяца, в ясный сентябрьский день, меня перевезли в просторные и еще совсем патриархальные тогда Бутырки. В центре четверугольника тюремных корпусов еще стояла тогда, хоть и закрытая, тюремная церковь, где когда-то служил отец, и где меня крестили, и куда меня в первый раз взяли к заутрене на Пасху: я помню, как мы идем с мамой ночью в церковь по длинным праздничным половикам, расстеленным в тюремных переходах. Церковь была небольшая, в левом притворе стояла икона «Взыскание погибших», а в правом помещались во время службы арестанты; там был полумрак, высокое распятие с большой лампадой у лика Спасителя и слышался иногда перезвон кандалов. Из коридора, по которому нас теперь водили на прогулку, еще видна верхушка кирпичного дома, где прошло мое детство до семи лет. Там был кабинет отца, с твердыми черными креслами у стола, с портретами на стене: отца Амвросия в камилавке, Леонтьева, уже старого, в пенсне и шляпе, и моей матери в кокошнике и сарафане, работы Ярошенко, маслом. Ярошенко был приятелем папиного брата Павла, революционера. Рядом с домом

был сад со скамейками и какими-то скучными клумбами, а за садом — большой пустынный деревянный склад, заросший лопухами и крапивой и так замечательно хорошо пахнувший прелым деревом.

Тюрьма — это прежде всего школа общения с людьми. Конечно, можно и голову сломать в этой принудительной школе, но если Бог поможет, то в сердце останется только скорбь о человеке — начало любви к нему. Один современный ученый как-то сказал мне, что из всей его жизни только один его поступок кажется ему действительно значительным: не астрономические его открытия и работы и не выдержка его в течение нескольких лет тяжелой одиночки, где он зимой замерзал, а только то, что однажды, не имея сам ничего, он разломил свою заветную тюремную пайку хлеба и дал половину голодному и совсем ему незнакомому человеку. Он говорил мне об этом не хвастаясь, а именно как ученый, констатирующий какой-то удивительный, но в то же время ясный для него факт. Я сам не раз испытывал, точно прикосновение к току, эту встречу с поступком какой-то малейшей любви ко мне посторонних людей. Помню, в новосибирской тюрьме подошел ко мне один отпетый бандит и угрюмо, как бы не глядя, сунул мне луковицу. Могу сказать, что бесхитростная приязнь служит и в наше время единственным языком, понятным для всех.

В Рождество 1945/46 года я лежал в невероятно тесном, темном и душном отделении «стольпинского» вагона на перегоне из Челябинска в Красноярск. Кругом «уркачи», голодные и мрачные, как тигры. Они только что стащили с одного спящего на полу в каше тел новые хромовые сапоги. Духота и жажда. Есть уже и не хочется, а только пить, а пить нечего: воду дают дважды в день по несколько глотков. Шаря по пустому вещевому мешку, я нащупал какую-то маленькую корочку и, потирая ее между пальцами, вдруг ощутил, как легкое дуновение, восхитительный запах мандарина. Это было замечательно: мандариновый запах не только как-то облегчил жажду, но он установил в черном и душном аду какое-то обетованное место — кусочек родного дома с рождественскими елками, на которых, конечно, когда-то висели у нас мандарины. Я тер, и нюхал, и вдыхал детство, а потом, засмеявшись, говорю одному из «уркачей» — молодому и, можно сказать, культурному москвичу: «А ну-ка, земляк, понюхай». Земляк нашел в темноте мою руку, взял корочку и, конечно, тоже восхитился, и мы поделили пополам и все нюхали, к зависти других, но к зависти уже дружеской: корочка сделалась мостом между всеми нами и дальше ехать было легче.

Кстати, не могу не вспомнить еще один факт из тюремной

жизни моего знакомого — ученого и верующего человека. Как я уже сказал, он провел несколько лет в одиночной камере одной тюрьмы. Режим ее был очень трудный, и он чувствовал, что его силы, не столько даже физические, сколько душевные, кончаются. Как вдруг ему неожиданно разрешили продолжать писать какую-то его уже начатую им на свободе научную работу, правда с тем, чтобы каждый вечер все им написанное за день безвозвратно отбиралось. Он с радостью бросился писать и на этом условии, спасая свою голову и забывая о времени. Но, проработав сколько-то, вдруг обнаружил, что для продолжения работы ему абсолютно нужна одна математическая формула, которую он забыл и которая находится на такой-то странице его собственного учебника. Вся его радость померкла, и несколько дней он пребывал в отчаянии. Раз в неделю заключенным давали книги из тюремной библиотеки. Он принял их и в этот раз, машинально положил на нары, думая, что это опять «Железный поток» или стихи Демьяна Бедного, как вдруг увидел, что одна из книг — это его собственный учебник, который ему в эти суровые дни был так жизненно необходим! Бог спасает людей Своих и в одиночной камере.

Передачи в Бутырках я получал тогда обильные, и не только еду, но и книги, и длинные письма. Во «внутреннюю» ни книг, ни писем уже и тогда не полагалось, но продукты пропускались всякие и в любом виде. Рассказывали, что кто-то из сидевших тогда эсеров был обязательно раз в неделю пьян, к великому, конечно, удивлению и ужасу тюремного начальства: ведь все-таки это была не долговая тюрьма «Маршальси» из «Крошки Доррит», а самая настоящая «внутренняя». Но наконец в глазок подглядели, как этот заключенный отколупывал восковую заклеечку на цельном яйце и выпивал спирт, налитый в пустую скорлупу.

Раз к нам во «внутреннюю» привезли молодого эсера — боевика из рабочих. Его привезли из Таганской тюрьмы плашмя на грузовике с приставленными к нему штыками. Оказывается, этот парень умудрился получить в передаче револьвер, кажется в пироге, и во время прогулки сшиб вместе с кем-то охрану и провалился на улицу. В те времена тюремная техника была еще явно отсталая.

В сидении 1932–1933 годов я видел в Бутырках одного беглеца еврея. Это был высокий, крепкий и умный человек, староста громадной и буйной камеры в 200 человек уголовников, которыми он грозно и мудро управлял. Он сумел убежать с Соловков, то есть с острова в Белом море, добрался до Москвы и здесь скоро занял привычное ему положение. Впрочем, не менее удивительно, как он опять очутился в тюрьме. Уже совсем забыв о своем

прошлом, он шел по Тверской и остановился почистить ботинки. Пока ему чистили, он читал газету, держа ее перед лицом. Потом почему-то опустил ее, открыл лицо и тут же увидел глаза проходящего мимо одного из своих соловецких начальников.

На окнах Бутырской тюрьмы тогда щитов еще не было, и из двух окон нашей камеры можно было видеть кусочек далекой улицы с проезжавшими по ней извозчиками. Тогда по Москве еще всю ездили извозчики. За дальностью расстояния шума езды слышно не было, и лошади и люди, бесшумно катясь и исчезая, точно на экране немого кино, казались существами иного и нереального мира. Надо было оторвать от них жадный взор и обратиться к реальности. Вот два белоруса опять начали свою благодушную борьбу на поясах. Они были в лаптях, светлых рубашках и домотканых штанах какого-то сиреневого цвета и всегда неразлучны — молодые, высокие, белые, с бородами. Они брались за пояса и старались оторвать друг друга от земли, долго похаживая вокруг незримой оси. А вчера, когда вся камера шумно и весело пошла на прогулку, они остались одни с отцом Владимиром Богдановым, чтобы исповедаться и причаститься. После камерного шума была такая тишина, когда на длинный, засаленный тюремный стол отец Владимир поставил крошечную чашу. Я стоял рядом и читал благодарственные молитвы. Вот где источник осеннего солнца, светящего в окна, и вот где источник силы этих двух притихших богатырей.

Прогулки были долгие, минут на двадцать, и, что их особенно оживляло, на них выпускали сразу по две камеры. Помню, из соседней камеры выходят два католических священника, совсем друг на друга непохожие: один — пожилой, спокойный, с черной бородкой, всегда приветливо подходил к Павлу Вятскому — архиерею из нашей камеры — под благословение и целовал его руку, а другой — молодой, бритый, с недоверчивыми и спорящими глазами, только сухо издали кланялся: чувствовалось, что для него и здесь, в тюрьме, до небес достигали перегородки между Церквами.

В нашей камере, кроме длинного общего стола, был еще маленький столик в простенке между окнами, служивший престолом для совершения литургии. В камере были антиминс и сосуды, конечно жестяные, одно холщовое священническое облачение, несколько маленьких икон, свечи и даже настоящее кадило и ладан. Забота о кадиле лежала на мне, и вот, пристроившись к коридорным дежурным по раздаче утренней или вечерней еды, я спускаюсь с ними и с кадилом в тюремную кухню, и кто-нибудь из поваров, с особым каждый раз удовольствием на лице, вытаскивает мне из громадной печи самые отменные угли.

В камере было при мне временами до пяти архиереев и по нескольку священников. Они служили по очереди — не каждый день, но довольно часто. Иногда на служение пускались гости и из других камер. Пели почти все — это значит человек 20, и каменные своды старой тюрьмы далеко передавали божественные песни.

Богослужение — это единство устремления людей к Богу. Если на богослужении нет совсем людей, устремленных к Богу, то богослужения и не будет, а будет только стертая медь обряда. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая... и нет мне в том никакой пользы».

У нас в камере были два человека, явно устремленные к Богу: отец Валентин Свенцицкий и отец Василий Перебаскин. Первый еще недавно перед этим был в гуще интеллигенции, писал в газетах и журналах вместе с Мережковским и Гиппиус, а теперь носил черный подрясник и, хоть и женатый священник, монашеские четки. Это был человек большой и трудный... В нем чувствовалась тогда мощь духовного борца, находящегося в смертельной схватке «невидимой брани» и еще не достигшего покоя. Мира души, как трофея победы, в нем еще не чувствовалось, но самая борьба его, настолько реальная, что как бы уже видимая, была сама по себе учительна и заразительна для других. Он был именно устремлен ко Христу: наверное, и он увидел Его где-то, может быть тоже на пути, и эта устремленность устремляла других.

Отец Василий Перебаскин был как бы простейший русский, да еще вятский поп, конечно, обремененный семьей, конечно, рыжеватый, высокий, с красноватым носом, в сером старом подряснике, из-под которого попозже к зиме выглядывали несуразно большие валенки. Отец Валентин все больше молчал, перебирая четки, а отец Василий часто говорил с людьми. Между собой они были в явной дружбе. Говорил отец Василий словами простыми, иногда даже словами совсем не литературными, грубыми, но всегда говорил то, что было надо сказать собеседнику, точно вырубая заросли чужой души. Помню разговор его с одним ученым протоиереем, державшимся от всех нас в стороне. Это был еще молодой юрист, профессор канонического права в одном из университетов. Принявши почему-то священство (в начале революции), он к этому времени уже снял рясу и работал как юрист в каком-то учреждении. Помню, что отец Василий долго ему что-то рассказывал вполголоса, сидя на его койке, про какого-то священника в деревне, про крестный ход летом на полях, про какое-то торжество молящихся под голубым небом лю-

дей. И я ясно помню лицо этого юриста в слезах. Отец Василий имел дар помощи людям, и он давал эту помощь в радости и в непрестанной молитве. Как говорил преподобный Макарий Великий, «молитва основана на любви, а любовь — на радости». Это и есть христианство. Но где теперь эти люди?

Вот вечером служится всенощная. Все стоят и участвуют, кроме двух-трех отрицателей, играющих в стороне в шахматы. Кстати, один из отрицателей был художник, замечательно искусно делавший из протертого через матерью хлеба не только шахматы, но и нагрудные кресты для духовенства и четки. Камера освещена пыльной лампочкой; кругом постели, обувь, чайники, «параша», тяжелый воздух ночлежки — все здесь непохоже на привычное в долгих веках благолепие храма, где и стены помогают молиться. Здесь надо ничего не видеть, кроме маленького столика в простенке с горящей на нем свечой. А мне еще надо видеть отца Василия. Вот поется канон, и его красивый мягкий тенор запекает седьмую песнь: «Божия снисхождения огонь устыдеса в Вавилоне иногда; сего ради отроцы в пещи радованною ногою, яко во цветнице ликующе пояху: благословен еси Боже отец наших». Я вижу его поюще лицо, счастливые спокойные глаза, и кажется мне, что это он стоит и «во цветнице ликуя поет», в пещи вавилонской, которой сделалась для него эта темная камера со стенами, осклизлыми от столетий человеческого житья. О, мой дорогой тихий вятский авва! Ты и меня тогда учил идти «радованною ногою» по узкому Христову пути.

Подъем утром был в семь, а если тихонько встать на час раньше, то узнаешь самое хорошее камерное время. Тишина, простор, покой, ушла пелена табачного дыма, не слышно перебранок, в коридоре дремлют на табуретках утомленные сторожа, в своей дремоте ставшие совершенно такими же простыми и понятными, как вот эти спящие вокруг меня фигуры архиереев, художников, жандармов, инженеров и крестьян... «Земля людей». «Помилуй, Боже, ночные души».

Я беру присланный в передаче отцовский молитвослов и читаю в полунощнице 17-ю кафизму. «Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим... Твой есмь аз, спаси мя... Раб Твой есмь аз: вразуми мя... Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое... Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим... Жива будет душа моя и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне...»

Вот я пишу сейчас эти слова, чувствую, что пишу слишком много, и не могу остановиться. За прошедшие 40 лет сколько раз я уходил от этих слов и сколько раз они снова открывались мне, как звезды в ночи души, напоминая, умоляя и зовя. И, бывало,

видя их снова, я иногда испытывал искреннее недоумение, уже погружаясь в полное забвение бутырской полунощницы, и точно говорил им: «Quo vadis, Domine?» И тут же вспоминал все по сказанному: «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом... И выйдя вон, плакал горько»...

После подъема начиналось самое неинтересное время: поверка, мелкие или крупные ссоры из-за хлебных паек, из-за книг тюремной библиотеки, томительное ожидание — даже не обеда и прогулки, а вообще какого-то движения «реки времен». Впрочем, и самая эта томительность постепенно делалась привычной. И здесь, в тюрьме, обыденность пробивала какую-то свою колею, и постепенно койка и камера делались для каждого точно домом и люди окутывались особым тюремным покрывалом, какой-то смесью равнодушия и отчаяния. Когда я в период этой первой ссылки был на этапе в вологодской тюрьме, мне однажды показали камеру смертника, какого-то крупного растратчика. Исполнение приговора было отложено на несколько дней в связи с его просьбой о помиловании. Я подошел к двери и заглянул в глазок, вспоминая Шильонского узника. Я увидел прежде всего небольшую круглую чугунную печку, на которой стоял голубой кофейник. На кровати, перед которой стояли ночные туфли, лежал приговоренный и с явным интересом читал затрепанную книжку, по шрифту, формату, конечно, роман. Или человек реагирует только на прямую физическую боль?

Кстати, эта самая Вологда связана у меня с воспоминаниями о физической боли. Наш этап пришел туда в начале декабря утром. Во время выгрузки из вагона на запасных путях один заключенный юркнул под вагон и попытался исчезнуть. Его очень скоро нашли в пустом товарном вагоне. Это был человек среднего роста, бедно одетый и простоволосый, по профессии цирковой клоун. Пока шли поиски, мы стояли у путей, а тут нас опять выстроили и повели по молодому снежку в тюрьму на окраине города. Сзади, как обычно понуро, шли угрюмые овчарки, незаменимые в таких делах. В тюремном дворе нас построили, как на парад, в две шеренги — в передней шеренге прямо передо мной стоял совсем «неотмирный» в черной дорожной скуфейке архиепископ Астраханский Фаддей; клоуна вывели «на плац», конвойные вытащили шомпола, и перед нами в назидание началась экзекуция. Она продолжалась недолго: клоун затих и упал. Впрочем, недели через две я опять его увидел, вышедшего из больницы, хоть и бледного, как мертвец.

Не могу не вспомнить и жестокость другого рода. От шомполов есть больница, а где спасешься от жестоких слов? Среди других был там, в моей первой камере, один архиерей, молодой,

твердый, иконописный, высоко ставивший монашеское звание. «На последнем курсе академии я с одним товарищем, — говорил он мне как-то, — даже сочинение написал на тему, что брак — это не христианское учреждение». «Но, — добавлял он, как бы снисходительно спохватываясь, — это, конечно, не так, это не так». Камерным бездействием он видимо тяготился и часто коротал время за игрой в бирюльки с художником. Бирюльки — это пучок отшлифованных стеклом палочек, которые надо сжать в кулаке и, внезапно открыв, доставать из кучи каждую палочку отдельно, не задевая других. Был послеобеденный час, все лежали и от нечего делать слушали разговор этого архиерея с одним лютеранином — высоким добросовестным обрусевшим немцем. Я помню спокойный голос архиерея: «Поскольку вы не в Церкви, вы и не христианин, вы для меня то же, что язычник». И вдруг оказалось, что для немца это был пинок прямо в лицо. Он приподнялся на своей койке, лицо его стало красным, и он с таким возмущением и огорчением буквально закричал: «Что вы говорите, что вы говорите! Как можно, как можно!..» Так мне довелось тогда узнать, что не все то Православная Церковь, что именуется ею, что всякий нераскаянный грех, особенно прямой грех против любви, отводит меня от нее. «Если имею... всю (православную) веру... а не имею любви, — то я ничто... И если... отдам тело мое на сожжение (или на монашеский подвиг), а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы». «Никакой пользы», «ничто» — никакой Церкви, так как Церкви не может быть в небытии. Даже самой благообразной и правоверной не-любви нет места в святом бытии Церкви.

Надо отвергать лютеранство, а не лютеран, папство, а не католиков. Существует только одна-единственная Церковь, Православная Церковь, но ее незримые связи с христианами Запада, в частности с лютеранами, нам непостижимы, а они действительно существуют, и мы знаем, что на Западе есть христиане, гораздо более находящиеся в Церкви, чем многие из нас.

...Мандарины играют в моих тюремных воспоминаниях определенную роль, и я сейчас опять о них вспомнил. Это было раннее и совсем еще темное утро 25 декабря 1946 года. Этапная камера Бутырок задыхалась от людей, ожидающих отправки. Я уже знал, что меня не сегодня-завтра отправят, и мне не спалось. Да и какое спанье, если для того, чтобы повернуться на другой бок, надо будить соседа и поворачиваться вместе, а соседи бывают разные! Впрочем, моим соседом был очень добрый юноша Илюша. И вот вижу — на противоположном конце камеры у окна стоит во весь рост, точно на трибуне, высокая фигура молодого лютеранина с молитвенно сложенными руками. Слезать на пол

нельзя: везде спящие тела. Кругом тишина и храп. Он стоит долго, неподвижно, со сложенными руками, глядя в замороженное окно. Там, за окном, где-то в темноте пространства — 25 декабря, Рождество, там его лютеранское детство, и где-то там детство Иисуса Христа, «в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода». Что до того, что прошли века, что все больше людей Его забывают? Этот человек на нарах не только помнит Его — он видит Его. Как сказал Пастернак о Рождестве:

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла...

Потом открылась дверь и начали вызывать на этап. Я быстро собрался и, уходя, показал Илюше глазами на одинокую фигуру на нарах. «Да ведь сегодня у них Рождество, — понял он и радостно добавил: — Я сейчас отнесу ему мандарин».

Больше я никогда не видел ни лютеранина, ни Илюшу. И вот теперь, через 15 лет после этого последнего этапа, оглядываясь на многолетний поток людей, с которыми я тогда встречался и шел, я отчетливо знаю, чему в итоге они — эти люди и годы — меня терпеливо учили. Тому, что смысл жизни страшно прост: стараться всегда и везде сохранять тепло сердца, зная, что оно будет нужно кому-то еще, что мы всегда нужны кому-то еще.

На этом следовало бы перевернуть эту страницу памяти 1946 года, но из каких-то ее темных пустынь вдруг еще выходят образы, обрывки разговоров, живое теплое сердце тех часов и минут. У блаженного Августина есть замечательная фраза: «Где же ты теперь, мое детство? Ибо не может быть, чтобы тебя нигде не было». С этими же словами мы, может быть, обращаемся ко всему дороговому, ко всему хорошему, что было когда-нибудь в нашей жизни, — обращаемся с такой горечью, потому что больше его не видим, и с такой надеждой, что, может быть, когда-нибудь увидим опять. Как поется ночью Великой субботы, «воскреснут мертвые, и встанут сущи во гробех, и вси земнороднии возрадуются». Но то, что сейчас возникло в памяти, не поддается передаче в словах, так как, собственно, не имеет никакого сюжета. Это только напев одной песни. Известно, что старая русская песня иногда приближается к молитве, но я не знал, что иногда до молитвенной печали может достичь и старый русский романс. Теснота в этой камере, где лютеранин стоял на трибуне, была такая, что когда нас приводили на десять минут и запирали в совсем уже не соответствующую по размерам уборную, в настоящий обморок от духоты падали даже brave колчаковские полковники, выловленные после окончания войны где-то в Китае. Весь день мы сидели на нарах, а если встанешь, чтобы размяться, то

вступаешь в густой сплошной поток людей, совершающих вращение по камере. И вот милый друг этих дней, которого я никогда раньше не знал и только что встретил и через несколько дней потерял навсегда, говорит мне: «Я знаю, чем вас порадовать!» — глаза его заблестели, и он поднялся на нарах. «Василий Петрович! Капеллу!» — закричал он. Через несколько минут, по закономерности вращения людского потока, к нам на нары высадились два незнакомых мне человека. Наружность их ничего мне не говорила: так, какие-то в серых толстовках. Они запели тенорами:

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...

У Лермонтова есть сон во сне, а здесь — песня в песне. Десятки раз уже слышанные слова опять повели за собою сердце.

И припомнил я ночи другие
И другие поля и леса...

Это была в те минуты не песня, а исповедь о самом драгоценном, что пряталось на дне. Сколько же радостного для нас в этих темных далеких полях, таких дорогих сердцу. Если их нет в современности, то они есть у Бога. «Ибо не может быть, чтобы их нигде не было».

Друг мой, создавший капеллу, перед этим все спрашивал меня: «Вот я приеду в лагерь. Могу ли я покончить с собой?» Он попытывался, конечно, не о технике дела, а хотел узнать: если он это сделает, позволит ли ему Господь подходить вот такой русской ночью к чуть задремавшему перед утреней Китежу? Он спрашивал и все глядел на меня тревожными и доверчивыми глазами. У него было очень тяжелое следствие, а был он человек слабый, был он русский интеллигент. Я то отмалчивался, то отвечал ему формально. И он спросил: «Вы отвечаете формально?» И я сказал: «Да».

Видел я еще в том же 1946 году молодого румынского журналиста. Он был как все: читал Ромена Роллана из тюремной библиотеки и руководил хорovým кружком. Но когда приходило воскресенье, он до часу дня не участвовал ни в чем камерном и ничего не ел. Он ходил и про себя молился. «В эти часы, — объяснил он мне, — совершается литургия». Может ли кто-нибудь представить себе этот подвиг поста в условиях тюрьмы, когда из-за делимых паек хлеба как раз в эти часы в камерах бушуют зависть и злоба? Когда наконец он сядил спокойно за свой завт-

рак, мы обычно уж старались подложить ему к хлебной пайке какой-нибудь кусочек сахара или дольку чеснока.

Архиереи, которых я встречал в тюрьмах, были, конечно, разные. Были такие, как Кирилл Казанский — светлые и верные Христовы рабы. Были добрые, искренние и простые. Были усталые старички, которые, думая, были бы не прочь сыграть в преферанс. Были такие, которые не знали, что такое Оптина пустынь, про Флоренского не слыхали и втайне были уверены, что скоро опять будут ездить в каретах и носить ордена. Но я тогда еще не встречал среди них нового, современного нам архиерея, старающегося уверить нас, что Христос приходил на землю не для спасения человека от греха и смерти вечной, а для улаживания социальных конфликтов. Такие тогда были только у живоцерковников, думающих, что лукавым камуфлированием или маскировкой христианства под современность они сумеют кого-то обмануть. Церковь не может быть ни социалистической, ни капиталистической, ни феодальной. Она может быть только Церковью Божией, и, поскольку она перестает быть только Божией, она перестает быть Церковью или из Церкви Христовой преобразуется в церковь придворную, при каком бы строе или дворе она ни жила. Это и есть обмирщение Церкви — капиталистическое, социалистическое или феодальное. «*Suius regio, ejus religio*»*. Обмирщение может быть разных глубин и всевозможных степеней, но суть его всегда та же: замена веры — неверием, чистоты — грехом.

Как-то я встретил в тюрьме одного московского портного, толстого человека лет шестидесяти. Он подолгу делал надоевшие нам физкультурные зарядки в трусиках и вообще старался бодриться, считая, что его, возможно, скоро освободят. «Я на вашем бы месте, — сказал ему кто-то из сидевших, — как только бы вышел, пошел бы в церковь и отслужил молебен». «Нет уж, с меня хватит попов, я им не верю», — задумчиво ответил портной. Оказывается, он был в близких отношениях с одним известным живоцерковным священником, прислуживал ему в алтаре и с ним же вместе пьянствовал, причем после особо сильных выпивок этот батюшка русской церковной реформации опохмелялся утром в алтаре во время литургии. Конечно, это, может быть, грубый пример, но так или иначе именно в грехе обмирщения Церкви лежит суть живоцерковничества, а не в тех реформах, которыми оно окружало себя, как ореолом. Если Церкви нужно изменить что-то в ее обрядовых обычаях, которые она никогда не воспринимала как неизменяемые, то она это делает просто и без всякого ореола. Митрополит Кирилл, сидя во «внутренней»,

* «Чья власть, того и религия» (лат.).

спокойно, как он мне сам с улыбкой говорил, ел и постом баланду из кроликов, будучи монахом. В церкви бутырской камеры не было ни иконостаса, ни уставных книг, престол мог стоять на восток, а мог стоять и на запад, один священник причащался по-священнически в пиджаке, архиереи служили даже без омофора и т. д. Московский протоиерей отец Иоанн Крылов, сидя в тюрьме, подготовил к крещению одного татарина. Откладывать таинство он не считал возможным. И вот, когда они были в очередной бане, он крестил его под душем, будучи сам, конечно, так же наг, как и крещаемый. И повторилось Писание: «...и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его» (Деян. 8, 38).

Образ митрополита Кирилла Казанского, конечно, неизгладим из памяти. Высокий, очень красивый, еще сильный, несмотря на большие годы, он нес свое величие и светлость по тюрьмам и этапам России. Помню его входящего, точно в богатую приемную залу архиерейского дома, в нашу маленькую и невероятно клопину камеру вятской тюрьмы. На нем была не громоздкая и нелепая шуба, а теплый меховой подрясник, твердо опоясанный ремешком, как древний кафтан, высокая меховая шапка и шарф, закрученный поверху, с концами за пазухой, как это делали когда-то московские извозчики. Это был Илья Муромец, принявший под старость священство. В той камере нас застало Рождество 1922 года, и была отслужена всенощная, и митрополит громогласно воспевал праздничный канон на пару с одним эсером, неожиданно оказавшимся хорошим церковным певцом. Мы стояли перед голой стеной, и облачений уже, конечно, не было, ведь мы были на этапе, но ирмосы канона звучали убедительно, как всегда.

Этапный период — самое тяжелое время для заключенного, но в присутствии старого митрополита унывать было совершенно невозможно. На худой конец он и в шахматы заставит играть, чтобы не падать духом. Помню, он играет с певчим эсером, и тот, переставляя фигуру, с некоторым ехидством ему говорит: «Известно, что восточные патриархи курят. А вы, владыко, курите?» «Мало ли что еще делают восточные патриархи», — с горечью отвечает митрополит. В нем совсем не было иерархической елейности. Помню его принимающего меня на исповеди у себя в комнате в зырянской ссылке. Епитрахиль на серебристой волне волос, опускающихся на плечи, на руке синие нитяные, затертые от молитвы четки, низкий голос говорит: «Мы, священники, видим в этом таинстве свое, особое назначение». Потом его рука прижимает к груди мою голову, и чувствуешь холодок и запах епитрахили и все тепло этого простейшего человека. Он все собирался венчать меня с моей невестой и совершить это у себя в

комнате, но неожиданно до назначенного срока его перевели в Усть-Кулом...

«Наша епархия теперь вот! — сказал как-то митрополит Кирилл и широким жестом показал на сидевших в комнате двух-трех близких ему людей. — Теперь мы совсем по-иному должны созывать свои задачи. Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали». И тут же, улыбаясь, рассказывал: «Когда меня назначили в Петербург викарием к Антонию, один человек говорит мне: “Вас, владыко, сюда назначили по росту, как в гвардию”».

Помню, как в Прощеное воскресенье он — старый, грузный — опускается на колени, чтобы поклониться до земли своей келейнице Евдокии, несшей всю тяготу его скитальческой жизни. Где теперь эти люди?

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть?

Но все страшнее видеть, как умирает церковная эпоха — «Сардийская Церковь», как все пустынное становится жизнь в ней, как все труднее делаются поиски десяти праведников.

С владыкой Кириллом мне пришлось проделать целое этапное путешествие на лошадях в январе 1923 года. В Вятке мы сначала сидели, как я уже сказал, в маленькой клопиной камере в очень небольшом составе: кроме владыки Кирилла и меня, там было еще четыре человека: архиепископ Фаддей, архимандрит Неофит (секретарь патриарха Тихона), певчий эсер (о котором я уже тоже говорил) и один врангелевский офицер с совершенно нелепой, но слишком длинной для рассказа историей и с целым чемоданом великолепных, блестящих сапожных инструментов, которые он вез с собой прямо из Константинополя, где он уже успел сделаться сапожником.

Сидеть там было хорошо, но вскоре нас перевели в тюрьму при управлении ГПУ. Это был громадный сарай позади особняка на одной из центральных улиц, и там мы попали в большую компанию эсеров и эсдеков. Совершать службу стало уже как-то затруднительно: кругом были, так сказать, не Мити Карамазовы и даже не Смердяковы, а просвещенные потомки Чернышевского, вежливо, но чуть презрительно поглядывавшие на попов и совершенно не понимающие, почему они, собственно, оказались вместе под тюремной крышей. Поэтому сидение наше в этом вятском сарае было неудобное и мы были рады, когда нас вызвали на этап, построили и повели. Скоро мы миновали центр и пошли пустырями. Был хороший зимний вечер с добрым русским снежком, тихо опускавшимся на землю. И вдруг — я сразу даже не понял, откуда пошел звук, — все эсеры тихо запели:

Динь-бом, динь-бом. Слышен звук печальный.
Динь-бом, динь-бом. Путь сибирский дальний...

Сдержанный звук голосов сливался со снегом и вечером. О, русская земля!

На вокзале нас посадили в один вагон, но скоро мы и расстались: их повезли, кажется, в Котлас, а нас высадили задолго до него, на станции Мураши, чтобы везти 300 километров на лошадях в Усть-Сысольск: железной дороги тогда к нему еще не было.

И вот мы стоим на маленькой станции, поезд ушел, уехали конвойные, с нами только один да еще добродушный провожатый, кругом тишина, снег, солнце, дымки из труб, лес, свобода, свобода... Можно пойти вон к тем бабам с березовыми лукошками и заговорить с ними, можно пройти внутрь станции и долго читать на стене совершенно ненужное мне расписание, можно весело окликнуть деловито пробегающую большую собаку и засмеяться ее удивленному взгляду. И все это от великого избытка радости об обретенной, хотя и ссыльной свободе. Хочется тронуть рукой и стены домов, и длинную коновязь, у которой лошади мирно похрустывают сеном. Подошла Софья Ивановна, уже нас здесь поджидавшая, и передала от невесты из Москвы маленький образок Божией Матери «Отрада и Утешение». И мы чувствовали себя почти как путешественники XIX века, едущие по каким-то личным и совсем благополучным делам.

Путешествие длилось с неделю: ехали не спеша, так как начались большие морозы и мы, замерзая в санях, уговаривали своего проводника делать почаще привалы. Мы были, наверное, одной из первых партий массовой ссылки и уже несомненно первой церковной, поэтому на всех остановках и ночлегах к нам в избу сходилась удивленный народ. Зырянский край был тогда еще совсем глухой, везде по избам пряли пряжи и горела, потрескивая, березовая лучина в поставце на железном подносе. Народ удивлялся, конечно не нам, мирским и обычным, а невиданным фигурам архиереев, да еще почему-то ссылаемым к ним. Ко мне как-то подошел один мужичок и, хитро подмигнув, спросил: «За золото?» А к владыке Кириллу подошел другой мужичок и, молча встав перед ним на колени, вытащил из-за пазухи длинную бумагу. Оказалось, что он истец по многолетнему бракоразводному процессу, затерянному в каких-то давно исчезнувших дореволюционных консисториях.

Небывалость явления ссыльных архиереев приводила тогда в некотором недоумение и растерянность даже начальство. Когда мы, наконец, прибыли в Усть-Сысольск, нам это начальство предоставило для первого ночлега одну большую комнату. Вско-

ре появился самовар, и мы в полном составе и в полном благодушии пили чай, когда открылась дверь и вошли два высоких человека в военных шинелях. Они подошли к столу, и один из них, глядя на сидевшего в центре владыку Кирилла, как-то приосанился и четко сказал: «Позвольте представиться: я начальник местного ГПУ (он назвал фамилию, но я забыл ее), а это мой заместитель товарищ Распутин». (Эта фамилия, конечно, запомнилась.) Тогда с добродушной улыбкой в глазах поднялся во весь свой рост владыка Кирилл и, на любезность отвечая любезностью, сказал: «Позвольте и нам представиться...» — и он назвал себя и каждого из нас.

Но надо кончать это «собранье пестрых глав». Я совсем не уверен, будут ли они нужны кому-нибудь, кроме меня. Нужно ли кому личное поминанье? А для меня это и есть чтение поминанья в церкви у жертвенника: «О рабе Божиим Игоре, о рабе Божиим Фердинанде (был такой на этапе), о рабе Божиим...» Вот и забыл имя, а фамилия у него была смешная, украинская — Сметанка. Был он простой солдат из категории так называемых шпионов, то есть людей, имевших несчастье попасть в немецкий плен.

Сколько людей прошло за эти три сидения, как вплотную можно было подойти к ним, когда совместные страдания срывали все занавеси, скрывавшие их в эпоху личного и социального ожирения.

Но сидение учило не только этому, а и русской истории. Первый раз я сидел в 1922 году, а «десять лет спустя», в 1933 году, уже открывалось новое лицо России. В это сидение священников в камерах я встретил мало, но общий религиозный уровень сидевших был уже далеко не тот, что в 1922-м. Именно там я оказался тогда впервые на антирелигиозной лекции. Об этом стоит рассказать — именно как о новой эпохе в истории России.

В камере, рассчитанной человек на 35, было более 200. Это была темная толпа запертых людей, к которой без особой нужды не заходили дежурные, а когда все же заходили, то делали это весьма быстро и зорко. Там сидели украинцы, татары, цыгане, венгерские троцкисты, евреи за золото, студенты, матросы, шпионы, мужики и просто уголовники. Матросы весь день с поразительным упорством играли в карты — в козла и в очко, а на ночь залезали спать под нары, точно в трюм корабля. Украинцы со смаком рассказывали о том, что они когда-то ели и пили на воле: «И вот она, как я утром встану, передо мной яичницу из четырех яиц с колбасой — раз! И стакан красного вина». Это говорит один из них, с черной редкой бородкой на уже опухающем от недоедания лице. Татары держались кучкой, бранились по-русски, разговаривали по-татарски, но тоже почему-то сердито, и зло погля-

дывали вокруг. Вот один из евреев рассказывает кружку замороженных слушателей о различных способах прятанья в квартирах золотых и серебряных вещей и о различных способах отыскивания их, применяемых следователями. Где-то у зимнего окна вижу высокую фигуру молодого инженера-химика, красивого и удивительно кроткого, все переживавшего совсем не то, что он здесь, а то, что накануне ареста он узнал об измене любимой жены. Вот подходит ко мне молодой известный шахматист и, узнав, что я жил в Зырянском крае, и ожидая, что и его туда пошлют, расспрашивает меня, какие там женщины. Троцкисты, цыгане и шпионы ни о чем не расспрашивали и держались особняком. В общем, все держались особняком, за исключением, пожалуй, того времени, когда совершалось избиение провинившегося в воровстве хлебной пайки. В эти минуты вспыхивала та объединяющая всех «черная соборность», о которой говорил С.Н. Булгаков, и большинство камеры гудело, орало, визжало, требуя вящего наказания преступнику, обычно какому-нибудь неопытному парнишке.

Там были свои портные и сапожники, производившие разнообразные починки, искусные мастера мундштуков, художники и татуировщики, прекрасные брадобрее, орудующие осколком стекла вместо бритвы, профессионалы-сказочники с непрекращающимся потоком уголовно-былинного эпоса. Для разнообразия были там и два эпилептика, наводившие своими припадками под вечер страх на всех, даже на рыжего матроса, у которого на груди была громадная татуировка двуглавого орла.

Особенных драк не было (случай с ворами — это не драки), раз только, помню, кто-то напал на цыган, и их старшина с длинной, седеющей бородой, рассказывавший мне об их цыганском короле в Сибири и о лечении чахотки собачьим старым салом, вдруг вытащил из-под изголовья большой кусок железа вроде лома. Это удивительно, как жизнь протаскивает постепенно разные предметы в места, казалось бы, совсем отгороженные. Карты, например, всегда были в два цвета: черный и красный. Для черной краски где-то добывалась сажа, но что и где добывалось для красной, я так и не выяснил. Почти каждый раз, когда водили в баню, в опустевшей камере начальством производился «шмон», то есть обыск; карты, конечно, забирались; и вот не пройдет и недели, как новая колода опять в руках играющих.

Весь день эта толпа, даже и затихая, бурлит, томится, не находит себе места. Скрыться негде, разве только лезть в черноту под нары, и чувствуешь себя точно в грохоте, в котором сортируется зерно. Наиболее тяжело было утром и днем. К вечеру как-то все затихало, все уставало, люди точно тускнели вместе с зимними

окнами. Это был январь. И вот новый русский староста, сменивший умного еврея, решил проявить культурную инициативу: ввел по вечерам, после поверки, камерные собрания с увеселительными и общеобразовательными целями. На первом же таком вечере он попал сразу в обе цели, вставши на нары перед затихшей толпой и рассказавши серию похабных анекдотов. На второй вечер в программе была антирелигиозная лекция. Докладчиком был искусствовед, научный сотрудник одного подмосковного музея, а почти все 200 человек занимали места слушателей и слушали в тишине, обнаруживая свою удивительную несопротивляемость. После искусствоведа вышел матрос (не рыжий и большой с орлом, а маленький и молодой, которого недавно били) и с феноменальной ловкостью начал отплясывать «яблочко».

Эта камера была почти безотраднa. Видел я там одного озлобленного монашка, который, когда отдавал что-нибудь из своей передачи неимущим, тоже залезал на нары и произносил оттуда краткую проповедь над кусочком сахара или хлеба, вроде мистера Чэдбенда из «Холодного дома»: «Совершим это в духе любви!» Тепло в сердце осталось только от бородатого тамбовского мужичка, который все сидел у себя на нарах, ни в чем не участвуя, и который учил меня, как лечить зубы: «Ты, Сергей, — говорил он медленно, зашивая старую зимнюю шапку, — если хочешь, чтоб у тебя зубы не болели, никогда их порошком не чисти, а только утром холодной водой полоскай да молись мученику Волифатию».

Молиться в такой камере сообща, то есть церковно, конечно, было невозможно. Если кто молился, то только про себя, ходя по камере или лежа где-нибудь на каменном полу. Вспоминались чьи-то слова: «Будет время, когда у нас ничего не останется, кроме имени Божия». Только этот зубной врач мой перед сном широко крестился и окрещивал все вокруг себя и под собою, делая это, наверное, так же уверенно, как у себя в деревне на печке. Но такой был один, и я думаю, что месяцы этих темных испытаний давались тогда для того, чтобы оценить свет Церкви, чтобы из глубины соборности черной затосковать о соборности церковной, в которой, собственно, тоже толпа людей, но людей, стоящих перед Богом с горящими свечами в руках.

Но вот однажды ночью мягко щелкнула дверь и меня вызвали с вещами. Началась моя вторая ссылка, об одном эпизоде которой я тоже хочу рассказать. Меня поселили у станции Явенга между Вологдой и Архангельском. Пройшла холодная Пасха, а 30 мая вдруг пошел снег, безжалостно заметая землю. В этот день меня вместе с большой толпой таких же, как я, собрали на станции, посадили в теплушки и повезли отдельным составом через

Коношу на Вельскую ветку. Про эту железнодорожную ветку там тогда говорили, что она построена на костях:

Потом бараки черным зевом
Вобрали мутную толпу
Людей, без ропота и гнева
Принявших смертную тропу.

Бараки стояли в большом сосновом лесу, далеко от деревни и всякого питания. А с организацией питания дело обстояло так. Утром нас, уже не евших сутки благодаря внезапности переброски из Явенги, выгнали на работу по заготовке леса, дали норму и предупредили, что питание и хлебный паек будут даваться только тем, кто эту норму полностью выполнит. Я попробовал один день и, выполнив, кажется, не больше половины, понял, что дело дрянь. Работать и не получать питания — долго не протянешь. В таком случае лучше уж, лежа на нарах, сохранять силы в ожидании чуда. Может быть, даже собирать первые весенние грибы или какие-нибудь травы.

Всех отказавшихся от работы переводили в смертный барак. Он так откровенно и назывался, и, когда я в него перешел, он был уже наполовину заполнен. Снег скоро сошел, но никаких грибов, конечно, не было. Были крысы, которых некоторые доходяги пытались бить на еду. Я сам вскоре был уже вне опасности: приехали родные и привезли все, что нужно. Я был там только наблюдателем смерти, а также и преступления рядом с ней. Помню, перед рассветом в тишине барака чей-то негодующий тревожный окрик: «Эй! Брось!» Это один всю ночь умирает и никак не умрет, и вот его соседу не терпится забрать его жалкое вещевое наследство и он, озираясь, накидывает ему на лицо какую-то тряпку. Впрочем, это, может быть, уже не преступление в обычном смысле слова, а начало безумия.

Полную картину его я увидел в соседнем бараке. Там, мне сказали, «доходит» один священник. Я протянул ему, сидевшему на нарах, горсточку мелких кусочков сахара. Он взял, не глядя на меня, и вдруг взор его просиял, он засмеялся, и стал подбрасывать в воздух кусочки, и ловить их, и опять подбрасывать. Он — маленький тамбовский попик — веселился в своем безумном детстве. Я ушел. Легче смотреть, когда смерть идет через голодный понос, оставляя в покое разум.

Зарывали, конечно, сами же. Это был не благоустроенно организованный и плановый лагерь, а как бы стихийно возникший, некая, так сказать, случайность классово-борьбы. Сначала над каждым зарытым телом делали могилки, но потом это было запрещено, чтобы лес не превратился в очевидное кладбище.

Помню большую фигуру иеромонаха Спиридона, седоборо-го, ходившего с молитвословом в руках между черными сосна-ми. Он, не смея стоять у могил, все же совершал про себя отпева-ние усопших. Этот отец Спиридон так хорошо рассказывал в ба-раке про свой Валаам и еще, я слышал, учил заканчивать Иису-сову молитву так: «Богородицею помилуй нас!» И ведь это дейст-вительно так: и в этом лесу, и во всем этом страшном мире: «Бо-городицею помилуй нас!» Только так.

Еще один священник, воронежский (не знаю его имени), гор-боносый, почти седой, с красивыми черными глазами, умирал у нас в бараке. Он «дошел» за два дня, совершенно молча, никого не тревожа, ни с кем почти не разговаривая. Все глядел в пото-лок. Почему — спрашиваю я себя теперь — я к нему не подошел? Помню, как его выносили:

И не дождавшийся до хлеба,
И смерть не смевший превозмочь,
Качался носом острым в небо,
С глазами, брошенными в ночь.

Хоть в этих четырех строчках две последние краденые (у Ан-ненского и у Есенина), но именно так я их тогда себе выговорил.

Пришел день в начале июля, когда вдруг окончилось это ис-пытание. Меня и двух моих товарищей (по хлопотам А.И. Тол-стой) неожиданно по телеграфу вызвали в Вологду: мы понима-ли, что нас вырвали отсюда к жизни. Получив какие-то докумен-ты (под удивленные и внимательные взоры людей в лагерной конторе), мы отправились в путь. Километров восемь пешком по лесу, потом маленькие вагончики все еще строящейся ветки с качающимися рельсами на незасыпанных шпалах. И вдруг из этой полулагерной обстановки мы неожиданно для себя въехали в обычный свободный, цивилизованный мир.

Я с товарищем встал у открытого окна. На заборе железнодо-рожной станции висела афиша кино и футбола, а перед ней стоял парень в спортивной майке. Рядом бойко шла какая-то тор-говля. Здесь шла жизнь, ничего не желавшая знать о кладбище в сосновом лесу. Мы с товарищем переглянулись от одинакового чувства. Что-то мучительное было в этом столкновении того почти потустороннего мира, из которого мы вышли, с афишей кино. И мы подумали, что потусторонний мир был для нас более реален и чем-то невероятно дорог.

Какой же общий итог этой тюремной главы?

Есть вера-обычай, и есть вера-ощущение. Нам всегда удобнее пребывать в первой, каков бы ни был в нас этот обычай — быто-

вой или рациональный, как у сектантов. Обычай ни к чему духовно трудному не обязывает. Вера-ощущение требует подвига жизни: труда любви и смирения. И только она дает ощущение Церкви, которого в нас так ужасно мало, о котором мы часто даже и не слышали. «Какое там еще ощущение Церкви!» Может быть, это даже какое-то новое раскольничество?

Вот только к этому ощущению реальности святой Церкви, к ощущению ее святого пребывания в истории и вели многих из нас годы тюремной и ссыльной жизни.

Помню одно ноябрьское утро в камере 1922 года. Ноябрьское утро бывает темнее декабрьского, если снег еще не покрывает землю. Это самое одинокое время года, время тоски и природы, и сердца. И в такое утро особенно трудно встать. Откроешь глаза, и вот — все та же пыльная лампочка, горевшая, по правилам, всю долгую ночь. В коридоре еще тихо, только где-то внизу хлопнула дверь. Но я вижу, что отец Валентин и отец Василий уже встают, и вдруг стену внутреннего холода пробивает, как луч, теплая победоносная мысль: да ведь сегодня будут служить литургию! Сегодня там, на маленьком столике у окна, опять загорится огонь, и через все стены и холод опять поднимется за всех людей, за всю страдающую землю жестяная тюремная чаша.

«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». У нас нет ничего, кроме этого, но именно в этом больше всего нуждается мир.

Усмань. Покров Божией Матери

У стен Церкви

Это и воспоминания, и размышления. Жизнь определенно кончается, а в душе еще много невысказанного. Вспоминаются слова:

Мы вериги несем на теле
Нерассказанных этих лет.

Сил на что-то цельное и большое у меня совсем нет, а поэтому решил просто записать то, что успею, в надежде, что и это может кому-нибудь пригодиться.

* * *

Совсем особенное чувство нетленной жизни испытывает человек, когда сознает себя стоящим около действительной святости Церкви. Это длится недолго, и человек в эти минуты еще не знает наверняка, находится ли он сам в этой святости, то есть в святой Церкви, но на какой-то блаженный миг чувствует, что стоит около ее пречистых стен.

Ибо наше бытие в Церкви — это не право наше, а всегда чудо и нечаянная радость.

* * *

Церковь есть тайна преодоления одиночества. Это преодоление должно ощущаться совершенно реально, так что, когда ты стоишь в храме, ты тогда только истинно подходишь к стенам Церкви Божией, когда луч любви робко, но и внятно начал растапливать лед одиночества и ты уже не замечаешь того, что только что воздвигало вокруг тебя колючую проволоку: ни неверия священника, воображаемого тобою только или действительно, ни злости «уставных старух», ни дикарского любопытства двух случайно зашедших парней, ни коммерческих переговоров за свечным ящиком. Через все это ты идешь к слепой душе людей, к человеку, который, может быть, через минуты услышит

лучше, чем ты, яснее, чем ты, голос Человека и Бога — Иисуса Христа.

* * *

Ощущение Церкви как общечеловеческой реальности дается иногда совершенно неожиданно.

Я еду в метро, стою и вижу: сидящая женщина держит на руках девочку лет двух, а она через спину матери и вне ее ведения тянется крошечной рукой в синей вышитой рукавичке к тормозному рычагу, вот-вот и дотянется. И тут же я заметил, что вместе со мною на все это глядит мой сосед, еще молодой, хорошо одетый обычный москвич. Наши взгляды встретились, и вдруг мы оба радостно улыбнулись: нас охватило обоим единое чувство общечеловеческого чистейшего сокровища, спрятанного в синей рукавичке. За рычагом какие-то чужие силы, какой-то холод познания «добра и зла», а здесь — тепло и непостижимая, себя не сознающая, безгрешная власть детской души. Мы с этим человеком улыбнулись друг другу не как чужие, но как люди единого и тоже — на миг — теплого и чистого сердца. А это и есть Церковь.

* * *

Старец архимандрит Серафим (Битюгов) провел в затворе — не в монастыре, а в миру — примерно 12 лет, главным образом в Загорске, где и умер 19 февраля 1942 года. В затвор он ушел на послушание. Он был в Дивееве у блаженной Марии Ивановны, рассказывал ей о своей работе на приходе (в церкви Кира и Иоанна в Москве), — работе, очень его вдохновлявшей, а она его прервала и говорит: «Иди в затвор». Он удивился и стал возражать. Она опять ему говорит: «Иди в затвор». Он еще раз попытался привести какие-то разумные доводы против такого решения, но она в третий раз сказала ему то же самое. «И тогда, — рассказывал он мне, — ей сказал: “Благословите, матушка”». В затворе он пробыл до самой своей смерти. Так простая, так сказать, женщина, не имевшая никаких иерархических прав, имевшая только личную святость, решила судьбу архимандрита. Обычные нормы отношений, наблюдаемые на поверхности Церкви, как-то изменяются на ее глубине. Епископы, духовные дети простого иеромонаха отца Алексия Зосимовского, помню, кланялись ему в ноги при свидании. У праведников иные законы.

Старец Серафим рассказывал мне как-то еще один случай из его практики, говорящий о том же. Главным по сану в его храме был одно время епископ. Однажды возник спор по важному ду-

ховному вопросу. С мнением отца Серафима епископ был не согласен, и отец Серафим находился в большом смущении, не зная, как поступить. Это продолжалось до тех пор, пока это его мнение не подтвердил отец Нектарий Оптинский, и тогда отец Серафим, как настоятель, поступил вопреки мнению епископа. Слово простого оптинского иеромонаха решило вопрос. В иерархическом культе Рима это было бы немислимо.

Помню серебро длинных волос на плечах отца Серафима, а сам он — в синей толстовке и брюках, без подрясника и этим рядом смущается, а может быть, испытывает меня. «Вот вы так снисходительны, — говорит он, — не обращаете внимания на мой костюм». «Батюшка, — восклицаю я совершенно искренне, — какое же это может иметь значение?» Он молчит, но я вижу, что он доволен — значит, нет преград между его теплой заботой о моей жизни и мной, ничто внешнее этому не мешает.

Около тепла святой души тает лед сердца. Мне трудно в каком-то смысле быть рядом со старцем, и в то же время около него я снова точно в материнском лоне. Может быть, и в лоне младенцы не всегда чувствуют себя уютно. Бесконечность человеческой заботы о всяком, кто к нему подходит или кто нуждается в духовной помощи, в сочетании с уже не человеческой, но сверхъестественной силой иного, духовного зрения — вот как можно было бы приблизительно определить обаяние всякого истинного старца.

Помню, я переписывал одно его письмо к какой-то духовной дочери по его поручению, и оно начиналось так: «Чадо мое любимое».

Вот он стоит, в подряснике, опоясанный кожаным поясом, в полумантии, со всеми нами на молитве. Иногда крестит кого-то в пространстве перед собой — какого-то отсутствующего своего духовного ребенка. Иногда останавливает чтеца и начинает читать сам, но на середине псалма или молитвы вдруг замолкает, так глубоко вздыхая, что дыхание наполняет комнату. И мы молчим и ждем, зная, что его молитва именно сейчас не молчит, но кричит к Богу. Или бывало так: он начинал читать молитву обычным голосом, размеренно, «установно», но вдруг голос срывался, делался напряженным, глаза наполнялись слезами, и так продолжалось иногда несколько минут. Обычная для нас колея уставного молитвенного строя при нем иногда явно нарушалась. С ним нам могло быть, так сказать, неудобно молиться, так же «неудобно», как неумеющим плавать идти за умеющим в глубокую воду. Отец Владимир Криволуцкий однажды выразил ему свое смущение и осуждение. Он промолчал и — не изменился. И я думаю, что еще в большем неудобстве мы бы почувствовали себя на апостольском богослужении, когда простые миряне получали

откровения, говорили на незнакомых языках и пророчествовали. Для нас такое богослужение только предмет исторического интереса, а для святых оно, очевидно, есть реальная возможность. Отец Серафим с большим уважением относился к уставу, считал, что нарушение его по дерзости или небрежности губительно («Вне устава, — как-то он сказал мне, — когти дьявола»), но сам в своем служении фактически входил в какую-то иную эпоху Церкви, которая во многом будет походить на первохристианскую.

* * *

Молиться без икон трудно. Икона собирает в себе внимание молитвы, как увеличительное стекло собирает рассеянные лучи в одно обжигающее пятно. Икона, учили отцы, есть утверждение реальности человеческой плоти Христовой, и, кто отвергает икону, тот не верит в реальность Боговоплощения, то есть человеческой природы Богочеловека.

И при всем этом вот какие чувства рождаются в современности. Я ночевал в новом районе Москвы. Из нелепо громадного окна открывался холодный вид бесконечных новостроек. В комнате икон не было, а хотелось молиться. Я подошел к окну — уж лучше, думаю, опасности марсианского пейзажа смотреть в глаза, а не создавать себе в уголке иллюзии, что ничего не случилось. И вдруг я почувствовал, что молюсь легко и просто, точно и действительно ничего не случилось. Я молился небу, и оно было таким близким, и чувство небесной родины, чувство нестрашности окружающих пространств и еще чувство свободы человека в христианстве с силой охватило меня.

* * *

Христианство не умирает при умирании иконы как исторического факта. Догмат об иконе имеет вечный смысл, отразив вечную правду реальности вочеловечения Бога. Но самих икон может и не быть. Я помню, как люди молились в тюрьме, стоя перед пустой стеной. В тюрьме молиться и трудно и легко. Трудно потому, что сначала вся камера уставится в твою спину и все, что у многих на уме («ханжа» или еще что-нибудь), будет на уме и у тебя. Легко потому, что когда преодолевается это «назирание», то, правда, будто бы стоишь несколько минут «у врат Царства». В тюрьме Господь «близ есть, при дверех». А насколько это пока еще противоречит установившемуся в веках понятию «православный», стало однажды мне ясно.

Был там, в камере, старый «белый» офицер, воевавший когда-

то на бронепоезде у Врангеля, совсем русский. После одной такой молитвы у пустой стены он спросил: «Вы что, сектант?» И стало понятно, что без иконы можно молиться, если ее нет, а вот без смирения, то есть без осуждения, например, вот этого человека, нельзя.

* * *

Но икона — святыня, святая память о Боге. Старец Серафим (Битюгов) как-то рассказывал: «Когда я еще служил у Кира и Иоанна, позвала меня одна прихожанка отслужить на дому молебен. Окончив молебен, я взял святую воду и пошел окропить комнаты и вещи. Подошел к какому-то шкафу, она открыла мне для окропления дверцы, и вдруг меня охватило необычайное волнение, точно передо мной открылась дверь во что-то святое, священное. Я кроплю, ничего не понимаю и только радостно трепещу перед чем-то. И вот — можете себе представить! — спустя много времени в этот самый шкаф была поставлена в связи с закрытием нашего храма большая икона святых мучеников Кира и Иоанна, и пребывала она там многие трудные годы».

* * *

Помню я, как в начале 30-х годов закрывали и наш храм на Арбате, там, где теперь «Диетический магазин». Дня за два об этом как-то узналось, и я пришел проститься. Храм стоял уже без службы и был пуст. Я ходил и целовал иконы, как живых людей.

Я недавно вспомнил об этом, глядя на икону Спасителя, и снова ощутил уход из мира иконы Христовой. Из мира уходит лик Христа и в буквальном и вот в этом «иконном» смысле. В этом есть нестерпимая скорбь.

* * *

Святость человека есть его благодатность, наполненность его благодатью Божией. Мы плохо понимаем, что такое благодатность, а потому нет понятия более далекого и загадочного для современной церковности, чем понятие святости. Реальная, то есть не символическая, святость уже давно заменяется в Церкви ее словесными знаками — титулами. Это один из признаков оскудения христианства в истории: Церковь болеет и на Востоке и на Западе тяжкой и давней болезнью обмирщения. И в то же самое время мы знаем, что, несмотря на эту болезнь, Церковь живет как святая. Святость ее не только в святыне таинств, но и в реальной

святости ее, может быть, неведомых миру праведников, в любящей вере простых сердец. Отец Николай Голубцов настойчиво говорил: «Записывайте все, что знаете о современных святых».

Солоухин ищет «черные доски» икон, чтобы под чернотой открыть красоту. Мы ничего специально не ищем, но Бог посылает встречи с живыми иконами — людьми Божиими.

* * *

Болезнь Церкви во всех нас. Когда искренне осознаешь себя самого в этой больной части церковного общества, тогда не боишься вслед за великими отцами Церкви признать самый факт болезни и в то же самое время почему-то только тогда начинаешь в радости сердца ощущать непобедимую церковную святость.

Митрополит Антоний (Блум) говорит, что у церкви «есть аспект славный и аспект трагический. Убогий аспект Церкви — это каждый из нас... Мы уже в Церкви, и мы еще на пути к ней»¹.

* * *

Одна женщина решила покончить с собой, и, когда с этой целью пошла в лес, увидела сидящего на пне старичка. «А ведь ты нехорошее задумала», — сказал он, когда она проходила. Пораженная, она вошла в разговор, уже как бы забывая о том, с какой целью сюда пришла. И разговор кончился тем, что старичок сказал: «Иди в церковь к отцу Алексию Мечёву и скажи, что тебя к нему послал убогий Серафим».

Отца Алексия Мечёва я увидел впервые, кажется, в начале 18-го года. Это было многолюдное собрание московских священников, которые, как мне казалось, были все совершенно одинаковые. И вдруг я сразу спросил своего отца: «А это кто?» Я увидел маленькую фигуру, быструю походку и такие веселые и всевидящие глаза. «Это замечательный священник, это наш духовник», — ответил мне отец.

Преподобного Серафима видел в лесу под Москвой (в Лобне) и отец Серафим (Битюгов) в 20-х годах.

* * *

Отец Сергей Успенский (от «Неопалимой Купины») говорил мне в 1934—1935 годах в Вологде об аскетическом периоде свое-

---

¹ Антоний, митр. О Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 9. С. 79.

го брака как о периоде его полного расцвета и завершения: на почве брачного воздержания открылась глубина дружбы между ним и женой. В первохристианстве такие браки были часты, но они не умирали и в эпоху внешнего благополучия и внутреннего оскудения Церкви. В 30-х годах XIX века о них как о существующих в России говорит в своих письмах Георгий, затворник Задонский, бывший духовным руководителем многих девушек и женщин образованного круга. Существуют ли такие браки в наши дни? Отец Серафим (Битюгов) говорил, что на этот великий подвиг можно идти только по особому благословению старца, то есть истинно духовного руководителя.

* * *

Под Воронежем недавно умерла слепая манатейная монахиня Смарагда. Она, я знаю, совершала ежедневно по несколько тысяч молитв Иисусовых. Но не об этом и не о прозорливости ее я хочу рассказать.

В городке, где жила Смарагда, ходила нищая, или, как там говорили, «побирушка», молодая гулящая женщина. Смарагда, жившая в небольшой келье еще с одной монахиней, приютила ее у себя. Она прожила у них года два и, оставив им вшей и беспорядок, ушла. Через сколько-то времени обе монахини идут по площади и видят, что гуляка, опять, очевидно в полном безденежье и бездомье, сидит на земле с новорожденным младенцем. И вот Смарагда, наверно вздохнув о тишине и чистоте своей кельи, говорит другой монахине: «Дашка, иль мы не христиане?! Ведь надо ее опять брать». И ее взяли, конечно, с ребенком.

* * *

В Ярославле уже после этой войны умер епископ Тихон, сын члена ЦК партии «Народная воля» Льва Тихомирова, одного из тех, кто решал в 1881 году судьбу императора Александра II. Епископ Тихон прожил в этом городе последние 15 лет в затворе, в бедности, в крошечной комнате. Он выходил из дома только раз в несколько лет: на выборы в советские органы. Во время войны однажды я долго ждал в кухне окончания его одинокой молитвы, чтобы повидаться. Он нес подвиг молитвы совершенно один.

Когда он умирал, он сказал: «Я пойду домой». Я вспоминаю, что над столиком, за которым он меня угощал чаем, висели фотографии всех его близких и родных и родного дома в Загорске. По распоряжению патриарха отпевание его совершал местный архиерей, сказавший громадной толпе собравшихся: «Вот мы

жили с вами в этом городе и не знали, какой светильник хранится в нем под спудом».

* * *

Может быть, кто-нибудь спросит: зачем затвор?

Любовь к людям не отрицает пустыни, и, может быть, каждому человеку необходима хоть маленькая пустыня для укрепления любви. «Пустыня внемлет Богу, — сказал поэт, — и звезда с звездою говорит».

В начале войны у нас жил отец Владимир Криволуцкий. Весь день он был на людях, среди нас: мирил, спорил, радовался, ужасался. И только ложась спать, он брал в руки дивеевские четки и закрывался с головой одеялом. Очевидно, и он наконец уходил «во внутреннюю пустыню».

В пустыне виднее вечность, а епископ Игнатий (Брянчанинов) говорил, что надо нам «всмотреться в вечность» прежде вступления в ее неизмеримые области.

* * *

Умирала одна праведная деревенская старуха и все просила дочь поехать за священником, чтобы причаститься. Но до церкви было очень далеко, стояла глухая зима, и дочь не ехала. И вот однажды ночью умирающая сказала внучке, девочке лет шести: «Дай попить». И когда подали ковшик, то услышали пение: «Тело Христово примите».

Отец Серафим (Битюгов) говорил: «Если негде будет вам причаститься, а вы будете чувствовать неотложность причащения, прочтите все положенное перед причастием “правило” и после этого отдайте себя на волю и усмотрение Божие».

* * *

В зырянскую ссылку 1923 года с первыми пароходами было доставлено сразу очень много епископов. С одним из них добровольно приехал его келейник-монах и еще один «вольный», юноша лет 20, сразу обративший на себя наше внимание. Он нес подвиг молчания: ни с кем никогда ни о чем не говорил, а, когда это было нужно, объяснялся знаками. Он был духовный сын этого епископа и незадолго перед этим окончил среднюю школу. Я помню его хорошие и тоже с какой-то веселостью, как у отца Алексия Мечёва, глаза. Ходил он босой, в длинной холщовой рубахе, без пояса. Один раз он у меня ночевал. Я все ждал, что вот вече-

ром он встанет на долгую молитву, да еще, может быть, «стуча веригами», как в «Детстве» и «Отрочестве», а он вместо этого знаком спросил меня о чем-то, улыбнулся, перекрестился и лег. И на следующий день он меня удивил. Он сидел на сундуке около двери, и, зная, что он там будет сидеть, я заранее положил туда стопку книг «Подвижники благочестия XVIII и XIX веков». «Вот, — думал я по глупости, — он обрадуется». А он открыл книгу, начал было читать, но тут же закрыл и больше не прикасался.

Мы говорим, пишем, читаем о подвиге, а подвижники молчат и его совершают.

* * *

Метро в Москве начали строить в 30-х годах. В 1936 году отец Михаил Шик сказал мне: «Молитесь везде. Какая будет радость, когда вы, например, в метро почувствуете, что “небо отверсто”, что нет преград для молитвы».

Из этих слов можно заключить, что уже тогда московское метро было освящено молитвой отца Михаила. Четки в его комнате висели поверх фотографии его умершей сестры. В том же, кажется, 1936 году он и погиб.

Из его разговора о молитве еще я помню, как он говорил: «Не надо думать, что для непрестанной молитвы годится только молитва Иисусова. Апостол Павел сказал: “*Всякою молитвою и прощением молитесь во всякое время духом*”». Об этом же учит и епископ Феофан Затворник.

Один валаамский иеромонах (Спиридон) учил в лагере так видоизменять молитву Иисусову для нашего времени, особо нуждающегося и в молении о всех, и в заступлении Богородицы: «*Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй нас*». *Нас — погибающих*.

В 30-х годах умерла одна знакомая мне мирская праведница, женщина великого страдания и кротости. И когда она совсем отходила, ясно отпечатлелось над подушкой светлое сияние от ее головы. Эту праведницу отпевал праведник — отец Михаил Шик.

* * *

В одном сибирском селе, где я жил с 1948 по 1951 год, было много ссыльных крестьян-католиков из Литвы. Их молодые женщины и девушки приходили по воскресеньям в православный храм со своими католическими молитвенниками, опускались на колени и молились. Бывали изредка и мужчины. Никто с ними не спорил о догматах, никто не измерял глубину чужих или

своих ошибок. В храме без всякой «экуменической» подготовки совершалось соединение Церквей. Наверное, и во всемирном масштабе это совершится когда-нибудь так же: вне экуменических съездов, но среди грома исторических событий, в молитве и в ощущении единого прибежища — *Духа Святого*.

Помню, как, боясь нарушить тишину этой неожиданной радости, приходилось твердо оттирать плечом местных парней, лезущих беззлобно, но в крайнем любопытстве к склоненным молодым фигурам с четками.

Но около этой же маленькой деревянной церкви я испытал очень тяжелое чувство. Был Великий пост, шла исповедь, я вышел из храма и сел на скамейку. Рядом сидели две молодые женщины, и мы разговорились. Они пришли из далекого села, где жили вместе, одна была католичка, другая — православная. Ближайшая от них — наша церковь — была на расстоянии 35—40 км. Смотрю: у православной на глазах слезы. Оказывается, у нее только три рубля, а батюшка сказал старосте, чтобы исповедь оплачивали пятью рублями (по тогдашней валюте). Она не выражала осуждения священнику, и она не переходила в католичество, но она плакала. Я видел эти слезы, и я думаю, что надо всем нам видеть их.

* * *

В 20-х годах в одном подмосковном храме кончалась литургия. Все шло как обычно, и священник сделал завершающее благословение. После этого он вышел к народу на амвон и начал разоблачаться. В наступившей тяжелой тишине он сказал: «Я 20 лет вас обманывал и теперь снимаю эти одежды». В толпе поднялся крик, шум, плач. Люди были потрясены и оскорблены: «Зачем же он служил хотя бы сегодня». Неизвестно, чем бы это и кончилось, если бы вдруг на амвон не вззошел какой-то юноша и сказал: «Что вы волнуетесь и плачете! Ведь это всегда было. Вспомните, что еще на Тайной вечере сидел Иуда». И эти слова, напомнимшие о существовании в истории темного двойника Церкви, как-то многих успокоили или что-то объяснили. И присутствуя на вечере, Иуда не нарушил таинства.

Эти слова многое объясняют, но они не снимают с нас ни скорби, ни страха.

Один подмосковный протоиерей мне рассказывал: «Совершаю литургию. Направо от меня стоят два не служащих сегодня священника, один из них — настоятель, налево — диакон с членом “двадцатки”. Направо — передача какого-то анекдота, налево — спор о церковном ремонте. Приблизилось “Тебе поем”, и я не выдержал: “Отцы! Да помолчите же, я так не могу”».

Можно было бы привести повсеместные тяжелые факты или явного греха, или неверия, или равнодушия и формализма в среде духовенства. Ведь все это происходит не в какие-то там далекие времена «Бурсы» Помяловского, а в те самые годы, когда руководство Русской Церкви так смело говорит о ее духовном благополучии.

Рядом с никогда не умирающей жизнью Христовой Церкви в церковной ограде всегда жило зло, и на это надо иметь открытые глаза, надо всегда знать, что «рука предающего Мя со Мною на трапезе». Иоанн Златоуст не боялся осознать и говорить всем о духовной болезни своей местной Церкви. Иоанн Кронштадтский говорил: «Не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти — мы узнаем ясно и ту, и другую».

А для Церкви теперь такое время, когда особенно важно, чтобы зрение христиан было ясно, чтобы они могли узнать «и ту, и другую».

* * *

Зрение у христиан уже давно ослабело. Причем особенно важно заметить, что слабость духовного зрения иногда сочетается с личной высокой нравственностью. Для Церкви такое сочетание особенно опасно.

В 1923 году мне рассказывал в тюрьме архиепископ Фаддей Астраханский, человек строгой монашеской жизни, человек кроткий и чистый, о том, с каким наивным доверием принимали в дореволюционной России Распутина именно такие, как он, хорошие архиереи. Ему, в частности, каялся в этом тот архиерей (кажется, Феофан Полтавский), который был сначала ректором Петербургской духовной академии и с именем которого связан момент «оседания» Распутина в столице. Такова была эпоха.

Апостольское «различение духов», святоотеческий духовный вкус, зоркость, мудрость и мужество все больше терялись в общей массе священства. Церковь все больше обмирщалась, все дальше уходила от святости. Явление Распутина с его жутким учением «спасения *через грех*» не случайно. Кончалась «Сардийская Церковь», которой было сказано в Откровении: «Знаю твои дела, ты носишь имя, будто жив, но ты мертв».

* * *

Отец Валентин Свенцицкий, с одной стороны, был как бы обычный семейный священник, с другой — опытный учитель не-

престанной молитвы. Это поразительный факт, что еще в 1925 году в центре Москвы этот человек вел в приходских храмах свою горячую проповедь великого молитвенного подвига. Он много сделал и для общей апологии веры, но главное его значение — в этом призыве всех на непрестанную молитву, на непрестанное горение духа.

«Молитва, — говорил он, — воздвигнет стены вокруг вашего монастыря в миру».

Он же выразил в краткой формуле разрешение всей сложности вопроса о внутреннем церковном зле. «Всякий грех в Церкви, — сказал он, — есть грех не Церкви, но *против* Церкви». Отсюда понятно, что церковный раскол по мотивам упадка нравственности, уж не говоря о других мотивах, есть прежде всего религиозная глупость, недомыслие. Все искаженное, нечистое, неправильное, что мы видим в церковной ограде, не есть Церковь, и для того, чтобы не иметь с этим общения, совсем не надо выходить за ее ограду, нужно только самому в этом зле не участвовать. И тогда будут исполняться слова: «Для чистого все чисто».

* * *

Церковный раскол есть не только глупость, но и гордость. Первый значительный раскол (монтанизм во II веке) утверждал, что откровение Святого Духа, имеющееся у Церкви, недостаточное, а вот теперь мы (монтанисты) ждем его полноты. Значит, у них был не просто дисциплинарный раскол в целях усиления внутрицерковной чистоты и дисциплины в постах, в браке, в принятии падших, но и отрицание духовности Церкви с приписыванием этого состояния только себе. По существу, так же мыслят и наши старообрядцы. Что касается нравственного критерия как повода к расколу, то недопустимо из мистического факта делать рационалистический, административный вывод: по каким-то внешним признакам расслаивать верующих на «святых» и «не святых», кои подлежат извержению. Кто видит в нас наши внутренние пороки: гордость, злобу, лицемерие, неверие, холод? Где тот критерий святости, который был бы нам дан столь явно, что мы могли бы совершить им некий нравственно-химический анализ?

Только святая Церковь есть Церковь, но бытие святой Церкви есть тайна, нам не вполне открытая: нашими глазами не может быть явно зримо Тело Христово. Мы можем утверждать, что, для того чтобы быть в Церкви, надо быть поистине в святине Божией, но кто именно в данный момент состоит и кто не состоит в ней — мы не знаем. Поэтому Господь и сказал: не выдергивайте на поле плевел, чтобы вместе с ними не выдергать пшеницу. Это надо по-

нимать прежде всего в том смысле, что сейчас я, или ты, или она — плевелы, а через час и я, и ты, и она можем стать пшеницей, или, как сказал св. Ириней Лионский, «человек... сам для себя есть причина того, что он делается иногда пшеницею, иногда соломою»¹.

* * *

Входит девушка в храм без косынки или стоит в храме, ничего еще не понимая, несколько боком, — на нее набрасываются, как ястребы, уставные женщины и выталкивают из храма. Может быть, она больше никогда в него не войдет. Помню, один священник говорил мне, что «оформление» атеизма его дочери совершилось в храме под впечатлением, полученным от злых старух. Борьбы с ними, кажется, никто не ведет. Впрочем, слышал я, что наместник одного монастыря недавно даже отлучил от причастия одну такую ревнительницу устава и человеконенавистницу. «Ты думаешь, что ты здесь хозяйка? — грозно говорил он ей при всех с амвона. — Не ты, а Матерь Божия». И еще я слышал, что один мудрый московский протоиерей называет этих женщин «православными ведьмами».

* * *

Помню, в 1922 году в бутырской камере, во время бесконечно-го обычного хождения по ней, я среди других людей точно столкнулся с отцом Валентином Свенцицким и глупо почему-то спросил: «Вы куда?» И вдруг его лицо удивительно просветлело внутренним теплом, и он сказал: «К вам». Он был такой уединенный, скрытый в себе, строгий и нетерпимый, несущий что-то от своего предка — польского кардинала. А тут был ясный и тихий луч чисто русской святости, доброй и всевидящей святости старцев. Он шел прямо ко мне, к душе, которую он тогда, наверное, ограждал от какого-то зла. Так тюрьма может просветить и освятить душу, раскрыть в ней чудесно то, что в другое время и не разыщешь. Я читал проповеди отца Валентина, которые он говорил по московским церквам уже после этих Бутырок, и в них нигде не видел лучей.

* * *

Некоторые молодые, из недавно пришедших в Церковь, бездумно и доверчиво принимают все, что в ней есть, а потом, полу-

---

¹ Против ересей. IV. 4. 3//Сочинения св. Ирины Лионского. СПб., 1900. С. 325.

чивши удар от церковного двойника, огорчаются смертельно, вплоть до возврата в безбожие. А нам ведь сказано: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби».

Я знал одного такого юношу, который в период своих «вешних вод» христианства ночью тайно вставал на молитву, ставя свой единственный образок только на эти минуты в кадку с пальмой, все время боясь, что придет, увидит и разгромит отец — активный безбожник. Этот юноша мечтал тогда о монастыре, и никто его ни о чем не предупредил, не наставил. Все, мол, у нас замечательно. Поэтому, когда наступил зной внутрицерковных искушений, он не выдержал и отошел.

О церковном двойнике надо говорить с самого начала, говорить ясно и просто, так же ясно, как о нем говорится в Евангелии. Знайте о нем и ищите Христа в Церкви, только Его ищите, потому что Церковь и есть только Христос в Своем человечестве, только Тело Его, и тогда вам будет дано мудрое сердце для различения добра и зла в церковной ограде, для того, чтобы видеть, что «свет (Церкви) во тьме светит, и тьма не объяла его».

* * *

Часто слышишь вопрос от недавно вошедших в Церковь: что читать для укрепления в вере? В христианстве только одна книга вполне его раскрывает — это Новый Завет, а все другие только более или менее. Поэтому все остальные книги, говорящие положительно о христианстве, надо принимать не безусловно, но «более или менее». Слова Варсонофия Великого приближают нас к словам апостола Павла почти вплотную — такова сила духа святых отцов. Но, кроме них, есть множество книг с самыми православными заголовками, написанных, наверное, с самыми хорошими намерениями, которые христианство или затуманивают, или даже искажают.

«Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого», — сказал апостол. Только такой меч может рассечь темноту и путаницу в богословской и околоцерковной литературе и проложить человеку путь ясный, как луч. Но чтение слова Божия есть уже подвиг, труд. «Покуривая», можно читать Розанова или Фому Аквинского, может быть даже Вл. Соловьева, но не апостола Павла или Макария Великого.

* * *

Есть богословие школьное, есть, пожалуй, богословие «салонное». И есть еще истинное удивление мысли о Боге — радост-

ное богословие. Флоренский, вопреки всей своей учености, учил именно этому богословию. Как сказал один близкий к нему человек, «величие Флоренского не в учености, но в преодолении ее». И это подтверждалось всегда при личном общении с ним: от его тишины веяло истинной духовностью разума. Почему только разума? На заре сначала освещается только верхушка холма, а все остальное еще в тени. С разума начинается одухотворение целостного состава человека, его тела и души.

Летом 1917 года я видел его в белом подряснике на террасе его дома в Посаде вместе с Нестеровым и Булгаковым. Кажется, тогда Нестеров писал их общий портрет («Два философа»). Терраса выходила в сад, на столе стояли самовар, брынза, хлеб. Было утро, ясное и свежее от ночи, и время тогда было такое, что как будто открывалась для Церкви возможность расцвета через свободу от всякой государственности, от всякого обмирщения.

Но эта свобода и независимость требовала оплаты жертвенным подвигом, который вскоре оказался непосильным для многих плеч.

* * *

Очень нужно понять, что христианское отречение от мира не только не есть отречение от любви к миру, но, наоборот, ее первое истинное утверждение. Я сознательно сказал «к миру», хотя можно было бы сказать «к людям», и тогда никто не был бы смущен и не привел бы мне текст апостола: «Не любите мира». Этот текст помнят, не понимая его, а другой текст и не помнят и не понимают: «Бог возлюбил мир». Бог возлюбил, а вот мы не любим, а потому и не хотим соучаствовать в том, о чем говорится дальше в этом тексте: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего».

А мы только судим мир с полным сознанием своего судейского права, хотя опять же в этом тексте сказано, что «не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него». А как мы можем, не имея любви, отдавать себя за людей? Только святость любви может восходить на Голгофу.

Не любить мир означает не любить прежде всего самого себя, свою темноту и грех, это означает прежде всего осознать самого себя как этот самый мир, нелюбящий и темный. И тогда в *такой* не-любви к миру в человеке начинает восходить заря любви к людям, великого сострадания к миру.

* * *

Апостол учит: «Вы — храм Божий». Среди молитв есть молит-

ва о себе как о храме Божиим: «Да придет сила Твоя на мя, грешного и непотребного раба Твоего, и да укрепит *мой храм* Евангелием Божественного учения Твоего... яко да по неисповедимой Твоей милости соблюдеши мое тело и душу, ум же и мысли — не искушен всякия сопротиволежащая сети *храм*»¹.

* * *

Основное, что надо понять и принять в христианстве, — это что оно не есть какое-то разумное социальное учение, призванное к разрешению мучительных проблем человеческого общежития. Можно даже сказать, что оно и не гуманизм. Оно, по определению Христову, «не мир, но меч». Оно зовет к преодолению не социальной несправедливости, но человеческого естества — во имя преобразования его в естество божественное. Христианство есть преобразование человека в бога по причастию Божественной благодати. Установлением такой высочайшей цели и объясняются «узкий путь», «аскетизм», «подвиг» и «меч» христианства: вне родов Голгофы не рождается в человеке Бог.

Голгофа выше человеческого естества, настолько она вышеестественна, что даже Христос в Своем человечестве молился до кровавого пота, чтобы ее не было. «Но продуман распорядок действий!» Не так-то просто привить человеку вкус вечности, а только в этом и есть цель христианства: обоготворить человека, и при этом всего человека — и душу и тело. Поэтому когда отрицаются Голгофа и узкий путь, то можно безошибочно сказать, что тем самым отрицается, снимается с христианства и его высочайшая цель и выхолощенное христианство превращается в одну из бесчисленных группировок людей, мыслящих о разрешении социальных конфликтов. «Христианство не поэма, а подвиг», — сказал мне как-то отец Серафим (Битюгов).

* * *

Постоянный святоотеческий термин «обожение» смущает нас грандиозностью горизонтов. А ведь только из этого окна видно все христианство, его «широта и глубина и превосходящая всякое разумение любовь Христова», делающая нас не только «царями и священниками», но и «богами по благодати».

В богослужебных текстах понятие «обожение» иногда дается в еще более ясном для нас термине «*обоготворение*».

«Род человек, поработен(ный) мучителем грехолюбным,

---

¹ Молитва 12-й кафизмы.

кровию Божественною Христос искупи, и, *обоготворив*, обновил есть, яко прославися»¹.

Вера в Бога есть вера в бессмертие человека, то есть, иначе говоря, вера в Бога есть вера в человека, вера в то, что и человек станет богом.

* * *

Удивительные мне как-то попали слова отцов: «Чтобы выдержать мучения, мученики первохристианства имели благодать не только в душе, но и в теле». Значит, мучителю предстояло уже обожествляемое при этой жизни тело. Оно страдало и изнемогало, но оно уже делалось непобедимым. В христианстве плоть человека входит еще при этой жизни в лучи нетления, идущие от богочеловеческой плоти Христовой.

«Бог съй (будучи Богом) соединяется плоти нас ради; и распинается, и умирает; погребляется, и паки воскресает, и восходит светло с плотию Своею Христос ко Отцу; с нею же придет и спасет благочестно Тому служащия»². Здесь открывается пропасть между христианством и спиритуалистической теософией.

В христианстве живое чувство вечной, а не временной, провиденциальной, а не случайной связи данной души с данным телом. Эта связь как бы временно прерывается смертью, но вновь восстанавливается в воскресении. Поэтому святые учат, что и после смерти тела душа носит образ своего тела, наверно, как-то тоскуя о нем. Говоря об умерших, святой Иринеи Лионский пишет: «Души... сохраняют образ человека, так что могут быть узнаваемы, и помнят о том, что здесь»³. Душа любит свое тело — свой храм! — Божественною любовью.

* * *

Только в этом свете понятен пост.

Пост — начало преодоления «слишком человеческого», начало преодоления ограниченности естества для введения его в безграничность, для его облагодухания вечностью.

К сожалению, и это наследство уходящей церковной эпохи мы передаем молодым христианам в каком-то искажении или непонимании.

Святой Максим Исповедник учил: «Всякий подвижнический

---

¹ Канон крестовоскресный, глас 3, песнь 1.

² Канон крестовоскресный, глас 1, песнь 5.

³ Иринеи Лионский. Против ересей. II. 34. 1. С. 214.

труд, чуждый любви, неугоден Богу». А это был самый распространенный факт: пост совершался в гордости о своем подвиге, то есть вне любви, а потому так часто приводил не к уменьшению, а к еще большему увеличению холода и ненависти в мире.

Все в христианстве определяется и проверяется любовью.

Некоторые слова о посте, с разных сторон его освещающие, надо знать.

Святой Исаак Сирий говорил: «Ум не покоряется [кресту], если не покорится ему тело» (подвигом, а значит, и постом).

В XV веке было пророчество святого Нифонта Цареградского о том, что священство последних времен Церкви будет в нравственном падении через две страсти: тщеславие и чревоугодие.

Апостол Павел учил: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти».

Один старец сказал своему ученику, у которого пост был чужд любви (по слову святого Максима Исповедника): «Все ешь, только людей не ешь».

* * *

Если пост понимается как прежде всего воздержание от не-любви, а не от сливочного масла, то он будет пост светлый и время его будет «время веселое поста»¹.

Как же не веселое, когда после пустыни одиночества опять начинают встречаться близкие и любимые! Господи, как хорошо с Твоими людьми!

«Постися от всякия злобы, и зависти, и свары»².

Подавай «сердцу моему чистейший страх Твой и души моей совершенную любовь»³.

Не-любовь — это самое страшное невоздержание, объядение и пьянство собой, самое первое, первоисточное оскорбление Святого Духа Божия. «Умоляю вас, — пишет апостол, — любовью Духа».

Любовь противопоставляется и гордости, и злобе. В вечерней молитве мы просим прощения у Святого Духа — «Творца мира», по слову святого Иринея Лионского, — особенно тех грехов, которые были прямо против любви: «Аще кого укорих, или оклеветах кого гневом моим, или опечалих, или о чем прогневахся, или солгах... или нищ прииде ко мне и презрех его, или брата моего

¹ Стихира на «Господи, воззвах» во вторник вечера 2-й седмицы Великого поста.

² Стихира на «Господи, воззвах» в среду вечера 1-й седмицы Великого поста.

³ Стихира на «Господи, воззвах» в четверг вечера 3-й седмицы Великого поста.

опечалих, или свадих, или кого осудих, или развеличахся... или греху брата моего посмеяхся...»¹

«Постися от всякия злобы».

Одна современная девушка так раскрыла в случайном разговоре зловредность озлобления против людей. Разговор шел о будущей жизни. «Там ведь с *каждым* надо будет *радостно встретиться*», — сказала она.

Учитесь не только у святых отцов, но и у современных девушек.

* * *

В связи с непониманием молящимися славянского текста не только Священного Писания, но и многих молитв в церкви можно наблюдать одно утешительное явление: непонятный текст часто как бы делается понятным через его древний напев. Церковная музыка есть составная часть Священного Предания, она благодатна, и ее мелодии настолько слились за долгие годы своей жизни с обычными для каждого верующего христианинами чувствами, что сделались смысловыми переводчиками незнакомого текста. Ключом церковной музыки открывается дверь нашего восприятия.

Обратное этому мы имеем при оперно-концертном исполнении, когда текст знакомой молитвы становится как бы непонятным от музыкального сумбура чувств, не соответствующих чувствам христианским и христианскому пониманию данных слов.

Помню, как однажды, на первой неделе Великого поста, одна женщина сказала мне во время всенощной: «Куда же вы уходите? Сейчас будут петь концертное “Покаяние”».

«Концертное покаяние» звучит немногим менее кощунственнее, чем, скажем, «балетное покаяние».

Всякое оперное пение в церкви отнимает у людей соборную молитву и дает вместо нее развлечение, то есть лишает их последнего духовного руководства. Не говоря об исключениях, в смысле отеческого руководства мы чаще всего «овцы, не имеющие пастыря». Но если в храме поется по-церковному, то люди ведутся всем строем и музыкально-смысловой целостностью богослужения. Когда же до слушателей доходят в храме только некоторый вокальный эффект или просто музыкальные крики, то они остаются уже совсем на себя, отстраняются от участия в таинственном и страшном богослужении.

¹ Иринея Лионский. Против ересей. II. 30. 8. С. 203.

Недавно именно в связи с оперным пением протоиерей Трубецкой писал: «Живая идея литургической соборности постепенно замирает в Церкви». Не то же ли это самое, что сказать, что в Церкви постепенно замирает идея Церкви?

* * *

Русский перевод Нового Завета был сделан только в середине XIX века, и этот перевод плохой.

Вот только два примера прямого искажения смысла Писания в русском переводе.

Первый стих 13-й главы Евангелия от Иоанна читается по-русски так: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, *явил делом, что*, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их». Выделенных здесь слов «явил делом, что» в славянском тексте вообще не существует, но, что еще важнее, эти слова не только неизвестно зачем сюда русским переводчиком вставлены (они печатаются курсивом), но они звучат здесь почти кошунственно: получается, что Господь только теперь, перед смертью, «явил делом» Свою любовь, прежде Он этого «делом не являл».

Второе место — это 1-е Послание к коринфянам, 7-я глава, 21-й стих. Здесь по-русски мы читаем: «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся». Получается ясный вывод: надо пользоваться возможностью освободиться от состояния раба. Какой возможностью, не сказано, но всякому понятно, что эта возможность лежит в области социальной борьбы. Уж не сближается ли позиция апостола с позицией Спартака? Но вот славянский текст: «Аще и можеши свободен быти, болше поработи себе», — текст, дающий противоположный смысл.

Процитирую толкование этого места, данное святителем Иоанном Златоустом: «Призван ли рабом? Не заботься; оставайся рабом... Это не служит препятствием к благочестию... Вот как он (Павел) смотрит на рабство... «Аще и можеши свободен быти, болше поработи себе» (μᾶλλον χρῆσαι), то есть тем более служи... Хотя бы, говорит (апостол), в твоей власти было сделаться свободным, ты лучше оставайся рабом. Приводит и причину: «Раб, призванный в Господе, есть свободный Господа...» (1 Кор. 7, 22). Но каким образом раб может быть свободным?.. Когда он освобождается от страстей и душевных болезней... «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23). Это сказано не только рабам, но и свободным, потому что можно и в рабстве не быть рабом и в свободе быть рабом... Иосиф был ра-

бом (в Египте), но не раболепствовал... и разве рабство послужило ему препятствием к добродетели?.. Когда господин не требует ничего противного воле Божией, тогда должно повиноваться ему, а простираться далее (то есть в противное воле Божией) не должно: так раб остается свободным... Таково христианство: оно и в рабстве доставляет свободу»¹.

А вот ученая справка: «В 1 Кор. 7, 21 апостол дает совет, что-бы раб вместо мечты об освобождении лучше бы исполнял свое призвание в качестве раба, и это место филологически нельзя понимать иначе»².

* * *

Один священник, из таких, которые с уважением и любовью относятся к богослужебному уставу, говорил мне: «Вы не можете себе представить, как я иногда мучаюсь, переживая несоответствие обряда отпевания фактической церковной действительности».

Центральная часть отпевания — «Со святыми упокой» — раскрывает тот смысл его, что он предполагает наличие хоть какой-то христианской веры в усопшем, хотя бы искры раскаяния, а священнику иногда приходится теперь по желанию родных хоронить явных и воинствующих безбожников. Еще темнее этот вопрос в отношении заочного отпевания. Часто священник совсем не знает, что за человек им отпевается, он никогда в жизни его не видел, а в молитве, которую он торжественно читает над ним, он называет его «чадо по духу».

С совершенно такими же словами священник обращается и к самоубийцам, отпевание которых теперь все чаще разрешают архиереи.

Устав окаменел где-то в XI—XII веках с «чадом по духу», и что-то из того, что тогда было «духом» живым и истинным, стало тяжелой и кощунственной косностью.

* * *

В Церкви надо вести прямую проповедь христианства, и именно христианства, а не отдельных, вырванных из контекста добродетелей. «Вера от слышания, а слышание от слова Божия». И вот мы должны отдать себе отчет, что славянский язык слова

---

¹ Иоанн Златоуст, св. Беседы на 1-е Послание к Коринфянам. Беседа 19. 3–5// Творения. СПб., 1904. Т. 10. Кн. 1. С. 182–184.

² Ульгорн Г. Христианская благотворительность в Древней Церкви. СПб., 1889. С. 89.

Божия постепенно делается на Востоке римско-католической латынью, и причем тогда, когда Рим, наоборот, начал отказываться от своей латыни. Во время чтения нужнейших для современного христианина апостольских текстов в храме часто наступает какой-то благочестивый «антракт» непонимания. Я знаю трудность этого вопроса. С одной стороны этой трудности — плохое качество русского текста Священного Писания, с другой — косность традиций: «Не положено по уставу». Но положено ли по уставу, чтобы люди, стоящие в храме, скажем, только что принявшие христианство, не понимали бы слов апостольских? Неужели любовь к ним не выше устава? Трудностей много, но ведь никто и не болеет о них.

* * *

В славянском тексте много явных несуразностей, и нужно это знать, чтобы не смущаться. Это «пыль веков», ошибки переписчиков, переводчиков.

1. В старых молитвенниках еще до сих пор можно встретить (в утренних молитвах) вместо «*внезапу Судия приидет*» — «*напрасно Судия приидет*».

2. В прокимне перед Апостолом в четверговую службу мы и сейчас слышим: «Господь воцарися, *да гневаяются людие*». Почему они должны гневаться? Нужно сказать: «*Да трепещут людие*». Так в тексте русской Библии, так и по смыслу.

3. В службе недели апостола Фомы мы слышим и недоумеваем: «*Любопытною десницею*» (кондак). Конечно, надо сказать: «*Испытующей десницей*», так как у апостола никакого «любопытства» не было.

4. В 118-м псалме несколько раз повторяется: «В заповедях Твоих *поглумлюся*», а на самом деле, как тут же на полях славянской Псалтири, как и в Библии русской, написано, надо: «И в заповедях Твоих *размышляти* буду».

5. В 103-м псалме мы слышим: «Змий сей, его же создал еси *ругатися* ему», а Флоренский по подлиннику уточнил: «*Играться* ему». И в Псалтири это слово «играться» тоже написано, но почему-то не в тексте, а стыдливо сбоку, на полях. И в Библии «играти», а не «ругати». Таких примеров много. Мы, старые, все это знаем, а как разбираться молодым?

* * *

Я видел неверующих священников, гордящихся знанием и соблюдением устава. То, что было создано в монастырях визан-

тийского Средневековья, они исполняли, не имея веры евангельской. Без нее же всякое «типиконство» есть нечто крайне тягостное, духовно невыносимое: на грозную пустоту церковной действительности оно набрасывает покрывало какого-то византийского благополучия — у нас, мол, все в порядке, так как мы пропели все десять стихир, а не девять, и именно шестым гласом, а не пятым.

Архиепископ Иларион, будучи в Соловках, как-то с доброй улыбкой спросил одного священника (о. П. Ш.): «И вы тоже принадлежите к секте типиконщиков?»

Устав зовет к молитвенному подвигу, то есть к «побеждению», а не к «угождению плоти», и, воспринимаемый так, он есть святое оружие духовной борьбы. «Живоцерковники» потому и нарушали его, что для них этой борьбы не существовало.

Опасность устава начинается тогда, когда забывается его историческая условность и его начинают как бы догматизировать, возводить в догмат. Тогда и возникает это «оцеживание комаров и поглощение верблюдов», то есть подмена христианства ветхозаветной обрядностью.

Уставом нельзя пренебрегать, но всегда при этом надо помнить: «суббота для человека, а не человек для субботы» устава, то есть во имя любви к людям устав можно изменять. В этом смысле отец Алексей Мечёв и говорил: «Любовь выше устава».

Знаю, что понятие этой мудрости любви для нелюбящих людей очень неопределенно, но это предвидел апостол, сказавши: «Если у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему».

Сочетание свободы любви с уставом возможно только тогда, когда в человеке все стоит на своем месте: безусловное — на первом, условное — на втором. О безусловном нам сказано ясно: «Ищите прежде Царства Божия и правды его, а это все приложится вам». Царство Божие «внутри нас» (Лк. 17, 21), в благодати Святого Духа. Поэтому особенно в наше время ухода от основ христианства, от его духовности не о том надо прежде всего болеть, что не знают устава, но о том, что так мало людей знают, что стяжание Святого Духа должно быть постоянной, ежедневной целью каждого христианина. Это апостольское учение вновь произнесено у нас преподобным Серафимом Саровским.

Сочетание свободы с уставом возможно только через духовность, через стяжание Святого Духа. И тогда сама собой разрешается антиномия, на одной стороне которой: «Устав — это Святое Предание», а на другой — слова: «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом» (Гал. 5, 18) устава.

* * *

Рассудочный бунт против содержащихся в уставе церковных форм есть чистое протестантство, то есть неверие в Церковь, в то, что жизнь ее может наполнять своим нетленным содержанием разнообразные формы.

Еще при жизни Василия Великого, то есть во второй половине IV века, евхаристический хлеб давали всем причастникам в руки, и они могли хранить его у себя дома для больных. Но было бы безумием ввести просто так, административно в нашу жизнь эту первохристианскую практику, не имея для этого ни почвы в духовном уровне верующих, ни нужды. Когда же обстоятельства и духовные, и внешние меняются, тогда Церковь просто и благодатно переходит от одних форм к другим.

Помню, осенью 1922 года в бутырской камере архиереи, сидевшие в ней, обсуждали вопрос о том, чтобы дать уже назначенным в ссылку мирянам частицу евхаристии, зашив ее в ладанку. А на этапе, кажется в Вятке (Киров), одна женщина (С.Ив.), сопровождавшая своего духовника, передала нам в тюремный вагон Святые Дары для архиепископа Фаддея Астраханского.

* * *

Конечно, в обрядовой практике есть какое-то наследство Византийской империи в чистом виде, и чем скорее от него освободится Церковь, тем лучше. Помню, что, когда после нескольких лет пустынной жизни я увидел в столичном храме, как «отрок» несет за архиереем шлейф его великолепной шуршащей мантии, в моем свежем восприятии возникла только одна ассоциация: образ когда-то прочитанного описания великолепного «выхода» Екатерины. Причем я заметил еще один, более тревожный факт: именно молодые архиереи принимают в наше время эту внешность и пышность не только совсем мирно, но и с явным удовольствием. В одном дореволюционном церковном журнале я прочел недавно такое открытое письмо очень известного тогда архиерея: «С ужасом прочитал я сейчас в нашей газете, что мне готовят в этом текущем году 25-летний юбилей... У нас, архиереев, юбилей — всякое воскресенье: нас встречают в Церкви, водят под руки, провожают, приветствуют и по-славянски, и по-русски, и по-гречески. Довольно этого... Один старый архиерей на докладе консистории о том, “когда владыке угодно будет назначить юбилей”, написал резолюцию: “Когда сойду с ума”».

Надо осознать то, что мы должны выходить в какую-то уже

невизантийскую эпоху Церкви, что мы должны возвращаться к простоте в обряде, к простоте во Христе.

* * *

Недавно я стоял на заупокойной службе в пасхальный еще период. Было множество поминаний — время, обычно длящееся томительно долго, но здесь прошедшее легко. Певчие все время чтения пели и повторяли пасхальные песни: стихиры, канон. Это «не положено» по уставу, но воспринималось как неожиданное откровение: имена усопших звучали точно на фоне пасхального благовеста, они были именами не мертвых, но живых. «О Пасха велия и священнейшая...» Не так ли и в наши дни неожиданно созидается неумирающее Священное Предание — просвещение Церкви?

* * *

Церковь утверждается как «апостольская» не потому, что она содержит только те одни слова, молитвы или правила, которые установили апостолы, но потому, что она, кроме всего полученного от апостолов, получает в течение всей своей исторической жизни через других святых то же самое по качеству «апостольское просвещение», что получали и передавали апостолы. Апостолы взрастили Церковь, но ведет ее по истории Тот, Кто взрастил апостолов и Кто сказал: «Я с вами во все дни, до скончания века».

Священное Предание и есть это Божественное просвещение, и уже данное, и вновь даваемое Церкви, всегда, ныне и во веки веков.

Но кроме этого Предания с большой буквы, в ограде церковной есть еще много преданий с маленькой, к которым относится совокупность разных обычаев: поместных, областных и даже приходских церквей — иногда хороших, иногда менее хороших или даже просто плохих. Благодушно терпеть можно даже и плохие обычаи, но не надо возводить их к апостолам, то есть к Священному Преданию Церкви, которое может жить в разных формах — и в простоте, и в сложности церковного обряда, но которое всегда едино в своей духовности. Эта святыня предания есть постоянное, вечно древнее и вечно новое водительство Церкви Духом Святым.

Вот простота апостольского служения литургии в Троаде, в доме ученика: «В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба... в горнице... Павел... преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вы-

шел». Он «поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме» (Деян. 20, 16), где, как он знал, его ждали мучения и тюрьма.

И вот иная литургия, совершаемая в богатстве и покое XVIII или XIX века, скажем, преподобным Серафимом Саровским, Тихоном Задонским или Иоанном Кронштадтским. На престоле — золотые ткани и драгоценный металл, разнообразен в веках созданный обряд, поются молитвы, совсем неизвестные в апостольское и в послеапостольское время. И вот разве не видим мы, не смея поднять глаз, что багряный шелк, и парча, и серебро на престоле пронизываются все тем же древним лучом апостольской благодати, точно сама материя их претворяется в нетление, точно мы никуда не уходили из первохристианства. Вблизи от святых всех веков мы ходим по земле первоначальной Церкви. «Дух дышит, где хочет».

Но Церковь не только онтологически пребывает в Троице, но и исторически идет к ней, и как важно нам осознать, с одной стороны, эту «одинаковость» Троицы и Сарова, а с другой — то, что Троица — это и начало, и конец церковного пути, начало и конец церковной истории.

* * *

У матерей бывает тяжкая скорбь в случае рождения мертвого ребенка. Один благоговейный священник дал мне две молитвы о них.

1. «Помяни, человеколюбче Господи, души младенцев Твоих, кои умерли в материнской утробе и потому не приняли святаго крещения. Окрести их Сам, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею благодатию. Аминь».

2. Молитва матери: «Господи, помилуй чадо мое, умершее во утробе моей. За веру и слезы мои и ради милосердия Твоего не лиши его света Твоего Божественного».

А вот что я нашел случайно у святого Фомы Аквинского (XIII век): «Мы воскреснем благодатью Христа, посредством которой произошло то, что Он принял нашу природу, так как через это мы сделались *сообразными* Ему в природных вещах. Поэтому те, которые умирают в материнской утробе... воскреснут, из-за этой *сообразности* своей природы с Ним (с Христом), каковую сообразность они получили, достигнув (в утробе) совершенства человеческого вида»¹.

¹ Фома Аквинский. Сущность богословия. Ч. III. Добавление. Вопр. 75, п. 2. Отв. 5.

Написал святой Фома по-средневековому, несколько темно-вато, но, в общем, ясно: эти не рожденные живыми, но получившие биологический человеческий вид младенцы увидят великий свет. «В доме Отца Моего обителей много».

Здесь же запишу молитву о самоубийцах, которую давали оптинские старцы: «Взыщи, Господи, погибшую душу раба Твоего (имя) и, аще возможно, помилуй его. Не поставь мне во грех молитву сию, но да будет святая воля Твоя».

* * *

Не только сам подвиг, но даже само это слово нам чуждо. Под ним нам мерещатся сразу несколько карамазовских Ферантов.

Слово «подвиг» имеет корнем «двиг», то есть движение. Подвиг есть всего только движение к Богу. Вот почему в утренних молитвах мы каждый день так просто и обыденно говорим: «И на дела Твоя подвизаюся (то есть двигаюсь) милосердием Твоим». И каждый, кто делает хоть малейшее дело Господне, уже двигается к невечернему дню Божию.

* * *

То, что страх Божий — от веры, а не наоборот, то есть вера — от страха или «со страха», как думают некоторые боязливые, видно хотя бы из этих слов: «Да возвеселится сердце мое бояться имене Твоего». Веселиться можно только от радости или, что то же, от любви. Страх Божий есть «начало премудрости», но не начало веры. Начало же веры — любовь. Вне любящей веры мы остаемся с верой бесовской, ибо «и бесы веруют, и трепещут», то есть имеют страх. «Мы верим... потому, что — мы любим Бога»¹.

О страхе Божию, даже в его первоначальном, «обучительном» смысле, надо говорить только в неотрывности от любящей веры, или, по слову апостола, от «веры, действующей любовью», то есть так, как это дано в молитве Василия Великого: «Пригвозди страху Твоему плоти наша... и любовью Твоею уязви души наша». «Где нет любви, там нет веры»², а значит, нет и истинного страха Божия, рождаемого верой.

---

¹ Слова священника Александра Ельчанинова. (Ельчанинов А. Записи. Париж, 1962. С. 123.)

² Слова святителя Тихона Задонского. (Тихон Задонский, св. Наставление христианское. Киев, 1894. С. 100.)

* * *

Есть разные «страхи».

Блаженный Диадок так пишет о необходимости особой заботы в отношении наших невольных и иногда для нас неведомых грехов: «Если... мы не будем достойно и об этих грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть»¹.

* * *

Весь смысл и вся крепость нашей жизни — в том, чтобы накапливать в сердце Божие богатство — духовное свое счастье, свою радость о Боге и о жизни на Его земле, с Его людьми. Богатство это не наше, а Божие, и что-то особенно радостное есть именно в том, что оно не наше, что мы наконец освободились в нем от себя. Оно — «сокровище смиренных», и чаще всего мы можем о нем только вздыхать.

Этому вздыханию о нем меня учил — не словами, а всем своим бытием — отец Сергей Сидоров, которого я знал в первые годы революции, когда он был еще только Сережа. Это была наша счастливая жизнь... Через него я понял, что две истины, как два ясных светильника, стоят у входа в христианство, у входа в человеческое счастье: теплейшее чувство земли (у Сережи в те годы это включало даже и романтику XVIII века) и еще более теплое, если это возможно, чувство той мироотреченности, которая лучше всего выражена в эпитафии на могиле Григория Сковороды, странника и мудреца XVIII века: «Мир ловил меня, но не поймал».

* * *

В жизни Григория Сковороды был такой случай. Он вошел в храм как раз в тот момент, когда священник вышел с чашей и возгласил: «Со страхом Божиим и верою приступите». И странник Григорий в дерзновении пошел к амвону, хоть он и не исповедовался. Он «приступил» в дерзновении любви — так, как больше никто не «приступал».

¹ Диадок, бл. Подвижническое слово. 100// Добротолюбие. Т. 3. С. 73–74.

И мы часто видим это: выносятся чаша и никто не идет к ней. Кажется, Владимиру Лосскому принадлежат такие хорошие слова: «Невозможно всегда оставаться только зрителем литургии».

* * *

Я знал молодого священника, который в наше время посещал больных, умирающих в больницах, для их причащения. Всякий поймет, сколько требуется для этого мужества веры. В плане человеческом такой священник мог это делать только потому, что не имел длинных волос и бороды и был вполне по-мирски одет. Это — священник-воин.

А вот бывают и такие. Я стоял по одному поручению отца Николая Голубцова в приемной архиепископа Макария. Приходили и уходили разные люди и священники. Потом, смотрю, пришел еще один посетитель: великолепный плащ и шляпа, такой же костюм, лицо почти Дориана Грея. Но главное было в походке и в глазах: такая чуть презрительная уверенность, такая легкость умения нести себя. В левой руке его был желтый громадный портфель. Ну, думаю, это не иначе, как журналист или заслуженный мастер спорта. И вдруг вижу: он снимает плащ, вынимает из портфеля рясу и священнический крест и начинает не спеша все это на себя надевать. Я ждал, замирая, что из того же желтого портфеля он вытащит теперь и черную византийскую бороду.

Так что, перефразируя Колю Красоткина, можно сказать, что «батюшки бывают разные». Надо смотреть не на бороду и не на отсутствие ее, а на глаза и на походку.

* * *

В одном приходе крестили мальчика лет пяти-шести. Через неделю его бабушка вместе с ним встретила крестившего его священника и говорит ему: «Поздоровайся, ведь батюшка тебя крестил». Мальчик посмотрел и ответил: «Нет, меня крестил ангел с крыльями, а батюшка лежал связанный на лавке».

Говоря о темном двойнике Церкви, я говорю не о конечной судьбе людей, которая тоже неизвестна, как до распятия была неизвестна судьба «благоразумного разбойника».

Помню, отец Владимир Криволицкий мне рассказывал, как его однажды позвали причащать умирающего, который за много лет перед этим снял с себя сан священника. «Когда я, — рассказывал отец Владимир, — поставил на столике у кровати дароносицу и все приготовил, умирающий вдруг чуть приподнял голову

и, весь точно потянувшись к столику и вдыхая запах святыни, сказал: “Боже, Боже! Чего я себя лишил!”»

* * *

Человек может не нарушать своей православности, то есть своего благоговения перед Церковью, если он, встретившись с той или иной ошибкой того или иного святого, осознает эту ошибку. Но он нарушит свое православие, если будет намеренно эти ошибки искать.

У Варсонофия Великого есть прямые слова о том, что и святые ошибались. Что же в этом такого страшного? Апостол Павел в Послании к галатам поведал нам для нашей пользы о том, что ошибался «вероучительно» даже и апостол Петр.

Иногда это совсем и не ошибка, но чуждый нам стиль мышления и речи. Святой Иоанн Златоуст говорил в формах византийской риторики конца IV века, — в формах для нас тяжелых, ненужных, даже досадных. Помню, архимандрит Серафим (Битюгов), имея в виду именно этот чуждый нам внешний стиль, говорил: «Читать всего Златоуста так, как он напечатан, нам почти невозможно. Его надо издавать как-то по-другому».

И в то же самое время и для отца Серафима, и для всех нас Златоуст, умопостигаемый через его литургию, через его молитвы перед причастием, через слово на Пасху, через дошедшие до нас из моря риторики корабли его нетленной мысли, бесконечно нужен и легок. «Уст твоих, якоже светлость огня, возсиявши благодать, вселенную просвети... преподобне, всеблаженне».

* * *

Христианство чудотворно, но в плане человека, а не в плане истории. Перемещения истории мы не наблюдаем в христианстве. Поэтому мы не совершим ничего неправославного, если не будем верить тому, что евангелист Лука в I веке, то есть тогда, когда вообще не было икон в нашем смысле, написал икону, и при этом в законченном византийском стиле XI—XII веков.

Но, не считая себя православно обязанными верить этому, мы, с другой стороны, обнаружим недостаток церковности, если, взирая на лик Пречистой на Ее Владимирской иконе, не почувствуем, насколько именно первохристиански, евангельски Она изображена здесь неведомым нам средневековым святым провидцем. «И Твое сердце оружие пройдет...» «Яко призре на смирение рабы Своя...»

Не к апостолам надо относить написание икон, ибо этого не могло быть, но к иконе надо относить апостольское прозрение Божественных тайн.

Как говорил митрополит Антоний (Блум) в 1966 году, «икона есть явление будущего века».

* * *

Та же евангельская мысль в «Нерукотворном образе». Мы не знаем, как можем мы любить Бога — Непостижимого, Невидимого, Бестелесного? И вдруг через этот образ Нерукотворного Спаса мы вспоминаем о каплях пота на Его челе, о том, что Он сказал: «Жажду», то есть «хочу пить!» И это нас обжигает, освещая тьму.

Вот почему именно на праздновании «Нерукотворенного образа» («Третий Спас») мы поем: «...яко Твой образ зряще, нас ради воплощагося и пострадавшего волею, к Твоей любви распаляемся, юже на нас излия, великия ради Твоя милости»¹.

* * *

Мне всегда кажется, что, когда «солнце пошло на лето, а зима на мороз», это солнце становится иногда загадочным, точно уже понимающим, что скоро весна, и не только эта весна, обычная, но и Весна грядущая и вечная. Я очень люблю это солнце, и некоторые-другие его любят: от одного человека я слышал, что он в лагере, глядя именно на такое солнце, плакал какими-то непонятными слезами, в которых, как он говорил, были и не горе, и не радость, а что-то больше и того и другого. Это «оцет, смешанный с желчью», подносимый чьей-то любовью.

В первый раз в своей жизни я увидел такое позднезимнее солнце, когда мне было лет 16, и было это в Зосимовой пустыни. Кончалась ранняя обедня в надвратной церкви, народу было совсем мало, на клиросе три-четыре монаха так легко — по-монашески! — возносили к небу Херувимскую песнь, а посреди храма стоял на коленях, очевидно, только что пришедший в монастырь странник, освещенный этим солнцем, в каких-то лохмотьях, веревках, котомках, с лохматой, еще совсем молодой головой. Он очень молился.

Вспоминая его, я вспоминаю слова апостола: «Мы не знаем, о чем молиться как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными».

---

¹ Стихира на «Господи, воззвах».

* * *

Флоренского люди знают, собственно говоря, только по одной его книге о Церкви. Но ведь это только самое начало Флоренского и только еще начало познания Церкви. Все, что он говорил (именно больше говорил, а не писал) после этого, то есть в первые годы революции, когда он вел свои беседы по московским церквам с амвона и в аудиториях, — все это носило более глубокий смысл. Именно уже после «Столпа» (который, я знаю, и лично его не удовлетворял) он начал подходить совсем близко к настоящим откровениям о Церкви и мире, иногда, как зарницы, освещавшим тогда наше сознание.

Поэтому его отход, его уход, его смерть есть нечто непоправимо скорбное. Точно в познании о Церкви что-то нужное и ожидаемое не свершилось.

Конечно, во всем Промысл. Но Промысл был и в смерти первомученика Стефана, а однако, как сказано в Деяниях, тогда у христиан был «великий плач по нем» (Деян. 8, 2). В уходе Флоренского есть какой-то знак Божиего суда о всех нас.

* * *

И в личной жизни каждого может быть этот знак суда.

О будущих муках надо так мыслить: если даже их не будет для других — для меня они должны быть. Я чувствую их логику в отношении себя, я утверждаю их сам о себе. Если я останусь таким, какой сейчас, я сам буду для себя будущей мукой и, как говорится, «туда мне и дорога». А сверх этого все должно предаваться волю Божию.

Если искренне жить, видеть себя так, как есть, не прятаться от самого себя, то Страшный суд начинается еще при жизни. «Праведен суд Твой, Господи, помилуй меня».

* * *

Идет в наши дни ранняя обедня в московском храме. Пришла молодая женщина с девочкой лет пяти. У девочки длинные ресницы, а в руках большая кукла. Девочка таращит изумленные глаза на алтарь и прижимает куклу. Потом мать взяла куклу и положила на окно, и кукла закрыла глаза — заснула, а девочка на нее и не смотрит. Она вся в зрении открытых царских врат.

* * *

В молитве святого Амвросия Медиоланского есть такие слова: «Отыми сердце каменное от плоти нашея, и даждь сердце плотяное, боящееся Тебе».

И у святого Исаака Сирина есть молитва о том же: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной». И этот же святой говорил: «Жизнь вечная есть утешение в Боге».

Сердце — это орган чувствования, ощущения. Святые учат, чтобы мы еще здесь, в этой земной жизни, ощущали свою «жизнь вечную», свое «утешение», идущее от Духа Утешителя.

Жить в вере — это и значит стремиться жить в ощущении жизни вечной. Если нет тихого света этого ощущения, то жизни веры, по существу, еще и нет или она бродит в сумерках, в «окаменном нечувствии», как мы читаем в вечерних молитвах. Епископ Игнатий (Брянчанинов), вспоминая слова мирносиц: «Кто отвалит нам камень от двери гроба?», пишет: «Камень — это недуг души, которым хранятся в неприкосновенности все прочие ее недуги и который святые отцы называют “нечувствием”».

Наличие духовного ощущения есть признак живой духовной жизни. Вне духовного ощущения начинается пребывание во внешности и формализме. Но святые отцы, уча об ощущении, тут же предостерегают от духовного сластолюбия. Отец Алексей Зосимовский говорил так: «Надо поддерживать (в себе) всегда и везде горение духа», но «никогда не нужно браться за духовные подвиги ради ощущаемой от них духовной сладости, а исключительно только для приобретения покаяния».

Искать «всегда и везде» нам нужно ощущения покаяния и предошущения любви. Нам нужно искать Христа, а не опять-таки самих себя в какой-то духовной сладости. Утешение же — в руках Божиих, и конечно же сердце наше вздыхает о нем.

* * *

«По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою» (Пс. 93, 19).

Если нет покаянного подвига («болезней»), нет и утешения (в чем же, собственно, утешать?).

Но если нет подвига, нет и христианства.

Нельзя домогаться утешения (хотя его можно смиренно ждать), но надо «домогаться» христианства, то есть покаяния и любви, и тогда непреложно получишь всем сердцем ощущаемое утешение.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) так молился об одном сво-

ем друге: «Господи! Даруй Леониду ощутить духовное утешение, чтобы вера его соделалась верою живою, верою от *извещения сердечного*, не от одного слуха»¹.

Архимандрит Гурий писал: «Церковь — это ощутимо начавшееся богообщение».

* * *

Понятие жизни в Церкви очень трудно для объяснения и очень трудно для восприятия.

«Вся права суть разумевающим и проста обретающим разум». Это «всего только» жизнь от «извещения сердечного», а «не от слуха», и это, кроме того, не философское рассуждение и не обрядовый рефлекс.

«Церковь — это не стены и крыша, но вера и житие», — говорил Златоуст. И еще можно сказать: жизнь в Церкви — это прежде всего слезы, так как стоять у Креста без слез невозможно.

* * *

У Пастернака есть стихотворение «В больнице», которое надо было бы знать всем живущим в пустыне жизни. В нем — о человеке, подобранном на улице «скорой помощью» и умирающем в больнице. Вот его мысли, когда он узнал, что умирает:

«О Господи, как совершенны
Дела Твои, — думал больной, —
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О Боже, волнения слезы
Мешают мне видеть Тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным Твоим сознать...»

Для меня это звучит так же, как слова умирающего Златоуста: «Слава Богу за все».

¹ Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1886. Т. 7. С. 159.

* * *

Об обрядовом рефлексе я вспомнил, когда прочел слова преподобного Ефрема Сирина об исповеди: «Если один обычай влечет тебя к Врачу, то не получишь здравия... Премилосердный требует любви от того, кто хочет прийти к Нему, и если приходящий принесит любовь и слезы, то он даром приемлет дар (прощения)»¹.

* * *

Чистота и святость достигаются через покаяние. «Раскаянность — есть уже степень святости», — говорил отец Александр Ельчанинов. Завершая таинство исповеди, священник, покрывая епитрахилью голову кающегося, произносит молитву: «Примири и соедини его (кающегося) святей Твоей Церкви». Эту молитву воцерковления он произносит над нами всегда, даже если бы мы исповедовались ежедневно. Мы ежедневно грешим и поэтому ежедневно требуем очищения и соединения с Церковью через покаяние.

Живя вне покаяния, мы живем вне Церкви. У нас «положено» священникам раз в году исповедоваться у назначенного по благочиниям духовника. Многие священники относятся к этому чисто формально, и если уж нельзя совсем уклониться, то делают это, только исполняя устав и обычай. Получается, что люди, имеющие наибольшую нужду в очищении и святости, сами себя ставят вне пути, ведущего к ней. У них, видите ли, лежит в столе «ставленная грамота», как все покрывающий патент.

Я говорю не об исключениях, а об общей массе. Исключений я видел, слава Богу, достаточно. В Глинскую пустынь в 50-х годах постоянно приезжали священники к духовникам и старцам. Сейчас ездят некоторые в Лавру, в Печоры. Помню, что после смерти отца Иоанна Бычкова, личного духовника отца Николая Голубцова, он настойчиво искал себе в Москве нового духовника.

* * *

«Благодать действует в свободе и свобода в благодати; они, по выражению преосвященного Феофана, “взаимовходны”. Поэтому весь процесс спасения каждого человека «совершается неразлучным действием обеих сил»².

¹ Преподобный Ефрем Сирин. Творения. Сергиев Посад, 1907. Т. 4. С. 155–156.

² Православная богословская энциклопедия. СПб., 1901. Т. 2. С. 649–650. Ст. «Благодать».

Свобода человека выражается в его самоопределении к Богу, которое благодаря первородному греху неизбежно принимает форму борьбы за свое спасение от греха, форму подвига.

Подвиг есть акт человеческой свободы, определившей себя к Богу. Но если свобода и благодать «взаимовходны» и «неразлучны», то очевидно, что при оскудении подвига оскудевает и благодать — удаляется от ленивого раба. Наличие в данный момент в человеке дара той или иной благодати удостоверяется не документом, но истинным присутствием в нем благодатного огня.

Можно иметь документ о том, что благодать когда-то была дана, но сейчас не иметь благодати. Апостол ясно говорит, что огонь благодати надо «возгревать», то есть поддерживать: «Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе чрез мое рукоположение» (2 Тим. 1, 6).

Вот почему многие святые учили, что священники, не живущие в подвиге покаяния, не очищающие себя от греха, не имеют благодати очищения от грехов на исповеди и других людей, не имеют «власти ключей», той власти, которая вновь соединяет падшего человека со святой Церковью, — власти «вязать и решить».

Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «В том, кто получил благодать, она или умножается, если он подвизается, или умаляется, если он нерадит, а если это нерадение продолжится, то мало-помалу она и совсем в нем оскудеет и оставит его совершенно пустым. Оставит, а он долго еще будет думать, что имеет ее... Покаяние есть дверь, которая выводит человека из тьмы и вводит в свет. Те, которые не приняли света его, не приняли еще благодати... пусть это будут цари, пусть патриархи, архиереи, иереи... Все они еще во тьме сидят и во тьме ходят... Но, говорят, ведь такова власть иереев (вязать и решить). Знаю это и я, что она есть достояние иереев, но не просто всех иереев, а тех, которые священнодействуют евангельски, с духом смирения, и живут безукоризненной жизнью... тех, которые каются, плачут с совершенным смирением... и много плачут о чужих грехах... тех, которые ходят духом и никакою похоти плотской не совершают... Таких достояние — вязать и решить, священнодействовать и учить, а не тех, которые принимают только от людей избрание и рукоположение»¹.

* * *

Отец Нектарий Оптинский говорил: «Мария Египетская в пустыне была по любви», то есть любовь двигала ее подвигом.

---

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова 51, 79// Слова. М., 1892. Вып. 1. С. 464–467.

Монашество как истинный подвиг любви уже давно оскудело, и этот дух оскудения — омертвения в форме — перешел и к современным нам остаткам монашества в России. Иногда удивляешься: столько холода в мире, такой в нем холодный сквозняк, а мы еще этого холода от себя добавляем!

Недавно слышал замечание одной молодой девушки-монахини в связи с разговором о возможности зайти кому-нибудь из православных в католический храм. «Православный, если зайдет, осквернится», — твердо сказала она. А я подумал: «Иисусе, тепло любимая», помилуй нас!

И вот в то же самое время, когда из среды этих самых монашествующих вдруг, как чудо, возникают настоящие подвижники любви, ученики Христовы, то именно они, а не миряне делаются светильниками света, делаются вождями людей.

Тот, кто не понимает монашества, не поймет и первохристианства.

* * *

Епископ Феофан Затворник говорил, что молиться только по написанным молитвам — это то же, что говорить на иностранном языке только по так называемым разговорникам. Он, как и многие отцы, учил, что надо искать свои слова для молитвы. Но это для нас возможно (если, конечно, не иметь в виду искусственное составление каких-то «своих» слов), наверное, только тогда, когда захлестнет горе со всех сторон — тебя или друга. Вот тогда уже не замолишься, а просто закричишь к Богу. Не «спаси, Господи», а «молю же Тебя, Господи, спаси!», «Согрей сердце его, Господи!», «Пожалуйста, Господи, приди к нему и утешь, я изнемогаю от скорби за него!» Но дерзновение молитвы рождается только в дерзновении любви. Вот почему Макарий Великий говорил, что «молитва рождается от любви».

* * *

В том, что «молитва рождается от любви», — и вся тайна, и все объяснение молитвы.

Можно прочитывать множество акафистов и тысячи раз перебирать за день четки, но, не имея любви, то есть скорби о людях, еще не начать молиться. И так «не начинать» можно всю жизнь. Поэтому Антоний Великий говорил: «Возлюбим скорбь, чтобы обрести Бога». Он не говорил «будем искать скорбь», но «возлюбим» ее, потому что — хотим мы или не хотим — она есть чаша, подносимая нам Христом, и в этой чаше мы приобщаемся молитве.

Вне же скорби о людях мы имеем еще не молитву, но только «исполнение правила». И исполнение правила хорошо и необходимо, но только тогда, когда знаешь, что это только средство, а не цель, то есть когда оно понимается только как кнут для ленивого раба.

И четки (то есть «счетки») тоже только «погоняло» для тварей, находящихся под тенью первородного греха. Никак нельзя ждать для молитвы какого-то особого молитвенного «настроения». Надо брать кнут своего правила и грубо гнать себя им на молитву. Но зачем же хвалиться кнутом? Кнут надо скрывать, как нечто весьма несовершенное. Сидит человек на берегу и удит рыбу. Все тихо и благополучно, все по рыболовному уставу, красивый поплавок покачивается на воде. А не знает человек, что крючка внизу нет и поплавок поэтому только одна «химера» и все его ужение — одна фикция. Таким благополучным поплавком бывает для некоторых их молитвенное правило. Только на крючке страдания выживает любовь.

* * *

О келейном молитвенном правиле так писал в одном письме епископ Игнатий (Брянчанинов): «Относительно правила молитвенного знайте, что оно — для вас, а вы *не* для него, но для Господа. Посему имейте свободу с рассуждением».

* * *

О влиянии молитвы человека на окружающих его людей говорил нам Б.М. Назаров, кажется, в 1925 году. Он был морской инженер-судостроитель и много работал в каком-то учреждении. «Там среди людей, — говорил он, — было много всякой вражды и волнений, и я не знал, куда от всего этого деваться. Потом решил: буду на работе вести постоянную молитву. И — представьте себе — результаты сказались скоро. Не только я сам успокоился, но как-то стали спокойнее все те, которые со мной общались».

Известны многим слова преподобного Серафима Саровского: «Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся». В этом моем знакомом, тогда еще молодом, был мирный дух, и молитва его была мирная, то есть смиренная. Отец Николай Голубцов любил повторять: «Мир и смирение — слова одного корня».

* * *

Вот мирная молитва святого Иоасафа Белгородского, которую, говорят, он любил повторять всякий раз, когда слышал бой

часов: «Будь благословен день же и час, в оньже Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! В час смерти моего приими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Богородицы и всех святых».

* * *

Святые отцы-молитвенники и так еще говорили: «Любовь выше молитвы». Это говорили те же, кто утверждал любовь источником молитвы.

Я однажды жил один в глухом селе. Была Великая суббота, службы в церкви не было, и я готовился прочесть ночью, благо я был совсем один, пасхальную заутреню. Вдруг ко мне постучался, пришел странник и попросился ночевать. Я пришел в великое смущение, почти в негодование: «Значит, я не мог молиться!» И вот в своем безумии я препроводил его к соседям. Очевидно, вместе с ним ушла в ночь и моя предполагаемая молитва.

Есть грехи, не прощаемые себе вовеки.

Надо отличать молитву от особого и отвратительного молитвенного сластолюбия, когда нет любви и в памяти держишь только самого себя, стоящего на «молитвенной высоте».

* * *

Соборность — это единство христиан в святом Телѣ Христовом. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Соборность — это богочеловеческое единство любви, то есть Церковь. Церковь есть именно соборность, собор (сбор) учеников Христовых в «храме Тѣла Его». «Да двое едино будут».

Не пустив странника, отказавшись от «вечери любви», я отказался от соборности и с ним, и со всей Церковью. В ту пасхальную ночь, вычитав все положенное, я был уже совсем очевидно вне Церкви.

* * *

«Агапы» (вечери любви) совершались вместе с Евхаристией. Только Карфагенский Собор 391 года отделил совершение Евхаристии от агап, так как постановил, чтобы к евхаристии приступали натошак»¹.

---

¹ См.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900. Т. 1. С. 246. Ст. «Агапы».

* * *

«Молитва рождается от любви». Не то же ли это самое, что сказать: «Молитва рождается от слез»? Я это понял, услышав слова одной современной девушки. В храме ее кто-то спросил: «Как научиться молиться?» Она испугалась трудности вопроса, но ответила сразу: «Пойди заплачь — и научишься». Эта девушка дополнила древний Патерик.

* * *

В храме, в который ходила матушка Смарагда, был неверующий священник. Мать Смарагда это знала, тяготилась, но деваться было некуда. Так вот, на исповедь к этому священнику она ходила так: сначала исповедовалась одна у себя в келье перед иконой святого Спиридона Тримифунтского, которого особенно чтит, а затем шла в храм на исповедь явную. Явная была необходима, как открытый подвиг смирения и урок всем о недопустимости раскола. Как-то к случаю она рассказала близкой душе: после одной такой двойной исповеди она увидела во сне, что стоит на клиросе, кто-то раздает всем по цветку, а ей дает два со словами: «Это тебе за две исповеди».

* * *

Видеть все надо: и веру и неверие, и Церковь и ее двойника — а Господь вразумляет (как поступать) каждое смиренное сердце.

Какой-то француз хорошо сказал: «Потерять веру в факт первородного греха опаснее, чем потерять веру в Бога». Потеряв веру в факт первородного греха, «забыв о нем», человек теряет чувство реальности и человеческой, и церковной. Он надевает на глаза розовые очки благополучия и делается недоступным для трагедии мира и страдания Церкви.

* * *

«Каждый человек... имеет свое небо и землю, дух и плоть, внутреннее и внешнее, остаток первобытного совершенства и хаос греховного растрепывания, из которого действием благодати... устроится новая тварь»¹.

---

¹ Митрополит Филарет (Дроздов). Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия. М., 1867. Ч. 1. С. 31.

* * *

Под Воронежем у самой опушки громадного заповедника жила старуха Адриановна с дочерью Сашей. Саша была уже в средних годах, оставаясь всю жизнь девушкой. Она была убогая: в детстве упала в колодезь и оглохла навсегда. У них была большая изба на отлете деревни — сзади лес, впереди большой луг. Была тишина в их доме, тишина не наша и такая мирность, что ласточки, жившие в сарае под одной крышей с домом, влетали в комнату, сначала уничтожали всех мух, а потом садились по краям большого зеркала и долго с интересом заглядывали в него.

Дочь пасла ежедневно свою корову в лесу. В лесу этом можно было встретить не только зверя, но и плохого человека, и Саша, входя в него, говорила: «Ну, теперь, Господи, сторожи меня». И Господь сторожил.

Из рассказов Адриановны передам один. Умер брат ее мужа от раны, полученной на фронте. Она сначала его поминала в годовщину, а потом как-то и позабыла, после чего тут же видит его во сне. «Ну как ты там?» — спросила она. Он ответил: «Господь мне все показал — где я плохо делал, где хорошо, с семи моих лет показал, с того, как я на чужом огороде свеклу вытащил, попробовал есть да и бросил. Но только за фронт много он мне простил».

Вспоминаю я их сейчас, уже через 20 лет после этого рассказа. Адриановны нет в живых, и про Сашу ничего не знаю. Но живу их верой и, когда мне хорошо, их тишиной. И все надеюсь, что в Царстве Божиим разрешено мне будет снова войти в их дом с ласточками.

* * *

«Не имамы дерзновения за премногия грехи наша»¹.

Отец Николай Голубцов умирал с дерзновением. Он сказал своему брату: «Спой мне мой любимый прокимен». И брат пропел ему, умирающему: «Честна пред Господем смерть преподобных Его».

* * *

Прочтя 500 страниц Фомы Аквинского, я вдруг набрел в этой великой пустыне на живые слова: «Тем человеком, в котором пребывает вера, она сознается через внутренний акт сердца».

¹ Богородичен 6-го часа.

Одна монахиня, не знавшая ничего об Аквинате, жившая в подвиге и скудости, когда у нее как-то кончился чай, огорчилась и, обращаясь к иконе, сказала: «Матерь Божия! Ведь у меня чай кончился». Это были слова от «внутреннего акта сердца», от дерзновения его.

* * *

И сейчас в наши дни в одном глухом углу России живет человек, имеющий дар прозорливости.

Работает баба на своем огороде, а уже месяц почти нет дождя, все засыхает. Баба про себя в душе молится: «Господи, уж на всех-то не хватит, ты на один мой огород, на одну мою полоску пошли дождика». А этот человек, о котором говорю, шел в это время вдалеке, поднял руку, погрозил ей и кричит: «Что это — “на мою полоску”! Ты о всех молись, не о себе одной».

* * *

Современная городская жизнь как бы вытесняет молитвенное правило, совершаемое долгое время, и кажется, что дело здесь не только во враждебности жизни к молитве. Даже в верующей семье трудно отгородить в ускоренном потоке времени какой-то час покоя, и даже в такой семье трудно открыто долго молиться. Точно этой одинокой долготой нарушается что-то еще более нужное для этой современной пустыни. Поэтому каждому, если его жизнь связана тесно с жизнью других, надо знать краткое молитвенное правило, завещанное преподобным Серафимом, учителем современного христианства: «Отче наш», «Богородице» — по три раза и «Верую» один раз; это совершать утром, а затем, как сказано в этом правиле, идти на свою работу и к своим делам, непрестанно взывая про себя к Богу краткой молитвой.

Епископ Феофан Затворник учил, что краткой внутренней молитвой может быть любая, например «Боже, в помощь мою вонми» или «Господи, помилуй».

Смысл нового молитвенного правила — в краткости его у себя дома и в непрестанности его среди людей, на работе. Из своего угла надо идти к людям, но идти с молитвой.

* * *

Начало революции — 1917–1919 годы — было временем удивительного духовного подъема, духовной легкости. Душа тогда стояла у открывшихся врат новой, великой церковной эпохи, и,

страшась и как бы уже изнемогая от ясно видимых туч, она в то же самое время вдруг задышала воздухом небывалой духовной свободы.

Что-то в истории Церкви возвращалось к первоисточной чистоте и простоте, освобождаясь от вековых пут, от тяжелых риз обмирщения, внешности и лицемерия. С «Троицы» Рублева сняли тогда годуновскую ризу. Сердце человеческое вновь обрело счастье своей забытой «первой любви». Над Церковью восходила заря жертвенности. Было тогда нам, молодым, и страшно и радостно.

* * *

С этими годами связаны для меня воспоминания о многих людях. Помню праведника Н.Н. Прейса, в золотых очках и черной, какой-то «докторской», шапочке, обходившего московские храмы с клеенчатой сумкой, в которой он носил Новый Завет, Псалтирь и книги каких-то поэтов, все еще ему дорогих, вопреки (а может быть, и «благодаря») его церковности. В храмах он читал шестопсалмие, кажется, наизусть.

Тогда в Москву (на жительство в Загорске) переехал из Петрограда В.В. Розанов, и С.Н. Дурьлин возил его по Москве с визитами к разным почтенным людям (вроде основателя 2-го Московского университета Вл. Герье).

Розанов был маленький старичок с зорким взглядом, весь в облаках табачного дыма и какого-то особого «самозатвора» в этих облаках, за которыми целая эпоха русской интеллигенции. В этой эпохе — и настоящий ум, и пустая болтовня, и искренность в людях, и занятость только собой, и отрицание атеистического тупика, и нежелание настоящего подвига веры — в общем, «середка на половину» маловерия и «вы, конечно, правы («насквозь прокурена душа»), но оставьте меня в покое с моими гениальными мыслями».

Читая недавно автобиографию Бердяева, я убедился, насколько живуча вот эта сторона той эпохи и насколько она бесплодна. И вот однажды (это было, кажется, весной 1919 года) Прейс приходит к Дурьлину в Обыденский переулок и застаёт там Розанова, лежащего на кровати в носках, в дыму и в книгах. Прейс вошел со своей котомкой, остановился над ним и громко и грозно сказал, точно пробиваясь сквозь дымовую завесу интеллигентности: «А ведь Христос-то действительно воскрес!».

Потом был в Москве голод, и Прейс ходил по городу беспризорный, голодный, во вшах, приходил к тем, кто его продолжал принимать. Спать его тогда клали на полу из-за вшей. Одним из принимавших его был о. В., умерший в тюрьме в 1940 году и ска-

завший перед смертью своей жене: «Самое великое счастье для священника — умереть в тюрьме».

* * *

Недавно среди писем одного старца епископа к его духовной дочери, — писем, исполненных духовной мудрости в лучших аскетических традициях, я прочел такое место: «Стоит грешнику... вздохнуть о своей греховой ноше, стоит лишь раскрыть пред Искупителем всю душу, обремененную грехами многими, и с души как бремя скатится, сомненья далеко, и верится, и плачется, и так легко, легко»¹.

Последние 15 слов целиком принадлежат Лермонтову, но они, очевидно, так были духовно нужны для этого места письма, что пишущий даже не поставил кавычек. Это были его слова, и они же — мои слова и слова всякого, ощутившего благодать молитвы, снимающей бремя греха.

Вот нет среди нас таких чудачков, каким был покойный Н.Н. Прейс, который бы, если бы я ему показал это письмо, лишний бы раз помолился за убиенного и обремененного стихотворца Михаила.

А кто будет за нас, обремененных, молиться?

Помню в эти же годы большую комнату у М.А. Новоселова, где я слушал С.П. Мансурова, читавшего отрывки из своей удивительной «Истории Церкви». Удивительной она была тем, что это была впервые действительно история именно Церкви, то есть святого Богочеловеческого организма, история святой жизни и мысли тех, кто составлял ткань этого организма, а не история ссор на Соборах, преступлений пап и патриархов и заблуждений мирян. О зле внутри церковной ограды очень надо писать, но писать не как о Церкви, но как об анти-Церкви, а этого как раз и не делается, в результате чего в истории Церкви можно заблудиться и не найти ее.

Удивительной была не только история Церкви отца Сергия Мансурова (он тогда еще не был священником), но и он сам, подвижник тех лет.

Мы сидели в комнате, на стенах которой висели большие портреты трех великих мирян Церкви XIX века: Достоевского, Хомякова и Соловьева.

---

¹ М.М. (Митрополит Макарий (Невский)). Письма к духовной дочери. Сергиев Посад, 1915. С. 36.

* * *

В начале нашего века М.А. Новоселов издал серию книг, брошюр и листов своей «Религиозно-философской библиотеки». Эта «Библиотека» — некоторое событие в жизни русского церковного общества. Она вывела религиозную мысль из плена рационалистического, или протестантствующего, школьного богословия на просторы церковного познания, к первоисточникам христианства, к познанию через благодать.

Митрополит Антоний (Блум), кажется, в 1966 году указал на то огромное влияние, которое имел на его духовный путь первый выпуск этой библиотеки — «Забывтый путь опытного богопознания», кстати составленный лично М.А. Новоселовым.

Просматривая недавно перечень выпусков этой библиотеки за ряд лет, я наткнулся на интересные цифры. Из 114 выпусков библиотеки 10 связаны с именем Достоевского, в том числе пять отдельных выпусков посвящены только ему, а в остальных он сотрудничает с другими. В числе отдельных выпусков один содержит [статью] «О Священном Писании в жизни отца Зосимы», а другой — «О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным», то есть куски из «Братьев Карамазовых». Из отдельных русских писателей XIX века в «Библиотеку» вошли Гоголь, Хомяков, Вл. Соловьев, Жуковский, Герцен, Ю. Самарин, Тютчев и др. Но в числе этих других, конечно, нет Леонтьева, и в этом нельзя не видеть какого-то ему приговора от религиозной мысли современности. Леонтьев бесплоден для религиозного познания. Религиозная мысль может иногда вполне соглашаться с его пессимистическими прогнозами, но строить только на пессимизме и только на прогнозах ничего невозможно. А христианская мысль всегда созидает, во все эпохи своей истории.

* * *

В храм вошли два мальчика: одному лет шесть, другому меньше. Младший, очевидно, здесь еще не бывал, и старший водит его, как экскурсовод. Вот и распятие. «А это чего?» — замирает младший с широко открытыми глазами. Старший отвечает уверенно: «А это — за правду».

* * *

О преподобном Сергии говорится в акафисте, что он «во плоти жил духовно, на земли — небесно, в человечестве пребывая ангельски, в мире — премирно».

Нам, может быть, этого очень не хочется, но каждый из нас должен в миру сил своих жить «в мире премирно, на земле небесно».

* * *

Есть одна трудная антиномия. С одной стороны, в Евангелии нет никаких оснований для веры в духовный прогресс истории, в нравственное преображение человечества. Если люди держатся подобного взгляда, то это или лукавство обмирщения, или же мечтательная глупость. Даже первохристианский хилиазм Церкви, то есть вера в «тысячелетнее царство» Христово на земле в границах земной истории, не есть вера во всеобщее человеческое благополучие. Как сказано в 20-й главе Откровения, это тысячелетнее царство есть только «стан святых» и «город возлюбленный», окруженный со всех сторон враждебными народами, бесчисленными, «как песок морской». Хилиазм — это всего только вера в то, что перед концом истории Церкви именно Церкви, а не всему человечеству будет дана на какое-то время какая-то возможность ограничения своей святой жизни от тоже еще находящихся на земле «Гога и Магога».

Это — с одной стороны антиномии. А с другой ее стороны — то, что, наверное, самое страшное искажение христианства — его холодное замыкание в своем самоспасении, отрицание борьбы и страдания за мир, нелюбящая, а значит, не христианская мироотреченность.

Антиномия о мире разрешена только «крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14). Мироотреченность угодна Богу только тогда, когда через нее принимается в сердце весь мир, то есть только во имя спасения мира.

* * *

Но надо осознавать отдельность мира от Церкви: мы не имеем права не знать, что мир не хочет Церкви и противопоставляет себя ей. Прощальная беседа Господа, записанная апостолом Иоанном, есть завещание. В ней — о Церкви, остающейся в мире, окруженной неверием и ненавистью мира.

«Духа истины мир... не знает, а вы знаете» (Ин. 14, 17); «Мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня» (Ин. 14, 19); «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19); «Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» (Ин. 16, 20); «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33).

Победил же Господь крестной любовью к этому самому миру.

* * *

Есть еще одно место в Христовом завещании о том же. «Иуда — не Искарriot — говорит Ему: «Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» Иисус сказал ему в ответ: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 22–23). Ученик, воспитанный в идее земного мессианского благополучия, был смущен тем, что Христос на этой последней вечере так явно утверждал Себя главою не мира, но только Церкви. И ответ Христа рассеял последние иллюзии о «явлении миру». В мире создается «обитель» Церкви, и в ней и через нее будет «явление Христа» миру. Весь мир всегда — ежедневно, ежечасно — призывается в Церковь. Церковь хочет стать всем миром или чтобы весь мир стал Церковью. Но мир, мы видим, хочет остаться самим собой.

* * *

Один молодой мужчина после присутствия в 1963 году на похоронах отца Николая Голубцова сказал своей матери: «Теперь я знаю, что такое Церковь». Почему он так сказал? Была тысячная толпа, но толпу этот человек знал хорошо. Был обряд Церкви, пение молитв, кафельный дым, но и это было ему достаточно известно. Тут было то, что соединило все это вместе в единый непостижимый сплав, лучше сказать, организм, тут произошло чудо преображения этого сборища человеческих душ и тел в Тело Христово. Хрупкость и тленность сентябрьского утра, человеческих жизней, чувств и обрядов — все пронизалось золотым и вечным лучом Божественного нетления: открылась Церковь.

* * *

Писать можно много о дорогих людях, о всех живущих в памяти сердца. Но не лучше ли замолчать, чтобы они не ушли куда-то дальше, потревоженные, может быть, не так сказанным словом? Слишком драгоценна эта память, это несение в себе живых людей.

Но я не могу скрыть свою благодарность всем тем, кто так или иначе, случайно или не случайно, много или мало приоткрывал мне в течение жизни дверь в Церковь.

Потому и страшно жить, что все меньше в мире этих приоткрывателей дверей, что все меньше праведников. Как сказано: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный».

* * *

Отец Александр Ельчанинов пишет: «Главная ошибка нашей молодежи — в убеждении, что... христианство есть философская система, логически доказуемая... что они в данном своем состоянии... могут усвоить себе всякую истину веры... Христианство есть жизнь».

Иногда наблюдаешь: чуть ли не восторженно принял молодой человек христианство — «такое богатство мышления после скудости материализма!» — но вот проходит время, и, не приняв христианство как жизнь, как подвиг духовного преображения всей жизни, этот человек вдруг совершает такой нравственный поступок, который сразу ставит его вне христианства.

К одному валаамскому монаху, не желавшему осознать свою вину и смириться, пришел во сне отец Иоанн Кронштадтский и сказал: «Копай глубже», то есть доберись в темноте души до какого-то света, как до золотого самородка в земле. Так и некоторым молодым хочется сказать: «Копайте глубже».

* * *

Варсонофий Великий учил, что для внутренней молитвы в людных местах надо «беречь глаза», так как через них врывается рассеяние и отгоняет молитву. Может возникнуть вопрос: зачем это знать нам, простым людям? Дистанция между отцами и нами огромная, но и солнце отражается «в малой капле вод». По закону какого-то уподобления подвижнические советы могут быть действительно воспринимаемы и в нашей малой мере.

Помню, как всегда с опущенными глазами ходил в Посаде (Загорске) Флоренский. Церковь, где он совершал богослужение, была домовая, в больнице, там, где теперь поликлиника. Я был на его литургии и видел, что и во время службы он «берег глаза».

* * *

«Непрестанно молитесь» — это прямая заповедь апостола. Отцы учат, что непрестанной молитвой может быть только молитва сердца. Ум устает, а сердце и во сне бодрствует. Но для нас, несовершенных людей, в понятии сердечности молитвы прежде всего важно понятие искренности ее. Апостол требует прежде всего непрестанной или неизменяемой молитвенной искренности к Богу, он хочет, чтобы мы были постоянно в искренней правде молитвенного дыхания.

Если так понять молитву, то нелепо всякое сомнение в ее возможности. Почему невозможна искренность? Вспоминаю, как

митрополит Кирилл рассказывал нам в Усть-Сысольске в 1923 году, что на Ярославском вокзале в Москве до революции был швейцар, стоявший у главного входа в какой-то форменной одежде, в «галунах», и что этот швейцар много лет нес подвиг непрестанной молитвы.

* * *

«Монастырь в миру», или «белое монашество», есть утверждение узкого пути Евангелия для всех, а не только для небольшого количества людей, находящихся за монастырской оградой, он есть попытка осуществления полноты христианства в гуще мира, а тем самым он есть всего только возвращение к первохристианству. «Монашество в миру» никто не придумывал, его потребовала история Церкви, конец которой смыкается с началом.

Мир возвращается к язычеству. Конечно, он «возвращался» уже давно, но за последние века все процессы ускорились. Поэтому все яснее начали говорить о монастыре в миру религиозные мыслители этих веков: Тихон Задонский, Амвросий Оптинский, Достоевский.

* * *

Матушка Смарагда говорила про себя: «Я нерадивый монах. И спастись мне нетрудно: на работу не хожу, сижу себе в отдельной келье, в покое, четками помахиваю. А вот ты пойди спасись на торчке, среди мира, как все другие живут».

Так что «монастырь в миру» есть христианство «на торчке». Звучит не благолепно, но так, как есть.

* * *

Хочется еще раз вдуматься в заповедь апостола о непрестанной молитве.

После того как мы оканчиваем молиться, то есть делаем перерыв в молитве, исполнив то или иное молитвенное правило или отстояв богослужение, мы обычно начинаем гордиться. Наши молитвенные паузы заполняются высокоумием, сдобренным только что совершенной молитвой, то есть, по существу, они заполняются отрицанием молитвенного смысла: мы только что очень много раз сказали «помилуй меня», а в наступившей паузе мы удовлетворенно и устало вздыхаем и совсем, в общем, не считаем, что нас надо «миловать». Прерывность молитвы может создать черноземную почву для гордости.

Затем в нас возникает какая-то особая послемолитвенная беспечность («я помолился, теперь все в порядке»), от которой начинаются все те послемолитвенные искушения, о которых без конца предупреждают Отцы.

В непрестанности молитвы есть духовная логика молитвы, и прежде всего для укоренения совершенной искренности ее смирения, то есть самой природы молитвы. Я не могу не молиться постоянно, так как я именно нуждаюсь в Божественной помощи.

И почему я должен гордиться, если я непрерывно эту помощь зову? Мы ведь не гордимся своим физическим дыханием, его непрерывностью, мы никак его умом не замечаем, не расцениваем — мы просто дышим. Также и молитва должна стать простой непрерывного дыхания.

Меня, наверное, осудят за то, что я пишу об этом. Я сам себя осуждаю, потому что пишу о молитве, не умея молиться. Но я убежден в одном: если мы не молимся, то мы должны иметь хотя бы воздыхание о молитве в нашем грешном сердце. Грешному сердцу и нужно больше всего воздыхать.

* * *

Еще раз выпишу, что о молитве говорил епископ Феофан Затворник: «В сердце жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет, это дело всех, начинающих искать Господа. Тогда только и начало жизни, когда в сердце покажется сосредоточенная неугасаемая теплота... Се есть огонь, который Господь пришел низвести на землю».

Не «пепел Клааса стучит в мое сердце», но не пройденный мною «путь Отцов». А пишу я для тех, кто пройдет.

* * *

«Сосредоточенная неугасаемая теплота» в сердце — это благодать Божия, поселившаяся там, сделавшая это сердце простым и искренним.

Отец Нектарий Оптинский учил: «Просите у Бога благодати... Молитесь просто: Господи, дай мне благодать Твою».

Домогаться благодати нельзя, а просить надо, так как этим мы просим, чтобы сердце было простое, искреннее и теплое. Просить о благодати — это то же, что замерзающему просить о тепле: «Приидите все облечемся в Него (во Христа), да согреемся»¹.

---

¹ Икос Богоявления.

* * *

Молитва требует какой-то тишины и внутри и вокруг. Вот почему она невероятно трудна в наше шумное и гордое время.

Я помню чьи-то стихи, записанные мной у покойного Г.И. Чулкова, когда-то приятеля Блока, а потом духовного сына отца Алексия Мечёва.

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.
И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

Может быть, и молитва сейчас живет «под спудом».

* * *

Одной из любимых молитв отца Серафима (Битюгова) была «Взбранной Воеводе» — молитва не о себе только, но и о всех. «В наше страшное время, — сказал он мне незадолго до смерти, — эту молитву ограждения надо повторять почти непрестанно».

А схиигумения Мария, духовная наставница многих, недавно умершая в Загорске, говорила, что в наше время надо почти непрестанно читать «Богородицу». Оба они этим говорят об одном и том же: «Богородицею помилуй нас!» — если мы спасаемся, то только Богородицей.

* * *

На закрытие храмов надо отвечать исканием непрестанной памяти Божией. И это не потому, что через это откроются храмы, а потому, что этим создается Незакрываемый Храм.

О памяти Божией, хранимой в душе, я когда-то написал, вспоминая свое детство. В Зосимовой пустыни был колодец-часовня. На потолке был изображен благословляющий Спас. И вот, когда посмотришь, бывало, вниз, Он же, благословляющий, ясно и тихо отражается в темном покое воды. Так и в колодце души может сохраниться живой памятью-молитвой благословляющий Спас, как видение детства.

* * *

Все больше пустыни в Церкви, и все меньше людей в храмах. Это с одной стороны, а с другой — все многочисленнее экуменические съезды. Но матушка Смарагда говорила своей ученице: «Даже если и совсем одна будешь стоять в церкви — стой!» И в храме, в смысле посещения богослужений, и в Церкви, в смысле верности ей. И она же говорила: «Мы приближаемся к печатям».

* * *

Религиозные прозрения некоторых писателей, например Достоевского или Пастернака, были посылаемы миру от Бога для какого-то восполнения пустоты религиозной литературы их времени, для какой-то духовной компенсации. Иногда их можно расценивать даже как «глас» валаамской ослицы, «остановившей безумие пророка».

Причем интересно, что все религиозно-ценное, что есть в мировой литературе, восходит не к учено-богословскому рационализму, но к золоту подлинной письменности Церкви. Вот один пример. Отцы-подвижники очень советовали заучивать *наизусть* отдельные куски Нового Завета и Псалтири, чтобы постоянно жить в них. Брэдбери, конечно, об этом не знал, когда вложил в сердца людей христианской цивилизации, живших в условиях атомного одичания, идею заучивания *наизусть* глав Евангелия, чтобы пронести их в темноте как золотые звенья человечества.

Я думаю, этот совет и Отцов, и романиста надо осуществлять и нам, введя в свое ежедневное молитвенное правило некоторые наиболее любимые куски новозаветного текста, заученные наизусть. Это нам может еще особенно пригодиться.

* * *

Гоголь издавал свою благочестивую «Переписку» с самыми благими православными намерениями, а оптинские старцы ей не доверяли. На церковном Западе «Сущность богословия» Фомы Аквинского считается богословским основанием Католической Церкви, а Бердяев точно сказал об этой книге: «Если бы я прочел ее всю, я, может быть, стал бы неверующим».

И наоборот, можно приблизиться к вере или укрепиться в ней через некоторые стихи Лермонтова, Тютчева, Пастернака или Блока. Я уже не говорю о Достоевском или Лескове. У меня был близкий человек, просидевший год в одиночке с книгой Достоевского и сделавшийся за этот год из неверующего верующим.

О Брэдбери кто-то сказал, что у него апокалипсическое прозрение Запада.

Какой же из этого вывод? Надо и в этом быть «мудрым, как змей, и простым, как голубь». Литература полна хаоса и развращенности. Не только не нужно, но прямо вредно все подряд читать. Но не надо отрицать возможность увидеть свет и в этом темном лесу. Если люди от Бога, то и стихи их могут быть от Бога. «Все из Него, Им и к Нему», ибо, как говорит тот же апостол, цитируя в своей религиозной проповеди языческие стихи, «мы Его и род» (Деян. 17, 28). Я в нестерпимой толкучке метро иногда слезно молюсь своему ангелу словами тютчевских стихов:

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для успокоенной души.

О Гоголе я упомянул не случайно. Некоторые молодые христиане без разбора принимают за подлинное все то, что было в дореволюционной церковности и церковной литературе. Это ошибка, опасная для духовного здоровья. То зло, которое мы видим в современной церковной ограде: равнодушие к человеку, внешность во всем, и в подвиге (если он есть), и в молитве, стирание границ между Церковью и государством, обмирщение, богословский рационализм, жизнь по плоти, а не по Духу Божию — все это есть наследство, полученное от прошлого. Мой отец был очень правверный священник, ученик оптинских старцев и Леонтьева, но я помню, как он страдал в душном, предгрозовом воздухе дореволюционной церковности. Достаточно сказать, что Толстого Синод отлучал, а Распутина не только не отлучал, но этот человек находился где-то около самого центра высшей православной иерархии.

Приведу несколько строк из воспоминаний об отце одной его близкой духовной дочери.

«Перед Первой мировой войной, — пишет она, — отец Иосиф пережил какое-то большое, потрясающее переживание. Об этом мне рассказывала его жена после его смерти (в 1918 году). Она помнила, как отец Иосиф сидел у углового окна, выходящего на Арбат, и, глядя на перспективу улицы, точно на перспективу истории, говорил о своей потере веры в страну: “Я верил, что русский народ — носитель православия. Было, может быть, и ушло...” В начале мировой войны 1914 года была мечта о “кресте на святой Софии” (в Константинополе). Еще до того, как исторически стало ясно, что это неисполнимо, отец Иосиф говорил: “Зачем нам святая София? Кто в нее войдет? Распутин?!”»

Дореволюционная церковность все больше теряла любовь и святость.

* * *

Старостой в храме был богатырского роста и сложения старик. В молодости, до революции, он успел стать владельцем кожевенного завода, и все в этом прошлом было для него и солидно, и правильно. Даже то, что, по его спокойному деловитому рассказу за обеденным столом у настоятеля, «на Нижегородскую ярмарку каждый год из Москвы присылали вагон проститутток». Он был хороший хозяин и для материальной стороны Церкви проявлял усердие. Он мог, например, во время Херувимской войти в алтарь своей грузной походкой и, показывая стоящему у престола священнику на своей ладони щепотку муки, произнести: «Вот какую крупчатку я достал, полюбуйтеесь». Больше всего его не любили те люди, которые ставили свечи перед иконами: чуть немного погорят свечи, а он уже медленно, но неумолимо идет их обирать, так как это выгодно для церковных финансов. Он заботился и о людях, ему подчиненных: хотя в храме том служили три, а порой и четыре священника, он потребовал, чтобы для служения был установлен выходной день. Настоятель пытался возражать. «У Господа Бога нет выходных», — говорил он, но староста, конечно, на своем настоял.

И в том же храме каждую обедню стояла у паперти одна монахиня. Она была маленькая, почти совсем слепая, необычайно тихая и светлая. От нее шел свет, и я любил стоять недалеко от нее. Звали ее Анфиса. Помню, однажды во время пения «Тебе поем» я услышал, как она, стоя на коленях и преклонив лицо к полу, произносит ту молитву, которую в эту минуту должен произнести в алтаре священник: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови в нас, молящих Ти ся». В этом храме совершалось таинство ради таких, как она.

* * *

«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14).

«Храм Божий свят, а этот храм — вы» (1 Кор. 3, 17).

А «кто делает грех, тот от диавола» (1 Ин. 3, 8), то есть, значит, он не от храма, не от Церкви, пока не покается. Для постоянства бытия в Церкви необходимо постоянство покаяния. Вот с какой стороны еще проливается свет на необходимость для всех посто-

янной покаянной молитвы. «Согрешил против неба и пред тобою... прими меня в число наемников твоих».

* * *

Любовь есть качество воли, или, как говорил митрополит Николай Кавасила (XIV век), «добродетель воли». Бог ждет от нас только этой нашей воли к Нему, то есть любви, и дает Себя людям не за дела их и подвиги, в порядке какой-то оплаты, а только за эту волю — любовь, за возжелание Его бытия, за волю к жизни. Бог-Любовь ждет любви, а потому ждет воли. Человек — весь в путах первородного греха и сам по себе ничего не может сделать, чтобы обрести Бога, то есть свое спасение, кроме того, чтобы возжелать Его, потянуться к Нему своей волей. И Бог, видя эту свободную волю, дает человеку помощь своей благодати, через которую и приближает его к Себе, и совершает в нем все его благие дела. Не человек совершает своей силой, но благодать Божия — ради человеческой воли, то есть ради любви, обнаружившей себя попыткой «трудолюбного делания» в подвиге.

Именно на этом основано учение Церкви о спасении человека *даром*, за смиренную веру, а не в виде вознаграждения, как учит Рим. Подвиг есть только обнаружение или признак благой воли — любви к Богу. Духовный труд совершенно обязателен, но все, что человек обретает, — это не его, но Божие, и обретает он не через труд, но по милости Божией. «Хотя бы мы взошли на самый верх добродетели, но спасаемся все же по милости»¹.

Это одна из самых поразительных и самых радостных антиномий христианства.

Радостно осознать, наконец, что ты — ничто и что «все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки!».

* * *

«Не любите мира» (1 Ин. 2, 15). «Так возлюбил Бог мир...» (Ин. 3, 16). Не то примечательно, что и здесь мы видим выражение закона противоречий христианского познания, а то, что эти две противоречивые фразы о любви и не-любви написаны одним и тем же апостолом любви.

Сущность этого закона антиномий хорошо раскрыта Флоренским. Противоречие реально, но оно так же (или еще более) ре-

---

¹ Св. Иоанн Златоуст. Святоотеческие наставления о молитве и трезвении. М., 1889. С. 100.

ально разрешается в единстве благодати, в которую погружается человеческий разум в Церкви.

Вот еще пример противоречия. Апостол Павел в Послании к Титу пишет: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» (Тит. 3, 5). Тут как будто чисто лютеранское «спасение только верой», без необходимости подвига и «добрых дел». Но через один стих апостол добавляет: «Чтобы, оправдавшись Его благодатию... уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам» (Тит. 3, 7–8).

На единстве этого противоречия, неразрешимого для Запада, стоит вся дивная высота православных святых.

«Не надейся на себя: *все благое*, совершающееся в тебе, есть *следствие* милости и силы Божией»¹. Это постоянная формула аскетике. «Подвизайся... Когда же... можешь ты перейти стену страстных помыслов... не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе данного, но исповедуй с апостолом, говоря: «Не я... а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу»².

* * *

Очищение человека от греха — это его просвещение Светом Невечерним Божиим, и оно совершается не по заслугам человека, не потому, что он живет в подвиге, хотя он должен жить в подвиге, а «паче ума», или «священнотайне».

«Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне»³.

* * *

Опять в памяти похороны отца Николая Голубцова. Было тогда высокое голубое небо, точно «пасхальное», и, когда мы обносили его гроб в сентябре 1963 года вокруг храма под пение «Помощник и Покровитель», мы действительно не знали, то ли это скорбь, то ли радость обетования.

Может быть, на земле любовь и должна сочетаться из этих двух — скорби и радости, «да двое едино будут».

Это было какое-то торжество, и я не знаю, когда мы еще встретимся на подобном торжестве.

¹ Преподобный авва Исаия. Отечник: Избранные изречения... собранные епископом Игнатием. СПб., 1891. С. 179–180.

² Преподобный Иоанн Карпафийский. Сто увещательных глав// Добротолюбие. М., 1900. Т. 3. С. 77.

³ 1-й антифон степенный, глас 4.

Потом, кажется, на 40-й день, когда цветы на могиле отца Николая еще не совсем увяли, мы были опять вместе — какие-то незнакомые друг другу, близкие люди. Небо было еще милостивое, и мы все стояли какой-то шеренгой в узком проходе. Панихиды не могло быть, но вдруг мы слышим — кто-то ее читает, уверенно, знающе, вполголоса. Видим — отдаленно от всех, у самой могилы, стоит незнакомый мне мужчина в кожаном пальто, бритый, пожилой, но не старый. И тогда небо стало еще ближе и шеренга людей еще теснее. Когда этот человек кончил, поклонился могиле и пошел к выходу мимо нас, мы все ему тихо говорили: «Спасибо».

* * *

Люди святости — это носители Христовой святости, носители Его солнца в своей «малой капле вод». Кто-то из учителей Церкви сказал, что, для того чтобы совершить отлучение от Церкви (а, стало быть, и, наоборот, воцерковление), надо иметь «дуновение Иисусово», то есть мало одного внешнего факта принадлежности к священству — надо иметь еще в себе истинное веяние Христовой святости. В богословии эта внутренняя, действительная, а не аллегорическая власть именуется «властью ключей».

Отец Николай Голубцов, такой простой, как бы обыденный, не иконописный, имел «власть ключей».

* * *

Тем молодым христианам, которые по религиозной молодости бросаются искать внешнее, например акафисты, хочется сказать: «Ищите прежде Царства Божия» (Мф. 6, 33), а тогда, может быть, приложатся вам и акафисты. Акафисты найдут и на этом успокаиваются, а нам заповедано искать общения с Господом и общения с людьми.

Преподобный Ефрем Сирин говорил: «Монашество — это не одежда, и (даже!) не пострижение, но Божественное желание и небесное житие».

Такое житие нам и во сне не приснится, но «Божественное желание» мы все должны иметь, — желание Божественного веяния Святого Духа. Только это и есть цель христианства, и беседа преподобного Серафима «О цели христианской жизни» раскрывает нам эту истину, научает, зовет, сметает с пути обман внешности и холодного замыкания в себе, утверждает единственную и постоянную нашу задачу — соединение с Господом, богобщение.

* * *

Сейчас многие люди пишут стихи, гораздо более технически совершенные, чем стихи Пушкина или Блока. И в то же время все знают, что у нас нет ни Пушкина, ни Блока.

В богословии происходит примерно то же: многие стали грамотно богословствовать, умело и профессионально, то есть совершенно бесстрашно говорить о «гнозисе» и «аскезе», «энергиях» и «преображениях», «соборности» и «уединенности», «катафатической» и «апофатической» традиции. Все слова вроде бы правильные, но иногда так томительно бывает их слушать! Богословие можно ввести в салон, а его надо вводить в подвиг молитвы и в простоту любви.

«Чтение тонких исследований о Боге иссушает слезы и прогоняет от человека умиление»¹.

«Ищи Господа, но не испытуй, где Он живет»².

* * *

Отцы учили, что молитва — это богословие, а богословие — молитва. Практически это надо нам понимать так, что только то богословие необходимо людям, как-то уже стоящим около церковных стен, которое может быть переходом к молитве.

После всей математики Флоренского легко переходить к молитве. Он о ней почти не писал, но он строил для нее, иногда неумело, благоухающий храм. Его метафизика всегда тоскует и стремится к реальному русскому древнему храму.

То же чувство от богословских работ митрополита Антония (Блума). У некоторых других современных богословов очень много религиозного рационализма, будет ли он гностический, общефилософский или ортодоксальный. За множеством их слов не слышно их молчания, а ведь это молчание богослова нужнее всего.

«Я рассудил быть у вас, — говорит апостол, — не знаящим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

Вот тот центр, от которого, как от камня, брошенного в воду, расходятся круги апостольского богословия. Я, помню, видел когда-то древнюю икону Спасителя, которая называлась «Иисус — Благое Молчание». Спаситель был на ней изображен как «Велико-

¹ Отечник. С. 352.

² Преподобный Серафим Саровский. Житие старца Серафима Саровского, обители пустынножителя и затворника, с приложениями его наставлений и келейного молитвенного правила. СПб., 1863. С. 3.

го Совета Ангел», как средоточие Божественной Премудрости и Ведения.

Благодатное ведение — познание — есть самый воздух Церкви. Если мы в Церкви, то есть если мы любим, то мы познаем и богословствуем, ибо «любовь рождает знание» Церкви.

Церковному человеку можно, а некоторым из них даже и нужно насыщать свой ум также и общечеловеческим знанием, если только они и при этом сумеют так жить умом и сердцем, чтобы быть «не знающими ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

* * *

О сочетании общечеловеческого знания, или «мирской премудрости», с Премудростью Божественной лучше всего сказано у Варсонофия Великого, подвижника VI века и апостольской меры: «Ты не должен обращать внимание на... одну только мирскую премудрость, ибо если человек не имеет данной свыше духовной премудрости, то бесполезна ему первая. Если же имеет ту и другую, то таковой блажен»¹.

Как мало «таковых блаженных», сумевших войти в тайну сочетания!

* * *

«Призывание имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все меня стали любить... Если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними... Когда... я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет — все как будто говорило мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется... “ведением словес твари”»².

* * *

Во время последней войны и после нее в одном городе под Москвой ходила по домам за милостыней нищая праведница. На

---

¹ Преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ 822.

² Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1884. С. 19, 18, 31.

трудовом фронте она отморозила пальцы рук, а жила она с родственницей, которая ее за убожество не любила и не кормила. Была она не такая, как все; может быть, она и юродствовала отчасти; так или иначе, над ней люди смеялись — иные беззлобно, а иные со злом. Однажды она про всех этих людей сказала: «Если просто так человек над тобой смеется, о таком надо молиться в поле, у березки полевой, молодой, у которой кора еще гладкая. А о тех, кто со злом или обижают, за тех в лесу надо молиться, одному, у березы корявой, старой».

* * *

Мы далеки от христианства уже потому, что мы в лучшем случае только «душевные», а, по слову апостола, «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1 Кор. 2, 14), то есть духовности.

Но я знаю, что есть дверь, через которую и нам возможно войти в духовный мир Духа Божия, — это общение в молитве любви с умершими близкими. Господу мы неуютны, но Он не может противиться любви, и нам через нее приоткрывается дверь в тот мир, где живет «Бог живых» (Мф. 22, 23) — не мертвых, но живых и тоже любящих.

Благословенны умершие!

* * *

Вхождение в духовность дает человеку осознание условности времени. В духовности начинается тропа вечности, где «времени больше не будет». Снимаются какие-то стены, стена, отделяющая и закрывающая мое настоящее от моего прошлого, от любимых умерших, от совместной с ними жизни, от детства, от, казалось бы, давно потерянных сокровищ.

И еще возникает новое: возможность как-то *изменить* что-то в своем прошлом, в себе давно бывшем, точно смыть что-то в черном списке своих падений и измен Богу. Нам сказано: «Все возможно верующему». Старец Серафим (Битюгов), помню, говорил: «Наступит время в вашей внутренней жизни, когда вы начнете *залечивать* прошлое».

* * *

«Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево Чистая»¹. Бог хо-

---

¹ Служба Успению, ирмос 9-й песни 1-го канона.

чет нашего спасения, а «идеже (там где) бо хошет Бог, побеждается естества чин»¹. Тот несомненно выше — естественный мир, в который христианин должен переходить не когда-то «там», на том свете, а уже теперь, на земле, среди современной цивилизации, называется «духовный мир», а состояние человека, в него как-то вступающего, — состояние «духовное». Почему так? Только потому, что это состояние Божественное. Духовность — синоним стяжания Божественности, так как «Бог есть Дух» (Ин. 4, 24). Эти слова сказаны Христом именно тогда, когда Он открыл перед человечеством в лице Никодима всю реальность существования иного, Божественного, мира и всю трудность перехода в него. Духовность есть Царство Божественного Духа, а христианство — учение об этом Царстве и вход в него.

Вот почему призывом «ищите Царства Божия» наполнено Евангелие. Никодим, как мы знаем, ужаснулся, поняв и реальность нового рождения в духовность, и его вышестественность для земных людей. И мы ужасаемся при мысли о духовности и прячемся от нее в любую внешность — философскую, экуменическую, типиконскую.

Матушка Смарагда сказала: «Невозможно вам объяснить, что такое духовная жизнь, но хорошо, если вы знаете, что она существует».

Я помню, когда-то в Художественном театре шла вещь «У врат Царства». Мы перед духовной жизнью стоим как «у врат Царства».

* * *

На сто человек, стоящих в храме, хорошо, если есть двое-трое мужчин и две-три женщины моложе 50 лет. Раньше, в 20-х годах, мы говорили: «Церковь оставлена на женщин» — и вспоминали при этом верных Христу мироносиц: тогда в храмах было еще много молодых женщин и девушек. Сейчас надо менять формулу: Церковь оставляется на старух — хорошо, если не очень злых. Некоторые молодые христиане не отдают себе отчета в этом страшном процессе дехристианизации России и, имея счастье жить в Москве около кучки верующей молодежи, уверяют себя, что «все в порядке». У таких людей нет осознания жизни многих десятков миллионов людей, и они не видят пустеющих храмов. В процессе отпадения от христианства город соревнуется с деревней, и, кажется, деревня побеждает. По какой-то закономерности христианство возвращается в первохристианство не только духовно, но, так сказать, и географически — из деревень в боль-

¹ Служба 7-го гласа, догматик.

шие города: «Рим» и «Ефес», «Антиохию» и «Коринф». Там будут создаваться новые последнехристианские общины, окруженные миллионами неверующих, там будут жить христиане, ожидающие новых пророков и старых апостолов.

* * *

Рассказывали мне (два разных человека), что недавно умерший в Москве епископ Стефан, когда-то духовный сын отца Алексия Мечёва, говорил недели за две до смерти о своем убеждении в том, что перед самым концом истории Церковью будет зримо руководить апостол Иоанн, еще не умиравший, но непостижимо где-то сохраняемый Богом для этого последнего своего служения. Так владыка Стефан понимал слова Христовы Петру: «Если Я хочу, чтобы он (Иоанн) пребыл, пока приду, что тебе?» (Ин. 21, 22).

* * *

«Все писания (апостола Иоанна) можно назвать непрерывной историей борьбы между тьмою и светом. В Евангелии от Иоанна мы присутствуем при начале этой борьбы и видим, как она развивается вокруг Самого Господа, а Апокалипсис показывает продолжение ее вокруг Церкви. Поэтому же выражение νικᾶν (побеждать) встречается шесть раз в одном первом послании Иоанна и 16 раз в Апокалипсисе, тогда как во всем остальном Новом Завете упоминается только три раза (Лк. 11, 22; Рим. 3, 14; 12, 21)»¹.

К этому можно было бы добавить, что слово «жизнь», то есть то, что побеждает смерть, встречается только в одном Евангелии Иоанна, не считая его посланий и Апокалипсиса, 38 раз.

Жезл апостола, данный им, по преданию, святому Авраамии Ростовскому (XI век), находился в Сретенском соборе Зимнего дворца. «Возьми мою трость, — сказал Авраамии явившийся ему апостол, — и сокруши идола Велеса».

* * *

Бог Сам ищет сейчас Своих учеников, и тогда, как говорили Паскаль и Флоренский, к человеку приходит не бог философов и ученых, но Бог Авраама, Исаака и Иакова, и берет его за руку и ведет.

¹ Православная богословская энциклопедия. Т. 1. С. 913. Ст. «Апокалипсис».

Все мы знаем картину Иванова «Явление Христа народу». Явление Христа душе совершается в каждом человеке, призываемом Богом, в меру сердца призываемого. Душа получает как бы толчок — иногда через случайно найденное Евангелие среди выброшенных иконы, иногда через живого носителя святости и любви. Как сказал преподобный Симеон Новый Богослов, «если не будет явления Христа в нас, то мы не можем ни веровать в Него, ни любить Его как должно».

Недавно рассказывали об одной девушке (неверующей еврейке), увидевшей сон: она бежала в смертельном страхе от кого-то и вдруг припала к распятию и обняла его с ясным чувством, что спаслась. Проснувшись, она пошла искать Церковь Распятого.

Явление Христа — это зарождение в душе Его чудотворного образа, это личное услышание слов: «Се, Человек!». Только полюбив, можно поверить.

«Кто не может любить Бога, тот, конечно, не может и веровать в Него»¹.

* * *

Еще две еврейские девушки, подойдя к Церкви, никак не могли переступить последний порог. Подвел их отец Рафаил, иеромонах из Оптиной пустыни, доживавший свой век около Козельска. У старшей перед последним решением всегда поднималась буря сомнений, вопросов, соблазнов, даже внешних препон. А отец Рафаил уже умирал. И вот эта старшая вдруг получает от него записку: «Что же ты медлишь, *ведь я из-за тебя болею*». Это точно ударило ее: она поняла, что это именно так. Но через его страдание и смерть перед нею открылась дверь Церкви. Порог был перейден. Крестил ее уже не отец Рафаил, а старый священник, которому он это поручил перед смертью. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Вот современность и Евангелие.

Младшая сестра вошла по-другому. Она тоже не решалась, но больше потому, что не ощущала в себе молитвы. Она искала Церкви, как молитвы, и не находила. И она стала горячо просить Божию Матерь дать ей эту молитву. И тогда с нею совершилось то, что когда-то в Средние века совершилось с одним святым монахом: во время такой же своей сухой, но упорной молитвы о мо-

---

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1892. Вып. 2. С. 112.

литве точно луч сошел в его сердце от иконы Богоматери и озаренное сердце стало молиться. Вот наша современность и далекое Средневековье.

* * *

В связи с возможностью «явления Христа» душе через искусство иконы вспоминаются слова Флоренского о возможности философского доказательства бытия Божия. Флоренский сказал, что лучшее из этих доказательств помещено в «Троице» Рублева: «Если существует “Троица” Рублева, то, значит, есть Бог».

* * *

С теософией мое знакомство произошло в самом начале революции, когда на стенах домов иногда появлялись объявления о теософских лекциях. Помню обстановку на одной из них. В коридоре и зале множество московских дам — точно цветник, а среди него прохаживается здоровый молодой мужчина с правильными чертами лица, в розовом хитоне, с голыми руками и ногами, на которых браслеты. Это, говорят мне, модный поэт, не то имагинист, не то еще кто-то. На сцене перед кафедрой длинный ряд белых цветов в горшках, а из-за сцены доносится тихая и таинственная музыка. Публика томится ожиданием чего-то и нервничает, но, когда раздаются антитеософские реплики, в их сторону с грозным лицом направляется человек в хитоне.

Наконец появляется лектор, тоже дама, по фамилии, кажется, Пушкина. Она говорит, что человечество ожидает возрождения и приближается к нему, что Великий посвященный поэтому скоро придет, что технический прогресс даст ему возможность быстро перемещаться по всему миру, что мы должны жить внутренне так, чтобы не пропустить его приход, чтобы его заметить.

Когда она кончила, раздалась аплодисменты, а за стеной опять заиграла музыка. И вдруг в середине зала поднялся на стул С.Н. Дурьлин, тогда еще далеко не священник — маленькая фигурка в золотых очках и синем пиджаке, высоко поднял руку и громко сказал: «Не верьте, когда придет Христос, Его нельзя будет не заметить, “ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого”».

* * *

Через два, кажется, года после этого С.Н. Дурьлин принял священство и служил на Маросейке у отца Алексия Мечёва. По-

мню, как на литургии в Великую субботу Сергей Николаевич говорил слово о том, что «сия есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, ибо почил от всех дел Своих едиnorodный Сын Божий».

В Сергее Николаевиче была большая личная любовь к Христу, именно та личная любовь, которая светит нам в жизни и в писаниях святых отцов и о которой так вовремя и так хорошо напомнил Достоевский.

И вот остается факт: несмотря на уже принятое священство, вопреки батюшке Алексию Мечёву, который не благословлял его на этот путь, Сергей Николаевич отошел в конце концов от Церкви. Пожалуй, лучше будет сказать по-другому: *благодаря* тому что он принял священство, он отошел: бремя оказалось непосильным для его плеч. Слабому духом и при этом искреннему и любящему невыносимо увидеть на Тайной вечере зло. Для того чтобы, увидев, устоять и быть истинным священником, нужно быть готовым всегда повторять слова апостольские в ответ на слова Христа: «Один из вас предаст Меня». «Не я ли, Господи?» — ответили апостолы. Какая бездна смирения и проникновения в тайну Промысла Божия! Только это спасает и ведет каждого в Церкви, а тем более стоящего в алтаре. Там повторяется Тайная вечеря. Но к этому смирению можно идти только труднейшим подвигом веры. А у Сергея Николаевича тогда умерли все его старцы: и отец Анатолий Оптинский, и отец Алексей Мечёв, — и он остался один.

* * *

Я раза два был у отца Алексея Мечёва и на службе, и в доме. Помню, с каким детским удовольствием он вдруг бросался в переднюю подавать кому-нибудь — совсем незнакомому — шубу. А говорил мало (в противоположность Сергею Николаевичу, который все время говорил), точно к чему-то прислушиваясь.

«Вот меня считают ясновидящим или прозорливцем, — сказал он одному человеку, которого исповедовал, — а это не прозорливость, а всего только знание людей. Я ведь их переживания вижу как на ладони». И он при этом повернул свою маленькую руку. Он был небольшого роста, с быстрыми движениями и с какой-то точно неудержимой веселостью, которая шла от его премудрых всевидящих глаз. На фоне солидного и мрачноватого так называемого филаретовского духовенства Москвы он был носителем того «веселия вечного», о котором поется в пасхальную ночь.

* * *

Люди, как-то верящие в Бога, но не верящие в Церковь, например теософы, обычно говорят: «Неужели Богу нужны обряды? Зачем эта формальная сторона? Нужны только любовь, красота и человечность».

Человек влюбленный идет к девушке и, видя по дороге цветы, срывает их или покупает и несет их к ней, совсем не считая, что это только «формальная сторона». Это и есть идея церковного обряда.

Любовь к Богу естественно порождает красоту и человечность обряда, воспринимаемого как цветы, приносимые к ногам Божиим. Вера есть любовь, и суть христианства — влюбленность в своего Бога и Господа и тем самым реальность ощущения, что на земле осталось и живет Его Тело — Церковь. Как же могут эти ощущения и чувства не выразить себя во внешних действиях, которые мы называем обрядами?!

Если же существует одно внешнее, то есть мертвое, действие, то тогда не только в христианстве, но и во всех человеческих сферах, например в научной, оно будет только бесплодным обманом себя и других. Но говорить об этом означает ломиться в совершенно открытую дверь. Это каждому ясно.

Формализм или, что еще хуже, ханжество, то есть формализм подсахаренный, не есть христианство, и каждый из нас, уже числящихся христианами, должен проходить этот длинный и узкий путь — от нехристианства к христианству, от мертвых цветов к живым.

Теософия не так безобидна, как может показаться. Ее суть — в отвержении Церкви как Тела Божия в мире. Тело Божие в человечестве есть реальность присутствия в мире Бога, и эта Божественная реальность невыносима для всякого темного спиритуализма.

Церковь есть Тело Бога, и этот непостижимый факт именно постигается каждым христианином в обожествлении его души и тела через подвиг преображения. Обожествляется именно эта душа и это тело, вот это мое и твое дыхание, налагая тем самым ответственность на именно этот данный путь человека в жизни. В христианстве нет тумана перевоплощений, в котором всякая ответственность снимается. Церковь берет данного живого человека и ведет его в вечность, делая его клеткой великого Тела. Персть человеческая входит в Божественную жизнь. О Пасха!

«Исполнися вопиющего пророчество, глаголет бо: возставлю скинию падшую священнаго Давида, в Тебе, Чистая, прообразившуюся. Ея же ради всех человеков персть в тело создася Божие»¹.

¹ Тропарь 9-й песни 2-го канона Рождества Богородицы.

* * *

Бабушка напевает крошечному внуку колыбельную песню Лермонтова: «Дам тебе я на дорогу образок святой, ты его, моляся Богу, ставь перед собой...» Внук блаженно смежает глазки. Входит мать, дочь бабушки: «Что это ты поешь? Не надо».

Конечно, «пережитки капитализма» могут быть внедрены в сознание и через Лермонтова. Так внутри семей образуются чуждые духовные расы.

Рассказ об этом (недавний) напомнил мне, как нам в молодости открыл С.Н. Дурьлин «одну молитву чудную» Лермонтова, — молитву в тех «косых лучах», о которых так хорошо потом говорил Достоевский, сам весь освещенный ими. В русской литературе XIX века — и художественной, и славянофильской — было что-то неизреченно большое, что «могло бы быть, да не вышло». И в том, что «не вышло», в том, что это были только тихие косые лучи перед ночью, есть всем нам нужная чистая религиозная скорбь.

Я люблю читать в Деяниях то место, где описывается прощание апостола Павла с ефесскими пресвитерами: «Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его» (Деян. 20, 37–38).

* * *

В те годы, когда к нам иногда приходил отец Серафим (Битюгов), у нас жила близкая нам простая женщина. Она была когда-то инокиней (сама ушла от родителей в монастырь, когда ей было лет 11–12), но в это время ничем внешне от нас не отличалась и посты не очень соблюдала. Но у нее было сердце, жалеющее всех людей. Про нее отец Серафим говорил: «Она ходит не только в ангельском чине, но и ангельскими стопами». Она умерла у нас в Великую субботу, будучи буквально до последней секунды в полном сознании и в полной уверенности, что она не уничтожается, а переходит в новую жизнь.

Характер у нее был своенравный, и, кроме того, она не любила долгих молений и служб, что, конечно, огорчало отца Серафима, особенно когда получалось так: он надевает епитрахиль, чтобы служить, а она идет на огород полоть картошку. Я вижу — он читает и все посматривает с тоской в окошко на фигуру, склоненную к ботве. И вот, помню, однажды отец Серафим стоит в передней, одевается, чтобы уходить опять надолго, потом еще раз прощается с нами, а перед этой женщиной опускается вдруг на колени и кланяется в ноги.

* * *

О нем хочется записать еще одно воспоминание. Было зимнее утро, еще несветлое и холодное, когда раздался стук в наружную дверь. Я выхожу и на вопрос «кто?» слышу тихий монашеский ответ: «Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Я так обрадовался, совсем не ожидая его в это утро, что вместо положенного «аминь» воскликнул: «Ах, как хорошо!» — и уже после этого, спохватившись, и уже дважды: «Аминь, аминь!» И вот, когда я открыл дверь, я впервые увидел такое его лицо — радостно-утешенное: он услышал, что его, странника, здесь ждут и любят.

* * *

Жития святых надо читать, но не всегда надо ограничивать свое восприятие данного святого прочитанным текстом. Надо желать узнать что-то, о чем здесь, может быть, и не сказано. В житиях бывает иногда некоторое затемнение образа — индивидуальность святого, то есть его реальность в божественно-человеческом смысле, скрывается иногда в нивелирующем тумане какой-то благочестиво-чудесной стандартности, а великое чудо преображения человека, то «дуновение Иисусово», которое несет в своем дыхании каждой святой, благодаря туману делается незримым и неслышным.

В житиях и преподобного Сергия, и особенно преподобного Серафима нет тумана, хотя там описаны и великие чудеса, совершенные ими. Вот почему образ преподобного Серафима так особенно близок нам, так всемогущ в отношении нас, вот почему так радостно бывает в ясный летний день закинуть голову, всмотреться в легкие облака и вдруг осознать, что они, эти облака, вот совершенно так же шли по голубому небу над Саровом, когда там ходил живой преподобный. Такое великое открытие есть в этом осознании: я действительно живу вместе с ним, под единым голубым, неумирающим небом Русской Церкви.

* * *

В «Изложении веры» святого Максима Исповедника есть слова, вводящие в догмат о Церкви: «Два существа (о Сыне) исповедую: одно единосущно Отцу по Божеству, а второе единосущно Матери по человечеству».

Христос единосущен не только Отцу, но и Матери, а это значит, что Богочеловек единосущен человеку и тем самым Церковь

единосушна Христу. Вот почему и сказано апостолом, что «Церковь есть Тело Его», Тело Богочеловека, и вот почему Церковь есть Богоматерь, как из себя образовавшая это Богочеловеческое Тело Христа. Церковь есть непостижимое единство человека и Бога, Богоматери и Бога.

«Проходит Красейший от чертога чрева Твоего Бог, якоже Царь, одянный боготканною багрянницею обагрения тайнаго пречистых кровей Твоих, Безневестная, и царствует землю»¹.

* * *

«Троице всесвятая... единый и трисолнечный Свете... ущедри мир»².

Больше всего меня поражает в «Троице» Рублева это видение евхаристической чаши на трапезе Трех Странников, «Трисолнечного Света». В центре этой предвечной тишины — евхаристическая чаша: Отец указывает дланью на нее и склоняется направо к Сыну, то ли говоря Ему о ней, то ли уже отпуская Его на свершение любви. Это — видение предвечного совета о необходимости Голгофы. Но в этой чаше уже существует Церковь, а поэтому это есть также видение предвечного бытия Церкви. «Се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершена доприносится...» Вот почему апостол пишет: «Он избрал нас в Нем прежде создания мира» (Еф. 1, 4), ясно говоря этим о довременном бытии Церкви в Агнце Божиим. Прежде создания мира очами Божиими была уже видна Церковь, а тем самым и Богоматерь. На Благовещение мы так и поем: «Совет превечный открывая Тебе, Отроковице, Гавриил предста...» О Пресвятой Деве был предвечный совет Божий. Через Нее «исполнился древний совет Божий о воплощении Слова и нашем обожении»³. Когда мы так говорим о Церкви, мы называем ее «Софией» — неизреченным Домом Премудрости Божией. Еще в совете предвечном «Премудрость созда себе дом».

Вот почему Хомяков сказал, что Церковь — это «основное таинство мироздания». И вот почему начинают делаться нам понятными загадочные как будто слова святого Иринея Лионского: «Когда Церковь в конце (истории) будет внезапно взята отсюда, то будет, — сказано, — скорбь, какой не было от начала и не будет»⁴.

¹ Богородичен 7-й песни канона Недели мясопустной.

² Канон пятничный седмицы ваий, песнь 9.

³ Иоанн Дамаскин, преподобный. Слово на Рождество Богородицы// Христианское чтение. 1828. Ч. 31. С. 244.

⁴ Иринея Лионский. Против ересей. V. 29. 1. С. 508.

* * *

Через таинственное соучастие в Теле Богочеловека тело всякого человека входит в лучи вечности, становится нетленным. Догмат об истинности Боговоплощения, об истинности человеческой плоти Второго Лица Святой Троицы есть утверждение целостности спасения, то есть преобразования всего человека в бога по благодати. И этот же догмат есть основание догмата о Софии. София — это воплотившееся Слово Божие, Бог в твари, Божественное в тварности, это одновременно и человеческая природа Бога, и Церковь как тварное Тело Божие. Непонимание Софии есть непонимание нераздельности человеческой природы Христа от Его природы Божественной.

* * *

Я знаю современников, уверовавших, когда им было 20–25 лет. Если родители их — активные атеисты, то эти молодые люди придумывают себе язвы желудка для того, чтобы как-нибудь сохранять в семье возможность поста. Эти молодые христиане входят в пустыню подвига более пустынную, чем египетская. В пустыне египетской человек мог изменить, но при этом он мог мыслить о каждой душе человеческой как о живой воде, как о спасительном оазисе. В пустыне великого города чуть ли не каждый человек может открыться или просто показаться горчайшей пустыней. Вот где разница прошлой эпохи и теперешней.

Господи, помоги, Господи, помоги! Люди Твои, Господи, кричат к Тебе.

* * *

Глядя на стариков и молодых в метро, иногда думаешь, что молодые чище.

Отец Александр Ельчанинов спрашивает себя: «Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут» (Рим. 2, 12). Значит, те, которые вне закона *не согрешили*, будут оправданы?»

В наше время, когда уже прочно и по всему миру оформилось новое язычество и когда живет множество людей, совершенно ничего не знающих о христианстве, не должны ли снова применяться к этим людям слова того же апостола о тогдашних язычниках: «Дело закона у них написано в сердцах»?

Отец Нектарий Оптинский говорил: «Простой индус, верящий во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, спа-

сется». И он же добавлял: «А тот, кто, зная о христианстве, идет индусским мистическим путем, — нет».

Это тот самый оптинский старец, который проявлял интерес к Велемиру Хлебникову, а о Блоке сказал: «Он теперь в раю. Скажи его матери, чтобы она была благонадежна».

Известно, что В. Хлебников ездил к Флоренскому.

* * *

Нужно знать учение отцов о том, что, в то время как всякое доброделание, например пост, может сделаться своим и привычным для человека, молитва всегда останется как бы непривычной. Отцы говорили, что молитва — это доброделание ангелов. Как часто убеждаешься в этой особенности молитвы, вводя себя иногда с таким трудом на утренние молитвы, то есть на такую, казалось бы, хоженую тропу. Вот почему, учат отцы, так опасна всякого рода прерывность в молитве и, наоборот, благотельно принуждение своего «правила», понимаемого как кнут. «Царство Божие нудится», то есть силой берется, принуждением себя. Сказано также, что это Царство Божие — в сердце. Надо взять сердце в руку, теплую, но твердую, и тогда начнет укореняться молитва.

Отец Валентин Свенцицкий учил, что непрестанную молитву не надо прекращать и во время богослужения.

* * *

Я только раз в жизни испытал радость щедрости, а ведь есть (и сейчас) люди, которые несут щедрое сердце всю жизнь.

Это было в Бутырской тюрьме осенью 1922 года, и это было как свежий ветер, выметающий сор души. Я готовился к этапу и раздавал, что имел, и, чем больше раздавал, тем глубже дышал воздухом свободы, в которой мы призваны быть всегда. И это время тюремного дерзания так и осталось счастливейшим временем жизни. Почему я тогда не умер?

* * *

И еще раз я стоял у громадного окна в новом районе Москвы. Была ночь, и между облаками выходили звезды, как маяки. С души сошло бремя, точно вдруг нашлась потерянная где-то в темноте нить жизни, сплетенная из надежды и радости, и город уже не казался чужим, но жилищем страдающих людей. Мы не озлобились за эти пятьдесят лет и сейчас молимся в этом горо-

де, как у изголовья тяжело больного. Это земля Твоих людей, Господи!

* * *

Та простота в вере, к которой зовет апостол, конечно, не есть упрощение. Это только введение всех своих мыслей и чувств в евангельское ученичество Христу. Только это и может привести людей в лабиринте и в тумане современности.

О людях Христовой простоты так сказано: «Это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел... и в устах их нет лукавства» (Откр. 14, 4, 5).

* * *

Старец Силуан Афонский, умерший накануне Второй мировой войны, писал: «Много лет болит душа моя от мысли, что вот мы, монахи, отреклись от мира, покинули и родных, и родину, оставили все, что составляет обычно жизнь людей, дали обеты перед Богом, и святыми ангелами, и людьми жить по закону Христову, отказались от своей воли и проводим, в сущности, мучительную жизнь и все же не преуспеваем в добре. Много ли из нас спасающихся? Я первый погибаю. Вижу и других, что страсти обладают ими. А когда встречаю мирских, то вижу, что живут они в великом невежестве, нерадиво и не каются. И вот понемногу, незаметно для себя я втянулся в молитву за мир. Я много плакал от мысли, что если мы — монахи, отрекшиеся от мира, — не спасаемся, то что же вообще творится в мире? Так постепенно скорбь моя росла, и я стал плакать уже слезами отчаяния. И вот в прошлом году, когда я так в отчаянии, усталый от плача ночью лежал на полу, явился Господь и спросил меня: “Ты почему так плачешь?” Я молчу... Господь говорит: “Разве ты не знаешь, что Я буду судить мир?...” Я опять молчу... Господь говорит: “Я помилую всякого человека, который хотя бы однажды в жизни призвал Бога...” Во мне пробежала мысль: “Тогда зачем же мы так мучаемся на всякий день?” Господь на движение моей мысли отвечает: “Те, что страдают за заповедь Мою, в Царствии Небесном будут Моими друзьями, а остальных Я только помилую”. И отошел Господь».

* * *

Подвиг жизни в христианстве не может не быть каким-то сильным страданием. Но страдание в христианстве — это только

неизбежность родов, процесса мучительного, но радостного по результатам. «Жена, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее, но, когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир».

И наше христианство проверяется этим сочетанием: рождается ли в нас уже теперь, сейчас, этот «младенец радости»? «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор. 1, 5).

Когда мы ожесточаемся и то и дело брюзжим по всякому поводу, это очень опасный признак. Надо иметь если не радость, то хотя бы благодушие, а если не благодушие, то хотя бы юмор к своим напастям и искушениям. В глазах Христовых наше интеллигентное «изнеможение» от жизни есть уже какой-то отказ от креста. Первую историческую Церковь Он хвалит в таких словах: «Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал» (Откр. 2, 3).

* * *

«Прежде честнаго Твоего Креста, воином ругающимся Тебе, Господи, умная воинства дивляхуся: обложился бо еси венцем поругания, землю живописавый цветы, багряницею поругания одеялся еси, облаки одеваая твердь. Таковым бо смотрением разумеся Твое благоутробие, Христе, велия Твоя милость, слава Тебе»¹.

По апостолу, мы — «наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). «Если только». Страдание утверждается в христианстве условием входа в вечную жизнь. Экзюпери очень точно сказал, что оно есть «средство для великого восхождения к Богу». Хотящему быть христианином неизбежно открыт в своем сердце некую теплую боль, животворную язву — свое соучастие в жизни и страданиях Христа и людей.

Вот почему мы ежедневно призываемся молиться словами: «Любовию Твоею уязви души наши»². И христиане живут со своей скрытой раной.

* * *

Отец Александр Ельчанинов говорил: «Смысл страданий — участие в страданиях Христа... и в созидание Тела Христова в ми-

¹ Великая пятница, тропарь 3-го часа.

² Молитва 6-го часа.

ре». Вот почему отцы домостроительство нашего спасения называли «домостроительством страдания».

В мире сейчас наблюдается одно страшное явление: этот мир все больше погружается в какую-то пучину фактического страдания и в то же самое время все более ненавидит саму идею страдания. Христианство предпочитает обратное этому соотношению.

Страдание в христианстве двойко. Первое — это со-страдание, то есть любовь, почти со-существование: человек сострадает своему распятому Богу и через Него сострадает человеку и страдающей земле. Это страдание, безусловно, неизбежное, которого не может не быть в христианине в меру любви каждого. Второе — это условное страдание подвига. Условно оно потому, что зачастую это и не страдание вовсе, когда Господь несет наш подвиг за нас, видя стремление наше к Нему. Кроме того, святые отцы учили, что некоторые люди спасаются совсем без обычного подвига, то есть вне второго вида страдания, только через одно свое смирение и любовь. Поэтому здесь надо помнить слова блаженного Августина: «Где любовь, там нет страдания, а если оно есть, его любишь».

* * *

«Скорбь — главная пища любви; и всякая любовь, которая не питается хотя бы чистою скорбью, умирает, подобно новорожденному, которого стали бы кормить как взрослого. Нужно — увы! — чтобы любовь плакала, и весьма часто именно в тот самый момент, когда подымаются взрыды, цепи любви куются и закаливаются на всю жизнь»¹.

Отец Николай Голубцов говорил: «Многие святые видели ангелов плачущими».

* * *

В трех первохристианских источниках находится запись следующих слов Христа, не записанных в Евангелии (аграфы): «Кто близ Меня, тот близ огня; кто далеко от Меня, тот далеко от Царства»².

Христианство обжигает мысль людей страданием, но без огня в человеке не рождается бог.

¹ Метерлинк М. Сокровище смиренных. Гл. XI: Незримая доброта.

² Ориген. Толкование на Иеремию, гл. 20, ст. 8; Дидим. Толкование на псалом 78, ст. 8; Евангелие от Фомы (найденное в 1945 г.), изречение 86.

Сейчас не только мир ненавидит идею страдания, но и люди, называющие себя христианами и даже церковными деятелями. От этой ненависти питается так называемый «христианский атеизм», ложное христианство.

* * *

Догмат о человечестве Христа — это раскрытие неизреченно-го обнищания Бога, страдания Бога. Он так же нам необходим, как догмат о Его Божестве. Не книги об этом надо читать, а стоять в ночь на Великую субботу и слушать припевы на «Непорочных», когда «дыхания моего Податель бездыханен носится...», когда «Троицы Един во плоти, нас ради... претерпе смерть», «Иисусе, сладкий мой и спасительный Свете, во гробе како темном скрылся еси!..», «Животе, како умираеши!», «Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельская воинства ужасохуся, снисхождение славяще Твое».

* * *

Если мы совершаем что-либо, например постимся или богословствуем (иногда очень рьяно) вне голгофского света, то мы на данный момент находимся вне Церкви. «Не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3, 14), а значит, пока «не любит», он не пребывает в Церкви, так как «Церковь Бога Живаго» и смерть не совместимы.

Митрополит Антоний (Блум) пишет: «Где нет... любви — нет и Церкви, есть только видимость, обман, который отталкивает людей. Вот почему пустуют наши храмы, отпадает молодежь... Помогите нам Господь стать Церковью, а не только видимостью Церкви»¹.

Голгофой создана Церковь, это цена ее создания, и только этой ценой мы можем входить в нее.

* * *

И блаженный Августин учит, что историческая Церковь есть «Тело Господне истинное, но смешанное, или истинное и кажущееся» (*Domini corpus verum et permixtum, verum et simulatum*). Страшное это слово — *simulatum*, «кажущаяся», только видимая, притворная Церковь! Лжехристианство.

¹ Слово о расслабленном.

* * *

По слову Божию, любовь противопоставляется беззаконию, угождению плоти, то есть, иначе говоря, не-святости. «И по причине умножения беззакония во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12). «Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5, 13).

Святость в христианстве это и есть любовь, а не-любовь — не святость.

Природа любви непостижима, как природа Божественная, но одно мы знаем, что если есть гордость, то, значит, нет любви, что любовь есть смиренное забвение о себе, что она есть отдача себя для других: для Бога и детей Божиих.

Грех же, наоборот, есть «память о себе» и забвение других, самоутверждение и самоугождение, грубо-физическое или тонко-душевное. Поэтому все грехи есть большой или малый отказ от любви, большая или малая гордость.

«Попечения о плоти, — говорит апостол, — не превращайте в похоти», не самоуслаждайтесь, не побеждайтесь своей самостью.

Но не то же ли самое, только в душе, совершается в общении с людьми, когда вместо отдачи себя им, хоть в самом малом забвении о себе и в самой малой заботе и тревоге за них, я занят опять же собой и внутренне себя перед ними утверждаю и, разговаривая с ними, посматриваю на себя в зеркало?

А когда я стою на молитве, то не бывает ли так, что вместо Бога я молюсь «на самого себя», любясь собой или пребывая в тщеславии? Во всем этом и во множестве другого — когда я осуждаю, обижаюсь, раздражаюсь, ненавижу, присваиваю, жадничаю — я в основе всегда делаю одно и то же: утверждаю себя, свою грешную самость, свое «я» вместо «не я», вместо Бога и людей, вместо любви.

И наоборот. Перечислив многие совершенства, к которым мы призываемся (а в их лице все остальные совершенства), апостол заключает: «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства», ибо в ней совокупно существует весь путь к Богу. Она низлагает гордость, отменяет самость и самоугождение — плоти и духа. Вот почему существует мрак не только разврата, но и ложной добродетели, не только безделья, но и подвига, или, как говорили святые отцы, «лучше поражение со смирением, чем добродетель с гордостью». Вот почему истинная святость и любовь есть одно и то же. Блаженный Августин так говорил: «Всякая добродетель есть любовь».

Для того чтобы понять это опытно, некоторым нужно прожить десятки лет, слушая слова отцов, учителей светлейшего по-

двига. Это корень аскетике, которая и есть борьба за любовь в себе и в мире.

* * *

Епископ Феофан Затворник, говоря о непрестанной молитве, учил: «Существо дела есть приобрести навык стоять умом в сердце... Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить... сочетать ум с сердцем»¹. Иначе говоря, все дело в том, чтобы «сочетать ум» с любовью, чтобы «приобрести навык стоять умом» в любви. Вот в какую глубину ведут нас отцы, в какое тепло! А мыто, бедные, только начнем молиться, как уже «стоим умом» в тщеславии, то есть все на том же месте — в самих себе.

Макарий Великий говорил: «Должно иметь ум, пригвожденный к любви Христовой»².

* * *

У святых отцов очень много сказано о том, что спасение человека от греха, или, иначе говоря, его возведение к Богу, идет через ближних, через людей, и через них же идет к нему его духовная смерть.

Мы можем на людей злиться, перед ними гордиться, на них дышать похотью — в этом трояком зле мы умираем. И мы можем любить человека, смиряться перед ним и взирать на него чистым оком. И когда это в нас совершается, мы вдруг познаем, что ведь каждый человек — это «нерукотворный образ», за которым — Сам Христос. Практика христианской жизни поэтому и сводится к тому, чтобы между мной и каждым человеком всегда стоял Христос. Надо видеть людей только через Христа.

* * *

Вот почему надо писать о любви и не-любви, о святости и не-святости. Здесь узел духовного бытия.

Но писать о любви означает прежде всего писать о смирении, точнее говоря, о смирении любви, так как «любовь не ищет своего», но забывает о «своем» и отдает «свое» в смирении. Только смирение может о себе забыть. Смирение есть сама природа отдающей себя, жертвующей собою любви.

¹ Добролюбие. М., 1900. Т. 5. С. 469.

² Преподобного Макария Египетского Духовные беседы, послание и слова. Беседа 45. Сергиев Посад, 1904. С. 288.

«Чтобы положить основание любви, надо начать с жертвы» — так «святоотчески» сказал военный летчик Экзюпери.

Смирение и есть «жертва»: «Жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит» (Пс. 50, 19).

* * *

В одном письме 1937 года отец Серафим (Битюгов) писал о смирении так: «Смирение — это непрестанная молитва, вера, надежда и любовь трепетной души, предавшей свою жизнь Господу. Смирение есть дверь, отверзающая сердце и делающая его способным к духовным ощущениям».

* * *

Самое, может быть, трудное в смирении — это смиренно не требовать от других любви к себе. Наверное, можно вздохнуть об этом («Господи! Я замерзаю»), но нельзя требовать, даже внутренне. Ведь нам дана заповедь о нашей любви к людям, но заповеди о том, чтобы мы требовали любви к себе от этих людей, нам нигде не дано. Любовь и есть в том, чтобы ничего для себя не требовать. И когда это есть, тогда опускается в сердце, как солнечная птица, Божья любовь и заполняет все.

* * *

Отец Валентин Свенцицкий говорил мне: «Вот мы учим о любви и смирении, а случись, что нам в автобусе наступят на ногу, и мы тотчас же этого человека ненавидим».

Смирение на словах есть порождение гордости, учили Отцы. Всякий стремящийся к христианскому мышлению, без большого труда, а иногда даже с каким-то большим удовольствием скажет о себе, что он «великий грешник», или на просьбу о молитве ответит по утомительному смиреннословному стандарту: «Моя молитва недостойная». Но попробуйте сказать о себе искренне: «Я просто нехороший человек» или «Я нечистый человек», — и вы поймете, как это трудно, может быть, даже непосильно.

Вот и я считал себя смиренным, а матушка Смарагда прямо сказала: «В Сергее Иосифовиче — духовная гордость», — и за неделю до своей смерти ее обличила.

* * *

Я помню смерть матушки Смарагды. В это майское утро я шел

к обедне и по дороге зашел узнать о больной. Когда я вошел на крыльцо, то увидел, что две ее келейницы стаскивали с чердака давно приготовленный гроб. «Как матушка?» — «Плохая». Я прошел в комнату, где около постели были три женщины, наверное самые близкие ей по духу. «Читай отходную», — сказала мне одна из них. Я начал читать вполголоса, но не прочел и страницы, как услышал уже какой-то совсем другой, задыхающийся шепот: «Читай, читай!» — и понял, что уже «подносится чаша». Когда-то, задолго до этого, матушка сказала: «Когда человек умирает, к устам его подносится чаша». Мы еще долго стояли в тишине. Когда умирает святое сердце, это уже не скорбь, но только таинство.

Вот почему, когда через восемь-девять лет после ее смерти я приехал на несколько часов в этот городок, и пошел на кладбище, и увидел среди сплошного снега, занесшего в ту зиму даже кресты, верхушку ее креста на бугре, то, к удивлению проходящего мальчишки, сошел с узкой тропинки и буквально пополз по снегу к этому еле видимому знаку, как утопающий к острову, и, добравшись, целовал его со слезами, как целовал бы материнский крест.

* * *

В тургеневской Лебедяни в 30-х — начале 40-х годов нашего века ходил по округе странник Иларион. Он был из евреев, по профессии портной, а где стяжал христианство и духовную власть — неизвестно. Может быть, через тех бывших оптинских духовников и монахов, которые доживали в эти годы рассеяния свой век в этих краях.

Я его лично не знал, а застал только живых людей, которые спустя много лет после его смерти жили в атмосфере его духовного наследия. Нигде в историях Церкви или в епархиальных отчетах он, конечно, не будет упомянут. Он совершил свое апостольское служение и ушел. И на могиле его рядом с храмом и теперь можно увидеть свежие цветы или, в праздник, зажженную свечу.

Одна тоже праведница — Катя — рассказывала мне, как он у нее ночевал. «Проснулась я ночью и слышу, что он на печке тихо поет: “Иже херувимы тайно образующе”». Так проходят ночи праведников, и не страшна им ночь мира.

* * *

В реальности Церкви, в ее духовной жизни все такие трудные для интеллигентов и молодых христиан понятия, вроде «добродетели» или «благочестия» принимают тепло и жизнь необычайных, но понятных вещей.

О понятии «подвига» я уже говорил. Вот еще несколько трудных слов.

«Добродетель есть вещь некая горячая и zelo приличная возжещи пламень любви Божия и сотворити душу всю огненну»¹.

«Благочестие... есть то, чтобы призирать (опекать) сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1, 27).

«Бесстрашие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов... но то, чтоб, когда они борют нас, пребывать не боримыми»².

«Сила девства — сияние нерастраченного пола»³.

* * *

Проповедь в храме должна находиться в каком-то смысле слова на одном уровне с данным богослужением, чтобы то, что говорится, и то, как говорится священником, не стаскивало бы, так сказать, молящихся куда-то вниз с того уровня, на который их духовно поставило богослужение.

Богослужение вдохновенно, а мы даже этого слова «вдохновение» боимся, ссылаясь на то, что его любил Пушкин, и оглядываемся на Типикон, есть ли оно в нем?

«И пришел он (Симеон) по вдохновению в храм» (Лк. 2, 27).

Я думаю, если бы нас перенести на богослужение апостольских времен, когда люди, вдохновляемые Духом Святым, говорили «иными», то есть иностранными, языками или пророчествовали, то мы бы, наверное, решили, что это сектанты.

* * *

В одном большом московском храме я наблюдал в праздник такое явление. Выходит священник с чашей, возглашая: «Со страхом Божиим и верою приступите». Но, вместо того чтобы начать причастие, он вдруг спускается с амвона и через громадную толпу, опасливо и прося расступиться, идет с чашей в боковой придел, где и причащает. «Тело Христово примите» здесь уже не поется: нельзя отвлекать людей от слушания проповеди. Оказывается, когда этот батюшка пошел с амвона с чашей, из алтаря вышел другой («академик») и начал проповедь. Перед ним — вся толпа людей, а здесь, у Крови Христовой, — какая-то оставлен-

¹ Преподобный Никита Стифат. Житие преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1856. С. 3.

² Блаженный Диадок. Подвижническое слово// Добротолюбие. М., 1900. Т. 3. С. 71.

³ Ельчанинов А. Записи. С. 54.

ная в молчании кучка. Литургическое завершение перенесено с причастия Вечности на проповедь.

* * *

Еще в одном храме я наблюдал аналогичное явление. Был тоже праздник, было много народу, в том числе исповедников. Вышел священник с чашей, приглашая: «Приступите», но тут же повернулся и ушел в алтарь. Певчие пропели «Аллилуия», как после окончания причастия, затем диакон прочел ектению, в которой говорится о нашей благодарности за принятие святых таин, хотя никто еще их не принимал. Литургия закончилась, и тут же начался торжественный молебен. И вот, когда и он наконец закончился и народ расходился, когда алтарница сердито и громко бранила за что-то на клиросе маленькую монашку, а за ящиком слышалось шелканье счетов и чей-то громкий бас сказал: «А мы сегодня хорошо поторговали, Иван Федосеич», — тогда, в этой пустыне, к людям, все еще ждущим у амвона, была наконец вынесена чаша. Оказывается, «певчих нельзя задерживать причастниками».

Один верующий диакон (в другом храме) мне рассказывал, что в одном приходе, в начале его служения там, он за всюнощной получал иногда в алтаре такие записки от певчих: «Не затягивайте, сегодня интересное кино».

* * *

Недавно один православный священник, охотно дававший религиозные книги своему знакомому студенту и вдруг узнавший, что он «пятидесятник», сказал ему: «Теперь между нами все кончено, теперь вы мой враг и я ничего не буду вам давать». Такое же отношение сектантов к нам. Мы для них — «идолопоклонники», так как «кланяемся иконам». Себя они называют «верующими», имея в виду, что мы «неверующие».

Где-то наверху, над нами и над нами, ученые люди говорят благонамеренные речи на международных экуменических съездах, а внизу вся многомиллионная масса людей, призывающих Христово имя, пребывает в древней темноте отчуждения и неприязни. Современное экуменическое движение практически ни на шаг не уменьшило конфессионального разрыва масс.

Неприязнь и я ощущаю в себе. Возникает какая-то невыносимая досада, когда видишь, что люди отворачиваются от глаз Владимирской Богородицы и не принимают откровения рублевской «Троицы», то есть не понимают того, что Церковь и есть эти глаза и этот Божественный покой, а совсем не «я» и не «он», то есть

не тот человеческий грех, который растлевает людей во всех религиозных обществах без исключения.

Но иногда мне кажется, что в сектантах протестантского толка есть что-то от семени Первоначальной Церкви и что все их непонимание ее когда-нибудь кончится. Так мне кажется, когда я читаю вот эти слова Откровения: «И расสวิрепел дракон на жену (то есть Церковь) и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12, 17). Если эти «прочие» сохраняют заповеди Божии и «свидетельство Иисусово», то это на фоне современного мира есть факт величайший и потрясающий.

* * *

Вернувшись после ссылки в Москву в 1925 году, я был раз на литургии у отца. Валентина Свенцицкого. Я пришел к ее концу, и, когда он вышел с заамвонной молитвой, меня поразило его лицо. Я иначе не могу передать своего впечатления, как сказать, что это было лицо человека, который только что принес себя в жертву, принес реально и мучительно, и вот сейчас выходит к нам, никого еще не замечая от потрясения. Я тогда понял, что такое стигматы.

А свою глупость я проявил и здесь. Вместо того, чтобы подождать его для разговора, мне нужного, я вошел в алтарь. И вот он властно поднял руку, останавливая меня, и сказал: «Сюда могут входить только верующие в Бога. Вы в Бога веруете?»

Мы не виделись три года, и он, получив обо мне неверные сведения, проверял меня, дерзнувшего войти в его святая святых.

* * *

Женщина умирала в больнице, в коридоре, и все никак не могла умереть, заживо разлагалась. Родных не было, никого не было. Наконец ночью позвала одну няню, которая ее жалела, и велела слушать ее исповедь. Исповедь была страшная, за всю жизнь, а священника нельзя было позвать. Няня исповедь приняла и утром отнесла в церковь, а к вечеру женщина умерла.

* * *

Когда я писал о Достоевском, я не заметил еще одного источника для «Карамазовых». Это «Откровенные рассказы странника». Там рассказывается про одного князя, который ударил камердинера, и тот на следующий день умер. Затем через шесть недель он стал являться князю, а также и все другие обиженные им люди.

Наконец, князь осознал свои беззакония, исповедался, дал свободу служившим ему людям и пошел скитаться по России нищим, служа по дороге всем бедным. Причем «лишь только... я на сие решился, — рассказывал он, — тут же и кончились беспокоившие меня видения. Я чувствовал такую отраду и сладость от примирения с Богом, что не могу вполне сего изобразить. *Вот здесь я... опытно узнал, что значит рай и каким образом разверзается Царствие Божие внутри сердец наших*». Это запись действительного факта. А вот запись в романе Достоевского о «таинственном незнакомце», тоже убившем человека и приходившем к светскому еще Зосиме. Когда наконец после долгих лет мучения он признался властям в своем преступлении, он сказал Зосиме: «Радость чувствую и мир... Разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было... Предчувствую Бога, сердце, как в раю, веселится»¹.

«Предчувствую Бога!» Какие духовно верные слова умел находить этот удивительный человек!

* * *

Говорят, что отец Владимир Криволицкий, придя домой из лагеря и ожидая скорой смерти (он знал, что у него рак), сам отпел себя, то есть совершил над собой обряд отпевания. И недавно я понял, что это как-то возможно, что человек может вдруг отойти от самого себя и, глядя на себя сбоку, горько заплакать не «о себе», а вот об этом лежащем рядом бездыханном грешнике, сделавшем так много для того, чтобы затемнить в себе лик Спасителя.

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бесславну, не имущую вида».

* * *

Я ничего не понимаю в мировом страдании, кроме одного: в него вошел Творец мира, в него послал Он Своего любимого Сына. Христианство учит о страдающем Боге, — страдающем не по вине, а по состраданию, по любви. А если так, то, значит, страдание не страшно, так как его не отделить от любви и не отделить от Бога. «Страждет плотию Бог...»

Вот почему мы с дерзновением просим: «Страданий Твоих общника мя покажи»².

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 2, кн. 6, гл. 2.

² Стихира на «Господи, воззвах», вторник 2-й седмицы Великого поста.

* * *

Таня, молодой искусствовед, собирала иконы. У нее стали допытываться: «Уж не верующая ли ты?» Она отвергла: «Я неверующая». Потом попала в психиатрическую больницу, и вот, лежа в инсулиновом шоке, то есть без сознания, она громко спрашивала: «Господи, есть ли Ты? Скажи мне, есть ли Ты?»

Там же была другая девушка, Зина: «Выйду из больницы, пойду в церковь и все узнаю».

* * *

То, что Флоренский как-то прислушивался к Оригену, заметили все и осудили, а вот то, что он приблизил нас к *ощущению гееенны*, мало кто заметил. Даже если он сомневался в вечности гееенны, он не сомневался в том, что она есть, и подвел нас к ее краю и дал заглянуть. А не заглянувши, мы ничего не поймем и тем более ничего не сделаем.

* * *

Церковная статистика 1907 года: епархий — 66, число церквей — 51 413, часовен — 20 113, библиотек при церквях — 29 659, монастырей мужских — 622, женских — 218, монашествующих мужчин — 17 583, женщин — 52 927 (вместе с послушниками в обоих случаях)¹.

* * *

В 1959 году две женщины, одна из которых и сейчас еще благополучно живет, поехали к матушке Матреше. Матушкой ее звал народ, шедший к ней во множестве, за праведность, хотя монахиней она не была. Она жила в районе Куликова поля, на берегу Красивой Мечи, у стен закрытого монастыря, основанного блаженным Иларионом, русским подвижником первой половины XIX века и тоже не имевшим никакого духовного звания. Матреше в это время было уже за 80 лет. Замуж она никогда не выходила, жила с детства в бедности со своей матерью в деревне, окружающей монастырь, и в течение более 50 лет занималась тем, что ходила читать Псалтирь по покойникам. Когда она была еще совсем молодая, вспыхнула в той местности эпидемия холе-

¹ Отечественная история в цифрах // Исторический вестник. 1910. № 10. С. 396–397.

ры. «Вот отчитаю я, — рассказывала она, — всю ночь по одному, по двум, приду домой, чтобы отдохнуть, а мама говорит: «Матреша, вот приходили такие-то, они совсем бедные, им нанять невозможно, уж ты пойди сейчас, почитай и у них». Я начну возражать: «Мама, да ведь я устала». А она скажет: «Как же быть-то, ведь они бедные. Уж ты сходи». Я вздохну да и пойду. Однажды мне пришлось так за сутки над пятерыми читать. А у иных помещение было такое, что только гроб стоит с покойником, из которого еще что-то все течет, совсем рядом мне соломку постелят для стояния, а сзади мне по ногам дверь хлопает с холодным ветром. Вот, наверное, оттого у меня и ноги больные».

Жила она в наше время в старой баньке, ушедшей уже настолько в землю, что приоткрытая дверь не закрывалась, образуя некоторый «лаз» в метр высотой внутрь крохотного помещения, где на каких-то полатях она лежала, не вставая от болезни, уже многие годы. Последние четыре-пять лет помещение и зимой совсем не отапливалось, кроме только как от огня ее свечи, при свете которой она вычитывала богослужение по книгам и молилась. От проходящих к ней людей она ничего не брала, кроме вот этих свечей. Но всех она встречала с любовью, хотя иных обличала тут же, при всех, а тех, кто не знал молить, особенно «Верую», наделяла списками, которые для нее готовили более грамотные ее ученицы. Покормить ее к ней приходила ее племянница, но в ее теплый дом, стоявший в этой же деревне, она отказалась переехать, так до смерти и дожив в своей холодной избушке и в своей постоянной молитве за людей.

* * *

Одна старая женщина прислала недавно своим близким письмо. В нем такая фраза: «Помолитесь о мне, грешной, да не йзмет Господь души моя в день нечаяния, в день злобы».

* * *

Митрополит Макарий говорил: «Любовь в нас вложена, как зерно». Очень важно это понять. Отцы учат о том, что любовь растет, совершенствуется, но начало ее — в малом зерне, так что с самого начала христианского пути она должна сошествовать с человеком и самые «новоначальные» должны ее иметь.

«Все труды и подвиги, которые *начала* своего не имеют в любви, с духом сокрушенным, тщетны и бесполезны»¹. Не о том же ли

---

¹ Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 8.

Божественном зерне сказано в притче: «Царство Небесное подобно зерну горчичному... которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и... прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13, 31, 32).

Около святых старцев и около некоторых любящих близких мы чувствовали себя когда-то как укрывающиеся в их совершенной любви.

* * *

«Начало греха — гордость» (Сир. 10, 15). Гордость есть себя-любие, само-любие, а поэтому самоутверждение. «Как любовь к Богу, созидающая Град Божий, есть начало и источник всех добродетелей, так себялюбие, любовь к себе, строящие Вавилонскую башню, есть источник всех грехов» (блаженный Августин). «Любовь есть корень, источник и мать всего доброго»¹.

Все пороки исходят от гордости, а все добродетели — от смирения и любви.

* * *

О Вл. Соловьеве говорили, что у него был замечательный смех и что вообще он как личность был гораздо интереснее, глубже и ценнее, чем как писатель. Действительно, многие его работы кажутся нам теперь, после всех пережитых катастроф, поверхностными и бедными. Для понимания Церкви неизмеримо больше дает Хомяков, для необходимого постижения зла больше получаешь от Достоевского. Но как личность Соловьев был, может быть, выше их обоих, духовнее их. В профессорских журналах он печатал бестактные, холодные и несправедливые статьи против славянофилов и в то же время писал удивительные по духовному прозрению стихи. Но стихи его мало кто знает. Написал он и одну удивительную вещь в прозе — «Повесть об антихристе». Написал — и умер, а эта вещь осталась неумирающей, формирующей сознание многих. Помню, на могиле его в Новодевичьем монастыре в прежнее время приходящие писали на кресте карандашом строчки из его стихов, например:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

¹ Св. Иоанн Златоуст. Беседа на Пятидесятницу// Творения. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1. С. 519.

Крест был деревянный и был весь исписан.

* * *

Не могу удержаться, чтобы не сделать из епископа Феофана эти пять выписок.

«Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь, ибо не в том сила. Внутренность свою надо уязвлять и тревожить, чтобы не уснуть. Во сне Самсона связали. Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь — все равно. В сердце монастырь — это Бог да душа»¹.

Значит, и «монастырь в миру» — это «монастырь в сердце».

«Монашество есть, с отречением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге... «Жизнь наша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3, 3). Не черная ряса и клобук есть монашество, даже не жизнь в монастыре. Если бы все сие могло измениться (то есть не стало бы ни ряса, ни монастырей), то монашество вовеки пребудет, пока будет на земле человек-христианин».

«Человек создан для общения с Богом. В этом главная его цель... Самоотвержение — это только средство, а цель — пребывание в Боге».

«Церковь существует для богообщения в Господе Иисусе Христе, и она постольку истинною является, поскольку осуществляет сие единое».

«Что есть Церковь по духу своему? Святительство свято приносить жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Церковь есть лицо богослужащее, жречествующее, святительствующее беспрерывно, разумно, духовно. Всякий вступающий в нее должен стать с нею единым духом, быть тем в *малом*, что она в *большом*»².

То есть, чтобы быть в святой Церкви, надо самому стать «малой церковью».

Мне рассказывали, что во время наступления немцев на Москву три мальчика г. Загорска, лет 10–11, Боря, Миша, Сережа, пошли под вечер 27 августа, то есть под Успение, в сторону Черниговской за дровами. Скоро стало темнеть, и вдруг они обнаружили, что заблудились. Долго они ходили, испугались, не видя выхода. Кто-то из них сказал: «Ну что ж, надо помолиться». Это было поручено Мише: «Миша, ты помолись, ты умеешь». Миша несколько раз перекрестился. После этого они опять пошли искать дорогу, но все не находили. И тут они увидели, что

¹ Феофан Затворник, епископ. Письма о христианской жизни. СПб., 1880. С. 3.

² Там же. С. 16, 17; 10, 207; 405–406; 324.

сквозь ветки уже темного леса показался мигающий огонек. «Наверное, сторож или лесник», — сказали они и пошли на огонек. На открывшейся небольшой поляне они увидели человека «в шапке, какую носят батюшки». В правой руке у него был большой крест, а в левой — «что-то, чем он все время помахивал» (так они, очевидно, восприняли кадило). Тут мальчиков охватил страх, но уже другого рода. Миша оказался в середине, и они начали толкать локтями с той же просьбой: «Молись, молись». И как только он «замолился», человек «в шапке, как у батюшки», начал осенять крестом. И тогда они увидели светлую дорогу в направлении крестного осенения и побежали по ней. И когда они вышли из лесу и шли уже по знакомому луку, они поняли, что никакой дороги, собственно, под ними и не было, а шли они по дороге света. И, подходя к своим домам, они решили: «Завтра в шесть утра пойдем в церковь».

Взрослые, сопоставив их рассказ с направлением этой их обратной дороги, поняли, что преподобный осенял не только их, но и свою лавру, свой «град», и некоторые, уже решившие эвакуироваться, остались на месте, успокоенные в том, что город их под небесной защитой.

* * *

Небесный или духовный мир может быть нами легче всего осознан и воспринят через призму древней иконы. Через Рафаэля и Васнецова мы не можем прикоснуться к потусторонней реальности. Для религиозного познания их живопись — это то, что в архитектуре называется «ложными окнами», сделанными для симметрии и не пропускающими свет. Икона есть попытка, отмечая соблазн телесной красоты, проникнуть в тайну Божественной красоты. Тайна слишком превышает наше естество, а поэтому путь к ней открывается, по слову апостола, через «юродство проповеди». Вот почему проповедь древней иконы «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4). Конечно, молиться вполне можно и перед новой иконой, но в какой-то час своей духовной жизни нас уже начинает влечь к познанию иного мира, чтобы подойти к узкому узорному окну древней иконы и заглянуть через него в Божественный мир.

* * *

Отца Дмитрия Крючкова знакомые звали «садовником», так как, отойдя от церковного служения в эпоху 30-х годов, он действительно работал несколько лет садовником в каком-то высоком

учреждении. Поскольку он одновременно оставался духовным сыном и «послушником» отца Серафима (Битюгова), эта его садовническая работа не спасла от переезда в 1946 году в Сибирь. Там я его и узнал. Это был человек некнижный и в каком-то смысле мирской. Он любил выпить немного водки и много курил. Но он был человек прямой, нелукавой веры. Помню один его рассказ. Еще до отхода от служения он страдал невыносимыми головными болями, доходившими почти до потери сознания. Однажды такая боль началась во время торжественной соборной службы в московском храме. Шла всенощная перед праздником преподобного Серафима, и все служащие священники — их было много — стояли парами на середине храма перед образом преподобного. «И тут я почувствовал, — рассказывал мне отец Дмитрий, — что больше терпеть не могу. Я вдруг вышел из своего ряда под удивленные взгляды своих сослужителей, подошел к горевшей перед иконой лампаде, опустил в нее палец и помазал им лоб. Боль прошла в ту же секунду, пока я еще мазал, и я опять встал на свое место. С тех пор болезнь не возвращалась».

Тут удивительно не столько чудо, сколько прямая связь его с прямой верой, не побоявшейся себя обнаружить, не думающей о нарушении общественного благочиния или приличия. Только исповедничество веры, в том числе и такое, какое совершил отец Дмитрий, может спасти и человека, и мир.

* * *

Вслед за отцом Дмитрием-садовником встает в памяти отец Иван-столяр. Он был из Касимова, где и столярничал, не служа в церкви, так как был из так называемых «непоминающих», то есть ушедших в какой-то раскол. Говорят, ученики и сторонники святого Иоанна Златоуста, после того как его выслали и, по существу, обрекли на длительную смерть, тоже ушли в раскол, который держался лет 30, пока останки замученного не вернулись торжественно в Константинополь, при новом императоре.

Отец Иван был совсем русский старичок, с удивительно иконописным лицом. Он был очень тихий и кроткий, но в вопросе о поминовении был тверд и даже настойчив. «Это какой-то начетчик», — с досадой говорил мне отец Дмитрий. Помню обе их фигуры, идущие рядом, фигуры бородатые и абсолютно голые. Это нас ведут в баню, в те блаженные минуты, когда получаешь тепло и свободу в пределах нескольких шаек почти горячей воды. А разговор их на пути был, конечно, о поминовении.

Потом была та этапная камера, о которой я писал в воспоминаниях, где люди задыхались от тесноты, где «капелла» исполня-

ла для меня «Однозвучно звенит колокольчик» и где я впервые отметил Рождество Христово по новому стилю с лютеранином.

Вереницы людей прошли мимо, прошли мимолетно, но так коснулись сердца, что сердце пошло куда-то за ними, бездумно и неудержимо, не желая их оставлять, стремясь снова найти их, но уже в пристанище Христовом. Я не богослов, и не знаю, что это такое. Может быть, надо не знать, а идти.

Этап от Москвы до Новосибирска был тяжелый. Где-то на пути нас построили и повели к пересыльной тюрьме. Овчарок, кажется, не было. Мы с отцом Иваном замыкали колонну, а сзади нас был только один маленького роста солдатик с добродушным лицом, но, конечно, с автоматом. И вдруг отец Иван упал, не споткнулся, а обессилел, лежал на снегу с абсолютно белым лицом. Я подумал: это лицо святых мощей. Кое-как мы его подняли. Солдат не только затревожился из-за задержки, но и явно пожалел старика: «Вставай, отец, вставай!» Потом была в этом Новосибирске ночь под Рождество, уже по старому стилю. Мы с ним лежали рядом, и когда, наконец, умолк, уставши, профессионал рассказчик уголовно-похабного эпоса и кое-где уже захрапели, тогда отец Иван начал потихоньку петь ирмосы Рождественского канона: «Христос раждается, славите! ... Христос на земли, возноситеся!..» — «А вот восьмой-то ирмос и забыл. Все слабеет, и голова. Не дни мои, а часы сочтены. Может ты, Сергей, помнишь?» Мне было очень неприятно, но и я не помнил. «Чуда преестественнаго росодательная изобрази пещь образ...»

Через два дня мы расстались. Дальше на Красноярск я поехал с поминающим отцом Дмитрием.

* * *

Перед тем как начать с нами обед или ужин, отец Серафим (Битюгов) сам обычно читал молитву. И после окончания тоже сам читал, причем не одну и не две, а иногда много разных молитв, и с особенной любовью, явно ведя нас тут же, после обычной человеческой еды, в какие-то сверхчеловеческие дали. Обычно эта вереница послеобеденных молитв начиналась с особенно часто им повторяемой: «Ядят узобии, и насытятся, и восхвалят Господа взыскающие Его, жива будут сердца их в век века».

В связи с этим вспоминается мудрая формула аввы Силуана Афонского о норме еды: «Есть надо столько, чтобы после еды хотелось молиться», то есть если еда не нарушает какой-то путь молитвенной непрестанности, то она нечрезмерна.

* * *

Однажды, когда за обеденным столом было много народа, отец Серафим рассказал некоторые случаи из своего соприкосновения с миром «духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12). Кое-что мне запомнилось.

«Пришла ко мне на квартиру одна знакомая мне бесноватая. Поговорив с ней немного, я встал и пошел к шкафу, где у меня стоял святой елей. Слышу, она говорит: “Князь, а он меня маслом хочет мазать”».

Одна его молодая духовная дочь ему рассказала: «Всю ночь мне снился страшный мужчина. Утром я пошла на работу и вижу, что он идет ко мне по тротуару навстречу и говорит: “Хорошо я тебя сегодня помучил?”»

Помню еще, как отец Серафим сказал: «Если правильно относиться к этому, то можно не бояться бесов». Так учили и древние Отцы.

* * *

Схиигумения Мария, о которой я уже упоминал, пошла в монастырь лет шестнадцати. Отец ее был богатый купец, а матери она не помнила. Была у нее еще добрая и верующая по-настоящему няня. И вот отец решил, что пора выдавать ее замуж. Был назначен день, когда придет сваха с женихом и будут «смотрины». В этот день она, печальная и о замужестве совсем не думающая, должна была надеть какое-то особенное парадное платье из красного атласа. В этом платье она и сидела одна в большом двухсветном зале, ожидая гостей и жениха. Гости задержались, а она, положив руки на стол, а на руки голову, неожиданно заснула.

И вот она видит, что открываются двустворчатые двери и в комнату входит высокая Госпожа, в таком сияющем одеянии, что ей стало страшно. Госпожа прямо подошла к ней, взяла ее левую руку и трижды намотала на нее четки со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Девушка проснулась и бросилась к няне с рассказом о видении. Няня сразу и твердо решила: «Никаких женихов! Пойдем наверх к себе». Там она велела повязать щеку платком, а сама пошла к отцу и объявила, что «у девочки заболели зубы». Смотрины были отменены, а вскоре и отец, уstraшенный видением, сам отпустил ее в монастырь.

Я только один или два раза был у матушки Марии, уже в 50-х годах, и она так поддержала меня в это время большого моего одиночества.

* * *

Мой отец накануне принятия священства был чиновником Московского окружного суда и жил со своей молодой женой где-то около Сивцева Вражка. Случилось так, что их знакомая — монахиня Заиконоспасского монастыря — впала в тяжелый плотской грех, в результате чего была изгнана из монастыря, подверглась многим поношениям и лишилась всякой поддержки. Была она молодая красавица. Моя мать особенно запомнила, что волосы у нее были почти до полу. И вот приходит мой отец домой и говорит, что деваться ей некуда и что ей надо помочь. «Будешь ли ты против, — спросил он, — если мы приютим ее у себя?» «И тут, — рассказывает моя мать, — я заплакала и бросилась ему на шею в чувстве какой-то благодарности». Так изгнанная поселилась у нас и была опекаема.

Мой отец не был ни в семинарии, ни в академии, но можно сказать, что тут он сдал свой экзамен и мог ехать принимать священство. Посвящал его замечательный архиерей — Алексий, архиепископ Виленский.

* * *

Мне кажется, что, если бы в Символе веры вместо слов «и страдавшая, и погребенная, и воскресшая» было сказано «и страдавшая, и умершая, и воскресшая», была бы сильнее передана действительность вочеловечения Христова. Воскрес в третий день Он, конечно, не по Божеству, Которое никогда не умирало, а по человечеству, так что словом «воскресшая», а также словом «страдавшая» действительность вочеловечения уже передается. Но везде, и в Писании, и у отцов Церкви, подчеркивается факт смерти Христовой, и, мне кажется, это для того, чтобы через нее, как через крайнюю точку Его человечности, еще ослепительнее засияла Его Божественность. Слово же «погребенного» догматически ничего не доказывает и передает только исторический факт. Но есть ряд великих фактов из жизни Спасителя, например Крещение, Преображение и другие, не нашедших отражения в Символе веры.

«Христос Иисус умер, но и воскрес» (Рим. 8, 34). «Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2 Кор. 5, 15). Иисус Христос есть «первенец из мертвых» (Откр. 1, 5).

Чем ближе к человеку, да и ко всему миру Голгофа, тем все больше им нужно откровение Писания о смерти Христовой, неотделимой от Его воскресения. Чем глубже мы познаем в свете

Божественности Христа Его человечество, тем спокойнее и увереннее становится на сердце, потому что ведь и мы «всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4, 10). «Я есмь Первый и Последний, и Живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь» (Откр. 1, 17–18).

* * *

«Для того Слово Божие сделалось Человеком... чтобы (человек), соединившись с Сыном Божиим и получив усыновление, сделался сыном Божиим»¹ (конечно, святой Иринея хочет сказать: «В теле Церкви Его»).

У святого Ипполита Римского (III век) есть мысли о Церкви такой же глубины: «Церковь, *всегда рождая Христа* — мужское и совершенное Отроча Божие, проповедуя Бога и человека, учит сему все народы»².

* * *

К современному экуменическому движению приходится иметь как бы двоякое отношение.

Та форма, в которую оно вылилось, для нас неприемлема, и дело здесь не просто в форме. Если есть «Совет Церквей», то это означает, что в истории до сих пор еще не было никогда Церкви, то есть зачеркивается все первохристианское созидание ее и все последующее отеческое учение о непрерываемой жизни единой апостольской Церкви.

«Экуменическое движение по своему существу — это путешествие в неизвестность»³, — сказал очень ученый немец и экуменический деятель Лука Фишер.

Мы можем мыслить только апостольски: «Бог один... и Церковь одна», идея какого-то церковного интернационала кощунственна. Неверие в «одну Церковь» есть неверие в одну и единственную Пятидесятницу. Современный экуменизм — это еще не вселенское христианство, а только некое вселенское объединение лютеран и им сочувствующих, «пан-лютеранство».

«Совет Церквей» есть «Совет неверия в Церковь» или, как говорил Хомяков, «призрак единства». Он же говорил: «Церковь... не есть государство... и потому не может допустить ничего похо-

¹ Иринея Лионский. Против ересей. III. 19. 1. С. 292–293.

² Толкование на Апокалипсис: О «жене, облеченной в солнце».

³ Фишер Лука. Экуменические очерки. Франкфурт-на-Майне, 1972.

жего на условное соединение... Церковь не может быть гармонией разногласий... В десятке христианств, действующих совокупно, человечество с полным основанием опознало бы сознательное бессилие и замаскированный скептицизм».

Но на знании этого нельзя останавливаться. Тот же Хомяков говорил, что «сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты». Но это означает, что они существуют и могут быть открыты. Сама жажда в лютеранстве христианского единства уже говорит о жажде Церкви, а жажда Церкви не есть ли начало ее?

Недавно я слышал, что будто бы именно в недрах лютеранства, но вне связи с «Советом Церквей» возникло движение «монастыря в миру», «белого иночества», то есть внутреннего подвига. Конечно, «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 9). Но для этого чуда надо, чтобы эти «камни» как-то захотели стать «детьми».

Вот все дело сейчас и сводится к этому: искренна ли и в лютеранах и в нас эта жажда Церкви? Или же мы только подражаем миру, спеша на самолетах на международные экуменические съезды?

Ведь все же знают: где-то в религиозных низах живут сектанты, считающие нас, православных, «неверующими» и «идолопоклонниками», а где-то наверху, в залитых электричеством залах, в это же самое время сидят образованные сытые люди и благополучно разрешают экуменические проблемы. Соединятся христиане не «экуменически» и не «организационно», а только благодатно. Если будет в них жить благодать, то она научит и организации. А для стяжания благодати нужны не съезды, а подвиг святости, который состоит в личном покаянии и в личной любви к Иисусу Христу.

* * *

Матушка Смарагда рассказывала: «Сидит одна женщина на базаре, торгует чем-то от своего огорода. Платок натянула совсем на глаза: во-первых, солнце печет, а во-вторых, чтобы меньше отвлекаться на окружающую суету: творила она молитву Иисусову. Сидит она, опустив глаза, молится и вдруг слышит, что подошедший нищий старик говорит ей: “А ты бы попроще — только ‘Господи, помилуй’”. Так-то тебе легче будет”. Сказал и пошел. Видела она его в первый раз. Молитву творила, конечно, про себя — слышать он не мог». «Вот какие у нас бывали и торговки, и нищие», — в заключение сказала матушка Смарагда.

* * *

Почему сейчас же после слов Символа о вере во «едину святую, соборную, апостольскую Церковь» мы произносим слова: «Исповедую едино крещение»? «Единая», или одна, Церковь и одно крещение. Но почему именно об этом напоминает Символ, а, скажем, не о причастии или ином таинстве? В первые века христианства было много споров, перекрещивать ли еретиков или отпавших и потом вновь приходящих к Церкви. И восторжествовала мысль: перекрещивать нельзя, так как благодать крещения, если оно было совершено в определенной форме, на этих людях осталась, несмотря на их дальнейшие заблуждения. И сейчас Церковь не перекрещивает некоторых даже весьма далеких от нее сектантов, получивших это крещение в своей еретической общине. Крещение есть дверь в Церковь. Но в таком случае если сектант не перекрещивается, то не означает ли это, что он в каком-то сокровенном смысле уже прошел эту дверь, что он сохранял и в сектантстве свою связь с Церковью? Наверное, это и есть догматическое подтверждение формулы Хомякова о непостижимых связях Церкви с «прочими» христианами мира. Для католиков и для некоторых православных Церковь — это духовенство. По «Посланию восточных патриархов 1848 года», Церковь — это весь православный народ. После смерти мы, может быть, увидим, что ее границы еще шире.

* * *

Хомякова надо знать, а многие знают о нем только то, что сначала он был гвардейским офицером, а потом основателем какого-то, по их мнению, «романтического богословия».

Вот кусочек из совсем уже неизвестных воспоминаний о нем Ю.Ф. Самарина.

«Раз я жил у него в Ивановском. К нему съехались несколько человек гостей, так что все комнаты были заняты, и он перенес мою постель к себе. После ужина, после долгих разговоров, оживленных его неистощимой веселостью, мы улеглись, потушили свечи, и я заснул. Далеко за полночь я проснулся. Утренняя заря едва-едва освещала комнату. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доносились сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой день он вышел к нам веселый, бодрый, с обычным добродушным своим смехом. От

человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторялось почти каждую ночь»¹.

* * *

Архимандрит Феодор (Бухарев) считал, что основа греха католичества совсем не в главенстве папы, а в уклонении от главенства Христа. Христос — это действительность Голгофы и воскресения каждого в Него верующего, это сверхъестественное преобразование человека еще в этой жизни. И вот человек и Церковь в смысле ее руководства, страшась безмерности этого пути, стараются уклониться в то, что, в общем, ни к чему не обязывает, в чем нет терновых шипов. А их нет в любой внешности, будет ли это только внешний экуменизм, или внешняя обрядность, или мертвенная подзаконность, то есть упование на спасение от своих подвигов и дел («ферапонтовщина»), или слепое подчинение иерархическому авторитету, или даже наивное византийское типиконство.

Во всем этом мы уклоняемся и от простоты во Христе, и от главенства Христа. И, наблюдая жизнь, мы видим, что и в православии, в его религиозных типах, эта жизнь полна таких уклонений.

Потому и произошло разделение, потому мы никак и не можем вновь соединиться. Для соединения мы все: и они и мы — вновь должны вернуться к главенству Христа.

* * *

Наши опасения за молодых христиан, конечно, имеют основания. Иногда они слишком слепо принимают все, что передала им наша смутная церковная эпоха, не различая внешнего от внутреннего, условного от безусловного. Иногда же они принимают христианство только как наиболее умную философскую теорию, то есть не входят в него как в трудную жизнь Церкви.

Но не надо эти опасения преувеличивать в наши дни. Мы видим и другое. Сама благодать учит и ведет людей в наши дни. Часто поражаешься, что какой-нибудь аспирант, всего только несколько лет назад узнавший и принявший христианство, понимает его и говорит о нем лучше, глубже, чем, скажем, Вл. Соловьев.

Бог знает избранных своих.

---

¹ Отрывок из записок Ю.Ф. Самарина// Татевский сборник. СПб., 1899. С. 133.

* * *

В конце этой войны шесть-восемь солдат шли зимой из окружения к своим на восток. Шли и дорогами, и целиной, чтобы не попасть к немцам. К вечеру одного дня они, совсем обессиленные, по колени в снегу, вышли на какое-то поле. «Верно, здесь нам и замерзать», — сказал кто-то. Вдали увидели огонек и пошли на него. Это была совсем крошечная избушка, стоящая на горке среди поля. Кто-то из них постучал и вошел: там сидел старичок, занятый подшивкой валенок. Просить не пришлось: старичок велел сейчас же входить всем и ночевать. Все вошли и повалились на пол, в тепло и в сон. Потом кто-то открыл глаза. Было уже утро. Все они в куче лежали не на полу, а на земле, слегка запорошенные снегом. Над ними была не крыша, а небо, и в его тишине где-то близко раздавался благовест. Это было в Западной Украине. Они вскочили и пошли на благовест. Когда они вошли в храм, кто-то из них громко сказал, указывая на икону святителя Николая: «Вот и хозяин наш».

* * *

А в начале войны немцы были недалеко от Загорска. После ночной смены на заводе одна жительница этого города шла домой. Это был как раз день преподобного Сергия. Солнце только поднималось, освещая траву, цветы. Но ни цветы, ни солнце не замечались от великого страха перед приближением фронта: в доме у этой женщины были маленькие дети. И вот ее встречает незнакомая ей женщина, они идут вместе, и незнакомка ей говорит: «Ничего не бойтесь. Мы под защитой преподобного. Он сказал, что “град его будет вовеки цел”. А чтобы вам это было понятно, я расскажу. В 20-х годах здесь жил зосимовский старец о. Алексий. Здесь он и умер в конце 20-х годов. Когда начали открывать мощи, старец очень страдал об этом и много молился, недоумевая, почему Господь попускает такому делу? Однажды вечером, когда он стал на молитву, рядом с ним встал преподобный и сказал: “Молись три дня и постись и после этого я скажу тебе то, что нужно”. В следующие два дня, когда о. Алексий вставал на молитву, снова вставал с ним рядом преподобный Сергий. Отец Алексий эти дни питался просфорой. На третий день преподобный сказал: “Когда подвергаются такому испытанию живые люди, то необходимо, чтобы этому подвергались и останки людей умерших. Я сам отдал тело свое, дабы град мой вовеки был цел”». «Мы тогда, — добавила рассказчица, — думали, что это о сыпном тифе, который в те годы свирепствовал, а вот теперь поняли, о чем он говорил».

Женщина, выслушавшая этот рассказ, пришла к своему дому, еще спящему, села на крыльцо потрясенная и успокоенная и тут впервые за это утро увидела и цветы, и солнце.

* * *

Преподобный Сергий был святым XIV века, отец Алексей Зосимовский — XX. В Церкви всегда есть святые.

«Каждый из нас, — говорил Хомяков, — постоянно ищет того, чем Церковь постоянно обладает».

Святость Церкви не аллегорическая, а реальная, так как она живет в реальных людях или для реальных людей, сколько бы их ни было, хотя бы только «двое или трое, собранных во имя Мое».

Но входим ли мы в это число «двух или трех»? Ищем ли мы, как надеялся Хомяков, благодати Святого Духа, воцерковляющей нас, освящающей нас, то есть делающей нас святыми? Знаем ли мы хотя бы о том, что надо молиться о причастии Святого Духа, то есть и о своей святости?

«Утешителю, моего смысла, яко благ, скверну исчистив, святости Твоя покажи (мя) исполнена».

«Святой Душе... святость всем подаждь в Тя верующим».

«Прииди к нам, Душе Святой, причастники Твоея содевая святости, и Света Невечерняго, и Божественныя жизни, и благоуханнейшаго раздаяния; Ты бо река Божества, из Отца Сыном происходящий»¹.

* * *

Недавно я видел такую молитву Святому Духу: «Душе благий и истинный! Прииди ныне с высоты святя Твоя и вселися в ны, отыми от нас сердце каменное и даруй нам сердце плотяное, и благодатным веянием Твоим потреби в нас тлетворные страсти, и дух правый обнови во утробах наших. Да облагодатствованные Тобою, мы единодушно воскликнем: видехом Свет Истины, прияхом Духа Небеснаго. Ему же со Отцем и Сыном подобает всякая слава, честь и поклонение. Аминь»².

* * *

Отцы учат, что в словах книги Бытия о начале творения мира, когда была еще «тьма над бездною, и Дух Божий носился над

¹ Канон Святому Духу, глас 1-й, песни 1, 8, 6.

² Записано на Молитвослове Киево-Печерской лавры 1876 года.

водою», надо видеть откровение о творческом акте Святого Духа.

Митрополит Филарет Московский пишет: «Действие ипостаси Святого Духа изображается (здесь) словом *חַלְמָה*, которым в другом месте (Втор. 32, 11) Моисей выражает действие птицы *гнездящейся* или *сидящей* с распростертыми крыльями над птенцами и их *согревающей*»¹.

Дух Святой Своим Божественным теплом *выводил жизнь* из «безвидности», «тьмы» и «воды». Вот где начало тепла мира! А нас хотят соблазнить дарвинизмом.

* * *

Чем ближе конец жизни, тем сильнее любовь к умершим. Не есть ли это предчувствие встречи? Чувствуешь с радостью не только их, но и обстановку, с ними связанную, какие-то вещи, старое Евангелие и кресло, тропинку в лесу, запах сена, колокольный звон. Ничто, очевидно, не умирает из того, что как-то нужно было человеку на земле, что как-то вело его к Богу. «Все из Него, Им и к Нему». Если, как сказал Дионисий Ареопагит, «все вещи предсуществуют в Боге», то это значит, что все благое не может и сейчас, и потом, в будущем, не существовать в Боге. Мы все встретим: все тепло земли, очищенное и святое, охватит нас и обнимет, и мы уже никогда не расстанемся с ним. Мы идем не к индийской нирване, но в Дом Божий, в котором будем искать глазами и найдем всех, кого успели полюбить на земле.

* * *

Святость есть действительность причастия Святого Духа. Поэтому весь вопрос о Церкви сводится к ее святости, к ее наполненности Святым Духом, к наполненности людей, ее составляющих, Святым Духом.

Если Церковь не святая, она уже и не единая, и не соборная, и не апостольская.

В лице своих представителей Церковь — мы видим — теряет свою святость, и человек поэтому все меньше в нее верит, и она все меньше значит для мира. Международными религиозными съездами и их призывами к социальным реформам или действиям человека не обманешь. Слишком много он за свою горькую историю уже видел и слышал умных съездов и прекрасных программ. Человек знает, что спасти его может только Бог Своєю

---

¹ Филарет (Дроздов), митрополит. Записки... к разумению книги Бытия. С. 7.

кровью и Своею силой, то есть святостью, которую как бы в ответ на эту кровь должны были любовью и подвигом воспринять все люди. Поэтому так страшно оскудение святости в мире и в Церкви. Мир не хочет подвига и не хочет любви.

Когда круг будет замыкаться, на земле останутся непобежденные в своей святости «двое или трое» Церкви Христовой и свет их святости будет такой, какой уже невозможно будет вместить этой истории. Это и будет ее конец. Эти непобежденные «двое» докажут, что Царство Божие и воля Божия осуществились в них «и на земле, как на небе» и что все человечество могло бы стать таким же, как и они.

* * *

Матушка Смарагда была из монастыря, который в двух-трех километрах от Усмани, где мы жили. Монастырь был основан келлейником св. Тихона Задонского, и в нем до его закрытия хранились некоторые реликвии святого.

В наше время, то есть в XX веке, с этим монастырем были связаны два юродивых: Алексей и Христина. К юродивым особенно относится древнее определение монаха: «Монах — тот, кто, пребывая в отшельности, живет в единстве со всеми людьми». Можно сказать, что если не живет в этом единстве, то он и не монах. И еще было в древности сказано: «Схимничество — в том, чтобы молиться за весь мир». И они молились. Куда это все ушло? Когда Алексей приходил в монастырь, его на ночь помещали в «хлебную». Однажды одна монахиня рано утром решила посмотреть, что он делает, так как он долго не выходил. Уж не помер ли? Заглянула, а он стоит с воздетыми руками — молится, от пола на воздух поднятый. Она в страхе убежала. А когда днем они где-то встретились, он только погрозил ей пальцем молча. Вот такие могут и обличать мир после молитвы за него, спасая его. Что-то грозное тогда бывает в их глазах. Я видел это в 1921 году у Гаврюши в Оптиной. Что-то такое иногда мелькало и у Павла, которого я встретил в Минусинске в 1947 году.

* * *

Павел для меня очень дорогой святой человек. Собственно, никаких типичных проявлений юродства у него не было. Просто он шел среди людей, не замечая их требования ко всем быть обычными, быть как все, шел весь погруженный в ему ведомую глубину. Поэтому он мог, когда шел по улице и ему подавали милостыню, остановиться у какого-нибудь магазина или учрежде-

ния и долго-долго молиться, очевидно за подавшего или, может быть, за тех, кто не подает. Он неожиданно появился в городе, может быть из лагеря, в какой-то рваной одежде, весь запущенный, еще совсем нестарый, но изможденный чем-то перенесенным. Изможденность была явной, но в нем совсем не было угрюмости. «Не угрюмничайте», — вспомнились мне слова епископа Феофана Затворника.

Я как-то увидел его сидящим на земле недалеко от церкви и положил на колени несколько яблок, а он впервые поднял на меня большие глаза и тихо, с любовью сказал: «Спасибо, брат». Потом я встретил его на базаре и спросил имя и попросил помолиться. А в последний раз я видел его в ночь на Великую субботу в храме, когда собранные вокруг плащаницы люди стоят со свечами и действительно провожают в смертный путь своего Спасителя. «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим... Жива будет душа моя, и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне...» Он стоял немного впереди меня без свечи, и я послал ему свою. И он обернулся вдруг и, не поднимая опущенных глаз, твердо осенил свечой мое пространство крестообразно.

Почти 30 лет прошло, а я все еще чувствую дыхание этой свечки от него ко мне.

* * *

Мы очень многого не знаем. Ясно нам только одно: ночь истории подошла к концу. Флоренский где-то сказал, кажется, так: «На маковках святой Церкви уже давно видны розовые отсветы Грядущего Дня».

Может быть, вся задача нашего уходящего поколения в том и есть, чтобы передать молодым христианам это чувство рассвета, чувство приближения сроков. Мы воспитывались на Оптиной пустыни, Достоевском, Соловьеве, Флоренском. Самое памятное мое воспоминание юности — это вечерняя служба на Страстной неделе в весенней Москве, когда поют «Се, Жених грядет в полнощии». В те вечера наша эпоха с чем-то прощалась, к чему-то грозному и светлому готовилась.

Очень мало имело сил наше поколение, очень ограниченно было его знание. Оно все, в общем, только в знании свершения истории. Это, конечно, и не то слово — «знание». Это, как сказал Блок,

Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

Религиозная правда и всегда, а особенно в наше время, может иметь силу только в словах, доказанных жизнью говорящего. Если не доказал, то и не говори. Миру нужны не ораторы и не философы, а святые. «Царство Божие, — сказано нам, — не в слове, а в силе».

Когда мне было 20 лет, я вошел в приемную оптинского старца Нектария в скиту. В приемной, кроме меня, никого не было. Я ждал недолго, удивляясь какой-то неслыханной тишине этого места. Быстрой походкой вышел ко мне старец, которого я видел впервые, благословил меня и сразу, без всякой подготовки и без каких-либо обращений с моей стороны, сказал: «Есть ли у вас невеста?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «Поезжайте к Святейшему Патриарху Тихону и просите его посвятить вас. Перед вами открывается путь священника».

Я молчал, ничего подобного не ожидавший, ошеломленный.

«Не бойтесь, — сказал он, — и идите этим путем. Бог вам во всем поможет. А если не пойдете, испытаете в жизни большие страдания».

Он тут же встал, еще раз благословил и ушел.

Это был первый призыв на подвиг, и я не пошел на него.

Второй призыв к нему был еще более осязаемый, в 1939 году, от другого старца — отца Серафима (Битогова), который, кстати сказать, одевал отца Нектария в схиму. Отец Серафим уже не говорил о священстве, он говорил только о твердой жизни в вере, и около этого старца я не чувствовал смущения, но чувствовал силу и решимость. Помню, я написал о себе стихи, и он их настолько одобрил, что даже переписал и кому-то давал.

Будет время, и я замолчу,
И стихи мои будут не нужны.
Я зажгу золотую свечу,
Начиная полночную службу.

Будет ночь, как всегда, велика,
Будет сердце по-прежнему биться.
Только тверже откроет рука
За страницей другую страницу.

И, начавши последний канон,
Я открою окно над полями
И услышу, как где-то над нами
Начинается утренний звон.

И все-таки я не пошел на призыв. Стихи остались стихами, и чтение канона не началось, и сбилось слово старца Нектария о страданиях. И вот мне теперь хочется просить у всех прощения,

всем поклониться. Тяжкую вину несет всякий, кто, получив знание и света и тьмы, не определил себя к свету. Достоевский где-то сказал: «Каждый из нас мог бы светить, как “Единый безгрешный” — и не светил!»

И мне ясно, что в каком-то смысле я умираю в бесплодии. Это я ощущаю не как самоуничтожение, а только как характеристику.

Больше того, это как-то уживается во мне с надеждой на прощение и благодарностью за жизнь.

* * *

Да! Иногда неудержимая благодарность наполняет сердце: за жизнь, за эту Землю — «подножие ног Его», за каждую улыбку, встреченную где-нибудь на улице.

Идешь иногда в магазин и, точно после причастия, шепчешь: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»

Мы видели много зла в мире и в церковной ограде, а еще больше в самих себе. Но вот почему-то в душе остается одна благодарность и одна надежда. Наверное, потому, что Господь Бог наш «все покрывает, всему верит, всего надеется» и наше воздыхание о правде, может быть, принимает за саму правду. Такова Его милость! Как говорил Макарий Великий, «душа... присозидается к Церкви не по тому, что сделала, но по тому, что возжелала».

Господи! Пусть будет так.

* * *

И еще есть одно слово утешения, слово обетования. В том же воспоминании о моем отце его духовной дочери (написанном в виде письма) есть такие строки: «Хочется написать о его последней проповеди. Он говорил о Божией Матери, — говорил, весь святящийся радостью и победою, а окончил словами Димитрия Ростовского: “Радуйтесь, грешники! Праведников поведет в рай апостол Петр, а грешников — Сама Божия Матерь”». «Это ношу в сердце, — пишет эта духовная дочь, — когда не мертвая моя душа. На этой радости кончаю пока, мои любимые, эти воспоминания».

* * *

«Архиепископ Русской Православной Церкви Василий Брюссельский... характеризуя суть модернистского течения, развивающегося в Англиканской Церкви, назвал его “христианским атеизмом”, так как эта обновляющаяся религия отрицает, по словам архиепископа, “самые основы христианского вероуче-

ния — веру в личного Бога, Творца и Промыслителя, веру в Божество Христа, в Его Воскресение и будущую жизнь”»¹.

Основа «христианского атеизма» — неверие в христианство как в чудо, перемещение его с пути в вечность на дорогу земного благоустройства. Легче всего заменить путь на Фавор, путь благодатного преображения естества человека в его божественное сверхъестество, заботами о земных болезнях человечества, а Голгофу Христову — общественной или научной работой. Но это будет уже не христианство, а неверие в него.

Но только ли дело в англиканстве? Там, может быть, не побоятся как-то и открыто сомневаться в догматах, но ведь можно в них открыто не сомневаться, а внутренне им совсем не верить и не жить догматами. Догмат о воскресении мертвого тела Христа только тогда делается для человека догматом, когда он — этот человек — сам начинает приобщаться через свою Голгофу к Христову Воскресению, когда он сам умирает и сам воскресает. Когда же внутри — неверие в догматы, тогда не начинается ли «христианский атеизм» еще и при наличии догматической внешности? Не есть ли «христианский атеизм» всего лишь последняя стадия древнего общецерковного обмирщения?

Сторонники этого лжехристианства свысока называют христиан, верящих по-прежнему, то есть так, как, скажем, верили апостолы, «традиционалистами, сторонниками архаического христианства». Когда я прочел об этом, горько стало мне на душе. «Зачем, — подумал я, — Господи, так долго я живу?» И тут почему-то вспомнилось мне стихотворение Пастернака о его предчувствии преображения и того, как на его похороны шли друзья по лесу:

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

Эсхатологизм, апокалипсическое мироощущение, столь свойственное русской душе, может быть иногда только маскировкой духовной лени и духовного себялюбия: «Если все так пло-

¹ Цит. по: Рогов А. О христианских атеистах и Христе-космонавте // Известия. 1969. № 144. 22 июня.

хо и скоро конец мира, то буду заниматься только собой, своим спасением». Достоевский говорил, что это есть теория жизни в свое «духовное пузо».

Первохристианство оставило нам противоядие от этого зла: свое учение (никогда Соборами не осужденное) о возможности «первого воскресения», указанного в загадочной 20-й главе Откровения, то есть какого-то торжества христианства на земле. Если возможно, хотя бы только в общецерковном масштабе (а не общечеловеческом), и при этом на ограниченное историческое время (символически названное «тысяча лет»), торжество Христовой правды еще на этой земле, то отсюда следует, что каждый из нас должен как-то участвовать в этом уповании и работать для его осуществления. И если мы когда-нибудь искренне и непредвзято приникали к смыслу слов: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», то нам делалось ясно, что недопустимо замыкание в себе независимо от того, правильно ли первохристианство понимало слова Откровения или неправильно.

Мы должны носить в себе какое-то воздыхание о Земле, о претворении правды Божией во всем земном: в личной и общественной жизни, в науке и искусстве — независимо от того, осуществится эта мечта или нет. Это не догмат, а именно воздыхание и молитва.

«Во Христе возглавлено все человеческое, а значит, все может быть предметом наших занятий, изучения, участия, но при свете Христовом, при направлении души к Тому, Кто принял на Себя все человеческое» (архимандрит Феодор Бухарев).

Но здесь нужно сказать, что такая христианская точка зрения на историю означает нисколько не меньше, чем означает все христианство в целом, а именно: для того чтобы это упование осуществилось, необходимо преодоление в подвиге тленного естества человека, необходим какой-то выход из него, из человеческих душевных измерений в измерения и глубины ангельские, из человеческого холода отъединенности в первозданное тепло Божественной жизни.

Это непостижимо для земной истории и для грешной души, а поэтому если это осуществится, то и, будучи еще в пределах и нормах этой земли, это «тысячелетнее царство святых» в то же самое время будет уже как бы за ее пределами, являясь общецерковной подготовкой перехода в вечную жизнь. Именно о такой «подготовке» Церкви в «тысячелетнем царстве» учит святой Ириной Лионский. Поэтому это царство святых на земле должно быть воспринимается нами тоже эсхатологически, то есть сверх нашего исторического постижения и сил. Его осуществление возможно, но только как чудо благодати, а не как результат той

организации христианством научных работ во всепланетном масштабе, которую проповедует Тейяр.

Воздыхание о Земле есть часть нашей веры в Новую Землю и Новое Небо.

* * *

Когда мы встречаемся с каким-либо искажением христианства в ереси или расколе, мы должны знать, что данное искажение, возможно, возникло как противопоставление, как антипод тоже какому-то искажению, уже существующему в церковной жизни. Арианство, то есть умаление Божественности Христа, есть реакция на умаление Его человечества, на то, что среди верующих Церкви реальность страждущего Сына Человеческого стала забываться внутренне, стала уходить в какие-то неболезненные и ни к чему, в общем, не обязывающие «божественные» туманы. И, борясь с арианством, мы должны искать причину его, его антипод в своей неарианской среде и с этой причиной тоже бороться.

Учение Тейяра (а в России XIX века отчасти учение Федорова и В.С. Соловьева) есть реакция на ложный апокалипсизм, духовное себялюбие. Оно зовет под знаменем христианства к всемирной научно-общественной работе над преобразованием всего человечества. Для того чтобы сделать эту научно-общественную работу центральной в своем понимании христианства, Тейяр производит над христианством следующую двойную операцию: своим эволюционным полигенизмом удаляет факт первородного греха, совершенного одним для всех праотцем и являющегося источником всяческого искажения мира («Грех вошел в мир и грехом смерть», — говорит апостол), а вслед за этим удаляет или затеняет идею именно сверхъестественного спасения от этого греха через Голгофскую Жертву. Первородный грех, отравивший кровь человечества, только и может быть снят сверхъестественно, а поэтому если его нет в реальности, то и понятие сверхъестественного вмешательства становится ненужным. И тогда открывается простор для утверждения чисто человеческих, «естественных» усилий в науке для создания нового человечества.

В каком-то смысле все христианское учение можно свести к двум понятиям: греха и благодати. У Тейяра нет ни того, ни другого или и то и другое закрыто могуществом человеческих научных и общественных сил, закрыто обычным эволюционизмом, не имеющим отношения к христианству. Можно утверждать без особого вреда для людей разные вещи, но при чем тут христианство, ясно изложенное нам в Новом Завете? Или у Тейяра мы имеем тот «Третий завет», о котором мечтал Мережковский?

В одном письме прошлого столетия (Константина Леонтьева к моему отцу) я прочел следующее: «Гармонии (à la Достоевский) “всеобщей любви”, конечно, не будет, для этого, как я давно думал, надо нам “химически” переродиться... Впрочем, Соловьев, кажется, и до этого домечтался. Астафьев еще в 1883 году рассказывал мне следующее: он спросил у Вл. Сергеевича: “Что такое будет у вас в вашем предполагаемом третьем отделении, то есть в теургии (теософия, теократия, теургия)?” Соловьев отвечал: “Там будет о семи таинствах, под влиянием которых после примирения Церквей весь мир переродится не только нравственно, но и физически и эстетически”. Вот как далеко он (Соловьев) поднялся! Поэтому ему и известный Фурье нравится, у него тоже предсказывается 40 000 лет апогея блаженства на земле под влиянием приятной и любвеобильной организации общества не против страстей, а по страстям и влечениям. Изменится даже вкус моря на приятный, разовьются новые органы у людей и т. д. Консидеран, ученик Фурье, продолжил эту теорию в 40-х годах».

Таково письмо Леонтьева 1891 года. К нему можно добавить только то, что всевозможные мечтания возникли в человечестве еще гораздо ранее Фурье. Даже и сам первородный грех нашего праотца возник в результате его мечтания стать самочинно богом.

У нас же есть «камень веры» — Христова кровь.

* * *

Учение Тейяра, католического священника и иезуита, вышло из недр католицизма. Рим официально осудил его, но, конечно, он в самом себе несет искажение христианства именно с этой, «тейяровской» стороны, несет в себе «теократизм»: замену «Новой Земли», Апокалипсиса благополучным теократическим концом истории под главенством «Великого Инквизитора». Для достижения такого конца весьма необходима и «христианская химия» по Фурье—Тейяру.

В данный момент Рим осудил это учение, но ведь в арсенале Рима есть очень эластичная и удобная теория «догматического развития Церкви», используя которую, он, быть может, через некоторое время это свое осуждение и снимет.

Но мы верим не в Рим и не в Константинополь, а только в Евангелие. «Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» (Откр. 3, 11).

* * *

Есть жизнь истинной Церкви. Ее неисповедимость прежде

всего в ее непобедимости. И есть еще иной аспект — некоторый «внешний двор храма». Есть Церковь Божия, и есть вокруг нее как бы общая церковная ограда. И истинная Церковь выражает себя вовне, то есть она не только внутренне, но и вовне, в истории, существует, но есть еще нечто, что существует только «вовне», «а внутри исполнено лицемерия и беззакония» (Мф. 23, 28).

«И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий, и жертвенник, и поклоняющихся в нем. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťый град сорок два месяца» (Откр. 11, 1–2).

История Церкви идет в этом сосуществовании начиная с Тайной вечери. В нем и ее предыстория: с одной стороны — «горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры... гробы поваленные» (Мф. 23, 27), а с другой — тут же и опять же в общей ограде обрядности Ветхозаветной Церкви — Иоанн Креститель, и будущие апостолы, и уже «рожденная Церковь» — Мария Богоматерь.

«Внешний двор» может сходить в истории почти на нет и может шириться и наполняться тьмой.

И в начале христианства христиане как-то даже еще оставались внутри ветхозаветного храма, исполняли его обряды, продолжали молиться в нем с тем иудейством, которое распяло Христа. Конечно, они с самого начала «по домам преломляли хлеб» (Деян. 2, 46), то есть отдельно совершали евхаристию.

И в этом нам опять дан образ сосуществования света и тьмы. Не таков ли будет и конец истории христианства? Не наблюдаем ли мы все более ускоряющийся процесс оформления этого «внешнего двора» Церкви?

* * *

Флоренский в конце 20-х годов говорил, что вполне можно себе представить какое-то умирание Поместной Церкви: обетование непобедимости вратами ада дано не ей, но Церкви Вселенской. Аналогичные мысли есть у епископа Феофана Затворника. В 70-х годах прошлого века, казалось бы такого благополучного для Церкви, он писал: «Память о детстве и духе родителей еще держит (детей) в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Закключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше православие»¹.

Отдавая себе полный отчет в этом процессе умирания, отец

¹ Феофан Затворник, епископ. Письма о христианской жизни. М., 1880. С. 70–71.

Серафим (Битюгов) одновременно верил, что Церкви, и не только Вселенской, но и Русской, еще предстоит эпоха духовного расцвета. Он очень высоко ценил малоизвестную работу Л. Тихомирова «Апокалипсическое учение о семи Вселенских Церквях», в которой, кажется, впервые было высказано предположение, что «Филадельфийская Церковь» — это обозначение исторической эпохи предстоящего и уже близкого для нас духовного расцвета Вселенской Церкви перед концом истории.

«Это благодатно написанная книжка», — помню, говорил он, и термин «Филадельфийская Церковь» стал для некоторых людей понятием церковного возрождения. Один священник этот термин употреблял даже в качестве характеристики отдельных людей, черты духовного склада которых как-то соответствовали определениям этой Церкви в Откровении. «Верьте ей, — помню, говорил он об одной женщине, — она истинная филадельфийка».

Может быть, это и так; и незаметно, может быть, уже и начинается эта духовно-историческая эпоха, как неслышно заходят один в другой круги на воде; и кто-нибудь, может быть, уже «сохраняет слово терпения» и крепко держит в себе сокровище благодати, ощущая его всем своим грешным нутром; может быть, уже сейчас из тысяч только носящих имя христиан отбираются те, в сердце которых нет нечистоты, лукавства и боязни — этих трех великих грехов современных церковных людей, — отбираются «те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел».

* * *

Я пришел проститься с отцом Серафимом (Битюговым) в последний день его жизни, 19 февраля 1942 года. Это было часа за четыре до смерти. Он уже давно сказал близким, что умирает. Его лицо было покрыто какой-то легкой церковной тканью — наверное, последний вожделенный «затвор» перед переходом. Ведь при жизни настоящего затвора ему так и не удалось осуществить, всегда окруженному духовными детьми. А может быть, нам нельзя было видеть, как уже просветляется в эти часы его лицо?

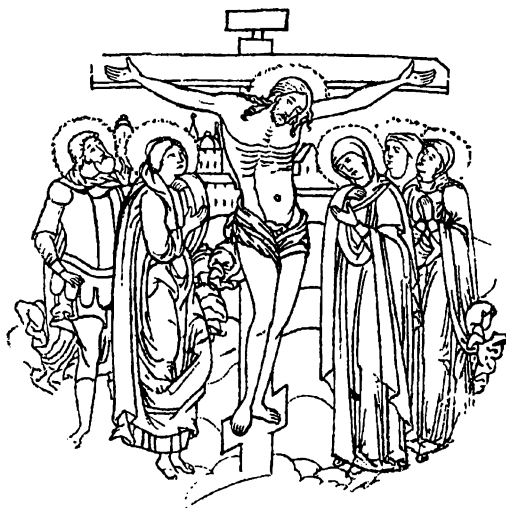
Одна из присутствующих у его постели сказала: «Батюшка, Сергей Иосифович пришел проститься». И тогда глухо, точно не из-под покрывала, а из глубины каких-то уже не наших миров, донеслось до меня его знакомое ласковое приветствие: «Пресвятая Богородице, спасай нас». И еще раз, чуть громче. Этой молитвой он обычно встречал своих духовных детей и говорил не «спаси», но «спасай», точно выражая мольбу о многократности спасения. Потом было долгое молчание. Я видел, что из комода уже

вынута земля, привезенная из Дивеева, лопатка благословенной земли, по которой ходили верные ученики преподобного, чтобы положить ее в то же уже давно приготовленный и стоящий в доме гроб. «Верую видети блага Господня на земли живых».

Когда я собрался уходить и ему опять об этом сказали, я услышал еще раз напряженный и теперь уже еле слышный голос: «Идите с Богом. Всем благословение Божие».

И я так бы хотел иметь духовные силы, чтобы передать от него это благословение тем, кто, может быть, никогда не видел святых. Ведь мы, старые и несомненно, как сказано, «боязливые и неверные», только для того, наверное, еще не лишены совсем разума и сердца, чтобы совершить передачу этого единственного своего сокровища — благословения святых, тех святых, через которых и мы увидели край лазури вечности — Церковь Агнца. Знание этого сокровища определяет наш заканчивающийся путь даже и в том, что при всем ужасе ощущения церковного двойника не дает нам осуждать тех, кто с этим двойником так или иначе сливается: ведь они никогда, наверное, в своей жизни не знали людей, которых знали мы, никто не показал им в живом дыхании, что такое святая Церковь, никто не прижимал их голову к своей груди, на которой холодок старенькой епитрахили, никто не говорил им: «Чадо мое родное» — этих огнеобразных слов, от которых тает все неверие и, что еще удивительнее, все грехи.

Святое сердце этих людей — это и есть дом Божий, обитель Божия, по сказанному: «Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Это и есть Церковь, и мы можем стоять у ее пречистых стен.

Это икона видения *Церкви*, ибо Церковь есть стояние у Креста

Воспоминания
об отце Николае Голубцове

У некоторых святых отцов можно найти учение о «власти ключей», согласно которому власть воцерковлять грешников на исповеди или, наоборот, отлучать их от Церкви принадлежит не механически каждому священнику, а только тем, кто имеет в себе «дуновение Иисусово», кто несет Его солнце в своей «малой капле вод», то есть и при еще несовершенстве своем становится уже причастником Его святости.

Основное, что осталось во мне от отца Николая Голубцова и что особенно мне в нем дорого, — это то, что он, несомненно, имел «власть ключей». Это может показаться даже удивительным: он был такой простой, такой «обыденный», «неиконописный» и в священстве точно продолжающий свою простую мирскую профессию агронома. Простота его не чуждалась и юмора. Помню, перед началом обедни (в перерыве) подходит к нему одна старушка и с огорчением говорит: «Батюшка! Ведь как же я причащаться буду? Я сегодня во сне колбасу ела!» — «А много ли съела?» — совершенно серьезно спрашивает отец Николай. «Да нет, один кружок». — «Ну, тогда ничего».

Но все дело в том, что за этой внешней простотой лежал большой церковный подвиг. Священство свое он нес как служение людям для приведения их к Богу, к Церкви. Даже в Великий четверг, после долгой обедни, за которой у него было около 800 причастников, он мог ехать через всю Москву, чтобы кого-то причастить или кого-то в чем-то убедить, а потом, не заезжая домой, возвращаться в церковь на 12 Евангелий.

Однажды, уже после первого инфаркта, он вот в такой день приехал после обедни в один дом, поднимается с трудом по лестнице, а та, ради которой он приехал, увидя его в окно, вышла навстречу и говорит в смущении: «Как же это вы, Николай Александрович, ведь вам же трудно». — «Что же поделаешь, — ответил он с грустью, — вы не едете, значит, выходит, что мне надо ехать». Но тут он еще ехал, зная, что его с радостью примут. А известны случаи, когда родственники больного человека его вовсе не желали принимать, а он все-таки туда ехал. В одном доме его

не впускали три раза и только на четвертый его смиренное упорство победило, к радости и больного, и, кажется, кого-то из тех, кто не впускал и раскаялся.

Поездки по городу к своим подопечным он совершал обычно после обедни, не имея возможности зайти домой, так как этот дом был на другом конце Москвы. И может быть, из дома еще труднее вторично за день ехать через весь город? У меня была одна знакомая, которая как-то мне сказала: «Когда я буду умирать, ты приезжай мне помочь». Я жил тогда под Воронежем, и вот однажды, когда я приехал в Москву, я понял, что надо исполнить ее просьбу: она неожиданно для меня умирала. О том, как исполнить, не было никакого сомнения: привезти к ней для причастия отца Николая. И вот я у него в Измайлове. Это был первый день Рождества. Он только что приехал от обедни и сидел за праздничным столом со своими близкими. Допивая первую чашку, я все-таки заставил себя побороть нерешительность и сказать о причине своего приезда, не глядя при этом на лица его близких. «Ну что ж, — сказал он, — сейчас и поедем». И мы поехали на Арбат.

Так же безотказно он шел причащать в любые московские больницы, а это труд особого рода. Но духовная забота о людях всегда у него была как бы укрепляема или подтверждаема заботой материальной. Я знаю и лично по себе и по многим другим, как щедро он помогал в материальной нужде. Мне рассказывали, что на кладбище после его погребения одна бедно одетая женщина все повторяла, плача: «Что же теперь будет, кто же мне поможет?»

Во время войны он работал в одной большой научной библиотеке заведующим отделением русской библиографии. Сотрудников было много, и некоторые очень нуждались в это трудное для всех время. И вот Николай Александрович не считал для себя зазорным отвозить для нуждающихся в топливе на ручных санках дрова.

Кстати, уже во время этой работы в библиотеке для ее сотрудников была ясна его духовная рассудительность и авторитетность слова. Когда между ними возникали споры и разные недоразумения, часто кто-нибудь предлагал: «Пойдемте к Николаю Александровичу, он рассудит». И он это делал, не боясь быть впутанным иногда в весьма сложные взаимные тяжбы.

Чтобы не бояться этого, надо иметь искреннее смирение перед людьми и истинную к ним любовь. В отце Николае не было совершенно ничего неискреннего, не идущего от его смиренной и мирной души. «Смирение и мир — эти два слова имеют один корень», — любил говорить он. Отсюда и его недоверие к внешности, если она отрывается от духовности, от любви.

Свою «общую исповедь» он вел почти каждый день, и каждый раз за простотой его слов чувствовалось, что он ведет ее точно впервые. Временами он как бы уже не говорил, а просил, умолял, призывал, в желании разбудить все еще спящее сердце. И по себе и по многим скажу, что за много лет не было случая, чтобы мы возвращались после исповеди у отца Николая с прежней сухой душой.

Исповеди он придавал очень большое значение. Кроме общегото духовника по благочинию, у него был личный духовник — протоиерей Иоанн Бычков. И, когда он скончался, отец Николай начал искать себе среди московских священников нового духовника.

Он высоко ставил путь священника, совершителя таинств и пастыря душ. Один человек по робости души все не решался принять священство, но потом как-то сказал отцу Николаю: «Да, конечно, хорошо бы принять и — умереть». «Не умереть, а *начать жить!*» — воскликнул отец Николай с горячностью.

К его теплому сердцу и твердой воле (он мог быть и строгим) стекалось великое множество людей, которые, кажется, от одного присутствия на его богослужении становились более хорошими и более любящими друг друга. Кто-то после его смерти сказал: «Он был последний московский духовник». Может быть, это и не так, но характерно, что именно так было сказано.

Любовь к нему людей, как это часто бывает, вызывала зависть, подозрительность, создавала иногда сложные отношения с другим духовенством его храма и духовным начальством, которым был для него архиепископ Макарий. Однажды Владыка, когда отец Николай длительно болел, выразил свое неудовольствие по поводу этого и даже сказал, что такие священники ему в Москве не нужны. Для объяснения состояния отца Николая к Владыке поехала жена отца Николая, которая потом мне рассказывала: «Когда я увидела, что никакие медицинские доводы не действуют, я рассердилась и сказала: “В таком случае в вас нет ни христианской любви, ни сталинской заботы о человеке”» (это было еще до 1953 года). Но тут же надо добавить, что когда Владыка Макарий через некоторое время лежал на своем смертном одре где-то под Москвой, то он вызвал к себе для напутствия не кого иного, как именно отца Николая, и тот был рядом с ним до его смерти.

Скорбей и страданий у отца Николая было очень много, но все они были «под спудом», не преграждая ему дороги служения Богу и людям. Вот почему такая искренняя любовь шла к нему от нас, от многих людей. Вот почему так необычны были его похороны.

Конечно, не внешность поражала, хотя редко кого отпевают три архиерея и человек 30 священников. Невозможное совершалось на этих похоронах: в наш век разделений и ненависти тысячная толпа была «один дух в Господе». Мы точно «среди лета запели Пасху». И прав был один из этой толпы, сказавший: «Сегодня я в первый раз в жизни *почувствовал, что такое Церковь*».

Ведь Церковь — это одновременно и стояние у Креста и Пасха спасаемого человечества, и вот эту выстраданную, но уже и бесконечно легкую Пасху предошущали мы в эти часы. Это было обучение будущего века, это были и проводы и встреча. Это совершалось непросто, но точно в муках рождения рождалась новая тварь — не одиночки-люди, которым мы, может быть, не доверяем, а соборное существо. Впереди меня стоял мой знакомый, еще совсем молодой человек, его духовный сын, оставленный им теперь в холодной пустоте громадного города. Я смотрел на затылок этого человека, точно брошенного ребенка, и минутами ощущал с острой болью, что я не понимаю, зачем была эта смерть, зачем оставлять детей одних в мире, зачем нужно, чтобы опустел маленький храм в Донском. Но ведь без желчи и отца Страстной никогда и никому не бывает Пасхи. Это было тут же ясно сознанию.

Эти горькие минуты сомнения, боли и протеста, очевидно, были нужны. Без них, может быть, мы бы не смогли так ясно и остро почувствовать, в чем же в конце концов была власть этого лежащего в гробу человека над нами: *в любви Божией к нам*. Иов сказал: «Господь дал, Господь взял; буди имя Господне благословенно». Но мы знаем из его книги, какую муку оставленности он пережил после этих слов, чтобы они потом снова ожили в нем, но уже с выстраданной и победоносной силой.

«Благословен еси, Господи...» — пела вся церковь собравшихся на чтении 17-й кафизмы, и церковь слушала, когда во время обнесения гроба вокруг храма пение хора поднималось в голубое небо совершенно золотого, осеннего дня. «Помощник и Покровитель, бысть мне во спасение. Сей мой Бог и прославию Его...»

Будем ли мы, близкие отцу Николаю, опять так же духовно вместе, как в эти благословенные часы похорон и как бывали в течение многих лет в Донском? Знаю, что будем.

Моим детям и друзьям

---

*Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!*

А. Блок

1

«Лучше поздно, чем никогда» — такое мое чувство при начале этих записей. Я слишком много видел, чтобы ничего не узнать. У меня большой долг перед моими детьми, и надо попытаться его начать отдавать. Есть у апостола одно особенное и, можно сказать, неожиданное указание: «Отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в... наставлении Господнем». Я не воспитывал, но раздражал, не передавал им «неисследимое богатство Христово», полученное мною от отцов.

Мне трудно писать не потому, что я не знаю, о чем писать, но потому, что не знаю, *как* писать. Я умею писать только суконным интеллигентским языком, на котором как выразить неизъяснимые и божественные вещи? Мои слова подобны тени смертной, а нужно писать о нетлении.

«О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О, Мудросте, и Слове Божий, и Сило!» Вот что врывается в память и чем хочется заменить все свои нищие слова.

Слова, идущие от Слова или от Его служителей, благоухают своей первозданной простотой, они живые и живоносные — Дух дышит в их словесной плоти. Нет их, как райских плодов, в затемненной грехом душе, а иными, только лишь «богословствующими» словами как передать наставление Господне?

Доказать веру нельзя, можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры. Только этим путем передается она, и для этой передачи рождаются слова духоносные. Поэтому-то так трудно «наставление Господне». Надо иметь «власть» для наставления,

живую и горячую веру и — еще раз скажу — убедительность своего личного счастья в ней.

2

Всякая жизнь трудна и мучительна хотя бы потому, что всякая жизнь кончается смертью.

Кто без тоски внимал из нас,
В ночи всемирного молчанья,
Глухого времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Поиски преодоления смертности жизни на путях веры есть самое вдохновляющее чувство, которое может испытывать человек, возлюбивший Жизнь. Эти поиски не самоуверенные и не благодушные. Апостол учит: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать». Тут не самоуверенное знание богослова, а скорбь, вздыхание и чаяние сердца. Тут не гордое отгораживание себя, как уже знающего, а жадное вслушивание в каждого, чтобы найти нечаянную радость и друга. И эти слова стихов Тютчева воспринимаются верующим сердцем почти как речитатив псалма. Общая ночь жизни — общая скорбь, и для верующего сердца тем бóльшая, что он замечает, что другие не видят огней Воскресения.

Тот, в чьей душе не лежат драгоценным грузом воспоминания о пасхальных ночах, еще не знает, что такое христианство. Христианство — это пасхальная ночь человечества, стоящего у «врат Царства».

И в этот миг — сладчайший миг!
Я на земле, согретой снова,
Читаю Огненное Слово
На белизне пасхальных книг.

В этой ночи вся суть веры, все завершение христианства, пришедшего к ней после Голгофы, в ней решающее утверждение Вечности. Но вот тут-то и начинается остановка. Не потеряли ли мы чувство Вечности? Нужна ли нам пасхальная ночь? Кажется иногда, что не нужна, кажется иногда, что мы ничего не хотим слышать, кроме изнуряющего хода своего тления.

У Исаака Сирина есть такая молитва для постоянного пользования: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной». Мы же часто хотим быть бездумными мотыльками, порхающими два дня над травой, и притом это свое мотыльковое бездумие мы де-

лаем своим убеждением, чем-то вроде религии. «Так легче жить», — говорим мы.

Вот, очевидно, почему промыслительно посланы человеку страдания в жизни. Когда они приходят, начинается серьезность. «Иных и страхом спасайте». Без них человек склонен окончательно потерять духовное зрение. Апостол Петр сказал совсем просто: «Страдающий плотию перестает грешить».

Мы приняли от отцов великую святыню веры в вечную жизнь человека, величайшее и неслыханное утверждение человека в вечном нетлении, человека не платонического, а реального, с его телом и душой. И эту веру мы все время теряем.

«И сказал Господь: Симон, Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, да не оскудеет вера твоя». Я всегда читаю это место с волнением, чувствуя, что это про всех нас.

Существует предание, что у апостола Петра, уже после Вознесения, глаза были всегда красны от слез, так как он каждую ночь под утро вставал, чтобы молиться и плакать, вспоминая свое отречение.

Осознаем ли мы, считающие себя верующими, свое оскудение веры? Мы ходим в Церковь и знаем Символ веры, но есть ли в нас вера? И знаем ли мы, что такое вера? Апостол сказал, что «вера есть... уверенность в невидимом», то есть в духовном мире. Весь предмет веры лежит в невидимой пока нами духовной области, в Царстве Божием, в государстве иных измерений и иных законов. Вот почему если нет духовности, то нет, по существу, и веры. Как это трудно! Воистину «блаженны не видевшие и уверовавшие».

И мы не только плохо верим в духовный мир и его не ищем, но нас пугает самый этот термин «духовный». «Ну, это для монахов, — скажем мы, — а мы и так проживем». «Благодать Божия призывает всех к такой (духовной) жизни, — говорит епископ Феофан Затворник, — и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней существо христианства». Мы же даже не сумеем ответить, что, собственно, мы имеем в виду под понятием «духовный», под тем понятием, которое нас или пугает, или смущает, — благочестивую скуку при чтении некоторых, в прежнее время многочисленных, изданий «духовной литературы» или еще что-нибудь?

Я долго не знал, что значит точно и безусловно это выражение — «духовный мир» или «духовная жизнь». Я чувствовал ее в церквах как веяние нетленное и непостижимое, но я не знал, как ее определить. Наш ум вечно ищет определений, как хромой человек костылей. Я помню, например, вечерний звон — не на

картине Левитана — а в одном монастыре. Спускаешься по деревянным, чуть скрипучим ступенькам гостиницы. Подходишь к каменным воротам под колокольной. Солнце проложило в воротах золотую дорожку, и вот она, как живая, ведет тебя внутрь ограда. Смотришь на эту огненную стезю как на чудо и слышишь сердцем, что она ведет тебя в иной мир, в сокровенную жизнь с Богом.

В ирмосе Троичного канона поется: «Решительное очищение грехов, огнедуховенную примите Духа рбсу, о чада светообразная церковная! Ныне от Сиона бо изыде закон — языкоогнеобразная Духа благодать».

И наконец, я прочел это место у апостола:

«Вы не по плоти живете, а *по духу, если только Дух Божий живет в вас*».

Как все оказывается просто и страшно. «Жить по духу», то есть духовно, это значит жить вместе со Святым Духом Божиим, жить так, чтобы в тебе пребывал Бог! В словах «если только» переход к определению духовности. Духовный мир это мир Духа Божия, и искание жизни духовной есть искание жизни в Нем. Вот как высок критерий понятия духовности: «Если только Дух Божий живет в вас», — действительное *сопребывание Божие*, а не формальная этикетка «духовного издания» или «духовного словения».

Тогда понятно, что истинная вера есть уверенность в невидимом духовном мире Духа Божия и уже осуществление жизни в нем.

Вера есть, по слову апостола, «осуществление ожидаемого». Полнота ожидаемого Царства в будущем, «в день оный», а сейчас, как говорит тот же апостол, «начаток Духа», начало осуществления ожидаемого. Макарий Великий называл это «предвоскресением».

Только такая вера и есть, по существу, вера, — вера, «уверенная в невидимом», потому что уже «осуществляющая» частично, в меру сил каждого, будущую полноту жизни в Боге. Как она может быть не уверена, если она уже осуществляет будущую полноту духовности? Именно в «осуществлении» лежит причина «уверенности» и тем самым блаженства веры.

Обычно говорят с некоторой благосклонной улыбкой: «Блажен, кто верует, — тепло ему на свете». Это верно и в том небольшом смысле, который обычно имеется в виду, и бесконечно более верно во всем глубочайшем смысле жизни. Собственно, надо было бы сказать не «тепло», а «жарко». «Осуществление ожидаемого» — это вино бессмертия, которое начинает пить человек уже теперь на земле. Оно животворит, и радуется, и обновляет

ткань жизни, веселит предчувствием Вечности. Тут человеку дается сокровище, явно ощущаемое и сердцем, и умом, и телом. «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то». Величайшее человеческое счастье охватывает человека, получившего истинную веру, «осуществляющую» уже здесь, на земле, жизнь в Духе Божиим.

Где у нас такая вера?

Без нее как непонятны и загадочны нам слова Господа о практических и неизбежных признаках веры! «Уверовавших же будут сопровождать... знамения... будут говорить новыми языками, будут брать змей... возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17–18).

Оказывается, только одно требуется для того, чтобы исцелять больных: быть верующим, и, значит, — с неумолимой логикой, — если мы этих практических признаков не имеем и больных не исцеляем, мы не можем называться верующими, мы только «как бы верующие». Это факт непреложный, но вряд ли нами признаваемый.

Поколение за поколением мы теряли веру, со спокойным благодушием держась за внешние признаки религиозного состояния. Или, что, пожалуй, даже лучше, — отходили и от них. «Лучше» — по слову Божию: «Ты не холоден и не горяч; о если бы ты был холоден или горяч!» Всякое сохранение внешних признаков религиозности без внутреннего содержания есть состояние страшное и отвратительное. Это хорошо раскрыто в «Иудушке Головлеве», и эту книгу великой религиозной пользы следовало бы изучать во всех духовных школах. «Всякая внешность без внутренности ничтоже есть», — говорит Тихон Задонский. О внешних христианах конца XVIII века он сказал так: «Все таковыи солгали Богу, и обетов своих не хранят, и *вне Церкви святой находятя, хотя и в храмы ходят, и молятся, и Таин приобщаются, и храмы создают, и украшают их, и прочие христианские знаки показывают*».

«Показующие» одни «христианские знаки», и при этом даже «Таин причащающиеся», но не несущие при этом святой «внутренности», по слову Святителя (а не баптистского проповедника), «сильно на суде Христовом истязаны будут и более будут мучимы тамо, нежели турки и идолопоклонники»¹.

Почему же так страшно звучат эти слова и для нас, а не только для какого-нибудь Потемкина, или Юсупова, или иных со-

¹ Св. Тихон Задонский. Наставление христианское. Гл. 45 // Творения. М., 1889. Т. 5. С. 150.

временников Святителя? Да все потому же, что мы не имеем той веры, которая есть «осуществление» ожидаемого Духа Божия, потому что мы не живем в Духе и не ищем духовности, которая раскрывается и обновляется во внутреннем человеке, когда «внешний», по слову апостола, «тлеет». Настолько страшно звучит, что страшно и писать об этом, и я опять в нерешительности.

Но неудержимо хочется перед концом жизни подвести для себя какие-то итоги «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Кто-то сказал, что «жизнь — это есть совокупность сил, сопротивляющихся смерти». Всякий грех есть действие, ослабляющее это сопротивление, то есть нож в спину жизни, измена ей в пользу ее врага, измена чему-то драгоценнейшему и любимейшему. Вот почему, когда прожита жизнь греховная, жизнь полная измен Жизни, такая горечь в сердце и так жгут его эти «горестные заметы».

Вот почему я дерзаю только на то, чтобы словами грешного писателя начать свои записи: «Те, кто достойней, Боже, Боже, да узрят Царствие Твое!»

Мы в поисках веры, как евреи в сорокалетнем странствии в пустыне, и кажется, мы так и не достигнем земли обетованной, а только с горы Нево увидим ее, увидим людей иного поколения, «хранящих таинство веры в чистой совести» (1 Тим. 3, 9).

3

Таинство веры совершается в чистой совести. Это определение слова Божия отодвигает перед нами стену. Ведь «и бесы веруют и трепещут», ведь и те, кто «христианские знаки показывают», тоже, наверное, считались и считаются верующими и, очевидно, знают Символ веры. Но оказывается, для приобщения веры нужна чистая совесть. «Вера без дел мертва». Другой апостол умоляет христиан жить в «святейшей вере вашей». Чистота или святость есть тот сосуд, в котором хранится вера, и без него она рано или поздно погибает — высыхает, как вино, разлитое на пол. Только «чистые сердцем узрят Бога». «Призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости».

Спасаемся мы верою, и только верою, но сохранить веру мы можем только «обещанием Богу доброй совести», только «хранением себя неоскверненными от мира», только ведением себя путем подвига Христова. Всякий грех вливает воду в вино веры, и, чем больше воды, тем меньше вина. Покаяние имеет величайшую силу, привлекая к себе милость Божию, но оно должно

быть покаянием разбойника в крестных муках, а не нашим холодным расчетом, что «на следующей исповеди в будущем году я покаюсь». А потом, разве мы не знаем этих страшных слов апостола: «Невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия».

«Невозможно» — вот слово, которое не доходит до нашего сознания, и совсем не потому, что мы «побеждаем» его надеждой на неизреченную милость Божию, а только в силу величайшего своего легкомыслия и потери самого чувства греха. Самый страшный человеческий грех, по существу самый для него противоестественный и наименее при этом теперь нами осознаваемый, — это гордость.

И вот как раз именно на гордость указал Господь, когда пояснил, почему люди не имеют веры: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите». Господь сказал совершенно ясно: как вы можете веровать, когда вы не боретесь с грехом? Потому у вас нет веры, что вы грешны, что ум ваш в тщеславии, то есть омрачен грехом. Следовательно, для нашего маловерия или неверия нет оправданий, которые обычно тут выдвигаются. Ведь обычно говорят так: «Что ж я могу поделать? Конечно, “блажен кто верует”, но раз у меня этого нет, то как я могу быть тем, что я не есть?»

Так говорят не только маленькие люди, но и большие. В частности, буквально так, и при этом искренне, отвечал Герцен одной своей московской знакомой. Оказывается, вера может быть получена или укрепляема через очищение совести, через исполнение извета вложенного в нас нравственного закона. Апостол говорит о язычниках: «Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие». Совесть, по слову Божию, извечна и врождена, и исполнение закона ее есть путь к вере. А если мы его не исполняем, то — «как вы можете веровать?».

Сердце всегда хочет веры, потому что оно органически хочет тепла. Но ум противится, так как для него принять веру это значит слезть с пьедестала, смириться и выйти на свободу из пут гордости. Я не знаю, как писать об этом, так как сам связан путами, но, когда они ослабевали, я успел понять две вещи: первое — это то, что как раз в них лежит основная причина неприятия христианства, и второе, что нет на земле большего сча-

ства, как от них освободиться. Для того чтобы дать представление об этом счастье, я приведу слова аввы Исаии: «Когда ум получит свободу, тогда отъемлется средостение, разлучающее его от Бога. По умерщвлении в нас греха отпадает и тяжесть, и слепота, и все, что утесняло душу; чувства, доселе умерщвленные и плодотворившие смерть, восстают в здравии и непобедимости. Ум как бы обвит освящением и упокоевается в нетлении: освободившись от всех возмущений, он субботствует, жительствует в другом, новом, веке, углубленный в рассматривание предметов новых, нетленных». Нашему маловерию нет оправданий: закон совести извечен и исполнением его мы выпускаем ум на свободу веры. И наоборот, мы теряем веру, когда чем бы то ни было затемняем совесть, когда разбиваем грехами сосуд святости.

Но вот второе слово, которое нам непосильно. Первое было «духовность», а теперь «святость». Первое мы милостиво предоставляем в пользование «духовному сословию», а второе с еще большим непониманием предоставляем «святым». Почему же у нас такое предубеждение против этого слова? Почему, с другой стороны, так часты, так повседневно и естественно эти обращения апостола к первохристианам: «находящимся в Колоссах святым и верным братьям», «приветствуют вас все святые», «всем святым, находящимся в Филиппах» и т. д. Хочется спросить, когда же они их успели канонизировать? Да ведь, кажется, канонизируют только уже умерших, а здесь живые? Интересней всего то, что эти обращения не к отдельным мученикам, а к массе иногда мирно живущей церкви. Наше недоумение понятно, так как длинная дорога истории довела нас до полного непонимания той эпохи христианства, когда «праведный был жив верою», когда рядовые христиане были святыми.

Были ли эти первохристианские святые грешными? Да, конечно, так как даже апостол говорит: «Все мы много согрешаем». И сами эти послания к святым говорят тут же о их ошибках или грехах.

Но очевидно, что устремленность к Богу (верою) была в ту эпоху «первой любви» так сильна, эта устремленность была так неодолима, что совершаемые грехи как бы «не успевали» ее задержать.

Так, когда несется поезд, то видишь в окно мельком предметы, лежащие на пути, да почти и не смотришь на них в ожидании радостного приезда, той цели, к которой стремишься и которая все ближе и ближе, в то время как эти предметы, не задерживая нас, остаются позади. И Апостол говорит: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед,

стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия». Первохристиане и согрешая не останавливались, но, отрешаясь вновь и вновь от греха, «простирались вперед к цели», к своему возлюбленному Господу. Вот почему они и были святые, то есть люди, угодные Богу, «угодники».

Святость есть состояние, угодное Богу, — вот и все, ни больше ни меньше. Бог так хочет, Бог заповедал, чтобы мы были такими. Где же основание для гордости или боязни, как бы не сделаться гордым? «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», «будьте святые, как и Он свят». Это заповедь рабу о его поведении: вот это поле ты должен вспахать и эти камни ты должен перетаскать туда-то. «Станет ли он (то есть господин) благодарить раба за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: “Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать”» (Лк. 17, 9—10).

Исполнение всех заповедей Божиих есть наш *рабский долг*, и в этом нет никакой заслуги. Господь спасает «нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом» (Тит. 3, 5). Христианство, придя в мир, позвало человека на узкий и тесный путь труда над самим собой для очищения сосуда совести и восприятия в него веры. Но какая же радость для человека, что Господь сразу же и заранее снял всякий ореол «значимости» с этого труда, сразу же поставил его на подобающее ему рабское место. Человеку как бы было сказано — очищая себя от греха, ты очищаешь воздух комнаты, в которой живешь. Разве человек ставит себе в заслугу подобное дело?

Этим снятием ореола с подвига с одновременным утверждением его во всей глубине («если рука твоя соблазняет тебя — отсеки ее») была создана возможность истинного христианского подвижничества, очищение сосуда совести для принятия вина веры. Труд раба безграничен и постоянен, многострадален и как бы безнадежен. Лишение ореола значимости, то есть смиренное подвижничество, также многотрудно и постоянно и также не надеется на себя, а только на милость Божию. Как говорит Тихон Задонский, «неотменно должны мы добрые дела творить, яко христиане, но спасения от единого Христа просить и ожидать должны». «Когда слышишь слова Писания, — говорит святой Марк Подвижник, — что Господь воздаст каждому по делам его, то не думай, что дела (сами по себе) достойны геенны или Царствия, но что Христос воздаст каждому по делам неверия в Него или веры». «Царство Небесное, — говорит он же, — не есть возмездие за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам... На-

града рабам не обязательна для Господина». Вот как раз незнанием того, что есть нелицемерный или смиренный подвиг, и объясняется наше какое-то отгалкивание от идеи святости. Не зная, что это только рабский труд, мы пугаемся возможности гордости и фарисейства. Тут бесчисленные иудушки головлевы, и византийские и русские, сделали свое дело соблазна и провокации.

Человек должен стремиться к святости, — стремиться всем трудом своей жизни, и в то же время не святостью он спасается, ибо это только его долг, но еще не спасение, которое только в милости Божией через веру в Иисуса Христа. Перед ней, перед этой незаслуженной милостью Божией, все тщета, даже и это никогда не останавливаемое, всегда совершаемое смиренное делание святости.

«В чем состоит (духовное) делание самого человека? — спрашивает Макарий Великий. — В том, чтобы... удалиться от мира, пребывать в молитвах, во бдении, любить Бога и братий; пребывать во всем этом есть собственное его дело. Но если ограничиться он своим деланием и не будет надеяться приять нечто *иное* и не повеют на душу ветры Духа Святого... то человек не может принести достойных плодов...

Душа истинно... христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему ко Господу думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала... по безмерной и ненасытимой любви своей к Господу сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела... Она уязвлена любовью небесного Духа...

Если же кто говорит: “Богат я (духовно), довольно с меня и того, что приобрел, больше не нужно”, — то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола...

Если кто не соблюдет великого смиренномудрия, то предается он сатане...

Сказываю же тебе, что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и, не достигнув совершенной любви, они падали»¹.

Только «уязвленные любовью небесного Духа» и при этом до конца дней своих пребывающие в крайнем смирении достигают Христа.

«Все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп. 3, 8—9).

¹ Макарий Великий. Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 219, 229, 232—234.

Когда именно *такое* совершается делание подвига, делание, ни во что себя не ставящее, делание смиренное, вот тогда-то и очищается сосуд совести и только тогда сохраняется и растет вера, вот только тогда и начинается совершаться это действительное таинство: святость становится верой и вера делается святой. Только тогда становятся понятными слова такие апостола, как «верою очистивши сердца». Как «верою»? Прочтя или зная Символ веры? Очевидно, что только святою верою или «таинством веры», обновляющей все существо.

Святая вера! Вот то сочетание, которого у нас нет, вот почему мы не угодны Богу, вот почему мы не угодники Его, не святые Его, а противники.

Разрыв между вероучением и подвигом очищения сердца есть, наверное, самое страшное бедствие христианства и подводный камень в плавании каждого отдельного лица.

Сочетать смиренный подвиг с верою, причем ни во что считать и это самое смирение, а только все «простирается вперед» ради познания Христа Иисуса Господа», ради веры в Него и получения через нее от Него милости, то есть благодати Святого Духа, — вот нами оставленный путь.

Оторвавшись от смиренной святости, вера пошла по пустыням духовных училищ, оформлялась в кирпичях богословских трудов, книг, которые никого ни в чем не убеждали, засыхала под солнцем обрядового благополучия. И вот пришел конец вере, конец христианского пути.

«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»

4

Я пишу не убедительно и примитивно. Задача явно не по моим силам. Но мне хочется передать хотя бы только свою тревогу, а задачу пусть решают другие.

Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

5

Ощущение конца христианства как общественной силы тем сильнее, чем реже встречаешь «таинство веры в чистой совести».

Я вспоминаю один судебный факт, о котором было сообщение в конце прошлого, то есть XIX, столетия. Деревенская де-

вочка возвращалась из дома в школу после пасхальных каникул. Несла она с собой несколько копеек денег, корзиночку каких-то домашних пирожков и десяток яиц. По дороге с целью ограбления ее убили. Тут же убийца был пойман. Денег у него уже не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему, собственно, он не съел и яйца, последовал ответ: «Как же я мог съесть! Ведь день был постный».

Это страшно не потому, что это судебный факт, а потому, что за спиной этого соблюдающего посты убийцы чувствуешь звеня длинной цепи, уходящей в века. Этот случай только вскрыл на минуту процесс гниения, который совершался в Русской Церкви в XIX веке. «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3, 1) — это слова не к человеку, но к Церкви. Почему же в те времена, да и во все времена, члены Церкви, тем более духовенство, не решались признаться в этом, а того, кто решился, наверное, обвинили бы в неуважении к Церкви? Уважал ли Господь Церковь, когда говорил ей, что она мертвая, а не живая? Ведь мы ни в чем не отделяем себя от Церкви и всю силу обличения принимаем прежде всего на себя. Я и в этом виновнее всех.

Еще вспоминаю (ведь я пишу воспоминания, а не статью) хороший весенний вечер в Москве. Отец служит утрению в самом начале Страстной и после «Се, Жених...» читает Евангелие: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». И еще раз, и еще раз «горе»; это «горе» все нарастает в тишине церкви и весеннего вечера и, мне кажется, звучит на весь мир. Я очень люблю и знаю отца и слышу в его голосе слезы, и страх, и величайшую тревогу, и горечь, и страшную правду о том, что это он читает про себя, про нас, про Церковь. «Дополняйте же меру отцов ваших»... «Горе» стихает, потому что уже все сказано. Но вот еще: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки... Се, оставляется вам дом ваш пуст». Было страшно слушать, но как же было и хорошо! Что может быть лучше правды, что может быть радостнее того, когда удостоверяешься, по слову Достоевского, что «не умирает великая мысль», что Истину Божию «и врата адовы не одолеют!» (Мф. 16, 18)

Я вспоминаю об этом, может быть, просто потому, чтобы найти опору в подлинно бывшей хорошей церковной действительности, чтобы опереться в своей шатающейся вере на веру самого дорогого мне человека. Такая горечь была в его голосе, такие слезы и такая любовь!

Когда весны капель покажет,
Что начался Великий пост,
Ты на Божественную стражу
Шел, сердцем тих, душою прост.
И не сказать теперь словами,
Как жизнь с тобой была тепла,
Когда в четверг Страстной над нами
Свой счет вели колокола.

Я помню эти удары колокола, как удары в сердце, по счету прочитанных Евангелий, огни свечей и слушающий народ.

Но кто же все-таки воспитал такое уважение к посту в этом мужичке XIX века? Кто же все-таки недосказал ему чего-то в своем рассказе о христианстве?

Христианство — пост? Да, несомненно. Христианство — милосердие? Да. Христианство — послушание и любовь к Церкви? Да. Христианство еще и многое другое. Но что же все-таки христианство в целом, можно ли, отойдя от частичных его определений, найти какое-то общее и всеобъемлющее? Вопрос имеет практическое значение, так как, очевидно, этому мужичку раскрыли только одну часть христианства, а все остальное утаили, оцедили комара и проглотили верблюда.

Тот, кто с поверхности Церкви, где столько соблазна и неправды, ушел в недра ее и живет Духом Божиим под спудом собственного подвига, тому не нужно искать определений, так как он их практически нашел и в них пребывает, радуясь. Но нам, может быть, нужно — как поиски железной двери в эту подспудную тишину чужого подвига.

Христианство есть учение, или благовествование, о Царстве Божием. Тяжелее всего делать выписки, так как невольно вспоминаешь книги, сплошь составленные из выписок, которые никого не убедили. Настало время (да это и всегда было так), когда в христианстве можно убедить только личной верой в силу Божию. Всякое писательство о нем все больше теряет значение. А нам (мне) как раз все хочется только «о», а не «в». Быть в Церкви — это значит вступить на тесный и скорбный путь Христов, и как мало дерзающих на это! Сколь же легче сидеть «около церковных стен» на солнышке, слушать птичек и, покуривая, размышлять без особого труда об этой тесноте и скорбности. Такие мы, как бы верующие.

Но да благословит Господь идущих истинно тем, настоящим путем, да утешит их, да облегчит, да помилует их, а с ними и всех нас.

6

Вот начинается евангельская проповедь. «И ходил Иисус по всей Галилее... проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 4, 23).

То же начало проповеди в другом Евангелии: «Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия» (Мк. 1, 14). Вот в третьем: «И другим городам благовествовать я должен Царствие Божие» (Лк. 4, 43), «Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие» (Лк. 8, 1), «И послал их проповедовать Царствие Божие» (Лк. 9, 2), «Иди, благовестуй Царствие Божие» (Лк. 9, 60). «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие» (Деян. 28, 30—31). «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24, 14).

Это, конечно, не все, но достаточно. Причем я беру не те случаи, когда в том или ином контексте вообще употребляется выражение «Царствие Божие», — весь Новый Завет полон ими, — а только те, когда оно является прямым дополнением к глаголу «проповедовать» или «благовествовать», то есть тогда, когда оно указывает — что именно нужно проповедовать, определяет границы содержания проповеди, характеризует ее предмет. Как бы вместо того, чтобы сказать: «И проповедано будет *христианство* по всей вселенной», евангелист говорит: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной», «и ходил Иисус по всей Галилее... проповедуя Евангелие Царствия», «и жил Павел целых два года на своем иждивении... проповедуя Царствие Божие». Абсолютная ясность взаимной замены говорит о том, что это внутренние синонимы. Совокупность того вероучения, которое мы называем, начиная с Антиохии апостольских времен, христианством, слово Божие именуется учением о Царстве Божием. См. еще Деян. 28, 23: «И он от утра до вечера излагал им (учение) о Царствии Божием», — а также Мф. 13, 19: проповедь христианства есть «слово о Царствии». Не знаю, как другие, а я, проживши в христианстве десятки лет, ни разу до определенного момента не замечал этого словосочетания, не слышал смысла, лежащего в нем.

Почему же взято это словосочетание?

Когда подъезжаешь к большому городу, то знаешь, что далекие еще и молчаливые очертания домов и башен, труб и деревьев скрывают в себе многообразную и шумную жизнь. За буквенными очертаниями каждого слова и контекста слов Священного Писания «жизнь жительствоет».

Одной ссылкой на Ветхий Завет и его чаяния здесь ничего не объяснишь или объяснение будет только формальное. Да и незнаком современному верующему Ветхий Завет.

Конечно, потому так было определено христианство, что оно есть учение именно о Божием Царстве, а не о земном, о Царстве духовном, неотмирном и небесном.

Иудеи отвергли Христа только потому, что Он вместо осуществления их мечты о земном царстве позвал к небесному. Все Евангелие и весь Новый Завет решительно отстраняются от решений каких бы то ни было проблем земного устройства человечества, устройства земного царства. Все в нем перенесено в созидание внутреннего духовного человека для входа в Царство Небесное. Для руководства в этом созидании и для возможности предощущения будущей полноты Жизни к ученикам Христовым после Его Вознесения сошел Святой Дух. Он ведет истинную Церковь Христову по долгому историческому пути. «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек... (Он) научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам». Царство Небесное приспустилось незримо на землю, чтобы уже сейчас начинать жить в сердцах ищущих благодати Святого Духа. «Царствие Божие внутри вас» (Лк. 17, 21). Царство Божие есть Царство Святого Духа. Апостол говорит: «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе». Значит одно и то же сказать: христианство есть учение о Царстве Божием, или учение о Царстве Святого Духа, еще и теперь, на земле, начинающем жить в своих рабах.

Вот что говорит авва Макарий Великий: «Как тело без души мертво и не может ничего делать, так без небесной души, без Духа Божия и душа мертва для царства и без Духа не может делать того, что Божие. Посему, кто старается уверовать и прийти к Господу, тому надлежит молиться, чтобы *здесь еще* принять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы *здесь еще* дать душе жизнь — Духа Святого... Если душа *в сем еще веке* не примет в себя святости Духа за многую веру и за молитвы и не сделается причастною Божеского естества... то она непригодна для Небесного Царствия». Будущая жизнь начинается здесь, но «здесь» начинается то, что непричастно «здешнему», «здесь» начинается обетование или залог будущей полноты духовности. Вот почему это «здесь» неотмирно. Потому Евангелие и приняло именно это определение, что оно раскрывает основную *неотмирность* и *духовность* нового верования. Тогда тем более понятны слова преподобного Серафима о том, что цель нашей жизни — стяжание Святого Духа Божия.

Стяжание Его — это и есть стяжание Царства Божия, или Царства Небесного, или — иными словами — стяжание истинного христианского духоносного бытия.

Подданство Святому Духу — вот основной смысл данного Евангелием определения новому неотмирному учению. Это делается еще более ясным при обращении внимания на первую часть формулы — на слово «царство».

Что такое «царство?» Один из видов «государства», а в древности, наверное, и единственный. Основное содержание, которое вкладывается нами в понятие «государство», — это представление о чем-то «отдельном», о какой-то географически, экономически и политически отдельной единице.

По целому комплексу представлений мы мыслим себе какое-нибудь государство чем-то не таким, как другие государства. Понятие отграниченности и какой-то самоценности, самодовлеемости, а также независимости неизбежно сопутствует нашему представлению о государстве.

Какое же государство (или «царство») без государственной границы, без каких-либо пограничных столбов, в виде ли «китайской стены» или современных знаков?

Но «государство» не только возводит границы, но и защищает их, оно «воинствует» в защиту своих границ. А защищает оно их потому, что утверждает себя как независимое и самоценное государство, то есть такое, которое порядок или образ своей жизни считает выше или лучше порядка жизни других государств. Оно вводит «подданство», то есть фиксацию принадлежности к себе, а не к другим государствам. Оно не разрешает произвольный переход границ и зорко блюдет себя именно как отграниченную единицу.

Давно уже были государства земные, но наконец люди узнали, что есть еще государство Божие. Оказалось только, что оно не в видимом, здешнем мире находится: «Царство Мое не от этого мира». Но разница в местонахождении не изменяет понятия. Начался набор подданных в новое государство, к людям пришли благовестники с рассказом о нем, и *всю совокупность своего рассказа они стали называть учением о Царстве Божиим, христианством.*

Вот Сам Господь зовет в новое государство Никодима и раскрывает ему условия перехода в его подданство. *Нужно второе рождение.* Какой ужас охватывает и нас, когда мы это читаем. «Как это может быть!» Ведь буквральность второго рождения нам так же ясна, как и Никодиму. «Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное... от Духа есть дух». И это второе рождение не где-то за пределами бытия или

в безднах теософских «перевоплощений», а здесь, на земле, причем человек не перестает быть рыбаком или воином, делателем палаток или инженером. «Я сказал вам о земном, и вы не верите».

Переход в новое государство требует не отрешения от благих дел земли, не отказа, например, от семьи или государственной деятельности, но только зарождения в себе нового, духовного человека, живущего одновременно по законам нового духовного подданства. Неизбежно создается двойная жизнь. Здесь все дело в том, что в словах о рождении нет никакой аллегории, что объявлением о новом государстве и в то же самое время утверждением его только единственно Царством Духа сразу и навсегда был установлен *водораздел между христианством и миром*. «Пришел к своим, и свои Его не приняли» — именно потому, что не на аллегорию звал Господь, а на трудную и мучительную реальность духовного рождения. «Жена, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее».

Второе рождение означает только то, что оно может означать: не «пост», и не «милосердие», и не «воздержание», и не «молитву», и не что-нибудь еще отдельно взятое, а начало совсем нового духовного человека, создание «новой твари». В отдельности, отдельно, все эти благие действия были или бывали в человеке и в Ветхом Завете: и пост, и милостыня, и вера, но не было еще нового человека, гражданина Нового Царства, чада Божия, совокупно носящего все благое. «Вы... сограждане святым и свои Богу».

Все ветхозаветное чаяние — к этому же. «Он (Авраам) ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог»; «Он приготовил им город» (Евр. 11, 10. 16). Но все дело в том, что город не здешний, и фарисеи потому-то и распяли Христа, что город оказался нездешним. «Не имеем здесь постоянно града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14).

Но где же ворота в это новое государство, где вход? «Царствие Божие внутри вас» — вход указан, и опять-таки через внутреннее возрождение. «Когда внешний наш человек тлеет, внутренний со дня на день обновляется» — указан не только вход, но и признак, указывающий на действительность и закономерность вхождения: «тление внешнего человека», паспорт на переход границы. И наконец, названы признаки, долженствующие уверить нас, что мы в новом государстве: «Царствие Божие не пища и питье, но *праведность, и мир, и радость*». И наконец, последнее — способ достижения: «Царство Небесное силою берется, и (только) употребляющие усилие восхищают (достигают) его».

Круг описания завершен, остается или отвергнуть, или идти искать: «Ищите Царствия Божия». Как это может быть?! И каждый человек в страхе и трепете. «Вы приступили не к горе осязаемой... не к трубному звуку и гласу глаголов... но к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства». Вот оно приоткрывается, что такое это новое государство, вход в которое «внутри вас». Это не «осязаемая гора» Моисея и не внешность, пусть самая великолепная, церковного богослужения, если она воспринимается только как внешность, а действительно Город, Царство, «которого художник и строитель — Бог». «Божиего никто не знает, кроме Духа Божия». Вот почему нам, душевным, а не духовным, так непонятно и страшно у входа. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия».

Весь Новый Завет — об этом переходе из душевности в духовность, о переходе в Новое Царство Духа. Вот почему христианство и есть учение о Царстве Божием, вот почему проповедовать христианство — это значит звать к созданию всего нового, духовного человека, а не к прививанию на нем некоторых отдельных благочестивых навыков или чувств. К чему обычно сводятся проповеди? Чаще всего к тому, что «нарушают субботу» — не постятся, не почитают икон, не почитают родителей, не ходят в храм. Это все верно, но это не есть еще проповедь христианства, а только проповедь отдельных благочестивых действий, могущих быть и в других религиях. Новый Завет в душе каждого отдельного человека рождается так же, как он родился на Пятидесятницу у учеников Христовых, — сошествием Царя Небесного Царства. Только с попыткой перейти в это духовное Царство, то есть с рождением духовности, начинается в человеке христианство. Первоначальный и вечно сопутствующий признак христианства, как бы его государственное знамя — это то, что оно Царство, и при этом неотмирное, то есть духовное. «Да, я Царь, — сказал Господь Пилату, — но Царство Мое не от этого мира». В евангельском определении христианства, как ядро в скорлупе, лежит признак сути христианства: его неотмирность, то есть *подданство Святому Духу*.

Отсюда с неумолимой неизбежностью вытекает и страшный обратный вывод: всякая потеря духовности и всякое обмирщение есть основная, центральная измена христианству, выщелачивание сердцевины с оставлением никому не нужной скорлупы. Раскрытие каждым человеком для себя евангельской формулы подводит его к пограничным воротам Царства Святого

Духа, куда нельзя просунуть только руку или ногу, а можно войти только целиком, отказавшись от духовного подданства миру. Законы государства обязывают. От мира, то есть от всякого зла мира, должен отречься не только монах, но и каждый христианин — в этом все дело. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» — эта заповедь Божия обращена не к монахам, а ко всем ученикам Христовым. В разряде совершенных есть множество степеней, иная слава солнца и иная — звезд, есть или были совершенные, которые от безмерной любви своей к Богу все оставляли и шли по пустыням мира в поисках Его, но и на самого «маленького» из «совершенных» распространяется в меру его сил общий закон искания духовности, отречения от мира, стяжания Бога в своем сердце, служения одному Господу, а не двум господам. «До ревности любит Дух, живущий в нас». Опять спрошу: о ком это сказано? О монахах ли? Нет, о всех учениках Христовых. Каждый христианин есть *инок* — гражданин *инога* мира. Если человек не ищет духовности, не приобретает Царствию Божию, он еще не христианин, какую бы этикетку он ни носил — монаха или мирянина. Внешнее христианство не есть христианство. Оно есть обмирщение, то есть самая опасная измена христианству, зачеркивание слов Господа, что «Царство Его не от этого мира». И человек, и отдельная историческая Церковь изменяют христианству, если успокаиваются на внешнем, если не стучат в двери духовного Царства.

В последней молитве на прощальной беседе Господь говорил: «Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла». Но тут же Он прибавил: «Они (ученики) не от мира, как и Я не от мира». Значит, надо как-то суметь быть не-от-мирным и в то же время быть в мире.

В этом законе неизбежного сосуществования, в этой двойной жизни, если не сказать раздвоенности, и заключается вся мучительность практики христианской жизни, — мучительность страшная и иногда как будто непосильная. Но так хочет Господь для испытания христианского сердца. «До ревности любит Дух, живущий в нас, но тем большую дает благодать». Человеку, выдержавшему великую скорбь раздвоения, не изменившему Учителю, дается радость надежды, что, может быть, и он будет принят в ученики Христовы. У его веры все шире раскрываются крылья, и она становится все более «уверенной», потому что все более осуществляет ожидаемое Царство Божие. Формула Евангелия, раскрывая суть христианства, срывает все иллюзии о возможности пребывания только во внешности церковного благолучия.

«Ты говоришь: “Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3, 17). Так было сказано Церкви, у которой не было «тайнства веры в чистой совести».

7

«Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу?» Грех есть основное препятствие к получению или к возрастанию веры и тем самым главная причина неверия. В беседе с Никодимом Иисус путь веры называет путем к свету. «Но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы».

Как то неловко употреблять слово «грех», так же как и слово «добродетель», в разговоре с самим собой как маловерующим человеком. Все мерещатся какие-то скучные английские романы середины XIX века, где добродетель в смешной соломенной шляпке в конце концов побеждает грех, задрапированный в красивый маскарадный костюм. Ни один каталог не смог бы перечислить литературу, в которой так или иначе осмеивается добродетель, или литературу, в которой она выглядит смешной.

А вот как говорит о том, что такое добродетель, один из тех, кто действительно вкусил ее райских плодов. «Добродетель есть вещь некая горяча и zelo прилична возжещи пламень любви Божия и сотворити душу всю огненну»¹.

«Бог наш есть огонь поядающий», — говорит апостол. Стремление к добродетели есть стремление к огневидности, к богоподобию. «Духом пламенейте; Господу служите», «Да будут... светильники (ваши) горящи», «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»

Когда отцу Амвросию Оптинскому одна дама однажды сказала, что бесы Евангелия — это аллегория, он, улыбнувшись, ответил: «Если бесы, которые вошли в свиней, — аллегория, то такая же аллегория и свиньи».

Огонь духовности настолько реален, что иногда по произволению Божию он выходит наружу, в физический мир, и явно виден бывает. Чудо Пятидесятницы в малом объеме бесконечно повторялось в истории христианства.

Мы не знаем, что такое добродетель, и нам чуждо понятие

---

¹ Преп. Никита Стифат. Житие преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1856. С. 3.

греха. «Покрыла есть небеса добродетель Твоя, Христе» — поется в одной церковной песне, и до нас это так же не доходит, как слова другой песни: «Вскую мя отринул еси от лица Твоего, Свете Незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго». «Тьма», то есть грех, перестала быть «чуждой» и поэтому не ощущается — в этом весь ужас. Мы потеряли чувство греха. Добродетель есть плод доброделания, плод работы Господней, работы рабов, не ожидающих никакой за это награды и только как незаслуженную милость слушающих слова своего владыки: «Добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа твоего».

Вся церковная вечерняя служба, не только в своем словесном, но и в музыкальном составе, пронизана ощущением этих двух категорий — огнеобразного добро-делания и холодной тьмы греха.

Утверждение реальности греха только и позволяет подойти к утверждению реальности огненного преображения человека.

Есть в одной молитве Ефрема Сирина такие слова: «Истоци в сердце мое единую каплю благодати Твоей, да возгорится в сердце моем пламень любви Твоей, как огонь в лесу».

8

В Церковь начинаешь верить и ею начинаешь жить, только почувствовав ее дыхание, — никакие статьи здесь не помогут.

Будет время, и я замолчу,
И стихи мои будут ненужны.
Я зажгу золотую свечу,
Начиная полночную службу.

Будет ночь, как всегда, велика.
Будет сердце по-прежнему биться.
Только тверже откроет рука
За страницей другую страницу.

И, начавши последний канон,
Я открою окно над полями,
Чтоб услышать, как где-то над нами
Начинается утренний звон.

Так бывает со всяким, если сердце искренне ищет Бога. Человек замолкает, чтобы лучше слышать голос «Начальника тишины», человек собирается, чтобы как-нибудь не рассыпать, не

уронить подаваемое сокровище Небесного Царства, человек плачет слезами величайшей горечи за все то, чем он оскорбил своего Учителя.

Вера, разгораясь, зажигает в нем пожар любви к Богу. «Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею». Послушайте это нарастание определений! «Всею крепостию твоею!» Верующий не просто «любит» Бога, он «влюблен» в Него. Весь состав его: и сердце, и ум, и воля — трепещут на пороге величайшей человеческой радости — возвращения в Дом Отчий, в Царство Божие.

9

«Бог — конец пустыне!» — говорит человек. И пустыня пути расцветает для него лугом зеленым — Церковью.

Секрет того, что иногда люди верующие как бы принимают Бога, но не принимают Церкви, в том, что в них нет, по существу, еще и веры в Бога. Они тоже в категории «как бы верующих» и на самом левом фланге. Церковь есть собрание учеников Христовых. Как же я, возлюбив своего Учителя, не возлюблю Его учеников, как же рука моя в холодной и беспросветной ночи земного странствия не будет искать для опоры их теплой руки? Это явная логическая бессмыслица, только доказующая, что веры в Господа и любви к Нему, как Живому Учителю и Другу, в человеке еще нет. Церковь в ее святом, то есть в ее *единственном*, единственно реальном смысле, есть вселенская дружба учеников, рождаемая совершенно неизбежно, если можно так сказать, «механически» из стремления всех периферийных линий — людей — к центру круга, к Богу. Чем ближе линии сходятся к центру, тем они теснее, чем ближе люди к Богу, тем сильнее их дружба. Это все давно раскрыто в словах аввы Дорофея.

Церковь есть неизбежность Божественной дружбы учеников Христовых. «Вы други Мои», — сказал Господь при основании Церкви в последнюю ночь. Ночью была создана Церковь, долгая ночь — весь ее исторический путь до второго прихода Господня, и кто же среди ночи в трудной дороге не ищет спутников? Только гордое сердце, еще не имеющее Бога.

Поверившему действительно в Бога, то есть уже реально полюбившему Его, пустыня пути расцветает Церковью. Нет большей радости для человека в пустыне увидеть, что он не один, что кругом по тропинкам, как после 12 Евангелий в Великий чет-

верг, идут огоньки людей. Вот где радость и вечно весенний воздух Вечности — Церковь учеников Христовых! Но если Церковь рождается из действительно родившейся веры в Бога, то какая же ошибка — проповедовать установления церковные там, где еще нет настоящей веры в Бога! «Духом пламенейте», потому что «Бог наш есть огонь поядущий» — вот прямая и безусловная заповедь слова Божия, и с нее надо начинать раскрытие сути христианства, начинать проповедь, а не с того, что существуют четыре поста и в какое время они бывают. Отступление наше, то есть всех тех, кто «как бы верует», от веры зашло так далеко, что никакими благочестиво-умеренными разговорами о нарушении церковных уставов ничего не достигнешь. Это холостой выстрел. Уставы есть стены, которые огораживают действительно имеющееся сокровище. Но великая ложь — огораживать пустое место.

«Вера — от слышания, а слышание — от слова Божия». Зачинание веры — от слова Божия. Страшно сказать, но мы боимся прямой и понятной апостольской проповеди. Во время чтения Апостола по-славянски почти никто из современных молящихся в Церкви ничего не понимает, и получают какие-то благочестивые антракты непонимания. Нам все мерещатся сектанты, с которыми нас могут смешать и скомпрометировать нашу «православность». Недаром один человек когда-то сказал мне, что термин «православие» ему более дорог, чем термин «христианство». Бедная Антиохия «Деяний»!

Никакие сектанты нам не страшны, ибо «кто отлучит нас от любви Божией», если вся наша радость и все устремление — в созидании Тела Божия — Церкви. Не зная слова Божия, как может человек преодолеть соблазны, отовсюду находящиеся на него в церкви? Где Церковь святая и где просто люди, почему-то считающие себя церковью? Где Божие и где человеческое? Не зная слова Божия, не зная, что Царство Божие — Церковь имеет двойной аспект, что в ее земном, историческом пути сосуществуют добро и зло и что это сосуществование предусмотрено Богом впрямь до Страшного суда, как пшеницы с плевелами на поле или рыб в неводе, хороших и худых, в евангельских притчах о Царстве Божием, — мы соблазняемся не только от вопиющих беззаконий отдельных представителей Церкви, но и от какой-нибудь грубости или невежества церковного старосты. Сколько людей уходило в сектантство только потому, что «поп — пьяница». Кроме того, еще не имея настоящей веры и из-за этого еще не ощутив вполне свою собственную греховность и зло, мы не в состоянии осознать самих себя ниже и старосты, и прочих соблазнителей церкви. «Врата адовы» борют Церковь не только из-

вне, но внутри ее, через каждого из нас, через каждый грех и зло каждого человека, благодушно предполагающего, что он живет в ней. Церковь действительно свята и непорочна, но эта святость невидима и непостижима. Видимо же в церкви прежде всего пятно зла на золотой ризе. Это и есть самое трудное для искреннего, но не умудренного словом Божиим сердца.

Бывают случаи большие, бывают и маленькие, как будто смешные, но тоже трагические. Один хороший священник мне рассказывал, как его дочь стала неверующей. Она, конечно, уже давно колебалась, но еще только колебалась. Однажды она вошла в храм, когда все стояли на коленях, кажется во время Херувимской, и наступила на ногу старушке, которая обратила к ней, как ей показалось (да и наверное так), такое злобное лицо, что она воскликнула внутри себя: «Ах, здесь — такие! Значит, Бога нет!» И вышла навсегда из церкви. «Врата ада» одолели бедную девушку, а прежде ее они, наверное, одолели старушку.

Говоря совсем точно, второй, темной и соблазняющей, церкви как Церкви, по существу, и нет. Есть одна святая Церковь, создаваемая святостью живущих на земле святых, хотя бы их было два или три человека. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Всякое наше святое действие и святое воздыхание создают святую Церковь. Всякое наше зло выкидывает нас с корабля Церкви, причем при этом мы часто увлекаем за собой и других. Об этом и слова Тихона Задонского: «Все грешники вне Церкви святой находятся, хотя и в храм ходят, и молятся, и Таин приобщаются». Следовательно, я могу стоять на молитве в храме, но в своем озлоблении на озлобленную на меня старушку и я, и она будем в этом своем состоянии вне стен единой, святой и апостольской Церкви.

Есть церковь с маленькой буквы рядом или внутри Церкви с большой. Это неизбежная форма исторического пути Церкви и какое-то промыслительное определение Божие. Очень хорошо сказано об этом в Откровении во 2-й и 3-й главах, а также в 11-й: «И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник и поклоняющихся в нем. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попирать святыи города сорок два месяца».

«Внешний двор храма» — это и есть «вторая», не святая, иногда очень темная и страшная церковь, — церковь тех, кто, по слову святителя Тихона Задонского, «хуже идолопоклонников», церковь соблазняющая и отводящая от истинной Церкви, окружающая (или вкрапленная, как плевелы в пшенице на поле) святую и вечную Церковь Невидимого града. Вот в эту святую и

единственную Церковь мы и должны верить, только в нее и верить, и верить так же, как в Бога, ибо можно сказать: незрима ее святость, но так же реальна, как святость Божия.

За все время существования Церкви не было, кажется, найдено ни одного достаточного правильного определения ее, сверх тех трех, которые мы получили от апостолов: Церковь есть «Тело Божие», «полнота Наполняющего все во всем» и «столп и утверждение истины». Очевидно, не нужно было больше и искать. Но эти определения утверждают одно: Церковь, *как святая*, так же непостижима, как и Бог, Творец ее. И действительно, если еще можно представить себе некое, хоть и отдаленное постижение святости Источника святости, то как постичь ее — эту святость — в твари? Ведь «всяк человек — ложь» и нет «непорочно-го зачатия».

Осознание этого имеет самое простое практическое значение. Чем больше чувствуешь непостижимость святости Церкви, то есть чем больше входишь в нее верой («верою и любовью приступим»), тем меньше соблазняешься от видимого зла и неправды внутри исторических церковных стен.

Этому учит одно изображение, которое мы всегда видим в храме. Посмотрите на «Тайную вечерю», которая всегда над царскими вратами: среди апостолов — Иуда. Так как начало Церкви совершилось на этой вечере при нем, то не для того ли Церковь водрузила над своими царскими вратами это изображение, чтобы всегда напоминать нам о «двойном аспекте» Церкви, о том, что «врата адовы» и внутри ее, но что, и будучи внутри ее, они ее все-таки не одолеют.

Века проходят, и ежедневно выносятся Чаша, а сверху всегда то же напоминание. Если Тайная вечеря, несмотря на присутствие Иуды, осталась для человечества началом Церкви, началом весны человечества, то что может быть большего у нас?! Все то же самое в меньшем размере.

«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство».

10

Радостно войдя в Церковь, уверовав в нее, как в святое и непорочное тело Божие, каждый ставит перед собой задачу — как сохранить такую жизнь и такую веру, как сохранить себя не оскверненным от мира. Состояния радостной уверенности, просветленности — редки и мгновенны по нашей греховности. Вслед за этими просветами лазурного неба опять вся душа заво-

лакивается тучами непонимания, пустоты, скуки, скорби, соблазнов и раздражения. Неверие обступает душу кругом, как волна на утес приливает сомнение, заливая камень веры. Это так реально, так действительно и так страшно, что, собственно, человек должен был бы непрестанно мысленно стоять на этом камне с воздетыми к Богу руками, простирая всего себя в подобию креста, с воплем к Богу о помощи. Понятно, почему так настойчиво слово Божие требует от человека постоянной молитвы. «Непрестанно молитесь» — это заповедь для каждого.

Заканчивая одно из своих посланий, апостол Павел пишет: «Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем *хранить* благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядающий». Но как «хранить», как сохранить себя в Боге? Да, конечно, прежде всего молитвой сердца, через которую привлекается помощь Божия. Но как приучить себя к молитве, когда в сердце сухо и горько, когда в уме пустота или грех?

Есть одно определение Божие или одно Его предупреждение нам, которое мы, современные маловерующие, больше всего забываем, а вспоминая, с особенным неудовольствием отбрасываем: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают (достигают) его». Вот где лежит путь к сохранению себя в Боге. Это и есть узкий путь, ведущий в жизнь вечную: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Для нас это невыносимей всего. Века благополучия во внешнем христианстве приучили нас как раз к тому, чтобы не делать над собой никаких усилий, то есть не искать узкого пути. Отстоять часа два великолепное, многокрасочное богослужение, а потом ехать домой, чтобы есть пироги со всеми начинками, — для этого не требовалось большого усилия. Через это благополучие входило в открытую дверь неверие, а когда оно начнет давать тон мышлению, то против понуждения себя, против «узкого пути» возникает особая, подчеркнутая, принципиальная вражда. «Когда у меня будет настроение, я буду молиться» — вот обычная формула широкого пути. Очевидно, что «я буду искать Царства Божия тогда, когда у меня будет настроение». «Как это “силой брать” Царство Божие? Всякое насилие противно религии». И чего только еще не скажет душа, не желающая принять всерьез христианства, не хотящая сделать его своей реальностью?! Разве переход в другое государство, принятие иного подданства достигается без усилий? В этом все и дело, что принятием христианской веры человек должен начать совершенно реальный переход в иное государство, и *этот переход — узкий*.

«Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут». Не сумеют, не смогут перейти, так как будут отрицать необходимость усилия над собой, будут отрицать необходимость подвига.

«Весьма многие из людей, — говорит Макарий Великий, — хотя способны Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно».

«Дух Святой, — говорит Антоний Великий, — вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов». Отец Амвросий Оптинский говорил, что стояние наше на молитве, когда сердце нелицемерно, но сухо и каменно, более угодно Богу, чем тогда, когда оно в огне умиления. И действительно, что трудно молиться, когда благодать Божия спустилась и оросила пустыню? Господу угодно другое — видеть наш труд, наш подвиг, хоть и ничтожнейший, наше терпеливое ожидание Его в душевной пустыне.

Как в молитве, так и во всем должны быть подвиг или усилие. Разве для того, чтобы победить свой гнев, требуется мало усилия? Уж не говоря о невысказанной буре гнева в сердце, даже рот свой из простого приличия как трудно удержать закрытым, чтобы не высказать слов раздражения. Авва Иоанн Лествичник так рассказывает об этой, быть может многолетней, лестнице усилий, побеждающих гнев: «Начало безгневия — молчание уст при возмущении сердца (сердце еще бушует). Средина — молчание помыслов при тонком смущении души (затихают волны). Конец — незыблемая тишина при дыхании ветров нечистых (все отошло, но пребывает где-то рядом)».

А какое большое усилие мы должны употребить, чтобы воспитать в себе серьезность, какую-то хоть малую сосредоточенность, уклонение от рассеяния себя разговорами или книгами?

О «подвиге», или «усилии», не только понять слушающему, особенно молодому, но и писать труднее всего. Слова, не исполняемые делами, теряют свою силу не только для слушающего, но и для говорящего.

Вот я как бы держу эти слова — «усилие», «подвиг» — или иные драгоценнейшие слова, как на ладони древние золотые монеты, но ведь я сам не слышу, а только догадываюсь о их золотом звоне. Снаружи они покрыты грязным и скользким наростом столетий человеческого лицемерия и лжи. Поэтому-то для меня блаженнее всего говорить не от себя, а «искать следы отцов», отыскивать в забытых книгах золото слов.

Вот откроем самую старую и самую забытую книгу — книгу Бытия — и прочтем в ней с благоговением и страхом рассказ о том, как человек боролся с Богом. Не прольет ли образ святей-

шей борьбы свет на эти трудные для нас понятия усилия и подвига, как лучи, внезапно хлынувшие из-за туч?

«И борящегося с ним Человек даже до утра... И рече ему: пусти Мя: взыде бо заря. Он же рече: не пущу Тебе, аще не благословиши мене. Рече же ему: что ти имя есть? Он же рече: Иаков. И рече ему: не прозвется ктому имя твое Иаков, но Израиль будет имя твое: понеже укрепился еси с Богом и с человеки силен будещи... И благослови его тамо» (Быт. 32, 24—29).

Подвигоположник Иисус Христос заповедал нам подвиг борьбы за свое просветление. Творцу мира угодно принимать в Свои чада, в «сонм богов» («Я сказал: вы боги» — Ин. 10, 34) только воинов, достигших конца, только тех, чья воинствующая воля показывает неукротимость желания быть с Богом. Борьба эта есть выражение неуклонного определения свободной воли человека, и вот именно эту свободную волю, возжелавшую Божественной вечности, и ищет Господь. Он хочет не насильно или механически сделать нас богами, как мастер делает куклы, а чтобы мы сами, борясь, достигали Царства Божия.

Борьба человека за свое божественное звание есть, конечно, борьба с его собственным злом. Меня могут поэтому спросить: при чем же здесь образ Иакова? И я не сумею точно ответить. Может, потому, что Господь есть постоянный свидетель и судия этой постоянной «невидимой брани», может быть, потому, что весь, так сказать, метод этой борьбы для человека сводится в конце концов к тому, чтобы не отпускать от себя Господа, держать Его, цепляться за край ризы Его, не давать Ему уйти, чтобы Он помог, чтобы Он не покинул: «Не пущу Тебе, аще не благословиши мене».

Вспомним еще притчу о «судии неправедном». «Эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне» (Лк. 18, 5).

Много ли мы «докучаем» Господу неотступностью и детским дерзновением молитвы?

У одного немецкого поэта есть стихи на библейский текст об Иакове. Вот они, переведенные прозой:

Ты сам, один на один, ночь за ночью,
должен бороться со своим Богом.
Когда же Его первый солнечный луч пронизет темноту
твоей души,
не отпускай Его,
о, только не отпускай Его,
пока Он тебя не благословит.

Переход в Царство Божие может быть только узким, то есть через усилие, и вот принятием этой «тесноты» подвига мы и начинаем свое сохранение, хранение той благодати, которую дает нам вера. Я помню серый зимний день. Я иду с одной московской знакомой, женщиной ученой, но в то же время церковной, через святые ворота в Лавре. Монастырские ворота всегда почему-то особенно действуют на человека — наверное, в них *начинается* «касание миров иных», как говорил Достоевский, — переход! Среди других изображений и надписей помню славянский шрифт: «Внидите узкими враты» (Мф. 7, 13). Вечером того же дня моя знакомая мне говорит: «А знаете, я только сегодня впервые почувствовала про эти “узкие враты”, впервые поняла». Так и мы: иной раз только к концу жизни поймет человек, догадается, где этот переход к Богу, где условие хранения веры. Надпись была в монастыре, которым мы пренебрегали, слова были из Евангелия, исполнение заповедей которого мы тоже предоставляли монахам.

Вот почему так важно не бояться сознания, что каждый христианин, а не только монах, есть инок — человек иноного государства — Царства, которое не от этого мира.

Если бы мы не делили верующих на монахов и не-монахов, если бы мы были под единым вечно голубым небом первохристианства, когда этого деления не было, то, помимо непосредственного руководства от слов апостольских Нового Завета, какую великую помощь могли бы мы получить от руководственных наставлений вот этих самых монахов, которых мы от себя отделяем. Вступая на узкий путь, человек вступает в «невидимую брань», он, как воин, должен вооружиться указаниями мудрых людей Божиих, уже достигших конца пути. У нас есть крепчайшее оружие для «брани» — их духоносные слова.

Вот сейчас, в эту минуту, когда меня внезапно охватил порыв отчаяния при мысли о том, что я ничего сам не исполняю и при этом учу, я, наверное, чтобы не изнемочь в отчаянии, нашел вдруг такое место у аввы Исаии: «Нам предлежат два пути: путь жизни и путь смерти. Идущий по одному не идет по другому. Кто же идет то по тому, то по другому, тот не принадлежит окончательно ни к одному из двух путей, ни к ведущему в Царство, ни к ведущему в муку. Когда же он скончается, то суд над ним принадлежит единому Богу, Которого милость неизреченна».

Господи! Помилуй всех нас!

11

Вот я и кончаю свои записи. Что-то многое я хотел сказать и, конечно, сказал мало. Я не сумел сказать про самое главное: про любовь, которая всю непосильность христианского пути делает легкой, которая все непонятное делает ясным, которая «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Мы часто, путаясь в трудных и новых для нас понятиях христианства, не догадываемся об этом ключе, открывающем дверь.

В притче «о богатстве неправедном» Господь укорил нас за то, что мы такие несообразительные. «И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил, ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16, 8—9).

Недавно один человек говорил: «Эта сообразительность имеет оправдание: проводит даром сквозь тесные врата».

Да! Любовь проводит даром сквозь тесные врата. Вот почему, в частности, истинным христианином чаще делается человек неученый. Через любовь, минуя путаницу ума, он прямо идет к познанию Божию.

Христианство под «юродством проповеди» (потому что «немудрое Божие премудрее человеков» — 1 Кор. 1, 25), открывает неизреченные горизонты познания, все бытие человека: и телесное и духовное, вся вселенную, «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье», — все открывается оку ума, просветленного Господом. Всю цель жизни апостол Павел видит в «познании Христа Иисуса, Господа Моего» (Флп. 3, 8). Все дело в том, что это познание, или мудрость, — «не века сего», все дело в том, что оно рождается от любви, что оно живет только в уме, согретом Богом.

Послушаем еще, как пишут о любви и познании святые отцы.

«Любовь Твоя невыносимыми, сверхъестественными жалами уязвляет тех, кто некоторым образом видит Тебя... Ты... опаляешь язвою любви ум, подобающим образом пребывающий в Тебе, просвещая его все более и более и действительно вводя его в... недоступные, тайные пренебесные зрелища. О, Единице Препетая и Троице Пречестная! Бездонная глубина силы и премудрости!»

«Когда ум, прошедши через все здешнее... радостно молчит, тогда именно время наслаждаться премирным и невыразимым, время осияния и мысленного света, единения ума и созерцания простоты, безграничности... пресветлого познания... время восприятия и усвоения духовной мудрости».

«Когда человек... совершает течение в добродетелях... со смиренными мыслями, в терпении и надежде, основанной на вере, и животворящая и приснотекущая сила и действие Святого Духа водворятся в сердце... тогда, именно тогда ум... вспомоществуемый вдохновением благодати, переходит к созерцанию, невыразимо прекративши (конечно, действием и светом животворящего и Святого Духа) здешнюю рассеянность и блуждание, и доходит до откровения божественных духовных таин и всевозможным молчанием и спокойным собственным естественным взором достигает вступления в сверхъестественные невыразимые таинства».

Это созерцание ума, добавляет тот же Каллист Катафигиот, «требуется трех... условий: веры, причастия Духа и мудрости знания во Христе Иисусе, Господе нашем».

Я сделал эти выписки, конечно, не для дерзкого подражания, а только для того, чтобы хоть немного приоткрыть для незнающих эту сторону христианства. Тот, кто будет искать дальше, найдет больше. Он поймет тогда слова апостола: «Мы имеем ум Христов».

Нам, начинающим, надо прежде всего искать деятельной любви, которая в тоже время «есть совокупность совершенства». Пусть «язва любви» хоть отчасти *опалит* и наш скудеющий в холоде ум, чтобы нам даром «пройти сквозь тесные врата». Только «вера, действующая любовью» (Гал. 5, 6) есть истинная вера. Кажется, только об этом я и хотел написать.

«Верующий, — говорит блаженный Диадок, — а не пребывающий в любви и самой той веры, которую *кажется имеющим*, не имеет». Он только «медь звенящая», он только «как бы верующий», какими бы богословскими делами он ни занимался.

Светлую заутреню 1956 года я встретил в Москве у стен храма Новодевичьего монастыря. Народу было так много, что войти внутрь было нельзя, и я стоял в толпе снаружи около открытого окна. Видно, моя грешная судьба — все стоять только «около церковных стен», из ночи греха видеть горящий огнями храм, только издали слышать Божественные песни. Но слава Богу за всякую Его милость.

Ночь была тихая, и еще тише стали и ночь, и толпа, когда в эти минуты 1956 года вдруг ударил колокол и начал выходить крестный ход.

Как же любит христианское сердце эту землю, согретую стопами Ее Творца и Господа, как благоговейно оно слышит эту землю, согретую дыханием Христовым, кровавым потом мучений Его! «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небе-

сех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Чистым, простым сердцем и на этой многогрешной земле.

Прощение! Великое прощение снова, еще раз дается этой толпе, этому городу и всему миру.

«О, Пасха велия и священнойшая, Христе!»

*25 VIII 1955 г., канун Тихона Задонского —
Пасха 1956 г.*

Письма

№ 1. Н.С. Фуделю
[Зима 1945/1946, Загорск]¹

Дорогой мой Николаша.

Получил твое письмо. Спасибо тебе большое, милый мой мальчик. Я люблю тебя и верю по-прежнему, хотя, конечно, очень часто я боюсь за тебя во многих отношениях и переживаю свою боязнь, может быть, чересчур сильно. У меня вообще — ты знаешь — есть большой недостаток: преувеличивать часто многое такое, что не следует преувеличивать. Это от моей большой головы, делающей еще более большой от мысли, что я не дал своим детям всего того, что им нужно и можно было бы дать. Я люблю жизнь очень, и я ее люблю такой большой и непобедимой любовью, оттого что я знаю, что эта жизнь кончается не червяками в могиле. Жизнь для меня — сокровище, данное мне навеки. Как сберечь его в себе и в детях — к этому для меня сводится все. Если бы это было какое-нибудь другое сокровище — это было бы, может быть, просто. Но это сокровище именно Жизнь, то, что мельчайшими каплями наполняет все бытие, каждое слово, каждый поступок, каждое слово и вздох. Здесь нет мелочей и не может быть двух жизней. Будни жизни — это тоже жизнь. Отсюда та моя требовательность, которая иногда может быть несносна. Но я не хочу преувеличивать. Я знаю, жизнь также требует того, чтобы идти по ней крепко, чтобы учиться, чтобы зарабатывать, чтобы не быть неумелым во всем, что требует ловкости и ума. Мы живем так, чтобы во всем быть мудрыми. Но эта мудрость должна сочетаться с простотой, с сохранением детского восприятия жизни, с чистотой не только сердца, но и ума. Как это сочетать в себе и в детях — вот это и есть постоянная моя забота и скорбь от неумения сочетать. «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей»².

«Созижди» — значит, сотвори, построй как некий чудесный дом, полный света и мира, полный благоухания, простоты и здоровья. И «правильный дух» — «дух прав» — вечно обновляй в утробе моей. Можно ли более задушевно и более глубоко сказать?

В доме у нас все хорошо. Мама³ с трудом и медленно, но начинает оправляться от цинги и других болезней. Стала опять веселая, бодрая, хотя достается ей с работой очень много. Дрова кончились, приходится возить из леса, Матреша⁴ становится все старше и дел из-за этого все больше. Маша⁵ тоже поправилась. Сейчас она у тети Маруси⁶ Там сухо, тепло, и только там она, собственно, перестала кашлять. Она занимается довольно много, хотя за болезнь, конечно, разленилась много к тому же, и невольно запустила. Душевно она меня беспокоит больше всех вас остальных. Ты скажешь, что это легкомыслие и пустота, которые в ней сейчас, пройдут с годами. Может быть, может быть. Не знаю.

Варенька⁷ очень милая, такая драгоценная маленькая девочка, утешающая всех нас. Тебя все время помнит и спрашивает, когда ты приедешь.

Справку об окончании 7 классов постараемся достать и выслать⁸.

Много думаем с мамой, как лучше все устроить. Может быть, весной пробовать прописаться мне в Москве и начать перебираться туда, одновременно сохранить здесь полдома.

Работаю я очень много, часов до 11 вечера, но, собственно, «работаю» часов до 7—8, а потом занимаюсь сам, изучаю язык⁹, чтобы было можно это знание тут же реализовать. Пришлось обнаружить, что я знаю язык очень слабо и требуются занятия. Никуда, конечно, не хожу, за неимением времени, и это время идет очень быстро.

[*Приписка рукой В.С. Фудель*]

Коля/Варенька

Мама/Маша¹⁰

Вот и Варенька участвовала.

Целую тебя, дорогой наш.

Всегда твой папа.

№ 2. Н.С. Фуделю

30 III [1947, Минусинск]¹

Дорогой Коленька.

Мне немного жаль, что мое письмо не дошло до тебя. Я в нем с некоторым вдохновением писал тебе всякие мысли о литературе и искусстве, и так как «вдохновение» у меня очень редко бывает, то и жалко, что наш разговор на эту тему не состоялся. Ты избрал себе очень интересную, но и очень опасную специальность². Поясню это так: если бы сейчас были Средние века и вместо теплоходов ходили бы парусные бригаи, то также было бы ин-

интересно и так же опасно избрать себе карьеру морского капитана. Войти в мир искусства — это значит войти в самый водоворот человеческих чувств и отношений. Искусства «вообще» не существует. Искусство это есть выражение человеком в условно-музыкальной форме своей «подноготной». То что люди в обыденной жизни скрывают, или что они забывают, или чего они не знают, или чего они стыдятся, или о чем они радуются про себя и удивляются — все это с дерзновением обнаруживает, открывает человек, имеющий дарование для этого открытия. Глубина его дарования измеряется не просто дерзновенностью, не самим фактом «открытия», а тем что он «открывает», что обнаруживает и «предает гласности» в своих произведениях, т<о> е<сть>, иначе говоря, его дарование измеряется не голым фактом владения внешней формой выражения (техникой), а наличием духовного вкуса, талантом выбора из того винегрета, который представляет из себя человеческая душа и человек<еское> общество. Чаще всего искусство в сознании подменяется техническим мастерством в изображении «вообще» человека, «вообще» жизни. Мы все крайне ограниченные существа, движения наши, и внешние и внутренние, угловаты и скудны, бедны и тусклы, и нам крайне импонирует всякое «мастерство» и в футбольной игре, и в «красиво» сделанной вывеске, и в ловко написанном романе со страстями и приключениями. По нашей бедности это все необычайно, но и только по этой бедности. Где-то, кажется в «Копях царя Соломона»³, дикари были до глубины души потрясены фактом искусственной челюсти во рту у пленника, а когда он еще снял штаны и у него обнаружили белые ноги, они пришли в совершенный восторг. Искусственная челюсть, выскакивающая и снова прячущаяся во рту, это тоже «искусство», но только для бедной души. Нам же приbedняться нечего и нечего путать ремесленную ловкость с искусством. Что же тогда такое искусство? Я не знаю.

Я вспоминаю другой вопрос: «что есть Истина?»⁴ Никакой формулы здесь нет, хотя каждый человек в честную минуту своей жизни скажет: это то самое хорошее, что во мне есть или что во мне могло бы быть, да не вышло. Мечта полузабытая о «самом хорошем» в самом себе. Часто люди искусства стыдятся этого. Тогда, говорят, будет какой-то беспредметный идеализм, а не искусство, мы тогда потеряем форму. Вопрос с формой очень серьезный. Так называемые «последние поэты Пушкинской поры» от Майкова до Голенищева-Кутузова⁵ действительно теряли форму, действительно обнаруживали в своем «идеализме» какое-то неблагополучие.

Форма есть функция содержания — так кто-то сказал, кажется. Это очень удачное определение.

Если первая задача в искусстве получить дар выбора, нахождения действительно ценного для человека в человеческом хламе, то вторая — найти для этого ценного адекватную форму. Форму, вырастающую из содержания. Но, возможно, что здесь, по существу, и нечего «искать». Если форма есть функция содержания, то она вырастает так же естественно из содержимого, как огуречная кожа из огуречной сердцевины. У поэтов 80-х и 90-х годов не потому форма была бедна, что они были сами необразованные люди, а потому, что их содержание было бедно и из этой их идеалистической бедности выростала бедная форма.

А потом, что такое «форма»? Ведь это тот же вопрос об истине. У Майкова, энциклопедически образованного, есть полное разнообразие всех формальных красот от гекзаметра до экспромта в альбом, и, однако, совершенно неграмотный поэтически Тютчев кажется рядом с ним богачом и по форме. Да что Тютчев: это пример слишком большой. Какая-нибудь народная песня или (для меня!) вальс «Дунайские волны» или «На сопках Маньчжурии» дают человеку гораздо больше и формально, чем многие изысканные и образованные романы Франса или Золя.

Когда человек слышит романс «Я помню чудное мгновенье» — в человеке открывается что-то самое его драгоценное, тогда какое-то его «чудное мгновенье». Каждый человек есть несвершенное чудо, и у каждого человека есть минуты, когда он плачет об этом чуде, о том, «что могло бы быть, да не вышло». Вот искусство — от Бетховена до «Дунайских волн» — и способно приводить к человеку эти минуты, открывать среди его ночи золотые звезды. У Фета есть где-то такие строчки о звездах:

Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день⁶.

Ужасно, когда искусство начинает стыдиться этой величайшей и единственной своей цели.

Конечно, у искусства есть свой, ему присущий язык и своя техника, но много говорить об этом — все равно что ломиться в открытые двери. Важно другое: «И вырвал грешный мой язык, и празднословный и лукавый»⁷.

Как нет «вообще» человечества, а есть хорошие или плохие люди и каждый человек то хорош, то плох, так нет и «вообще» искусства, а есть хорошие или плохие, нужные или ненужные выражения особого человеческого творчества, условно называемого искусством. Важно не потонуть в этом многообразии, в этой разноголосице, в этом шуме слов, выработать в себе чувство выбора, смелость выбора, уметь выбирать жемчуг из мусора и не бояться. Например, сказать, что для человека некоторые рассказы

Д. Лондона нужнее и драгоценнее 2-й части Фауста. (Это, конечно, в отношении Д. Лондона и Фауста мое индивидуальное мнение и я его не навязываю, но здесь важен принцип: чтобы не было раболепства в искусстве, чтобы в нем не было фетишизма.

Софокл и особенно (по-моему) Эсхил действительно жемчуг, и я когда-то их много читал.

Кстати, если ты читаешь греческие трагедии, тебе необходимо прочесть «Рождение трагедии из духа музыки»⁸, эта книга есть где-то на полке у т<ети> Маруси⁹. И потом походить на хорошие московские концерты, послушать побольше и Шопена, и Грига, и Бетховена.

Ну, кончаю, и прости за общие места. Так что-то разговорилось: сегодня суббота, вечер, и высказал совершенно несвязно, но основное вот что: любить искусство надо так же, как любишь людей, т<о> е<сть>, любя, не воспринимать их недостатки, не мारаться их грязью и в то же время быть всегда готовым преклониться святости.

Крепко целую тебя, дорогой мой. Рад за маму, что она опять начинает работать литературно¹⁰. На т<етью> Марусю нисколько не обижаюсь, что она мало пишет, и очень ее люблю.

Всех вас целую, мои дорогие и любимые.

Пиши, Николаша, будь здоровым и терпеливым к отцовским рассуждениям. Твой п.

№ 3. Н.С. Фуделю

27 IV 1947 [Миңусинск]¹

Дорогой мой Николаша,

посылаю еще одно рассуждение об искусстве, если у тебя есть время, чтобы его читать. Спасибо за письма. От мамы тоже получил и так обрадовался. Доехала ли Машенька?² Я живу по-прежнему, здоров и благополучен.

Целую тебя, мой хороший.

П.

27.IV.47

Ты говоришь, что «от искусства мы ждем и получаем 2 вещи: разуму новые мысли и сердцу новые чувства. Что же нужнее?»

Но разве нам нужны «бесчувственные» мысли? Или разве не пустота в «бессмысленных» чувствах? Дело-то именно в том, что такого желания нет, оно искусственно. Все истинное и ценное — удовлетворяет одинаково и одновременно и разум и чувство.

Я знал одного крупного ученого-философа, который набрасывал черновики самых лучших своих работ, сидя с блокнотом и карандашом на концертах или дома во время фортепьянной игры. Музыка, непосредственно действуя эмоционально, одновре-

менно и с исключителной силой зажигала остроту ума. Я сам видел, как он сидел и писал, торопясь, ломая карандаш, стараясь успеть записать то, что ему нужно, пока горит огонь, зажженный музыкой, не фигуральный огонь, а нечто вполне реальное, — пламя осветившее потемки его мозга.

Это я говорю в защиту «Дунайских волн». Я совсем не хочу быть просто парадоксальным. Мысль и чувство условно могут быть разделяемы только на каких-то низших стадиях или функциях их действия: сообразить решение шахматной задачи — это мысль, облизнуться при виде горячего сладкого какао — это чувство. Но на высших ступенях человеческой деятельности этого деления нет. Там начинается начало уже совсем иных законов, приоткрывается дверь в иные измерения, и там на пороге иного мира, о котором мы только догадываемся и совершенные формы которого мы только предчувствуем в своих снах и несовершенных образах, там — начинается иное соотношение ума и сердца. Ум становится теплым, а сердце умным. Ум и сердце становятся Разумом, Мудростью, единым горящим органом познания.

Где эти высшие ступени, — этот порог и кто достигает его? Здесь имя, установившаяся репутация «большого писателя» равно ничего не значат. В том-то и дело, что мы часто внешнее мастерство отождествляем с гениальностью, красоту подменяем красотью, мудрость ловкостью. Энциклопедичность знаний еще далеко не говорит об уме. Точно так же и одна безупречная красавица или остроумность формы данных произведений искусства еще совсем недостаточна, чтобы эти произведения были нужны человеку. Из поэзии можно было бы указать на пример Бальмонта.

Его форма безупречна, но кому он нужен? А фетишизм в искусстве требует, чтобы я почитал Бальмонта больше многих неизвестных, не составивших имя поэтов. Точно так же бывает и в прозе, и в музыке.

Вот я и считаю, что здесь не должно быть никаких «имен» или, вернее, что у каждого «имени» могут быть и великое и действительно ничтожное, ненужное, в том числе — (и это самое важное) — ненужное, сделанное с величайшим мастерством. Таким мастером ненужностей был иногда Брюсов, такими мастерами были многие французы.

К искусству надо относиться, с одной стороны, строже, а с другой стороны, проще, т.е. без всякого подобострастия и совершенно самостоятельно, «не взирая на лица». Для этого, между прочим, необходимо осознание того, что искусство не есть какое-то жертвоприношение «единственного и его собственности», не есть акт только в художнике совершаемый, а есть нечто совершаемое художником для других и с другими, с чита-

телями, слушателями, зрителями. Художник — это человек, устроивший пир и призывающий на него всех своих друзей, и вот каждый участвующий в пире, хотя он и не устраивал его, соучаствует во всем, он во всем равноправен в этот час со своим хозяином.

Читатель, принявший так высокое произведение прозы, становится действительно равноправен художнику.

А если только так и можно и нужно принимать искусство, то только такие вещи необходимо принимать, которые будут нужны душе.

Если же я по запаху блюд на столе понимаю, что это будет не такой пир, о котором сказано:

«Кончен пир. Умолкли хоры.
Опорожнены амфоры.
На главах венки измяты.
Лишь курились ароматы
В опустевшем темном зале.
Кончен пир. Мы поздно встали.
Звезды на небе дрожали.
Ночь достигла половины»³, —

если не такой, то я предпочитаю черный хлеб своего одиночества и «безыскусственности», скверным консервам в хорошей упаковке и с звучной фирмой изготовителя, что хотя и на этой пирушке, <по> общему закону соучастия, я буду «равноправен художнику», но в данном случае я совсем не хочу этого равноправия, так как потом у меня будет болеть живот. В этом и заключается простота в отношении к искусству, отсутствие провинциального подобострастия. Раз я «соучаствую», то я кровно заинтересован в том, чтобы соучаствовать в хорошем, в здоровом для желудка.

Подобострастие к именам, наша неразборчивость к еде, которую эти «имена» предлагают, в нас весьма сильна. Я потому об этом много пишу, что сам часто ловлю себя на том же. Недавно я обедал в одной чайной. На стене вижу картину, большой холст в полстены, — «Лес» летом. Взглянув первый раз, я стыдливо отвел глаза: «трактирная живопись». Потом взглянул еще раз, потом еще раз. Чувствую, что меня что-то поразило. Да ведь это уже большое искусство! — Вдруг, как бы очертя голову, я бросился против рогатки предрассудка, что здесь может быть только «трактирная живопись». Я чувствовал, что мне внутри надо было сделать какое-то резкое усилие, чтобы освободиться от рабства установившимся понятиям и свободно предаться созерцания этого «Леса».

А «лес»-то все-таки был «трактирный», это было очевидно по

разным техническим деталям. Но я сидел и смотрел на него как на откровение. Это было хорошо, это давало сильнейшие ассоциации, это, как музыка, зажигало в потемках какой-то костер и делались видны предметы, это было — искусство.

Вот, подумал я в итоге, это не то что «Лес» Шишкина, ничего не говорящий и ничего не освещающий. Потом подошел к картине поближе: в левом углу подпись: «С картины Шишкина рисовал Замараев». Вот тебе на! Тут сразу две проблемы: во-первых, наличие искусства в трактирной оболочке и, во-вторых, преображение Шишкина, прибавление к нему того, чего у него не хватает до уровня настоящего искусства. О второй проблеме надо писать отдельно, это проблема недопустимости реализма как «вещи в себе», реализма самодовольного и слепого. Но сейчас вспоминаю эту картину в связи с моим убеждением в том, что нет искусства как специальной профессии или касты высококвалифицированных мастеров, а есть общий для всех и доступный для всех переход в другую комнату, где приготовлен пир. Только, к сожалению, и здесь «много званных, но мало избранных»⁴.

Мы все и ничтожества и величайшие художники, мы все «бьемся на пороге двойного бытия»⁵, с одной стороны, шум, гам и дешевые консервы жизни и дешевого искусства, а с другой стороны, какие-то голоса и слова из мира иного, еле слышные, пугающие и даже раздражающие, и в то же время заставляющие гореть сердце. Я могу не идти на их зов, но могу и идти. Я тоже зван. И если я иду, я встречаю там все подлинное, что сделали люди, что написали в своей темной жизни, предчувствуя свет. Тот мир переживаний, который доступен мне как не-художнику, ничем не отличается от того же мира художника. Творчество в жизни то же, что творчество в искусстве. Если я ниже Пушкина, то не потому, что я не умею писать стихи, а потому, что я не хочу достигать той мудрости, той простоты и покоя, которые были в какой-то степени в Пушкине. А если я хочу и если я достигаю, то мне нечего ему завидовать, так же как и ему мне.

Важно, следовательно, не уметь «писать», а уметь жить. Если я умею «писать», но не умею «жить», то я ничтожество. И вот, к сожалению, громадное большинство писателей только «писало», а писать легче всего.

Между прочим — это, так сказать, в скобках, — заметь одну интересную вещь: мужчины очень любят искусство и с ним очень много носятся, а женщины — нет или гораздо меньше. И я думаю, что это не столько потому, что мужчина, как творец, создатель, ищет формы для творения, сколько по той причине, что женщина глубже, сильнее мужчины любит жизнь, и ей хотелось

бы, чтобы мужчина творил, был творцом именно в этой жизни, в самой жизни, а не в мыслях, только предчувствиях и проекциях. Женщина хочет, чтобы мужчина был воином, а не поэтом, ибо воин побеждает жизнь. Женщина понимает больше мужчины, что творчества требует прежде всего жизнь, что нам никуда не нужно от нее уходить, и ничего не надо писать или рисовать, чтобы сделаться великими художниками жизни и преобразать ее своим творчеством.

№ 4. Н.С. Фуделю
4 VIII [1947, Минусинск]¹

Дорогой мой Коленька.

Спасибо тебе за письма и прости долгое молчание. Ты очень хорошо и правдиво описал свое пребывание в горах². Я точно сам опять побывал там. Кавказ я видел 27 лет тому назад³. А все-таки ты заскучал под конец, особенно когда дождь и туман начались. Вот в том-то и дело, что и у природы, как и у человека, два лика. Помнишь у Тютчева:

«Над этой бездной безымянной
Покров накинут златотканый
Высокой степенью богов».

«Но кончен день. Настала ночь.
Пришла и с мира рокового
Ткань благодатную покровы,
Сорвав, отбрасывает прочь»⁴.

Здесь тоже горы, но маленькие, бесцветные и только отражающие горизонт, а не поднимающие его. Впрочем, это, кажется, начало каких-то великих гор.

Ты теперь, наверное, с головой опять в ученье. Вот и второй курс!⁵ Так незаметно все идет. Хотя о себе я этого не скажу: для меня время тянется долго, но это понятно. Мне надо совершенно свыкнуться с мыслью о том, что я должен жить один, и не год, и не два, а может быть, и до конца жизни. Если эту мысль принять как нечто естественное, как нечто такое, что находится в каком-то плане жизни, то можно не замечать времени и здесь. Работаю я хоть и не так много (вечера свободны), но все-таки и это отвлекает от всяких дум. Чувствую я сейчас себя хорошо, к врачам не хожу, вот есть стал больше и лучше, и это сказывается. Как Машенька? Напиши мне, какая она, что делает, чем живет, не обижает ли Вареньку. За маму радуюсь, что она опять с работой и голова ее занята. В будущем году обязательно надо было бы нам с ней повидаться, но надо еще пережить зиму, так что нечего об этом думать.

В этом году, конечно, никому не надо приезжать. Да вообще сюда приезжать есть расчет только летом или в начале осени.

Целую тебя, мой хороший.

Твои слова мне о недопустимости уныния вообще-то правильны, хотя некоторые вещи и чувства трудно оценить и измерить, особенно издалека. Но в общем, конечно, нужно жить так, чтобы всегда как бы улыбаться жизни, слезы ничего не доказывают или же они есть такое же частное дело каждого человека, как его зубная щетка (перефразируя Генри)⁶.

Кстати о Генри. Тебе нельзя заняться специально американской литературой в своем институте? Или для этого надо знать и язык?

Пришли мне, бандеролью, что-нибудь почитать из английских книг, а то я все забуду, очень тебя буду благодарить. Интересный роман какой-нибудь.

Твой папа.

№ 5. Н.С. Фуделю

3 X 1947 [с. *Большой Улуй*]¹

Спасибо тебе, дорогой мой, за твое письмо, за любовь и заботу обо мне. Слава Богу, я сейчас чувствую себя совсем хорошо, весь сентябрь наслаждаюсь здоровьем, чудесной золотой погодой и большим количеством еды.

Ем я сейчас очень много, слушаясь мамы, которая мне велела есть.

Рад, что ты опять в занятиях, это, конечно, и труд и отдых. Тургенев — интересная тема, если разбирать его не самого по себе, а по его влиянию на позднейшую литературу. Толстой и Достоевский были «сами по себе», а от Тургенева вышел Чехов, давший «стихотворения в прозе» на все темы жизни. «Сам по себе» Тургенев интересен в маленьких повестях и в его загадочном романе с П. Виардо.

Я — увы — ничего не читаю. Жду от тебя обещанного романа, но главным образом жду, когда найду ламповое стекло (7 лин.). Очки стали слабоваты, надо менять номер, это будет, но здесь это невозможно.

Иногда пропадаю от скуки и тогда иду в кино, мелькает что-то перед глазами — и ладно. Впрочем, недавно видел хорошую картину: «Весна». В ней Москва и бодрость простой, хорошей жизни. Я бы очень хотел и того и другого. Очень радует, что мама и девочки здоровы. Как мама провела свои именины², подарил ли ей хоть кто-нибудь что-нибудь?

Прошу тебя: заставь ее для меня сняться с Варенькой. Я их карточек не имею. Маша прислала свою со стриженной головой.

Неужели Макс³ женился? Безумная девушка — его жена! Впрочем, если, как я слышал, он помогал вырыть картошку в Загорске — я начинаю верить в чудеса и жму ему руку.

В общем, я его люблю и искренне желаю им счастья и долгой молодости.

Мама мне писала, что старости вообще нет. Это правда. Когда я сыт и спокоен, я совсем не знаю, что мне 46 лет⁴.

Сейчас здесь замечательная осень, небо безоблачно по-азиатски. Но это, конечно, «последнее прости». Я писал маме, что зимние вещи, шуба и пр. у меня все есть, за исключением тепл<ых> носков, так что пусть не беспокоятся. Так же пусть не беспокоятся, если будут перерывы в письмах. Здесь мостов нет и распутица ранняя.

А Варенька болела, бедненькая. Я очень рад, что она похожа на тебя.

Целую тебя, дорогой мой.

Еще раз спасибо за письмо и любовь. Твой п.

№ 6. Н.С. Фуделю

10 X / 1947, с. *Большой Улуй*¹

Дорогой мой и милый Николаша.

Попал я на такую службу, где работают и днем и вечером, возвращаюсь домой к 12 ночи, так что нет времени на письма, и сейчас пишу во время ночного дежурства, сидя здесь, в конторе. Но выбора здесь нет, можно остаться и совсем не у дел. К тому же такая нагрузка, по-видимому, временная и с ноября будет легче. Писать же письма хочется, так как все-таки это тот же разговор. Я послал уже тебе открытку с извещением о получении твоего письма с карточкой, и, кажется, больше чем на открытку меня сейчас не хватит: голова такая усталая, что ничего не хочет думать, а хочет только стакана крепкого чая за т<ети> Марусиным столом. Правда ли, что ее здоровье сейчас не внушает опасений? Бывают ли сейчас у нее припадки? Собирается ли она опять в Загорск? Она писала мне сама, что, пока она жила там, ее здоровье было гораздо лучше.

Карточка твоя хорошая. Где это тебя снимали? У исторического Сережи?² И почему же все-таки никак нельзя снять маму с Варенькой? Ведь я их 2 $\frac{1}{2}$ ³ года не видел тоже и не имею их карточек. Но это между прочим: может быть, мама почему-либо не хочет сниматься. Часто ли ты их видишь?

Вот сколько вопросов! И на все, пожалуйста, отвечай. Так приятно получать ответы на вопросы, заданные в уже давнишнем письме. Я здесь сейчас в еще большем одиночестве, хотя чувствую себя не плохо, не мрачно и нашел много отрадного для души: пока

было тепло (почти месяц), дивный осенний лес, хорошую комнату. Здесь уже натуральная Сибирь. В Минусинске было больше Ср<едней> Азии, горы, арбузы, пески, дикая жара, ветры, степь. Здесь лес, и лес, и лес, и в нем тихие реки, и озера, и болота, и опять лес: сосны, березы, осина, дикий шиповник. Летом будет еще дикая мошकारа. Я ее в первый раз буду испытывать и уже представляю: как-то в середине сентября, в теплый день она налетела, когда я копал картошку, и я белого света не взвидел. Говорят, сетки не помогают, и лучше уже покорно предоставить свою плоть на съедение или же мазать лицо дегтем. Пока что я мажу им сапоги.

Деревня большая, грязная, но красиво лежащая над большой рекой. Есть три-четыре учреждения, и по субботам и воскресеньям показывается кино; есть даже танцы под баян и во многих домах хриплое радио. Книг мало, но еще меньше керосина, без которого они вещь бесполезная. Впрочем, я достал себе немного. Читать мне что-то не хочется. Читал ли ты «Семейное счастье» Толстого?⁴ Очень хорошо.

Есть ли у вас в ин<ститу>те⁵ такая тема: техника письма Достоевского? Техника его литературного почерка, его стиль, форма.

О реализме в искусстве я ничего не смыслю. Для меня вполне «реален» Эдгар По.

Что касается Гофмана, то я читал его мало, но то, что прочел, меня утомляло и казалось ненужной фантастикой.

Один старичок-садовод пел мне иногда в Минусинске по моей просьбе: «Не искушай меня без нужды»...⁶ и это я почитал за высокий реализм и за большое наслаждение, тем более потому, что исполнителю было 74 года и он был очень милый человек. «Романсы на слова поэтов» — это могло бы быть хорошей литер<атурной> темой.

Впрочем, я думаю, что по этой части абсолютно все изучено и все, так или иначе, сказано. Умнее и лучше не скажешь и никаких америк здесь не откроешь.

Техника стиха сейчас достигла большого совершенства. Я как-то в «Комсомольской правде» прочел десяток стихов выпускников Литературного института. Там преподавателем по стихам Пастернак⁷, стихи которого мне нравились еще 25 лет назад. Нельзя не видеть, что это совершенство не случайно и должно быть дорого для всех. За тысячелетия литературной истории слова действительно превратились в затертые монеты, т<о> е<сть> обесценились от бесконечного и нетворческого, недобросовестного, лицемерного употребления. Особенно это относится к эпитетам. Попробуй-ка в стихах подобрать к слову «ночь» эпитет, который не был бы банален, т<о> е<сть> не затерт, т<о> е<сть> не импотентен.

Если Лермонтов или Тютчев хотели сказать: «ночь хмурая», то для того, чтобы этот эпитет прозвучал, они его усилили:

«ночь хмурая, как зверь стокий,
глядит из каждого куста»⁸.

Символисты наивно думали, что для нового озвучания слов их надо писать с большой буквы. Дело, конечно, не в этом.

Надо в себе самом полюбить и родить слово. Для этого, наверное, надо прежде всего замолчать и говорить как можно меньше всяких слов.

Слово должно обладать властью, и эта власть идет от внутреннего богатства человека.

Я думаю, что действительно серьезное и глубокое освоение литературной науки ведет все к той же области: внутреннего совершенствования. Только это очень окольный путь.

Целую тебя, мой милый.

«Давно все сказаны слова.
Устали жить они на свете.
Сгорела легкая трава
В жестоком пламени столетий.
Но иногда под бой часов,
Я слышу дальнейшее движенье:
Слов небывалых приближенье,
Как будто шорохи шагов»⁹.

Это я сейчас вспомнил свои старые стишки, как раз на тему этого нового разговора.

Еще раз целую и иду выбирать стол поудобней, чтобы разложиться на нем и спать. «Ночь хмурая» смотрит в окошки (их целых 5).

Твой п.

№ 7. Н.С. Фуделю
30 X [1947, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой сынок.

Опять порадовался твоему письму. Пишу мало сам, так как и работа, и разные хлопоты, и беспокойства. Ведь письмо тоже, как стихи, требует известного покоя. Рад тому, что ты пишешь о маме. Дрова в Загорске меня, конечно, беспокоят, да и как же иначе: дрова там все. Представь себе, если Варенька мерзнет! Варенька — это мой ничем не прикрытый кусок сердца. Помогать отсюда я ничем не могу, тем более что за последнее время мое материальное положение ухудшилось, я лишился одной работы, самой большой. Хотелось бы подольше сохранить Вареньку в За-

горске. Это ее дом, она там родилась и провела свои первые 6 лет, в счастливом одиночестве².

Мое одиночество менее счастливо, и я его (это одиночество) ненавижу. Настроение у меня хорошее, есть еще сколько-то бодрости, но если бы ты только знал, как я страдаю от того, что я один. Это, наверное, у всех людей на склоне лет. Это тургеневские «вешние воды», и «розы»³, и вообще вся тоска стареющего человека в пустыне жизни. Разница только, что Тургенев тосковал в теплом кресле, а я пишу это письмо при моргаске⁴ и хотя вы все живы, но я вас не вижу и не знаю — увижу ли. Повторяю: у меня совсем приличное настроение, особенно когда есть приличная папироска, и об этой части своих чувств я пишу как бы отвлеченно, как врач, констатирующий наличие скрытого нарыва. Конечно — пес с ним, с нарывом, пусть будет, если уж иначе нельзя, но написать о нем можно, поделиться. Сакулина⁵ я не читал и читать не очень желаю, а над какими-то повестями Тургенева и я когда-то пролил слезу. Жалостливо писал, старик!

Между прочим: в основе многих его сюжетов лежит древняя тема — упущенного счастья. «Могло бы быть, да не вышло». Это основной стержень «Евгения Онегина», где эта тема дана с потрясающей драматической красотой (вспомни сцену последнего разговора Татьяны), и здесь интересная параллель не только с «Вешними водами», но и с другими вещами. Потом у Тургенева интересны сны.

А я снов почти не вижу. Зато от этого идиотского одиночества привык разговаривать сам с собой, лежу по вечерам на кровати и разговариваю как дурак.

Для изучения не творчества, а личности писателя, конечно, в первую очередь ценны его письма, дневники, записки о нем и его, весь комплекс, я бы сказал, «бытовой биографии». Дело в том, что, по старому афоризму, «поэты слишком много врут», и хотя и в жизни они врут, но уж особенно врут в писательстве. Бумага все стерпит, а в жизни-то соврать труднее: глядишь, жена может поленом ударить или друг может обидеться, а я, скажем, не хочу, чтобы он обижался и т.д. Но это тема долгая и забираться в нее я не могу. Целую тебя, дорогой мой. Целую маму, и Машу, и Вареньку, и тетю Марусю. Я очень люблю всех вас и остаюсь ваш — покорный слуга, а твой к тому же папа.

№ 8. Н.С. Фуделю
19 II [1948, с. Большой Улуй]¹

Дорогой мой Николаша.

Твое письмо шло ко мне всего неделю и особенно меня порадовало. Я последнее время был точно болен какой-то нервной

болезнью, много страдал, беспокоился, терял себя. Кажется, это все проходит, и в этом есть и твое участие: твои письма и ощущаемая мною через них забота и любовь. Так страшно — терять себя. Для каждого есть свой духовный минимум, которого нужно держаться и не выплескивать его в собственную помойную яму.

Спасибо Марусеньке за ее письмо через тебя. Конечно, всегда нужно писать правду о ее здоровье. Хорошо, что ты препятствуешь приходу к ней всяких знакомых. Я думаю, тишина и одиночество ей очень нужны. Вот и для нее, значит, ты уже что-то делаешь. Мама пишет, что ты прожил там каникулы и что она была так рада. Об устройстве дома я ей напишу, спрошу об этом. Я ведь совсем не в курсе всех этих дел в подробностях; конечно, надо было бы устроить кухню, тогда помещение было бы достаточно, но как мыслимо достать стройматериалов? Значит, Варенька поправилась и порозовела?

Читал недавно Лескова в издании, кажется, 1945 года², замечательные у него есть вещи: «Запечатленный Ангел», «Однодум», «Кадетский монастырь». А в его «Леди Макбет» есть место, страшнее которого, по-моему, нет в русской литературе. Это эпизод удушения маленького купеческого мальчика, когда «ставни оттаяв, потекли и заплакали».

Читал я еще биографию Суворова, какие-то астрономические книжки, книгу о Шекспире.

Тютчева я люблю. В его «Мурановском» музее его, конечно, нет ни на копейку (кажется, мы с тобой туда ездили?). О нем вообще толком ничего не известно. Нет ни одной значительной книги о нем и его творчестве. Кажется, только Брюсов или кто-то еще в журнале «Весы» (начало 900-х годов) писал о нем интересные статьи³. Между прочим, журнал «Весы» тебе как специалисту надо было бы посмотреть. Там же должны быть любопытные работы о Гоголе («испеленный Гоголь») ⁴. Тютчев, конечно, совсем не умел писать стихи и совсем об этом не беспокоился. Он находил, что сама жизнь есть поэзия и что наша задача не в том, чтобы писать, а в том, чтобы Слушать. Поэтому, лишенный литературного тщеславия, он смог, как никто из литераторов, услышать голоса природы и ночи, т<o> е<сть> вещей серьезных, не терпящих тщеславия профессионального писателя. Из биографии я знаю только книжку, кажется, И. Аксакова⁵, женатого на его дочери, она была где-то в моих книгах. Были еще какие-то работы Дарского о «Космическом сознании у Тютчева», я их не читал, но предполагаю, что это только ходульная болтовня на тему о «раздвоении сознания», о пресловутой проблеме «дня» и «ночи»⁶. Тютчев нам дорог именно потому, что он зовет не писать, но слушать, творить свою собственную жизнь. Лучшим

учителем в этом творчестве жизненной поэзии для него была его способность ощущать вечные корни жизни, первоисточник ее и устье, в которое она впадает. Это он называл «ночь». Она не была страшна ему, хоть он и писал: «вот отчего нам ночь страшна»⁷, или, если и «страшна», то еще более нужна, абсолютно необходима, как живое дыхание вечности.

У него особенная любовь к двум цветовым эпитетам: к черному и золотому, т<o> е<сть> к солнцу и ночи, и, я думаю, практически он сочетал в себе то и другое начало. Дух человека, сумевшего их сочетать, испытывает состояние блаженства, и тогда ему все равно — хорошие или плохие стихи он пишет.

(Средь суеты дневного круга
Ночь — неразгаданная Мать —
Рукою благодного друга
Нас учит жить, любить и знать.)

(Это выскочило из какого ящика памяти)...⁸

Но чем меньше человек «знает» о своем знании, чем больше он теряет своих полунаписанных стихов, как это делал Тютчев, тем лучше для него и для мира. Истинное знание есть «знающее» бытие, а не проекция ума, жизнь, а не теория о жизни. Поэтому был мудр «Однотум» Лескова⁹, гораздо мудрее автора, который, судя по биографии, был в жизни несносным, иногда просто плохим человеком. Эти все авторы только мечтали о целостности своих однотумов, а жизнь проходила мимо, пока они мечтали и ссорились с своими близкими.

Еще раз спасибо тебе, дорогой мой Николашенька, за письмо. Ношу его в боковом кармане, как грелку, для согревания души. Целую крепко Марусю. Твой п.

Муню целую.

№ 9. Н.С. Фуделю

21 IV [1948, с. *Большой Улуй*]¹

Спасибо, дорогой, за письмо от 10 IV. Оно меня порадовало и кой-чему научило. Ты прав, когда укорил меня за боязнь «пустоты». Какая действительно может быть пустота, когда любишь и тебя любят, и какое может быть одиночество, когда кругом тебя дети и люди, ожидающие твоей любви. Ты прав, дорогой мой мальчик. Эти мои мысли от «самосожаления», которое недостойно мужчины и человека, это «лишнее» чувство.

От мамы приходят иногда письма, и очень хорошие. Мне кажется, что дома все спокойней стало и как-то легче. А сколько же у тебя курсов, я так и не знаю. Материальная часть меня беспокоит. Как ты сейчас живешь, как мама с девочками? Ты понима-

ешь, что это беспокойство обостряется тем, что я знаю не только свою бесполезность в данное время, но почти такую же бесполезность и в будущем.

Я не мог не улыбаться сочувственно, когда читал твои строчки о весне, о небе и о «25 годах»².

То, что ты передал мое письмо т<ете> Марусе, это хорошо.

Ты велишь мне больше писать, а я как раз наоборот — последнее время с громадным усилием сажусь за письмо; хотя писать хочется, но такое чувство, что:

взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи³.

И действительно, ничего складного не получается и не пишется. Я еще физически себя чувствую неважно, по-весеннему, хотя бывают дни, когда точно возвращается молодость.

Я послал т<ете> Марусе письмо к ее именинам — получила ли она?

Крепко тебя целую, дорогой мой, целую мою Марусеньку.

Твой п.

Будь спокоен за меня.

Жизнь переживается с трудом, но все закономерно и никакого безумия или неприятия жизни у меня нет.

Надо бы, конечно, мне поскорее к маме, помочь ей хоть в том, чтобы накосить сена, набрать дров, побыть с девочками. Но Бог лучше знает, где кому быть.

№ 10. Н.С. Фуделю

22 IV [1948, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой Коленька.

Я приехал из командировки и нашел у себя твое письмо — это было очень приятно. У меня теперь есть отдельная комната, то, что ты называешь «мансардой»: на втором этаже, очень маленькая, очень солнечная, с кроватью, столом, табуреткой и книжками. Ваши карточки висят на стене у стола, который у окна, из окна виден «за-город» — лес и горы, словом, как раз для одинокого и неудачного философа. Книжки, которые стоят у меня, должны были бы тебя разочаровать — все больше насчет гражданского права и законов о труде: ничего философского и очень мало литературы.

Настроение у меня ровное, хорошее, часто веселое, но временами отвратительное. «Настроения» вообще имеют люди, не имеющие постоянного или никакого «строя», поэтому они все время «настраиваются», как балалайки, на всякие лады. Я, к сожалению принадлежу к ним, хотя и мечтаю о строе. У тебя его больше, чем у меня, по природе.

Маму и мамину логику не суди никогда и ни в чем. Это тебе мое слово. Меня судить можешь и должен: я знаю, ты меня любишь и поймешь, т<о> е<сть> не обидишь. И маму ты любишь, возможно, даже больше, чем меня, но понять ты ее не сможешь. Ее брак с одним человеком, честно говоря, для нее несчастен. Есть, конечно, браки еще гораздо более несчастные, но от этого ей не легче. Каждому человеку своя мера. Те внешние и внутренние несчастья, которые переживала мама с своим мужем — выше ее меры.

Что касается вообще «мер» — то все меры равны, но все разные, и человек высшим Судом судится не по достоинству «мер», а по тому, как он свою, эту данную ему меру, пережил и вытерпел.

Мама «переживает» ее так хорошо, что да хранит ее Бог всегда и во всем, и прежде всего в вашей к ней любви и поддержке.

Кстати, не можешь ли ты, когда поедешь к ним в ближайшее время, захватить чей-нибудь фотоаппарат и снять маму и Вареньку, отдельно и вместе. Я уже год прошу этого, но голос мой как в пустыне. У меня есть карточка тебя и Маши, но нет ни единой современной Вареньки и совсем нет мамы. Сделай, дружок!

Почему-то я особенно воспринимаю то, что совершается с т<етей> Марусей: вот я опять все о ней беспокоился, ничего не зная, а сегодня в твоём письме прочел, что она болеет или болела сердцем.

Ей надо долго, долго жить, не для нее, конечно, а для того, чтобы нам всем было теплее в мире. Это создание тепла для нас — ее крест, а наша радость.

Я рад, что у тебя пока нет планов на женитьбу. В этом, может быть, мой отцовский эгоизм, но, кроме того, я уверен, что жениться надо как можно позже. Как Джулиан Форсайт средний женился на Ирэн².

Кстати я вчера прочел «Конские сады» В. Козина и его же «Лошадям нужен овес»³. Очень, по-моему, хорошо написано. Знаешь ли ты? Ты ведь все теперь по этой части должен знать.

Но, впрочем, грамм<атические> ошибки и у тебя попадают: ты пишешь: «дом покоситься на болоте». Мягкий знак, по-моему, нужен только в неопределенном наклонении, а по контексту здесь будущее время.

О свидании с вами не мечтаю. Т<о> е<сть>, конечно, мечтаю, но это плохо, т<ак> < как> это ложные мечты. Я говорю не о конце срока, а о более скором свидании. Лет 20 тому назад у мамы были бы силы приехать ко мне летом, но сейчас это для нее неподсильно. Дело даже не в деньгах, я бы накопил на дорогу, а в трудностях дороги — 6 суток.

Через 2 1/2 недели Пасха⁴. Скажи т<ете> Марусе, что в Страстные неделю и на Пасхе я часто буду с нею и сам буду чувствовать ее любовь.

Целую крепко тебя, дорогой.

Твой п.

Не забудь о фотокарточке.

№ 11. Н.С. Фуделю

9 VI [1948, с. *Большой Улуй*]¹

Ты меня очень порадовал, дорогой, твоим письмом от 27 V, описанием дома, Вареньки, да и тем, что ты пишешь о себе, хотя здесь радость, конечно, смешана с заботой и тревогой. Почему радость, когда ты пишешь о своем страдании, о напряженности, душевной боли?

Я спрашиваю это сам себя и сам для себя не нахожу точного ответа. Мое нутро болит за тебя, сострадает с твоим, хотя и не зная ясно причин, но наряду с этим или именно благодаря тому, что ты страдаешь, я узнаю, я удостоверяюсь, что ты живешь.

Прости, но такие трудные вопросы можно совсем запутать, если что-нибудь не поймешь от другого или скажешь что-нибудь неосновательно парадоксальное или слишком отрывочное. Отсюда частые недоразумения при переписке даже очень близких людей. Поэтому, если я сейчас говорю «не в точку», не досадуй. Я вообще никуда не годный учитель и советчик и анализировать не умел никогда, ни в себе, ни в других, в смысле реальных жизненных оценок.

Ты желал бы, ты пишешь, быть похолодней, поспокойней. Тебе только 24, мне 47 лет². И вот я могу сказать тебе, что еще вот теперь, в 47 лет, такие бури страданий иногда треплют меня и, кроме того, такие бури страстей. Что это тебе? — ты скажешь. То, во-первых, что знание этого дает ощутить себя не как исключительность, а как закономерность, то, во-вторых, что тебе еще рано «холодеть», то, в-третьих, что никогда «холодеть» не надо. Конечно, «холода» бывают разные, в том числе и «осеннего золота лип»³. Но это не холод, а величайший, выстраданный, благословенный покой завершающей себя жизни. Это последняя лебединая песня радостно умирающей твари — будь это человек или действительно липа или береза. Можно ли получить этот покой без страданий? Не знаю, я действительно не знаю. Я знаю другое: страданий надо мудро избегать, не надо навязываться на них. Вот все, что я знаю. Затем есть страдания ненужные, не обучающие, а только раздражающие и ожесточающие сердце. К их разряду относятся многие так называемые мелкие неприятности, как занозы влезające в плоть⁴ и не дающие покоя. Здесь много может помочь

простая человеческая тренировка себя, ежедневный труд над собой, сдержанность, скромность, чувство юмора и добродушие.

Но и здесь, и в мелочах, не нужно жесткости. Нужно другое — терпение. А в скорлупе жесткости не спасешься, если хочешь жить. Знаем мы этих людей, которые пытались залезть в скорлупу, как в орех, а потом все равно орех трескался, — или жена убежала, или карьера сломана, или сын обозвал последними словами и не дает на пропитание, или ногу отрезало поездом, или просто болезни, болезни, тление, тление, начиная от зубной боли и кончая раком печени, и смерть, смерть. Вот тебе и орех! Другой не вытерпит и сам себе смерть ускоряет.

Не о жесткости думай, а о выдержке. Дело, конечно, не в словах, но в оттенках слов.

Каждый человек в жизни должен быть солдатом, в том смысле и единственном, что он не должен дезертировать от жизни, должен быть мужественным и верным жизни до конца. А вера в жизнь есть вера в то, что, помимо страдания жизни, есть такой сад жизни, такое блаженство дыхания человеческой жизни, людских отношений, природы, искусства, человеческого сердца, «заранее торжествующего над смертью».

А «заноzy» надо вынимать, и, конечно, этому можно научиться. И большие страдания тоже надо лечить, чтобы они не мешали жить и работать.

Боюсь, что я опять пишу невпопад, больше о чем-то своем, а не о твоём. Тебе ужасно трудно жить. Я это знаю. Есть тяжести непереносимые, которые ломают хребет и человек делается калеккой. Но, кажется мне, что такие тяжести уже не испытание для очищения и выплавки золота в горниле, а уже начало возмездия за какое-то, какие-то в прошлом невыдержанные испытания, уже суд и возмездие, уже смерть. Да избавит нас от этого Бог. Мы надеемся на его милость, на его знание нашей немощи, на его помощь во всем. И действительно, эту помощь мы во всем получаем и радуемся каждой светлой минуте, каждому светлomu взгляду, и доброму слову, и каждому благополучию во всем. И разве мы знаем его пути? Вот больше 2 лет⁵ я тебя не видел, а вместо отчуждения или даже забвения я чувствую себя несравненно ближе к тебе, чем раньше.

Дорогой мой, целую тебя. Грамматические ошибки у тебя продолжаютcя (залла).

Твой п.

№ 12. Н.С. Фуделю

18 X [1948, с. Большой Улуй]¹

Сегодня воскресенье, я отдыхаю и сейчас под вечер пишу те-

бе и слышу за стенкой патефон с разными вещами. Одновременно левым глазом гляжу на твое последнее большое письмо.

О женитьбе я уже писал тебе как-то свой совет: если это возможно, не торопиться с этим до окончания вуза. Муж должен быть вполне жизненно на ногах. Что значит: «если это возможно»? Я думаю, это значит то, что, если возможно для человека держать в узде свои половые чувства, не внешне только, но по существу. Бывает так, что человек внешне как будто вполне морален, а если подсмотреть под его покрывашку, то оказывается он, как шипящий самовар, «уходящий» под трубой и брызжущий самыми темными половыми чувствами. Такой человек хуже всего: и для себя и для других. Ему надо немедленно найти хорошую жену, чтобы это неудовлетворяемое разжигание себя разрядилось.

Но есть и возможна узда настоящая. Человек, мужчина даже, вообще может жить и всю жизнь без этого, не впадая при этом (если у него есть воля и цель) ни в холостое разжение, ни в фари-сейскую добродетель. Тем более это возможно на время: на год, на два. О «добродетельности» я не сумею написать, так как это очень ответственный вопрос, но думаю, как отец — сыну, высказаться так: цель, смысл, и радость, и блаженство человека в том заключается, чтобы в нем, всегда по возможности, горел и сиял божественный дух, веселя и согревая его сердце. Для этого горения нужен «дом», форма, чтобы огонь не потух на ветру. Вот этой формой, домом, деревянными, ничего в себе самом не составляющими предметами, грубыми и дешевыми бревнами, досками и железными листами, и являются те качества человека, которые называются «добродетелями». Сами по себе они ровно ничего не значат, сами в себе они пустота. Представь себе построенный дом, но без жизни в нем человека, пустой, заколоченный. В народе говорят о таких домах со страхом. Так и моральные качества. Как дом не есть еще дом, пока в нем не живет человек, так и они, составляя только некую форму для обитания духа, сами по себе ничто, делаются «чем-то» только как жилище духа. По какому-то необъяснимым и в тоже время абсолютно понятным для нашего естества законам дух не хочет жить в грязном доме. Он хочет, чтобы доски и бревна и пол были чистые, выструганные волей и трудом.

Когда это так, он, как божественный странник, как косой луч солнца, стучит в окно и входит — божественный гость — и вселяется в доме. И тогда согревается вся утроба человека и сердце его расширяется и готово обнять весь мир любовью и всех звать к участию в своей радости. И вот получается, что «нравственное совершенствование» само в себе действительно ничто и в то же время оно нечто, т<ак> < как> без него не получить желаемого!

Слово «добродетель» потому и окорочено у нас, потому и сделалось действительно подозрительным словом, что люди забыли о цели построения дома, о цели добродетелей, т<о> е<сть> стали ценить их самих по себе слишком высоко. Слово «добродетель» вообще не должно было бы быть существительным. Надо было бы изменить его грамматику. Это не существительное, а глагол: добро делать — для себя самого прежде всего. Делать добро для себя — т<о> е<сть> засучить рукава, взять топор и рубить и тесать свой «дом», свое жилище духа. Это жаркая работа, и потому, если смыть всю вековую грязь, копоть и зарисовки со слова «добродетель», то там где-то, в сознании, оно начнет сиять, как золото, горящее и обжигающее.

Думаю также я, грешный человек, что к этому добро-деланию относится прежде всего не то, чтобы что-нибудь «не есть» или «не пить», но то, чтобы не нарушать каких-то законов отношений с другими людьми: не завидовать им, не ожесточаться на них, не сердиться на них, не замышлять против них ничего того, чего не желаешь себе, сострадать им в их страдании и помогать им по мере своих сил. Это основное. Ведь есть разные породы дерева для постройки. Есть елка, есть и благоухающий кипарис.

Какими же законами ведется эта постройка?

Думаю, что человек может всю жизнь не прочесть ни одной написанной заповеди, требующей ту или иную моральную чистоту, и в то же время знать их все. Он может только притвориться, что их не знает. Они написаны внутри человека, каждому по мере его уровня. А те, кто их, кроме того, читал, вдвойне блаженны.

Вот, дорогой мой, сколько рассуждений я тебе преподнес. Об этом обо всем очень трудно говорить, т<ак> к<ак> люди — и прежде всего «религиозные люди» — веками здесь путали, затемняли и приспособливали для своих личных целей. Потом трудно еще потому, что для того, чтобы получить удовольствие от плаванья, нужно научиться плавать. Для того чтобы понять вкус чистоты, нужно вкусить ее. И как для того, чтобы научиться плавать, говорят, нельзя бояться утонуть, так и здесь больше всего мешает страх и предрассудки.

Я обо всем этом пишу не из опыта, а по догадкам, по некоторым догадкам только.

Как ты живешь, как в институте, обошлись ли твои дела там? Ты что-то смутно писал о каких-то беспокойствах в связи с ним. Часто ли видишь маму? Конечно, часто ты и не можешь видеть. Я это спрашиваю, потому что за нее болит сердце. Она очень одинока и в одиночестве может быть ожесточена на него, на свои неоплатные труды, и ей твоя дружба была бы драгоценна.

Я иногда не надеюсь увидеть ее больше. Побереги ее. Конечно, может быть, мы с ней будем еще долго жить, а может быть, и нет. Бог знает. Я не в порядке меланхолии говорю это тебе. Работы у меня по-прежнему, с утра до вечера². Но я рад, что скоро опять начну получать какие-то деньги, накуплю себе меду и вообще растрачу их неблагодарно, например (иногда хотя бы) на папиросы. Ненавижу я все-таки эту махорку. Сейчас покупаю себе мясо, картошку, масло, хлеб, так что основное все у меня есть. Достал и керосину и сейчас вот пишу при лампе и полагаю, что жизнь моя достаточно благополучна. За окном осень, дождь, холодно, но теплое у меня все есть и теплый угол.

Целую, дорогой мой, тебя крепко. Сейчас вспомнил, как мама вырезала и рисовала тебе к елке в Манихине³ брусничных и черничных дедушек и пела «в лесу родилась елочка». Дом был большой, хороший, теплый, ты бегал по всем комнатам, крошечный мальчик. Храни вас Бог. Твой папа.

Я из Улуя послал тебе открытку и письмо, а это третье. Получишь ли ты их?

№ 13. Н.С. Фуделю

26 XI [1948, с. Большой Улуй]¹

Я очень радуюсь тому, что ты живешь с т<етей> Марусей.

Это не случайно в твоей жизни, не по стечению обстоятельств, а, думается мне, по воле Божией для тебя и для твоего жизненного пути, чтобы ты, перед ее уходом, узнал, что такое любовь в жизни.

Может быть, ты все это понимаешь лучше меня, но ведь мы условились, что можем писать друг другу все мысли и пожелания. И вот мое пожелание, чтобы ты не всегда позволял суете и суетоке заслонять от тебя ее внутренний облик. Кстати, теперь она, наверное, очень немощная, уж не говоря о том, что больная. Ты ее совсем не знал в годы ее молодости. Я знал. Я могу сказать тебе, что моя вера, моя любовь, в той мере, в какой они есть вообще, во многом обязаны ей.

Вера пустой звук, если она не истекает любовью. Только «раненая» вера, т<o> е<сть> истекающая любовью, есть истинная. А иначе она мертвая вера, а всякое мертвое тело страшнее отсутствия живого. Если человеку предстоит провести ночь одному в доме, то, конечно, он предпочтет быть в нем совсем один, чем с покойником. Так и мертвая вера, и люди с мертвой верой страшнее всего. И наоборот: есть люди, для которых вера есть непрерывное движение любви. Любовь потому и любовь, что она идет от себя к другим, в непрерывном движении, т<o> е<сть> в том, что противоположно смерти.

Я думаю, что теперь, после стольких лет жизни, многое надорвано в ней, утомление охватывает ее, как тень смертная.

Я рад, что ты с ней. Может быть, и малая твоя забота о ней будет ей нужна.

Твое письмо о женитьбе и искусстве я не получил, так что не знаю, что ты ответил мне на мое, по первому вопросу. О втором я не писал, кажется, ничего. Я право мало что знаю об этом. Вот я очень люблю — найди у Фета стихотворение «посвящение Бржеской», оно начинается: «Далекий друг, прими мои рыдания» («...с тобой цветут в душе воспоминанья»...)² Еще я очень люблю его же:

«Тесно в комнатах и душно.
Выйди ночью, ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно
Как сердца горят над бездной»³.

Потом Пушкина: отрывки из Онегина; «парки бабье лепетанье»⁴ и еще два-три стиха, Тютчева «металла голос погребальный порой оплакивает нас» и особенно: «и льется тихая и светлая лазурь на отдыхающее поле»⁵, Блока: «весна, весна, скажи, чего мне жалко, какой мечтой пылает голова» и его же «короталась зимняя ночь» и «Ночная фиалка»⁶, да Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Случайно или не случайно, но почти все, что сейчас вспомнил, все «ночные стихи». Вот эти слова, эти стихи я готов нести всегда с собой, в своих странствиях. Еще какие то напевы песен (например, моего любимого «Ваньку-ключника»)⁷, какие-то отрывки из давно слышанных вещей Шопена.

Жуже всего, по-моему, когда к искусству подходят как к какой-то профессиональной святыне. В этом случае оно сейчас же становится в один ранжир с боксерами. Слова, звуки, линии, краски искусства, это ведь всего только выражение людей, обнаружение их — в особой форме.

Люди же за свою многовековую историю очень редко обнаруживали действительно ценное как в обычном обиходе, так и в искусстве. Когда же, к удивлению, — они это ценное обнаруживают, надо сказать — слава Богу и беречь это, но так же и в том же понимании, как надо беречь встречи с людьми ценными, встречи с природой, и второго и третьего не надо ли искать более настойчиво, чем первого.

Я бы хотел, чтобы у тебя нашлось время, чтобы послушать музыку Шопена, Грига, Бетховена, и не по радио, а в концертах.

Мама пишет, что она так радуется тому, что ты чаще приезжаешь туда, а я тем более радуюсь и за нее и за то, что ты этот труд любви принимаешь. Я получил Варенькину карточку и на меня

посмотрела с нее совсем мне неизвестная девочка. Что же это будет еще через 2 $\frac{1}{2}$ года! Совсем большая и незнакомая девочка.

Признаться тебе, что меня это не может не пугать. Ты уже был взрослый, когда я уехал, и между нами не может быть разрыва в годах, но Маша и Варенька другое дело. Кем я буду для них? Тем более что ведь и на меня года налагают печать, меняют, ослабляют. Управлять я никогда не умел, а теперь, вжившись совсем в одиночество, и совсем не мыслю об управлении детьми.

Но, конечно, что об этом задумывать. Что Бог даст.

Целую, дорогой мой Коленька, тебя крепко.

Твой п.

№ 14. Н.С. Фуделю

18 II / 1949, с. *Большой Улуй*¹

Спасибо, дорогой мой, за письмо от 8 II. Так приятно получать твои письма, в них всегда почти есть обо всем: и о тебе и о всей семье; о самом главном и о разных мелочах. Я удивлен, что в твоей библиотеке так мало имен. Или я забыл уже, но мне кажется, что среди моих или т<ети> М<арусиных> книг должен был быть: М<ельников>-Печерский, Полежаев, кое-что Достоевского, Л. Толстого (рассказы, «Казаки» и др.), Тютчев (в изд. «Нивы» и отдельный том «Избранные стихи»), отд<ельные> издания Есенина, весь Жуковский, томик Гейне в подлиннике и что-то еще, забыл. Все это было, за исключением, может быть Жуковского, на Арбате². Вспоминаю, что был еще Чехов, Кольцов, Лесков, Киплинг по-англ<ийски>, Даль³. Почему ты не присоединишь все это к своей полке?

Ибсен из тех писателей, которых не столько любишь, сколько запоминаешь. Он оставляет глубокий след. Интересны некоторые драмы Метерлинка, он, кстати, умер всего года два назад, прожив чуть ли не 100 лет⁴. Жаль, что ты убежал от меня на хуторе и не учился англ<ийскому> языку, — я бы послал тебе отсюда совершенно чудесные рассказы Б. Гарта. Читал ли ты Лонгфелло? Это тоже подлинно хорошо. Вообще, конечно, есть несколько десятков хороших книг. А чей это роман: «Корабли, проходящие ночью»?⁵ Жаль, что ты читаешь «конвейером» и не можешь выбирать. К. Гамсуна я не советую, хотя, конечно, то место, где этот лодырь, «Пан», получает в письме зеленое перо и слушает пустыню большого города, — стоит дорого⁶. Но в целом это тот же Печорин, давным давно сгнивший, как «вещь в себе». Кстати, кое-что было ведь у меня и по философии — почему это не у тебя? — был «Философский словарь», было «Рождение трагедии»⁷, была монография о Сквороде⁸ с моей надписью Марусе, мы оба очень любили этого человека. Если ты живешь душой около

книг, то умей и находить хорошие книги или нужные книги. Это тоже труд — находить, искать и находить. Смотри только, остерегайся одной вещи: когда человек читает, ему часто кажется (независимо от того, что он читает), что он совершает исключительно важное и общепольное дело, и поэтому если его в это время отвлекают близкие на какое-нибудь другое дело, он внутри (или и вне) негодует и плохо думает о тех, кто его отвлекает.

Был у меня когда-то Еврипид, и Софокл, и Аристофан, и даже Марк Аврелий, но все куда-то уходит, и годы, и люди, и тем более книги. Вот почему, наверное, не надо слишком привязываться к этим «отпечаткам мыслей». Хотя у Блока есть такие стихи:

«Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Все снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги»⁹.

Во всем этом есть, конечно, одна сокровенная тайна: слово есть семя. Но тогда тем более важно и ответственно то, какие семена ты берешь. Можно читать почти все, кроме явно нечистого, но надо уметь отсеивать полóбу и мусор и принимать семена. Иная книга так вся и отсеется в мусор, от иной распустится в душе, где-то на зеленой поляне души «аленький цветочек». Здесь, конечно, и индивидуальность читателя значит. Вот для меня Шекспир был почти пустой звук, пока я не прочел в «Хронике Генриха IV (IV ?) сцену смерти Фальстафа»¹⁰. Найди, прочитай ее. А вот Гете и Фауст так и остались для меня мертвым камнем. Живая душа не нуждается в этом.

Возможно, что прекрасен Данте, но русские переводы темные. «Суламифь» Куприна более нужна для души.

А потом наступит время, когда душе будет нужна только «Песнь Песней» и уже без Куприна, а в подлиннике.

Есть в жизни какие-то концентрические круги — чем ближе к исходной, ударной точке, тем они сильнее, отчетливей. Душа невольно стремится к этой точке, к некоему исходному центру, как к началу своему и покою.

Поэтому уход от книг закономерен и правдив тогда, когда он не от высокомерия совершается, а от жажды найти совершенное бытие, от желания уйти от ненужного движения в неизреченный покой — источник всякого творчества, тогда, когда человек находит Слово Божие и начинает догадываться, что жизнь в нем — это впервые Жизнь и впервые блаженство, ну примерно так, как после сумрачного света сесть на теплом солнышке и, слегка замуриваясь, слушать внутри себя и вовне — его тепло.

Я вспоминаю, как лет 30 тому назад один мой знакомый, туго

начиненный, как пирог, литературой, и все же подошедший к веревке, все мучился одним вопросом: «Можно ли (так он говорил) на одной полке держать и Пушкина и Макария Великого?»¹¹.

Вопрос, неправильно поставленный. Пушкина и Макария Вел<икого> держать на одной полке можно, конечно, ибо оба они человеки, но вот Христа в душе уже нельзя ни с чем путать, да и невозможно, ибо если увидишь, что он — Солнце, то как же Солнце спутаешь с фонарем? А если в душе от этого Солнца свет и веселье, то почему же и у Пушкина не найти «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»¹², и с улыбкой, и грустью, и горечью не вздохнуть и о нем, умершем рабе Божиим, да еще и мучительной очистительной смертью умершем, убитом людьми развращенными и холодными.

Вопрос был моим знакомым поставлен неправильно, потому что солнце не боится освещать места самые прозаические и какой-нибудь грязный кирпичный дом на закате пылает пламенем, как средневековый замок.

Дело только в том, что солнце поглощает все и дает такое тепло и счастье, что естественно у человека пропадает желание всякого другого света, всякой другой книги. Вот и все.

Как я рад, что ты на каникулах был у мамы, это большая для меня радость.

Ну что же — если это нужно — пусть и переезжает¹³. Лишь бы ей было легче и душе и телу, лишь бы ей было хоть немного времени для самой себя. Она мне пишет очень хорошие, очень нужные мне письма, один раз в месяц. Чаше всех пишет мне, кажется, Варенька и ты. Но я не знаю — как она сама об этом, о переезде, мыслит, она ничего не пишет мне.

Я знаю, что в некотором отношении ей было хорошо в Загорске.

Я чувствую (больше, чем знаю), как мы все обязаны Тамаре¹⁴.

Целую тебя крепко, дорогой мой. Зная хорошо жизнь и ту жизнь, которую ты ведешь, я, конечно, во многом беспокоюсь за тебя.

Да сохранит тебя Бог.

Твой п.

Я думаю, что нужнее всего приобрести истинную скромность и нелицемерную простоту.

Поцелуй Мунечку и приветствуй Там<ару> Анд<реевну>.

№ 15. Н.С. Фуделю

6 III [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Милый друг мой, Николаша.

Очень тебе благодарен за письмо и открытку от 24 II.

О т<ете> Марусе, конечно, пиши мне всю правду, так, как есть. Хотя иногда бывают минуты, когда мне хочется крикнуть тебе: ничего не пиши, я все знаю, но скрой от меня!

Когда умирал мой отец, я знал, что у меня есть еще Маруся, когда умирала моя мама, я тоже чувствовал, что еще остается Маруся. Это не малодушие, ты понимаешь. Если Бог меня не оставит, я буду жить и дальше и еще много проживу в той жизни, в которой она была ближайшим мне человеком. Любовь Божия открывала и ей и мне столько света в жизни, столько теплой земли и благоухания весны вечной, столько милости и благодати Божией, что не идти вперед и терять мужество уж никак нельзя, недостойно. Но я перед нею в долгу, я ничем и никак не отплатил за любовь. Она отдавала ее даром, она ничего никогда не требовала взамен, как богач. Но сердце болит, сама любовь проливает слезы. Скорбь моя велика, Николашенька, мне трудно писать.

Я тяжелый и во многом больной человек. Но от некоторых людей, в первую очередь от своего отца и от нее, я получил столько богатства, что вот, как я ни растрчивал его зря и преступно всю жизнь, оно, это сокровище духа, все еще целое — дивное чудо, — оно все еще у меня в сердце.

Можно очень и горячо любить, но в любви есть одна, как бы сказать, степень, когда любовь делается единством духа, и это единство духа насыщает всю кровь. Вот тогда любовь становится чем-то почти страшным, в вино человеческое опускаются лучи Незаходимого Солнца и люди, соединенные этой любовью, уже сейчас начинают жить будущей жизнью, когда будет только она одна.

Вот рассечь такой узел даже и на время, даже и при полной вере в конечное свидание — боль и кровь сердца. Поэтому мне лучше молчать, мне никуда не уйти от этого.

Но не пойми это опять как малодушие. Это факт, и все. Но ты и поймешь все, дорогой мой, хороший Николаша, неожиданный для меня мой дружок и помощник. Очень я тебе благодарен за твои письма, они сейчас доходят хорошо. Прилагаемое письмо т<ете> Марусе отдаю на твое усмотрение. Если ей его можно или нужно будет прочесть или она спросит — прочти. Если нет, не надо, но решай сам и один.

Твой п.

№ 16. Н.С. Фуделю
29 III [1949, с. Большой Улуй]¹

Спасибо, дорогой мой, за письмо от 18 III.

Я еще не ответил тебе и на прошлое от 3 III. Но ты там пишешь об очень трудном вопросе, ответить на который у меня не

хватит разума. О том, что лучше: писать ли хорошие романы или колоть для близких дрова. Все же думаю, что всякое дело хорошо, если оно хорошее. Значит, для меня второе сводится к тому, что значит «хороший роман». В понятие «хороший» я вкладываю определенные ценности.

Упрощенчества я тоже не люблю, т<о> е<сть> отнюдь не отрицаю того, что есть хорошие романы и что они могут быть написаны. Истина одна, но многие люди о ней догадываются. Сад, где благоухают цветы, один, но люди, проходящие за забором, иногда это благоухание слышат. И больше этого: иногда они слышат его больше и лучше, чем садовники, живущие в саду. Никто не должен брать монополию на обладание истиной в том смысле, чтобы отрицать ее понимание в другой сфере.

Но сад все же один и единственный и мне больше всего хочется сидеть у его забора, особенно ночью, и слушать, как цветут его цветы.

Я очень много когда-то читал, много видел разного. Поверь мне, что нет ничего более наполняющего разум и оживляющего, чем это ночное благоухание.

Ты пишешь про т<ею> Марусю. Я рад, что мое письмо у тебя. Ты отдашь его ей, когда будет нужно. Нам с ней не положено закрывать лицо от смерти. Когда умирал наш отец, знали не только все, но прежде всего он. С каждым из нас, детей, и с своей женой, нашей матерью, он простился и благословил накануне смерти². И как иначе? Разве мы верим только для жизни?

Если она умрет — это будут мои ей последние слова и целование. Да будет путь ее легок — в жизни ли, в смерти ли.

Ты пишешь: почему у меня вроде крика отчаяния? Во-первых, никто из вас не знает, кто я. Испорченный, избалованный и слабый человек, для которого она была больше, чем мать. Во-вторых, мы с нею вместе пили из одного и того же источника, и не из бутылок, а прямо лицом погружаясь в воду.

Как же мне не писать ей то, что я писал? Разве для нас — здоровье, врачи, лекарства — не в руках Божиих? В-третьих, это не отчаяние. Но дело в том, что вера это ведь не какой-нибудь «медиумизм». Смерть для веры есть реальный враг, хоть временное, но отнятие любимого. Всякое удаление любимого, даже в другой город, есть скорбь, есть некое «поражение» жизни в ее борьбе со смертью.

Еще скажу про себя. Я знаю, что ты не поймешь превратно. Сейчас я оторван от всех вас и вроде как «вне вас». Но буду ли я «у места» с вами, когда я вернусь? Около нее же, в ее комнате, мне всегда был какой-то диванчик. Это, наверное, все та же избалованность и эгоизм, жалоба бродяги, что его лишают привычного угла.

Я, впрочем, не о комнате говорю.

Ты пишешь, что поможешь Нине³, если будет нужно. Это очень хорошо. Она (Нина) больная и глупая, и мне ее особенно жалко.

О приезде мамы ко мне я не знаю, что сказать. Конечно, это было бы большое счастье, но дорога так дорога и трудна, что я чувствую какую-то недопустимость в этой поездке. Ведь это значит оторвать от дома массу денег, поставить под опасность огород, корову, да и здоровье Вареньки, уже не говоря о здоровье самой мамы, которой тоже уже 48, а не 38 лет.

Вот я и не знаю, что советовать. В смысле вещей, лекарств мне ничего не надо, да это можно послать и посылкой, а платить такую цену только за то, что бедная наша мама, и так уже замученная и усталая до предела, недели две проведет в чужом доме, с своим нескладным мужем — нужно ли это?

Ведь в Вологде было другое дело. Вечером сесть в поезд и рано утром уже пить чай у Алекс<андры> Андриановны (так, кажется, ее звали?)⁴.

Сейчас я мало читаю, да и нечего совсем. Прочел Б. Шоу, не знаю для чего. Ж. Кристофа⁵ я не помню, а здесь нет.

Я не умею давать людям, с которыми я живу. Что сможет от меня получить мама, если она поднимет на себя этот подвиг пути? Я боюсь, что она, будучи и сейчас уже усталой, устанет от этой дороги еще больше.

Зачем же мне огорчать ее жизнь даже и в этом? Я ей примерно это же, т<о> е<сть> о трудностях пути и деньгах, писал.

Дорогой мой, целую тебя.

Спасибо за письма. Значит, Машенька и сморкается «слегка»? Дорогая моя и глупая девочка.

Твой п.

А может быть, Глинковская вода⁶ действительно вылечит?

№ 17. В.М. Сытиной

3 V [1949, с. Большой Улуй]¹

Вы с Колей написали мне такое хорошее пасхальное письмо, что я не мог не отблагодарить за него вас телеграммой. Получила ли ты ее? За последнее время мы точно все стали ближе и дороже друг другу. Или это мне так кажется. Думаю, что не кажется. Выходит, что права старая мудрость — расстояние не разъединяет, и ни смерть и ни время не властны над сердцем, имеющим волю к любви. Очень рад, что у вас был кулич и Варенька старалась скорее заснуть, чтобы до него дождаться. Радуюсь, что ты с Машей ходила в Лавру и накануне была в Великую Субботу. «Сия Суббота есть благословенная»². Никогда жизнь не ощущается так силь-

но, так радостно, так благодатно, как в эти часы памяти смерти Божией, и покоя Его от дел Его. Я хочу одного только, я уже писал тебе и еще раз пишу, — быть именно с тобою в этой жизни и в этом покое. Будем с тобой вместе просить об этом, ты ведь знаешь как сильно молитва двоих об одном же, будем просить об этом теперь же, не откладывая, каждый день.

И как хорошо, что Коленька был дома и ходил с Варенькой в апрельский лес.

Мы часто не замечаем, забываем, какое бесконечное богатство у нас, как много дано нам познания мира, какие мы счастливые люди, видящие Бога и в природе, в первой весенней траве, и в людях.

«Широка заповедь твоя зело»³.

«Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устом моим»⁴.

Наша с тобой жизнь уже давно перешла через свою половину, и сейчас дорога идет вниз с горы и к концу. Потому-то так хочется быть душой вместе, потому-то так хочется все меньше говорить, а больше слушать вместе жизнь Божию. Препятствий много, но возможность всегда есть.

Самое главное, что мы вдвоем, что «если двое на земле согласятся просить о чем-нибудь — будет им»⁵. А о чем ином просить, как не о том, чтобы вместе «утреневать утреннюю глубину»⁶.

У меня Пасха⁷ была одинокая, трудная, тяжелей, чем в прошлом году, но в Великую Субботу, точно зная, что и ты будешь, и я был за обедней, и было так хорошо, и у меня был покой. Значит, мы вместе были.

Это письмо ты получишь к трехлетию нашей разлуки⁸. Кроме того, что я в нем пишу, мне нечего написать. Я здоров, работаю и буду всегда работать и, если мне будет возможность, буду стараться сделать все для детей и тебя. Но иной жизни, кроме той, о которой пишу, для себя и тебя я не представляю, а в ней, в этой жизни, я хотел бы жить всем сердцем, всем умом и помышлением и всею крепостью своею.

Я рад, что ты согласна со мною о приезде сюда, твое основное дело сейчас — сохранение детей и дома. Наверное, ты уже сажаешь картошку. Я тоже все-таки хочу посадить хоть 1/2 мешка.

Я не знаю об одном переводе тебе на 100 руб., который ты по расписанию должна была получить в начале апреля, почтой. Напиши. Что остальные дошли, я знаю.

Ходил вчера ловить рыбу наметкой, это громадная жердь с сетью, но тяжесть ее оказалась мне не под силу и, едва поймав с десятком ельцов, я вернулся и потом ночью стонал и ворочался.

Три последние недели не курил и чувствовал себя свободней и

лучше, а сейчас опять курю, что довольно стыдно, но стыдить меня некому. Лес и у нас просыпается, набухают почки, полезла первая крошечная травка, собирал сегодня одной знакомой старушке крапиву, скворцы воюют с воробьями из-за скворешен. Поцелуй девочек, каждую отдельно и не аллегорически.

Твой С.

№ 18. Н.С. Фуделю

10 V [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой Николашенька.

Я со стыдом признаю, что на два последних твоих письма я еще совсем не ответил, а на третье, от 10 IV, отвечал кратко, в то время как я гораздо свободнее тебя от дел. Сегодня пришло твое от 2 мая и меня очень порадовало. Что касается предыдущего, от 24 IV, на Пасху, вместе с маминым, то мне так было радостно его получить, что я тотчас же послал благодарственную телеграмму на Загорск (дошла ли она? это было 1—2 мая). Судя по твоему сегодняшнему письму, я вижу, что одно мое письмо до тебя не дошло, там, где я пишу, что маме не надо, по-моему, ехать сюда летом², так как такое короткое свидание не стоит таких громадных денег (1500 руб.), труда труднейшей дороги и риска оставленного дома и детей. Маме нужно во что бы то ни стало за лето подготовиться хоть как-нибудь к зиме, запастись сена, дров и обработать огород. Это три трудные и большие задачи, а сил у нее очень немного. Как же можно при наличии этого, да еще забот о девочках, куда-то уезжать и отрывать к тому же от дома деньги.

Если бы ты как-нибудь смог бы помочь весной с огородом — было бы очень хорошо, и я думаю, что так это и будет и ей не придется надрываться. Ты пишешь, что мама стала здоровее нервами с того времени, когда осталась в Загорске и не ездит на работу в Москву. Это понятно, и надо, чтобы это было и дальше, но некоторые физические работы ей совсем не под силу и ей надо помочь, несмотря ни на какие препятствия.

Я приготовил тебе ко дню рождения послать 100 руб., но, прости меня, сегодня послал их телеграфом маме на наем кого-нибудь для вскопки огорода, меня беспокоит ее здоровье, я знаю, что оно все время под большой опасностью. Видишь, какой я нехороший: и письма не пишу, и подарок не послал, и мучаю тебя какими-то мыслями об огороде, и даже пишу не логично: то выражал уверенность, что ты поможешь ей с огородом, и тут же оказалось, что я сегодня отослал ей деньги на этот огород. Я еще и телеграмму ей послал, где я прошу Машу и тебя ей помочь.

Ты можешь справедливо осудить меня. Но если можешь, не осуждай. Я боюсь остаться и без т<ети> Маруси и без мамы. Мне

почему-то всегда казалось, что сам я буду жить долго, но долго ли будет жить мама, не знаю. Конечно, у меня и нервы больные, кто вообще что-нибудь знает. Я буду сейчас жить, но я живу сейчас все время в ожидании письма или телеграммы от <ете> Марусе³. Все это мне страшно. Я правду тебе писал в том первом письме, что впервые в моей жизни мне стало страшно одиночество. Раньше я был слишком занят собой, литературой, философией и т.д. Сейчас все больше уходит туман вокруг и остаются на земле только живые и любимые люди, вот отчего стало страшно. Страшно: чем ближе человек к концу своей жизни, тем вся жизнь и все отношения в ней делаются для него не только все более драгоценными, но и все более реальными; так, наверное, осенью, когда воздух чист и прозрачен, видимость предметов больше и слух слышит лучше.

«И льется тихая и теплая лазурь
На отдыхающее поле»⁴.

Ты меня очень насмешил: пишешь, что ты «достиг середины деятельной жизни», т<о> е<сть> 25 лет. Я себе представил тогда, что значит я (в 49 лет)⁵ уже кончаю ее и теперь у меня наступает созерцательная жизнь, вот я верну долги и начну созерцать, ничего не буду делать больше.

Говоря серьезно, думаю, что как раз наоборот: созерцание больше к лицу юности. Во всяком случае я лично отнюдь не собираюсь созерцать.

Послал я два письма т<ете> Марусе на днях. Напиши мне: дошло ли до нее то, которое было вместе с письмом к Тамаре.

Нине я уже написал в начале апреля, но так как она не отвечает, я не знаю, получила ли она — спроси ее.

Между прочим: не осуждать — это совсем не значит соглашаться или одобрять. Это значит только не выносить смертельного приговора или, попросту говоря, быть снисходительным, а быть снисходительным не значит отказываться от своих мнений. Это я все боюсь, что ты меня слишком осудишь.

Это письмо — не то большое, о котором я писал в письме к т<ете> Марусе. То совсем большое, и вряд ли я его напишу. На днях 3 года, как я из дома — 16 мая⁶, а 17-го от т<ети> Маруси. Тебя же я не видел еще больше, но за эту разлуку мы стали гораздо ближе и нужней друг другу. Очень меня порадовало твое письмо в пасхальную ночь. Когда я совсем «сам с собой», я всегда слышу ее где-то рядом, не вижу, но слышу, и тогда мне хочется и дыхание затаить, чтобы не помешать слуху. Есть голоса, есть жизнь, которой мы не знаем.

Ты хорошо написал про апрельский лес, где был с Варенькой. У нас <весна> тоже начинается, но с перерывами, сегодня и вче-

ра был снег. Читать я почти не читаю, кроме того, что мы с тобой читали в Вологде⁷. Так лучше, я много уже читал в своей жизни, хватит, пожалуй. Зато сплю, как никогда в жизни, много, крепко и хорошо. Утром встаю рано, часов в 6^{1/2}, когда солнце еще совсем чистое и безмятежное, и тогда особенно хорошо и безмятежно тоже. Я вспоминаю, когда-то я вставал у т<ети> Маруси в комнате тоже рано (случайно), и переулки были совсем, совсем тихие и добрые, и шаги звучали по асфальту. Как мне странно, что этой комнаты на Арбате больше нет⁸.

Машенька мне написала, все жалуется на маму, что она ворчит на нее, и сама мама пишет, что она «сердится на жизнь». Как бы мне хотелось, чтобы у них был мир, чтобы благодать Божия была с ними.

Вчера набрал себе первых цветочков и украсил стол. Конечно, мне легче, чем маме. Вряд ли она думает о «цветочках», а все о коровином пойле, наверное, или о клизме для Вареньки.

Сейчас уже поздно, собаки лают за окном и подвывают, пойду спать. Что-то я перестал представлять себе, какая сейчас Варенька, какой характер, очень ли капризна или непослушна, любит ли вас всех. У Машы будет трудный путь, если она похожа на Нину. Машу я ясней представляю. Как все-таки мне будет странно увидеться с ними, с девочками, они как-то росли без меня.

Крепко тебя целую, дорогой мой. Ты пишешь, что «познание ночи»⁹ у тебя еще впереди, сейчас вроде как это преждевременно. Ты прав, во всяком случае в том отношении, что никакое познание не должно быть искусственным, «деланным», не вытекающим из организма.

Познание должно быть органичным. Бытие — вся утроба человека — должно определять сознание, вернее: рождать его. У апостола есть одна фраза: «до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить»¹⁰.

Твой п.

№ 19. Н.С. Фуделю
15 V [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Милый мой Николаша.

Недавно я посылал тебе заказное — дошло ли? Потом еще напиши: дошло ли до т<ети> Маруси письмо от 8 V, вместе с письмом Тамаре, а также телеграмма моя ей числа 10—11 мая?

Прилагаю письмо Нине — передай ей. У тебя, наверное, начались экзамены и ты очень занят. Я же очень свободен, а вот все ленюсь писать.

Погода наводит грусть — холод ужасный и, кажется, даже листья почернели. А душа так зависит от погоды. В XVI—XVII веке

в Москве жил юродивый Максим, он зимой ходил в рубищах и когда, в большие морозы — его жалели, он отвечал неизменно: «люта зима, да сладок рай»². Вот так бы надо переживать погоду, а мы улыбаемся только тогда, когда улыбается солнце. Кстати, этот блаженный интересный человек был. Больше всего он поносил купцов, да и дворянам доставалось. Купцам он отчетливо говорил: «борода Авраама, а душа, как у хама».

Представь себе эдакого патриарха Замоскворецкого, получающего такой отзыв в XVII веке. Им же говаривал: «аминь, аминь», а головою в «овин» (т<о> е<сть> в распутство).

Юродивые были люди исключительной душевной честности, и вера для них не была бирюльками. Самоистязание их не страшно и понятно. Во-первых, оно в громадной степени обуславливалось не ими самими, а теми, кто окружал. Их не понимали, часто гнали, почти всегда обижали. Вряд ли купец, получивший обличение, был к нему расположен. Смеялись над ними даже те, кто их понимал. Получается не самоистязание, а истязание вовне. Во-вторых, истинная вера ищет креста. Конечно, искать там, где они искали, т<о> е<сть> даже в лютых морозах, могли только они. В этом они искали предела человеческой выносливости. Их духовное мужество вызывало на бой обычные законы естества, они как бы хотели дойти до границы этого естества и заглянуть дальше. Но ненавистнее всего им было лицемерие. Один из них иногда и входил в храм во время службы, влезал на амвон и оттуда швырялся орехами в молящихся или, наверное, в тех, кто — он знал — фальшиво молится. Искать креста это, во всяком случае, значит не забывать о нем, иметь его всегда в сердце и не отталкивать его, когда он материализуется в скорбь или бремя.

Прости за такое отступление в «юрродство». Кстати (еще отступление): в древних рукописях так и пишется: не «юрродивый», а «урродивый» — «урродивый Максим пребывание имел...» и т. д.

Я все хочу тебе писать большое письмо, но все не выходит. Писать надо серьезно, от всей души, а как еще Аполлон Григорьев (кажется) говорил с отвращением о себе, что, когда он иногда пишет, он тут же как бы смотрится в зеркало³. Вот это Зеркало, т<о> е<сть> литературное самолюбование, может мешать серьезно думать и писать. Человек должен, если он хочет быть серьезным, понять, что все хорошее, что в нем есть, — это не его капитал, а что он живет на проценты от чужого. Это не фигурально, это не метафора, а факт. Свое, до конца, в человеке только его воля, его произволение туда или сюда.

За окном опять холодный дождь, но я пришел из бани, согрелся еще чаем и пишу тебе. Про Марусеньку ничего не знаю. Мама прислала тревожную телеграмму, и я теперь в темноте, где она,

Марусенька, не знаю, со мной ли еще дышит воздухом этой земли или где-то в другом живет и, может быть, меня не может слышать. Мама написала: «Здоровье Маруси тяжелом состоянии». Снов не вижу и живу часто будто в каком-то равнодушии. Так, значит, надо или так, значит, я устроен.

Тебя всегда очень благодарю за любовь, письма и память. Может быть, если бы мы не разлучались, мы никогда не были бы так близки друг другу. Вот и здесь «крест», как всегда, привел к «воскресению». Конечно, «издалека» гораздо легче любить. Испытание любви начинается с возникновения географической близости. Тут надо много терпения и мужества и истинной воли к любви, чтобы эту любовь сохранить, несмотря на то что, скажем, твой друг некрасиво сморкается.

Напиши, не забудь, дошла ли моя телеграмма до т<ети> Маруси от 10–11 мая и письмо ей от 8 V.

Целую крепко тебя, дорогой мой мальчик. Поздравляю тебя с 25-летием⁴. Дай Бог, чтобы в твоей жизни всегда и до конца были рядом с тобой любящие тебя и дорогие тебе люди, чтобы тебе было тепло в жизни. Через 2 года⁵ я приеду и будем видеться.

Твой п.

№ 20. Н.С. Фуделю

5 VI [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Спасибо тебе, дорогой мой и любимый Коленька, за письмо от 25 V. Я уже несколько дней ношу его в левом кармане гимнастерки для утепления сердца как некую овеществленную любовь, имеющую дар врачевания. Я очень беспокоюсь о твоём здоровье, получив от мамы письмо. Тебе я послал в мае во всяком случае 2 заказных письма², одно из них с вложением письма для Нины, потом ко дню рождения твоего послал телеграмму на Загорск.

Но, видимо, и болезнь твоя была к добру, т<ак> < как> ты побыл еще и с Тamarой, и в комнате, где была т<етя> Маруся. Я понял тебя, что теперь ты поправился.

В первые три дня после смерти умершие посещают на земле тех, кто их любит, и места, ими любимые, прощаются с землей, чтобы начинать путь небесный.

Исполнилось мое глубочайшее желание, что бы ты пожил последние годы около нее, чтобы приобщился духу ее. Теперь уже его из тебя не изгонишь, ибо ты познал, что нет ничего на земле и на небе слаже любви Божией. Как сказано: «вкушая, вкусих мало меда и, се, аз умираю»³, т<о> е<сть> только с ним хочу жить, только вкушая его, своему бытию радуюсь и за себя и за весь мир славлю Бога.

Вот почему и после ее смерти⁴ ты не оскудение почувствовал ее связи с тобой и нами, а, наоборот, приращение, как ты сам пишешь: «почувствовал приближение чего-то бесконечно радостного, живого, омывающего»...

Ты мне очень помог своим письмом <...>

В скорбь ворвалась радость за те <...>⁵

Господь ведет тебя путем своим и не оставит тебя никогда. Связи земные все же имеют некую тленность, родство физическое не спасает от забвения, память человека ужасно немощна, и за первым мигмом скорби наступает часто «окамененное нечувствие»⁶. Но есть, к нашему спасению, еще Память Божия, никогда ничего не забывающая и хранящая в творческом своем бытии каждую душу. Вот почему на заупокойной службе, в самом конце, возглашается: «и сотвори ей вечную память», т<о> е<сть> «прими ее в свою Вечную Память». Воистину там хорошо ей, и всем нам хорошо, через Бога, приобщаться этой памяти.

Научить тебя я, наверное, ничего не смогу, но немощная моя любовь да будет с тобою всегда.

Спасибо тебе за строчки о Вареньке. Этого как раз мне не хватало, какого-то знания о ней, ведь я семь лет почти ее жизни из восьми не жил с ней или жил очень мало⁷. Мамины два письма у меня от 17 V и 23 V. Варенька после твоего письма стала мне еще драгоценней.

Конечно, когда-нибудь мы будем жить вместе и в терпении, и в уповании будем поджидать и своего земного конца.

Беспокоюсь за твои экзамены.

Мамино письмо очень хорошее, спасибо ей. Мое последнее недошедшее до т<ети> Маруси письмо от 8 мая. Я хотел бы, чтобы ты сохранил у себя, так как именно ты был нашим посредником в последний год и взаимным другом.

Благословен Бог наш!

Целую тебя...

Твой п.

№ 21. Н.С. Фуделю

7 VIII [1949, с. Большой Улуй]¹

Милый и дорогой мой Коленька.

Спасибо за письмо от 31 VII. Я давно не писал тебе по двум причинам. Во-первых, я был почему-то убежден, что ты с начала июля где-нибудь опять на Кавказе². Во-вторых, мне все это время было трудно писать и я ограничивался главным образом открытками. Ты ошибся: мне совсем так же хочется жить, как и прежде. Но писать — бывают времена в жизни, когда не пишется. И «серого настроения» у меня нет. Мне было даже немного

досадно за тебя, что ты пишешь такие пустяки, Впрочем, конечно, за тысячи верст можно невесть что о другом подумать.

Горе и есть горе³. Я готовился к нему задолго и все не готов остался. Я здесь абсолютно один, нет ни развлекающего шума города и жизни людей, ни утешающего голоса ближних, утешающего не в смысле слов утешения, а в смысле величайшей утешительности самого звука их голоса, этого любимого «колебания волн». Варенькино синее платье не мелькает у меня перед окном. Между прочим: если вообще мне не хотелось писать, то больше всего хотелось, пожалуй, тебе, но я останавливался перед мыслью о твоём отсутствии. Все закономерно. Мамины письма вначале были часты, а потом редки, и я должен был много пережить в молчании.

По-видимому, ты не получил одного моего письма, где я просил написать некоторые подробности. Я, впрочем, ничего и не прошу и не добиваюсь, все, что нужно знать человеку, он всегда это получает и все это узнает, в свое время. Моя любовь к жизни никак не уменьшилась. Смерть всякого любимого существа учит еще сильнее и ближе искать источника жизни и бессмертия, точно после поражения искать путей к мести.

Чем больше человек прожил с другим, чем больше он свыкся идти с ним вместе — тем невероятнее для него смерть этого другого. И для меня до сих пор невероятна эта смерть! Вот о себе. Ты пишешь о «внешних толчках» какого-нибудь «неблагополучия», которые приводят вдруг к благополучию внутреннему: ты перестаешь дремать и скучать, начинаешь жить полно, в радости и страдании. Эта проблема старая, как мир, вернее, как грех мира, ибо она началась с греха. История грехопадения заключается в том, что человеку стало «скучно» быть сыном Божиим и он захотел стать самим богом.

В результате он потерял сыновство, а в душу его заполз какой-то рабский дух, дух раба, умеющего жить только тогда, когда над ним палка. В благополучии человек «скучает», дремлет и зевает, он не видит, не знает, не верит в те возможности и богатства свободной внутренней жизни, которые раскрыты перед ним в его благополучии. Ему надо только понять сердцем и волей одно: что это «благополучие» — пустыня, горячая, жаркая, безводная, которую надо пройти, чтобы достичь до воды, что «царство Божие силою берется и только употребляющие усилие достигают его»⁴. Чаще всего мы не понимаем, не видим, не верим этому. Жара слишком тягостна, глаза слипаются и вялость во всем теле.

«Бес полуденный» водит нас, как и «Зимние бесы» в пушкинском стихе⁵.

И вот тогда, когда мы уже, наверное, близки к полной внутренней смерти, Бог посылает нам, во Спасение «внешние толчки».

Они могут быть разные. Иногда достаточно резкой зубной боли, чтобы человек образумился. Иногда бывает нужна смерть близкого, чтобы человек проснулся и стряхнул свое душевное рабство. Иному более полезны страдания тела, иному души. Апостол сказал просто: «страдающий плотью перестает грешить»⁶. Самый страшный и тяжкий грех это равнодушие, — умирание духа нашего, и оно может быть внезапно разрушено посланным страданием.

Но, конечно, из этого не следует, что нужно искать страдания. Нужно искать другого: освобождения от рабского духа греха, уменья жить во всем и всегда, и в радости и в страдании, если оно встретилось, и в тишине и в буре, т<о> е<сть> искать того, чтобы быть всегда внутренне свободным, внутренне деятельным, не равнодушным, горячим, горящим, к жизни, к Богу, к людям. «Духом пламенейте, Господу служите»⁷. В этом есть труд, в этом есть воля, и воля и есть труд, ибо воля хочет действовать, трудиться, жить, созидать в бесконечные веки блаженных веков.

А смерть хочет безволия и небытия. Легче всего умереть, труднее всего — полюбить нескончаемость жизни. Зато те, кто действительно полюбили, вкушают от «древа жизни», т<о> е<сть> возвращаются в первоначальное состояние человека, в состояние блаженства духа и тела и уже не понимают просто, что такое слово «трудно», ибо, когда человек счастлив, ему все легко.

Своими словами о том, что после окончания инст<иту>та ты, наверное, уедешь, ты меня огорчил, — значит, еще очень не скоро мы с тобой увидимся. А я мечтал иногда о другом, что ты будешь работать где-нибудь близко и мы хоть в неделю раз будем вместе. Жизнь ведь исключительно коротка. Твоя жизнь и твой путь меня очень заботят.

От мамы идут хорошие письма. Не забудь 30 сентября⁸ быть у нее на именинах, она любит этот день.

Я как-то просил, нельзя ли мне выписать «Moscow News»^{* 9} для того, чтобы не забыть язык и быть в состоянии заработать хоть что-нибудь, когда я кончу срок и смогу куда-нибудь переехать в город. Выписать ее, я знаю, трудно, тираж небольшой, но все же возможно. Спроси Тамару — я тогда пришлю денег. Я совсем не знаю, что я буду делать, когда смогу отсюда уехать, но думаю, что работа преподавателя языка или переводчика подошла бы мне больше всего. Впрочем, неважно, это еще очень далеко. Значит, ты на 4-м и последнем курсе? Я никогда не испытывал этого состояния и всегда был только на первом. Целую Тамару, целую тебя, мой такой дорогой и хороший мальчик.

Твой п.

---

* «Московские новости» (англ.).

Я всегда мыслью с тобой.

Когда любишь, вот как я тебя, то часто мучает мысль невозможности дать любимому все то благо, которое бы хотел для него. У меня это мучение «осложняется» еще тем, что я знаю, что в нашей здешней жизни все блага вообще относительно и для получения подлинного и вечного блага их, может быть, иногда лучше совсем не иметь, по мере своих сил, конечно. Но это «неимение» есть «страдание», лишение в той или иной степени. А как можно желать страдания другому, даже малейшего? Никак нельзя, и отсюда — раздвоение, двойная тревога и двойная мука за любимого.

Это так, разговор с собой.

Да сохранил тебя Бог от всякого зла!

Пиши мне обо всем, что захочется писать.

№ 22. Н.С. Фуделю

28 VIII [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Милый и дорогой мой Николаша.

Спасибо за письмо от 17 VIII. Ты теперь уже, наверное, на Кавказе, а когда придет письмо, будешь возвращаться. Надеюсь, что ты отдохнешь, а не просто совершишь поездку. Я, конечно, не знаю, но думаю, что небольшое опоздание никто тебе не поставит в вину. Хотел бы я видеть тебя. Ты теперь, наверное, меняешься с каждым годом в лице. Последняя твоя карточка у какого-то письменного стола. А загорских карточек я так и не получил и уж совсем не представляю себе, на что похожи мои дочери.

Твой вопрос: можно ли преодолеть и как преодолевать свое внутр<еннее> притупление — конечно, сейчас для меня трудный. Ответить на него должен тот, кто это притупление сам уже преодолел. Я могу только что-то предчувствовать или догадываться, как еще ничего не преодолевший. Прежде всего и сердцу и разуму делаются очевидны некоторые факты. Прежде всего очевидно, что внутри человека действуют как бы два противоборных закона, один условно называется законом духа, а другой — плоти. Как бы их ни назвать, самый факт борьбы их очевиден до крови. Это борьба жестокая и страшная и в конце концов все сводится к ней: к борьбе за обладание человеком. Одни эту борьбу могут совершенно не осознавать, т<ак> к<ак> они всецело подчинились плоти и ею мыслят, и ею чувствуют. Те, кто не хотят этого подчинения плоти, вступают на путь больших мучений и длительного труда, иногда кажущегося совершенно безнадежным, но иногда, вдруг, открывающего внутри ума и сердца и всех составов человека и мозгов такие голубые небеса и золотые солнца, что у человека замирает душа от предчувствия блаженства победы и он готов трудиться еще 1000 лет.

Но не только в этом видении — плод труда. Он также в том, что человек чем больше трудится, тем больше приобретает мира и прочности. В чем же заключается труд? Мне кажется, прежде всего в том, чтобы всегда трудиться. Это не парадокс для избежания точного ответа. Блаженство предощущаемое, счастье и тишина прозреваемая, столь неизреченно велики, что они могут только как молния озарить на минуту душу и вновь она остается в потемках. И вот тогда начинается труд не забыть, труд не переставать верить, труд хранить в себе память тех мгновений озарения, труд искания их вновь и вновь, стучать перед захлопнувшейся дверью, просить, добиваться, умолять, никуда не уходить и стоять, как нищий, перед дверью к сокровищам. Тот, кто считает себя богатым, — не станет этого делать, только нищие могут стоять у дверей. Только нищие могут испытывать этот духовный голод, а богатые никогда его не знают, они всегда довольны собой, своими книгами, своими достижениями или даже своим табачным дымом. Непрестанно добиваться опять того же на миг пришедшего и куда-то скрывшегося счастья, всегда его помнить, всегда ему верить, как величайшей реальности — вот в чем труд. Попробуй-ка всегда помнить! Это величайший труд. В этом и есть вера — хранить в себе невидимое как величайшую видимую реальность, блюсти в себе всегда какую-то чашу, чтобы она была готова принять божественное вино, которое в нее прольется тогда, когда ему будет угодно, — не по моим заслугам, а (по совсем иным законам духа) по любви Божией.

Так вот, в этом «всегда» и заключается самый главный труд. «Иногда», «изредка» почти все или даже, может, все люди способны озариться. Вот идет кто-нибудь по улице и откуда-нибудь с 3-го этажа донесется до него какая-нибудь мелодия, может быть, песня, слышанная в детстве, и в человеке раздвинутся на секунду стены и душа примет солнце и тут же опять погаснет и не ищет вновь. Во всегдашнем искании Бога, в постоянной неудовлетворенности, в алчной жажде божественного питья, в этом постоянстве толкания дверей — и заключается трудность труда. Но тогда человек показывает, что он действительно возлюбил то, что он получил когда-то на минуту и теперь хочет получить это навсегда. Он не может быть без этого, он задыхается вне этого и он готов все отдать за однажды открывшееся перед ним сокровище. Тут уже не «любовь», а «влюбленность» в божественное, тут в душе возникают силы, и рождается разум, и возникает понимание, и сходит в нас мудрость, и облекается она в терпение — все для того, чтобы искать Возлюбленного.

«Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашел человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то»².

Трудности велики, но и воздаяние безмерно. Терпение нужно великое, но и утешение неизреченно. Потому и сказано, что «узок путь, ведущий в Жизнь, и немногие находят его»³.

Может, я говорю слишком отвлеченно. Для меня самого здесь нет отвлеченности, все вполне конкретно. Всегда искать, всегда жаждать, всегда трудиться — это означает многое, очень многое, и очень малое, и очень трудно измеримое и очень ничтожное. Это самоограничение, это волевая узда на всех членах тела, в частности, на глазах, чтобы они учились, созерцая временное, восходить к вечному, это терпение чужих недостатков, это непрестанная молитва, это непрестанное трезвение, чтобы заслужить хотя бы глоток «того» вина, это постоянное «выхождение» из своей скорлупы к людям, на помощь к ним, на утешение к ним, это опять-таки и еще раз самоограничение, т<о> е<сть> понуждение себя. Пока человек жив, суждено ему проходить «сквозь тесные врата»⁴, и «тесность» эта становится неощутима только уже после многих лет труда и терпения.

«Человекам невозможно, Богу же все возможно»⁵, т<о> е<сть> с Ним преодолевается всякая трудность.

Но никакая «теория» ничему не научит. А в этом вопросе «практика» заключается в том, чтобы человек потянулся бы, как цветок к солнцу, к тому, чтобы полюбить Бога. Я уже сказал, что здесь даже не хватает слова «любовь», или, вернее, обычного его «фонетического» тела, здесь хочется сказать «влюбленность», некое безумие любви к возлюбленному Богу и Господу и Человеку Иисусу Христу. «Будет безумным, чтобы быть мудрым»⁶ и чтобы найти само дыхание жизни и в нем жить.

А если хочешь быть «умным», то ничего не найдешь и даже песенки с 3-го этажа скоро перестанут открывать стену. Так, дорогой мой и милый Николашенька, мыслится мне. Сладчайшие плоды с дерева жизни дает труд наш для освобождения от греховного притупления. Не досадуй на меня, если мыслю неясно или пишу плохо.

Человек пишет неясно, когда чувствует неясно, когда не по силам для него то, что он пишет. И вот я в себе чувствую, что плохо я пишу, неясно, что не так об этом обо всем надо говорить, что об этом надо иметь в себе слова, как существа живые и теплые и непорочные. А если слова не как живые существа, то лучше молчать.

Обнимаю тебя, желаю очень здоровья и крепости на всю предстоящую зиму.

Твой п.

Целую Тамару, приветствую ее. Мунечку целую. Я очень рад за тебя, что ты с ними.

№ 23. Н.С. Фуделю

[Октябрь, 1949, с. Большой Улуй]¹

Дорогой Коленька.

Рад, что ты прибыл и начал занятия². Это последний курс, я полагаю. По всему вижу, что нам с тобой еще долго, долго не увидеться. Тем более ценишь письма.

Я знаю, что ты не понимаешь многих моих «странностей» или, как ты пишешь, «многое в тебе странно для меня». В этом виноват я сам, то, что я не воспитал в тебе любви к этим странностям, на себя я и должен пенять, а не на тебя. И, конечно, я пеняю горько, т<ак> к<ак> это устанавливает некую границу дружбе, не скажу любви.

Как тебе сказать? Есть некое реальное бытие, помимо того, которое мы видим. Люди «со странностями» в этом бытии бывают и знают, что быть в нем для них высшее счастье. Когда они встречаются таких же, как они, бывавших в нем, они особенно радуются, их глаза через глаза этого встреченного друга уходят туда, в это бытие, вспоминают его, вновь вкушают его полноты.

Так бывало у меня с т<етей> Марусей. Конечно, я хотел бы, чтобы это было бы и в наших отношениях. Здесь ничего не надумаешь, здесь никак не сфальшивишь. Если это есть — есть, если нет — нет, ибо это не от людей, а от царства Божия, расцветающего внутри человека.

Говорят, что есть два как бы вида любви и им придают два древнегреческие термина: первая любовь это любовь жертвенная, любовь за всех и независимо ни от чего, это любовь — αγάπη, агапэ, а вторая любовь — это φιλία, филиа, дружба, любовь встречи человека с человеком в конкретном образе выделенного бытия. Кто знает — так ли это, но что-то есть в этом верного.

Так вот, надо не только любить «внутренний мир» друга, но и самому быть в нем, для того чтобы могло произойти то неизреченное чудо, о котором я говорил сейчас, — встречи двух людей, вкусивших одного и того же Бытия. Об этом уже я когда-то писал тебе еще перед смертью т<ети> Маруси, о моем отношении к ней. Трудно мне говорить. Кстати прошу тебя, где мое последнее письмо к ней от 8 V 49 г.³, которое я послал с письмом к Тамаре. Из всего этого, конечно, не значит, что мы не должны писать друг другу или что мы не близки друг другу. Что для «филии» нет границ в годах и поколениях, подтверждает мне моя память о моем отце, когда в пасхальную ночь огни в его глазах передавались нам и улыбка его, — такая улыбка! (я чуть было не сказал: «спроси т<етю> Марусю») — обнимала нас, его детей — друзей. Мне было 16, а ему 50⁴. И я помню, как я держал его голову, когда он

умер⁵, еще теплую голову любимого человека, сумевшего так согреть всех нас, его детей.

Без-личная, без-лика я истина не греет, она «светит, но не греет», она подобна не солнцу, а только электрическому юпитеру. Ты должен найти имя истине, ты должен назвать ее для себя. И у меня, и у мамы, и у моего отца, и у т<ети> Маруси есть это имя. И огнем этого Имени светились глаза его в пасхальную ночь.

Ты пишешь о «плоти». Это трудно кратко сказать, но, конечно, «плоть» не есть «тело». Тело свято и божественно, тело Храм Божий и сонаследник вечности. «Плоть» это искаженная грехом природа нашей жизни, и «телесной», и «душевной». Дорога одна: духоносного тела, ищущего вечности, дорога истинной жизни человеческой.

Человеку труднее всего, нестерпимее всего, обиднее всего принять идею греха. «Как это так», «такой анахронизм и дикость»!

Грех же познается вполне только тогда, когда истина имеет Имя, когда всякое нарушение нормы есть не просто «нарушение истины», но и личное оскорбление любимому, личное и новое мучение Любимого и распятие Его.

Если же не понимать, что есть «грех», то никогда не поймешь того, что есть святость, что есть чистота, что есть абсолютность какого-то бытия, что есть Истина. Человек, не знающий черного цвета, не узнает белого. Всякое отрицание идеи греха есть отрицание идеи Истины. Можно, конечно, до времени не сознавать этого и говорить об «истинах», но в конечном счете исторический вопрос Пилата «что есть истина?» — равнодушие ко всему и практическое погружение в грех.

Конечно, у каждого человека своя форма, и своя у каждого музыкальная идея. Но грех один: это забвение человеком своей формы и своей идеи, своей души и тела и погружение в «плоть».

К сожалению, от моих слов получается вроде как стук на счетах, а денег от стука не получается. Деньги получаются от другого — от страдания часто, от смерти близких иногда, от любви чьей-нибудь и молитвы. Больше всего на свете иногда равнодушия или презрения к людям. Тогда уже не помогут никакие молитвы.

Крепко тебя целую, мой дорогой, и крепко люблю.

Твой п.

Тамару целую и Муню. Кирилл⁶ должен был нарисовать картину, где умерла т<етя> Маруся. Я все поджидаю это.

Я рад, что ты был у мамы 30 IX⁷. Не забывай ее, ездь к ней по возможности часто, как бы это ни было иногда и трудно. Может быть, уже будущим летом уедешь надолго от нее, или даже навсегда, куда-нибудь в другой город.

Почему-то совсем не пишет мне т<етя> Нина.

№ 24. Н.С. Фуделю
9 XI / 1949, с. Большой Улуй¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо от 29 X. Я давно не получал от тебя, беспокоился, и не зря, т<ак> < как> теперь знаю, что ты болел. Твои легкие меня всегда беспокоят. У меня был процесс в 1919—20-м году², а сестра моя Лида³, как тебе известно, умерла от него. Но мой активный процесс бесследно прошел в лесах Зырян<ского> края⁴. Я надеюсь, что ты уже не ходишь теперь зимою в расстегнутом виде, как было когда-то в Загорске.

Варенька мне пишет, что «Коля скоро уедет преподавать», и я подумал об ускоренном выпуске. Но, наверное, это просто так. Хотя все равно это «скоро», т<ак> < как> ведь весной ты кончишь. Как-то даже не верится, что через сколько-то месяцев ты кончишь учиться⁵ и куда-то уедешь на самостоятельную, иную жизнь, будешь создавать свою, иную семью.

Внешне у тебя было мало корней в твоей настоящей, т<о> е<сть> теперешней семье, но я и, наверное, мама, когда этот «разрыв» произойдет, почувствуем, что корни были и там, где они были, будет больно. Такие уже законы общезнания! Зимнее, по-моему, всегда почему-то загадочное солнце светит таким желтым светом в комнату и тоже говорит — что да! — законы, законы. Куда-то все когда-нибудь уходят, умирают, уезжают, и так редко, так ужасно редко когда опять собираются вместе.

Вот уж действительно: «смерть и время царят на земле»⁶. Вещи не помогают: и они уничтожаются. Я знаю, что помогает, но «рад бы в рай, да грехи не пускают». Нужен большой труд и великое терпение в этом труде над собой, над воспитанием себя, над очищением себя, чтобы сохранить нетленность отношений, чтобы в вечно текущем потоке бытия, в «реке времени» стать на камне веры.

Что касается себя, то я мало надеюсь на возможность совместной жизни с мамой и девочками даже и после срока.

Сегодня у меня приятный день, т<ак> к<ак> я получил сразу три письма — от тебя, мамы и Маши. Рад, что их дела понемногу делаются, что Машенька преодолевает трудности учения и работы, что сено есть. Недавно получил после 3¹/₂⁷ лет мамину и Варенькину карточку, и она меня ужасно утешает. А как хорошо рисует Кирилл! Его рисунок висит у меня над кроватью, и я, просыпаясь или приходя с работы, через него точно вхожу в эту комнату. И твоя жизнь мне стала как-то ближе, географически понятней.

Тамаре я очень благодарен за ее заботу и вещи, кот<орые> она прислала. Некоторые из них — черн<ые> брюки, тепл<ая>

рубашка, полотенце, материя — оказались весьма нужными. Что мне еще нужно — ты спрашиваешь. Я затрудняюсь ответить. Наверно, ничего, если я затрудняюсь. Я послал Там<аре> три письма — получила ли она? Нет ли у Макса или еще где-н<ибудь> старых технических журналов или научных, но не очень трудных. Я люблю их читать, а здесь нет. Из литературы последнее, что я читал, был Б. Шоу, и меня вырвало, и больше я литературы не хочу. Среди книг т<ети> Маруси были 11 томов — большие, желтые, в переплетах «Жития святых» на славян<ском> языке⁸. Пусть это сохранится, там есть сокровища как Рублевская икона (также и все другие ее и мои книги надо бы сохранить).

Целую тебя, дорогой мой.

Может, завтра, еще допишу. Что-то еще хочется с тобой говорить, но я разучился писать, да и вечер уже для здешнего поздний, а керосину мало. Можно быть очень близкими и в разлуке. Твой п.

№ 25. Н.С. Фуделю

10 XI [1949, с. *Большой Улуй*]¹

Новый вечер совершенно такой же.

Когда шел со службы домой, сильно морозило, хрустел снег и над малиновым закатом горела уже звезда. Холодные эти закаты, и сколько холода приняла душа за всю жизнь!

«Холодная черта зари, —
Как память близкого недуга»².

Живет душа в общем как на острове, а кругом холодное море и волны бьют о берег и обдают с ног до головы. Зачем же после этого люди удивляются на тех людей, которые, найдя источник тепла, идут к нему?

Я рад, что «родовая» лампа еще светит и греет тебя.

В конце концов я все же сообразил, что мне нужно (я стал рассеян и несообразителен к 50 годам)³. Мне нужно что-то вроде пиджачка или, еще лучше, кителя или вроде толстовки, но я люблю прямые воротники (впрочем, это не важно), а то этот пиджак все же третью зиму не выдержит, наверное, и я останусь в той рубашке, которую прислала Тамара. В крайности можно, конечно, проходить и в ней, надевая сверху телогрейку, которая у меня есть. Рубашка присланная (бумазейная) очень хороша, но, к сожалению, весьма коротка и сзади все время вылезает, к моему сожалению.

11 XI. Сегодня 18 лет Машеньке⁴. На днях получил от нее очень теплое письмо.

№ 26. Н.С. Фуделю
16 XI [1949, с. Большой Улуй]¹

Дорогой мой мальчик.

Мне очень грустно, очень грустно, что я тебя огорчил письмом. Я, уж как только послал его, забеспокоился. А сегодня, когда я читал твой ответ — заслуженное мною наказание, — у меня было совершенно такое же чувство сожаления, любви, раскаяния — какое было однажды вечером, 22—23 года тому назад, когда я приехал к тебе, крошечному мальчику, оставленному на целые сутки в пустом доме с Муней в Манихине². Помню дорогу от станции, темноту, лес, огонек в окне дома, радостные возгласы Муни, отворяющей мне дверь, и невероятную твою радость, которая выразилась в том, что ты начал делать какие-то восторженные круги по обширной кухне, бегом-бегом, вокруг меня и Муни, держащей в руках лампу. Мама тогда была в больнице у д<яди> Левы³, которому делали операцию язвы желудка, и она с неделю у него дежурила. Очень, наверное, было тебе скучно, и страшно и сумрачно в большом, хоть и уютном и теплом, доме, вдвоем с Муней, которая к тому же, наверное, сэкономила лампу и все время засыпала над чаем. Я почувствовал — впервые, — какую радость и какое огорчение я могу принести этому маленькому светлому существу.

Я очень дорожу твоими словами. Может быть, еще никто не был ко мне так снисходителен и добр. А человеческому сердцу больше ничего и не надо. Одно меня несколько примиряет с тем, что я написал свое письмо, это то, что, несмотря на твоё огорчение, а может быть, благодаря ему, мы с тобой не только не станем дальше друг от друга, но, наоборот, будем еще ближе.

Такие уж как-то законы у любви, вернее, у людей, рождающих любовь — как у роженицы, мучающейся родами: «жена, егда рождает, скорбь имать, яко прииде час ее. Когда же родит, не помнит скорби за радость, яко родися отроча в мир»⁴. Но это, конечно, не значит, что надо, хотя бы по неосторожности, огорчать друг друга — я это говорю про себя — и я еще раз прошу тебя извинить твоего действительно уже старого и неудачного философа.

Крепко тебя целую и благословляю тебя, твое сердце и голову и твою жизнь, чтобы она была проще моей, чище моей и светлее моей. Я столько наглотался холодных зимних закатов в разных одиночествах, что, наверное, часто могу быть несносным, самонадеянным и грубым.

Любовь очень не любит законоучительство, и она, во всяком случае — если даже вынуждена говорить, — не ищет своего и не раздражается и всегда милосердна и всегда долготерпелива ко всем⁵.

Она ведь пришла не судить людей, а спасти людей, а это большая разница.

Вот почему так тяжело до сих пор, что умерла т<етя> Маруся.

Я теперь знаю окончательно, что до конца нашей жизни нас будет связывать дружба.

Теперь я хотел бы несколько пояснить себя, т<ак> к<ак> мне хотелось бы, чтобы ты меня понимал (я говорю о прошлом письме), но вместо пояснения я скажу только вот что. К «форме» я отношусь, наверное, еще более терпимо, чем ты думаешь. И если я говорю о «названии» Истины, то только в том смысле — как для влюбленного драгоценно самое имя возлюбленной. В этой возлюбленной форма для него стала адекватна содержанию — очарование какой-нибудь ее руки все время наглядно удостоверяет, что вот в этом существе, внутри его горит некая Идея-Солнце, рассылающая свои победоносные лучи по всему ее телу, на периферию. Так может быть в личных отношениях. Но человек пока еще очень пленен. Поэтому еще сильнее это же чувство адекватности формы содержанию проявляется в отношении к самой Истине.

Если человек не влюблен в Бога, то он еще не совсем поверил в Него. А если он поверил в Него, то он знает его имя и это Имя согревает его сердце и ведет его жизнь.

Спасибо тебе за книги.

Спасибо тебе еще раз за письмо. Оно лежит сейчас у меня перед глазами и мне хотелось бы сделать для тебя что-нибудь очень хорошее. Я не могу даже посылать тебе денег. Прости мне мои чувства, мои волнения, мою неуживчивость.

Тревога за тебя иногда нестерпима. Да сохранил Господь твою жизнь!

Тамаре спасибо за все. Очень был тронут, когда в посылке нашел маленький кусочек мохнатого полотенца — у меня как раз все 3¹/₂⁶ года не было этого для мытья. Я тебе послал заказное, кажется, 12 XI. От мамы хорошие письма. Целую тебя крепко.

Твой п.

Не сумею я, наверное, сказать тебе самое нужное. Да знаю я и то, что никакими словами человеческими здесь не сможешь. Здесь только Божий голос может позвать сердце человеческое, и тогда оно все поймет, все уразумеет и все сможет и все сумеет: и радоваться в праздники, и терпеть в будни.

«В терпении вашем стяжите души ваши»⁷.

Если ты любишь кого-нибудь больше всего тогда, когда ты чист и смиренен, — то это значит настоящая любовь в тебе. Ведь в конце концов в чем же дело у нас? Почему мы, когда к нам приходит подлинная любовь, начинаем ее бояться? Да потому, что

мы очень нечисты, а любовь требует целомудрия. Ты сам говоришь: «в сердце выжженные пустыри».

Но одно дело найти определение или красивый точный образ, а другое дело (совсем другое дело) с пустырями или нечистойой бороться. Я знал одного поэта, он, помню, писал, например, так:

«И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни»...
«Насквозь прокурена душа»...⁸

и т. д. А вот бросить курить он, конечно, не мог и, наверное, втайне слегка любовался своими «старинными болезнями».

Это я только к тому (и как бы в скобках), что иногда само ощущение нечистоты у нас притушено и нечистота иногда замаскирована весьма хитроумно.

Для того чтобы всю жизнь любить жену, надо всю жизнь быть в нее влюбленным, т<о> е<сть> иметь всегда к ней как бы рыцарское обожание.

Но это «праздничная сторона» медали, а на обратной стороне ее — борьба внутри, в котле сознания, в сердце, за постоянную бдительность к себе, к своим словам и поступкам, борьба с буднями до крови. У Генри есть острое словцо: «женящийся мужчина становится капитаном на мостике»⁹ (можно добавить) весьма хрупкого корабля.

Трудная работа быть капитаном на мостике.

Половое чувство не только неизбежно в брачной любви, но оно и благословенно в ней.

Однако ужасно, если брак строится на нем. Основать брак можно только на дружбе, а пол пусть приходит после и только тогда, когда это нужно. Пол ненасытен, как чудовище, и поэтому нельзя на нем строить брака. Пусть даже верно и то, что всякая дружба с женщиной пронизана полом. Мы и не собираемся быть беспольными. Но одно дело собака на цепи, охраняющая дом, а другое дело — она же у меня на столе со всеми 4 ногами, пожирающая мой обед.

Прости меня, дружок, за это бессвязное письмо.

Твой п.

№ 27. Н.С. Фуделю

10 XII [1949, с. Большой Улуй]¹

Дорогой мой Николаша.

Спасибо за письмо от 25 XI.

Чередование буден и праздников неизбежно, и в этом еще нет ничего удручающего. Это неизбежно на Земле.

Даже и колокола раньше были разные: одни для будничных служб, а другие — побольше — для праздничных. На праздники и трезвоны были особенные — торжествующие, как голубое небо на Пасху.

Не в этом чередовании опасность, а в том, что мы в будни не ждем праздника, что мы в будни забываем о празднике, что в будни мы не верим в праздник, что в будни мы изменяем празднику! Мы не умеем ждать, мы не умеем в терпении работать. И поэтому, когда озарившее нас вдохновение любви нас оставило, мы оказываемся ничтожными существами, бессильными и в то же время самонадеянными. Если же в этих наступивших буднях становится совсем уже скучно, мы тогда зажигаем «ложные огни» хмеля, увлечений, полового возбуждения; того или иного прожигания жизни.

Что об этом обо всем я могу сказать в отношении тебя? Наверное, ничего не могу сказать, так как сам слишком много «прожигал» зря жизнь, чтобы учить других. Учить могут люди уже спасенные, а я еще только «спасаюсь», я еще только предчувствую спасение.

«Жизнь прожить — не поле перейти».

«Есть целый мир в душе твоей»².

Мы слишком еще ничтожны, чтобы постоянно и всегда этот мир слушать. Но мы можем, если мы будем мужественны и честны, быть всегда верными этому миру, мы можем ему не изменять. Вот терпение будней и есть наша верность любви, и это есть самое важное и самое трудное в жизни.

Когда душа переполнена вдохновением, когда, по милости Божией, окно в вечность широко распахнулось перед нами — нет ничего легче, как верить или любить.

Но вот когда болит зуб, или любимая некрасиво сморкается, или просто монотонность жизни, как воды, подступила к сознанию — вот когда трудно внутри себя держать зажженным огонь, не ложный, а истинный.

Человек должен чувствовать себя всегда, как солдат на фронте. Враг — то есть духовное равнодушие к другим, отупляющее самомнение, самолюбование и самоуслаждение — не дремлет. В чем же внутренний огонь? Где источник силы терпения в ожидании грядущего в душу праздника? Где оружие против всяческой самости?

Ну, ты же знаешь! И тетя Маруся знала. В кресте Христовом, в любви его, в распятии себя.

Ни от кого не требуется ничего больше меры его и больше сил его, но каждый должен найти свой крест и от себя отказаться, чтобы себя, свое самое драгоценное и вечное найти навсегда.

Отчего же в конце концов человек должен отказываться?

Да только от своей похоти, от самоуслаждения.

Самоуслаждение бывает разное. Я знал одного, уже теперь умершего священника, который самоулаждался в том, что мнил себя духовно-великим, а в это время изнемогала и страдала его семья, а он не замечал, или считал, что это пустяки по сравнению с его «святостью». Другие самоулаждаются более примитивно.

Один мой приятель когда-то все просил меня (деликатно), чтобы я сделался любовником его жены. Дело в том, что он сам «крутил» вовсю и вот, видите ли, — ему не нравилось, что он крутит один, что жена ему не изменяет и от его измен страдает. Ему было бы «спокойней», если бы они были «квиты».

Самоуслаждение многовидно, и всякий знает, что оно значит.

Мы с ним только и боремся в буднях, т<о> е<сть> когда нет вдохновения, когда душа молчит, когда серое небо и нет трезвона к празднику. И вот если мы, хоть и изнемогая в этой борьбе, все же боремся, все же терпеливо работаем над собой и ждем, — тогда только и может возникнуть и возникает Праздник, Воскресение после Голгофы. Широко открывается окно, и душа отдыхает. Воинскую часть отвели на короткий отдых. И так до смерти.

№ 28. Н.С. Фуделю

21 1950 [с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо от 24 XII, в ответ на мое. Порадовался я потому, что мои письма, видно, тебе в чем-то нужны, и в то же время стало грустно мне очень, оттого что я знаю, как мало я тебе могу помочь. Бог может помочь только. Я знаю, как мучительно сложна и трудна жизнь, как запутанно многое в нас самих, как слаба наша воля, как недостаточна наша вера, как темно иногда и холодно в нашем разуме.

К Богу может только зывать любовь, день и ночь, ночь и день зывать сердце. За близких страшнее, чем за себя. На себя можно как бы плюнуть («ну, пропадешь и пропадешь!»), но за любимых тревожно и горько. Впрочем, и на себя плевать нельзя. Плевание на себя, это есенинство, и когда «плюешь» на себя, тогда постепенно холодеешь и к любимым, тревога за них угасает, боль любви проходит и остается холод и пустыня равнодушия. И наоборот: чем больше жжешь свои нечистоты, своего мусора, тем сильнее разгорается внутри какой-то огонь и согреваешься весь. Нельзя делать другому больно.

Ты правильно заметил: слова не передают, слова иногда трачивают правду. Надо больше молчать, но молчание тогда хорошо, когда идет плодотворная внутренняя жизнь. Вот к ней-то и надо стремиться, в ней все. Когда она началась, то поневоле замолкаешь — чтобы слушать ее, поневоле молчишь, чтобы не за-

глушить своим шумом ее голоса, ее тишины, ее правды. У кого это сказано?

«Я люблю обращенных в слух»².

Незримая, но явно слышимая жизнь духа — вот что надо искать, что надо беречь как величайшее сокровище.

Ты пишешь: «В порывах моя слабость, и она губит меня в буднях, так как терпение самое страшное для меня слово».

Потому-то мы, наверно, и «порываемся» все куда-то вовне, что внутри нас, все нам неинтересно и скучно, потому что внутри нас нет для нас настоящей живой жизни.

Это же древняя черта человека: «суждены нам благие порывы, свершить ничего не дано»³. Чеховские сестры тоже стремились «вовне», в Москву, все мы куда-то стремимся и все больше разочаровываемся, и постепенно все больше сохнет сердце, все больше холодеет кровь.

Я думаю, что т<етя> Маруся стремилась только к тому, чтобы унести от Фефочки⁴ побольше сахара, накормить им тебя и меня. В этом было ее стремление «вовне». Внутри же ее жило Солнце!

И вот я больше ничего не могу тебе сказать и готов залить эту бумагу слезами, каковые стыдно лить пожилому мужчине. Кстати, сейчас надо идти на вечернюю работу. Целую, мой дорогой мальчик, тебя крепко. Если я пишу что-нибудь резко, то ты не прими с обидой. Я многого не знаю, многое могу сказать не так. Твердо я знаю только две вещи: первая это то, чем жила т<етя> Маруся, и второе то, что мне очень тяжело без нее. Твой п.

Сейчас пришел с вечерней работы, но, наверно, уже ничего не сумею написать больше. Перечел, что написал, и подумал, что вот — с каким волнением сердца я писал, а при чтении получают обрывочные, не совсем понятные и мало передающие фразы. Потому-то я еще раз говорю: не писать хочется, не говорить, а молить Бога, чтобы он вразумил нас и простил. Очень уж много мы согрешаем. Уходя на службу, я сбоку странички приписал, что не надо делать больно другому. Мне почему-то в ту минуту показалось, что ты делаешь кому-то больно, и мне стало жалко его, жалко тебя, горько за тебя.

Надо стараться никому не делать больно. Очень коротка наша жизнь, невероятно коротка, и как-то надо суметь ее прожить с теплом для других, уж если не с любовью, то с каким-то теплом для других. Людям и так уж больно, человек начинает плакать, как только он появляется на свет. Так вот страшно, если мы не уменьшаем, а увеличиваем этот плач.

Если человек отдаст отчет на последнем Суде за каждое праздное слово свое, то тем более за каждую Слезу, им вызванную у других.

Любовь достигается, а не кладется в карман, как свежий носовой платок. Так и сказано: «Достигайте Любви»⁵. Но что мы знаем о ней!

Если ты бросил курить, это хорошо. Я тоже уже давно не курю. О твоей возможности отъезда что я могу думать?⁶ Если это неизбежно, то нечего и говорить. Если можно избежать далекого отъезда, то лучше избежать. Надежда найти интересную природу, охоту и прочее — иллюзорна. Ты будешь в краевом или областном центре, и самое отрадное, что ты найдешь, это библиотеку. Все же остальное нереально. И на охоту надо ехать далеко в глушь, а ты будешь занят в центре.

Работать, конечно, везде можно, и везде можно жить, но тебе будет трудно без некоторых людей, и не знаю, будет ли хорошо это для твоего сердца. Обычно считают так: чем меньше страдает сердце — тем лучше. Я совсем не так думаю. Что мы, должны его консервировать, что ли, в банке со спиртом! Пусть живет, и страдает, и плачет, и радуется во славу Божию!

Но, может быть, только для того, чтобы что-то понять и оценить, тебе и следовало бы поехать года на два. Не знаю, неужели всегда надо учиться на ошибках? Я многому учился только на ошибках и потому прошу тебя: старайся учиться и по-другому. Уж очень коротка наша здешняя жизнь (это в молодости только бывает иллюзия ее длительности), и надо успеть на это короткое время хоть что-то подготовить для будущей. Надо дорожить временем.

Прости меня за поучения. Я бы не хотел никого учить.

Еще раз крепко тебя целую. Иду спать сейчас.

Твой п.

Я недавно писал Тамаре.

№ 29. Н.С. Фуделю

6 I 1950 [с. *Большой Улуй*]¹

Милый мой сынок.

Сегодня Сочельник, и как ни много в душе темных облаков, они расходятся, и открывается зимняя лазурь детства, комнаты, в которых когда-то, десятки лет назад, в этот зимний день была тишина и благословение моего детства. Это было в том желтеньком доме, который все еще стоит рядом с домом № 47 в Плотниковом переулке, и была там комната «мамина», с одним окном в небольшой сад (с кустами сирени) и лежанкой изразцами. Помню, что на одном изразце я выпрямлял гвоздь и, конечно, гвоздь не выпрямил, а изразец разбил. Утром рано, когда я спал, каждый раз в этот день ко мне приходил папа и совал мне под подушку какой-нибудь подарок для мамы (в этот день были и ее именины)², и конечно, я тут же просыпался и сразу же из сна по-

гружался в Праздник, в воздух какого-то благословенного торжества, и даже само одеванье было в это утро чем-то особенным и приятным. И вот, помню, идешь наконец в эту «мамину» комнату и, конечно, как всегда застаешь ее в белом чесучовом костюме и слегка надушенную, в кресле, с ласковым взглядом человека, который видел в жизни так много хорошего. А весь дом полон запахов — елки, игрушек и всяких вкусных вещей. У нас не было строго, но через отца шло благоговение к Празднику, и это налагало тишину и как-то не давало запахам и шипенью жаркого из кухни слишком пробиваться в комнаты. Да и ведь жаркое готовилось к завтрашнему дню, а сегодня был еще сочельник и только еще вечером запоют наконец в церкви «С нами Бог!».

Елка у нас никогда не зажигалась в Сочельник. С елкой, естественно связано объеданье орехами и всякими вещами, игры и веселье, шум и многое из чисто человеческого.

А в канун праздника надо было хоть еще немного, хоть еще несколько часов удержать немощную мысль на том событии, которое когда-то совершилось. Собственно, в этом и вообще была характерная черта нашего дома, вернее, того духа, который наполнял его благодаря отцовскому воспитанию. Все его воспитание (совершенно лишенное «дидактизма») сводилось к тому, чтобы мы полюбили Бога. Это как будто даже странно звучит, — не то слишком просто, не то слишком, наоборот, отвлеченно. На самом же деле научиться этой первой заповеди и невероятно сложно, и в то же время больше всего необходимо по своей конкретности и по своей первопричинности для всего поведения человека. Если мы иногда еще вспоминаем, что надо полюбить человека, то о том, чтобы полюбить богочеловека, мы (т<о> е<сть> я или еще кто-нибудь из верующих), почти не имеем понятия. И поэтому Он остается один и мы одни, разобщенные и поэтому неумиренные.

И когда я вспоминаю этот Сочельник в детстве и ищу объяснения тому миру, который оттуда до сих пор еще питает мою жизнь, то кажется мне, что источник его только в этой любви к Человеку и Богу, к Христу, которую имел в себе отец. Он его любил — это я знаю, и это запомнилось мне на всю жизнь. Вот, мой милый Николаша, и пишу тебе об этом. Сейчас уже стало смеркаться, наверное, почта прочитана, а письма от тебя нет, очень жалко. Только в переводе денег ты кратко пишешь, что получил мое письмо (должно быть два). Я знаю, что ты очень занят, и, правда, удивляюсь, что ты еще находишь время мне писать. Я получил не только деньги, но и посылку, и нахожусь в полном изобилии. Спасибо тебе за все! Тамаре я тут же послал письмо.

Как действительно прекрасное Рождественское чтение нашел у Чернышевского в I томе подробное описание «Путешествия по святым местам» Норова³.

Там же нашел наконец и rendez-vous с Тургеневым⁴, о котором прилагаю на всякий случай страничку, хотя ты, может, все это и знаешь.

Целую крепко и Машеньку тоже.
Твой п.

№ 30. Н.С. Фуделю

*I III [1950, с. Большой Улуй]*¹

Дорогой мой Николаша.

Чувствую, что ты сейчас весь погружен в занятия, и боюсь за твое здоровье. Ты все же знай меру и не переутомляйся, работай так, чтобы не надорваться, а то диплом приобретешь², а здоровье потеряешь.

Я рад, что ты в этом году кончишь, но у меня много сомнений и беспокойства о будущей твоей работе. Виню себя за то, что не привил тебе вкуса к иным профессиям. Но я понимаю, что все это идет помимо меня, и что если я в этом в чем-нибудь виноват, то, может быть, в том, что передал тебе любовь к книгам, вернее, к некоторым книгам, где отражено много-страстное и много-страдальное человечество.

Ну что же! Как сказал апостол: «Каждый понесет свое бремя и каждый за себя даст отчет Богу»³. (Впрочем он же советует и призывает помогать нести чужие бремена⁴). Тебе, должно быть, уже многое видно и разум, согреваемый любовью, будет учить тебя разбираться во всем.

Спотыкаться и даже падать почти неизбежно, но важно не это, а то, чтобы иметь силу, волю, терпенье, желание, власть — вновь встать после каждого падения и вновь идти «по звездам»⁵, как идут странники к Свету Невечернему⁶.

Когда нас достигнет на этом пути смерть, мы не знаем, но мы, как солдаты, должны быть всегда к ней готовы, а эта готовность заключается только в том, чтобы всегда иметь внутри себя это ощущение пути, это ощущение движения к Богу, а не от Него.

Я сейчас почти каждое утро перед восходом Солнца люблюсь (часов в 8 утра), как на востоке, совсем одна, горит «звезда любви золотая»⁷, звезда светлая и утренняя⁸. Я здоров, в начале апреля пойду в отпуск. Крепко целую, дорогой мой. Пиши иногда. Я послал тебе заказное 19 II.

Твой п.

Получила ли мама мое письмо с письмом для О<льги> Конст<антиновны>?⁹

№ 31. Н.С. Фуделю
10 III [1950, с. Большой Улуй]¹

Дорогой Коленька.

Твое письмо от 27 II пришло в ответ на мое о литературе². Я прочитал твой список любимых книг из западной литературы и, к сожалению своему, нашел в нем мало имен мне дорогих. Ни Данте, ни Уленшпигель, ни Франс, ни Бальзак ничего мне не говорят. Гомер, конечно хорош, но почти в таком же роде хорош, как «Три мушкетера». Жаль, что ты не оценил Еврипида. Расстояние от Еврипида до Гомера такое же, как от Достоевского до Майкова.

К моему удовлетворению, в твоём списке нет Золя, Пруста, Цвейга. Я попробовал составить свой список, может быть, он будет тебе интересен. Пишу вразбивку, как вспомню.

1. Еврипид. 2. Клод Фаррер («Человек, который убил»). 3. Голсуорси («Сага»=«Война и Мир»). 4. Эдгар По (явление для Запада исключительное, писатель с сумасшедшим и чистым сердцем). 5. Брет Гарт. 6. М. Твен (только не Т. Соьер, а «Принц и нищий»). 7. Генри («Короли и капуста»!!). 8. Метерлинк (два-три глубочайших слова). 9. Ибсен. 10. Байрон («Шильонский узник»). 11. Кое-что Мериме и А. де Ренье. 12. Г. Гауптман («Потонувший колокол»). 13. Несколько строчек из «Пана» Гамсуна. 14. Лонгфелло. И вот, кажется, все или почти все, может быть, забыл две-три книги. Как поразительно мало! Ну, конечно, приятно и полезно знать некоторые вещи Киплинга и Д. Лондона, но все же это второстепенно. (Б. Гарт, возможно, не второстепенен — в нем истинная и глубочайшая романтика человека и природы.) Так или иначе, очень небольшой список. Я его составил и даже как-то испугался — как мало драгоценного для меня на Западе. Ты говоришь о «постоянной молодости» Шекспира, Сервантеса, Роллана, о их мужественном и сердечном разуме. Шекспира я пробовал читать даже в подлиннике, но так и не понял того преклонения, которое он вызывает. Хорошо, но некоторые рассказы Д. Лондона, или П. Лоти, или Фаррера вызывают у меня не меньшее волнение, а если сказать совсем честно, то гораздо большее. Он для меня подобен Рубенсу в живописи, — бесстрастному бытописанию страстей. «Для чего это?» Говорят обычно: для того, чтобы заклеить эти страсти, пороки людей, чтобы бороться за их «беспорочность».

Но Л. Толстой, которому было все это виднее, смело сказал, что искусством никаких пороков не излечишь. Есть, конечно, и у Шекспира глубочайшие строки истины, но обычно, когда говорят «Шекспир», то имеют в виду все, что он написал. К настоящему волнению сердца меня привела только одна вещь Шекспира: «Хроника» какого-то короля³ со сценой смерти Фальстафа.

Можно ли сказать, что русская литература самая глубокая и самая богатая? Наверное, можно.

У меня к тебе просьба: как приедешь в Загорск, сходи с девочками — Машей и Варенькой в фотографию и снимись: мне очень хочется иметь карточку вас троих, вместе. Это ничего, что фотография плохая.

Целую тебя, прости за это пустое письмо.

«Одна и Незаменимая Книга» должна быть не только у меня, но у каждого человека. Один большой писатель, очень много в свою жизнь путешествовавший, пишет в своем дневнике: «Раньше я всегда и всюду возил с собой в чемодане: «Критику чистого разума», Гоголя и Евангелие, но первые две книги оказались тяжелы в переездах и я их оставил»⁴.

Этот же писатель (кстати) о своих занятиях философией (Кантом) пишет так:

«Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...
Но «Критики» передо мной —
Их кожаные переплеты»⁵.

Эти строки вспоминаются в марте—апреле, особенно в Москве, когда весна, как 30 и 100 лет назад, постучит в окна. Я очень люблю в Москве весну. Ты как-то говорил о разности в «отцах» и «детях», но я думаю, что весной они одинаковы, ибо весной для всех одинаково Пасха. Слышал ли ты когда-нибудь, идя весной — летом в московских переулках, как где-нибудь в доме на роле играют упражнения?

«Лазоревые там высоты».

Гоголя и Канта можно держать только на полке, а путешествовать можно только с Евангелием.

Твой п.

Получил ли письмо от 2 III, где было для мамы, и передал ли? Не забудь про карточку.

№ 32. Н.С. Фуделю
28 III [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой Николаша.

Прости, что давно не писал. Был в каком-то тревожном состоянии, и не писалось. Все твои письма получал и им радовался, пришло и то, которое было с маминим.

Сейчас несколько потеплело, а то эти морозы наводили мрачности тоже, сейчас виден конец зимы, такое хорошее и волнующее сердце время, когда лучи Солнца в комнате делают все теплее и точно длиннее, как мечи. Хотел бы я посмотреть, как ты

живешь, твою комнату, твои книги и карточки. Целы ли книги т<ети> Маруси и мои? Там у нее были «Четьи-Минеи», большие желтые книги по-славянски², отыщи (с помощью Муни) октябрьский том, там, где 2 октября, житие Андрея Юродивого, и отведи в Загорск маме. Я очень люблю это житие, может, и ей оно доставит утешение. Да еще спроси ее и напиши мне — получила ли она то мое письмо, где была записка Ольге Конст<антиновне>³, которая, как она мне тогда писала, была при смерти. А так же напиши мне — скончалась ли она или выздоравливает?

За твою жизнь тревожусь. Ты пишешь, что стал жесткий, сухой, резкий. Может, ты и преувеличиваешь, может, это было и временно, но все же — старайся преодолевать это. Соблазнов и самооправданий много: и «ничего не поделаешь», и «так все», и «защитная окраска», и еще что-нибудь. На других не смотри, а иди своим путем, своим познанием, своей правдой, которая не имеет времени. Лучше пострадать от других и от жизни, чем от измены самому себе, потому что за эту измену карает Бог. «Романтизма» детского не жалея. Все подлинное и благодатное не имеет возраста и всегда с нами. Все «ложные огни» не выдерживают времени и угасают. Но, может быть, я не совсем понимаю — что ты разумеешь под «романтизмом». Во всяком случае — настало время полного сознания и полной ответственности — и за себя, и уже за других, время, когда дорба одна — творчество, сознательное созидание жизни.

О переезде мамы в Москву (или еще куда-нибудь)⁴ я не знаю, что советовать, отсюда это слишком трудно. Затем, кроме практики жизни, есть еще ее метафизика.

Где лучше будет для мамы и для девочек, я не знаю. Трудность условий жизни сама по себе не может еще быть основанием для отказа от этого образа жизни. Критерий здесь может быть другой — вредность этих условий не только физическая, но и душевная. Я знаю, как действительно трудно маме, и я готов был бы все сделать, чтобы облегчить ей. Но где ей будет лучше? Отсюда я не вижу. Может быть трудно человеку, но хорошо, и наоборот, и совсем наоборот, как было, например, с бедной тетей Зиной⁵, которую я очень любил, всегда искренно жалел и никогда бы не променял свою жизнь, полную счастья, на ее бедную и ужасную жизнь.

Поверь мне, что есть действительно сокровище неизреченное и неоскудеваемое — личное счастье человека и <стремление> душою из темноты к Солнцу — которое променять на тленное благополучие было бы противоестественно.

Это я говорю, конечно, независимо (вне) того вопроса о мамином переезде, в отношении которого я, право, не знаю, что советовать. Не пойми превратно.

Иван Дмитриевич Фудель
с женой Марией
Червинской и детьми
Павлом (*сидит*), Николаем,
Иосифом (*стоит в центре*),
Иваном. *Конец XIX в.*

Священник Иосиф Фудель
и его жена Евгения Сергеевна
в первые годы семейной жизни. *Конец XIX в.*

О. Иосиф Фудель

Церковь Николая Чудотворца на углу Арбата и Никольского пер.
(ныне Плотников), настоятелем которой с 1907 г.
до своей кончины был протоиерей Иосиф Фудель

Протоиерей Иосиф Фудель с ученицами из гимназии С.Н.Фишер.

*Крайняя слева – Нина Иосифовна Фудель,
в центре – Тамара Андреевна Липкина. Москва, 1910-е гг.*

Сереза Фудель. Москва, 1901

Сереза Фудель в арбатской квартире. Москва, середина 1900-х гг.

Гимназист Сергей Фудель.
Подмосковье, 1910-е гг.

Студент Сергей Фудель
перед первой ссылкой.
Москва, начало 1920-х гг.

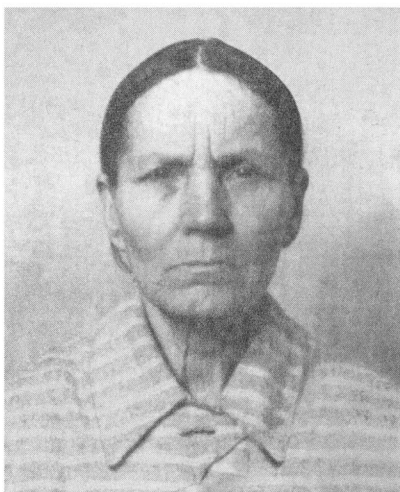

Вера Максимовна Сытина,
жена С.И.Фуделя. 1930-е гг.

Сергей Иосифович Фудель в действующей армии (между двумя «отсидками»). *Загорск, 1944*

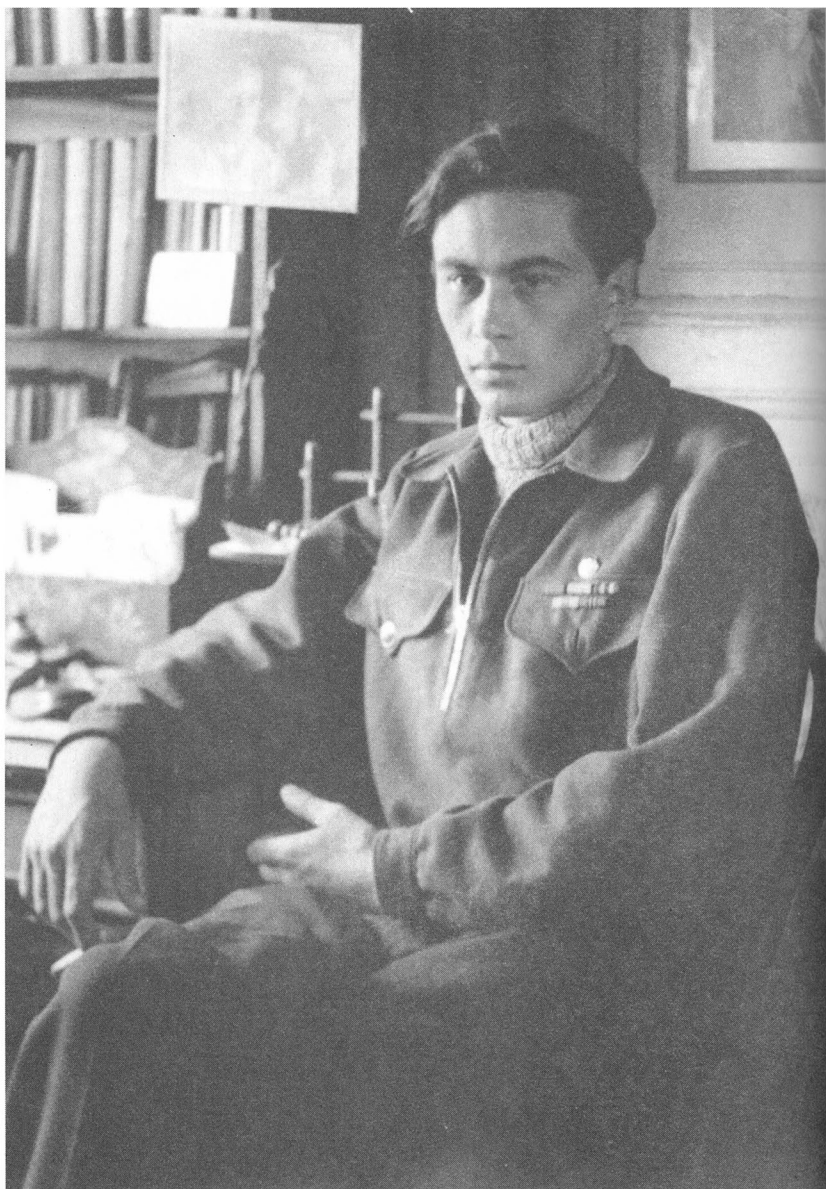
Матрена Петровна Лучкина, няня детей С.И.Фуделя

Маша Фудель, дочь С.И.Фуделя.
Загорск, 1940–1941 г.

Николай Фудель, сын С.И.Фуделя. *Прага, 1945*

Николай Сергеевич Фудель, студент Московского государственного педагогического института. *Москва, 1948*

*Сергей Иосифович Фудель в сибирской ссылке.
Село Большой Улуй Красноярского края, 1946–1950 гг.*

Мария, Варвара, Николай — дети С.И.Фуделя. Загорск, 1948

Сергей Иосифович Фудель.
Большой Улуй Красноярского края, 1947

Сергей Иосифович с сыном Николаем.
Москва, 2-я половина 1950-х гг.

С.И. Фудель и В.М. Сытина с внучкой Машей. *Москва, 1957–1958 гг.*

Сергей Иосифович Фудель. Начало 1960-х гг.

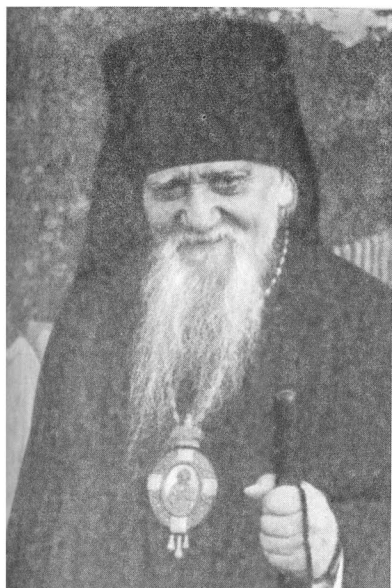

Сергей Иосифович Фудель с внучкой Машей
возле дома в Покрове. 1970-е гг.

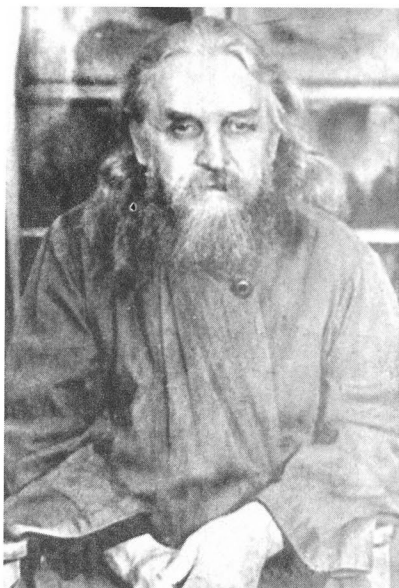

Сергей Иосифович Фудель в последние годы жизни.
Москва, 2я половина 1970-х гг.

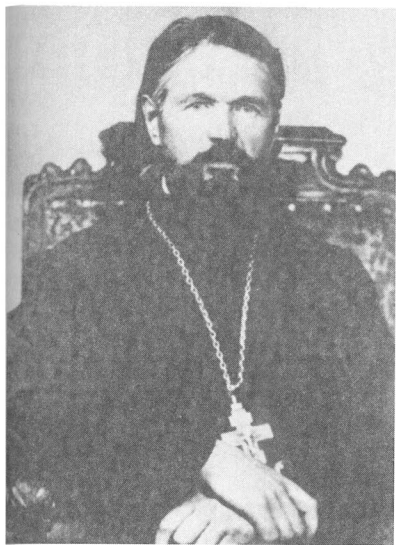

Епископ Афанасий (Сахаров).
Петушки, 1962

Архимандрит Серафим (Битюгов).
1930-е гг.

Священник Сергей Дурьлин.
*Фото из архива следственного дела.
Москва, 1922*

Отец Николай Голубцов
в день рукоположения в сан.
1 сентября 1949

Крест на могиле Сергея Иосифовича Фуделя
(13.1.1900–7.Ш.1977). Покров, городское кладбище

Я рад, что т<етя> Нина пожила немного у нас. Т<етя> Маруся незадолго до смерти целовала у нее руки и просила прощения и прощалась. Видимо, все же — семья, родившая человека, имеет право на какое-то первенствующее право на этого человека.

Целую тебя крепко. Сердечный привет Тамаре и Муне.

Твой п.

Благодарить и истина и правда Господа нашего да будет с тобою всегда.

№ 33. Н.С. Фуделю

3 IV [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой сынок.

Спасибо тебе за письмо от 27 III, оно шло неделю. Я его очень ждал, т<ак> к<ак> твои письма — всегда ответ на мои и мне этот связный разговор очень дорог, а кроме того, в прошлом письме я писал о маме, об очень важном для меня вопросе.

Я рад, что мое письмо дошло до тебя и до нее, т<ак> к<ак>, вспоминая его, я чувствую, что я и теперь так же думаю и думаю, что я прав: не стоит ей приезжать сюда. Пусть бережет девочек сколько может.

Сегодня я получил телеграмму из Загорска: «Все здоровы». Наверное, это ты приехал туда и привез мое письмо.

Может быть, я неправильно делаю, что иногда пишу от всего сердца, от всей печали и от всей горечи сердца, а также и от всей радости его. Но, может быть, так и нужно. Мама знает меня, знает, что наши страдания — это всегда только лишь Страстная неделя перед Пасхой и что Пасха только потому и была и только потому и есть, что перед ней всегда Страстная неделя. А к тому же я не знаю, что нам с мамой дороже, сама ли Пасха или эти дни перед ней, — все бесконечно дорого, рассказать нельзя, как дорого. Вот и тебе, такому дорогому для меня человеку, не могу, не сумею рассказать, как дорого. И в этом моем неумении нет для тебя ничего обидного. О самом главном, о самом святом и драгоценном для человека Господь говорит с человеком Сам, без посредников, прямо к его сердцу.

Человек ужасно любит, невероятно любит самого себя. И вот в эти страстные дни сердце в трепете и смущении предошущает, что оно может полюбить одного Человека больше, чем оно любит себя, что оно уже так любит и что нету счастья большего, чем эта любовь. Как это рассказать?

Если земную и все же в некотором смысле тленную любовь не расскажешь, то как рассказать любовь к Богу?

Слово «религия» ничего не говорит, это надуманное слово и ненужное, наверное. Все дело в том, чтобы иметь «веру, действу-

ющую любовью», и быть верным Ему, Господу Иисусу Христу, возлюбившему нас и давшему нам память его страданий в эти страстные дни². (Спроси у Мамы) бывает ли больший покой и тепло в сердце, чем в великую Субботу, «когда почил Бог от дел своих»³, снятый с креста и обвитый погребальным полотном. «Сия суббота есть благословенная, в ней же Господь уснув воскреснет тридневен»⁴.

Дорогой мой! Твое письмо, особенно конец его, очень теплое, и ты совсем, как тебе кажется, со мной не споришь. Да мы с тобой и не можем спорить, тем более о книгах. Если я чего-нибудь не понимаю, то, может быть, и пойму. Чтобы быть «в курсе» твоих книг, я везде здесь ищу Р. Роллана — Кристофа⁵. Я когда-то ужасно давно его читал и ничего не помню. Присылать, конечно, не надо. Если найду, то прочту, а если нет, и не надо. Ведь, конечно, ты понимаешь, что, имея «Одну книгу»⁶, это совсем не значит отрицать все другие. Но, наверное, это так же, как в браке: можно видаться и общаться с другими женщинами, но нельзя изменять одной и единственной.

«До ревности любит Дух, живущий в вас»⁷. Храни тебя Бог, дорогой мой мальчик.

4 IV

Хотелось бы еще писать, но отлагаю до более свободного времени: сейчас перед отпуском много работы, а через несколько дней буду свободен. Библиотека здесь есть, но весьма бедная: Р. Роллана нет, я искал. Я очень порадовался твоему обещанию сняться с девочками втроем, буду ждать. Мамина карточка у меня есть очень хорошая: в саду с Варенькой. Спасибо вам всем за телеграмму — стало тепло в сердце, когда ее прочел. Всех вас целую. Твой п.

Тамару и Мунечку целую и поздравляю.

№ 34. Н. С. Фуделю

8 IV [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой мой Николаша и дорогая моя Машуня.

Когда я прочел, что вы катались вдвоем на катке за руки, я себя почувствовал каким-то старым и счастливым Диккенсом, у которого хорошие и любящие дети. Вот как незаметно все совершается — кончилось ваше детство и юность уже идет во весь ход. Я так радуюсь, когда слышу, что вы хоть иногда бываете вместе и что вы дружески относитесь друг к другу. Старайтесь, чтобы это было еще прочнее, и чтобы виделись вы почаще, и чтобы не так спешили в жизни, потому что когда спешишь, тогда многого не замечаешь, не видишь, что солнце такое хорошее или что рядом с тобой идет близкий и дорогой для тебя человек.

Колю очень благодарю за телеграмму от 3 IV, в ней я почувствовал его заботу и теплоту. Вот он «не поспешил», остановился, написал, отнес на телеграф, а мне здесь было утешение.

А Машеньку за варезки, которые меня в этом году просто выручили, я в них и по сей день хожу, а то бы было не в чем. Впрочем, с сегодняшнего дня, кажется, и у нас весна, солнце поднялось сияющее и победоносное.

Целую вас, дорогие мои.

Машеньке я послал заказное 21 III.

Ваш п.

№ 35. Н.С. Фуделю

14 IV [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой Николаша.

Прежде всего спасибо за две телеграммы, в коих ты, мне кажется, был и инициатором и исполнителем: носил их на телеграф.

Мама пишет, что ты достал «Короли и капуста»² — это прекрасная книга, и я должен был поместить ее в своем списке. Я забыл также в него поставить С. Лагерлёф³. Что касается Э. По, то здесь во многом недоразумение: его рассказ(ы) о том, как сумасшедший мистер убивает и никак не может убить кошку⁴, меня совсем не прельщает. Но у него есть глубокие стихи в прекрасном переводе Бальмонта, в них не сумасшествие, не бред, а ужас перед миром⁵. Как у Тютчева:

«И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами»⁶.

Есть у него и рассказы, где не бред, а тоже ужас перед ночью человеческой души. («Убийство на улице Морг» — кажется? Там, где два приятеля в винном подвале «кончают» свою светскую ссору⁷.) Э. По, конечно, нельзя «любить», но нельзя мимо него проходить, не замечая. Ты говоришь, «нельзя любить уродство», — конечно, нельзя и не надо, но у него есть «уродство» такой же категории, какое во многом у Достоевского. Кристофа⁸ я так и не достал. Вспоминаю, что у Роллана много философских отступлений. Я предпочитаю онегинские отступления («уже бокалов жажда просит залить горячий жир котлет»...) ⁹, а что касается философии, то после мудрости Пушкина, Тютчева, Достоевского многое кажется поверхностным. У нас в Улуе открылся магазинчик «Книготорга» и есть Обломов, повести Белкина, однотомник Пушкина, Тургенев, что-то Жуковского. Не нужно ли для тебя что-н<ибудь> из этого? Бывает, что в глуши легче найти что-нибудь, чем в центре. Холода у нас дикие, снег, ветер, земля опять застыла, голая уже, без снега почти, тяжело и телу и душе.

Отпуск мой проходит зря. Я рад, что ты был на Пасху у мамы. Поджидаю вашей карточки. Целую тебя, мой дорогой. Передай письмо маме, оно о возможном ее приезде ко мне.

Твой п.

Ты мне ничего не пишешь про свои дела. Один ли ты или вдвоем живешь в мире?

№ 36. Н.С. Фуделю
4 V [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Передо мной стоит пришедшая ко мне ваша карточка, и вы все трое смотрите на меня. Я очень тебе благодарен! Мне даже несколько непривычно — так реально вы на меня смотрите. Карточка пришла вчера на службе. Я от нетерпения распечатал и, конечно, вся служба — человек 10 — с большим интересом рассматривала вас. Теперь я держу ее в книге, когда меня нет, из опасения Генки², а когда прихожу домой, ставлю ее перед собой. Спасибо тебе, что ты исполнил мою просьбу, теперь можете не сниматься еще года 2–3. Я ведь уже в каком-то стабильно стареющем состоянии, и меня вам не интересно видеть на карточке, а мне ваша карточка дает очень много.

Ты сильно изменился по сравнению с 1947 годом³, очень сильно. Я не ожидал, или это карточка плохая, постарел лет на 10. Но глаза все те же — у тебя очень невеселые глаза, очень серьезные. Это хорошо.

Сначала я подумал, что ты в шапке. Я так понимаю, что ты и Маша сидите, а Варенька стоит: это мне важно для расчета ее роста, мне кажется, ее голова доходит до твоих (моих) плеч? Левая коса положена на плечо, конечно, специально для меня. Меня очень рассмешила мамина приписка, что «Варенька иногда бывает такой, когда видит кого-нибудь мало знакомого и смущается немного. На этот раз ее смутил фотограф».

Машенька хорошо выглядит, но мне очень грустно на нее смотреть. Я вижу, в каком нежном, трудном, во многом беззащитном, страшном периоде своей жизни она находится. Мне хочется спрятать ее, закрыть, и я ничего не могу. Одна мама в одиночку, без меня, как-то ее еще защищает, учит, мучит, направляет, ругает и любит.

Тебе нужно поскорее сказать маме о Лиде⁴. Уральский камушек подарен не случайно. Если ты запоздаешь сказать, может быть огорчение, что она узнает последней. Никогда, никогда никого не огорчай! Старайся об этом всегда и постоянно в серьезном и в мелочах, в праздники и в будни жизни. Это иногда ужасно трудно, иногда неприятно, иногда даже нелепо кажется, но ты все-таки старайся. Я огорчал очень многих. Мой отец, кажется,

никого не огорчал, вот ты и будь в него, как в него была т<етя> Маруся.

Конечно, одному жить всегда легче. Вступить в брак, это значит «потесниться», уступить часть своего места, выпихнуть из себя много своей «самости», ради другого.

Если говорить совсем серьезно, то настоящий брак — это такое же отречение от себя, как монашество, а по размеру ответственности еще более серьезное, т<ак> к<ак> отвечаешь за двух.

В основе его лежит то, что плоть и душу другого человека надо сделать своими, воспринять своей душой и своею плотью, слить их, не различать их от своей души и плоти и тем самым принять в себя всю заботу и любовь к этой принятой душе и плоти. Ведь каждый человек любит себя ужасно, свою душу, и привычки, и болезни, и запах своего тела.

Вот в браке — первый опыт рождения любви — человек должен, даже еще не вполне отказываясь от себя, уже начать выходить из «только себя» к этому «другому», должен учиться любить душу, привычки («уважать»), болезни («терпеть»), запах другого. Я в жизни видел два-три раза замечательные браки, я видел, что, когда это есть, это красота и благоухание, радость и мир, но полученные в большом труде, как плоды дерева жизни, возделанного и поливаемого изо дня в день. Особенно важно не допустить в брак распутства, т<о> е<сть> как раз того, чем, как червоточиной, точится большинство браков.

Но ведь и в этом вопросе все решается каким-то отказом от себя и какой-то бережливостью к любимому. Не начав отрешаться от себя, лучше не подходить к браку.

Распутство я имею в виду прежде всего то, какое бывает между мужем и женой, т<о> е<сть> внутри брака, а не «на стороне». Пушкину принадлежит не только Гаврилиада, но одно из наиболее циничных определений брака.

Кажется, к Вяземскому он в письме писал, что «жена — это род теплой шапки с ушами»...⁵ Он выражался более определенно и грубо. Его собственный брак (а он писал уже после женитьбы) ударил его и отомстил. Я не это письмо, а другие его письма недавно читал опять, хорошие, умные, горячие письма. Так грустно стало, так печально за него, до слез печально об этой темной, мудрой и горячей голове. В нас живет какая-то не совсем разгаданная любовь к Пушкину, вполне настоящая любовь у тех, кто одновременно ничего ему не прощает, ничего не забывает. «Древности любит дух, живущий в нас»⁶.

Знаю, что эту фразу пишу тебе уже в 3-й раз. Я ее люблю.

Тебе, м<ожет> быть, было бы не бесполезно заглянуть в письмо Герцена к его невесте. Ему было 26 лет. Нам всем можно по-

учиться его целомудрию. Сейчас посмотрел на твою карточку, и мне стало неловко: ты (рядом с девочками) сидишь такой серьезный, знающий, мудрый, — что мне ли тебя учить! Ты сам все знаешь. А чего не знаешь — да вразумит тебя Господь!

Как ты называешь маму: «мама» или «мамочка»? Это так, иногда какие-то мысли-чувства нахлынут, и весь в огне каких-то слез-мыслей, воспоминаний, сожалений, раскаяний, благодарности.

Я недавно послал тебе письмо и вложил письмо к Вареньке — напиши, получил ли ты его.

У нас сегодня, наконец, ледоход, колоссальные льдины, как корабли, плывут по Чулыму⁷, тепло, земля отходит.

Ходить по лесу, с ружьем ли или без него, я тоже готов. Но правда, что убивать я не люблю, — это, наверное, во мне глупость, но я ее и не защищаю. В тебе охота по наследству от мамы.

Любовь к своему одиночеству — это часто создание вокруг себя «запретной зоны», чтобы никто не смел подойти и «потревожить сон его величества». Но это еще не значит, что человек должен целиком «выплеснуть» себя к ногам другого. Надо уметь сочетать. «Человекам это невозможно, — Богу же все возможно»⁸.

Ты очень хорошо пишешь про лес! Крепко тебя целую.

Получила ли Муня мое письмо — сообщи.

Твой п.

Это я уходил из комнаты, а Генка пробовал порисовать.

№ 37. Н.С. Фуделю

*11 VI / 1950, с. Большой Улуй*¹

Дело конечно не в «рефлексии», иногда может быть очень необходимой, а в том, что мы и здесь хотим жить только для себя.

Мы «анализируем» не потому, что хотим что-то действительно познать, осветить какую-то свою темноту, порадоваться Истине, ощутить дыхание Правды, а потому (или оттого), что ничего не хотим, что не ест «мы».

Наш «сухо-наблюдающий» ум подобен некоторым людям, которые, заложив руки в карманы, папироска в зубах, могут и будут говорить о чем угодно с великим сомнением.

Наш ум отравлен больше сердца. Ему все кажется, что он всем владеет, все уже давно постиг, что он очень богат, что он поэтому имеет право все наблюдать, во всем сомневаться, ничему не удивляться.

Вот потому-то и сказано: «если не будете как дети — не войдете в Царство Божие»². Это закон!

Болезнь ума — страшная, и сложная, и скрытая, и здесь никакие советы не помогут. Только обоюдоострый нож Слова Божия,

«проходящий до разделения духа и души, составов и мозгов»³ может все вскрыть и вылечить. Мы можем и должны делать только одно, направлять себя в одном направлении: в действие любви. Т<ея> Маруся кормила супом без рефлексии. Это не значит, что она не размышляла.

Наша жизнь исключительно коротка, ее слишком мало, чтобы тратить ее на что-нибудь кроме — веры, надежды и любви. В этой Троице, в недрах ее беспредельность всякого познания «и бред великого ума»⁴.

Твое письмо от 1 VI пришло вчера, спасибо. Я не ожидал что карточка моя доставит вам удовольствие такое. От мамы тоже пришла открытка. Целую тебя. Чувствую себя не очень важно. Пойду пройду сейчас. Может быть, потом допишу. Твой п.

№ 38. Н.С. Фуделю
7 VII [1950, с. Большой Улуй]¹

Дорогой Николаша.

Телеграмму твою ответную получил, а писем еще нет. Я не знаю, дошли ли до тебя несколько моих писем и открыток. От мамы была вчера открытка от 30 VI, и я из нее знаю, что ты не только кончил, но и отлично кончил институт². Я в последнем письме (еще до телеграммы) уже поздравлял тебя с этим, а сейчас еще раз поздравляю и радуюсь тому, что ты кончил, что сумел преодолеть много трудностей, что сумел направить волю на большой и необходимый труд.

Вот не успел я поставить точку, как мне принесли твоё письмо от 30 VI. Спасибо тебе, я так обрадовался. Конечно, прежде всего надо бы отдохнуть, неважно на сколько, м<ожет> быть, достаточно несколько дней полного и совершенного отдыха где-нибудь около леса. Наверное, лучше всего отдыхать совсем одному. Человек должен иметь иногда одиночество.

Да! Это большой и хороший переход был на твоём пути — 4 года. Конечно, не столько науки, сколько жизни или, вернее, науки о жизни, т<о> е<сть> самого главного. Я так благодарен т<ея> Марусе, что 3 года из этих 4-х были около нее. Благодаря тебе и моя связь с нею стала крепче.

Дальше, конечно, будет, в каком-то смысле, все то же, т<о> е<сть> тот же труд жизни. Я рад, что ты принял этот труд, не испугался его, понял, что это крепкий орех с прекрасной сердцевинкой. Понял также и то, что трудиться для жизни — это значит добиваться света в душе, что, если не будет этого света, никакие внешние успехи не удовлетворят.

Никогда не задерживайся на мыслях о том, что этот свет «для себя», а надо «для других» и т. д. Конечно, делая что-нибудь «для

других» (например помогая кому-нибудь), ты делаешь тем самым и «для себя». Ну и что же в этом плохого, если ты делаешь это не из тщеславия? И моя душа хочет стать светлее! Становится ли она светлее — вот это не мне судить, а поэтому буду делать добро «бездумно», не ковыряясь в мыслях, точно в носу.

Очень радуюсь, очень радуюсь, что мама временно с тобой. Я так ясно представляю, что вы сидите вечером, читаете, пьете чай, говорите о сонетах Шекспира. Что это за сонеты? Мама мне пишет, а я их не знаю. Когда-то давно я читал его стихи, и остались только смутные строки о каких-то шалостях Венеры. Интересно бы прочитать. Я, конечно, не очень широк во взглядах, но уместил же я как-то в своей келье несколько сцен из «Саги»³. Всякая книга может быть полезна или почти всякая, иная хотя бы тем, что от чтения ее затоскуешь по настоящем <у>, точно захочется из душевной комнаты на воздух, как у Фета есть строчки:

«Тесно в комнатах и душно.
Выйди ночью, ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно
Как сердца горят над бездной»⁴.

(Мне кажется, что «равнодушно» поставлено здесь не для рифмы и не потому что «равнодушно», а потому что слишком сильные и глубокие чувства иногда опасно доверять менее равнодушным словам.)

Радуюсь, что мама полюбила Лиду⁵. Я маме в прошлом письме писал о ней, спрашивал, просил карточку, но она не пишет — получила ли это письмо? Ты тоже, кстати, не сообщаем, дошли ли мои письма. Значит, и я люблю Лиду и всегда буду радоваться, если ваша жизнь будет дружной и светлой.

Конечно, много труда нужно, чтобы прожить жизнь, тем более вдвоем. Но ведь так и надо расценить эту теперешнюю жизнь, не как танцевальный вечер и даже не как литературно-музыкальный концерт, а как трудовую подготовку к будущему. Это, конечно, не значит, что в этой, теперешней жизни нет радостей. Подходя к морю — слышишь и не видя его, и радуешься.

И нет большей радости, чем увидеть в глазах любимого человека отблеск будущего Солнца. Тогда действительно как сказано у Генри:

«Нет ничего прекраснее, чем двое, идущие рядом»⁶.

Но подлинность радости, прочность ее, правда ее, в том, что бы верить в это Солнце и ждать его, ждать его и верить в него ради самой великой мечты о жизни, ради любимого человека. Я буду молить Бога, чтобы у вас была всегда светлая дружба, доверие,

нежность, понимание. Брак может вмещать в себя и влюбленность и даже какую-то неоскудевающую влюбленность.

Но надо беречь себя от похоти. В браке должно быть какое-то целомудрие, иначе смерть всему — и ему и ей, и влюбленности, и пониманию, и нежности.

Человеку даны Богом два великих инстинкта — сохранения жизни и размножения жизни. Для первого он должен прежде всего питаться и, когда он питается, он законно получает и должен получать какое-то удовлетворение, удовольствие. Но когда человек эту пищу чавкает и переживает, как Собакевич, он разумный инстинкт превращает в похоть. Я помню, в Уленшпигеле был какой-то монах-обжора, которого посадили в клетку на откорм⁷.

То же самое бывает и с другим инстинктом. Человек сам садится в клетку и не замечает ее. Я знаю, что все это крайне трудно, и боюсь сухо об этом говорить.

Вообще все, конечно, крайне трудно. Я недавно читал в «Житиях»: один подвижник видит видение — весь мир, всех людей окружают сети и тут же слышит голос: «одно смирение избегает их»⁸.

Но слава Богу — значит, есть что-то, что все же «избегает»! Вот и мы, если не по смирению, то по милости Божией, тоже как-то «избегаем», и живем, и трудимся, и радуемся, и верим.

Да благословит вас обоих Господь. О тщеславии, корысти и наслаждении ты замечательно точно написал, включая и то, что никто, кроме Бога, не научит, как с ними бороться, т<о> е<сть> как избегать и этих «сетей».

Счастье, что ты можешь иногда бывать на могиле у т<ети> М<аруси>. Я не могу. Но у меня есть ее голубой крестик, который она носила еще давно, давно. Какая семья у Лиды? Очень ли далекая?⁹

Возможность аспирантуры¹⁰ меня как-то не порадовала. Слишком много учиться — нужно ли? Но я, конечно, отстал от всего и многого не учитьваю, возможно. Хорошо, если сможешь когда-нибудь немного помочь маме. Это особенно важно потому, что она всю жизнь что-то делала для детей и помощь от них будет ей как неожиданный и сладкий плод.

Пришлите мне сонеты (если это маленькая книжка и не дорогая). Я обещаю быть внимательным и смиренным. Это письмо отчасти и маме — я ленив стал на письма и этим отвечаю на ее открытку.

Целую тебя и ее.

Твой п.

8 VII

Вчера, ложась спать, я благословил тебя и твою Лиду крестиком т<ети> Маруси.

№ 39. В.М. Сытиной
14 VII [1950, с. Большой Улуй]¹

Дорогая Верочка.

Я давно не писал, так как было много работы на службе, а сегодня она кончилась, и с завтрашнего дня я в отпуску на 10 дней, оставшихся от весны. После того как стало очевидно, что приехать тебе этим летом не удастся, конечно, защемило сердце. Но не для утешения, а по существу это, конечно, так и должно быть.

Разве можно сейчас тебе ехать в такую даль! А что касается сердца, то ему и полагается щемиться. Я так радуюсь, что (благодаря или в связи с тем, что ты не поехала сюда) ты проводишь это время с Колей. Он пишет мне, какое большое значение он видит в этом для себя, в такое ответственное и, может быть, решающее для него время. Он пишет всегда очень непосредственно и искренно. Я очень хотел бы подсмотреть на ваши вечера или те часы, когда вы вместе.

Слава Богу!

Подслушать волю Божию о себе можно только, прислушиваясь к внешнему течению своей жизни, ее устройению.

Я рад, что иду в отпуск. Чудесная погода, солнце, еще много цветов. Правда, в этом году мошкá заедает, даже по селу летает, подлая. В прошлом году были дожди и холода и ее было меньше. В эти 10 дней раза два схожу в поле на картошку, а то я ее запустил, потом так поброжу, почитаю. Достал приятные книги: «Из истории Московских улиц»² и в этом роде, потом могу еще раз погрузиться в переписку молодого Герцена. Ты мне писала про сонеты Шекспира, я их не знаю и хотел бы знать, раз ты говоришь о них так значительно.

Конечно, я не знаю, получаешь ли ты мои письма. Я и заказное тебе посылал на Москву, просил написать подробней о Колиной женитьбе. Он с радостью писал, что мама полюбила Лиду «помимо меня» (т<о> е<сть> не благодаря ему, а «благодаря ей»), просил моего благословения на брак. Я перекрестил их крестиком Марусиным, — ее благословение легко и благословенно. Но все же я ничего не знаю, что она, какая она, будут ли они другу помощью, опорой в жизни. Не думаю, что это праздные вопросы или пустое беспокойство. Пусть пришлют карточку, только не казенную, а «любительскую», может быть, найдется кто-нибудь, кто снял бы разок вас всех за столом, или на диване, когда солнышко светит и вам всем хорошо (хотя бы и с «щемящим сердцем»), ведь бывает же так хорошо, так много, наверное, и у вас хороших часов, солнечных звеньев жизни.

Вот и прислали бы.

Мне, конечно, стыдно про себя и говорить — у меня во мно-

гом легкая, покойная жизнь.

Я все в прежней комнате, скоро 2 года³, хозяева относятся хорошо, привыкли ко мне. Надолго ли такое благополучие? Но так как уже прошло много времени, то, может быть и еще пройдет много в этой тихой комнате.

Девочки меня начисто забыли. Я вполне это понимаю и не обижаюсь. Жаль только, что я не знаю, дошли ли до Вареньки вторые 2 книжки, т<ак> как, если бы я знал, я послал бы еще. На днях с запозданием послал ей 50 руб.

Иногда жить трудно, но не более ли удивительно то, что мы вообще еще живем. Очень все же огорчаюсь при мысли, если у тебя нет совсем времени покоя для себя. Но, может, я напрасно огорчаюсь и у тебя это время все же есть? Я не знаю, как ты живешь, почти не знаю. Колины случайные фразы дают мне о твоей жизни больше твоих писем.

Очень плохое письмо, а так хотелось написать хорошее и так хорошо внутри говорилось. Вечер был на закате совсем розовый.

Твой С.

Здесь лип нет.

№ 40. Н.С. Фуделю

24 VII [1950, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой Коленька.

Отвечаю на твое письмо от 15 VII. Издали, конечно, трудно судить, но по всему тому, что ты пишешь, твое чувство к Лиде более всего в тебе отвечает тому, что требуется для брака. Я как-то витиевато объясняюсь, но это и предмет витиеватый и, может быть, вообще не для обсуждения. Но я, конечно, не обсуждаю. Одно ясно, что ты не легкомысленно подходишь к браку. Ведь что такое брак формально? Это неопределенно длительное, м<ожет> быть, очень длительное сожительство с другим человеком. В этой длительности и заключается опасность, подводная мель, для большинства людей. Покрасоваться собой часа два где-нибудь на пикнике — это одно дело, а прожить вместе 20 лет, в буднях и болезнях, это совсем другое дело. Недавно один мой знакомый и при этом человек весьма культурный, профессор и доктор наук, сказал мне серьезно, что он признает брак только по сватовству. В этом верно то, что перед вступлением в брак должен быть какой-то расчет, какое-то зрелое рассчитывание того, как с учетом характера и свойств «моих» и «ее» наиболее правильно построить жизнь и сможем ли «мы» ее вообще построить. Это все неясно, но я хочу сказать, что я не думаю, чтобы брак «по страсти» был бы в итоге счастлив, и если у тебя этой страсти мало, то в этом нет ничего страшного. Страшно, если мало любви, т<о> е<сть> если ее

заряд только на «два часа», а не на 20 лет. Но вообще бояться ничего не надо, а благословясь и надеясь не на свои силы, а на помощь Божию, идти вперед по тому пути, который открывается.

Если цветы — это дар Божий нам, то тем более любовь. Если ее мало сейчас, то Господь может послать ее с избытком в будущем. Надо только искать ее! Если бы сухая земля не жаждала бы каждый вечер росы, то она бы и не спустилась к ней. Только тот не находит Бога, кто не ищет его. Если тебе сейчас (кажется), что бедно и пусто в душе и не может быть эта душа домом, где солнце и цветы, для души другой, то, может быть, она будет таким домом в будущем? Ведь не зря же она постучалась в этот дом. Поэтому ничего не надо бояться, т<о> е<сть> не надо смущаться ни от какой мысли, а идти вперед с ясным умом и с смиренным сердцем, призывая имя Божие. Бог вам поможет, если будете искать Его помощи.

Ты еще пишешь: «хочется иметь радость в этой жизни. Знаю, что она нужна и обязательна».

Я бы не хотел об этом писать, но, может быть, лучше писать, пока пишется. Полагаю я, что радости очень много в этой нашей жизни, но где она открывается? В чем она, какая она, что такое радость? Я, как болельщик футбола, когда-то испытывал радость от удачно вбитого гола. Я же совсем не хочу сказать, что ты имел в виду это. Я хочу сказать только вот что: вчера, 23 VII, было 27 лет нашей свадьбы². Я очень волновался здесь, болел сердцем, чего-то ждал еще накануне. И утром мне принесли телеграмму от мамы: «вспоминаю целую все хорошо». 27 лет это очень много, даже без тех скорбей и трудов и болезней, которые были для нее в них. И поэтому я так обрадовался, получив эти слова. Значит, ей не страшно время, значит, не страшны страдания, разлука и труды, значит, сильнее всего любовь, значит, радость наша неизменна, значит, «все хорошо».

Радость, которая была у меня в сердце от этих слов (и есть), — для меня факт величайшей реальности, факт «научно достоверный» и живой, как теплое дыхание солнца. Я так обрадовался тому, что Радость живет в ее сердце! а не скорбь!

Вот и все, собственно, я не совсем знаю, зачем, т<о> е<сть> для чего я об этом вспомнил и что в этом есть для тебя. Ведь я же совсем не хочу пугать тебя разными скорбями. Я же совсем не хочу, чтобы ваша жизнь была бы хоть отчасти подобна нашей.

Может быть, только то, несколько несвоевременное перед свадьбой напоминание, что

«Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови...»³

Или, может быть, то, чтобы и ты, и она знали, что через 27 лет

может жить в сердце радость, освещающая темную ночь, радость великая и нетленная, как благовест ночью перед рассветом.

15 VII я послал на тебя маме заказное, и 22 VII ей же. Получила ли она? Одно мое письмо к тебе, видно, не дошло.

Правда, может быть, аспирантура лучше? Если научно-литературная работа, то не следует ли тебе познакомиться с моим учителем Сер<геем> Ник<олаевичем>⁴? У него же громадные связи во всех издательствах и институтах. Я как-то писал тебе о нем.

Я сейчас еще почитал твое письмо и вижу, что ты, конечно, все очень правильно понимаешь. Но ведь я пишу не для учительства, а просто пересказываю какие-то свои боли или мысли.

Я помню, мой папа купил раз какой-то дорогой фарфоровый колпак для подсвечника. Привез его на дачу, водрузил, и тут же пошел со мной гулять по парку. Там по дорожкам мы ходили и много о чем-то говорили. Мне было лет 10—12, и папе было несомненно приятно, что я развит и умен. Пришли мы с прогулки, и я тут же поддел ногой мячик и расколотил (нечаянно) фарфоровый абажур! Папа огорчился и сказал: «вот говоришь ты хорошо, а делаешь плохо». 40 лет прошло с тех пор, а эта укоризна и сейчас еще мне звучит. Такой был жаркий летний день. Наверное, у всех у нас есть склонность «говорить хорошо» и тут же разбивать фарфоровые вещи. Не надо это! Так много горечи остается от этого.

Подлая Варенька забыла меня и не сообщает, получила ли она вторую бандероль (с Пушкиным). Напиши хоть ты! Дело в том, что здесь есть Бианки, Б<ичер->Стоу, Гончаров, вообще разные книги и я мог бы посылать.

Целую тебя крепко.

Разве слово «женьщина» пишется так? Я, право, не знаю.

Твой п.

Получила ли мама мой телеграфный ответ?

№ 41. Н.С. Фуделю

3 XI [1950, с. Большой Улуй]¹

Дорогой Коленька.

Пришло твое письмо, я очень обрадовался, увидев его, но оно взбудоражило меня, очень взволновало. Это трудно все рассказать. Я совсем не учитель и не мудрец, и любви во мне очень мало, и я плохо управляюсь, очень плохо, со своей собственной жизнью. Все время тряусь по ухабам, отшибаю себе бока, а иногда просто вылезая из вонючих луж. А тут приходят письма, в которых требуется ответ, разъяснение, совет, поддержка и чистая любовь! Когда я читал письмо Ляли, я чуть не плакал, так мне стало ее жалко, жалко.

Бедная, маленькая девочка! Стоит рядом с человеком², кото-

рого не любят ее кровные родные, человеком, который сам мало кого любит, который полон самомнения, тщеславия, неумения жить с людьми, который еще только что-то ищет, в то время как надо бы уже все иметь, в котором столько книг и так мало тепла, который часто думает об истине и еще чаще обижает ее, эту неразумную, ничего еще не знающую женскую головку. Что-то мне стало очень грустно, прочтя ее письмо, и, собственно говоря, если бы я был совсем честен перед собой и вами, я, может быть, должен был бы написать ей так: «подождите, не связывайте еще свои жизни, проверьте его, — а вместе с ним и себя — есть ли в вас любовь, любит ли он вас».

Ее письмо, кстати, очень «веселое» — о том как Муня слушает по радио матч «Динамо» — «Локомотив», но мое старое ухо через эфир услышало не одни ремарки диктора.

Нельзя соединять браком жизни, чтобы «жить как все». Если уже сейчас, на пороге, это «жить как все» является не только предпосылкой, но и фактом, если уже сейчас «оправданы» («как все») будущие ссоры и измены, обиды и обманы, то нужно найти в себе хоть на копейку мужества, и честности, и жалости к другому человеку и порвать все. Пусть мучается или блаженствует, пропадает или нет, но без твоего участия и ответственности во всем том страдании, которое ему готовится в жизни.

Нельзя прибавлять страдания к жизни! Страдание жизни не Достоевский выдумал³. Ты очень много видел уже, ты должен это знать. А сумеешь ли ты — не только не увеличить ее страданий, но и помочь ей пережить те, которые пойдут помимо тебя?

Потом вопрос с ее семьей тоже очень важен. Ведь ты же не думаешь, что если прежде люди старались, чтобы семьи брачующихся были близки, что они это делали просто по глупости? В этом глубокий смысл. Дальность семьи или даже ее враждебность можно преодолеть, загладить только особым и непрестанным теплом дружбы между мужем и женой.

Вообще нужно же отдать себе отчет, до последней глубины и серьезности, что без дружбы нельзя идти в брак. Ведь губы-то увядают весьма скоро, или (даже не увядшие) делаются вдруг чужими только потому, что в душу вдруг ворвался чей-нибудь более обольстительный образ, как ветер врывается в дом, если дверь закрыта небрежно. Все это надо в себе осветить, ничего не надо скрывать, надо быть в этом деле честным. Есть ли дружба? Есть ли в душе некая светлая комната, где не старые брюки или подвязки лежат на полу, а лежит на полу солнце, а стены как живая тишина — чтобы эту комнату беречь, украшать ее, а не идти в брак как на службу, «как все», ссорясь и утешаясь, со ссылкой на усталость и городскую суету.

Потом, какова бы ни была семья ее, тебе должно быть дорого то, что это ее семья. Семья родившая навсегда остается для многих драгоценным кладом души, и поэтому надо быть во всяком случае тактичным.

Ведь в браке происходит пересадка из одной земли в другую. Заготовил ли ты, как садовник, эту землю или ты все еще очень занят и земля твоя полна всякого хлама? Если так, то и не берись за выращивание драгоценных растений — живи один! Есть мудрость и правда Божия и честность в том, чтобы быть одному, если не умеешь быть вдвоем.

Ты пишешь об искусстве. И я писал тебе о нем недавно, и я когда-то писал много стихов и рассказов, но поверь мне, всему моему сердцу и опыту, всей моей в ночах проведенной жизни, что дело все же не в нем, что дело совсем не в нем. Что дело не в том, чтобы написать или не написать стихи или рассказы, а в том, чтобы зародить в себе и сохранить в себе некую творческую тайну, божественное семя созидания и бытия, которое так же, как семя человеческое, зарождается в теплоте утробы, — зарождается только в теплоте и милосердии духа. Если после зачатия этого ты, по усмотрению Божию, оказываешься еще как бы дополнительно способным излагать свои чувства в стройных стихах — очень хорошо, но это факт уже второстепенный, не только для тебя, но и для всего мира. Важен не способ обнаружения для людей в тебе воссиявшего чуда, а самый факт его воссияния, который и в совсем неграмотном человеке будет излучаться и просвещать и врачевать мир Богу угодными путями. Эта тайна непостижима нам, и она не дается нашим рукам, когда они самовольно и в самомнении тянутся к ней. Она «сокровище смиренных»⁴, и только милостивому и смиренному духу дается она, исчезая при всякой нашей жестокости, от всякого холода, который мы допускаем в себя.

«Красота спасает мир», — сказал Достоевский⁵, красота всякой души, и без стихов и со стихами преобразившей себя в красоту нетленную. К этому призваны все, тут нет различия, тут нет привилегии стихотворной техники, все призываются быть творцами, истинными художниками жизни. Поэтому, когда я говорю, что неизвестно, кто выше, кто нужнее, — Пушкин или его няня, — я вкладываю в это совершенно реальный, практический смысл. Дай Бог, чтобы было побольше няней! Потому-то и стало так безумно холодно в мире, что многие захотели быть Пушкинными и забыли про нянь и святых.

То, что ты станешь или не станешь писателем, не имеет значения ни для меня, ни для Ляли, ни для мира, ни для тебя самого. Ты должен стать человеком, и при этом счастливым челове-

ком, созидающим жизнь. Когда я писал свои стихи, я был очень во многом несчастен и я очень многих людей обижал. Стихи давно куда-то пропали, я учусь перестать обижать и вот иногда я как бы не могу стоять на ногах от охватывающего меня счастья, радости вновь расцветающей души, от чувства полноты творческого бытия. Затем еще скажу: ты пишешь о перегруженности в голове. Дети не должны продолжать ошибки отцов. Ведь вы слишком много видели в жизни, чтобы стать более простыми, более сильными, более мудрыми. Для вас должна быть драгоценна жизнь, как святыня, которую чуть было у вас не отняли, как ребенок, который чуть было не умер у вас на руках. Что тут мудрить, когда на руках такое святое тепло! Но я знаю, что жизнь, самая эта кажущаяся долгота жизни, тягучесть ее будней ужасно трудна. Невероятно трудно блюсти сердце в зле и холоде мира. И, конечно, только искреннее смирение может научить — как это сделать, как сохранить свое тепло и любовь любимого человека в окружающей нас ночи. Только смирение, ибо вообще это «невозможно для человеков, но все возможно Богу»⁶. Аминь!

Больше не буду писать, а то, может, ты и обидишься. Не надо обижаться друг на друга. Я знаю, что в тебе живет искренно детское сердце.

Без страданий нельзя прожить, они даже нужны нам иногда, но мы, люди и создания Невечернего Света, должны стараться быть малым светом и утешением в страданиях других людей. К этому нас нудит сердце, в этом находит великую радость согретый любовью ум. В этом и надо воспитывать себя, каждый день, с раннего утра, выходя на невидимую борьбу с холодом жизни.

Целую вас обоих, все равно будете ли вы вместе или нет — глажу головку твоей Ляли и люблю ее. Покажи ей это письмо.

Твой п.

4 XI

Это, конечно, не есть ответ на твое письмо. Это ответ, может быть, больше себе, своему беспокойству, наспех написанные мысли тревоги и желания вам добра.

№ 42. Н.С. Фуделю

28 XII [1950, с. Большой Улуй]¹

Дорогой мой Коленька!

Дорогая Лидочка!

Поздравляю вас с праздником.

Здесь в тишине, около зимнего леса, закутанного в снега, он, конечно, особенно чувствуется, но, может быть, и вы у себя, среди шума и беспокойств, сумеете отвоевать кусочек тишины, ма-

ленькую крепость, где тоже будет слышно дыхание вечной жизни, где вы прикоснетесь к Памяти этого дня. Вся радость истории начинается в нем.

Диккенс это понимал и написал «святочный рассказ»² про Скруджа², который все пережил за несколько часов, раскаялся, понял и — победил за последним гусем для племянника.

Я мало знаю сейчас про вас, но знаю, что Коля остается в Москве³, будет писать о Тургеневе и что, может быть, в январе вы наконец соедините свои жизни в одном корабле. Я бы все-таки хотел, чтобы это соединение было чем-то отмечено, чем-то значительным и светлым. Конечно, я знал одну счастливую и уже старую пару, в которой муж был всегда столь чужд всяких праздничных чувств, что (как рассказывала с улыбкой его жена) когда ехал на венчание на извозчике, то читал газету и так увлекся этим, что проехал церковь, в которой его ждала белокрылая невеста и куча шаферов.

Я не знаю, что бы вам посоветовать. Может быть, этот день провести вдвоем в лесу? Или, может, зажечь в этот день какую-нибудь особо хорошую елку?

Мне очень жаль, что у меня нет средств, чтобы послать вам для этого дня. Я на днях послал деньги маме и у меня не будет до конца января.

На днях прочел «Синюю птицу», она кажется еще недавно шла в Художественном⁴. Конечно, заглавие сильнее содержания (заглавие-идея), но конец хороший: Тильгиль, искавший Синюю птицу по всему белому свету, находит ее в своем собственном бедном доме. Это так характерно: мы так часто не замечаем своих синих птиц!

Мама очень тревожится, что вы будете не в самостоятельной комнате. Конечно, вам будет трудно, но все же всегда помните, что и то, что вы уже имеете, очень много: люди, которым вы верите, вещи, которые вам милы, тихий переулочек. Будет время — будет и совсем своя комната.

Про себя я писал тебе в одном из прошлых писем. Через 4 месяца может измениться моя жизнь⁵, но я думаю, что было бы, может быть, правильнее не менять ее, а остаться мне здесь. Хотелось бы только повидаться на неделю-две, чтобы обо все переговорить — мне ли приехать или маме сюда, не знаю.

Целую вас.

Будьте мужественны и не смущайтесь всякой мелочью. Когда идешь в густом лесу, именно мелкие ветки иногда большей всего бьют по лицу и колются. Большие-то сучья высоко.

Ваш п.

Приветствуйте всех от меня к Празднику.

№ 43. Н.С. Фуделю
21 I [1951, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогой Коленька.

Давно не было от тебя писем, в последнем ты обещал написать мне вместе с Лидочкой 4—5 I, но вот уже 21 I, а ничего от вас нет. Из телеграммы из Загорска от 5 I и из письма Вареньки от 4 I я понял, что 5 I ты был там². Потом мама 31 XII писала, что Маша поехала встречать с вами Новый год. Так по отрывкам и догадкам я создаю себе представление о вашей жизни, и конечно, удивляюсь не тому, что вы редко мне пишете, а что вы все еще мне пишете, что вы все еще находите время и охоту обо мне думать, среди своей суеты и бесконечных дел, и мне писать. Я ведь представляю себе, как велика власть этого шумного потока жизни, в котором вы живете. Думаю, что у вас и ночью нет покоя человеку. А здесь у нас полная тишина, и если войдешь в лес (от меня минут десять), то кажется,ходишь в какую-то первоначальную чистоту и покой, озаренный солнцем. Сейчас много солнца и морозы небольшие, самая хорошая погода. Снег точно смертный саван, но в такие дни слышно, что земля под ним не умерла и дышит, как «спящая красавица».

Вот мама больше всего любит это и никогда не может жить в этом, оттого-то ей так трудно.

Нам бы этим летом обязательно надо с ней повидаться.

Целую тебя, дорогой мой Николаша.

Пиши, всегда радуюсь твоим письмам. Привет мой Лидочке.

П.

№ 44. Н.С. Фуделю
13 III [1951, с. *Большой Улуй*]¹

Милый и дорогой мой Николаша.

Ты давно не пишешь, но от мамы знаю, что у тебя все неудачи и болезни и неустройства². Так обидно, что не могу тебя поддержать ничем, даже благим советом или утешительным словом. Чтобы утешать других, надо самому быть утешенному, очищенному от накипи и мути жизни. Знаю только, что так или почти так и должно было быть, и твое действительное начало жизни, переход от всего еще «детского» или хотящего оставаться таковым (вроде Недоросля Фонвизина) на путь зрелого возраста. Поскольку в тебе, помимо простого «бывания», есть воля к подлинному бытию, постольку этот переход неизбежно осложнился скорбями. Это и есть те нападения, те искушения, которые мы должны преодолеть, невидимая доброта человека за путь к Источнику жизни. Поверь мне, что это так! Вот тебя, наверное, все сейчас приводит в отчаяние, а от отчаяния ты пребываешь в раздражении, которое

в свою очередь и с новой силой вызывает отчаяние. В конце концов человек махает на все рукой и стремится к какой-нибудь примитивной отдушине (ему кажется, что это отдушина), к какому-нибудь табаку, водке или еще чему-нибудь, а так как это иллюзия, то опять начинается все сначала, весь круг, в котором кружится человек, его круговое вращение в своей самости.

Конечно, если твое материальное состояние в смысле работы (заработка), было бы лучше, весь этот процесс был бы легче (может быть), но это не значит, что его не было бы совсем. Всякий не желающий только растительного существования, всякий вкусивший хоть одну каплю вина Истины, истинного Бытия, никогда не проживет без страданий. Они действительно огонь, очищающий золото, или те родовые муки, без которых нельзя родиться в Жизнь, нельзя выйти из порочного и страшного круга своей самости. Молю Бога, чтобы тебе можно было как можно легче родиться, чтобы тебе было как можно менее больно и чтобы другим от тебя не было больно. Сегодня, когда молился за тебя, со скорбью ища среди слов молитвы тех из них, которые были бы к тебе или о тебе, я увидел фразу, которую и почувствовал, как ту, которую искал: «Близ Господь призывающим его, всем призывающим его во Истине»³. И ты ведь знаешь, что это именно так.

Целую тебя, обнимаю тебя, очень прошу не отчаиваться, не сердиться ни на других, ни на себя, претерпеть все с благодушием, зная, что все это временно и что «близ Господь призывающим его». Твой п.

№ 45. Н.С. Фуделю
24 III /1951, с. *Большой Улуй*¹

Милый мой Николаша.

Я все пишу тебе, а от тебя ничего нет. Уже на три письма нет ответа, и я не знаю причины. Может быть, я тебя чем-нибудь огорчил или обидел, неосторожным словом каким-нибудь? Хотел было даже писать к Ляле, прося ее объяснений, но не знаю ни ее адреса, ни именованя. Меня беспокоит и твое здоровье, и твои материальные дела, и твои душевные дела. Все это, я знаю, у тебя не устроено, все это еще в разброде и в опасности. Мама писала о проекте ликвидации дома в Загорске² и устройстве вас вместе под Москвой, и я порадовался этому, потому что вы будете рядом друг с другом и тому, что утром и вечером ты не будешь в городе. И теперь я жажду подробностей, более точных сведений, хочется, чтобы это было поскорее. Этим переездом ты сможешь не только свою семейную жизнь начать в более нормальных условиях, что исключительно важно, но и маме отдать неко-

торый долг тем, что ты будешь близко от нее, тем, что и ты и Ляля как-то сможете присмотреть за девочками.

Что касается твоего внутреннего состояния: раздражение до отчаяния и отчаяние от раздражения, — то поверь мне, что единственного выхода из него — это признание своего полного банкротства. Если ты не смиришься, то тебе грозит задохнуться в самопереживании. Надо понять всем нутром свое ничтожество — моральное, практическое, умственное — и понять, отойти от себя. Никуда пока не иди — ни к людям, ни от людей — но отойди от себя, начинай забывать себя, переставай заниматься собой и своими достижениями и своими неудачами. Бери быка за рога, а если не возьмешь, будет поздно. Отойди от себя! Жизнь призывает тебя на настоящую борьбу и, если хочешь победить, забывая о себе.

Меня мучает еще одна мысль: не являюсь ли я причиной твоих жизненных неудач? Может быть, мне не нужно писать тебе? Напиши прямо.

Я писал маме, что очень одобряю ее планы о вашем переезде, что сюда ко мне переезжать никак нельзя, ибо я сам о себе ничего не знаю, что если вам удастся найти помещение, то переезжать надо пораньше и уж только после вашего переезда, если будет возможность, подумать о поездке ее ко мне недели на две-три.

Целую тебя, обнимаю. Напиши же без обиняков, может мне не писать?

Твой п.

Ляле пишу мысленно, а на бумаге не выходит.

Храни вас Бог!

№ 46. Н.С. Фуделю

29 III /1951, с. *Большой Улуй*¹

Дорогой мой Николаша.

Я только что послал тебе письмо, полное недоумения о твоём молчании, как пришло твое от 20 III, из которого видно, что мой письма, по крайней мере два, до тебя не дошли. А я уже хотел посылать телеграмму, начиная серьезно тревожиться о твоём здоровье.

Конечно, тебе не следовало бы жить в городе. Но удастся ли вам обменять Загорск на что-нибудь недалекое от Москвы и в то же время лесное? Поездки на работу утомляют, но это утомление с избытком компенсируется минутой подлинной тишины. Даже сама неприглядность каких-нибудь размытых дождем дорожек нужней, чем бетонная одинаковость каких-нибудь тоннелей. Но удастся ли?

Ты пишешь, что «достал до весны уроков»². Я в прошлых письмах спрашивал о возможностях литературоведческой рабо-

ты. Я не знаю, как теперь, но прежде можно было иметь заработок, работая примерно в том разделе, как Н<иколай> Ник<олаевич>³, — «на перифериях» литературных тем. Эта область работы, по-моему, помимо всего прочего, крайне интересна как работа, например, материал по литературной вражде Тургенева и Достоевского⁴ или о дружбе Тур<генева> с Виардо — золотая россыпь для золотоискателя, а им и должен быть литературовед. Но это еще достаточно «широкие» или «общие» темы. Есть еще более узкие и, мне кажется, иногда не менее интересные. Если есть в душе чувство меры и уважение к самим творцам литературы, а не только к их творениям, никогда не дойдешь до того перемывания грязного белья, которое, может быть, тебя страшит. «Перемывать» можно и находясь на общих темах, дело здесь не в теме, а в степени культуры литературоведа.

Я, конечно, и отстал, и, может быть, не знаю твоих вкусов, но мне кажется, «узкая» тема может быть очень глубокая. Есть ли работа о рисунках Лермонтова? Есть ли полный материал о музыкальной интерпретации русской поэзии 19-го века? — Здесь дело не в перечислении романсов, а в музыкальном истолковании, а также истории создания (в связи с этим интересный вопрос о «музыкальном тексте»). Как обстоит дело с работами о сравнительной пунктуации? Есть ли достаточная работа о книгах писателей, о их библиотеках? Я знаю только весьма неграмотную статью о посмертной продаже библиотеки Достоевского, но с интересным перечнем («что он читал?»)⁵. А «пометки» писателей на полях прочитанных книг? Работы о роли театра в биограф<афии> Пушкина, конечно, есть, а как с другими писателями? В каких театральных креслах сидел, поглаживая бороду, вице-губернатор Щедрин?

Я бы лично с удовольствием работал над темой: «Московские улицы глазами Пушкина». Во всех таких темах есть что-то от «Музея 40-х годов» — но что из этого? Разве это предосудительно? Здесь связи, ходы и переходы в другие области, в историю, в другие искусства, в быт и реальность жизни, в сундуки с старыми вещами, откуда запах не только нафталина, но и идей владельцев этих вещей. Затем здесь легче, чем в другом, «оторваться от себя», меньше выпячиваешь свое собственное отвратительное «я» (точно горб спереди!) и любовно и научно осторожно восстанавливать полустертую страницу.

Для кого? Ну, для себя хотя бы, но, конечно, не только для себя, а и «для истины», или, как говорил Достоевский, «чтобы не умирала великая мысль»⁶.

Наверное, ты ответишь: «это интересно, но ведь ты заговорил о заработке, а не об интересе». Да, я, конечно отвлекся и я ничего сейчас не знаю. Но вот что-то (и достаточно для семьи) зара-

батывает же Ник<олай> Ник<олаевич> (Ильин), а ведь он очень тяжелый, т<о> е<сть> неумелый человек, в смысле устройства. Конечно, здесь нужны связи в журналах, — поддержка от кого-нибудь. Напиши, что ты думаешь об этом? Можно ли иметь такой заработок и что нужно для этого?

«Я знаю, что я ничего не знаю» и в частности о всех твоих делах. Хорошо, что ты бываешь у мамы. О самом себе я знаю еще того меньше, но во всяком случае наши жизни еще долго не встретятся. Не в слишком ли больших дозах получает Варенька Диккенса? Это ты должен рассудить.

Мне стыдно, что я не пишу Ляле, но я часто о ней думаю, всегда молюсь за вас обоих и очень желаю ей силы и радости в ее трудах.

Когда живешь просто и смиренно, тогда на самых трудных и каменистых путях расцветают цветы радости, незримое «сокровище смиренных». Дай ей Бог этого.

Я бы, конечно, хотел поглядеть на вас 26 мая⁷.

Не забудь мой совет: в день свадьбы, утром, пойти к чему-то самому светлому, самому чистому, чтобы лучи света легли на последующее. Вечерний шум может затемнить утро, но утро все же останется. И тогда не так страшна будет ночь жизни, ибо она все же есть. Ночь и мы должны запастись оружием и мы должны быть на страже, «чтобы (как сказано в вечерней молитве) всего настоящего жития ночь пройти, ожидая светлого и явленного дне твоего»⁸.

Целую вас, пишите.

Твой п.

№ 47. В.М. Сытиной
*11 V [1951, с. Большой Улуй]*¹

Дорогая Верушенька.

Как ты просила, послал вчера тебе телеграмму. Я чувствую, что в судьбе моей скоро могут быть перемены, и потому живу в беспокойстве, не зная, что именно будет. Сегодня пришло письмо от Маши, и я подумал, что может и мой возможный переезд² куда-нибудь южнее не приведет в результате к жизни совместно с ней, так как самое большое, что мне могут разрешить, это маленький городок, где, конечно, не будет тех техникумов, в которые хочется Маше. Ни «пищевое», ни «торговое», ни «заготовительное» образование ей не хочется, а в этих городках, конечно, нет библиотечного техникума, медицинский, который я бы считал самым лучшим, ее не прельстит тем более. А я, собственно, и решил бы выбраться из Улуя именно с мыслью о том, что мы сможем жить именно с ней. А этого как раз, наверное, и не будет.

Это первое сомнение. Есть и другие, которые одолевают меня. Мне очень не хочется, чтобы ты нарушала то, что у тебя есть: какой ни на есть дом и какая ни на есть работа. Если даже мне разрешат переехать куда-нибудь поближе, я не мыслю, чтобы тебе тут же переезжать ко мне с семьей. Надо будет мне достаточно твердо устроиться на работе (я еще не знаю — на какой?), уж не говоря о прописке, о квартире и т.д.

Не буду больше об этом говорить и писать. Знаю, что материально было бы правильной всего мне заключить договор куда-нибудь в Заполярье, чтобы высылать тебе ежемесячно рублей 500—600³. Может быть, когда мы с тобой этим летом увидимся, мы все же так как раз и решим и, повидавшись с тобой, я уеду. Не повидавшись, я не хочу на это идти.

Если я поеду куда-нибудь «южнее», то основные деньги у меня будут. Может быть, не будет доставать рублей 200, но до моей телеграфной просьбы ни в коем случае не посылай, так как, возможно, и не понадобится.

Я купил себе брезентовые хорошие туфли за 53 р. Курточку мне сшили, я уже писал, т<ак> что если надо будет ехать, у меня есть все приличное (здесь же — это такое счастье! — можно ходить и в заплатках). Верушенька! — прости за недоумение и робость. Я знаю, что все будет по воле Божией.

Как хорошо, что ты была на кладбище и меня там вспомнила!⁴
Твой С.

13 V.

Еще раз прости за такое письмо. Я уже его и бросил, а потом вижу, что сейчас все равно другое не напишется. За 5 лет⁵ одичал, и всего страшно, и все беспокоит, да и чувствую я себя хоть здоровым, но старым. Впрочем, часто темнота в душе рассеивается, и тогда ноги снова чувствуют под собой стезю Божию.

Прилагаемое письмо передай Николаше. Вареньку и Машеньку целую и благодарю за письмо.

№ 48. Н.С. Фуделю

13 V/1951, с. *Большой Улуй*¹

Дорогой Николашенька.

Прости, если огорчил прошлым письмом от 28 IV², где я отвечал на твое. Впрочем, знаю, что ты не обидишься, зная, что я пишу тебе от скорбного сердца, желающего тебе всякого благополучия и прежде всего благополучия вечного, духовного, по сказанному: «цель увещания — любовь от чистого сердца и нелицемерной веры»³. Ты ведь знаешь, как много мы (не имея любви) лицемерим друг с другом, не говорим друг другу правды. Да и не умеем ее говорить, ибо живущий в нас гнев ее убивает. Какая-то неуст-

роенность в твоих всех делах и внутренних, и брачных, и служебных меня, конечно, беспокоит. Ты вошел в самое опасное для мужчины десятилетие, когда все силы и физические и душевные бывают в бурном расцвете, когда легче всего поддаться иллюзии вечности этого «расцветания» и обоготворить его, и поклониться ему, т<о> е<сть> самому себе в расцвете и в бурности. (Само) — обожание то же, что и самообоже́ние, корень слов один — бог — это воспоминание о древнем отступлении в Раю — «откажитесь от Сыновства и будете как боги»⁴. «Влюбленность в Бога замените самовлюбленностью, ибо ваши силы безмерны и неоскудеваемы.

Храни тебя Бог в этом опасном плавании. «Будь мудр, как змея, и прост, как голубь»⁵. Я сейчас живу в ожидании перемены своей жизни. Всякая перемена беспокойна, особенно в мои годы, когда не так уж много сил и на одни географические перемещения. Но в то же время и что-то отрадное и радостное свяжется с этой переменной, какое-то «чувство нового пути», указуемого Богом. Лишь бы только пребыть верным Ему и благодарным.

Узнаю наверное около 20 числа и тогда сообщу. Многое беспокоит: возможности работы, прописки, переезда мамы и девочки, материальное обеспечение и еще многое. Иногда думается — не правильной ли будет уехать по договору года на три в Заполярье, откуда можно будет посылать маме ежемесячно рублей 500?⁶

Поздравляю тебя с днем рождения⁷.

Целую вас обоих.

Твой п.

Получила ли мое письмо Там<ара> Андр<еевна>? Сегодня 2-я годовщина смерти т<ети> Маруси⁸.

№ 49. Л.И. Щербининой

14 V [1951, с. Большой Улуй]¹

Милая Лялечка.

Коля пишет мне, что у Вас тяжело болен брат, и мне хочется послать Вам слово ободрения и привета. Конечно, пока ходят письма, он, может быть, уже и выздоровел, и сейчас, может быть, вы совсем не нуждаетесь в утешении. Но ведь, с другой стороны, жизнь наша все же проходит в «долине смерти», она устережет нас если не сегодня, то завтра, если не в этом году, то через сколько-то лет. Так что всегда нужно быть готовым к этому и всегда нужно носить в себе «утешение». Конечно, легко сказать, а трудно делать. Вчера было уже 2 года со смерти моей сестры², а скорбь почти та же. Но есть скорбь, притупляющая сердце и разум, замыкающая человека в какой-то холодной чужой комнате. И есть скорбь, которая, обливаясь слезами, берет лопату и роет в земле души колодец, чтобы дорыться до «живой воды».

Видали ли Вы когда-нибудь, как иногда в воде глубокого колдца отражается кусок голубого неба и радость солнца и жаворонков? Вот бывает и скорбь такая же. Она не ожесточается, не уходит в свою глубину, ища голубого неба и Бога. Она в великие страдания вводит сердце, ибо ничего не скрывает от себя, не стремится внешними наркозами притупить себя, она принимает страдание как правду, как путь через чащу леса к светлой поляне.

Я почему-то за Вас более спокоен, чем за Колю, когда подумаю, что и ему, может быть, придется пережить смерти близких. Кто-то сказал, что душа человека по природе своей христианка³. А так как христианство есть учение о Страдающем Боге, то и душа-христианка светло и мужественно переносит страдания. Именно в страданиях она больше всего уподобляется Богу.

Есть слова любви, неизъяснимо действующие на душу, как у Лермонтова:

«Есть речи, — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно»⁴.

Дай Вам Бог услышать эти речи, найти в себе эти слова, в себе самой найти Ясную Поляну, где мир Божий и Солнечный вечный свет.

Ваш С. Ф.

№ 50. Н.С. Фуделю
*14 V [1951, с. Большой Улуй]*¹
Милый Николаша.

Сегодня послал тебе письмо (в письме к маме в Загорск) и тут же получил твое от 5 V. Я в своем уже просил у тебя извинения, если что-нибудь резко сказал в предыдущем письме от 28 IV. Вижу, что ты огорчился им, но мужественно не обиделся. Милый мой мальчик! Ну прости и не огорчайся. Когда я пишу тебе, я многое отношу к самому себе в еще большей степени. Это, в частности, что нужно с утра каждый день брать лопату и метлу и чистить свое стойло.

От этого не «окаменение» получается, как ты боишься, а радость и удовлетворение — чистый воздух, после чего и все дела пойдут по порядку.

Причем, именно метла нужна, а не микроскоп для анализов. Какие уж тут анализы!

Целую тебя, прилагаю письмо Ляле.
Твой п.

№ 51. Н.С Фуделю и Л.И. Щербининой
26 VI [1951, с. *Большой Улуй*]¹

Дорогие мои Коля и Ляля.

Захотелось написать вам обоим, как бы забегая вперед, предвзярая события и разговаривая с вами за столом и стаканом крепкого чая.

Я, кстати, разговаривать и раньше не умел, а теперь совсем разучился — предупреждаю вас. Я могу писать или разговаривать в письмах, а говорить не умею и часто глупо моргаю глазами на собеседника.

Я вчера перебирал старые письма и был охвачен благодарностью к вам, — эти годы² наполнены вашими письмами. Мне хочется сохранить их, как живые существа, как хрупкие следы пережитого и еще и сейчас живого, как «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»³. Но в связи с этим как-то горько стало за вас, что все еще у вас не устроено, все еще вы в каком-то предисловии к книге, а не в первой главе. Конечно, отчасти эти мерила условны. У вас несомненно уже давно дружеское единство и, может быть, незаметно и «не оформлено» вы прошли уже большой кусок совместного пути. Но все же не надо искушать судьбу, надо поскорее заканчивать некоторую неопределенность. Помогите вам Бог во всем! Верьте мне, что Бог помогает не только в том, чтобы дать кусок очевидного и осязаемого черного хлеба голодающему, но и в самых сокровенных и «тончайших» состояниях, отношениях и нуждах человека, во всяком его голоде. Нашей порченной голове труднее всего принять и вжиться именно в это.

Мне бы очень хотелось вас увидеть, хотя я и боюсь при этом некоторых вещей. Во-первых, того, что, как это чаще всего бывает, личное свидание благодаря нашему неумению быть совсем самим собой, быть искренним и простым, приводит к разочарованию (в самом себе), к досаде на то, что упущена возможность духовного общения. Ведь мы вообще все время теряем, упускаем какие-то, в чем-то, возможности, все время проходим мимо или даже топчем благоуханные цветы. Иногда охватывает такой страх за это, за себя, за других, когда вдруг острою ножа войдет в сознание ощущение теряемых часов, дней, лет. Кажется, это хотел выразить Пушкин, когда писал:

«И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю»⁴.

Ибо их уже и нельзя смыть, можно только одно: глотая слезы покаянья, снова вставать, снова идти вперед по пути своему, ве-

ря в то, что, пока мы еще живы, перед нами живы все возможности подлинной жизни и действительного счастья, как бы ни велики были прошлые преступления. Помогите вам Бог во всем!

Может быть, и придется увидиться, хоть и кратко, когда я буду проезжать мимо⁵.

Я с благодарностью гляжу на свой Улуй, но с большой радостью начинаю новую жизнь⁶. Маше я писал подождать немного с решением вопроса о вузе⁷. Я очень против литературного пединститута, но еще не вижу, что бы ей определенно советовать.

Я послал тебе письма 12 VI и 23 VI заказные⁸, в одном из них было письмо к Тамаре, получил ли? А Ляле я писал в мае, но тоже не знаю, дошло ли.

Целую вас. Искренно прошу простить меня за мое неумение и беспомощность в такое ответственное ваше время.

Ваш п.

№ 52. Н.С. Фуделю

27 VI [1951, с. Большой Улуй]¹

Милый Николашенька.

Сегодня пришло твое письмо от 19 VI. Рад, что мое письмо к Ляле все же дошло. У меня что-то это время болит за нее душа, и мне хотелось, чтобы мой привет дошел до нее, хотя, может быть, и неумелый. Я совсем не в претензии, что она не отвечает. У нее несомненно драгоценное сердце, которого — я думаю — ты еще не заслужил.

Я получаю на днях паспорт², кончаю дела на службе³, причем это совпало с полугодовым отчетом на 1 VII, так что раньше 5—7 VII я не вырвусь. На службе ведь надо получить деньги на дорогу. Кроме того, еще точно не знаю, куда ехать, и жду обещанного сообщения от мамы. В день посадки на поезд в Ачинске⁴ телеграфирую. Говорят, в Ачинске ждут посадки по многу дней. От Ачинска до Москвы 4,5 суток езды. Как ты думаешь — не испугаю ли я Тамару Андр<еевну>, если я проездом заеду к ней?⁵ Я еще сам не решил и не знаю, как быть, ехать ли прямо или же заехать по дороге. Я боюсь напугать своим таёжным видом.

Про Машино ученье ничего не знаю⁶. В педагогический не советую, независимо от факультета. Есть прекрасная специальность — медицинская, но она, конечно, туда не пойдет. Есть много еще других интересных — сельское хозяйство, география, картография, геология. Лучше бы всего ей решить это в связи с работой мамы⁷, когда это определится в отношении Воронежа. Ведь там институты.

В каком музее ты будешь работать? Какие Аксаковы жили в 30-х годах прошлого века в Н<ижнем> Новгороде?⁸

Целую, может быть, скоро увидимся.

Твой п.

Спасибо вам всем за ваши письма, любовь, память.

№ 53. Н.С. Фуделю

29 VI [1951, с. *Большой Улуй*]¹

Спасибо, дорогой мой Коленька, за письмо от 23 VI. Рад, что ты «напал на жилу» в сундуке — на Гоголя, Аксаковых. О портрете девочки Мамонтовой² есть прекрасные строки у И. Грабаря в его монографии о Серове³.

Я увидел этот портрет впервые, когда мне было 17–18 лет и он висел еще в той комнате, где был создан, и я помню, что, войдя в эту большую комнату, я уставился на него, забывая здороваться с хозяевами. Он передавал не только воздух прошлого, но и чувства и мысли его в этом доме, обитавшие около маленькой светлой девочки. Так хотелось войти в это полотно, как в дверь.

И, по-моему, какая же дистанция отсюда до масла Репина (карандашных рисунков не знаю)! Только портреты Нестерова могут сравниться с этой правдой. Ведь реализм может быть зрячим и слепым, не видящим «природы вещей». Колоссальность тем Репина и техническое могущество выражения часто не передают, а затемняют ту «духовную материю», о которой ты пишешь, что она «течет» под поверхностью изображаемой формы.

Некоторые художники только иногда ощущали ее. Мне кажется, что Васнецов только в «Аленушке» выразил это, только в этой картине на него повеял небесный огонь, текущий под брэнной плотью мира.

Все остальное (почти) — техника, иногда сходящая к простой иллюстративности. И. Грабарь очень хорошо вспоминает Татьяну из Онегина, хотя она и совсем другая, в главе об этом портрете («о как душа была бы рада, всю эту ветошь маскарада»)⁴.

Да, в использовании всего этого есть много интересного. Ты находишь верные, правильные слова, ты, я чувствую, задет за живое этим умершим миром людей. Но ты знаешь, что и в искусстве надо различать «Бога» и «технику». И как ни бывает здесь иногда поразительна техника, она все же иногда только техника. Поэтому врубелевская «Цыганка» технически слабее репинского «Государственный Совет», но духовно сильнее. Очень сильны врубелевские фрески в каком-то монастыре⁵, а «Лебедь» его я не люблю. Реализм Серова уже как бы «надломленный», как прозрачен и хрупок воздух осенью, но именно про его вещи можно сказать:

«Листок, что засох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопении»⁶.

Символизма в живописи я мало знаю, помню только Чюрлениса (в Третьяковке). Его не надо путать с импрессионизмом (Жуковский).

О Гоголе есть очень интересные статьи в старом журнале «Весы» — это 1900-е годы, — в частности, Брюсова⁷. Там же много о живописи, о реализме и символизме в искусстве. Этот журнал тебе следовало бы как специалисту посмотреть. От палящего уничтожающего солнца житейской толкотни иногда хорошо укрыться под прохладную тень этих книг и мыслей об искусстве. Но только всегда надо помнить, что это лишь минутный отдых, а что подлинное творчество, и воплощение идеи в форму, и осуществление искусства в жизни начнется для тебя вновь только тогда, когда, положив (спокойно и благодарно) книгу на письменный стол, ты возьмешь свой страннический посох и опять выйдешь на улицу, под палящее солнце, на путь встреч и преодолений, скорбей и радостей, падений и восторгов, муки и блаженства своего пути к Богу.

«Ибо мы не имеем здесь пребывающего Града, но грядущего взыскуем» (ап<остол> Павел)⁸. Целую тебя, Коленька.

Привет тебе и Ляле. П.

Я так благодарен за письма.

№ 54. Н.С. Фуделю

1 VII [1951, с. Большой Улуй]¹

Наконец-то, дорогой мой, от тебя письмо! Я глазам своим не верил — так обрадовался (конверт от мамы). Слава Богу и за то, что ты с Лялей, что начинается ваша совместная жизнь. И как ты ни осуждаешь Абрамцево, а все же хорошо, что это начало в нем, а не в городе. Где бы там были птичьи гнезда! Очень бы хотел посмотреть на вас, хотя бы в подзорную трубу из Мутовок.

Я понимаю очень, что голова твоя здорово устала от Рудиных². Я только краешком заглядывал, да и то устал. Тургеневская литературщина (как ты верно говоришь, питаемая тщеславием) — это тот умственный хлам, который в очищенном грозами воздухе души особенно несносен. И дело, конечно, не только в Тургеневе. Дай Бог тебе терпения, и при этом с каким-то благодушием. Ведь терпение подобно хорошему непромокаемому плащу, не такому, про который говорят: «это промокаемый не плащ», а настоящему, в котором можно переждать непогоду, зная, что все равно когда-нибудь выйдет Солнце.

Ведь мы же испытываемся Богом, всеми «заботами», трудами и скорбями. Выдержит ли наша любовь? устоит ли наша верность Ему?

И Он посылает (или попускает) ровно столько, сколько мы

можем вынести. И видя наше хоть крошечное мужество, хоть какое-то терпение, Он тут же утешает и помогает.

Дай вам Бог обоим утешения Божественного: в красках зари или в чистоте воздуха или в благоухании трав или в глазах верности и дружбы или — больше всего — в непостижимой силе Слова Божия. Но даже и при утешении никогда не снимай плаща терпения, чтобы «не возмниться», чтобы не почитать на лаврах, чтобы всегда быть готовым к новому дождю искушений. И на нервы, конечно, не надо очень сваливать. А то, знаешь, бывает, что в квартирах какие-нибудь тетки побьют себя по морде, а потом говорят: «вы знаете, я очень нервная». Или я как-то видел инвалида, который костылем дрался в очереди, а потом тоже ссылся на нервы. Больные нервы есть, конечно, факт, но мы в значительной степени можем их лечить или не допускать до болезни. Лечатся они покорностью воле Божией, а если люди не хотят лечиться, то как же им быть здоровыми!

Не «нервно», а покорный воле Божией или воле высшего Рокка, или воле «богов», умирал древний скиф или грек.

Они верили в Бога, в некую личную надмирную силу — в этом объяснение того достоинства и спокойствия, с которым они умирали.

Мы можем опытно знать безмерно больше, чем они, и в то же время мы можем не знать и того немногого, что они знали. В этом последнем случае мы «оглушаемся» заботами до потери чувства жизни и кончаем «Смертью Ивана Ильича»³.

Потеря чувства жизни есть потеря чувства вечности. Я все-таки очень люблю изречение какого-то философа: «горе тебе, если в то время как тебя уносит поток времени, ты не несешь в себе вечности»⁴.

А еще гораздо лучше и проще молитва Исаака Сирина: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной»⁵. Нам, действительно иногда оглушаемым заботами и невзгодами, надо всегда так молиться, чтобы в сердце, как птица в гнезде, поселилось это трепетное чувство вечности. И когда несешь в себе это чувство — как благословенна и как благоуханна становится жизнь, как легко становится путь — земля любимая и родная под подошвами ног!

«Покорность воле Божией» нами часто совсем не понимается. Мы и своей-то воли иногда не понимаем.

Воля Божия не только в большом, но и в малом. Во всем, т<о>е<сть> всегда, надо помнить вечность и Бога, в ней обитающего, и тогда будет понятно, что такое покорность Ему. Часто она есть простая уступчивость другим, мирность с другими. А мы иногда не уступаем или раздражаемся даже на то, чтобы обедать не в 4, а в 6.

Ты пишешь о творчестве, которое было в тебе раньше. Об

этом мне труднее всего писать, так как мне кажется, я чего-то не понимаю.

Цель всякой жизни есть творческое раскрытие какой-то божественной идеи. Дерсу Узала⁶ раскрыл ее, наверное, гораздо больше, чем Байрон. Почему мы не решаемся смело сказать эту правду? Ведь «божественная идея» так же проста, как капля росы в чашечке цветка: это все то, что созидает жизнь. Роса созидает, твоя Ляля созидает, когда тебя любит, тебе прощает и готовит тебе обед.

Созидает ли байронизм — я не знаю. В том, что обнимается понятием «искусства», такая мешанина, которой я боюсь.

Я бы сказал так: «И в искусстве, так же как и в простой жизни, можно сделать много хорошего». Дальше этой сознательно сдержанной формулы я не иду. Но и она очень большая (для искусства).

И, уж конечно, совсем плохо «любить себя в искусстве»⁷. Любить себя ни в чем не надо: ни в искусстве, ни в обеде, ни в костюме. Это не значит, что надо себя презирать, но значит, что от себя надо отталкиваться, чтобы идти дальше, чтобы себя не замечать, чтобы о себе забывать, стремясь к цели.

Другое дело — «любить искусство в себе» — как некий луч Божий, просвещающий тьму.

Слова твои о Кирилле⁸ меня взволновали. Вспомнилось, как 35 лет назад⁹ я провожал С<ергея> Н<иколаевича>¹⁰, уезжавшего тоже на дикие северные озера, в «край непуганых птиц», и потом встречал и слушал рассказы про эти озера, и диких лебедей, и колдунов. Очень много я тогда любил или, лучше сказать, очень много я слушал жизнь, во всей ее правде и красоте — озер, людей и старых северных, деревянных церковок. Г. Уэллс был, между прочим, тоже очарован нашим Севером, его возили куда-то под Архангельск в те годы¹¹. На Севере грань (в природе) между временным и вечным как бы стирается или (может быть) временное, за смирение свое, становится вечным.

Но зимой тяжелы сиреневые (под вечер) снега в зырянском одиночестве¹². «Помилуй, Боже, ночные души»¹³.

Вот, друг мой, милый Николаша, прими, что написалось. Ляле прилагаю отдельно. Пришли бумаги для писем, здесь нет. Нужно ли искать что-н<ибудь> для Рудина: «Звенья», «Литер<атурное> наследие», старые журналы? На всякий случай посылаю листок из учебного пособия моего детства.

Целую крепко.

П.

В «Рус<ской> старине» 1881 г. есть воспоминания Я. Неверова (друга Станкевича) о посещении им пр<еподобного> Серафи-

ма¹⁴. Так через Рудина, Покорского, Сманичевича я все же дошел до Сарова. Спасибо тебе.

№ 55. Н.С. Фуделю
8 VIII [1951, Усмань]¹

Милый Николаша.

Итак начинаю писать тебе из нового своего местожительства². Я уже послал письмо маме, сообщил, что прописался, снял комнату и начал поиски работы. С работой здесь плохо. Вот уже 3-й день хожу всюду, и пока ничего нет. Чувствую, что это не совсем безнадежно, что когда-нибудь что-нибудь подвернется — кто-нибудь из бухгалтеров³ уедет, умрет или сопьется, но когда это будет?

Ехать в Графскую не вижу смысла, т<ак> к<ак> говорил здесь с знающими ее и они заверяют, что там совсем ничего нет, то же и в Рамони⁴. Завтра, наверное, съезжу в Воронеж, посоветуюсь с знакомыми, схожу в некоторые краевые организации. Вернувшись, подожду еще с неделю, т<ак> к<ак> в двух местах здесь обещали что-то выяснить, а потом придется думать о новом переезде. Мне бы не хотелось, т<ак> как город очень понравился — весь в яблоках и тополях, я уже размечтался, что возьму сейчас же Вареньку и она будет со мной жить так же, как ты в Вологде...⁵

Все время ем яблоки, которые, впрочем, недешевы и на них уходит много денег. Хорошие сорта 5 р. десяток, но, говорят, попозже подешевеют. Вообще жизнь здесь если и дешева, то относительно. Квартиры дорогие: 100 р. комната без топки. Масло, хлеб, овощи, молоко в той же цене, что и в Сибири. Только яйца дешевле московских, да еще говорят, что попозже будут дешевые помидоры (пока они 10 р. кило).

Я бы мечтал так: устроиться хотя бы на 500 р., взять Вареньку, совсем разгрузить маму, чтобы она могла заняться собой, своим устройством, продажей дома⁶ и переездом или поближе к Москве для своей работы, или же в Воронеж (но, по-моему, лучше под Москву, если можно).

Если она будет свободна, она сможет зарабатывать и присылать что-н<ибудь> на Вареньку.

Очень бы хотел узнать про Машу. Напиши: Советская, д. 56⁷.

Обедаю пока в столовой. Целую крепко. Чем мы сможем отблагодарить Тамару!

Твой п.

№ 56. Н.С. Фуделю
26 VIII [1951, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Ты, наверное, сегодня получил мое письмо вместе с письмом

к Ляле и маме. А вчера я получил третье твое письмо от 23 VIII. Письма доходят на второй день — это уже не Улуй! — и это соотношение — близости от вас, конечно, перетягивает все мои остальные. Работы все нет². Одна, правда, намечается, но очень мне не желательная бы, ответственной. Выясню наверно на этих днях, и, может, придется ехать в Воронеж для утверждения. Там я постараюсь зайти в институт для Маши, но я считаю, что ей пока переводиться не следует³. «Центральная база» наша — это мама с Варенькой, и ей (Маше) надо держаться ее. Если она переедет в Воронеж, она и от них оторвется, и ко мне не пристанет, ведь здесь сообщение не московское, поезда до Усмани идут часа 3 и редко, от станции до меня еще 3 километра, т<ак> что это особенно зимой совсем невозможно или крайне трудно, и практически она, конечно, будет сидеть одна в общежитии. Если я попаду на эту работу, то буду очень занят и тоже не смогу ездить. В Москве же для нее все близкие, и я советую пока что, если только это осуществимо, поселиться с Варей или же там, где будет мама. Получила ли она стипендию?

В отношении маминых и основных дел с домом у меня желание такое, чтобы она пока устраивалась там, где у нее будет работа — под Москвой ли, под Воронежем ли. Я вижу, как здесь, в Усмани, трудно с заработком, и боюсь прочно базироваться здесь всей семьей, без уверенности на завтрашний день. Это очень грустно, но утешение в том, что сейчас намечается какое-то устройство твое (уже) и предварительное Машино⁴. Мамина задача растить Вареньку, и иногда мы все будем видеться, будущим летом во всяком случае, на отпуск. Конечно, с другой стороны, если у меня будет прочная работа, это может изменить что-то. Вот начало сентября покажет, кстати, и мама собирается сюда приехать.

Хуже всего то, что я чувствую себя каким-то совсем неспособным к жизни и бьюсь в каком-то круге бессилия, а маму вижу одиноко борющуюся со всеми трудностями за двух девочек.

Я буду рад, если устроишься для тебя постоянная работа в Абрамцеве⁵. Это начало прямой работы (вплотную), возможность по-настоящему, наконец, заняться настоящей наукой. Я увидел, что ты еще мало знаешь — твоя специальность требует некоторого энциклопедизма, в том смысле как им обладал, например, Хомяков, писавший не только стихи (и печатавший их), но и статьи о новых машинах, не говоря о работах по истории, философии и религии. Но наука требует тоже некоторого отречения «от мира», это тоже своего рода монастырь, и я бы хотел, чтобы тебе им было Абрамцево.

О ваших делах я дерзнул написать Ляле свое мнение, хотя не знаю, вправе ли я писать? (прочел ли ты то письмо?) Мне кажет-

ся, что, пока нет согласия ее родителей⁶, на это идти нельзя, а что же или как быть (особенно ей) дальше, я (за нее) и сам не знаю. Не умея сам носить бремена тяжкие, я в ужасе от того, что из моего совета тоже получается бремя, но уже для другого. Единственно, что все-таки укрепляет меня в убеждении так советовать, это ясное чувство, что если вступить в брак помимо воли, то в результате бремя будет еще более тяжкое, что из двух зол надо выбирать меньшее и «ждать развития событий».

Причем ждать каждому на своем деле, окунувшись в него с головой и как бы забыв о бремени.

Есть такие строчки:

«Покой и тишь во мне.
Я волей круг свой сузил...
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел!»⁷

«Покой» во всем круге жизни — в регулярности умственного труда, в заботливом внимании к окружающим, в хранении себя в чистоте — еще не означает безбурности сердца. Может, сердце и плачет иногда ночью.

Один Бог может говорить с сердцем и лечить и питать его каким-то Его неизреченным питанием.

Я не верю в «года», я знаю, что года жизни, когда душа не стареет, мало значат. Поэтому подождите, не бойтесь «годов», примите то, что есть, с мужеством.

И простите меня, если я не прав!

Расшифровал ли ты «ex libris» Чаадаевой?⁸ Если это родственница Чаадаева — приятеля Пушкина — гусара и философа — это было бы интересно. Может быть, эта книжечка была в руках у Пушкина. Чаадаев написал знаменитые «Философические письма», за которые правительство Николая I официально объявило его сумасшедшим⁹. Кажется, Тютчев полемизировал с ним в своих статьях¹⁰.

Видал ли ты книгу Одоевского «Русские ночи»? Я всегда путаю — какой это Одоевский?¹¹ — тот ли, которому посвящены пленительные лермонтовские стихи? («И море сильное шумит не умолкая»)¹².

Целую тебя, дорогой мой. Иду на базар есть яблоки. Поцелуй маму, Машеньку-студентку и Вареньку. Звонил как-то вечером к тебе по телефону, но никто не отозвался. Так бы хотелось еще съездить к вам! Мне кажется, что я еще никого не видел, что я и на кладбище не был еще.

Пиши, я очень рад твоим письмам.

Твой п.

Может, я перепутал телефон — напиши мне его. Где сейчас т<етя> Нина?

Целую Тамару и Муню. Еще что-то хочется сказать и не уходить от разговора в свое одиночество. Труднее всего терпеть собственные будни с сереньким небом, а одиночество и есть эти будни.

Вот потому-то и пленителен так религиозный подвиг, что он упраздняет будни, утверждает непрестанную борьбу за праздник души.

Советую тебе взглянуться в хорошие издания по архитектуре. Философия настоящей архитектуры именно в этом — (дом, храм, дворец) — в выходе из коробки одиночества в праздник для многих. Созидается купол, или своды, или бревенчатое объятие, чтобы радостно вместить кого-то. Потому-то так ослепителен иногда бывает, и в тоже время так прост, ритм архитектурных линий, от греческого храма до Спас-Нередицы¹³. Именно утилитарность этого искусства (ведь, наверное, нельзя строить дом так, как иногда пишут стихи — чтобы бросить их в огонь или даже так, как Тютчев — сейчас же отдавать приятелям или потерять) предопределяет его целеустремленность: порадоваться на собиране в себе (в доме, например) многих. Но с другой стороны, как только утилитарность становится самоцелью — здание становится серым и страшным, как удобный гроб, как мусорный ящик «с удобствами». Та же эволюция в фарфоре, теперь уже совсем уходящем в музей. Это ведь все (и архитектура и фарфор) следы ног человека в вечности, на каком-то песке бытия, следы его голых ног, и по ним можно с замиранием сердца читать его судьбу.

Ты бы хоть прислал мне Лялину карточку!

Вот и вечер. Сижу здесь со свечой, лампу еще не купил, а глаза делаются все хуже. Мне иногда хочется писать рассказы про какие-то вечера со свечками, вроде «Повестей Белкина», от которых людям делалось бы уютней и страшней, ибо такова жизнь: вечер со свечкой, а под полом мышь беготня.

«Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!»¹⁴

Есть прекрасное издание «Пиковой дамы», и там виньетки с талантом, достигающим текста, тоже передают какие-то вечера. Вот в Абрамцеве зимой у тебя могут быть такие вечера, но только, конечно, без Пиковой дамы! Или с бабой Леной¹⁵ вместо нее.

№ 57. Н.С. Фуделью
4 IX [1951, Усмань]¹

Милый друг мой Николаша.

Спасибо за письмо от 31 VIII. После него я более уверился в

правоте своего совета тебе и Ляле. Без «внутренней решимости» как можно на этот путь идти?² Нельзя прыгать в «Обрыв»³, не имея ни воли к этому, ни силы. Да и не годитесь вы для «Обрыва», и надо смело себе это сказать. Надо разойтись по своим углам и ждать, что скажет сердце и жизнь. Жуковский всю жизнь ждал свою Протасьеву⁴ и так и не дождался, но, несмотря на это (а может быть, и благодаря этому), он не только не умалился, но стал именно Жуковским — «его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль»⁵. Я вот это только и хочу тебе сказать. Эта тяжесть и боль еще неизвестно к чему. Надо видеть в ней не «конец», а, может, именно «начало». Не надо ничего загадывать, но не надо видеть в «уходе по углам» катастрофу.

В этом не катастрофа, а только страдание, но какая истинная жизнь может быть без него? Даже занятие литературой должно быть (в каком-то смысле) страданием, по слову поэта:

«Исстрадать себя тютчевской мукой,
Мертвых душ затаить в себе смех.
По «Владимирке» версты измерить,
Все познать, все простить, —
— Это значит: в Бога поверить,
— Это значит: Русь полюбить!»

Это стихи того С<ергея> Н<иколаевича>⁶, о котором я тебе писал. Он мне сюда прислал письмо и хочет послать мне свою книгу о портретах Нестерова⁷. Я просил его в ответе сделать это через тебя, так что если он пригласит (может быть, через меня), то ты непременно поезжай, зная, что это моя большая к тебе просьба. Дело не в том, что он ученый профессор по твоей специальности, а в том, что мы вместе с ним прошли какой-то большой светлый путь. У каждого свой путь, и я не зову тебя повторять его, но истинность всякого пути познается по тому, насколько в нем «собрана» правда других путей. Так занимающийся любой наукой может идти вперед только отталкиваясь от того, что уже другими пройдено, узнано и что служит основанием для его роста. Этим он как бы и продолжает чужие пути, вводя их в свое творчество.

О себе что сказать? Я болел, теперь мне лучше, душевно болел. Очень помогло письмо С<ергея> Н<иколаевича> и твои письма.

Сейчас, как после всякой болезни, сил мало, но озираюсь кругом радостно и вижу по-новому солнце на дорожках.

Очень мне, конечно, неприятно, что все еще нет работы и, главное, что я ее не получаю и тогда, когда она есть. Сегодня ходил смотреть $\frac{1}{2}$ дома, две очень хороших светлых комнаты, каждая по 15 метров, стоит 16 тысяч. Но участок крошечный, только для помидор и моркови. Есть и еще продажные дома, так что

найти можно — передай это маме. Но я очень мало знаю, что там у вас делается.

Твое письмо в этом отношении было bestолковое. Получила ли Маша стипендию?⁸ В крайности на эту зиму можно ли ей устроиться у Над<ежды> Львовны?⁹ Спроси маму и ее об этом. Над<ежда> Льв<овна> как раз ищет сейчас к себе человека. Какой телефон Тамары? Нашел ли ты «Трудовое законодательство»? Вернулась ли т<ея> Нина¹⁰ в Москву?

№ 58. Н.С. Фуделю
10 IX [1951, Усмань]¹

Дорогой Коленька.

Неожиданно порадовало твое письмо от 6 IX. Я не ждал, так как мой телефонный вызов из Воронежа мог создать впечатление, что я должен приехать, а я имел в виду приезд в зависимости от дел по продаже и хоть очень bestолково, но все же добился от Муни, что продажа не выходит², и решил пока не приезжать, чтобы не тратить денег зря. Приехать мне, конечно, хочется. Все, что можно с выяснением покупки дома, я сделал и послал маме 8 IX подробный отчет.

Тысяч за 20 можно купить. Я посмотрел домов 12. Но как покупать, когда ни я, ни мама здесь не работаем, я не знаю. Продавать в Загорске, конечно, надо, но в отношении покупки сначала я хочу выяснить с Лебедяню. Там у меня двоюродная сестра, что-то вроде глав<ного> врача в больнице, и у нее свой дом³. Я просил т<етю> Нину написать ей. Если она меня пригласит, я хочу съездить к ней и попытаться там счастья. Ведь мне важно работать хоть ночным сторожем. Если мы оба с мамой будем без работы, то это будет невозможно не только материально, но и нравственно. Конечно, может быть, и здесь со временем что-нибудь устроится. Поэтому я не тороплюсь и буду ждать.

Деньги у меня твои еще не тронуты — передай маме. Прочти мое ей большое письмо о покупке здесь. Твои дела меня теперь еще больше пугают, чем раньше, и еще больше, чем свои собственные. Ты пишешь очень неясно, Ляля совсем не отвечает, но видно, что вы оба подошли к настоящему и оба не чувствуете в себе сил для него. Как можно без сил идти на это? Потом, что значит, что ее мама «отстраняется на 2 года»? На два года дает согласие? Или через 2 года согласится? Так или иначе согласия нет, очевидно, а раз нет настоящего, сердечного согласия, то не будет у вас счастья. Я молю Бога, чтобы Он разрешил ваш узел и, если нужно, счастливо вас развел. Мне уже поздно воспитывать в тебе правильный подход к браку. Я сам мало разбираюсь. Но догадываюсь, что только тот брак прочен, который основан на совер-

шенном единстве духовных интересов. Нет другой формулы! Люди ее еще не изобрели, а если они теряют вообще «духовные интересы», то не надо им и вступать в брак. Нельзя идти на него, спрятав от мыслей о всей будущей жизни, о детях, о их воспитании, голову под крыло, как страус от опасности.

Конечно, прямо скажу, — все могло бы быть иначе, но для этого ты, именно ты, а не она, и не ее мама, должен был быть иной. Она тебя, может быть, любит, но ты ее не победил, ты ее не покорил себе, своему духовному миру, не вырвал ее из ее теплого для нее гнезда, чтобы дать ей в ее же оценке несравненно большее и неизмеримо более теплое.

Это потому, что в тебе самом нет силы, нет тепла, нет прочной духовной жизни, нет реальности душевного богатства. Ты еще только идешь к нему и ищешь. Вот потому-то я так и беспокоюсь о тебе.

Все это грустно! А потом я же очень далеко от всего и могу ошибаться. Я в себе самом так ошибаюсь. Да умудрит вас обоих Бог, все видящий.

Твой любящий папа.

«Покой и тишь во мне»⁴ — наверное, С<ергей> Ник<олаевич>. Это он мне их написал когда-то. Получил ли ты письмо от нем?

№ 59. Н.С. Фуделю
17 IX 1951 [Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Очень был рад получить письмо от 12 IX, так как боялся, что ты на что-нибудь из моих писем обидишься. Я и сам на тебя было обиделся за то, что ты не вызвал меня приглашением быть в тот день, который так или иначе был днем твоей свадьбы², но потом решил, что это я сам виноват, что ты в некоторых вопросах еще совсем глупый и обида проглотилась и прошла. Туда ей и дорога! У же без всякой совсем обиды, а только в порядке дружеского разговора скажу, что вежливость — это иногда внешняя оболочка внутренней внимательности к человеку, а я знаю, что ты невнимателен, и это неправильно. Это, например, видно, как ты здороваешься или прощаешься с людьми, с гостями. Я совсем не хочу в тебе манер кавалера XVIII века, но когда в душе создается уважение к человеку вообще, то это естественно проявляется в какой-то почтительности к данному человеческому образу, особенно если этот «образ» имеет седые волосы женщины. Ему подставляют стул, подают пальто, чем старше человек, тем ниже наклоняют голову, когда здороваются, и т. д. В этих мелочах крепнет воля человека быть внутренне внимательным к миру, чело-

век выходит из какого-то угрюмого самопереживания, не замечающего окружающего его Божьего мира. Ведь старушки это тоже часть его. Угрюмо самопереживающий Шатов хоть и был во многом выше Ставрогина, но недаром был в него влюблен: за светскими манерами он чуял какую-то свободу духа, хоть и заблудшего³. Прости за это отступление.

Тому, что у вас так или иначе кончился период неопределенности, я, конечно, рад. Дай вам Бог радости!

За всей твоей «глупостью» в тебе я чувствую серьезность к этому шагу, желание, чтобы «двое шли рядом»⁴. Я еще совсем не знаю Лялю. Старайся, чтобы она читала то, что она не читала. Я недавно осознал, в какой громадной степени я обязан духовно книгам таких людей, как Ибсен и Блок, Гауптман и Лесков, Достоевский и Шекспир.

Ибсеновского «Бранда»⁵ очень советую прочесть и тебе, терпеливо расшифровав эту символическую драму. Ее основная идея в том, что вера и жизнь должны быть единством, что путь человеческой воли к этому единству ведет ввысь через жертвенные камни страдания и что (наконец) несмотря на абсолютную необходимость борьбы и напряжения человеческой воли — она, эта воля (и вся борьба человека) только песчинка в море Божьей любви. Эта вещь когда-то шла в Художественном театре с Качаловым-Брандом⁶.

Потом здесь попались мне две книжки Сер<ея> Ник<олаевича> по театру: о Хохлове и Олдридже (негр-трагик)⁷.

На второе письмо он⁸ мне пока не отвечает, но ведь я знаю, что он много работает, будучи уже очень стар. Если он тебя позовет, поезжай к нему, хотя часто такие случайные встречи мало дают.

Прочти же обязательно «Соборян»⁹. Кроме праздника русского языка, ты увидишь тот же «жертвенный камень» страдания, как у Ибсена, и ту же волю человеческую, волю человека-творца и ваятеля и то же море Божьей любви.

Целую тебя, Николаша.

Куда тебе писать? Я и позабыл поблагодарить тебя за 100 руб. Спасибо большое.

№ 60. Н.С. Фуделю
25 IX [1951, Усмань]¹

Милый Николаша.

Слова пишу криво, так как в комнате холодно, и я мечтаю из нее уехать, а куда, сам не знаю. Может быть, как начало исхода, съезжу к вам². Мечусь в каких-то невзгодах и внешних и внутренних скорбях. Живу вне жизни и вне самого себя. Знаю, отчет-

го это, и верю, что опять придет прежнее — покой узкой дороги, когда воля опять соберется в узел.

«Бранда»³ ты не совсем понял. Ибсен его утверждает, а не разблачивает. Его крайнее отречение он завершает не гибелью, а Голгофой, жертвой за не желающий отречения мир. Но он его «поправляет»: в последнюю минуту Бранд понял, что, несмотря на абсолютную необходимость этого пути самоотречения, он (этот подвиг) только песчинка в Божьей любви. Он как бы говорит: идите по этому пути и только в нем путь к спасению мира, но и его (этот подвиг) считайте ни за что, так как и он (единственный) тонет в необъятности Божьего подвига на Голгофе. Когда люди достигают своей Голгофы и в то же время считают ее за песчинку, только тогда они и постигают Евангелие. Тогда у них рядом с их неизменным «абсолютизмом» («все или ничего» Бранда) как-то будто непонятно даже со-преживает и живет сострадание и снисходительность к людям, которой не хватало Бранду. Он и это понял и с этим умер. А мы чаще всего не понимаем ни того ни другого, ни подвига отречения, ни любви.

Любовь же и есть отречение.

Когда т<етя> Маруся наливала свой последний суп Дм<итрию> Петровичу⁴, она отрекалась от своего супа в пользу его. Она это делала в самые трудные годы войны.

Нельзя любить вне отречения. Иначе «любовь» будет по Игрю Северянину:

«Мне хочется любви немножечко
И десяточек папирос»⁵.

Руки замерзают, и пойду на почту. Вересаеву не верь⁶. Смерть Гоголя не страшна так, как ее малюют. Просто Гоголь понял тогда, что «Ревизором» мир не спасешь, что нужно и ему самому и миру вырваться на горные просторы Бранда, к словам действительного спасения.

Но уже в этом одном «понимании» — начало личной Голгофы, то есть того страшного состояния человека, когда он в первую очередь видит смерть, еще не вполне предчувствуя воскресение. Ведь если сам Бог сказал: «душа моя скорбит смертельно» и «начал ужасаться и тосковать»⁷, то чего же иного ждать от человека, от Гоголя.

Он и «начал ужасаться» и в сумерках начавшейся Голгофы умер. Он, если допустима эта аналогия, умер в начале «моления о чаше», когда «был пот Его, как капли крови, падающие на землю»⁸.

Нам всем бесконечно далеко до Гоголя, и до его праведной кончины, и даже до его пусть ошибок перед нею в так называемом «самоумерщвлении». Нам всем хочется «десяточек папирос».

Да, литература иногда поучительна для нас, сидящих за сте-

ной «Великой Кривой» Пер Гюнта⁹, кривой якобы неизбежности нашего самодовольства и самоуслаждения.

Целую тебя, сынок, крепко.

Машу сегодня во сне видел маленькую и что я ее носил на руках.

А Варенька меня забыла, скажи ей. П. Спасибо за письмо от 21 IX.

№ 61. Н.С. Фуделю
10 X / 1951, Усмань¹

Милый мой Николашенька.

Грустно мне не получать от тебя писем. Я знаю, что ты в командировке², и терпеливо жду. Когда-то я был в Поленове, а ты жил с мамой недалеко³. Там мне мало что понравилось. Какие-то все «иллюстрации» равнодушной кисти, умелой, но ничего не открывающей. Пушкин угадал, что и художнику, как святому, для истинного творчества необходим удар жезла Моисея⁴ о камень (души), чтобы потекла из него вода в пустыне: «но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется»...⁵ И вот мы видим «пробудившегося орла» у Врубеля, но не видим у Поленова, Коровина, Васнецова. Есть художество и есть художественное фотографирование, хотя бы и собственных идей (Васнецов). Художество начинается иррационально вспышкой второго зрения и второго слуха. Портреты Нестерова написаны этим вторым зрением, дерзновенным раскрытием идеи изображаемого человека. Поэтому каждый его портрет можно называть не только по имени изображенного (например: «портрет И.П. Павлова»), но и именем Идеи (Павлова, Иванова, Петрова). Иногда он технически осуществляет это через почти утрированное, т<о> е<сть> через почти неправдоподобное изображение деталей: обрати внимание на кулаки Павлова. Иногда это только фон, иногда гениальное прикрытие глаз. Реализм внешней точности (техническую точности) он дерзает сочетать с раскрытием духовной реальности. От реального он идет к еще более реальному, к основному фону души изображенного. Есть портреты, которые, я знаю, тяжело видеть тем, кого он на них изображал, так как он не только их изобразил, но и разоблачил <...>⁶

№ 62. Н.С. Фуделю
13 X / 1951, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Когда я ехал в духоте и шуме поезда и угнетался своим отъездом², я вдруг почувствовал, что воспоминание о чем-то меня освежает и утешает, как маленькое озеро в сухих степях, и ока-

залось, что это воспоминание о твоих стихах про Древнюю Русь³.

Я очень благодарен тебе и за это, и вообще за все. Я вообще уехал в этот раз с чувством громадной благодарности и теплоты к другим людям за их любовь. Как ясно иногда ощущаешь, в шуме «комбинированного» вагона, что только в этой любви вся радость жизни, что «вагон» проходит, и вся жизнь проходит, а любовь остается. С этим ощущением я и приехал сюда и мне легче начинать опять все дела. Вспоминаю те вечера, когда мы сидели вместе.

Получил здесь письмо от С<ергея> Н<иколаевича>. Он пишет, что сейчас — 2—3 недели он в крайне срочной работе, что когда освободится, напишет о тебе. Когда у него будешь, спроси то, что спрашивал у меня, — о материалах по познанию Древней Руси.

Чувствую себя еще не совсем здоровым, но выздоравливающим.

Целую тебя крепко и Лялю. Маму и Вареньку не забывай.

Твой п.

№ 63. Н.С. Фуделю
20 X/1951, Усмань¹

Дорогой мой Николаша.

Записочка твоя, данная на прощанье, все мне вспоминается и греет сердце среди невзгод. Спасибо за нее, за деньги, за такое сердечное внимание. Невзгод очень много, холоду еще больше, и потому так ценишь любовь. Наверное, в нашей жизни если бы не было страдания, то люди бы и не понимали любви. Она нечто вроде костра среди тайговой ночи. Я мало пишу, так как все внутренне зябну от этой тайги, да и внешне в комнате тепло только поздно вечером, а когда зябнешь, лучше молчать. Дела мои прежние. Нет работы, все еще нельзя обменять паспорт, так как задерживается оформление на учет в военкомате, неопределенность с домом, траты, которые мне приходится делать, не имея заработка, неопределенность с комнатой и т. д. Но, Слава Богу, — как золотая осень сзади — несколько проведенных с тобой и мамой вечеров, как залог счастливого будущего. На этом обычно кончаются мои тревоги, и я, мысленно благословляя вас, иду спать. «Узок путь, ведущий в жизнь вечную»². И этот путь к счастью такой короткий! и чем ближе к концу, тем эта короткость все сильнее ощущается. Дай Бог нам всем пройти этот путь с терпением и надеждою на жизнь вечную.

Мне кажется, что тебе трудно внутри живется, и боюсь, что дальше будет еще труднее. Когда лезешь в гору, то сначала не за-

мечаешь усталости. О вашей семейной жизни я боюсь высказываться, но во всяком случае я еще тверже убежден в том, что писал тебе, еще не видя Ляли, а именно, что ты ее никак не «победил» и, чья будет победа, мне неизвестно.

То, что вам обоим часто сейчас бывает весело, конечно, не должно вводить в заблуждение. Это только всплески мелкой рыбешки у берега, а большая рыба, и неизвестно какая, лежит на дне. Для нее надо иметь крепкую снасть, твердость и покой в руке.

Жизнь гораздо серьезнее, гораздо тяжелее, чем ты ее представляешь даже и сейчас, в октябре 51-го года, не говоря о твоём представлении еще год тому назад.

Вот, например, тебе сейчас уже нельзя отступать и убежать.

Это с одной стороны, а с другой — тебе предстоит еще выше лезть в горы. Чем больше человек приобщается духовной культуре, тем дальше он невольно уходит от материального ребячества, от волейбола. Иные голоса, иные песни и слова начинают быть слышимы его ухом, как в ночные часы слушал Пушкин:

«Парки бабье лепетанье
Жизни мышью беготню»³.

И так хорошо дальше сказал: «темный голос твой учу»⁴. Учиться понимать голоса вечности, иметь двойной слух — внешний и внутренний — это путь духовного роста.

Я вспоминаю сейчас одну богато уставленную комнату, 33—34 года назад. Зимой там было тепло и в свете лампы поблескивало красное дерево стульев. А большие часы били грозно и необычайно красиво. И вот вспомнились кусочки стихов, тогда мной сочиненные.

...«Там, где познав всю немощь Канта,
Веков державинская медь
Нам била медленно в курантах,
Что все должны мы умереть»...⁵

Конечно, «Кант» здесь больше для рифмы, и теперь ясно, что важнее не то, что предстоит умереть, а то, что предстоит жить и что сначала надо суметь жить и об этом думать, этого искать. Но я хочу сказать только то, что для правильной жизни надо развивать «второй слух».

Вот почему такой наивностью и глухотой веет от твоих стихов про эту девушку в противоположность «слушанию» трав и озер в стихах о Руси. Дело не в теме. Но после Фета, «Ночных часов» Блока («Ты в этот мир вошла как в ложу»)⁶ и бакинского цикла Есенина⁷ — нельзя в теме о любви плавать мелко. Тут что ни шаг — чья-нибудь пройденная и описанная колдобина.

Да поможет тебе Бог жить просто и мудро.

Целую тебя. Писем пока не получил, но поджидаю. Сегодня занимался стиркой и баней, а сейчас пью чай и слушаю мурлыканье котенка. Целую Лялю, Тамару, Машеньку и Муню.

Твой п.

Сегодня видел во сне, что мы с тобой разбираем книги, которые у мамы на угловой полке.

№ 64. Н.С. Фуделю
23 X/1951, Усмань¹

Спасибо, дорогой Николаша, за 100 руб. Они, как всегда, пришли вовремя. А писем еще не было ни одного, и мама молчит. Видно, все так неопределенно, что писать нечего. И мои письма короткие и вялые. Усталость какая-то от всех неудач². Впрочем, я сегодня еще раз почувствовал: что когда эти неудачи только внешние (безработица, например, или болезнь), то Бог всегда дает силы их преодолеть, причем это преодоление заключается в том, что они перестают не только давить, но даже и мешать. Через них или сквозь них идешь, как в лесу, посивистывая. А вот когда внутри «неудачен», тогда конец всему.

По-видимому, можно догадаться так: наше психофизическое бытие промыслительно обречено Богом на скорбь (при изгнании из рая: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой»)³, но наш дух, где-то за этой психофизикой таящийся, должен быть всегда здоров и счастлив, и он может быть всегда таким. Чем больше внешнего страдания, тем труднее это, но и тем больше счастья в достижении.

Сил человеческих, конечно, очень мало, но мы всегда забываем о силах Божиих.

Я вот приехал сюда, согретый вечерами, проведенными с мамой, тобой и Варенькой⁴, а потом от неудач приуныл и ослаб до того, что и с кровати не хотелось подниматься. Я забыл про силы Божии.

Целую тебя, Николашенька.

Если что иногда напишу невпопад или не так — не огорчайся на меня. Я все же иногда, как сказал бы Дерсу⁵, «старый люди», во многом уставший и многого, может быть, не понимающий.

Дай тебе Бог разуменье во всем.

Твой п.

№ 65. Н.С. Фуделю
27 X/1951, Усмань¹

Спасибо, Николаша, за письмо от 23 X. Это первое. Неужели ты не получаешь моих? Я послал три и писал в них о получении от тебя денег.

О материальных своих делах я пишу больше маме, и повторять их еще раз тяжело.

Я недавно видел в «Правде» рецензию о новом большом коллективном труде по Древней Руси². Наверное, кое-что там будет интересно, но, конечно, больше старайся касаться подлинников — летописей, старых кольчуг и темных от вековой пыли икон. Есть иконы, сохранившиеся от 12—13-го столетия, и есть прекрасные работы о них. Я думаю, что душа древняя нам вполне доступна и вход в нее прост. Постой в тишине Троицкого собора — самого начала 15-го века, — взглядишь в фрески, в тихие, хоть и пламенные краски Рублева.

Древняя Русь не в музее и не в книге, она в душе каждого из нас.

Прислушайся к напевам. Тебе надо знать, что такое «Киевский распев», что такое «Знаменный напев»³. И опять-таки, не столько по книгам, сколько по исключительной и неповторимой возможности все это услышать, а не прочесть, как бы увидеть «воочию».

Представь себе, что какому-нибудь научному работнику, изучающему жизнь древней Эллады, стало бы известно, что есть место, где неприкосновенно в быту, а не в музее стоят идолы и им поют эливзинские песни⁴.

Я помню, что для понимания древнего язычества скифских степей мне гораздо больше книг дало видение той «бабы»⁵, которая стоит в Абрамцево.

За окном порхает снег. Пиши почаще, Николаша. Будь всегда на страже себя — это самый первый закон и последний, до смерти: быть на капитанском мостике своего корабля. Ведь мы обуреваемы постоянно.

Целую Машеньку, Лялю, Тамару и Муню.

Твой п.

№ 66. Н.С. Фуделю
I XI [1951, Усмани]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо от 28 X. Я еще послал тебе письма в Загорск в письме к маме. Я уже писал ей, что я согласен на уменьшение цены продажи². Я только и жду того дня, когда я сниму с подножки вагона здесь, в Усмани, удивленную Вареньку.

Но меня ужасно тревожит другая мысль: моя безработица. Легко учить терпению, а самому иметь это — все равно что есть черную корку со слезами горькими. Иногда я теряю всякую надежду и не вижу, как мы втроем будем жить. Потому я пишу мало: уж очень мне временами темно.

Ты пишешь, что «изнываешь от бессмысленного сидения в музее»³. Я ведь не знаю, но разве тебе нельзя читать? Ты бы прочел того же Аксакова (Ивана) или Киреевского статьи о философии, ведь это кровно нужно для твоей профессиональной работы. А знаешь ли ты Чаадаева или Хомякова? Мне, правду тебе скажу, это несколько непонятно.

Ты сама действительность, сама служба поставила быть не бухгалтером или механиком, а специалистом по истории русской культуры, в данном случае (Абрамцево) определенного круга лиц, и тебе надо знать ее, так же как бухгалтеру свой баланс. Ты мне не говорил — делаешь ли ты выписки по темам, — вообще я еще не видал, как ты работаешь. Работать ты только сам себя можешь научить. Вешай картины или даже подметай комнату, когда это требуется, но при первой возможности хватай книгу, ищи, ройся, выписывай, запоминай, пиши — в этом твое дело и вся твоя профессиональная будущность. Все это делай для себя, а не для музея непосредственно, поскольку от тебя пока что больше ждут развешивания картин. Через какой-нибудь год-два ты можешь оказаться вдруг у такого начальника, который, наоборот, завалит тебя ответственными литературными поручениями. А обнаружится, что ты даже биографии Тютчева, написанной Иваном Аксаковым⁴, еще не читал, написанной человеком, в музее отца которого ты работал! (или читал?)

Не разбрасывайся, но и не упускай и часа. Поскольку ты по служебному положению именно в Абрамцево, а скажем, не в Лутвинове⁵, то и бери это с жадностью: интереснейший кусок русской культуры. Уж лучше не читай пока «Соборян»⁶, но читай все, что относится к Аксаковскому кружку. Я чувствую, что тебе мешает в этом: в тебе очень мало историко-философской подготовки. Но ведь и это все в наших руках и это еще не поздно.

Но, конечно, для всякой работы нельзя, чтобы из душевного равновесия выводил жмуший ботинок.

Старайся работать («для себя») по какому-то плану, по какой-то системе, заведи тетради, делай выписки, пометки, тут же набрасывай план возникшей в уме интересной работы. Не смущайся, главное, что многое вначале тебе будет скучно — какие-нибудь философские размышления Одоевского. Ведь бухгалтерия скучнее в тысячу раз, а у тебя часто скучность просто будет от еще незнания чего-то.

Ну прости, что расписался, может быть, и не к селу и не к городу. Ты сам понимаешь. Вся жизнь должна быть не в игре, а в труде, а у тебя этот труд в истории русской литературы или русской культуры. Так тебя поставила жизнь. Целую тебя, Николашенька.

Твой п.

Не забывай меня, у меня сейчас темное время.

Как бы я хотел быть дворником в Абрамцеве или сторожем на 56 клм!⁷

Кстати, спроси маму — нельзя ли через т<етю> Машу⁸ устроить меня в бобровый питомник на любую работу?

Кто это из Аксаковско-Хомяковского кружка собирал русские сказки? Гильфердинг? Петр Киреевский?⁹

№ 67. Н.С. Фуделю

6 XI / 1951, Усмань¹

Дорогой мой Николаша.

Милый мой и глупый мальчик.

Меня беспокоит, в чем ты ходишь, сделаешь ли ты себе меховую куртку, ведь, наверное, и у вас начались холода.

Я тебе послал письмо в письме к Маше² и там что-то строго говорю о том, чтобы ты больше работал, т<о> е<сть> читал. Может, я и не совсем то говорил, что нужно, но основное ты поймешь. Тебе надо еще очень много работать для себя, т<о> е<сть> для своей профессии, независимо от служебной работы. Сегодня получил письмо от С<ергея> Н<иколаевича>³, который пишет, что был месяц болен и потому не писал и что сейчас пишет только с целью сообщить, что он ждет тебя к себе — любое воскресенье после 3-х часов. Он еще очень слаб и поэтому все письмо свое свел только к этому прямому приглашению. Так что ты теперь же сделай это во что бы то ни стало. Я, конечно, знаю, что от свидания, да и еще от первого, да еще при большой дистанции положений, может ровно ничего и не быть. Но может быть и второе свидание, но, может быть, и выйдет. Моя цель или расчет сводится к тому, чтобы ты лично и воочию столкнулся с человеком, не имеющим никакого диплома и охватившим всю необъятность русской литературной культуры, охватившим ее знанием и любовью. Знакомство с ним расширяет горизонт внутренней жизни, толкает на то, чтобы с такой же страстью и любовью погружаться в область своего знания, искать его дна и его границы.

Я в общем всегда немного как бы жалею, что ты литературоискусствовед, а не, скажем, врач или техник. Но я считаю, что раз ты уже есть то, что ты есть, то нельзя тебе не идти к центру своей специальности, ко всей ее глубине и серьезности. Кроме того, может быть, и практически это тебе будет полезно. Расскажи ему о своем желании работать самостоятельно, о том, что у тебя нет еще этой возможности и что ты ищешь ее. В связи с этим расскажи ему о таких темах, как смерть Фета, и других, я знаю, что это его заинтересует, что это может быть толчком ему для мысли. В

общем — съезди: любое воскресенье после 3-х — Болшево, школьная площадка, его дача. О себе не знаю, что писать. Положительное то, что наконец получил воен<ный> билет в военкомате и сейчас меняю паспорт.

Дальше не знаю, что будет. То ли ехать к Соне⁴, но сердце не лежит. То ли еще чего-то ждать здесь. Просился ночным сторожем в одно место, но и это не вышло. Знаю, что когда-нибудь и где-н<и>будь выйдет, но трудно иногда очень. О деньгах напишу откровенно, как и все пишу тебе откровенно. Сейчас у меня денег только на покупку хлеба на два дня и на посылку этого письма, так что если мама не посылала тех 100 р., о которых она писала, то прошу тебя пошли сколько-нибудь (рублей 50) по телеграфу. Если же мама уже послала мне 100 (из них надо отдать 50 р. за комнату), то не спешу. У меня, правда, еще есть чай, немного конфет и лук. И еще правду тебе скажу, что если переборешь первое угнетение от своей скудости, то она перестает быть тягостной. Значит: если мама уже послала, то все в порядке — я уже обедаю.

Напиши мне — получила ли Машенька⁵ мое письмо.

Если мама правда сюда соберется приехать, пришли 2 корочки Беломора.

«Мне хочется любви немножко
И десяточек папирос»⁶.

Вот, я когда-то писал тебе эти глупые строки с осуждением, а сам прошу того же.

Прочел «Евгению Гранде» и заинтересовался тем, что можно было бы дать интересную параллель этой вещи Бальзака с «Онегиным», в пользу, конечно, Татьяны и даже самого Онегина, в пользу нашей русской культуры перед западной.

Интересны «Записки писателя» Телешова⁷, он все еще жив, а в детстве он видел Достоевского, в книге интересно о Чехове.

Посмотрел ли ты «Мое знакомство с Тургеневым» Леонтьева?⁸ Целую тебя, Николаша.

Обязательно надо теплую куртку тебе. Смотри, не очень оглядывайся на моду, лишь бы было тепло и как-то прилично.

Пиши мне обо всем и не редко. Я радуюсь твоим письмам. Будь здоровым, живи глубоко и радостно.

Твой п.

№ 68. Н.С. Фуделю
11 XI [1951, Усмань]¹

Милый мой Коля.

Давно от тебя не было писем, а я писал и в мамином письме и после отдельно с уведомлением о приглашении тебя С<ергеем>

Н<иколаевичем>². Я очень тебя прошу съездить и не медлить с этим. Ему уже больше 70 лет³ и здоровье плохое. Кстати: возможна ли такая тема: «Аксаков и театр»? Дело в том, что С<ергей> Н<иколаевич> больше всего теперь работает по театру⁴. В разговоре выясни это.

Пишу в холоде, только сейчас начинает согреваться комната и душа. А писать тебе все равно тянет, точно спешешь что-то сказать недосказанное, торопишься что-то передать. Слова сами по себе бессильны. Я вот вчера написал тебе и Ляле общее письмо, а сегодня его бросил, поняв, что рассуждение само по себе ничему не научает, что оно импотентно, если нет силы творческого духа, сходящего на слова и делающего их огненными глаголами. Характерно, что Пушкин в «Пророке» самый термин «слово» заменяет «глаголом»: «Глаголом жги сердца людей!» В воспоминаниях Телешова (1950 г.)⁵ говорится, что потрясающе сильно прочел эти стихи и эти особенно слова Достоевский на открытии памятника в 1880 г. (или 81?)⁶.

Я хотел писать вам с Лялей, т<ак> к<ак> ваша внутренняя жизнь меня тревожит. Я, конечно, знаю, что очень плохо, когда родители вмешиваются в жизнь детей. Но я почти уже и не «родитель», а вроде как «сторонний старичок». Кроме того, мне ясно, что если я не скажу вам, то кто же скажет? Как бы ни были непонятны мои советы или желания, но все равно я знаю, что на мне долг их высказать. Нельзя сидеть «собакой на сене», оправдывая свое сидение тем, что это сено никому не нужно. Может, хоть клочок, да съедят.

Вот и с С<ергеем> Н<иколаевичем> я теперь к тебе пристаю сознательно. Ты сам как-то писал, что «страшно остаться в модном пиджачке на холодном ветру». Мне хочется тебя теплее одеть, закрыть чем-то, т<ак> к<ак> я знаю, что такое ветер. Он и на меня сейчас дует так, что не запомню, но моя опора в том, что жизни осталось уже немного, что впереди на пути уже видны огоньки. А твой путь еще длинный, и мне за тебя страшно, за твой «пиджачок», за то, что тебе он, как мне кажется, иногда самому очень нравится и ты не хочешь сменить его на теплую, но не модную куртку.

Думается, что вся причина непонимания друг друга и невозможности помочь другому, кроется в том, что люди по-разному понимают «добро» и «благо», или, иначе говоря, самую цель жизни. Люди обычно и не думают о «цели», а просто порхают, как бабочки, призванные жить на минуту. А бабочкам лишь бы «получить удовольствие».

Цель нашей временной и такой короткой жизни в том, чтобы успеть взрастить в себе самые малые ростки бессмертия — жизни

вечной. Мы сеем эти небесные семена — любовью, трудом — а вихри забот и ветры суеты и метели грехов и пороков их выметают, и они гибнут. И мы снова их сеем. И так до последнего дня, борьба внутри человека до его последнего дня.

Как счастлив человек, когда он вдруг чувствует, что семена прозябают! Когда он вдруг, в слезах бесконечной благодарности Богу, слышит в своем духе непостижимое дыхание Вечности! И это так просто, так обыденно, хоть и непонятно.

И жизнь не меняется, и остаются те же заботы. Только возникает еще одна великая и радостная забота — не погубить семена. В комнате совсем согрелось, на печке, еще горячей, настаивается чай. Вот и кончается это письмо, милый мой Николаша. В душе сейчас у меня столько тревоги и слез, что трудно и писать. Боюсь за мамину жизнь, боюсь за одиночество Вареньки, вижу, что не могу защитить их от зимнего ветра.

Твой п.

№ 69. Н.С. Фуделю
15 XI / 1951, Усмань¹

Николаша.

Наконец пришло от тебя письмо, но без числа и без упоминания о моих, т<ак> что я не знаю, получаешь ли ты их. Я послал тебе (не ответенные) по крайней мере 3 письма. В одном из них я писал тебе о просьбе С<ергея> Н<иколаевича>², чтобы ты к нему приехал, в любое воскресенье после 3-х часов. Ты ничего об этом не пишешь. Прошу тебя, всегда упоминай, какие письма получил; тогда письмо становится связным разговором, чем-то вроде «романа в письмах», а не случайными извещениями.

Ты прости, мне даже неудобно, что я столько пишу и все требую ответа, боюсь молчания и надоедаю вам всем. Потребность говорить у меня с вами такая сильная, что ничего поделать не могу. Наверное, я устал от одиночества.

Я очень благодарен тебе, что ты написал о последнем дне в доме (загорском)³. Мне очень трудно сказать, но я так же, как ты, это принимаю. Для мамы и тем самым для всех нас это необходимо, но, может быть, также необходимо, как иногда бывает необходима смерть и близкого и дорогого, но уже пережившего себя человека, уже ставшего бременем и обузой, хотя все кругом его искренно стараются этого не замечать и искренно его любят. Бывают такие случаи и у людей. И вот когда этот любимый, но уже обременяющий их человек наконец умрет, — какая-то особая грусть веет в душу, точно он уже «оттуда» просит прощения в том, что обременял. Мы так много в жизни не знаем, только до-

гадываемся иногда и плачем. И печаль бывает не противоположная радости, а как-то одновременно живущая в душе. Поэтому скажем: «за все слава Богу. «Бог дал, Бог и взял — буди имя Господне благословенно»⁴.

Я простился с домом в последний вечер, когда был там, может быть именно так. Сейчас перечел еще твое письмо и понял, что во всяком случае ты не получил то, где я писал, во-первых, о своем бедственном положении с деньгами и, во-вторых, о приглашении тебя С<ергеем> Н<иколаевичем>. Материальный кризис у меня наступил 5 XI и окончился 9 XI, когда пришел перевод в 200 р. от мамы и тебя.

Причина кризиса была в том, что я все деньги должен был отдавать за холодную комнату, тратя на нее 215 р. в месяц. Теперь я переехал в теплую комнату и плачу 100 руб. Мой новый адрес: Советская ул. дом № 60 Петровской⁵.

Теперь я смогу покупать больше еды и уже купил немного сливочного масла. О своем материальном положении я писал всегда откровенно. Вот из чего я и понимаю, что это письмо мое к тебе не дошло. А поэтому повторю и то, что относится к С<ергею> Н<иколаевичу>. Поскольку от него теперь есть очень приветливое приглашение, я прошу тебя съездить к нему в ближайшее воскресенье. Это важно не только для тебя, но и для меня. Для тебя я хочу, чтобы ты узнал и понял человека, охватившего всю необъятность русской литературной культуры, знающего ее, как, может быть, никто. Это для расширения горизонта. Практически я хотел бы, чтобы ты подробно и откровенно поговорил с ним о своих профессиональных делах, о твоём желании самостоятельно и интересно работать, о невозможности этого, о путях к этому. Не могли бы он (я говорю примерно) от своего института (истории театра)⁶ дать через тебя твоему музею, скажем, такое поручение: «Аксаков и театр»? Или, может быть, совсем не так (не через институт), а что-н<ибудь> другое, но для тебя полезное.

А, может быть, ничего практического и не будет. Ведь я вот ничего «практического» от него не имел, но я очень многим ему обязан. Он научил меня познанию и научил находить радость в познании.

Его жизнь уже совсем у своего конца⁷, поэтому прошу тебя съездить.

Целую тебя, Николаша. Я с грустной улыбкой подумал сейчас, что я и теперь пристаю к тебе так же, как когда-то на хуторе с занятиями или как весной 1939 г. в Загорске⁸ собирать щепу около строящегося дома.

Твой п.

Ехать надо с каким-нибудь 2-часовым поездом (чтобы быть

после 3-х) до ст. Болшево и там на станции спросить «школьную площадку» и его дачу.

Если мама поедет ко мне, скажи ей, что я прошу захватить штук 5—6 луковиц цветов для Вали⁹ и, если есть, канву для вышивания. Я хотя от Вали переехал, но она мне очень нужна в разных практических делах. Так и передай маме.

№ 70. Н.С. Фуделю
16 XI / 1951, Усмань¹

Милый Николаша.

Я только сегодня отправил тебе письмо, но так как после этого пришло твое от 12—13 XI, то я пользуюсь этим поводом, чтобы еще поговорить.

Я отдыхаю в новой комнате. После холода и грязи я в чистоте и тепле. Теперь займусь своей едой и даже докторами, как просит мама. Завтра утром пойду запишусь сразу к невропатологу и терапевту.

100 р. еще не получал, но, наверное, получу завтра. Куплю сливочного масла, которое мне всего нужнее, и картошки, чтобы варить дома. Когда у меня есть масло, то сладкого почти не требуется. Может быть, если добуду посуду, вообще налажу домашнюю готовку, как в Улуе, это дешевле и сытней столовой.

Я признаю и каюсь, что у меня правда ослабело это время какое-то «бытоустройство». Я имею в виду, что и в другую комнату я должен был переехать раньше и кухонную посуду должен был уже найти (в магазинах нет). Это, наверное, от «толчков» на дороге² я слегка оглупел и даже собрался умирать, а не доставать посуду.

Но вот, раз не умираю, значит надо доставать и не спорить со сроками.

«Рассчитаны наши сроки,
Измерены нам пути»³.

Теплых вещей я не получал. Мама хотела приехать сама.

Мне были бы очень нужны валенки и мехов<ые> рукавицы (у мамы).

Если правда хотят послать мне посылочку, то лучше всего сухарей и сахару. Крупа здесь есть на рынке.

Во вторник 20-го, наверное, что-н<ибудь> выяснится с работой⁴. Хорошо бы в те же дни получить окончательное известие, приедет мама или нет, чтобы мне, если работа будет предложена, отложить вступление в должность на несколько дней.— неделю. Я писал маме о фарф<оровом> чайнике. Скажи ей, что хозяйка мне заваривает в своем, так что не надо тратиться (он стоит здесь 8 р).

Ты написал о себе, наверное, правильно, что твое главное желание не «размышлять», а «видеть, слышать и рисовать». Это не только правильно, но и хорошо. Это особый путь или угол зрения, если только слово размышлять писать в кавычках. Ведь если твой путь не анализ и хирургия фактов духовной жизни, а некое их «созерцание», то ведь в основе созерцания лежит изумление («изумление есть начало философии»), т<о> е<сть> именно познание, тоже познание, но не рационалистическое, а какое-то (скажем условно) поэтическое. Поэтому от «познания» никуда не уйдешь. И дитя «познает», но по-детски, хоть может быть мудрее и глубже нас. Я хочу сказать, что при наличии у каждого своего «угла зрения» всякий идущий к Истине идет к ней для того, чтобы познать ее — вкусить ее сладости своим духом. Поэтому если снять кавычки, то путь для всех будет один, но, конечно, каждый идет по нему «по-своему». Вот и тебе надо идти по нему по-своему, искать своего способа идти. Важно не то, как идти, а то, чтобы дойти, чтобы идти, а не пятиться, не топтаться на месте. Вот и Пушкин шел своим путем — «поэтическим», но ведь это как раз он сказал:

«Но не хочу, о други! умирать.

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»⁵.

Тут мыслить без кавычек, т<о> е<сть> в подлинном, не испорченном, полноценном смысле этого слова, когда мысль-познание соединены страданием, как рождение человека с родовыми муками.

Поэтому и бери с полки «Слово о полку» чаще, чем Погодина. Это твой путь познания, и, следовательно, ты перед собою прав.

Ты не прав тогда, когда ссылаешься на века, что 19-й, мол, век мне был чужд. «Слово о полку» еще, кажется, на 9 веков старше 19-го⁶. Значит, дело не в хронологической старости, а в душевной близости.

Я согласен с тобой, что в 19-м веке много слишком всякой рационалистической путаницы, но для того, чтобы при чтении «Слова» не впасть в романтику, надо хорошо знать этот дом наших отцов и дедов — XIX век. Если мы живем в современности и наша мысль реалистична, то нам нужно знать его. Я вот вчера прочел здесь «Кто виноват» Герцена. Я никогда раньше не читал этого. Очень слабая вещь, но как много она дает для понимания некоторых духовных закономерностей. (Помнишь, кстати, мелкие статьи Пушкина — о чем он там только не писал). Но и не это я хотел бы тебе советовать. Собственно, мое желание сводится только к тому, чтобы ты нисколько не изменяя себе и своему углу зрения, расширил бы и углубил как-то, укрепил материал своего познания, в частности, на всем том хорошем и ценном, что есть в

19-м веке. Ведь ты сам пишешь, что «я прочел те книги, которые ты отложил, разбирая на диване». А их тоже можно отнести к 19-му веку. И ты добавляешь: «они все пошли для “первого”».

Вот все, что я хотел бы.

Чтобы твоя мысль знала тропинки в лесу, умела бы находить дорогу и по солнцу, и по звездам, и по древесной коре, чтобы ты был путник во всеоружии.

Если внутри нас самих хорошо, то мы, читая и ошибочные или прямо плохие вещи, сумеем их внутренне отбросить и идти дальше, по дороге принимая все полезное.

Перемена темы в аспирантуре⁷ мне тоже очень не понравилась. Впрочем, эта сторона твоей деятельности мне вообще непонятна.

Представляю, как ты провел ночь один в пустом загорском доме⁸. Его фотография стоит передо мной на столе. Что-то глубоко наболевшее есть во мне: мечта о каком-то доме, где можно было бы слушать, как «коротается звездная ночь»⁹.

Ты пишешь, что «надо просить радости для себя». Да, надо просить, чтобы всегда душа была живая, чтобы она всегда пила «воду живую», чтобы внутри человека всегда был теплый дом, куда бы могли прийти и согреться.

Целую тебя. Прости за многословие.

Твой п.

Я очень тебе благодарен за твои письма.

№ 71. Н.С. Фуделю
18 XI/1951, Усмань¹

Дорогой мой Николаша.

Спасибо за письмо от 15 XI. Ты, видно, писал его, или начал писать, будучи очень усталым от всех своих дел. Дело в том, что ты меня не понял. Когда я говорил о себе как о «стороннем старичке», я этим хотел только как бы отмежеваться от обычных родителей бесправно вмешиваться в дела детей. Для того чтобы вмешиваться, надо иметь дружеское право, и я потому фактически и вмешиваюсь, хоть в costume старичка, что чувствую, что это право мне тобой дано и я с радостью и «со страхом Божиим» его принимаю.

Я очень радуюсь нашей дружбе, благодарю всегда Бога за нее, и она-то именно подкрепляет меня в эти дни, могу точнее сказать: она-то дает мне силы на настоящее и надежду на будущее. Она для меня в полном смысле этого слова «нечаянная радость», так как величайшей скорбью моей было прежде именно то, что я не чаял, что я могу быть чем-нибудь для семьи. Вот это прежде всего я хотел сказать тебе сегодня.

Ты очень правильно и точно говоришь, что единственное спасение и выход из тяжестей, и внутренних и внешних, это не «бегство на Кавказ», а продолжать делать то хорошее, что делаешь, продолжать идти вперед.

От этой воли к движению вперед, от этой внутренней силы, толкающей к благому действованию, к светлому творчеству жизни, точно от заклинания, разлетаются мнимые и реальные тяжести. Реальная скорбь переживается как мучительная, но временная задержка поезда в пустом поле при подходе к хорошей, ярко освещенной станции. И, конечно, светлое творчество жизни прежде всего в выходе из себя к другим, в помощь другим, в думу, в мысли о других, в скорбь и в радость о других. И «выходя из себя» в других, человек неожиданно обретает себя самого в этом выходе.

Бог скрывает (прячет) себя от человека в другом человеке. Тот, кто ищет Его, должен искать Его в другом человеке, в делах для другого. Тут тайна непостижимая, тут приоткрытие тайны Любви.

Нам мало что открыто, мы вечно в ушибах от мнимых или реальных скорбей. Но в нас одно ясное: инстинкт, что, несмотря ни на какие ушибы, мы должны идти вперед в делании жизни, в благой «работе Господней».

Эта работа иногда кажется ужасно томительной. Она требует трезвую голову, она требует отречения от всякой фальши, и особенно от всякого самолюбования, примитивного (на свой «пиджачок») или утонченно-блоковского. Милый мой дружок! Я знаю, что в тебе, несмотря на многие твои пробелы, есть что-то драгоценное именно в этом, главном, разрезе, какая-то «первоначальная» незамутненность и доверие к Любви, какая-то «простота во Христе». Молюсь, чтобы она пребыла с тобой всегда и руководила тебя в пути.

Я, конечно, виноват, что был «суров» с Лялей. Я очень теперь не хочу чисто внешних, светских касаний с людьми. Я как-то утомился от ненужности в общем этих обыденных соприкосновений. А на глубокую и нужную встречу не было ни времени, ни сил. Ведь сказано апостолом: «До чего мы достигли (силы разума, возможности помощи душевной), так и должны мыслить и по тому правилу жить»². Т<о> е<сть> нельзя прыгать выше своей меры. Вот я и чувствовал это при мыслях о Ляле. Я здесь бессилен, я это знаю. Эта сила может и должна быть в тебе. И она есть. Николаша! Я ровно ничего не знаю про Вареньку³. Напиши, где она, как она живет, видишь ли ты ее когда-н<ибудь>.

Я пишу тебе часто, в неделю несколько раз. Твои письма очень меня утешают, и я тебе очень благодарен, особенно зная, как ты занят.

С работы твоей, конечно, не надо пока бежать. Даже при твоих очень плохих условиях она кое-что тебе дает (я говорю не о материальном).

Но тебе надо было бы посоветоваться об этом с С<ергеем> Н<иколаевичем>. Может быть, это знакомство именно практически тебе что-н<ибудь> даст. Может быть, тебе можно было бы (как все же ведь научному работнику, а не завхозу) сказать, что у такого-то профессора, кажется, есть интересный материал для музея, с тем, чтобы тебя отпустили в воскресенье. Только как бы из этого не вышло то, что к нему полетит сам директор! Спасибо большое за 100 р. Я получил их вчера и купил сегодня слив<очного> масла, спасибо за отправляемую посылку. Мне бы очень были нужны валенки, здесь лютая зима, а приходится много ходить. От мамы письмо было от 8-го, и где она, даже, кажется, вы не знаете. Сердце так болит за них. О Вареньке я не могу думать спокойно.

Целую тебя, дорогой, поцелуй Лялю, пусть она меня простит.
Твой п.

Я перечел сейчас твое письмо и вижу, что в своем ответе я чуть ли не дословно тебя повторял. Это так хорошо.

№ 72. Н.С. Фуделю
21 XI [1951, Усмань]¹

Я послал на днях письмо, а сейчас вечер и тянет взять перо и поговорить.

Мне иногда кажется, что мы вместе решаем с тобой какие-то задачи. Перед тобой их ставит жизнь, ты пишешь мне, иногда тут же давая правильный ответ или заставляя меня, решавшего их когда-то неправильно, вспоминать помятые от этой неправильности бока.

Я сейчас читаю хорошие вещи Пришвина и почувствовал, наткнувшись на несколько неприятных мне мест, что, оттолкнув от себя эти места, он мне полезен и нужен. Я читал Пржевальского, Козлова и Арсеньева, но никто не дал мне такой реальности человека в природе. Секрет, наверное, в том, что Пришвин — это сам Дерсу Узала, но с глубокой и страдающей философией европейца. Я имею в виду его «Женьшень», «Колобок», «Черный араб», «Волки и отцы». Читая некоторые страницы, точно бесплатно пьешь какое-то вино опыта и силы и наполняешься ими. Сам делаешься опытней и сильней.

Я об этом подумал, когда перечитал то, что ты пишешь о символистах и «голубом покрывале» на жизнь. Ты очень правильно пишешь, что если пристально на них остановиться, то жизни без их покрывала уже не принимаешь, она слишком кажется груба и скучна. Что надо учиться смотреть на людей без покрывала, смо-

треть простыми, своими человеческими глазами, на их телесную и прямую действительность. Что в этом не только долг любви, но и инстинкт, что это как раз верная дорога к Истине через тайгу. И ведь есть не только тайга жизни, но и, скажем, Уссурийская, по которой ходил Пришвин за корнем жизни. И вот я никак не могу представить себе, что по этой тайге ходит Блок. Я ведь многое в нем люблю, но именно это сопоставление решило для меня вопрос. В молодости моей, я помню, были кафе поэтов, были какие-то случайные эстрады, где они выступали. И вот я помню не их, а сидящих и млеющих девиц, изнемогающих от красоты. И теперь, читая о бурях в Уссурийской тайге, когда развести костра невозможно, или вспоминая бури житейские, невольно вспоминается буря в стакане воды. Конечно, законы движения одинаковы, но масштабы не сравнимы.

Человек — строитель, он строит в лесу, в семье, в обществе, но не на эстраде. В тайге и в жизни человек любит зверем, лесом, росой, звездной бездомностью, но только не собой. Если он начнет самолюбование, его съест волк или он не сумеет разложить костер. Самолюбование несовместимо с творческой жизнью. Тут все дело в каком-то эгоцентризме — поставление себя в центре вселенной. «Уж больно я красив и умен». А на липкую бумагу с сахаром красоты летят девицы, мечтающие стать Кармен. Я знал одну такую. Она сама писала хорошие стихи про «лань с золотыми рогами», и она, как лань, попала на жаркое одному крупному поэту-символисту². Эта сторона символизма очевидна. Тут Пришвин, Купер, Брет Гарт, Пушкин, Лесков и все другие этого же типа, здоровые в этом, могут служить отпором, противоядием, разоблачением того, нездорового.

Самовлюбленные и комнатные люди не сделают «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»³. А без этих «замет» — как жить и бороться и творить в жизни? Как созидать ее? Да и как любить ее? — такую тайгу!

И когда «для того, чтобы любить», они набрасывают на нее голубое покрывало, то ведь они только его и любят, т<о> е<сть> опять-таки себя, а не реальность. И когда они любят женщину, то и это любовь не к ней, а к себе, к ее любованию ими.

Эгоцентризм, как яд, разлагает всех нас, и в крупном, и в мелком. Когда мы сидим за обедом, мы обижаемся, если нам дадут похуже кусок. Степень нашей обидчивости, как градусник, показывает температуру нашего эгоцентризма.

Тут, конечно, всеобщее «искушение в пустыне» и не надо 40 дней⁴ поститься, чтобы победить и идти «от себя» к людям.

Идти с температурой нельзя. Надо быть здоровым, т<ак> к<ак> люди вечно наступают друг другу на ноги.

Вот об этом «выходе из себя» и обращению к здоровью и реальности ты хорошо написал.

Но я еще об одном думал, прочитав Пришвина и твое письмо.

Ведь я не всего его принял, а кое-что оттолкнул. Думается, и к символизму это приложимо. Отталкивая многое, мы должны что-то в нем принять, и это «что-то» страшно важно. Только надо уметь его «прочесть», не запутавшись в их болезнях. Я бы так определил это «что-то»: ощущение реальности духовного мира, утверждение правды невидимого бытия.

Ведь реальность не только в «звериной тропе» Пришвина, по ней можно зайти и в звериный примитивизм. Упрощенчество страшно, потому что оно слепо.

Человек должен утвердить в себе самом реализм всецелый, реализм абсолютный, покрывающий, как купол старого собора новгородского стиля, все своды, всю совокупность бытия человека и жизни, в которой реально не только видимое, но и невидимое.

Вот один частный пример: невидимо и рационально недоказуемо предощущение эпох. У символистов мы находим строки, нас поражающие. Лучше всего символизм понимается через слова Тютчева:

«Как океан объемлет шар земной,
Так наша жизнь кругом объята снами»⁵.

Эти люди видели какие-то сны, и они сумели о них рассказать.

В окружающей нас предметной действительности есть какая-то ложная кривая, уводящая нас в примитивизм, в представление о том, что наружной шелухой предметов кончается их бытие. Это путь духовной слепоты, какой-то ложной детскости, а сказано уже 1900 лет тому назад: «не будьте дети умом»⁶. Ум должен быть взрослым, а сердце ребенком, тогда ум получает зрение, достигает познания всей, а не только внешней «скорлупочной» реальности.

«И внял я неба содроганье,
И горных ангелов полет,
И гад морских подземный ход...»⁷

Вот тут Пушкин достигал этого зрения, как и в ночных своих стихах, а от ночных его стихов идут линии к «Ночным часам» символизма⁸. Духовной чуткости символизма мы должны учиться; утверждение реальности невидимого мира (в добавлении к реальности видимого) — это то наследство, которое нас обогащает. С ним нам не страшна тайга, с ним наконец-то до глубины ощущается жизнь, как не только «звериная тропа», но и путь к Вечности.

Конечно, у символизма это не его собственное, а «краденое», но в данном случае важно то, что он это утверждает, независимо от права собственности. Духовно-правильная жизнь, не «символическая» и не «пришвинская», а, скажем, т<ети> Марусина, вмещает в себе и раскрывает в себе до полноты и ту и другую правду.

Разложить огонек для озябшего и накормить его супом и в то же время через глаза его, через любовь, войти в его душу и благословить ее вечное бытие. Пожалеть усталые ноги усталого от дел человека и в то же время видеть, что он идет духовно неверными дорогами, ни на минуту не забывая о внешней оболочке, поя и кормя человека, в то же время прозревать его вечное, невидимое еще бытие.

Утверждать реальность жизни всецелую, абсолютную, как видимую, уже данную, так и не видимую и еще ожидаемую, но уже как-то осуществляемую. Мне вспомнилось определение веры апостолом: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»⁹.

А в видимом вера тем более «уверена» и его «осуществляет» через Любовь¹⁰.

№ 73. Н.С. Фуделю
22 XI [1951, Усмань]¹

Милый мой Коленька.

Больше 10 дней, как нет писем от мамы, и я даже не знаю, где она, чтобы было можно телеграфировать и узнать. Про Вареньку тоже ничего не знаю. Сижу в тревоге, которую не зажмешь, как рот, а если же зажмешь, то задохнешься. Пиши, пожалуйста, про них, повидай их, если не видишь. Разорви узел дел для этого, чтобы посидеть с ними часок, посмотреть, как живет Варенька, не плохо ли ей живется.

Я тебе часто пишу и сейчас в этом же письме посылаю вчерашние вечерние рассуждения о символизме и так сказать «пришвинизме»², под которым я (совершенно условно) имею в виду нечто антиподное символизму, нечто в своем ядре простое и здоровое, как нормальные человеческие глаза, но в то же время нечто и такое, от которого может пойти «ложная кривая» в примитивизм. Я пишу плохо, но ты поймешь.

Антиподность вообще иногда обнаруживает условность. Пушкин и Достоевский, конечно, во многом антиподы, но где-то их пути скрещиваются.

Я писал уже, что получил 100 руб. Как мне поблагодарить З.³ Посылку тоже получил позавчера и тотчас написал об этом Тамаре.

Я начал чувствовать себя гораздо лучше. Опять вошел в свою норму, благодаря слив<очному> маслу, переезду в новую комнату. Сегодня вечер томительный. Иногда одиночество и неизвестность стучит в висках, как кровь. Из детства встают какие-то теплые дома, из окон видны снежные дорожки и хочется видеть на них Вареньку. К этому сводятся все мысли.

Целую тебя, Николаша. Получил ли ты предыдущее письмо, где было и письмо к Маше, там я писал про Лялю?⁴

Твой п.

23 XI

Сейчас принесли 100 р. от тебя и от Сони с Ниной⁵ целых 300, так что ты теперь забудь обо мне материально надолго. Всем вам я так благодарен и чувствую себя совершенно нестоящим такой заботы. Потом ты меня тем обрадовал, что на обороте перевода от 20 XI сообщил, что все здоровы. Слава Богу! Спасибо тебе.

Все твои письма получаю, а ты мои?

К этой страничке прилагаю три вчерашних.

Не послать ли мне часть денег маме? Напиши.

№ 74. Н.С. Фуделю
20 XII [1951, Усмань]¹

Дорогой Николашенька.

Опять я так благодарен за письмо, за два письма. Мой Усманский период может быть самым трудным для меня во всей моей жизни. Дело, конечно, не в том, что не бывает сахара. В Улуе по много месяцев не бывало не только его, но и чая, и я пил шиповник. Дело в том, что, на фоне безработицы внешней, не работает, не трудится душа, а только изнемогает, устает и ленится. Но и это определение слишком мягкое. Впрочем, про себя я более беспощаден.

Я как-то весь обессилел и омертвел, я не слышу своей внутренней жизни, ее — я знаю — почти нет. Вот ты пишешь: «как научиться молчанию?» Молчит — произвольно и радостно — душа тогда, когда ей есть что внутри себя слушать. Она молчит тогда, когда боится помешать шумом слов этому слушанию, т<о> е<сть> тогда, когда, по слову Тютчева, «есть целый мир в душе твоей»...²

Все дело в том, чтобы иметь в себе этот мир, эту незримую жизнь духа. Тогда замолкаешь, тогда это не тяжкая немота больного или нищего, а слушание и зрение иного бытия, в котором здоровье, и богатство, и свет. Поэтому нельзя «научиться молчать» — это будет искусственно, — но надо учиться блюсти и сохранять и достигать внутренней духовной жизни. А она уже нало-

жит на уста свою благословенную материнскую руку. И не только уста закроет от ненужных слов, но и за руку возьмет и ответит от ненужных или вредных дел.

Я пишу и тебе и себе, тебе рассказываю и над собой горько плачу. Это все — живая и страшная правда: возможность иметь или не иметь, т<о> е<сть> потерять «целый мир в душе твоей». С этим не сравниваются никакие шубы или деньги или все то, что истекает.

Но я пишу не потому, что «унываю» или что считаю себя «ненужным». Все в руках Божиих, и потерянное счастье можно обрести опять.

В вечерних молитвах есть такая где-то фраза: «Господи! — хочу я или не хочу — спаси меня!»³

Т<о> е<сть> воля моя совсем запуталась, я весь разодран в своей ничтожности, сердцем будто бы ищу Тебя, а делами отвращаюсь, и я уже не понимаю — где моя воля: с Тобой или против Тебя. И я могу только взывать в этой разодранности: «хочу или не хочу — спаси меня!»

Если так сейчас у меня, то понятно, что я не чувствую ни сил, ни умения дать что-нибудь другим. Если же я, несмотря на это, все же даю, то кто же может знать пути Божии!

Во мне жива моя любовь к вам, желание сердца, чтобы жизнь ваша была и не сурова внешне (благостна), и глубока внутренне, чтобы вы, живя в этой земной юдоли, копили бы в себе золотые лучи будущего. Эта любовь и есть моя «нужность», я знаю это, и через нее Бог дает то, что ему угодно для других.

Но ведь я знаю и другое, и это знаю еще большее, что когда замирает внутренняя жизнь духа, тогда умирает и любовь к людям. Это делается не сразу. По инерции, от прежде данного импульса, еще исходят от человека какие-то монеты, но золото их все тускнеет, они все больше стираются и дешевеют. Можно еще долго обманывать себя и других, позвякивая медяшками.

Любовь — это такое слово, которое мы, собственно, также не должны говорить «всуе», как имя Божие.

Что такое «внутренняя жизнь» или «жизнь духа»? Это живое ощущение Бога, его слов, его законов, его непостижимого бытия, его неизреченного о людях промысления, — ощущение не единичное и сухое, как мысль, а многообразное и цветущее, как многоветвистое плодовое дерево, вырастающее в душе. Тут и созерцание красоты истины, и слушание невидимой правды, и вкушение сладчайших плодов знания. Это то райское «дерево Жизни», о которой говорится в первой главе Библии⁴.

Очами этого внутреннего мира люди познаются как дети Божии, как заблудшие боги, открывается их вечное, непреходящее

сродство, открывается любовь к ним, как творческое действие этого познания, познания божественного сродства.

«Действие» не обязательно в словах или даже в поступках. Оно может и в молчании, о котором ты пишешь, в «благом молчании» (есть или была у мамы такая икона). Дело не в выражении, а в том, чтобы был в душе Бог. Дело только в том, что когда он уходит из нее, то иссякает источник Любви, и сад души засыхает, и мы сразу разучаемся и быть с собой и быть с людьми.

Вот потому-то это все так страшно и ответственно. Каждому из нас, по слову Божию, дан «талант» — серебряная монета, — который мы должны в течение жизни не в землю зарыть⁵, а пустить в оборот: стяжать в себе Бога и через него людей. Это и есть цель жизни. Изгнанники из рая должны вернуться в свой дом. Этот возврат идет путями внутренней жизни, которую мы поэтому должны непрестанно искать, а, потеряв, опять искать, и стучать, и добиваться. Что наша вся жизнь — путь, это не метафора, а правда, путь искания Бога и через Него людей, обратный путь к саду Божию, к древней красоте мира.

В службе погребения есть одна такая песня (по церковно-славянски «красота» = «доброты»):

«Древле убо от не сущих создавый мя, (=«создание из небытия»), и образом твоим божественным почтый, (=«обожествление»), преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от нея же взят бых.

На еже по подобию возведи:

Древнею добротю возобразитися» — (=«восстановиться в древней красоте»). И это поется над лежащим тлеющим человеком, как величайший «вызов» этому тлению, как прощальная песня людей своему уходящему брату.

Вот как все это страшно и ответственно.

Нам дано так мало времени, ночь коротка, а к «утру надо все найти»⁶, найти постоянно теряемое нами сокровище внутренней нашей жизни: Бога и через него людей.

Ты спрашиваешь о пессимизме. В отношении философии и искусства я уже забыл или и не знал (т<о> е<сть> какие и в чем были теории), а по существу — какой же может быть пессимизм при таком жизнеутверждении! Если над безгласным трупом со всем дерзновением и с совершенно открытыми на все глазами («паки мя возвративый в землю, от нея же взят бысть»)⁷ поется эта «песнь торжествующей любви»⁸ — то где же место пессимизму! Тут жизнь утверждается так, как нам не мерещится. Но для достижения такой жизни утверждается не только она, но и врата Голгофы — очищение человека через непрестанный труд над собой, через воздержание от зла всякого.

Вот и не думал писать, а написал целый лист. Целую, тебя Николаша. Напиши про Радищева: что ты читал? Посылочку не посылай: это опять хлопоты, доставанье ящика, почта и т. д. и деньги, да, собственно, здесь сейчас есть и чай и конфеты. К вам хотела было заехать Валя Белякович⁹ (моя бывшая хозяйка), но не заедет. Курить я все еще курю, но надо бы кончать — кашляю и голова кружится.

У Чернышевского нашел очень много о Гоголе¹⁰, и местами такого хорошего, жалостливого к нему, объективного, тоже и к старым славянофилам. Подал на комиссию¹¹, если откажут, буду просить пенсию за выслугу лет — у меня их оказалось около 30. Это решится в середине января, т<ак> к<ак> жду справки из Улуга о зароботке за посл<едний> год.

Твой п.

Целую Тамару, Машеньку и Муню.

№ 75. Н.С. Фуделю
28 XII [1951, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Я послал тебе сегодня заказное с Писаревым², и это только для того, чтобы успеть ко вторнику, когда ты будешь в Москве, сообщить тебе, что я получил твое заказное от 26 XII. Если предыдущий материал о Черн<ышевском> и Доброл<юбове> оказался полезным, то еще большим должен быть Писарев, т<ак> к<ак>, во-первых, я использовал его, кажется, полностью, а, во-вторых, и о Рудине и о Тург<еневе> у него есть цитаты очень яркие, я даже удивился. Это от того, что он был смелее тех. Он прямо говорит: «без него (Рудина) не было бы и нас»³.

По летописям здесь ничего нет, да мне, собственно, хотелось бы больше помочь тебе в менее интересной для тебя работе. Если что-нибудь вот нужно по Белинскому, он тоже здесь есть. Это будет для тебя более ощутимой пользой, т<ак> к<ак> сэкономит время.

Хотя я и вижу, как у тебя его мало, но все же пересылаю при этом письме открытку С<ергея> Н<иколаевича>, где он, как ты увидишь, приглашает тебя приехать в любой день из трех: понедельник, четверг и субботу, от 4—5 час. Я получил ее сегодня. Теперь уже просто неудобно не поехать. Поговори о летописях, о Гоголе, у него много материала о нем, посмотри на человека, который дал мне очень много когда-то. Я могу сказать, как Писарев: «без него не было бы и нас». Расскажи ему про меня. А за то, что я тебя этим мучаю, дай мне в отместку какую-нибудь мудреную тему вроде: «Гоголь и эрос».

Меня порадовало то, что в музее тебе становится яснее и лег-

че. Именно такая работа ближе к библиотечной. Самая для тебя нужная.

Спасибо тебе большое за письмо. В нем много хорошего про тебя, т<о> е<сть> такого, что меня утешает. Ты сейчас поступил в «университет» и жизнь, люди, книги тебя многому учат, и учат только потому, что ты сам хочешь учиться.

Вот это-то меня больше всего и радует.

Конечно, ужаснее всего тщеславие, всякое самолюбование, а в тебе его немного. Тщеславие это умственная остановка, станция, а мы должны всю жизнь двигаться к цели. В нас должна быть жажда и голод в стремлении к правде. Это не дает остановиться, так как Истина неисчерпаема, ею насыщаешься и опять голодаешь, это не допускает сытости тщеславия.

Вот помню, как 33 года назад я пришел впервые в комнату к С<ерегу> Н<иколаевичу>⁴. Помню тишину комнаты и везде книги, — на полке, на столе, на полу, — и свою жажду познания, но не отвлеченного, а радостного, как молодая жизнь. Книги представлялись окнами, в которые проходят лучи незримого солнца.

Книги, конечно, не нужны, когда есть люди, заменяющие книги, когда есть люди — солнечные. Но когда их нет, надо искать хороших книг.

Или же — уже без всяких книг — идти прямо к Источнику Света.

Обнимаю тебя.

П.

№ 76. Н.С. Фуделю
7 I / 1952, Усмань¹

Сегодня, Коленька, я наконец получил инвалидность III гр.². Она дается на 6 месяцев, после чего перекомиссия. Размер пенсии еще не известен, но думаю, рублей 200. Так что во всяком случае на 6 мес<яцев> я обеспечен каким-то хоть крошечным прожиточным минимумом. Будет не хватать рублей 100 или около этого. Так что ты не представляешь — как я был обрадован сегодня! Спасибо тебе за письмо от З.И. Белинского я попробую сделать. Все, что здесь есть, а он, кажется, есть. Насчет Гоголя и улиц сомневаюсь³.

Вот как бы мне наладить эту работу для тебя и для того, чтобы самому быть занятым? Послал сегодня телеграмму маме, учитывая и то, что и ты будешь у нее, чтобы вас всех порадовать. Если бы я жил около хорошей библиотеки, то, конечно, я мог бы постоянно быть полезным и даже, может быть, что-нибудь заработать.

Целую тебя, п.

С куреньем ты очень хорошо придумал, и я ловлю и тебя, и себя на этом и принимаю твой вызов: я бросаю курить 17 января в

7 часов вечера, будучи уверен, что и ты, верный своему слову, в этот же именно час и день тоже бросишь⁴.

Аминь.

№ 77. Н.С. Фуделю

13 I [1952, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо от 8 I. Вижу, как ты завертелся на работе. Я это предчувствовал. Беда не в этом, а в твоём здоровье. Пишут, что ты зелёный. Одно могу сделать: настаивать на твоём же предложении бросить курить. Это несомненно поможет, я это знаю. А тебе теперь придется много работать, и надо отбросить все, что мешает, тем более этот скверный дурман. Словом: приближается 17-е число!²

Послал Белинского — нужно ли это, что я выписал?

Очень внимательно читаю переписку Гоголя. Вспоминаю «Дневник писателя»³ и уход Толстого в последнюю эпоху⁴. У Гоголя нет разрыва с искусством, у Толстого не только разрыв, но и презрение к нему, как у псевдодуховных людей бывает презрение к телу.

Если в области искусства можно еще довольствоваться тем вдохновением, которое есть только предчувствие огня, то в религии надо вкушать уже самый огонь и огнем кормить людей.

Границы искусства и веры неуловимы, как постепенный переход из долины в горы. В горах ли слышится «колыбельная песня» Лермонтова и «Выхожу один я на дорогу» или еще в долине?⁵ Или некоторые русские песни, которые так любил Гоголь? Важно не установление границы, а неустанные поиски вдохновения, мера которого может быть разная, но радость одна.

Чем неустанней человек ищет духовности, тем чаще и полнее ее получает, все его бытие становится вдохновенно.

На твоё письмо пока не отвечаю. Голова простужена слякотью на улице и изнемогает от шума чужих людей в квартире. Утешаюсь крепким чаем и Гоголем. Сегодня мне 51 год⁶. «Пора мой друг, пора! покоя сердцу просит»⁷.

Хотел бы еще увидеться с С<ергеем> Н<иколаевичем>⁸. Хотел бы еще, больше всего, дать маме тишину комнаты, книгу, молитву. Хотел бы еще увидеть тебя твердо идущим в горы.

Целую, п.

Пиши — какие письма ты получил.

№ 78. Н.С. Фуделю

23 I [1952, Усмань]¹

Милый Николаша.

Как твой экзамен?

Посылаю то, что было в недошедшем письме². Может, это и

не так существенно, но думаю, что следовало бы упомянуть хотя бы в примечаниях «для насыщенности» (особенно Утина и Сementковского с Нехлюдовым)³.

Нет ли в твоём перечне моих выписок пропусков? Уже после письма с Чернышевским я послал еще одну выписку с Чернышевским («ответ Дудышкину»)⁴. Может быть, эта отдельная выписка в письме с Добролюбовым?

Затем ты ничего не писал об «Орловском сборнике»⁵. Знаешь ли ты его? Там этот отрывок комедии с кружком Белинского? В библиотеке больше для тебя ничего нет.

Твои большие и хорошие письма все лежат у меня на столе не ответченные.

Насчет эмпиризма в искусствоведении сильно сомневаюсь и не советую. Вообще лучше быть ближе к технике творчества, а не к теории его.

Технику я понимаю не только в смысле собирания материалов и способам обработки и вообще писания, но как совокупность бытового окружения творческого процесса, например кресло С<ергея> Тим<офеевича> или гоголевскую крылатку, улицы Москвы или внутренний вид лавки Смирдина⁶.

Я решил пока оставаться в этой комнате⁷, так как раз Варенька не придет, то одному терпеть можно. Да и искать негде. К тому же беспорядки (пьяные) бывают редко, так что иногда даже думаю, что не напрасно ли я поспешил с недопущением Вареньки. Очень бы хотелось и надо бы увидеться. Может быть, мама сможет приехать одна? Я продам что-н<ибудь> и вышлю ей денег на дорогу?

Целую тебя и Лялю.

Твой п.

Прилагаю 6 страниц выписки и письмо маме.

Только что получил 150 руб., большое спасибо! Теперь я тоже начну получать пенсию, так что больше обо мне не думай, во всяком случае до марта, а может быть, и совсем.

№ 79. Н.С. Фуделю и Л.И. Щербининой
26 I / 1952, Усмань¹

Милый Николаша.

Спасибо за письма 21 и 22 I. Так было приятно прочесть о хорошем дне в Абрамцеве. Конечно, только там такое сочетание: природа, искусство, старое кресло² и люди. Дай тебе Бог побольше таких дней! Их у тебя будет много. Спасибо тебе за 150 р. (я уже писал об этом в прошлом письме с выписками из Гончарова), а вот то, что ты еще хочешь прислать, меня обеспокоило: я получил тут же свою первую пенсию за январь 120

р., так что мне теперь совсем не нужно, я вполне обеспечен на-долго.

А вот что шубы у тебя нет, это все же очень плохо. Зима под конец еще так разгуляется! Надо хоть сейчас срочно сделать меховую куртку.

Я жалел, что тогда, после бессонной ночи и огорченный невозможностью приезда Вареньки, послал тебе это письмо. Мама одной приехать, конечно, всегда можно, и это было бы очень хорошо. Искать новую комнату пока не буду, да и негде. Кроме того, сейчас опять все тихо. Книг для тебя больше нет. Пойдут ли последние выписки (Утин и пр.)³ Я советую тебе перед тем, как писать диссерт<ацию>, посидеть вечера два над комплектами журналов 1856 и ближайших годов. Прежде всего возьми «Современник» и всмотришь в бумагу, шрифт, соседние статьи, весь тот запах, в котором вышел впервые текст «Рудина»⁴. Потом другие журналы, хоть 1—2 посмотри, ближайшие теплые рецензии. Ведь, наверное, можно заранее заказать комплекты в Ленинской?⁵ Если есть библиография по Тургеневу (по журн<альным> статьям), то по ней справишься и закажи эти журналы того времени.

Я рад, что ты не хочешь залезать в дебри теории творчества, об этом я с опасением писал в прошлом письме. Нельзя ли больше налечь на «творческую историю» романа. У Прохорова в Орловском сборнике очень как-то бессвязно и неясно⁶. Подумай о том — не прислать ли тебе с мамой мне какой-нибудь толстый том, откуда тебе надо иметь выписки, может быть, даже 2—3 тома, ведь я ее здесь встречу и обратно провожу? А тебе была бы польза? Подумай, я не знаю.

Я так рад, что мама с Варенькой где-то около тебя.

Вот и твоя жизнь с Лялей, Бог даст, наладится.

Ты просишь посоветовать прочесть что-нибудь серьезное и нужное. Прочти послание ап<остола> Павла к Филиппийцам. Это несколько страниц глубочайшего в истории текста и ближайший путь к уразумению христианства, путь к его сердцу. Прочти, не пропуская, смысл каждой фразы.

Целую тебя, мой милый и добрый такой Николаша.

Твой п.

Спасибо тебе за все, за деньги, письма, Рудина⁷ и зайцев, которых ты видишь во сне.

Милая Ляля!

Спасибо за привет. Рад, что Вы провели хороший день в Абрамцеве. Есть еще много хорошего, что ждет вас с Колей, если — как говорят маленьким детям — вы сами будете хорошие.

Меня беспокоит очень Колина шуба. К концу зимы мороз может стоять еще неделями и он простудится. Употребите свое вли-

яние на то, чтобы он сделал себе меховую куртку. На это пойдет рублей 150, не больше, а она всегда будет нужна.

Целую вас и желаю всякого благополучия.

Ваш С.Ф.

№ 80. Н.С. Фуделю
31 I / 1952, Усмань¹

Спасибо дорогой Николаша, за 100 руб. Я писал, чтобы пока мне ничего не присылать, но письмо, видно, разошлось. На весь февраль теперь у меня денег совершенно достаточно, т<ак> что до марта об этом не думай и займись собой. О приезде мамы одной без Вареньки я уже писал, что это, конечно, вполне возможно и было бы очень желательно, если бы это не было связано с тем, чтобы оставлять Вареньку одну. А привозить ее я все же возражаю. К прежней причине прибавилось еще то, что в доме обнаружилась сырость. Пока не было морозов, ничего не было видно, а сейчас со всех стен потекло и у здешней девочки² заболели суставы. Правда, что моя комната самая сухая и теплая и стены сухие, кроме небольшой сырости в одном углу, но в соединении с первой причиной это все склоняет к тому, чтобы от привоза Вареньки воздержаться еще 2 месяца до весны.

Может быть, и комната найдется более спокойная за это время. Ну что же привозить ее на какое-то волнение!

У меня лично тоже некоторое «волнение»: обнаружилась грыжа и врач направляет на операцию, а я не знаю, стоит ли ее делать и тем более в Усмани? Хотелось бы посоветоваться с мамой. Во всяком случае, я думаю, страшного ничего нет, да и врач не считает, что это срочно, хотя дал направление. Передай это письмо маме, что она посоветует. Я вспоминаю, как меня тогда заразили грязным инструментом.

Прочел биографию Лермонтова твоего учителя³ том I и надеюсь, что ты будешь писать добросовестнее его.

Здесь няня поет маленькому Ваське⁴:

«Ах вы котики, коты.
У вас серые лобы.
Приходите ночевать
Васю нашего качать».

№ 81. Н.С. Фуделю
20 II / 1952, Усмань¹

Милый мой сынок.

Хочется поговорить с тобой, посоветоваться. Я знаю, что и времени у тебя нет, и голова забита своими неустройствами, да и

разума жизненного еще мало, но, кроме тебя, мне не с кем поговорить, а бывает иногда так, что нельзя не поговорить.

Я все больше склоняюсь к мысли о том, что переезжать маме с Варенькой сюда «насовсем» не надо. Надо когда-нибудь посмотреть правде в глаза. Приехав сюда, я рассчитывал на устройство свое на работу, на которой я, по примеру своей улуйской работы², буду получать по крайней мере 600 р., около которых можно было бы начинать как-то строить жизнь втроем. Вот я прожил почти 7 мес<яцев>³ и вижу, что кроме пенсии в 150 руб., я в самом лучшем случае не получу ничего больше, а в худшем лишусь и этого, так как в июле переосвидетельствование⁴. Никаких иллюзий больше нет. У мамы работы здесь не может быть никакой. Вязанье здесь идет с большим трудом, преподавать в школе она не может. К какому-нибудь коммерческому домашнему хозяйству (пороссятам и т. д.) мы оба неспособны. Что же будет с нами через несколько счастливых месяцев после покупки здесь дома и окончания всех денег от продажи своего? Сейчас мама может получать хоть какие-то деньги за аренду⁵ и на них основываться. Ведь поскольку есть Варенька, мы не можем рассчитывать на «авось». Могу ли я толкать маму на отказ от чего-то небольшого, но все же реального, а именно маленькой комнаты в своем доме и денег за остальное, для того, чтобы на старости лет, да с маленькой девочкой броситься в полную неизвестность чужого города, людей и, попросту говоря, нищеты? Во имя чего, собственно? Или из какого расчета?

Все складывается так, что я в полной импотенции, что даже пенсия моя может быть временна.

Ты скажешь, что и импотенция может быть временна. Согласен, но на одном этом прекрасном предположении нельзя рисковать двумя ни в чем не виновными жизнями. Надо дожидаться этого изменения в моем положении и тогда уже, хоть тоже рисковать, но уже значительно меньше.

Возможно, что если бы я был человек более серьезный и физически и душевно, жизненно, я, может быть, сумел как-то и не работая защитить их здесь, создать какое-то тепло, заработок, каким-нибудь ремеслом, кроликами, курами или еще чем-нибудь. Но я вижу теперь, что я ни к чему, кроме канцелярской работы, не способен, если и возьмусь, то не сумею. И умения нет, да и сил уже нет.

Все эти мысли меня сейчас гнетут и, кроме тебя, мне некому о них сказать.

Только для того, чтобы «жить вместе», могу ли я толкать их на такой риск? Что это за «жизнь вместе» будет, когда у нас ничего

не будет? Не становимся ли мы на ходули и не честнее ли сказать себе, что «жизнь вместе» почему-то не возможна для нас? Что надо еще ждать? Прождали 6 лет⁶, ну еще, может быть, надо.

Другой вопрос о том, — насколько реально и прочно то, что у них есть сейчас, т<о> е<сть> аренда, маленькая комната, вязанье? И еще: близость к тебе? Ты понимаешь меня? Если бы мама получила за аренду и еще прирабатывала и при этом жила бы где-то недалеко от тебя — ведь это самое лучшее, что я могу сейчас для них представить. Я еще осенью тебе писал про Хотьково⁷, о своей мечте, чтобы мама с Варенькой пожила пока около тебя в Абрамцеве. Но если нельзя там, то в Загорске, посадив весной картошку на своем участке. Я попрошу тебя вот о чем: подумай об этом и поговори с мамой, не давай ей всего письма, может быть, я что-нибудь не так пишу, но поговори с ней и от меня и от себя. Я хочу знать ее мнение по существу, а не под углом зрения того, что «Сережа, мол, не может быть вечно один». Надо вовремя ликвидировать эту романтику и принять то, что наиболее благополучно для них.

Можно ли продолжить аренду на неопределенно будущее время? Может ли мама жить в маленькой комнате, не заботясь о дровах, получая за сдачу помещения? Или же все деньги за аренду будут уходить на ремонт и налоги? Если на третий вопрос ответ положительный, тогда продажа неизбежна, но, и при неизбежности продажи, стоит ли покупать здесь, где ничего для нас нет? Не лучше ли после продажи остаться или в Загорске или около тебя?

Прости меня, мой дорогой, что тебя тревожу этими вопросами. Если бы ты сегодня заглянул мне в душу, ты бы, конечно, простил. Во всяком случае пока, т<о> е<сть> еще с месяц, приезжать нельзя просто потому, что некуда: в этой моей комнате тесно и крайне беспокойно и сыро⁸, а у Беляковичей⁹, пока не кончилась зима, холодно. Но с другой стороны, при крайней нужде конечно, можно всегда приехать, так или иначе они будут в тепле. Но зачем им ехать, когда им там лучше? Когда им там спокойней и теплей и веселей? Больше не буду об этом, но буду ждать от тебя ответа.

Я живу по-прежнему. Жалею очень, что больше нет книг для тебя, это копанье занимало мой день. Если в марте я буду один, то мне денег не присылай: мне хватит на март (одному).

Нет ли у тебя 6-й части «Былого и дум» (или 5-й?), там где история его семейной драмы с Гервегом? Мне бы очень хотелось прочесть. Я «Былое и думы» люблю, а эту часть как раз не знаю¹⁰.

Представляю, как ты замучился с юбилеем¹¹ и очень тебе сочувствую. Признаюсь, что я до того не люблю «Мертвые души», что никогда не мог заставить себя прочесть их целиком.

Целую тебя, Николаша. Дай вам Бог скорее устроиться с Лялей и совсем по-хорошему. А может быть, и мама с Варенькой около вас отогреются.

Прилагаю две странички о Рудине и Вареньке.

Твой п.

Твое письмо от 12—13 II получил и порадовался.

№ 82. Н.С. Фуделю
24 II [1952, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо без числа, наверное от 19 II.

Я послал последнее письмо (там, где выписка из Чернышевского) и хотел кое-что сказать. Я в нем не решаю, а ставлю вопрос. Мое изложение таково, что я законно мог быть в состоянии вопроса и недоумения. «В порядке проблематики» я и писал. Вести на риск можно себя, но не других, да еще любимейших и слабеиших. Если бы Маша с Варенькой могли бы, продолжая аренду² и имея для себя эти деньги как основу, устроиться где-нибудь поблизости от тебя в Абрамцеве или Загорске — то не было ли бы это наилучшее, т<о> е<сть> сохранныйшее для них?

Вот что я спрашиваю и вот то, о чем, я чувствую, надо решать весь вопрос. Где им лучше?

Я бы хотел, чтобы ты поговорил с мамой, вместе с ней обсудил. Обо мне надо решать тоже с этой стороны. Жизнь врозь для меня страдание, но еще большее — умирание вместе. Может, надо еще подождать, я не знаю.

Твое письмо меня обеспокоило, через него так и чувствуется та «суматошная мелочь», о которой ты пишешь и которая тебя, видимо, совсем заедает, как ржа железо. Ты даже пишешь: «в Абрамцеве я покоя пока почти не видел». А куда же девались те прогулки в лесу и даже то кино с Варенькой, о которых ты с таким восторгом как-то мне писал? В это «почти»? Я знаю, что и тебе и в Абрамцеве очень трудно, но я думаю, что у тебя в Абрамцеве есть кое-что такое хорошее, чего нет у других. Но каждый из нас, к сожалению, в свою очередь, доказывает по-своему: «что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Думаю, что причина нашей почти всегдашней неудовлетворенности это то, что мы вечно хотим и требуем больше того, что мы заслужили. Неблагодарность наша источник наших мучений. А как может быть человек благодарным за то, что он увидел какую-то бедную елочку в снегу и солнце, если он считает себя достойным гораздо более высоких картин?

О получении 100 рублей я тебе писал, и ты это письмо получил. Это было в конце января. Я еще писал тебе, что эта присыл-

ка лишняя. В феврале перевода не было, и это очень хорошо, так как деньги у меня есть не только на февраль, но и на март, если я буду один.

О вашем семейном устройстве с Лялей всегда думаю, всегда беспокоюсь, по-человечески совсем не представляю себе, как оно возможно, и успокаиваю себя только на том, что молюсь о вас Богу. Если он благоволит устроить вас внутренне, то и внешнее устройство будет. А если не будет воли Его на внутреннее счастливое единство, то никакие комнаты не помогут. Но единство двух может быть только в Третьем, в Боге. Вот почему это все так непостижимо, и невероятно, и невозможно по-человечески.

Целую тебя, мой Николаша.

Твой п.

Вдруг сейчас принесли от тебя 100 руб. Надо бы благодарить, а я хочу ругать. Я же ведь писал, что не надо сейчас, а что надо сделать тебе теплую куртку!

Спасибо тебе, дорогой мой. Но не забудь же теперь тем более: в марте не посылай. Спасибо тебе за любовь.

А это тебе, Коленька, повесь и смотри для успокоения³. Зевающий человек очень похож на тебя. А ночь-то какая! И все хорошо. «Играйте ближе к натуре», — говорил генерал Еропкин во время винта (вспоминает Хомяков в письме)⁴.

№ 83. С.Н. Дурьлину
8 III [1952, Усмань]¹

Как я рад был получить ваше письмо, эту маленькую открытку, дорогой С<ергей> Н<иколаевич>. Я очень дорожу связью дружбы между нами, которая прошла испытания наших десятилетий. Каждое Ваше слово ко мне драгоценно для меня. Я бы хотел сейчас, когда вы больны, сидеть сейчас около Вашей постели и не говорить, а что-нибудь читать Вам, или, может быть, писать под Вашу диктовку, или же молчать, зная, что уже все прочтено и написано.

Не только воспоминания сильнее меня, но сильнее меня и вера в будущую жизнь, а так как эта вера неразрывно связана у меня с Вами, то мне бывает всегда так радостно, когда я сердцем слышу Вас.

Жизнь опять темна, но есть такой стук сердца, который не обманывает и который ведет из года в год, по неделям великого поста к Пасхе.

Так что вы меня очень утешили. Что касается Коли, то будьте к нему снисходительны: молодости свойственна рассеянность и

самоуверенность. Он с утра до ночи работает в своем музее, сейчас, в частности, с гоголевской выставкой². И умудряется, несмотря на всю свою занятость, горячо меня любить и писать мне громадные письма. Я пока все еще живу один, уж скоро 6 лет³. Сейчас, по-видимому, опять предстоит переезжать: здесь так я и не смог найти себе работу и хочу ехать в г. Лебедянь, где живет моя двоюродная сестра⁴. У нее свой дом, и я хоть не буду платить 100 р. за комнату. Если найду там пристанище, то ко мне приедет жена с младшей дочкой.

Целую вас, дорогой С<ергей> Н<иколаевич>.

Сегодня видел во сне, что разговаривал с Вами о Георгии Никол<аевиче>⁵. Я помню, как мы с ним приезжали к вам в Загорск однажды.

А как-то недавно вечером, уже засыпая, вспомнились стихи:

«Что помню я из детства? — Сад цветущий
И белых яблонь первый снег,
И тихий звон к вечерне, зов, зовущий
Младенческую душу на побег,
Как путника из темной тесной кущи
На дальний, радостный, на светлый брег»...⁶

Ваш С.

Когда я перееду, сообщу новый адрес, больше сюда не пишите.

№ 84. Н.С. Фуделю
9 III / 1952, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо от 4—5 III.

Очень жалею тебя, что так много работы и что она больше бестолковая. Конечно, не труд страшен, а бессмыслица в труде. Но советую тебе и в этом не унывать, т<о> е<сть> и среди бессмыслицы искать какую-то свою тропинку.

Кто ищет, тот и находит.

Кроме того, думаю, что ты за год бестолковой работы все же много прочел и узнал, на лету и мимоходом.

Я рад, что ты оценил Герцена. Для меня «Былое и думы» это «Живые души», настолько живые, что мне кажется, что автора их я когда-то встречал в детстве, когда меня водили гулять по арбатским переулкам. Мне бы хотелось написать о нем книгу², такую же горячую и грустную, как его «Думы». Его литературные портреты Хомякова, Чаадаева³ («Б и Д»)⁴ или К. Аксакова («Колокол»)⁵ уже какие-то живые ткани словесной живописи. Его грусть о том, что его любимые 30-е годы невозвратны для него, —

поражает так же, как детская наивность иногда поражает во взрослом.

Литературы о 30-х годах здесь нет. Это надо Анненкова, Пасек и прочие мемуары, а их здесь нет. Я дал заказ на одну книгу (биографию Станкевича Анненкова)⁶, но ведь я собрался отсюда уезжать, так что не придется дожидаться. Я хочу уехать сейчас же после комиссии⁷ 12 III, а ее пришлют из Москвы не раньше конца месяца.

Физически уезжать не хочется: уж годы и здоровье не те, чтобы легко шататься по дорогам, но вижу, что надо это сделать, чтобы попытаться что-то найти, чтобы собраться нам втроем и отдохнуть от странствий. И поэтому на душе легко, что уезжаю. Если меня там⁸ пропишут и Соня примет, то я ведь не только ничего не теряю, но уже сразу выигрываю — возможность не платить 100 р. за комнату. Как только приеду и все выясню, сейчас же телеграфирую, чтобы мама готовилась и приезжала с Варенькой.

Вот, может быть, в Лебедянской библиотеке найду что-нибудь для тебя. Мне душой хочется уехать. Мне здесь было много горького, одинокой поляны, хоть в конечном итоге все тучи разошлись, и лучи солнечные опять осветили поля и дорогу, и даже горечь прошла безвозвратно. Ведь все дело в том, чтобы мы сами-то шли, а Бог всегда поведет и научит, как идти, как уходить от себя. Бог тут же, рядом, и только ожидает нашей воли и тем самым нашего труда.

Про возможность для меня выписки книг через библиотеку подумай и сообщи, что именно. В письме к Тамаре я послал последние выписки «Базиль и Арманс»⁹ и разную мелочь, получил ли?

Сегодня получил письмо С<ергея> Н<иколаевича>¹⁰. Он пишет, что ты у него был как раз не в те 4 дня, когда можно, а в один из 3-х, когда его не бывает, и поэтому не застал. Очень жалеет и сетует, что ты даже не зашел и не подождал. Повторяет, что он всегда дома в понедельник, четверг и субботу (и воскресенье по прошлому письму), а с 6 часов вообще дома. Поезжай к нему до приезда ко мне мамы и отвези прилагаемое письмо. Ты очень хорошо пишешь о природе, просто и верно, как человек, знающий простую тайну слов.

Есть адекватность слов — бытию, но мы обычно ее не знаем и вместо струн ударяем по деке, отчего получается деревянный звук.

Обнимаю тебя, Николаша. Дай Бог мудрости во всем и во всем смирения=«смирennemудрия», с которым легка даже и трудная жизнь, с которым даже и самое липкое раздражение отлипается.

Твой п.

Прости, что последние выписки послал в письме к Тамаре, это все по какой-то рассеянности. Я стал ужасно рассеян.

№ 85. Н.С. Фуделю
26 III / 1952, Усмань¹

Милый мой Коленька.

Итак, мы живем втроем² — тесно, трудно, дружно и хорошо. Кормиться я стал теперь на убой. Здесь на базаре привозят поросят в громадных сундуках и, когда открывается крышка, они оттуда выглядывают. Вот я скоро превращусь в одного из них через такое кормление. Я послал тебе после приезда мамы одно заказное, но мне все кажется, что я еще не ответил на твое большое, хорошее письмо.

Мне бы тоже хотелось жить рядом с тобой. Твоя служебная деятельность, образование, полученное через нее, расширило и углубило твои знания. Много в наших знаниях стало общим. «Былое и думы», например. Человек имеет в себе самом две судьбы: одиночество и общение. Первое — как бы самое «естественное» для него, и поэтому второго он не должен добиваться насильно, во что бы то ни стало и как нечто им заслуженное. Но он всегда должен радоваться, когда, как незаслуженный дар, ему открывается общение. Если руководствоваться этим правилом, не придешь в уныние, когда одиноко, когда слишком долго одиноко, и не будет «головокружения от успехов», когда придет общение. Так, в частности, и в семейной жизни.

Человек должен пройти какую-то пустыню и только временами, тогда когда нужно, из камня начинает течь вода и воспаленные уста приникнут к ней.

Поэтому-то нельзя насильно требовать единства. «Встречи» с другим (с другом) — это чудо с камнем в пустыне³, а чудес нельзя требовать, о них можно только вздыхать.

Мне кажется, что мы с тобой по-одинаковому относимся к книгам: мы их любим, но помним, что люди самые драгоценные книги, что можно ничего не читать и быть для других самой нужной книгой. Вот по всему этому, и еще по многому, нам с тобой, я думаю, было бы легко жить рядом.

Для тебя здесь книг решительно нет. Вчера читал «Дворянское гнездо» и удивлялся точности, с которой Тургенев описывает человека в церкви. Та же точность есть и у Толстого в «Семейном счастье». Первой печатной вещью Тургенева была рецензия на «Путешествие к святым местам» (?)⁴ (Венгеров)⁵.

В письмах Герцена к Тургеневу (XXI том Лемке)⁶ есть описание, как однажды Боткин, порвавший с Герценом и боящийся общения с ним, стоя на палубе подходящего к пристани (кажет-

ся, в Ницце) парохода, увидел на пристани Герцена. Он буквально присел, спрятался за спину своей дамы, чтобы его не видел Герцен, который, все видя, повторял: «Вас<илий> Петрович, стыдно!» «Вас<илий> Петр<ович>, стыдно!»⁷

Целую тебя, Николаша.

Твой п.

№ 86. Н.С. Фуделю
29 III [1952, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

Пишу криво, т<ак> к<ак> разбил очки и здесь их нет и нет в Воронеже. У меня +2 (или около этого). Если можно, пришлите. Спасибо за письмо с Машей. Я тебе после приезда мамы послал 2 заказных, и это доказательство, что и теперь та же нужда в переписке.

Свои служебные трудности ты, кажется не преувеличиваешь, но все же необдуманно не порывай с Абрамцевом. Переключи себя в несколько иной стиль и в нем пробудь сколько возможно. Ты уже и пишешь о том, что вы стали работать по Кодексу². Меня правда и по-серьезному беспокоит твое здоровье. Такое напряжение да плюс табак, да поэзия на истощенную уже душу ночью — до добра не доведут. Незаметно будет неврастения прогрессировать. Очень прошу тебя отнестись к себе серьезно. Это не важно, что мама мне нажаловалась, это действительно все тревожно. У нас здесь тишина. Страшно тесно, но мирно и тепло. Занимаюсь ежедневно с Варенькой.

Читал ли ты Гоголя «Размышления о божественной Литургии»? Книг для тебя больше не нахожу и библиографии тоже.

Я выписал из Москвы «Звенья», надо бы еще и «Литературное наследие» (там Боткин о Рудине), но неизвестно, когда придет и придет ли?

Целую тебя, Николаша.

Правда, думай о своем здоровье, чтобы быть здоровым и душой и телом, чтобы ночью спать, а не курить, чтобы когда-нибудь видеть утро, когда на стене не золотые, а еще розовые блики. Сегодня мы их смотрели с Варенькой и удивлялись.

Столько в нас нездорового, нечистого, столько жизни мы упускаем невозвратно! Иногда горечь этого сознания нестерпима. Все-таки надо нам (и тебе и мне) крепче бороться, тверже защищать обретенное сокровище духа. Тут не книги научат, не «Станкевич» даже, а только собственное воинствование духа.

Твой п.

[Приписка рукой В.С. Фудель]

Смотрите на обороте!

Дорогой Коленька, спасибо, за письмо. Пожалуйста, передай привет Ляле, тете Тамаре, Муне, Елене Владимировне³.

Целую крепко. (Варя)

(Здесь нет бумаги и не на чем писать письма, пожалуйста, пришли.)

Я с папой занимаюсь.

Дорогая Маша, я получила твое письмо. Ты меня не забывай. Здесь есть девочка Света 10 л<ет> и мальчик Вася два года. Целую крепко.

(Варя)

Дорогая Мунечка, целую крепко, очень тебя люблю и не забываю.

Целую много раз. Передай привет тете Тамаре большой.

(Варя)

№ 87. Н.С. Фуделю

8 IV [1952], Усмань¹

Милый мой Коленька.

Спасибо за 200 руб., вчера вечером полученные. Если это письмо придет до отправки посылки, положи немного бумаги для писем.

Вчера я послал тебе письмо, и до этого было несколько не ответных. Боюсь, что причиной не твоя занятость, а я, то, что я пишу письма необдуманно, так, как движется душа в страдании ежедневности, а такой стенографизм дружеским отношениям вредит.

Мама болела, поевши хлеба, выздоровела, теперь болеет Варенька гриппом, и это затяжнее. Ужасно будет за нее обидно, если Пасху² она пролежит: она так радуется празднику! Читаю им Лескова («Запеч<атленный> Анг<ел>») к полному их удовольствию. Кстати, в томе IV собр. соч. Лескова изд. 1902 г. стр<аница> 51 есть «Инженеры-бессребреники»: Лесков говорит, что это «данные для характеристики 30-х годов»³, т<о> е<сть> то, что для тебя нужно по Рудину. Лесков сам родился в 1831 г. и много знал.

Я здесь запрашивал через Воронеж «Звенья» и послед<нюю> часть «Былого и Дум», но ничего там не оказалось. Надо бы посмотреть все «Литерат<урное> Наследие».

Целую тебя, Николаша, и Лялю.

Твой п.

№ 88. Н.С. Фуделю

10 IV [1952, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

Спасибо за письмо тебе и Ляле, очень было приятно получить

такое теплое письмо. Читали его вслух, сидя за чаем с белыми булочками, мама очень улыбалась и утешалась, а Варенька пищала: «а где мне приписка?» Она любит тебя и Лялю. К сожалению, она уже не здорова, лежит в постели, темп<ература> 37,4, не то грипп, не то сердце, очень страдает от мысли, что на Пасху еще будет больна и нельзя будет ей на дворе катать яйца. Но мы думаем, что, может быть, она к тому времени окрепнет. Я теперь вижу, какая она слабенькая. Мама тоже болела, но поправилась. У нее все связано с едой. Живем мы тесно, но дружно, занимаемся, читаем, дни проходят незаметно и, когда не налетают, как птицы, страхи за будущее, то совсем хорошо.

Страхи естественны. Время идет, маме здесь работы не выясняется, как будет с продажей дома, неизвестно. Я уже писал тебе, что надо дать объявления о продаже. Как только они будут даны, надо тебе или Маше увидеть Марью Мих<айловну>² и просить ее (или Зину)³ дойти до Козьей горки⁴ и сообщить Антониде Федоровне⁵ о даче объявления: она обещала маме показывать и говорить с покупателями. Зина должна быть в Москве 15 IV. Мама и М<арье> М<ихайловне> и Зине об этом писала. Я вижу, что все это крайне сложно, и предчувствую, что в мае мама, не дождавись свершения чего бы то ни было, поедет обратно в Москву. А за этой поездкой опять темнота и чувство, что на маме опять непосильное бремя. Поэтому живем мы здесь «днем», радуясь тем солнечным лучам, которые осветили наше содружество и укрепляясь надеждою, что все-таки Господь все устроит и как-то нас троих приютит. Как сказано: «сверх надежды поверить с надеждою»⁶.

Еще ждем ответа от Сони и из Калача⁷, еще знаем, что впереди Пасха, самое светлейшее время, когда опять вся земля согрета своим святейшим теплом. Мама готовит творог, запасает песок на куличи, куплены 1¹/₂ дес<ятка> яиц, и Варенька делает из цветной стружки розы. Как ты пишешь: «как много всего, даже если жизнь коротка». Лично за себя я действительно бесконечно благодарен за все Богу, благодарен до слез восторга и слез молчания, когда все благовиденное в жизни воплощается в одном луче, сияющем перед глазами. Труднее уметь отвечать за другую жизнь, уметь не фальшиво предавать в волю Божию жизнь близких. Это трагический вопрос Ивана Карамазова о страдании ребенка⁸. Но Алешу и этот вопрос не испугал. Христос тоже был ребенком Божиим и пошел и был послан на Голгофу за все вопросы и за всех людей.

Нас с мамой порадовало, что ты чаще с Лялей и что у вас и просто и хорошо. Дай Бог, чтобы все было хорошо, я был бы очень рад и утешен. И, конечно, все может быть хорошо, если будет смиренномудрие.

Да! «Боткин зажирел» (а судя по письмам Герцена 60-х годов, просто сгнил со своей гастрономией)⁹, Тургенев съезжился¹⁰, Анненков забарствовал¹¹. Но в связи с этим тем более интересны «Инженеры-бессребреники» Лескова (том IV п.с. соч. 1902 г.), которые не зажирили. Без них галерея лишних людей неполна и тем самым неверна. Прочти.

Кстати, история третьего из инженеров — Фермора¹² — в некоторой части впадает в твою проблему об «интеллигентной ложной совестливости», о границах, которые нельзя сдавать «из деликатности». Фермор был, конечно, и действительно как-то больной и не все должно от него приниматься буквально, но в то же время он выразил определенную правду. Оказывается, он именно дал материал для «Доктора Крупова» Герцена¹³. Это предел честности души лишних людей 30-х годов 19-го века. Все дело, очевидно, в том, что любовь к людям («деликатность») не должна вытеснять в душе любви к Богу, т<о> е<сть> к «принципу», к «идее», к Истине.

Но в том-то и несчастье наше, что Бог в душе нашей чаще всего только схема, а не живая и животворная плоть и кровь. И потому-то, чем более он плоть и кровь, чем горячее в нас любовь к Нему, тем тверже мы за сохранение своих границ, своих идей, всего того, чем мы живем в Нем и от Него.

Если мы не хотим огорчить своего собеседника-человека, то, с другой стороны, разве мы можем оскорбить своей изменой живущего в нас Бога? Тут антимония только видимая, а по существу, — если твердо и ясно утверждается в душе отношение к Богу — то и антимонии нет. Людям из деликатности многое уступается, но не во имя интеллигентности, а во имя Божие, не по мягкотелости, а по любви, всегда памятуя, что Бог есть причина и источник всякой любви и что тем самым эти уступки оправданы только тогда, когда они как-то ведут к славе Божией, а не к его оскорблению. Собираемое в душе сокровище надо очень беречь.

Целую тебя, Николаша, и Лялю. Дай вам Бог всего хорошего, светлой весны.

Твой п.

О получении 200 руб. я извещал в прошлом письме.

№ 89. Н.С. Фуделю
14 IV [1952, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

Спасибо тебе очень большое за письмо от 8—9 IV. Очень меня оно порадовало, и мне стало стыдно, что я тебя своими письмами обеспокоил. Твое отношение ко мне — самое большое для

меня от тебя «дело», большая и «нечаянная радость», которой я так дорожу. Эта связь, конечно, крепче чисто физиологической родственности, это уже «залог жизни вечной», неразрывности наших путей в вечности.

Этим ты и поддерживаешь меня, мою действительно немощную душу. Душа может быть крепкой только в чистоте, в правде, в мужественном держании себя в духовном здоровье. Когда его нет, она расслабляется, она действительно заболевает. Испытав и испытывая на себе ее болезни, я поневоле кажусь слишком серьезным.

То, что тебя эта моя черта не пугает, то, что ты с такой бережностью и любовью относишься к моим мыслям и чувствам, очень мне дорого. В «унисон» не надо петь даже и с самыми близкими, но к «встрече» надо всегда стремиться, — из пустыни в землю обетованную.

Мы живем совсем дружно. Мама отдыхает, Варенька поправляется, сегодня вечером нормальная температура. Готовимся к Пасхе, мама делает одну Пасху и два больших кулича, Варенька уже прилаживается красить яйца. Погода чудная, вешние воды, как всегда, хороши, с ними вечная молодость, память о прошлом, но память радостная и утверждение настоящего.

Получил ли ты письмо к тебе и Ляле? (в письме к Маше).

Целую тебя дорогой мой.

Христос воскрес!

Твой п.

№ 90. Н.С. Фуделю
18 IV [1952, Усмань]¹

Спасибо, дорогой Николаша, за посылку и 100 р. Все пришло как раз к Пасхе и еще больше утвердило нас в радостном ожидании Праздника.

На душе хорошо, хоть и трудно, но без трудности и не бывает хорошо. Светлый Праздник всегда после зимы.

Обнимаю тебя, дорогой мой. Храни тебя Бог.

Сегодня, наверное, будет от тебя письмо.

№ 91. Н.С. Фуделю
20 IV [1952, Усмань]¹

Милый мой друг Николаша.

Обнимаю тебя и поздравляю с Праздником. Христос воскрес!

Сегодня ночью, после начала пасхальной службы, первая мысль была о тебе и я благословил тебя в темноте ночи огоньком свечки. Мы были с мамой, но недолго из-за многолюдства и по-

шли домой к Вареньке. Огонек свечки я донес до дому, и мы нашли стол убранный всеми подарками, куличом и крашеными яйцами, а Вареньку одетую, но сладко спящую.

Ее разбудили и начали столь же сладко есть и пить. Варенька получила в подарок от нас большой пестрый мячик и кошелек и была всем очень довольна. Помимо всего, в доме есть ее сверстница и Вареньке весело. Она поправилась. Мама тоже здорова. Сделала пасху и целых три кулича, так что у нас полное благополучие.

Читал им Лескова выдержки из «Левши», «Однодума» и целиком «Ангела»², очень всех порадовавшего (ты по недоразумению его не оценил). Достал в библиотеке «Пиквикский клуб», а «Святочных рассказов»³ нет. Живем мы втроем дружно, радуемся этому неожиданному отдыху.

Мама стала лучше выглядеть и, если соблюдает голодную диету, здорова и весела. Лучше всего на нее действует кислая капуста. Конечно, в мае ей придется ехать обратно, делать все дела⁴. Мы прекрасно понимаем и твое и Машино положение и совсем не хотим возлагать бремена неудобносимые. Продажа, конечно, затянется на все лето. Жаль, если будет не использован участок. Я уже писал, что получили 100 р. телеграфом и посылку. Ее содержимое очень порадовало, но, кажется, что-то похищено. Получили: геркулес, бел<ую> муку, куклу, завернутый подарок от т<ети> Нины, очки, дионин, коробку пастилы и «театрального горошка», писч<ую> бумагу и воблу. Лучше, конечно, посылки зашивать. Варенька была очень рада кукле, а я очкам.

Одновременно пришли 200 руб. за аренду, а остальные 200 руб. оставлены на уплату налогов. Мама писала об этом Марье Мих<айловне>. Деньги у нас есть в достаточном количестве, т<ак> к<ак> Варенька еще получила в подарок из Москвы. Твое письмо ко мне и маме пришло вчера и очень нас порадовало. За последний год мы все больше сблизились, теплее почувствовали друг друга и тверже поняли, что только «Дух животворит», что только духовное единство скрепляет цементом связи семьи. Духовность эта не аллегорическая, а буквальная. Тщеславие, неприязнь, раздражение, раздоры, — это все тоже «плоть», преодолеваемая духом любви и мира.

Человек, еще живя в этой брэнности, должен прорастить в себе семена будущей жизни, уже теперь начать в себе эту будущую жизнь. Это начало — муки родильницы и предначинание блаженства величайшего творческого акта.

Мы ничего никогда не знаем, кроме того, что плачем и что в этом плаче радость созидания.

Каждый из нас, в семье, дан для другого и как поддержка и питание и как испытание терпения и любви, как путь, через который надо пройти или всегда идти рядом. Поэтому всякий раздор между нами особенно нетерпим. Его совсем нет и, даст Бог, никогда не будет. Даст Бог, будет всегда то, что сейчас есть: любовь.

Целую тебя, мой милый Николаша, очень крепко. Спасибо за письмо. Целую Лялю.

Твой п.

№ 92. Н.С. Фуделю
27 IV [1952, Усмань]¹

Дорогой Коленька.

Отвечаю на письмо от 23 IV. Я тебе писал и после встречи Праздника², но письма разошлись. Мы очень хорошо жили и живем. Мама и Варенька здоровы и веселы, погода стала прекрасной, даже меня потянуло в поле, в лес, к первым подснежникам. Сегодня были на базаре, здесь это еще в чем-то «Сорочинская ярмарка», — ярко, красочно, шумно, и в душе укладывается почему-то весельем и бодростью.

От Сони Лебед<янской>³ получили опять приглашение, и одновременно мама начала поиски в Графской⁴. Что-нибудь определится в ближайшие $\frac{1}{2}$ месяца.

Про то, что пришло в посылке, я уже тебе писал. Очевидно, что все пришло и наше подозрение неосновательно. За очки я очень благодарен. Жалко, мало бумаги и крупы, которая здесь только на рынке и дорогая. Спасибо тебе за хлопоты и труды, спасибо Тамаре и Нине за очки. (Нине я писал.)

Маша что-то совсем не отвечает, а мы пишем больше на нее.

Сейчас ничего не читаю или изредка что-нибудь на общую потребу. Прочти Лескова «Инженеры-бессребреники» (IV том), это 30-е годы. Как диссертация? Как бы я хотел тебе помочь!

Целую тебя мой, милый Николаша. Прости, что мало пишу. Рассеяние, всякие хозяйские дела. Хотелось бы сидеть в избушке у темного леса и читать Слово Божие.

Дай тебе Бог всякого благополучия!

Твой п.

№ 93. Н.С. Фуделю
30 IV [1952, Усмань]¹

Милый мой Коленька.

Думается о тебе в этот тихий вечер, хочется, чтобы было тебе хорошо, ясно, светло, — чтобы было благополучие и семейное, и душевное. За многое я тебе благодарен. Вот еще и за эту новую посылку от 25 IV. С такими вкусными конфетками, что Варенька

просияла. Она ужасно слабенькая: то здоровая, то опять что-то случается с ней. Очевидно, что главным образом это сердце дает эти колебания. Вчера ходили мы первый раз на речку (Усманка) это с $1/2$ клм — смотрели, как по тихой голубой воде плыло утинное семейство, как плескалась рыба, как около берега крутились головастики, а на берегу лежали выброшенные полой водой корни водяных лилий.

Получили мы сегодня следующее: мешочек геркулеса, пакет с рожками и два пакета с вермишелью и лапшой, воблу, конфеты в коробке, пакет с пастилой и отдельно кусочек кекса, авоська, бумага наждачная (особая благодарность мамы), чай, лекарство, материя голубая. Кажется, все. Мы были очень обрадованы и благодарны всем. Мама и Варенька пишут Тамаре. Мама сейчас сидит против меня, вяжет для Тамары кофточку и велит мне написать, что она поправилась, что она отдыхает и что ей хорошо. Она, правда, кажется, поправилась, часто весело смеется или поет с Варенькой, глаза веселые и спокойные. Впереди темнота, но настоящее светло.

С Варенькой занимаюсь даже и тогда, когда она слегка болеет. И мне живется хорошо. Я думаю, что если бы мне не было хорошо, то и маме не было бы так, как ей сейчас: наши жизни слишком срослись, как растения, и как бы мы ни шли в своей жизни, мы идем вместе, — или спотыкаемся вместе, или вместе радуемся светлomu пути.

Может, под конец жизни тропинка пойдет под уклон и нам с ней будет все легче и все светлее.

Она много думает о вас (тебе и Ляле), беспокоится и, наверное, больше меня понимает и помогает вам (своим пониманием). Теперь она мечтает о знакомстве и «преодолении» Лялиной мамы². В мае, т<о> е<сть> скоро, она собирается к вам. Вернее, ждет, что вы ее вызовете при появлении серьезных покупателей.

В Графскую³ она ездила, но ничего не нашла, а здесь на днях нашли $1/2$ дома очень подходящие, крепкая стройка и цена доступная. К сожалению, нет сада, а только огород.

Через своих инвалидов⁴ получаю 3—4 сотки земли и на днях буду сажать картошку и капусту.

Целую тебя, Николаша, целую твою Лялю. Дай вам Бог всякого благополучия.

Прости, что такая бумага⁵, иной нет.

Твой п.

№ 94. Н.С. Фуделю

4 V/1952, Усмань¹

Милый Николаша.

Пришло письмо от 30 IV. О получении 2-й посылки я уже пи-

сал тебе (в письме к Тамаре). Все получили с благодарностью. Дошло ли до тебя это письмо? И получил ли ты письмо именное после пасхальной заутрени?²

Радуюсь за тебя, что у тебя хорошо с Лялей, что она тебя тянет не вниз, а кверху.

Люди в браке — это что-то вроде двух связанных и брошенных в воду: каждый может утянуть другого в смерть и в то же время каждый может спасти, несмотря на «связанность».

Конечно, как сказал апостол: «лучше человеку быть одному», но если он уже не один, то он или спасается, или погибает через другого³. Долготерпение, т<о> е<сть> твердость в надежде, в уповании, здесь нужно больше всего. В долготерпении уступай, там где нужно, и в долготерпении же не уступай, там где это нужно, сохраняя и в неуступчивости благость, т<о> е<сть> доброжелательство и смирение. Всегда — и уступая и не уступая — считай себя искренно ниже ее. Тогда все будешь делать не ради тлена, а ради Христа, и он сам научит тебя всякому деланию.

Мы живем хорошо, все здоровы, сыты. Но, конечно, чем дальше идет время, тем беспокойней за наше устройство. В Усмани был один дом совсем подходящий, но не вышло (они раздумали). В Графской⁴ есть один, но не дешево (21—22), и пока наш дом продастся, вряд ли этот уцелеет⁵. Еще есть перспектива к Соне. Но мама боится, что у нее она будет больше оторвана от тебя и Маши. Если в Графской — она хочет и Тамару перевезти на лето. Она полагает, что, может быть, ты потом переведешься в Воронеж, а, может быть, и Маша будет в нем кончать.

Сейчас еще предпринимаю посадку картофеля и в связи с этим и поездками недостаток денег: прошу тебя, сделай, что можно, чтобы арендные деньги перевели как можно скорее. Мама на дорогу к Соне надо рублей 60.

Целую вас, милые мои, Николаша и Ляля.

Твой п.

№ 95. Н.С. Фуделю
6 VI / 1952, Усмани¹

Дорогой Николаша.

Мы прожили здесь 2¹/₂ блаженных месяца². Был отдых за несколько десятков лет — так было хорошо. Теперь предстоит опять странствие в новые места и некоторая неизвестность. «Жизнь прожить — не поле перейти» — на все надо терпение, и если могло быть так хорошо сейчас, то, значит, может быть еще лучше в будущем. Я так рад, что мамыны глаза были здесь спокойные и веселые, что она отдохнула — это такая для нее ред-

кость. Теперь перед нею опять труднейшие дела, неопределенность, физическое изнеможение, безденежье. Единственно, что ей обещает полное утешение, — это богослужение в Лавре.

Я ездил в Лебедезь³. Там город похуже, но все же больше расчета ехать туда, чем сидеть здесь, где нет ни работы, ни домов. Твою записочку получил, приехав. Может, в Лебед<янской>, в библиотеке будет что-нибудь — не надо ли просмотреть «Звенья», «Литератур<ное> наследие» (ведь там Боткин о Рудине?) или старые журналы — напиши. В «Русской Старине» 1881 г. есть воспоминания Як. Неверова, где он описывает свое посещение Сарова и преп<одобного> Серафима. Неверов, кажется, больше всего влиял на Станкевича⁴.

О тебе по-прежнему часто думается. Конечно, жизнь твоя будет трудная внутренно, но ведь «многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие»⁵. Против этого закона ничего не сделаешь. Ищи только всегда и неустанно духовного утешения, чтобы ум и сердце были не сухими, а точно напоены вином. Пути к этому давно указаны. Вот — пережить в церкви Троицын день, — пройти по дороге цветов, когда в окна видна уже летняя лазурь, когда кругом тепло от свеч и людей, когда чувствуешь себя в человечестве, уже обретшем свое торжество, в человечестве, торжествующем сошествие Духа.

7 VI

Церковь и есть это торжествующее человечество, и если идти последовательно дорогой любви к человечеству, то обязательно придешь к Церкви.

Апостол говорит, что Церковь есть «полнота Наполняющего все во всем»⁶ — т<о> е<сть> полнота всенаполняющей бессмертной жизни, о которой догадываешься, когда среди тепла церковной молитвы вдруг увидишь в окно голубое небо.

Ищи Церковь! Ищи счастливое человечество. Оно начинается в духовном общении между двумя-тремя: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»⁷. Вот почему так драгоценна пчелиная ячейка семьи, если только она собирает мед вечности.

Как только из сытости материи человек начинает вырываться в простор духовности, его сейчас же ожидают духовные встречи с людьми, он начинает вступать в человечество, торжествующее в Церкви.

Много есть разных как будто дней в Церкви. Но в день Сошествия Св. Духа, т<о> е<сть> в Троицын день, прежде всего ощущается торжество человека, природы и мира и о нем только и говорится. И тебе мне хочется только о нем сейчас говорить. Мне хочется, чтобы в этот день и ты, забыв о делах, о ложном стыде, о

грехах своих и чужих, стоял в солнечной церкви вместе с народом на коленях, с цветами или березкой в руке и слушал Троичные молитвы.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! Да будет на тебе благословение Божие и цветы земли — Церкви Божией — да цветут в тебе и ныне и веки.

Твой п.

11 VI

Николаша. Среди моих оставшихся книг есть «Добротолубие»⁸ — несколько томов. (Один из них, кажется, на самом верху полки, остальные в самом низу налево?) Прошу при возможности переслать их мне. Маму я тоже о них просил.

№ 96. В.М. Сытиной
20 VI [1952, Лебедянь]¹

Дорогая Веруша.

Пишу из Лебедяни 2-е письмо. Отсыпаюсь после дороги, приехал я 18-го. Твое письмо меня встретило. Соня² добра, хотя временами трудна. Сейчас начну прописку, — сначала она хотела пока как на дачу, но потом все разрешилось так, как следует, т<о> е<сть> постоянно. Одновременно уже начал смотреть дома. Вчера видел сруб в городе — оказался неподходящим. Был на лесном складе — там полно лесных материалов: бревен, досок, теса, дранки и т. д. с совершенно свободной продажей населению. И в Загорске должно быть тоже — это Лесторг, ищи его у себя. О даче для Тамары Соня выражает определенное желание, чтобы она была здесь же. Возможно, что имеет значение то, что за это она получит плату. В саду (в уголках его) очень тенисто, цветет чудесный гибрид пиона с розой, есть замурованный пока балкончик (к сожалению, он каменный), комната на юг, кругом дома тишина (окраина, но, кроме того, есть здесь одна улица (Покровская), на которой вроде Тарусы (над Доном) приезжают дачники из Москвы).

Туда пойдет к знакомой своей М. Ник.³ узнать, и я сейчас же напишу.

Есть еще продажные $1/2$ дома, но надо идти тоже с М.Н., а она с 5 утра до 1 часа ночи как старая белка (21 сотка огорода, вода за $1/2$ км, дом, Соня и т. д.).

Проходил по мосту, видел вчера хороший пляж. Все же это Дон, а не Усманка.

Если бы ты видела, как со мною прощался совсем упившийся А.В.¹⁴ Город (здесь) во 2-й приезд показался лучше, чем 1-й раз⁵, хотя все же хуже Усмани: там менее пыльно (но около Сони пыли нет).

№ 97. Н.С. Фуделю
24 VI [1952, Лебедянь]¹

Дорогой Коленька.

Чиню подвал, как заправский плотник, потому в руке перо лежит плохо. Но писать к тебе хочется и очень хочется тебя сильно поругать. Меня тревожит твое теперешнее состояние. Дело, конечно, не в Абрамцеве. Я не о нем и говорить хочу. Уйдешь ли ты или нет — не в этом дело. «На всяком месте владычества Его — благослови душе моя Господа!»² — Но как благословлять, когда в душе нет благословений? Как радоваться всякому даянию Божью, когда в душе злость и холод? Вот ты не только Пахомовым³ недоволен, но и Лялей, а это уже дело серьезное. Может, и она отнимает у тебя аспирантский день? Ты скажешь: «я не на нее, а за нее недоволен, мучаюсь тем, что не могу для нее создать ничего, из-за условий службы» и т. д. Неужели ты думаешь, какие бы то ни было условия могут создать счастье семьи без внутреннего мира, без той радости, которую посылает только Бог. Мир Божий, созидающий и семью, лежит не на окладе, а на острие меча, — на страдании и терпении любящего сердца. Ты пишешь: «Лялю я многом не понимаю... А жалею я только тогда, когда понимаю».

Как же нам жалеть других, когда мы, несмотря на все наши труды (твои — со службой или мои — с подвалом, крышей, огородом и пр.), жалеем главным образом себя. И «понимать»-то мы хотим часто только для того, чтобы оттянуть (на процесс понимания) необходимость жалеть.

«Понимать» нам нужно собственно только одно — это, как мне сказал лет 30 назад один мой старец: «мы с тобой просто говно». Это вот и есть «познай самого себя», в этом и есть начало самоспасения = самосознания. Чего нам дальше «понимать»? Как еще сказал один человек — «христианство [жизнь] не поэма, а великий труд»⁴. Вот мы и должны этот труд вынести, в поту терпения, с мужественным сердцем. Я не закрываю глаза на твои трудности, и прежде всего на трудности семейные. Синяками и кровоподтеками я дознался, что мира семьи нет вне мира Божия, а он дается как милость и дар ни за что, после того как непрестанно ищешь его. «Стучите и отворят вам»⁵, но если не стучать, то и не отворяют. У вас нет общей радости веры, вы вместе не стучите. А стучишь ли ты отдельно? Твое положение очень трудно, потому что ты, во-первых, сам почти не «стучишь», а, во-вторых, все-таки знаешь, что только в этом ваше общее душевное спасение.

Но что сделано, то сделано, такой великий шаг не мог быть случайностью. Раз ты пошел на брак, не удостоверившись в возможности его духовной прочности в Боге, в вечности, то, значит, ты возложил на себя труд, который нужно хорошо нести.

И мне кажется (хотя я почти не знаю Лялю), что она тебе в этом труде не помешает, хотя, допустим, и не будет в нем сначала участвовать. Тебе дано больше, а потому больше и спросится. У тебя есть сокровище, — береги его для нее. Переходи или не переходи из Абрамцева, но прежде всего борись со всякой злостью, всяким холодом, всякой духовной ленью. Где бы ты ни жил — ищи над собой «лазурь вечности»⁶, и только в ней ты найдешь и отдых и дружбу.

Я вот крышу покрасил и загордился. И ты, наверное, гордишься, а отсюда и рефлексия.

Плюнь на это, Коленька. Я знаю, что тебе трудно, но я уверен, что Господь тебя не оставит, если сам ты будешь взывать к нему. Вот это действительно важное дело. Скажу еще. В семейной жизни всякий шаг в поисках духовности особенно труден, так как малейшая фальшь тут же разоблачается во всех бытовых мелочах (фальшь того, кто ищет), тут всякое рудинство карается тотчас же. Здесь нужна ясность и простота солдата.

Храни тебя Бог.

Получила ли Ляля письмо от мамы?

Целую вас обоих крепко. Да сохранил вас Бог для своей вечной жизни.

Твой п.

№ 98. Н.С. Фуделю

19 VIII [1952, Лебедянь]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за небольшое письмецо. С удовольствием делал бы что-н<ибудь> для тебя по Рудину², а вместо этого погрузился в ремонтные дела и трудные и беспокойные, бегаю, обливаясь потом, по городу в поисках материала, волнуясь с печниками и пр. Если найду материал, то к зиме будет две хороших теплых комнаты, впрочем, они уже будут, т<ак> к<ак> печь сделана.

У окон на улице клен, липа и тополь, одно окно на 10 сот<ок> сада. «Соотношение» с т<етей> Соней³ сложное и трудное, но, как сказал один человек, «все хорошее бывает с трудом». «Стерпится — слюбится».

Так рад, что пожил хоть месяц с Машей⁴. Теперь опять надолго.

Пишу сейчас очень мало, т<ак> как ее отъезд совсем неожидан (из-за билетов) и сейчас уже около 12 ночи, а завтра она в 6 утра уезжает.

Как кончу ремонт, возобновлю попытки устроиться.

Целую тебя, мой милый, и Лялю. Дай вам Бог совсем не ссориться и хоть раз в неделю отдыхать от дел своих. «Шесть дней делай и сотвори в них вся дела твоя»...⁵

Сегодня мамин любимый праздник — Преображение⁶.

Твой п.

Эстетич<еские>взгляды Т<ургенева> в эпоху 1-го романа есть в письмах к Виардо и (кажется) Ламберт⁷.

№ 99. Н.С. Фуделю

28 VIII [1952, Лебедянь]¹

Милый Николаша.

Спасибо тебе и Ляле за письмо от 26 VIII. Это плохо (особенно для Ляли), что у тебя характер становится хуже. А я думал, он лучше. Я чувствую, что «гвозди, бечевки и старческие истерики» вместо «золотого руна» литературной работы даются тебе для выработки себя, для «огненного испытания», чтобы сделать из тебя человека, — а ты все это отталкиваешь. Я вспоминаю: один ученик пришел к старцу в пустыню и просил его принять. Старец для испытания дал ему надолго такую работу: носить на гору камни и оттуда катить их вниз и потом опять носить их же. Ученик, наверное, думал, что ему дадут петь гимны, а вместо их пришлось делать бессмысленное и скучное дело. Так сразу в воспитании «брали быка за рога». Научиться жизненному терпению, снисходительности к людям, научиться осуждать грех и глупость, но не осуждать людей, их совершающих, а главное, быть настолько погруженным в свой личный мир («Есть целый мир в душе твоей»)², что не замечать нелепости обратного скатывания камней или Па-Пузинских³ истерик, — все это для тебя важнее даже интереснейших писем Аксаковых. В этом для тебя настоящая школа, первый пробный камень.

Я только не знаю, можно ли пройти ее, если не умолять Бога все время о помощи?

Ты пишешь: «конечно, я преувеличиваю». Ты несколько не преувеличиваешь, но ты неверно сам себя ориентируешь: трудности очевидны, но именно к этим трудностям тебя призывает Бог, именно в воспитании себя среди них твой подвиг, или труд, в данное время. Может, пройдет сколько-то лет и твой труд будет совсем в другом, ну, допустим (я говорю наугад), чтобы не изменить своему браку или чтобы победить тщеславие.

Поэтому — не беги от своего труда, носи свой крест.

Но в том-то и дело, что все это только тогда и делается понятным и облегченным, когда освещается светом Креста.

Бог тебе поможет, милый Николаша, только всегда ищи Его помощи и не забывай Его Крест. Тогда и пройдешь свою жизнь по Его милости. Об «отцах и детях» не очень смущайся и размышляй, и я тоже буду стараться, чтобы не огорчаться зря. Если Бо-

гу угодно, то все придет в свое время, и понимание друг друга тоже. Я только хотел бы сказать, что не к 19-му и не к 18-му веку зовет нас Бог, а сразу к 1-му: к первохристианству, к первоначальному теплу Богообщения.

Если оно есть — то какое значение имеют века?

Но все дело-то в том, что его у нас бесконечно мало и только поэтому для нас и встает проблема «отцов и детей». Если христианство-Евангелие — станет в центре сознания, начнет как-то определять мысли и дела человека, то для того человека всякий другой искренний христианин никогда не будет ни в «отцах», ни в «детях», а он будет только братом. Я лично знал многих совсем молодых (моложе тебя) христиан и между нами не было этой проблемы. Священники в один из наиболее священных моментов литургии целуют друг друга и говорят: «Христос посреди нас»⁴. Так и мы, встречаясь и глядя в глаза друг другу, можем (быть может) сказать это и ответить: «И есть и будет», — чтобы радость нескончаемой жизни опять коснулась сердца. Человек сам по себе, оставленный на самого себя, т<о> е<сть> человек без Христа, видит вокруг себя одних врагов или создает их себе, с ними борется и от них изнемогает. Христос снимает это наваждение, у человека открываются глаза на мир и на людей, как на детей Божиих, в темноту сердца падает луч Пасхи. И проблема «отцов и детей» забывается начисто.

С Машенькой⁵ я, слава Богу, хоть немного пожил, правда видался хоть и часто, но только когда приходил к ним в гости (со мной жила т<етя> Нина, а Маша у Тамары)⁶, но и это хорошо. Ты спрашиваешь меня о ней, пишешь, чтобы я не боялся «лыж»⁷, что они для нас просто непривычны. Но что в них может быть больше хорошего, чем в символистах. Конечно, может быть. Но что это «новая форма» — я не согласен. И мы в молодости увлекались «лыжами», а Вронский⁸ еще задолго до нас увлекался скачками, — это все старое, изведенное, нового здесь ничего нет.

В чем же здесь суть? — (спрашиваю я себя). В том, что некое «безразличное», т<о> е<сть> и не плохое и не хорошее само по себе явление, как эти «лыжи», делается плохим оттого, что начинает занимать в жизни человека больший удельный вес, чем это нужно.

Я желал бы Машеньке только этого: правильного соотношения удельных весов, большей серьезности, большей скромности. Нельзя безнаказанно расплескивать себя во внешнем — в занятиях, в спорте, в развлечениях, да еще с ужасным аккомпанементом трудностей и суеты в ежедневных поездках. Но прежде всего мне ее ужасно жалко, так горестно жалко, что она, бедный глу-

пый Мурзик, и все так сложно и трудно, и она самая незащищенная. Ты не очень увлекайся прелестью ее беззаботного трещанья, а больше будь ее действительно старшим братом. Твои акции у нее высоки — это значит, что и на тебе лежит ответственность. Она за этот год у Тамары больше узнала серьезную музыку, и это уже заметно, как положительная черта. Мы иногда здесь хорошо сидим вечерами втроем с Тамарой, которая читала нам некое <орые> стихи Фета, и я понял, почему Чайковский приравнивал его к Бетховену⁹.

Я особенно рад, что пожил этот месяц с Тамарой. Я скажу, что я, пожалуй, мало ее еще знал до сих пор. И тревога за нее и почти ужас, когда видишь, как сознательно она вступает в тень смертную, и негодование на себя, отвращение к себе, когда чувствуешь, что так мало имеешь любви, чтобы помочь.

Коленька! Жизнь уж очень серьезное дело, — мало в ней может быть смеха, не до смеха нам.

Ты прав — я совсем погрузился в дела и заботы по новому дому¹⁰. Ничего еще не сделано, кроме печи, еще нет материалов, до сегодняшнего дня не было денег (сегодня пришли 500, а привезенную Тамарой 1000 я давно истратил на печь, камень для крыльца и кой-какие материалы), с Соней отношения еще не «отрегулированы» — много самых серьезных беспокойств.

Тамара только несколько окрепла, но поправки для ее болезни никакой нет.

Целую вас обоих, милые мои. Спасибо за память за ласковое письмо.

П. (еще пока живой анахронизм).

№ 100. Н.С. Фуделю
9 IX [1952, Лебедянь]¹

Милый Николаша.

Я так обременился разнообразными делами ремонта и устройства нового жилья, что ничего тебе не пишу, кроме письма, посланного с Тамарой². Но и от тебя ничего нет давно. Тамара приехала в Москву 3 IX, и уже 6 дней, как нет никаких известий, — хоть бы открытку прислали, что доехали!

Мои дела сводятся главным образом к беганию за разными материалами, высиживанию на складах, поискам транспорта и т.д. Здесь горы и это трудно. Потом — волнения с Соней³, волнения с печником и пр. Еще счастье, что погода благоприятная. Но как только отступит суета — все хорошо. Варенька начинает поправляться от фруктов и воздуха. Мама⁴ приехала в очень запущенном виде, с бессонницей, голов<ными> болями, кашлем и болями в пояснице, но и она стала укрепляться. Сначала ей было

многое здесь в доме непривычно, но потом, я вижу, она привыкает и одобряет.

Здесь в доме совершенная тишина и старые стены, и этим покрываются изъяны. Но так как они все же дают о себе знать, то весь этот процесс приспособления к новому жилью совершается медленно. Варенька на днях начала ходить в школу. Я, как только кончится ремонт (через месяц), буду искать опять работу. Мама собирается солить капусту, мочить яблоки. Еще предстоит заготовить топливо. После ремонта в комнатах будет, наверное, хорошо.

Сейчас пришло твое письмо от 6 IX. С деньгами⁵ не знаю как быть. Конечно, ужасно давать 2% за перевод. Но так или иначе мне надо перевести 4400, а остальное передать Соне. Сделай так, как будет дешевле. Может быть, дешевле и скорее их взять и привезти?

Я, Николаша, что-то устал, одурел и остарел. Ничего толком не смыслю и огорчаюсь, что и тебя ввожу в эти бестолковые дела.

Спасибо за письмо. Я и не думал сердиться. Если мама дает поручения, то, конечно, надо на их стоимость уменьшить перевод.

«Сурового они бояться и отталкиваются». Почему-то во втором слове верно, а в первом с Ъ

Прости эту ремарку. В голове тес и дрова, и плохо сделанная печь.

Только когда затихает — выключается электричество и видны звезды.

«Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень.
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился незаконный день.

(Фет!)⁶

Вот это то монашество — жизнь «по звездам» — «отречение от мира» вещей, денег, костюмов и городских увеселений — к которому каждого из нас зовет Бог.

«Суровость» ли это?

Ну вот, общий очерк наших дел. Голова устала, а ноги еще больше — хочется только крепкого чая. Хорошо прожили здесь с Тamarой и Машенькой. С Там<арой> я просил тебя перевести мне поскорее 500 р. Мы живем сейчас на Сонины средства. Мама привезла с собой 300 р., которые тут же ушли на тес. Если ты еще не переводил эти 500 почтой, то сделай это так: для ускорения пошли 500 почтой, а 4000 рублей перечислением на сберкассу № 3850 г. Лебедянь, счет мой № 9839. После этого на твоей книжке останется примерно 16 000, коими будет распоряжаться Соня. Она на днях едет в Москву, и тогда тебе придется исполнить ее поручение, т<о> е<сть> передать ей ту сумму, которую она укажет в пределах оставшихся 16 000 или наличными, или аккредитивом.

Имей в виду, что Соня относится к нам очень сердечно и, преодолевая все свои 60-летние привычки, старается делать для нас многое, обещая упокоить нашу старость. А потому прошу тебя, будь с ней ласков. После того как ты переведешь ей, сколько она пожелает, ты напишешь мне об остатке (если он останется), и мы договоримся, как делать дальше: переводить ли все на мою книжку или как-нибудь еще. 100 рублей надо отдать Муне.

Очень тебя прошу сделать перевод мне 4500 (или 4400, за вычетом Муни) как можно скорее — меня осаждают рабочие.

Целую тебя и Лялю.

Твой п.

Соня может взять все 16 000 сразу.

№ 101. Н.С. Фуделю
15 IX /1952, Лебедянь¹

Дорогой мой Коленька.

Спасибо очень большое за 600 р. почтой. О получении 200 тел<еграфом> я уже писал в Абрамцево. Я здесь почти совсем потерял голову: сделанная и вновь сломанная печь, горы мусора в комнате, холодная погода, отсутствие денег, большая мама (почки, зубы и глаз), неустроенная Варенька² и неопределенность с Соней. Помещение хорошее, но большое, а это в нашем положении тоже сложно: надо много топлива. Помимо всего — сознание, что деньги уйдут на ремонт и на жизнь не останется. Материал очень дорог, транспорт еще дороже. Я предполагал, что все обойдется в 3, а теперь вижу, что не уложиться в 4. Неудача с печкой меня сразила окончательно: это выброшенные 500 р. Перспективы с устройством моим или маминым не блестящие. В смысле самого ремонта я — смешно сказать — до сих пор заканчиваю вторично только печи (две) и закупил почти весь материал для плотника. Правда, купил еще машину торфа для топки и до дождя спрятал в сарай. На работу плотника надо (сверх присланных тобой сегодня 600 р.) примерно 1000 р. После этого останется еще крыльцо, калитка в сад и пр. еще рублей на 500. Вот после этих 1500 р. ничего и не останется.

Но нечего тебе еще забивать голову — пусть моя одна распухает. Внутри все-таки есть уверенность, что мы как-то устроимся, что «все обойдется». Лишь бы мама сейчас поправилась. Завтра она идет к зубному врачу, а с глазом ей сегодня, кажется, лучше. Варенька здорова, порозовела после бесчисленных яблок и груш, читает «Ниву» сейчас рядом со мной. Теперь о переводе денег. Мне нужно отдать 1000 р. Соне и до конца ремонта 1500. Итого 2500. Кроме того, надо закупить дров и картошки. Поэтому я прошу перевести мне 3500, после чего на счете останутся

деньги, которые мы должны отдать Соне за дом. Как перевести, я не знаю. Сколько стоит перевод по почте? Не те же ли 2%? Но по почте перевод скорее доходит, поэтому если это не дороже, то переводы почтой и, конечно, скорее (можно частями по 600—800 р.), т<ак> как плотники начнут работать наверное с завтрашнего дня, а когда нет денег, все делается весьма напряженным.

Прости меня, Коленька, — я может, совсем не так все делаю — и этот дом, и ремонт. Куда-то текут деньги, впереди еще громадные траты. Но как-то надо кончать основное: перегородки между комнатами и окна, закупить дрова и картошку. Тогда начну искать работу.

Перевод я получил через 3 дня — это довольно скоро. Так и переводы дальше, почтой.

Доехала ли Н<ина> Вл<адимировна>?³ получил ли ты посланное с ней письмо? О приезде Сони еще неизвестно. Может быть, приедет не она, а мама. О ее деньгах (16) напишем отдельно. В самые тяжелые часы неудач с печью я вспоминал, что существует Николаша и что, следовательно, все как-то устроится.

Целую тебя, мой милый.

Твой п.

Может быть, я написал неясно?

Переводи мне почтой 3500 р. в ближайшие дни, но если это удобнее, то можно и даже лучше частями.

Если же почтой перевод дороже, чем на книжку, тогда переводи 1000 р. почтой, а остальное на книжку.

3500 просит кроме 800 (200+600).

Я послал — 2000

У Тамары 1275 | Итого 3275.

Но! долги и покупки в Москве.

№ 102. Н.С. Фуделю и М.С. Фудель
7 X [1952, Лебедянь]¹

Дорогие мои и милые Николашенька и Машуня.

Хочется писать вам обоим вместе, так как душа стремится к вам, и хочется обнять вас обоих.

Мне моя неудача с устройством вдвойне тяжела от мысли, что это огорчение и для вас, что я этим точно обманул вас в чем-то, в каких-то ваших хороших надеждах, в мечте о родном доме².

Трудно все рассказать, тем более что в результате всего голова моя закрутилась и в ней больше всего какой-то отвратительной усталости. Мне стыдно за себя, и я постараюсь «воспрять». Утешаюсь известиями о том, что у вас все в общем благополучно, что вы здоровы и благополучны.

Пишу я тоже с какой-то усталостью — простите меня. Очень вас обоих люблю.

Мама теперь чувствует себя лучше и полна решимости меня лечить. У Вареньки уже с неделю температура 37,3, болят суставы, и она лежит, а когда окрепнет, придется ее отправлять в Москву³. Я, возможно, поеду в Рязань к психиатру⁴, т<ак> к<ак> ближе здесь нет, а мама непременно хочет меня провожать. Оставить Вареньку не с кем. Ну что ж! — все люди иногда болеют, и я могу поболеть, я это делаю редко. Бог даст, все обойдется, и придет такое время, когда мы опять будем вместе. Обещаю никогда вас не ругать, а только иногда косо поглядывать.

Жизнь трудна до самого ее конца, и до самого ее конца нужно нести этот труд, с верой в Бога и с любовью к людям.

Очень прошу вас быть дружными и не забывать мою любовь к вам.

Крепко целую вас и Лялю.

Ваш п.

Спасибо вам за письма. Вещей пока никаких не посылайте и часов Соне не покупайте.

№ 103. М.С. Фудель
10 X / 1952, Лебедянь¹

Милая моя Машунечка.

Спасибо тебе за письмецо. Прости меня, что все тебя огорчаю. Может быть, все еще как-нибудь устроится, если не у т<ети> Сони², то где-нибудь в другом месте. Здесь устроить именно то, что мы все хотим и любим, т<о> е<сть> свой угол, совершенно невозможно. Я сделал громадную ошибку и горько за нее поплатился³.

Но Бог действительно милостив и «свет не клином сошелся» на этом доме. Мучительно было разочарование, но теперь уже легче.

Мы едем в Рязань⁴, и поэтому Вареньку пришлось отправить к вам⁵. Может быть, мы будем там около месяца. Беспокоит эта новая нагрузка для т<ети> Тамары. Я просил Колю, чтобы он дал в хозяйство из наших денег⁶ рублей 300 на первое время, это надо сделать так, чтобы не обидеть т<етю> Тамару — посмотри за этим и предупреди Колю⁷.

Мама чувствовала себя совсем неважно, но теперь несколько лучше. За нее беспокойней всего.

Целую тебя, моя дорогая девочка. Как я рад, что прожил с тобой этот месяц!⁸ Твой п.

Т<етю> Тамару и Муню целую.

№ 104. Н.С. Фуделю
23 X / 1952, Лебедянь¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо. Сначала о вопросах. После ремонта у меня осталось много материалов, которыми я отдал долг Соне. Теперь я ей должен всего 270 руб.

Кроме того, я часть материалов продал другим, выручив рублей 400, так что деньги у нас сейчас есть. Твои 200 тоже пришли, а сегодня 100 р. от д<яди> Коли². Едем мы, наверное, завтра.

От Ляли я письмо получил, и ей тут же ответил на Дурновский³. Мама вяжет ей кофточку, и остались одни рукава.

С Соней договорились, что затраты по ремонту дадут нам право у нее жить во всяком случае зиму, но будет ли это, неизвестно⁴. Сейчас еще ничего не знаем, так сложилось, и внешне и внутренне. Есть надежда, что Господь устроит как-нибудь. Сейчас надо ехать лечиться. За всю жизнь впервые осознал себя сломанным и пока бесполезным, больным. Получил ли ты письмо с Варенкой? Мы едем к Андриюше⁵, улица Чапаева, 14, туда пока и пиши. Переводов пока не делай.

Знаю, что тебе трудноато живется, здоровье у тебя тоже плохое и характер неумный. Слава Богу, что около тебя Ляля. Ужасно, что ты поздно ложишься и много куришь. Я, впрочем, сейчас, от меланхолии, тоже покуриваю, но с обещанием прекратить при удобном случае. Как почувствуешь иногда, что зря уходят дни и часы жизни в раздражении или в табачном дыме, так холодно станет от страха и горчайшего сожаления.

«Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас»⁶.

Читал ли ты Золя: *Le Rêve* — Мечта?⁷

Мама сегодня рассказала содержание — очень интересно и неожиданно, так же хорошо, как фетовские стихи о звездах.

Но главное — утром и вечером ставить себя перед Богом и, снимая с лица паутину жизни, омывать его водою молитвы, чтобы, как сказано: «Да и в сонном безмолвии просветимся — зрением судеб Твоих»⁸.

Целую тебя, Николашенька. Дай тебе Бог здоровья, терпения с людьми, еще раз терпения с людьми и самозабвения. С меня пример не бери. Я вот все себя не забываю и других мучаю, и только в самой глубокой глубине, как птица в клетке, мечта послужить людям любовью Христовою.

Лялечку целую с благодарностью и за тебя и за себя. Кофточка правда вяжется, и очень хорошая.

Твой п.

№ 105. Н.С. Фуделю
I XII [1952, Лебедянь]¹

Дорогой Николаша.

Наконец-то пришло письмо! Мы с мамой так радовались, что чуть не прыгали, и читали с упоением. Впрочем, тут же назвали вас свиньями, т<ак> к<ак> из письма видно, что вы просто ничего не писали две недели, и только на радостях простили это свинство.

Деньги (400) получили. Предстоит покупка дров, т<ак> к<ак> во всяком случае до середины января придется сидеть здесь. Дальнейшее во многом зависит от того, что выяснится о работе мамы в Воронеже. В зависимости от этого я мог бы переехать в Усмань и еще поискать там что-н<ибудь> маленькое для покупки дома. Пока ежедневно хожу на уколы, которые закончатся числа 20 декабря. Чувствую себя получше. Весь лебедянский опыт², конечно, легче всего было бы отнести к чьей-нибудь глупости, но такая скорая классификация в жизни часто не годится. И сейчас многое трудно решить. Вот главное: здесь сейчас можно, по-видимому, купить за недорого крошечный домик (без участка), но на что жить? Забывая о будущем, осесть можно, но можно ли забывать? Невольно и мама и я связываем покупку с ее устройством на работу. Пока ждем конца моего лечения, комиссии³, ответа от усманских хозяев (о временной квартире)⁴. На все Сонины особенности плюнули и поэтому живем с ней мирно. В комнате тепло, есть хорошая плита для маминой готовки. С комнатой, куда предполагали уехать, ничего не вышло, да и к лучшему: меньше трат⁵. Живем, как на перепутье, в ожидании каких-то сдвигов и решений, но живем хорошо. Мама полна деятельности: все время вяжет, готовит, лечит меня, лечит Соню, лечит еще 2-х старушек и разбирает сердечные дела окружающих, к их полному удовольствию. Я, кроме колки дров и носки воды, пребываю в бездействии, чем она пользуется и заставляет меня читать ей целые вечера до хрипоты разные книги (Лесков: «Плодомасово», «Захудалый род»⁶ и т. д., Данилевского⁷ и пр.). Нас очень обрадовало, что ты уже купил для А.⁸ теплый жилет. Надо только поскорее ему его переслать. Узнай от т<ети> Нины — может, он придет или, м<ожет> быть, она будет посылать ему посылку. Все делай от себя. Я бы с великой радостью в чем-н<ибудь> тебе помог, но здесь в библиотеке ничего нет. Прочел ли ты передовую «Правды» от 30 ноября с. г. «Боевая задача литературной критики»? Там несколько абзацев о типизации. Я эту статью вырезал и, если нужно тебе, пришлю. Очень жаль, если тебе совсем не придется отдохнуть. Звать тебя сюда — язык не поворачивается, так как где ж ты здесь отдохнешь? И для маминых дел и для всего, конечно, хорошо было бы повидаться, но не лучше ли в таком случае приехать маме к тебе?

Напиши: получила ли Тамара мамино заказное? (в ноябре).

Очень бы хотелось — не повидать тебя, а пожить вместе долго. Краткость жизни нашей иногда вступает в голову. Давно ли это было, когда я переживал себя 30-летним, тоже писал стихи и прозу, тоже думал, что я «Несмертельный Голован»?⁹ Но ты не прав, что юность проходит. Проходят наши ноги какой-то путь, но сердце может все так же пить от того же источника юности. Старее душа от собственного хлама. Конечно, к концу дороги ноги могут быть сбиты и в сердце будет склероз, но и об этом мы предупреждены: «дух бодр, плоть же немощна»¹⁰.

Не надо думать ни о старости, ни о молодости, а только о том, чтобы до последнего своего издыхания «искать в себе Бога». Может, и найдем!

«Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь — не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус»¹¹.

(Ап. Павел к Фил.) Меня всегда так радостно удивляла (даже самая расстановка слов: «не достигну ли и я»). Здесь каждое слово откровение тайн жизни души.

Твоя любовь к Ляле и ее к тебе нас очень радует, успокаивает. Мы чувствуем, что она вся вошла в нашу жизнь. Ей, конечно, от этого будет не сладко, но, даст Бог, ты убережешь ее от ненужных страданий.

Целую вас обоих крепко.

Твой п.

Художественный отголосок типа рудинского Лежнева есть в романе 60-х годов Данилевского (Г. Петр.) «Новые места»¹². Интеллигентный землевладелец (Чулков), трудом «на русском «Клондайке» преодолевающий «лишнего человека». Роман сам по себе бездарный, но характерно веяние Лежнева «преодоления». (Сборник «Нивы» 1901 г.)

№ 106. Н.С. Фуделю и Л.И. Щербининой

11 I / 1953, *Лебедянь*¹

Милый Николаша.

Спасибо за письмо. Мы живем так же, как ты видел, в благополучии и мире. На следующей неделе у меня рентген желудка и комиссия², после чего можно собираться³. Здоровье то так, то сляк. Иногда подскакивает темп<ература> с подозрением на малярию.

Праздник⁴ провели хорошо, хоть и без елки, что для мамы было в первый раз в жизни. Как было у тебя с Лялей?

Все сильнее сердце тянется к вам всем, все сильнее чувствует свою радостную обязанность перед вами. Может быть, действительно можно быть полезным близким, даже ничего для них не

делая, а только одной любовью к ним и радостью о их жизни? Поддерживать если не любовь, то хотя мечту о любви, есть уже польза, есть уже дело в жизни. Всем холодно и, по мере своих сил отогреть дыханием воздух, в котором живут близкие, есть уже нечто. Мама этому меня учит, а я ученик на старости лет.

Тебя, наверно, учит Ляля, и ты не стыдись быть учеником. Напиши — получили ли письмо — Маша⁵ заказное от нас обоих и Муня?

Мама пошла на базар, а я сижу один в еще нетопленной комнате. Купим дров, чтоб хватило до отъезда, который будет после 20-го января⁶, так что ты успеешь прислать денег на дорогу.

Комиссия только 17-го. Продолжаем с мамой читать вслух. В такой тишине мы с ней впервые живем. Мне не хватает только какой-нибудь работы для тебя.

Маме надо сделать от вас подарочек. Ей надо на кофточку три метра теплой бумазейки, пестренькой, но «скромной», потом флакончик одеколона «Тройного» и гребенку частую. Приготовьте на случай, если она увидит вас после 20-го. Она связала еще кофточку, но эту, кажется, для продажа, и Ляле рукавицы. Мне коробочку Беломора и списочек книг, нужных для тебя — может, что-н<ибудь> найдется в Усмани. Знаю, что деньги текут, но Бог поможет и в будущем.

Целую тебя, милый мой Николаша. Будь мудр в Абрамцеве, а еще более будь прост, т<o> е<сть> незлобив.

Господь научит тебя.

Твой п.

Милая Лялечка⁷.

Простите, что редко пишу. Я стал ленив. Ваши письма нас очень утешают, и мы все более радуемся вашей любви. Чувствуем, что иногда Вам очень трудно, но нам кажется, что все-таки самое трудное позади. Вся жизнь — это борьба за любовь, и только для этого и стоит жить.

Но Вы уже главную борьбу совершили. Мы верим, что когда-нибудь мы будем вместе, и не я, конечно, — но Вера Макс<имовна> поможет Вам во всем дальнейшем. У нее «сердце милующее», т<o> е<сть> то, что нужнее всего для других.

Целую вас крепко.

Ваш п.

№ 107. Н.С. Фуделю
18 I [1953, Лебедянь]¹

Милый мой Коленька.

Спасибо за письма. Вчера пришло от 15 I, а сегодня от 9 I. Рад, что план² утвердили и что начал писать.

Хорошо бы хоть понемногу, но неотступно писать, тем более этот месяц, когда Пахомов³ в отпуске. Ведь чем ближе к сдаче дис<сертации>, тем ближе возможность для тебя как-ниб<удь> по-другому устроить свою жизнь. Письма твои очень хорошие, теплые, мы с мамой были так рады и так же рады были получить от Ляли. Спасибо вам. Мы все больше вас обоих воспринимаем как нечто одно. Очень сочувствуем Лялиным страданиям с поездками⁴. Ты в вечер ее приезда готовишь ли для нее чай? Бедной девочке, конечно, нужно было бы иметь не столько мужа, сколько маму, с глазами, которые ничего не требуют, а только спрашивают: «где больно?» и отстают. Не обижайся, это я подумал о том, как бы хорошо было, если бы вы жили рядом с нами, т<о> е<сть> с «мамой-Верой», она бы вам обоим помогала.

У нас гуся не было, но было все хорошо. Ночь была в звездах, и мама ходила к утрени одна, т<ак> к<ак> я запер дверь, т<о> е<сть> «домовничал». Вчера была комиссия⁵, теперь мы можем на днях уезжать. Едем в Усмань через Елец — Грязи. Дорога около суток, но как-ниб<удь> доберемся. Я чувствую себя крепче. Вещи, конечно, хорошо было бы задержать на складе до отправки их в Усмань⁶, но надо точно узнать — не пропадут ли они? Мы оттуда сейчас же напишем.

Я буду твердо лечиться дальше, чтобы поставить себя на ноги и чтобы (как мама грозит) быть готовым нянчить внуков.

Лебедянский период⁷ в результате возродил во мне самые «жизнеутверждающие» чувства.

До Диккенса я еще не дорос, а вот Шекспира читаю иногда с удовольствием. Впрочем, с еще большим удовольствием делал бы что-нибудь для тебя по выпискам, но мало надеюсь. Разве только в ворон<ежской> библиотеке⁸.

Много читать худож<ественной> литературы и не надо, а то получится что-то вроде ковырянья в носу. Лучше делать «обе-дики».

Но какая краткость и насыщенность сонетов! У нас, может быть, только Тютчев мог бы так написать. Уж не приврал ли Маршак?⁹ Ты не написал — получила ли письмо Муны от мамы и Тамары с вложением письма из Усмани?

Смеялись (и несколько ехидно) по поводу телефонного разгрома, высчитывая, сколько тебе лет и написана ли твоя диссертация. Вещей, конечно, опять много, купили ящики, будем зашивать и, что возможно, отправлять багажом. С Соней¹⁰ еще не говорили, она неуловима. Наверное, сегодня будет разговор.

Ну вот, милый мой Николашенька. Скоро твои старики опять куда-то поедут. Но даст Бог, в Усмани будет хорошо не только нам, но и вам, т<о> е<сть> и для вас что-ниб<удь> хоро-

шее. Ляля обещает приехать летом, с тем чтобы обед тебе варила кошка.

Я не читал Веневитинова. Был ли он в отдельном издании?¹¹ За что, собственно, его так ценил Пушкин?¹² Не был ли он тем, чем был Станкевич для позднейшего поколения? Заглянул в «Обрыв», для того чтобы убедиться, как много в райском от Рудина, а в Вере от Наташи. Собственно, Наташа и восприняла Рудина как Марка Волохова и бросилась в «Обрыв», но на краю остановилась, обнаружив, что это не Марк, а Слюнтяй. Потом вспоминаю великолепный портрет, сделанный Герценом Бакунину в совокупности многих его о нем статей (я тебе выписывал). Там много рудинского. Посмотрел ли ты Пассек?¹³ Я бы сам хотел почитать маме. Не нужно ли заглянуть не только в Вас.¹⁴, но и в Ал. Одоевского?

Если мы уедем на этой неделе, то Машенька вполне могла бы приехать туда. Если поедет, пусть возьмет подушку для нас и хинину. Расставанье с Лебеद्याню вызвало разные траты, мы сейчас берем здесь в долг, чтобы уехать, а тебя прошу прислать нам почтой в Усмань 400 р. (Советская ул., дом № 60).

[Приписка рукой В.М. Сытиной]

Коленька, я дописываю несколько слов на почте. Собираемся в Усмань. От Нины Васильевны¹⁵ усманской пришло еще письмо с просьбой телеграфирования дня выезда, видимо, они хотят встретиться. Вот беда, денег опять уйдет много — мы здесь несколько зайдем, чтобы не приехать без копейки, но ничего не подделаешь. Папу надо содержать в тепле и порядке, а то он опять разболеется, поэтому мне приходится идти на все уступки и платить что просят, т<о> е<сть> Соне оставшиеся 270 р., чтобы совершенно избежать разговоров и споров. Конечно, ты ничего не говори, т<о> е<сть> не напоминай об этом, так пройдет. Хорошо, что хоть он спокоен и все пойдет полегче, даст Бог. В общем я не раскаиваюсь, что пришлось помучиться, это все ничего — а деньги ушли, ну и пусть.

№ 108. Н.С. Фуделю

29 I / 1953, Усмань¹

Спасибо, дорогой Николаша, за большое письмо из сельца Абрамцева. Спасибо Ляле за приписку. Как много дают нам эти свидания в письмах, несмотря на всю свою недостаточность. Они — залог того, что когда-нибудь будем жить вместе. Я все больше, чем дальше живу, стремлюсь мыслью к вам. Но пока никак не видно, чтобы это можно было бы осуществить. Приехали мы сюда третьего дня вечером², ехали очень хорошо, но в кварти-

ре хозяев семейные ссоры и, чтобы избежать волнений, может быть, придется искать другую комнату.

Ох! На старости лет все эти досадные переживания утомительны. Но все это было бы слишком долго рассказывать. Ясно одно, что унывать не надо, что Бог услышит наши вздыхания и где-нибудь устроит или даже из плохого сделает хорошее. Вот насколько была тяжела и отвратительна лебедянская эпопея с печами, Соней и т. д., а вышло все-таки в результате так, что и я, и мама вспоминаем об этом времени с великой благодарностью — так много радости и покоя мы с ней получили за последние два месяца жизни там. И удивительно эта верная пословица: «все забывается, кроме счастья». Печи забылись, а остались в памяти только наши вечера и твой приезд³.

Может, даже и болезни нужны для того, чтобы дорожить здоровьем, чтобы его оценить, чтобы оценить заботу о себе других, чтобы быть более серьезным к жизни. Драгоценнее всего дыхание дружки.

Ты пишешь, что недоволен собой, что внутренне многое не так делать. Помоги тебе Бог делать все так, как нужно, ибо от себя человек делает все не так, как нужно. И поскольку он не живет по воле Божьей, хорошо уже то, что он себя укоряет, что он собой недоволен. «Блаженны алчущие и жаждущие правды»⁴.

Только еще скажу: не довольствуйся этим недовольством, а (продолжая себя часто укорять) все-таки цепляйся за какие-то твердые точки. Падай, но вставай, попав на минуту, на день, в душевное болото, вылезай из него, как бы ни дурманили тебе нос болотные травы, отряхивайся, как собака, и иди твердо на сухую землю. Бог прощает нам все грехи, но он требует от нас усилия, он хочет видеть действенность нашей любви (и нашего раскаяния). Но только и здесь, в этом «усилии», не надейся на свое разумение и свои силы, начинай опять же с просьбы к Богу о помощи. Вот с Лялей, когда она, усталая, «завертывается в сухость», — не мудри ни о чем и не мучайся и ее не мучай, а молись о ней тут же Богу и пои чаем. Сколько раз я сам делал эту ошибку и тебе пишу, чтобы предупредить о ней. Вообще, все, что я знаю, я знаю по своим синякам и, кроме них, ничего не знаю.

Мама знает многое непосредственно и глубоко, так как душа у нее готова всегда забыть о себе.

Молиться умом, взывать воплем сердца к Богу можно и за чаем. Как хорошо, что ты хоть из окна видишь лес. Я уже 1½ года его не видел, или только проездом в Воронеж из поезда. Я помню свою единственную лыжную прогулку в лесу в молодости. Это было под вечер, и елки стояли розовые в солнце, и была на них такая нетленная красота.

Мама все по-прежнему меня опекает и за меня беспокоится. Но я чувствую себя лучше, болей в желудке меньше. На днях поедем показываться врачам. Очень тревожит утечка денег, с точки зрения возможности покупки. Цены на дома большие. Но не смотря на это, я все же послал тебе на днях открытку (уже отсюда) с просьбой прислать рублей 300. Как только приехали сюда, начали поиски продажных помещений⁵ и мама уже ходила смотреть. Меньше чем за 12—14 т. не найдешь. Вареньку сюда брать пока невозможно. Мы еще сами не знаем, в какой комнате будем, и пока будут все поездки к докторам. Читать пока нечего. Достал только Грибоедова, но письма его очень скучны. Бывают люди — писатели, — внутренняя жизнь которых гораздо интереснее того, что они написали (а бывает наоборот). Про одного большого философа говорили, что «его смех интереснее его трактатов»⁶. Но просматривая его биографию (Грибоедова) изд. 1892 г., написанную Ар. Введенским⁷, я случайно попал на место, которое как раз на тему твоего сегодняшнего письма: о трудности понимания древнерусской души, о перегородке между нами и ею и о разрушении этой перегородки, когда слушаешь теперь те же песнопения, которые пелись и при Владимире и при Дмитрие Донском.

Знаю, милый мой Николашенька, что многое тебе в жизни трудно. И это потому что, как ты сам пишешь «все сразу перешло на какой-то мучительно-серьезный план, непривычный для меня». Кто-то из писателей сказал: «У меня кончилась жизнь и началось Житие»⁸. Вернее, началась борьба за духовное здоровье жизни и тем самым «хождение по мукам».

Помоги тебе Бог! Я всегда болею за тебя душой.

Целую вас обоих. Насчет внуков согласен только после покупки дома.

Твой п.

[Приписка рукой В.М. Ситиной]

Дорогой Коленька.

Я пишу мало, т<ак> к<ак> мне хочется это сделать как следует, а времени не было до сих пор. Ведь обо всем [надо] позаботиться и немало побегать днем. Собираемся в Воронеж к разным врачам сразу в две больницы. Надо по-серьезному отнестись к проверке здоровья и уже только после этого решать, что предпринимать дальше. Очень хотелось бы повидаться. Особенно затягивать решение о выборе квартиры и прочном устройстве никак нельзя, т<ак> к<ак> иначе ничего не останется, а т<ак> к<ак> это связано с заработком, то прежде надо очень и очень серьезно подумать, на что решиться. Ошибки исправлять, как

сейчас мы это чувствуем, нелегко, но в тоже время и предугадать тот или иной итог тоже невозможно. Одна я пасую и при такой сложности здоровья и всех остальных условий боюсь что-либо решать. Целую вас крепко. Надеюсь, увидимся. Мне ведь во что бы то ни стало надо выяснить возможности устройства на раб<оту> в Воронеже. Для этого я должна приехать. Твоя мама.

№ 109. Н.С. Фуделю
6 II /1953, Усмань¹

Милый Николаша.

Спасибо за письмо с Машей.

Надо бы подвести некоторые итоги переезда в Усмань, но это затруднительно, т<ак> к<ак>, во-первых, они пока безрадостны, а во-вторых, они изменчивы, т<ак> что завтра могут быть и радостны.

Начать с того, что из комнаты, куда мы приехали, нам пришлось уже через неделю переехать в новую, из-за совершенно невозможных семейных ссор хозяев. В новой комнате хозяева смиренные, но сама комната далеко не такая теплая, как та, что особенно неприятно из-за Вареньки, после московского тепла. Вообще отправка Вареньки² до нашего письма была, конечно, большая ошибка, но исправлять ее возвратом нельзя: она не мячик. Может быть, все обойдется, если только мама будет себя получше чувствовать. Сейчас она чувствует себя плохо, к печени прибавились почки, анализ дал плохие результаты — белок, — появились или усилились боли. Как мы будем ездить в Воронеж и как оставлять одну Вареньку — неизвестно. Что касается покупки дома, то и это пока неудачно. Ходим по всем объявлениям, но цены не для нас. Конечно, еще может что-н<ибудь> найдется, но учти, что в прошлом году я обошел домов 20 и ничего не нашел³. Неужели я «от хорошей жизни» поехал в Лебедянь? Сейчас просили несколько лиц искать в деревнях срубы. Посмотрим еще, если дальнейшая утечка денег не остановит все это смотрение.

У меня все последнее время болей совсем нет, после отъезда Машеньки⁴ поеду в Воронеж, чтобы стать на учет в псих. диспансер и чтобы выяснить с желудком и грыжей. Грыжу хотелось бы оперировать, чтобы можно было весной копать огород. Но как быть с Варенькой в случае операции, тоже неизвестно. Вот как-вы «итоги». Тревожнее всего за маму. Ученье Вареньки из-за всех поездов вряд ли тоже наладится. Начну заниматься с ней дома, чтобы довести до конца 3-го класса. Стоят лютые морозы, и это еще более осложняет все.

Посылаю тебе немного выписок: из Щедрина кое-что о «лишних» людях, типах и т. д., может, что-н<ибудь> пригодится, и из

Писарева, хотя это, может быть, и вторично.

Деньги 500 р. через Машу получил. Из них 100 р. ей на дорогу обратно, 125 на комнату, на остальное живем, т<ак> что нужно перевести еще хоть 200 на этот месяц.

Маше, конечно, надо было бы жить в каком-то серьезном тепле, а не на том ветре, на котором она живет⁵. Но сердце у нее от т<ети> Маруси, и тем более страшно за нее.

Я сам что-то эти дни «зазяб» и больше всего от двух вещей: маминого нездоровья и надвигающейся, как фатум, окончательной невозможности что-н<ибудь> купить.

Целую тебя и Лялю.

Твой п.

Сегодня (8 II) пойдем смотреть еще $\frac{1}{2}$ дома в две комнатки с маленьким участком 5 соток, цена 15 т., да еще надо доремонтировать рублей на 500. Такие цены.

Прошу тебя дать Маше 200 р. на покупку меховых сапог, она ходит замороженная. Это пойдет и на будущую зиму, а тогда денег у нас не будет ни копейки.

Кроме того, дай ей же 50 руб. еще на одно дело, после того как она тебе о нем скажет.

Об «Иудушке Головлеве»⁶ я сказал бы так: я бы заставил всех верующих «проработать» эту вещь, если бы я только не знал, что уже 1900 лет назад было написано 23 главы Ев<ангелия> от Матфея⁷, где лицемерие в вере (или верующих) было разоблачено навеки. «Горе вам, лицемеры! Вы как гробы окрашенные, по которым люди ходят и не знают, что они полны костей мертвых и всякой нечистоты»⁸. «Горе вам, вожди слепые, отдающие десятину с мяты, аниса и тмина, и оставившие суд, милость и веру»⁹. Да и не только эта глава. Все Евангелие главное свое острие направляет против лицемерия в вере ветхого иудейства. Ложь в вере хуже неверия. Подделка под золото веры хуже языческой меди, дешевле его.

Ап<остол> Петр пишет: «...Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота...»¹⁰ А Господь сказал: «Огонь пришел низвести я на землю, и как бы я хотел, чтобы он уже возгорелся!»¹¹

Сохранилась, кроме Евангелия, апокрифическая запись слов Господа: «Близ Меня — близ огня»¹². Поэтому всякий, входящий на путь веры, должен готовить себя к огненному испытанию: светлячки ли он будет собирать и их на себя навешивать или же истинно будет загораться его сердце небесным огнем. Проверка искренности — не слова, а дела любви. Вот в этом-то «огне» и есть вся трудность для людей истинного христианства, вот здесь-то и есть для них «узок путь ведущий в жизнь»¹³. «Узок», «обжигает»,

не терпит «теплоты» («ты не холоден и не горяч»...¹⁴). И эту трудность и «узость» лицемерие пытается обойти внешностью «десятинами с мяты, аниса и тмина», пламенеющую любовь к Богу заменить ханжеством, вместо вина веры дать скверный суррогат.

Но если люди не читали Евангелия, то пусть внимательно прочитают «Головлевых». Благодаря тому, как эта вещь окончена, она сделалась документом религиозной правды. Она доказала еще раз, что уже на Тайной Вечери сидел Иуда, и что он после распятия «раскаялся и, придя к первосвященникам, сказал: “согрешил я, предав кровь невинную” и бросив сребреники пошел и удавился»¹⁵. Все это вспоминается, читая последнюю главу Щедрина. А ведь если здесь «доказан» Иуда (или Иудушка), то ведь тем самым «доказана» «Тайная Вечеря», т<о> е<сть> «доказан» Христос. И вот поэтому-то, когда я дочитывал эту вещь, такое волнение радости охватило меня, такой трепет правды. Христос победил!

№ 110. Н.С. Фуделю
12 II [1953, Усмань]¹

Милый Николаша.

Чтобы обнаружить свое легкомыслие, начну это письмо не с дел, а с Фета. Я произвел труд подсчитать и перечитать все его лирич<еские> стихи, чтобы узнать — что же в нем есть для нас ценного. У меня получилось, что из всех 750 его стихов около 650 для нас совсем не звучат: это или «мадригальный» хлам с постоянным «млееньем» страстей или потуги на античность, вслед за Батюшковым, или вполне приличные пейзажи, зарисовки природы, но тоже для нас уже побледневшие.

Но из оставшихся 100 стихов мог бы выйти превосходный «избранный Фет», среди этих 100 есть, конечно, золотые строки, в которых зреет душа, учится страдать и любить.

Что ж! — хорошее наследство эти 100. Ведь он напечатал свою первую книгу стихов в 1840 г.², т<о> е<сть> только через 3 года после смерти Пушкина, еще при Лермонтове, так что памятно, что «мадригальность» первой половины XIX в. в нем была закономерна и не он виноват, что нам она не нужна.

Очень хорошо его стихотв<орное> письмо к Тургеневу:

...«Цена сердечного безумия полет,
Я тем лишь дорожу, кто сразу все поймет, —
И тройку, и свирель, и Гегеля, и суку.
И фриз, и рококо крутую закорюку,
И лебедя в огнях скатившегося дня»...³

Что касается хлама, то ведь его не так уж мало и у «самого» Пушкина. Мы дожили до какой-то безжалостной, нетерпимой

честности чувств, до такой «экономичности» познания, при которой всякое пустозвонство воспринимается как преступление. У нас времени осталось только на правду, пусть самую горькую, наша грубость прикрывает нашу болезненную восприимчивость правды. Формы поэзии для нас не важны. Вот у Фета есть «Романс»⁴, но он и для нас хорош, хоть слегка и сахарист.

«Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет...»

Что касается западноевропейского Возрождения, т<о> е<сть> 15-го века, то оно что-то никак не ассимилируется у меня с тем моим временем жизни, «когда весенней гулкой ранью я проскакал на розовом коне»⁵.

По-моему, поиски там нас только запутают. «Сырой обрыв над дымной рекой»⁶ нашей юности, русской юности, очень далек не только от говядины Рубенса, но даже и от золотых фресок итальянского XV века. Мы любим все вещи называть своими именами. Мы хорошо знаем, что после лета будет жестокая зима, после жизни смерть. Поэтому и «над сырым обрывом», отдавая всю свою душу радости бытия, мы все же в тоске о том, что все это тленно, о том, чтобы все это сделать нетленным. Вот почему все наши песни грустные. Тут нас не обманет ни жирный женский зад на полотне, ни возрождение Венеры Милосской, ни «детство во грехе»⁷. Для нас грех есть всегда грех, т<о> е<сть> тление, самоубийство, сознательное уничтожение красоты. И разве нежелание закрывать глаза на факт греха и на факт смерти не есть честнейший, героический реализм, истинное бесстрашие правды?

В России не было Западного Ренессанса, и это хорошо, т<ак> к<ак> их Ренессанс следствие католического Средневековья. Нам со всем этим не по пути.

Сонеты Шекспира я высоко ценю, но именно потому, что в них я слышу какой-то скорбный ум, какую-то простоту глубокой думы, а совсем не буйство крови или какие-нибудь «проказы» в стиле Вагто⁸. Я в них слышу все тот же «металла голос погребальный»⁹, слышу Тютчева, или, как верно сказано в примечании, «монологи Гамлета» — т<о> е<сть> самый трагический и глубокий голос Запада, голос смерти его культуры. Ты пишешь: «люди

тогда не думали о смерти». Гамлет думал, а за ним Шекспир, и поэтому-то и прекрасны его сонеты.

Нет, я предпочитаю не путать своей мысли в этом «детстве во грехе» Ренессанса. Хватит нам и своих грехов.

Сейчас пришло твое письмо от 10 II. Дела обстоят так. Продавец дома¹⁰ не хочет меньше 15, да плюс еще расходы по оформлению около 300. Если мы согласимся, то останемся буквально без ничего, при наличии болезни втроем. Я даю 14, чтобы после оформления и доделки пола (рублей 400) осталось хоть на дрова до весны. Продавец хотел прийти сегодня, но не пришел. Завтра мы пойдем к нему, чтобы еще торговаться. Сегодня ходил еще по городу, но ничего не нашел.

Внутри помещение приличное, но дом у троих хозяев, сарая нет, неясность с участком, а главное, деньги (даже с долгом) в обрез. Но с другой стороны, надо будет на днях решать, чтобы не упустить.

Маме чуть получше, и она стала веселей. Так горько мне, что Машенька, бедный веселый Машок, попал как раз в самую «распутицу» болезней и неустройства и крайних тревог. Я говорил маме, что надо было бы дожидаться Машу в Лебеядни и потом уже ехать сюда. Но с другой стороны — может быть, только благодаря ее приезду мы здесь купим.

Но болезнь у мамы, боюсь, серьезная. На днях она едет в Воронеж и, возможно, ляжет дня на 2—3 в больницу, если будут делать какие-то сложные анализы. У меня завтра рентген всего нутра, т<ак> что предстоит ровно сутки ничего не есть и не пить и не курить. Боли у меня реже гораздо, но все же бывают. Возможно, что к паховой грыже у меня прибавилась еще «пупочная», что даже стыдно, помимо того, что больно.

Но сегодня мама сказала: «несмотря ни на что, важно сохранять спокойствие», и я очень обрадовался. Ведь иногда понимаешь, что это не только важно и не только нужно, но и можно, т<о> е<сть> вполне можно, вполне доступно для нас и вполне спасительно. Для этого надо только что-то из себя выдернуть, какой-то больной и гнилой зуб самости, в которой и самоуслаждение, и страхи, и боли, и бескрылие трусости.

За маму очень тревожусь, боюсь остаться один. И в этой боязни тоже перехожу меру, впадаю в ту же трусость, отравляющую покой.

Вообще я душевно никуда не гожусь. На днях в очереди в магазине из-за пустяка разбуянился до стыда и отвращения. Вот тут-то и понимаешь разницу между интеллигентом, который умеет только говорить о покое души, и теми, кто этот покой несут.

По «истории замысла» Рудина¹¹ вряд ли что найду. По второй теме не совсем ясно, что именно надо, например о Бельтове¹². В книгах о Герцене, да и у него самого, наверное, что-н<ибудь> есть о создании «Кто виноват». Но это ли нужно или другое? У Черн<ышевского>, Добр<олюбова>, Пис<арева> тоже было много упоминаний Бельтова, но больше как «звено» к Рудину Писемского. Я не знаю (кроме «1000 душ»). У Лескова, кроме «Инженеров-бессребреников»¹³, вряд ли что есть, да и они в другом совсем плане. Они совсем не Рудины, хоть, может быть, тоже «хищные». Вот о «Саше»¹⁴, наверное, что-н<ибудь> есть, но, может, ты все то, что здесь есть, ты уже знаешь. В общем, погляжу, поищу на ощупь, а ты еще уточни (в частности, что именно о Некрасове ты уже знаешь).

Щедрина я выписал, потому что больше ничего не имел, а может быть и пригодится. Взял я еще книгу изд. 1951 г. Чернышевский «Эстетика и литературная критика» ГИХЛ. Там в примечаниях к «Rendez-vous»¹⁵ есть цитаты из Ленина, который очень ценил эту статью и ею обличал либералов, и там же редак<цион>ное замечание о том, что в ней Чернышевский показал, что народ не может связывать надежд на свое освобождение с людьми, подобными Бельтову и Рудину. Это на стр<анице> 535. В этой же книге (стр<аница> 460) в статье «О Тургеневе» Черн<ышевский> говорит о несходстве между Бельтовым и Рудиным, а также между Р<удиным> и Онег<иным> — Печориным. Но может, я это уже писал.

По теме о вещах близких к Р<удину> — помнишь, я посылал тебе из Рязани¹⁶ стихотв<орение> Курочкина¹⁷, написанное, кажется, в 1857 г.? Найди его. В той же книге Чернышевского на стр<анице> 535 указание на ответ П. Анненкова на «Rendez-vous» в «Атенее» 1858 г. № 32.

Твои письма нас всегда утешают, когда мы их получаем, то друг у друга вырываем.

С Варенькой, Бог даст, все обойдется, т<о> е<сть> и она не заболит, и мама не будет болеть настолько, чтобы упустить присмотр за нею. Сегодня мама пойдет в школу. Начал с ней заниматься, чтобы она не забыла. Рус<ский> язык у нее хромает, а арифметика ничего. Вещи еще не пришли, во всяком случае извещения не было¹⁸. Нужно было бы идти на вокзал самим. Здесь до станции 3 версты. Вещи, которые в Загорске, конечно, можно было бы продать, но много ли за них дадут? Мы сомневаемся. Вот, Николаша, мой милый и добрый.

Иду на почту, целую тебя крепко, обнимаю, очень люблю. Знаю и я, что впереди будут опять лебедянские вечера¹⁹, что радость наша нас не оставит. Твой п.

[Приписка рукой В.М. Сытиной]

Дорогой Коленька. Ты особенно не беспокойся. Тебя крепко целую и благодарю за письмо, а отвечу сидя вечером. Сейчас папа очень торопит, идет на почту, а вечером в 6 ч. на рентген т<ак> к<ак> он бедный, голодный и спорить с ним нельзя. Твоя мама.

№ нашего дома 58.

№ 111. Н.С. Фуделю

17 II [1953, Усмань]¹

Милый мой Коленька.

Если мы болеем, то это вроде нормально, а вот твоя болезнь не по времени и очень меня беспокоит. Теперь тебе надо внушить: «лечись!», но очевидно, что лучшее лечение для тебя это три вещи: 1) прекращение умственного напряжения, 2) нормальный сон (а не так, как у тебя с 3 часов утра) и 3) прекращение никотина. Вторые два, наверное, вытекают из первого, поэтому не нужно ли тебе плюнуть на Рудина? или отложить его на какое-то время? Надо решительно снять все лишние нагрузки с головы. Нас крайне беспокоит, что именно теперь, в связи с нашим положением, ты, наоборот, будешь считать себя обязанным тянуть-ся изо всех сил, чтобы обеспечить себе больший заработок. Это совершенно недопустимо, т<ак> к<ак> своей жизнью рисковать нельзя. Отложи диссертацию, наладь сон. Очень тебя прошу. Насчет куренья я опять предлагаю тебе соревнование — принимай и назначай день. Мне это будет тоже непросто: я курю лет 40, но вместе мы бросим.

У нас дела такие. Сегодня был рентген желудка — ничего не обнаружено, — завтра будет кишок. После этого поеду в Воронеж. Мама сделала второй анализ почек с тем же плохим результатом, ждет моего окончания рентгена, чтобы тоже ехать в В<оронеж> для установления, что делать дальше. Чувствует она себя день хорошо, день плохо. Ее состояние, конечно, опаснее моего, но Бог милостив.

Варенька с завтрашнего дня идет в школу в III класс. Радость ее велика! Школа близко, и морозы убавились.

С домом² шла торговля: продавец не сбавляет меньше 15 да плюс еще расходы по продаже рублей 250, если пополам. Когда была Маша, по ее словам я предположил, что Тамара может занять у Н<ины> Вл<адимировны>³ 2¹/₂ т., с тем, что если у нас 13¹/₂ то, имея всего 16 т., мы отдадим 15300 — 15400 за то, чтобы въехать, — мы будем еще иметь рублей 500 на то, чтобы купить дров, картошки, иметь возможность ездить в Воронеж лечиться. Из твоих писем видно, что будет всего 15, т<о> е<сть> меньше даже того, чтобы купить (с расходами).

Кроме того, и это главное, получается, что заем, который ты делаешь более или менее срочный, а не так, как я предполагал, — на 4—5 лет и тем самым он может лечь тебе на плечи, а это в связи с твоей болезнью недопустимо. Все это крайне тревожит меня. А решать надо срочно, т<ак> к<ак> дом может уйти. Кроме него, я каждый день что-нибудь еще смотрю, но по нашим деньгам ничего нет. Дешевле было бы брать участок и строиться или покупать дом в далекой деревне, но на это нет сил.

Сегодня пришла твоя телеграмма, пошли опять в этот дом, он еще не продан, но накануне того, и хозяин, ободренный покупателями, не уступает не только с 15, но хочет, чтобы все расходы, а не пополам приняли мы (рубл<ей> 400). Сегодня вечером пойдем к нему в последний раз. Учитывая силы наши (и цены на дома), надо бы брать, но ведь мы тогда отдадим все буквально до последней копейки, да еще на тебе будет тяжесть срочного долга. Эта срочность, в связи с твоей болезнью, тяжелее дома.

Целую тебя, мой дорогой Николаша.

На сердце, несмотря на все тревоги, почему-то светло и уверенно. Все будет хорошо!

П.

Ответ на твою т<елеграм>му пошлем не раньше как завтра (18 II) утром. Получил ли письмо, где о Фете?⁴ Сейчас у нас только 100 р.

№ 112. Н.С. Фуделю
2 III /1953, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Отвечаю на письмо от 27 II. Хочется написать обо всем, поделиться всем, в чем живем.

Огорчение от неудачи с покупкой² было большое, но не в нем дело, а в общей трудности нашего положения, закрывать глаза на которое невозможно.

Дома мы ищем, но пока ничего не находим. Может быть, через месяц-полтора и найдем, но цены высокие, а деньги, конечно, будут таять. На одну квартиру и молоко тратится ежемесячно 300 рублей, еще не менее 300 надо на все остальное. Это когда все здоровы, а вот сейчас Варенька уже неделю больна и расходы увеличились. Кроме того, то валенки надо подшить, то в Воронеж поехать, и на это уходят десятки, составляющие сотню.

Так что без добавления ежемесячно из капитала 300 рублей мы не проживем (к твоим 200 и моей пенсии 200), итого за три какие-нибудь месяца от 15 000 остается уже 14. От присланных тобой 500 р. осталось 250 р. (правда, мы запасли два мешка картошки и немного муки). Это первое. Смысл его в том, что всякая

отсрочка в покупке грозит невозможностью покупки из-за недоступности цены к тому времени, когда будет что-нибудь подходящее. Второе, это то, что стремление сделать все, чтобы купить хоть что-нибудь (я почти ежедневно хожу на поиски), сочетается с глухой мыслью о том, что покупка будет просто началом нашего окончательного конца.

Если сейчас мы, добавляя к 400 рублям ежемесячно по 250—300 р. можем существовать (хотя совсем без белого хлеба, часто без сахара, без яиц и мяса, а только на картошке, крупе, молоке и ограниченном масле), то что делать будем в Усмани тогда, когда отдадим все деньги до копейки, не оставив даже на топливо? Жить втроем на 400 р. просто невозможно, при наличии больных людей, не могущих работать.

Вот это и есть третье. Будь мы здоровые люди, все было бы втрое проще. Но вот Варенька, прохив три дня в школу, уже неделю лежит в бронхите и пролежит еще неделю. Мама день ничего, а два дня больная. Мне в Усмани (да и маме) работы не найдется, уже не говоря о том, что мне, конечно, надо было бы лечиться, делать операцию грыжи и т. д.

Покупка дома, вернее, отдача всех денег может быть спасительной только при том, что тут же возникает какой-то хоть маленький заработок. А без него с чем мы останемся после покупки при своих болезнях? Ведь это буквально так. На маму сейчас же ляжет работа, связанная с своим домом, а ей и в чужом доме трудно, хотя она здесь и печей не топит, и за водой не всегда ходит. Свой — дом это большая физическая работа, а ты не представляешь, как она стала слаба и устала.

Мы оба знаем, что надо сохранить деньги, вложив их на покупку, и я делаю все, чтобы купить, но делаю это с тайным ужасом о том, что будет после покупки.

Я вижу, что мама сейчас не имеет сил даже на свое любимое вязанье. Поговорит, поговорит об этом и бросит. К тому же и отсутствие или трудность сбыта мешают и этой возможности.

Так что, как видишь, мне не «майские жуки»³ мечтаются при мысли о покупке, а только то, чтобы не было это для мамы уже совсем непосильно, чтобы она окончательно не надорвалась.

Всему приходит конец. Мама смертельно устала, она уже почти не может бороться с болезнями своими, даже, я чувствую, страх за Вареньку меньше стал для нее стимулом к жизни.

На огороде работать она больше не может, а огород при покупке самое заманчивое. Я могу только в том случае, если не буду делать операции, а если сделаю, то (в этом году) швы не дадут копать весной.

Может быть, был бы выход — попытаться купить что-

н<ибудь> в Воронеже, т<ак> к<ак> там для мамы (м<ожет> быть) возникла бы возможность доступной и интересной работы и это бы опять ее подняло. Но если это будет связано с жизнью на два дома?

Вот, Николаша, таков наш «роман без вранья»⁴. Я просто сейчас делюсь мыслями, не жалуясь и ничего не добиваясь и даже как-то не очень отчаиваясь.

3 III

Сегодня почти вся ночь прошла без сна в связи с болезнью Вареньки. У нее, очевидно, обычная для нее бронхиальная астма, она непрерывно кашляет и задыхается от сердца. Нужных лекарств (дионина) нет. Придется звать более опытного частного врача. Мама в тревоге, да и мне тяжело, и еще меньше верится в покупку при этих болезнях. Я знаю, что иные нас будут осуждать, но это дело самое легкое. Потому, наверное, человек так и падок на осуждение, что на это не требуется труда.

Сегодня утром получил одно предложение с домом, но на него надо тысяч 17, значит, не выйдет.

Вчера вечером читали вслух Вареньке чеховскую «Степь», а мама продолжила читать ее и всю ночь шепотом, т<ак> к<ак> когда Варенька заслушивается, то меньше кашляет. Хорошая эта, беззлобная вещь. Из библиотеки тоже приношу иногда кое-что: «Детство и отрочество»⁵, Станюковича. Уроки школьные Варенька пока делает, а дальше не знаю, как будет. Учиться ей было легко, но простужается там еще легче, хотя бы в мороженой уборной во дворе, куда они носятся на переменах. Что же сделать, если мы все такие слабые и немощные.

Вещи пришли и в порядке⁶, только у стола отломали одну поперечную планку. На сберкассу тоже все пришло. Комната, в которой живем, теплая, но сыроватая, хозяева хорошие⁷. У них же берем молоко, которым главным образом и питаемся.

Напиши мне, кому и сколько мы должны из тех долгов, которые нужно отдавать в срок. Я знаю только о 500 р. С<офье> Павл<овне>⁸. Это надо знать, чтобы, если у нас ничего не будет выходить, успеть эти долги перевести, пока будут деньги.

Урывками читаю Огарева для тебя и вижу, что можно сделать в него «Рудинский экскурс». Напиши — нужно ли это или ты уже знаешь, что такое роман Писемского «Люди 40-х годов»?⁹ Конечно, надо просмотреть «Русские Пропилеи» 1917 год изд. Сабашниковой все 4 тома, все «Литер<атурное> наследство» и все «Звенья»¹⁰. У меня руки коротки.

О «Возрождении»¹¹ что-то не думается, а больше о «христианской кончине живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной»¹² — как говорится в прошении. Если за этой «кончи-

ной» еще целая Вечность пути, то эта граница жизни притягивает взор.

Не думаю, чтобы такой угол зрения — особенность старости. Лермонтов, кажется, в 20 лет от роду писал:

«Любил и я в былые годы
бури шумные природы
И бури тайные страстей...»¹³

Но... и т. д. уже в 20 лет.

Прочти также 77-й сонет Шекспира¹⁴, я, когда писал о нем в связи с тютчевским «металла голос погребальный»¹⁵, еще этого сонета не знал.

Жить еще хочется и очень хочется, но не для «буйства жизни», а для того, чтобы делать легче путь людей к Богу, чтобы помогать им. Все остальные оправдания жизни — сплошной мираж и самооправдывания своих страстей.

Все дело в точке зрения. Когда знаешь, что для человека может не быть старости, что в Боге — Вечная Весна, тогда молодость, молодость не позади себя и не позади в истории, а впереди.

Истинная вера это обновление клеток всего организма, в Боге человек реально весь молодеет, идет и не надышится весенним воздухом Вечности.

А у нас что-то не так. То куренье, то злость, то похоть, то тупое равнодушие, то тщеславие, то безмерное самолюбие. И вот мы стареемся и стареем в этих отравках, а спасение свое ищем в той молодости, которая (даже если она в чем-то и лучше) все равно приведет нас к этой старости.

Целую тебя, милый мой Николаша. Прости за огорчения и поучения. В мечте какая-то солнечная комната, где стены еще пахнут смолой и где «мир Божий, который превыше всякого ума»¹⁶.

Может быть, все вместе всегда будем.

Винюват перед Лялей, что давно ей не писал. Целую вас.

Твой п.

Передал ли письмо т<ете> Нине? С Вал<ентиной> Григ<орьевной>¹⁷ пришли дионин для Вареньки на будущие болезни (а м<ожет> б<ыть> — и настоящую), это ей очень помогает, и 1/2 слив<очного> масла.

№ 113. Н.С. Фуделю
27 VIII [1953, Усмань]¹

Дорогой мой Николаша и дорогая Лялечка. Шлю вам свой привет, искренний и сердечный. Дай вам Бог всего хорошего.

Очень рад был получить твое письмо, с извещением, что звонил в ин<ститу>² и что там все в порядке. Я сегодня тоже звонил

в 8 утра к вам, но телефонистка, оборвав провод, сказала, что, «хотя Урс³ лает, они еще почивают». А вечером пришло письмо и то, что я хотел узнать, стало известно. Послезавтра везем Машу в институт⁴. Нашли временное для нее пристанище рядом с институтом у сердитого дедки и бабки за 100 р. в м<еся>ц. Это койка в маленькой комнате с еще двумя девицами. Трудно будет нашему Ломоносову, но ничего другого пока нет.

Нам всем помещение найти крайне трудно, и мамина работа под большим вопросом. Очевидно, придется зимовать в Усмани и мне, конечно, не бросать службу⁵. Может быть, удастся поместить маму и Вареньку к Пол<ине> Ив<ановне>⁶, там тепло и сухо. Она предложила, но пока еще несколько мечтательно, боюсь, что отступит, но может, и нет. Мое здоровье, возможно, наладится, ведь это просто нервная система + жара, а это преходяще. Так что как-нибудь проживем зиму. Вот дрова и состояние дома беспокойно. Дом требует хотя бы штукатурки и покраски фундамента, вид его печальный⁷.

Ужасно мне грустно за твою работу, что она так тебя иссушает и ничем не утешает, оно так и есть⁸. Пройти такую безводную пустыню очень трудно. Но Бог везде и на всех путях Его помощь. И ты не говори такие горькие слова, что «вот помрешь и ничего, кроме Рудина, не останется». Все пути наши могут быть путями в гору, т<о> е<сть> какую бы работу мы ни исполняли, мы можем (хотя иногда и с трудом) жить полной жизнью, вечной жизнью, дыханием будущего. И мы, и ты хоть плохо, но все-таки живем в этом, хоть иногда это дыхание ловим или хотя бы предчувствуем. Наша, твоя жизнь не ограничивается «Рудинным», а идет по своему духовному закону вперед, в гору, я это вижу и тебе говорю.

И молодость, свежесть чувств, и т. д. не жалея, как невозвратное. Нет такого сокровища прошлого, которое не ждало бы нас еще и впереди. Тело стареет, а душа никогда, если борется со старыми чудовищами страстей, призывая имя Божие. Все дело только и единственно в том, чтобы не слепнуть, чтобы всегда видеть свое ничтожество, чтобы всегда идти к покаянию, чтобы всегда цепляться за край ризы Христовой⁹.

Машенька очень хорошо прожила здесь, точно вернулась в свое детство, веселилась, пела и дурачилась, но и помогала маме. О будущем лучше не думать, т<ак> к<ак> все равно ничего не придумаешь. Спасибо Мунечке за ее посылку разной «мягкой рухляди», из которой Маша что-то шьет и перешивает. Скажи Муне, что цыплята пережили Успенский пост¹⁰ и теперь им, бедным, будем рубить головы. Варенька уже кровожадно требует.

Спасибо вам, дорогие, за все. Целую вас обоих крепко. Мунечку поцелуй и Тамару.

Твой п.

№ 114. Н.С. Фуделю
30 VIII [1953, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

С грустью мы провожаем на днях Вареньку и Машу². Оставаться одним вдвоем иногда даже страшно.

Где же живое доказательство осмысленности или оправданности твоего бытия? Где дети? Тишина не всегда утешительна. А тут еще беспокойство о том — куда они уезжают, на какие тревоги или болезни? Все очень трудно в жизни, дорогой мой, не рассчитывай ни на что легкое. Ну как твои с Лялей дела — какой итог лета? Отдохнули ли? Набрались ли хорошего воздуха? Как думаете его подольше сохранить? Свидание наше было молниеносно³, и жизнь несется вперед, не оставляя сомнений в том, что она стремится к смерти. Прости за эти, может быть, мрачные слова. Как твои литературные дела? Боюсь, что они не дадут тебе настоящего отдыха, а только иллюзию его, и, может быть, еще более усложнят и ослабят твою и так уже слабую и сложную жизнь. Твой инстинкт прав, когда ты стремишься просто в лес, на лесную тропу, без всяких об этой тропе стихосложений. Там, в лесу, физическое утомление и простота доброго восприятия мира = все, что нужно душе. И никакого самолюбования, иначе не сумеешь развести костер или заблудишься. А искусство фатально приводит к салону. Не знаю — как можно и кто может этого избежать? Избегал Тютчев, даже не записывая часто своих стихов. Избегал Достоевский, смотря на искусство только как на средство христианской проповеди. Может быть, избегал Экзюпери от слишком острого страдания своей эпохи. Не надо отрицать искусства, — это все равно что отрицать возможность правдивого слова у любого живого человека. Но из искусства не надо делать культа, который ищет себе салона, т<о> е<сть> я хотел сказать храма. Стихи надо уметь терять, или, как говорил Пастернак, «не надо заводить архива, над рукописями трястись»⁴. И тогда, в каких-то потерянных стихах, можно обрести слова, чистые, как капли росы на утренней траве, слова, имеющие для религиозной жизни человека большое значение, чем многие тома религиозных работ. Апостол сказал: «Дух дышит, где хочет»⁵, Дух Божий. Но как редко это бывает, как мало мы знаем этого веяния, во всей мировой литературе наперечет такие страницы.

Я, наверное, уже не раз тебе писал об этом, прости. Хочется

тебе здоровья, покоя, радости, вечной жизни. Обнимаю тебя, целую Лялю.

П.

№ 115. Л.И. Щербининой
16 XI [1953, Усмань]¹

Милая наша дочка Лялечка.

Мы оба были очень рады прочесть вашу приписку в Колином письме. Письмо часто дает больше, чем разговор, в котором что-нибудь мешает, то чего-нибудь боишься. Вот и меня Вы, кажется, за глаза меньше боитесь, чем при свидании. Вообще следовало бы совсем не бояться. Я просто очень усталый человек, и эта усталость воспринимается часто как мрачность. Мы очень радуемся вашей дружной жизни, ибо знаем по счастливому опыту, что это самое главное. От вашей дружности и нам дружней, так что незаметно Вы делаете дело не только для себя, но и для всех нас. Мы знаем, что Вам лично очень многое трудно, хотя бы те же поездки, неустроенность квартиры. Потом я не знаю, что труднее: начало брака или конец пути через десятки лет? В начале сил всяческих больше, но зато больше самолюбия, а брак это тот же монастырь в каком-то смысле: его не пронесешь, если от себя не откажешься.

Одно могу сказать: дружба в браке — источник великого вдохновения, источник радости всего пути. Тут глаза открываются на весь мир Божий, на людей, на книги, на солнечный луч, на все счастье и страдание жизни.

Нашему браку 30 лет², и я благословляю Бога за этот путь. Теперь уже как путникам, шедшим долго, виднеется конец пути, — конец радостный и вожденный.

«Уж восток золотит ясней
И повеяло ветром с юга.
Нету имени здесь нежней
И теплее, чем имя друга»³.

Советы и вразумления я совсем не могу давать, так как сам столько падал, что отшиб себе все нутро, и мне не до того, чтобы вразумлять других. Но я могу еще любить и любовью стремлюсь к вам обоим, надеясь в чем-то помочь. Да вразумит вас Бог. Молитесь Ему одной неумелой молитвой: «Господи, прости и благослови». С нею засыпайте и с нею вставайте. Без прощения не бывает и благословения, ведь Его светлость превыше нашего разумения.

Мы живем в неопределенности и тревогах, но что-то проясняется.

Целую Вас, милая Лялечка, и Вашего глупого Колю.
Ваш п.

№ 116. Н.С. Фуделю
23 XI / 1954, Усмань¹

Дорогой Коленька.

Каюсь, что давно не писал, а от тебя были короткие письма. В будни очень трудно выбрать время, прихожу домой часов в 8, а потом ведь нас в комнате четверо. Беспokoюсь, как будет со службой после 15 января, т<ак> к<ак> предполагается сокращение², но может и не будет. Муне³ несколько лучше после уколов, сейчас будет в них перерыв и потом опять. Раньше конца декабря нечего и думать ей ехать обратно. То, что она болеет здесь, а не в Москве, хорошо, т<ак> к<ак> мама делает для нее все, в комнате тепло, она лежит в полном покое и тишине, лекарства и врач есть.

Варенька, к ужасу нашему, опять начала кашлять. Вот уж долготерпение-то нужно с этими болезнями. Жалко, нет книг здесь, чтобы им читать вслух. Я все что мог, им прочел. Пришвин Муне не понравился — «глупости все, про собак-то» — зато «Капитанская дочка» ей очень понравилась. Сегодня ее именины⁴ и как раз принесли деньги от Ек<атерины> В<севолодовны>⁵. 100 р. ей и 400 маме, что, как всякие деньги, очень кстати: дрова, Варенькина шуба, бесконечные лекарства. Питаемся мы хорошо, покупаем масло и иногда мясо. Живем мирно, мама очень много работает, но веселая, меня весь день нет, но это и хорошо. Вечером, усталый, только попьешь чаю, да считаешь вслух про какого-нибудь Бову или Руслана, а тут уже ночь, — как хорошо. Лишь бы здоровье мамы удержалось на этом уровне. Пришли-ка ты нам что-нибудь для общего чтения, так чтобы и маме, и Варваре, и Муне было приятно. Вот как неожиданно обернулись дела: я имею в виду приезд сюда Муни и ее задержку⁶. Эти неожиданности-то и страшны: «человек предполагает»... а мы живем в своей суеде и думаем, что «располагаем». Что будет завтра, через год? Говорят, «нечего загадывать» и суют голову под крыло, — там темно и не видно. Неужели мы созданы для того, чтобы «не видеть»? Беспokoимся очень за Машу, в связи с ее реконструкцией учебной⁷. Ты уж ее не суди строго, будь с ней потеплее. Силенок в ней мало, а дурочка она большая. Что-то узнала, еще больше недоузнала, осталась без отца и матери, с головой, начиненной всяким винегретом. Куда поплывет, где пристанет? От усталости люди часто тоже делают не то, что надо. В Москве, кроме тебя и Зины⁸, у нее нет теплого места.

Много ли написал диссертации?⁹ Если мало, напишу тебе такое же письмо, какое писал отец Петруши Гринева, когда узнал про его дуэль с Швабриным. Надо ее поскорее свалить с плеч, чтобы из нее не проглядеть людей, твоего перед ними долга люб-

ви. Вот — я себе представляю — Маша¹⁰ пришла усталая, тебе бы с ней 1/2 часа посидеть, сходить да купить пирожок к чаю, а ты думаешь: «а диссертация?» «у меня нет время на пирожки» — и глотает Маша или Ляля одинокий чай и смотрят на твою спину и листы рудинских цитат. Ох! все это немного и смешно, а много и не смешно, а тяжело, печально. Вот потому-то я так хочу, чтобы эта загрузка твоего времени скорее кончилась, чтобы ты вышел скорее к реальности, к людям. А пока что во всяком случае работай тогда, когда их (Ляли, Маши) нет дома и ты ничего для них не должен делать.

Не только диссертацию, но и молитву нужно прекратить, когда вместо этого ты можешь, а следовательно и должен, сделать что-нибудь для человека. «Не будьте никому ни в чем должны, кроме взаимной любви»¹¹. Маша, может, иногда и не поймет, ну а твое дело маленькое: когда любишь, тогда не обижаешься.

Может, когда-нибудь и поймешь все через страдания, так уж мы созданы. Кстати, надо не бояться *вдумываться* в этот закон страданий, в родовые муки созидания человека. А как мы боимся!

Слава Богу — зима. Луг, где колонка, белая, над Маслозаводом зимняя луна¹², — еще одна зима. Я почему-то так люблю эту строчку откуда-то: «так короталась зимняя ночь»¹³.

Я желаю, чтобы у вас с Лялей было все необходимое в жизни, но еще больше этого я желаю вам — лучше вместе, чем поодиночке — чтобы вы как можно чаще за корою внешней жизни, — дел, заработков, костюмов, забот — слышали иную жизнь, иные законы, чтобы в то время, когда вас уносит поток времени, вы бы несли в себе Вечность. Тогда как легко и радостно жить. «И верится и плачется и так легко, легко»¹⁴.

Целую вас, поцелуй Машеньку. Тамаре послал вчера письмо. Не забывайте — не в письмах только, а в душе, всегда.

Сегодня у мамы опять признаки тех болей, наверное, от черного хлеба, лежит с грелкой. Пришли ей белых сухарей побольше, пожалуйста, и поскорее, ей совсем нельзя черного хлеба. Только не посылай Машу¹⁵ или Лялю, а сам сходи купи несколько батончиков и нарежь для сушки.

Твой п.

Получил ли доверенность Матрешки?¹⁶

№ 117. Н.С. Фуделю
[1955, Усмась]¹

Дорогой Коленька.

Я до того устаю, что просто не в силах написать тебе даже несколько связных слов. Дело дошло до того, что мама сидит и диктует мне. Очевидно, голова моя отказывается участвовать во всех

жизненных делах, кроме работы². Поэтому ты не обижайся. Была недавно сестра Фроси³, чтобы узнать про нее. Мы что знали, рассказали. У нее все благополучно. Адрес Фроси мы ей дали. Откуда т<етя> Нина решила, что я в больнице? Я здоров, т<о> е<сть> работаю и в больницу не собираюсь.

Из писем Муни мы знаем, что вы теперь живете, после приезда Фроси, поспокойней, и очень надемся, что она останется. Очевидно, и Муня тоже довольна и могла бы сейчас отдохнуть. Целую вас. Коленька, не обижайся. В 55 лет⁴ и ты будешь ряхтеть.

Твой п.

№ 118. Н.С. Фуделю

[Конец января — начало февраля 1956, Усмань]¹

Дорогой мой Коля. Как ты и как твои младенцы?² Теперь будет время непрерывного беспокойства, т<ак> к<ак> болезни и всякие напасти почти непрерывны. От тебя давно не было письма, поэтому мы строим догадки и беспокоимся. К тому же такие морозы, что не диво и тебе или Ляле заболеть. У нас гостит на каникулах Маша — с Мишей³, юношей, за которого она выходит замуж? Юноша привезен на осмотр родителей и сильно от этого смущается. Он кроток и тих, прост и провинциален, несомненно более серьезен, чем Маша. Не знаю — делает ли он из этого секрет, или нет. На всякий случай не распространяй этого широко, до времени. Со мной Маша говорила. Я не знаю, что сказать. Уверенной радости во мне нет. Мама все говорит, что могло быть гораздо хуже, и я согласен, но вспоминаю почему-то с досадой семинарский курс «сравнительное богословие». Я бы хотел «несравненное».

Участвуешь ли ты в торжествах Достоевского?⁴ Я участвую, т<ак> к<ак> пойду 9 II служить панихиду, а пока что посылаю тебе следующую выписку из его письма 1854 года (!). «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что любим другими, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»⁵.

Равное и выше этого только у Апостола Павла в послании к римлянам⁶. Целую тебя, Лялю и девочку.

Твой п.

№ 119. Н.С. Фуделю
5 II [1956, Усмань]¹

Дорогой Николашенька.

Спасибо за письмо. Я бы не бюллетень взял на 5 дней, чтобы полежать, как хочет Тамара, а с великой бы радостью целый отпуск на месяц, да поехал бы к вам, посмотреть внучку², побыть с Тамарой и многие другие сердечные дела справиться. И годы и силы уходят, и теперь уже все время боишься, что ничего не успеешь сделать, никак уже не успеешь прожить так, как хочет любовь. Ты не можешь себе представить, как страшно кончать жизнь с сознанием, что многое, большинство из того, что хотел и мечтал, не сделано, что почти все данное тебе время потрачено зря.

Но ехать, конечно, невозможно (разве только Господь захочет этого же), т<ак> к<ак> ни отпуска, ни денег мне никто не даст.

Достал здесь в магазине «Идиота» и «Село Степанчиково», а «Войны и мира» нет, т<ак> что, если сможешь, пришли. «Идиота» я перечитываю с великой благодарностью автору. Был он несомненно учитель христианства, и его только тот не понимает и не любит, кому непонятна христианская нищета («блаженны нищие духом»³, «будь безумным, чтобы быть мудрым»⁴; «мы сор для мира»)⁵. Читаю, ухожу на работу на весь день и среди дня часто ловлю себя на том, что стараюсь быть лучше, чище, терпеливей, любовней, великодушной, проще, стараюсь подражать бедному Идиоту! Вот она, проповедь христианства, и я вновь услышал ее. Лишнего, конечно, много, сам Достоевский так и говорит об этом (о лишнем), но тот, кто полюбит основную идею, главную цель всей вещи, вот это явление небывалого дерзновения — евангельская простая правда в искусстве — тот по всему это<му> лишнему (нагромождению вставными психологическими проблемами и персонажами) только скользнет глазами, почти не утомляясь. Мышкин и Алеша Карамазов — это одно лицо, но в 80-х годах Достоевский осмелел и снял с него маску идиотства.

В одном месте, где его пьяница и шут Лебедев за графиню Дюбарри молится⁶, я поймал себя на том, что я, кажется, уже молился за Мышкина. Настолько это для некоторых «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого»⁷.

Морозы все еще дикие (до 40°). В комнате еще тепло, но уже начинает промерзать в углах и там лежит снег. С потолка льет какая-то грязь у трубы.

Машенька пробыла, прочирикала и уже ее нет. Про ее дела никому не говори, там в конце концов все это еще не окончательно и может выйти неприятность, если будут говорить⁸.

Заканчиваю письмо тем же, чем начал: мечтаю приехать, побыть у вас, поехать в теплый день с тобой на Новодевичий⁹. Чувствую быстрое течение «реки времени». Целую дорогую Лялю и девочку. Да сохранит их Бог от всякого холода и всякого зла.

Твой п.

№ 120. Н.С. Фуделю

1 II [1957, Усмань]¹

Дорогой Коленька.

Давно не слышу твоего голоса и недоумеваю. Кажется, что ты где-то далеко, далеко. «Несет меня лиса за синие леса»². Почему ты не пишешь? И почему я не пишу? Будем пробиваться друг к другу через все стены. Любовь — это какая-то средневековая дама в замке, которую надо вечно завоевывать, а не коробка папирос в киоске на углу. Я все об этом забываю. Здоров ли ты? Ходишь ли на лыжах? Здоровы ли твои? Очень ли трудно Тамаре?³ Бываешь ли когда-нибудь совсем один? Вчера получили первое письмо от Вареньки с извещением, что она у Н.А.⁴ Для нее это, конечно, лучшее, что может быть. Я мало верил такой возможности. Ведь у него покой, живущий в 3 комнатах и кухне. Да еще пианино, да еще девочка-сверстница. Здесь сейчас и смешно, и хорошо, и загадочно. В этой комнате 5 человек! А кругом тьма и снега. Пока что все идет довольно дружно, девочка⁵ отвлекает от страстей. Я кончил работу и готовлю обед, мама все время с девочкой, а Маша⁶ еще очень слабая, что-то у нее еще не в порядке. Да ведь она еще только три дня дома, а там в общежитии она совсем замучилась, там тепло и горячая вода, но шум и беспокойство непрерывное.

Миша⁷ на несколько дней в местной командировке, и завтра придет. Собирается доставать лес, чтобы делать ремонт, а может быть, если дадут ссуду, пристраивать комнату. Летом хотим взять их в Песковатку⁸. Не думаешь ли ты тоже туда? По деньгам это, пожалуй, не будет дороже, а пожилы бы еще раз вместе.

Целую тебя, дорогой мой. Будь здоров и благополучен со всем своим семейством.

Твой п.

№ 121. Н.С. Фуделю

22 III [1957, Усмань]¹

Милый мой Коленька.

Послал тебе маленькое письмецо, а сейчас хочется написать большое, хотя иной раз пишется только в уме, а как начнешь из-

лагать свои мысли, то оказывается, что никаких мыслей нет, кроме одного желания обнять человека или крепко пожать ему руку. Так что письмо не получается, и с досадой вновь обращаешься к очередной суете, которой всегда много. Вот и сейчас, кажется, это будет так. Ну, хотя бы пошлю тебе привет издалека, и от этого пусть будет легче хоть мне. Мама тебе тоже на днях писала, я видел. Она опять неважно себя чувствует. Годы, много работы с девочкой, склероз, давление и т.д. Маша все не может восстановиться после родов². Наконец заставили ее сходить к врачу, и оказалось, что у нее воспалительный процесс и что очень надо беречься и проводить курс лечения. А с ней какие там «курсы», толочно не можем заставить пить, чтобы не пропало молоко. Очень с ней трудно и шумно. Сейчас надо хлопотать об отсрочке экзаменов до мая, чтобы не ездить в холод и подлечиться. Миша³ часто в командировках на участках. Их жалко, так как все мы вместе, но во многом для них это хорошо. С постройкой комнаты еще все в воздухе, т<ак> к<ак> леса пока нет, и денег на пристройку тоже нет, т<ак> к<ак> ссуду не дают. Может, все-таки он получит в кассе взаимопомощи 1000 р. и тогда, при наличии леса, можно будет начать. Девочка очень милая и тихая⁴. Хотелось бы в будущем видеть ее с твоей Машенькой⁵. Как ее здоровье? Ведь здесь мама (твоя) стоит над ней, как старая тургеневская воробыха⁶, и то она временами болеет. Мы с мамой скучаем по тебе и Вареньке⁷. Часто думаем о том, чтобы повидаться, хоть на время побыть вместе. Может быть, вы там на нас за что-н<ибудь> обижаетесь? Вот, например, моя сестра Нина определенно обиделась, а за что, я не знаю: не пишет 3 месяца. Позвони, пожалуйста, ей и передай от меня мое огорчение. Я, конечно, перед всеми кругом виноват своим невниманием, равнодушием и корыстью. На твои последние 100 р. купил себе кирзовые сапоги, т<ак> к<ак> здесь весной-осенью без сапог совсем нельзя, а твои резиновые мне все же малы, неудобны и пропускают. Через месяц можно было бы мне приехать, но совершенно не знаю, как смогу их здесь оставить. Я готовлю обеды и делаю все по хозяйству, чтобы мама была с девочкой, да она и не может из-за давления стоять у плиты и поднимать тяжелое. А Маша готовится к экзаменам и диплому⁸. Потом, как ты думаешь откровенно — не будет ли мой приезд неприятен Тамаре? Ну, видно будет. Не так живи, как хочется, а как Бог велит. Стремлюсь я к тебе очень, а что выйдет, не знаю. Уж очень хочется наверстать что-то несделанное в любви. Надо дорожить временем. Целую тебя, мой дорогой, целую Лялю крепко и девочку Машеньку.

Твой п.

№ 122. Н.С. Фуделю

12 V, а завтра 13 V — день смерти т<ети> Маруси [1957, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Я получил твой перевод — спасибо. Ты на нем пишешь, что я тебя забыл. Это совсем не так. Я тебе писал все время, но, очевидно, не всегда письма доходят. В частности, кажется, ты не получил того письма, где я очень просил тебя приехать на 3 дня майских праздников. Бывают, знаешь, такие повороты души, когда она начинает дышать другим воздухом. И вот мне показалось, что я тебя больше не увижу, и мучительно захотелось хоть как-нибудь тебя повидать, вроде как бы преодолеть невозможность увидеться. Сейчас я не настаиваю на том, что это ощущение было истинное и что вообще нужно верить ощущениям, но тогда это было так и, как сказано: «еже писах — писах»². Прости меня, дорогой. Если я перед другими виноват, то перед тобой больше. Постройка наша движется³. Как это часто бывает, — планирование это одно, а дело — другое. Думали, что надо подводить только три венца, а оказались гнилые все семь. А за каждый венец 100 р. (=700). Думали, на крышу хватит старого железа, а пришлось добавлять на 500 р. нового. И т. д. Сейчас вся старая комната подведена, т<о> е<сть> обновлена, до окон заменены бревна, в ней сделаны новые косяки и рамы. В новой стелят полы, делают дверь и рамы. Все накрыто обновленной крышей. Получилось 12 кв. м. новой светлой площади. Остаются еще такие работы: 1) перенести печь так, чтобы она обогревала две комнаты; 2) сделать кирпичный фундамент; 3) все заштукатурить.

Мы, конечно, замучились, т<ак> к<ак> никуда не выезжали, мама только несколько ночей спала у соседки, но «в целом» чувствуем себя бодро и даже часто весело, т<ак> к<ак> количество грязи, работы, заботы, сбитые ссадинами руки не дают места и времени для уныния. Можно сказать, что времени нет и на предположения, что будем делать дальше, когда поедем в Москву, где будем летом и т. д. Что Бог даст.

Среди мусора и после иногда ожесточенных споров с плотниками о неправильно («под мухой») положенных бревнах вспоминаются стихи Пастернака.

Мама как-то сказала, что для нас с ней это неожиданный благовест, в конце пустыни пути!

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как Знаменье,
К себе приковывает взоры⁴.

Храни тебя Бог, дорогой мой Николаша, что бы ни было. Да будет сердце твое тепло и ум чист от лукавства. Целую Лялю и Машеньку.

Даст Бог, все будет у вас в семье хорошо, а без страданий пройти Божий путь невозможно.

Твой п.

[Приписка рукой В.М. Сытиной]

P.S.

Выношу свои добавочные примечания в отместку за то, что папа всегда редактирует и читает мои письма ко всем друзьям и родным.

1-е: что мы даже и не замучились, а только затормошились главным образом из-за того, что у плотника удивительным образом отшибает память после выпивки и он забывает, что надо делать.

2-е: что папе вся эта музыка с ремонтом по-моему даже нравится и он просто повеселел (впрочем, может быть), оттого, что по существу все самое главное закончили).

3-е: что оба мы были все это время здоровы и очень радуемся, что это нужное дело сделано.

Надо отдать справедливость Мише⁵, он изо всех сил и возможностей помогает до мелочей. Завтра придет сам поправить крышу крыльца.

4-е: И наконец, последнее: вы можете в любой момент приехать и жить, если нужно и захотите, летом. Михаил Иванович⁶ поймал в лесу двух маленьких кабанят и вырастил. За эти приписки я, конечно, получу хороший нагоняй.

№ 123. Н.С. Фуделю

8 II / 1958, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за 100 р. Мы живем в метелях, весь наш домишко занесен снегом, утром выбираемся с лопатами; здесь всегда таков конец зимы. Очень приятно сознавать, что опять скоро тепло, оживают надежды на более легкую пору жизни, на свидание со всеми вами. Мы эту зиму, хотя, может быть, мало пишем, больше без вас скучаем, как-то больше вас всех жалеем и к вам душой стремимся. Ужасно жалко Машеньку (вашу) и Лялю. Мама, получив ваше письмо о болезнях, стала совсем озабоченная и начала говорить о поездке к вам. Но как теперь ехать? Здесь дел и забот тоже по горло, Маша еще совсем не устроена, Миша² все еще полный инвалид, девочку или приносят к нам с ночевкой, или туда идем помогать, Варенька только что поправилась, но массаж продолжается и т. д. У Миши дело было очень серьезно, уже, оказыва-

ется, началось омертвление ткани, т<о> е<сть> он был на границе перитонита. Потом эта ткань куда-то приросла, образовались тяжи, и поэтому он и сейчас испытывает боли, недомогание и т. д. Говорят, со временем может пройти, однако советуют начать какое-то специальное лечение по разминанию этих тяжей, и оно бы уже началось, если бы тот врач (здесь), который один это может, не уехал куда-то на два месяца. Кроме этих чисто физических вопросов, не сходит с порядка дня и вопрос с его родственниками.

Получили ли вы наше письмо, где я писал о поездке в Липецк? Кстати, Люше здесь делают клизму чуть не ежедневно с простым подсолнечным маслом, но его предварительно кипятят (если оно разливное, а рафинированное — в бутылках — даже и не кипятят). Затем ей хотят давать по утрам «гриб». Не попробуйте ли и вы для Машеньки? Его ведь можно делать сладким, т<о> е<сть> приемлемым для девочки. Дозировка масляных клизм примерно $\frac{3}{4}$ масла и $\frac{1}{4}$ воды, и при этом впушенную клизму надо оставлять, она сама, когда захочет, выйдет.

Мама здорова, пока ест мед и пока не доработается до того, что перестает спать.

Непременно найди где-нибудь «Вокруг света» № 1 январь 1958 г., там интереснейшие статьи о Кон-Тики (продолжение его экспедиций на остров Пасхи), открытие «Острова Сокровищ», о котором ты читал в Вологде, затем о живых сейчас ящерах в озерах Шотландии и еще что-то.

Я надеялся было немного поработать в своей артели³, но не вышло. Теперь надеюсь, что, может быть, выйдет один урок с мальчиком по англ<ийскому>.

Как же вы с Лялей, бедные, живете там! Так ясно себе представляю вас обоих вечером, измученных, поссорившихся, помирившихся, Лялю уже спящую, а тебя с маленькой лампочкой над головой и с книжкой, «когда для смертного умолкнет шумный день»⁴. Милые вы мои и хорошие. Вот с теплом будет легче, приедем за Машенькой, а вы поедете на Кон-Тики. Да, там в «Вокруг света» есть еще для тебя особо интересная статья об альпинистах⁵.

Как ваши дела с Тamarой? Все-таки и «худой мир лучше доброй ссоры», а еще лучше добрый мир. Без понуждения себя и без долготерпения ничего и никогда хорошего не бывает, разве только на мгновение.

Мы живем здесь хорошо, в смысле мира, пока не заболеваем, а когда заболеваем, то иногда и унываем, так что это у всех бывает и все мы люди слабые. У меня иногда бывает что-то с сердцем. Недавно утром слишком быстро вылез из кровати и тут же сел на пол: видно, пора пришла уж не спешить больше, старость не радость. В Липецке ужасно устал. Мы ездили с мамой и привезли

оттуда слив<очного> масла. Езда туда с пересадкой 8 часов, почти как в Москву.

Знаешь ли ты, что умерла т<етя> Люба?⁶

Когда-то она мне дала свои стихи:

«Сердце гложет тайная тревога,
Что пуста дорожная сума.
У других даров для Бога много,
Я ж свои растратила сама.
И дойдя до страшного предела,
Там, где смерть обрежет жизни нить,
Я скажу, что в жизни я умела
Только петь, смеяться и любить»⁷.

Целую вас, дорогие, крепко. Ваш п.

№ 124. Н.С. Фуделю

24 IX [1958, Усмань]¹

Дорогой мой Коля.

Вчера ты очень порадовал меня своим письмом, таким теплым и мудрым. Сон о т<ете> Марусе принимай так, как он есть, — тебе дано было узнать, как она на тебя смотрит. Это великая милость Божия, когда бывают такие сны — утешения и откровения. Кстати, они обнаруживают, что не только «в плоскости» живет душа, но и еще где-то, в ином измерении.

«В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня»².

Ты прав, почувствовав, что я тоскую здесь один, беспокоясь. Прав и в том, что, может быть, оснований нет или мало. Но ведь, помимо очевидных или предполагаемых и очередных, но преходящих причин для беспокойства, есть еще одна первоисточная и не изживаемая — *memento mori*^{*}, чувство, осознание действительной быстротечности «реки времени», в которой несешься, не оставляя следа любви. Горечь вины перед любовью нестерпима. У св<ятого> Исаака Сирина есть такое слово об аде: «мучимые в геенне поражаются бичом любви»³. Это, конечно, «самобичевание» — мучение от невозможности осуществить любовь, навсегда и во веки веков. Это страшно, и предощущение этого бывает в душе.

Вот почему так дороги нам сны о «жалеющей любви», или любви сострадающей. Это твердые острова в холодном потоке.

^{*} Помни о смерти (*лат.*).

Вот почему надо дорожить такими людьми, еще живущими, как твоя мама.

Почему так долго от нее нет писем? Где она? Когда они придут? Я искренне рад приезду Муни⁴: это хорошо. Я писал, что в школе ученье только с 1 октября. Карточка Ир<аиде> Андр<еевне> и Тане⁵ очень понравились, а Ел<изавете> Пор<аскеевне>⁶ нет: она молодится, а вышла она реально.

Получила ли мама от меня 250 р.? Сажу по уши в грязь: рою картошку и около дома и на поле. Урожай большой.

Целую тебя с Лялей крепко. Храни вас Бог. Машеньку⁷ мою дорогою целую.

Твой п.

№ 125. Н.С. Фуделю

19 X/1958, Усмань¹

Милый мой Николашенька.

Как здоровье всех вас? Давно не было писем. И я давно не писал. Только послал Машеньке картинку². Муня³ ничего, бродит, мы все тоже. С нею стало еще уютней, она вечерами много читает и веселит нас своими впечатлениями. 22 ноября будут ее именины (через месяц), поздравь ее, будет ей приятно и удивительно. Наступила и у нас осень, холод, грязь, надо вооружаться терпением и уверенностью, что это временно. Понравились ли Маше картинки? Как она? Не очень ли вы ее притесняете? Ты обещал помногу с нею гулять и в зоосад сходить. Очень надеюсь, что ты не закурил, беги от искушения, как от змеи. Мы все очень часто тебя вспоминаем, хваля или осуждая, но всегда любя. Маша⁴ ничего.

Сейчас принесли твое письмо от 15 X! Бедная Лялечка! Радуюсь за Машу. Ты прав: никуда больше Машу не отправляй. Да, может, и не придется, только напиши Муне, успокой ее с пенсией, а вообще пиши ей очень осторожно, например не пиши ей про Лялино падение, а то она всюду ищет причины для возвращения в Москву для помощи там. Целую крепко. Твой п.

И посылку, и 100 р., и 200р. получили давно. За письма спасибо.

№ 126. Н.С. Фуделю

22 X/1958, Усмань¹

Дорогой Коля.

Вопрос с пенсией Муни, конечно, все-таки трудный. Так как и для нее, и для вас, и для нас лучше, если она будет жить здесь, то надо постараться эту трудность как-то разрешить. Как? Здесь важен каждый месяц. По твоему письму я понимаю, что за ноябрь, т<о> е<сть> 8 ноября, ей еще отдадут, следовательно, до

8 декабря Муня беспокоиться не будет, а тем самым и мы. Числа 10—11 ноября она свои 300 р. получит и успокоится до декабря. В начале декабря сам поговори с тем человеком, кто носит пенсию, объясни ей всю ситуацию, покажи ей почтовые квитанции на перевод 300 р. в адрес Муни, убеди дать еще раз или два. Можно будет отсюда послать ей от Муни письмо с извещением о получении: такую необходимость можно будет объяснить Муне, без риска волнений и стремлений вернуться.

Теперь, что же делать, если уже и за декабрь она пенсию не даст? Мы не видим другого выхода, как превращать твой ежемесячный перевод мне в Мунину пенсию, с добавлением к нему 100 р. до 300. Вопрос только в том, как добавлять эти 100 р.? Она очень наблюдательна, и тут ее не обманешь. Придется мне присылать тебе эти 100 р., чтобы ты добавлял 200 и отсылал обратно. Глупо, но что другое придумаешь, чтобы удержать уже совсем глупую старуху там, где ей лучше. Конечно, может быть возможен и такой временный исход: в начале декабря осторожно (нам здесь) заикнуться о доверенности («на всякий случай», может быть, почтальон сменится и т. д.)?

Ничего другого мы придумать не можем и оставляем пока об этом больше думать. Грешным делом я почти убежден, что даже если бы этой пенсионной проблемы совсем не существовало или если бы она как-то была вдруг блестяще разрешена, — Муня все равно бы стремилась обратно. В нее въелась какая-то привычка суеты, а здесь в тишине деревни «Парки бабье лепетанье, жизни мышья беготня»², — ночь, когда вся фальшь и тленность суеты очевидней. Люди от этого бегут, т<о> е<сть> прячут голову под крыло суеты. Так что договариваемся пока что так: если в ноябре вы получаете, то никаких вопросов не поднимается до декабря. В начале декабря ты говоришь с почтальоном. Если он откажет, — мы с тобой переводим твои 200 р. в 300, или же, если настроение у нее будет соответствующее, я попробую взять от нее доверенность и выслать тебе. Если доверенность придет даже в конце декабря, то, по положению, можно будет получить по ней на почте.

Чтобы не было недоразумения в словах, я еще раз поясню: дополнительные 100 р. я мыслю как мои собственные, то есть из моей или маминой пенсии. И еще вот что: ноябрьскую пенсию надо послать на ее имя и показать почт<овую> квитанцию почтальону. Не будет ли это убедительно?

В общем, попробуем так или иначе срезать острие этого угла. Если не удастся, — значит, надо будет испробовать его остроту. От нас требуется только проявить некоторое старание и желание, а что в результате случится — не от нас зависит, а от воли Божией, кторой слава во всем. Мы живем понемногу. Муня, по-видимо-

му, такая же, как была в Москве. Бродит, вяжет, чинит, слегка готовит, моет немного посуду и т. д. Читает с увлечением, ходит к Маше³, и здесь принимает ее и Люшку⁴. Изредка ругает Тамару, часто прощает и ее и всех, еще чаще всех осуждает. Из продуктов для нее нехватка в кусковом сахаре. Песок привезли из Воронежа.

Целую тебя. Твой п.

Про «верхнюю шкуру» я что-то не мог понять, хотя она мне только что объясняла. Кажется, это верх ее зимнего пальто, без подкладки, в сундуке.

Она сама хочет вам как-нибудь писать. Жизнью своей она здесь в общем, кажется, довольна, здесь тепло, тихо. Может быть, все обойдется.

Мама вяжет тебе синюю фуфайку, а я требую, чтобы по синему фону были вышиты серые бобры или олени, как у Миши⁵. Сейчас мама срочно заканчивает переделку пальто для Маши, т<ак> к<ак> она без пальто, а здесь тоже наступили холода.

11 ноября рождение Маши

22 ноября именины Муни⁶

17 декабря именины Вареньки

19 декабря именины Коли

(все, конечно, по новому стилю).

Вот тебе семейный табель-календарь. 4 ноября икона Казанской Б<ожьей> М<атери>, которая висит у т<ети> Там<ары> и перед которой умерли и мой папа, и т<етя> Маруся, а Муня сейчас мне вдруг говорит: «напишите Коле, чтобы 4 XI зажег лампадку, масло в угольнике, внизу», так что ты это сделай, не забудь. И еще пусть засветится огонь 6 января в Рождественский сочельник. Только сам потрудись найти и масло и спички, а то вот я всегда это кому-то поручал, а это не надо.

Целую вас обоих и дорогую Машеньку особенно. Благословение Божие да будет с вами.

П.

Мама ни на что не обижена, какие глупости! Всех любит, а тебя тем более. Но она буквально с утра до ночи что-н<ибудь> для кого-н<ибудь> делает.

Муня посылает привет Кате⁷.

Послал ли ты карточки Мих<аилу> Иванов<ичу>?⁸

№ 127. Н.С. Фуделю

5 XII [1958, Усмань]¹

Дорогой мой Николашенька.

Как живешь? Хочется посидеть с тобой, совсем вдвоем, поговорить. Вот и принялся писать. Меня последнее время все чаще мучает мысль, что я теряю последнее время, не делюсь с тобой

тем, чем должен был бы поделиться в дружеской беседе. Я, впрочем, успел также заметить и то, что молчание редко вредит, что не в словах дело. Но иногда словам делается так тесно в молчании, что они вырываются, как узники на свободу. Я уже писал тебе в какой-то короткой приписке в чьем-то письме, что твое письмо получил. Я очень тебе благодарен за твои письма. Можно жить очень хорошо, т<о> е<сть> в каком-то душевном покое, но как бы ни жил человек — всякое дружеское слово это примерно то же, что свежая ветка в клюве Ноевой птицы²: значит, где-то выступила суша и гнев Божий проходит. Только, наверно, не надо ничего «добиваться», т<о> е<сть> домогаться во что бы то ни стало, как чем-то должного. Это одинаково относится к слову друга и к жениной любви. Мы ни на что не имеем прав, мы ничего не заслужили, никто нам ничем не должен — ни друг письмом, ни жена любовью — а мы должны всем, — я должен всем. Это очень узкий путь, но какие же радости он обещает идущим! Чем уже, т<о> е<сть> чем сильнее это «Я должен, а не мне должны», тем шире расширяется сердце, тем способнее оно становится охватить мир. Да! есть путь великих радостей душевной жизни, путь насыщенный теплом и смыслом.

Но я не об этом хотел писать. Это редко звучит как достоверное, потому что слишком невероятно.

Я достал наконец замечательное чтение для всего дома — все три мои слушательницы не дают мне покоя, и как только прихожу со службы, уже слышу: «скоро ли начну читать?» Это, конечно, «Детские годы» и «Семейные хроники»³. А ведь и правда это очень хорошо, и я сам увлекаюсь, читая. Работы сейчас много, перед концом года, но лишь бы здоровье позволило работать: «не трудящийся да не ест»⁴, — сказал апостол. Тамарино состояние меня тоже очень тревожит, но здесь только Бог может помочь и разрешить.

Муне сейчас несколько лучше. Посмотрим, как все пойдет. Может быть по-всякому. Конечно, слава Богу, что она сейчас здесь. Ты знаешь, как мама ходит за больными? В комнате тепло, деньги ей от Васи⁵ пришли, она лежит или сидит совсем в покое. Знает святых каждого дня и время от времени велит зажечь лампадку. Для утешения купили ей портвейн, у нее аппетит, кстати, совсем хороший. Ждем от тебя пенициллин. Напиши, послал ли ты Васе баян.

Ты все боишься — сможешь ли ты создать в своей семье тепло семьи, дать Ляле то, что тебе хотелось бы ей дать, особенно после того, как ты останешься один с нею. Это страх, имеющий основания. Научиться создавать семью нельзя из книг, из всей мудрости человеческой. Книги здесь, скорее, повредят.

Оборачиваясь в сторону прошлого, виденного, слышанного, мыслю так: как Бог без Церкви непознаваем, так и семья без Церкви. По слову апостола, Церковь есть тело Божие⁶. А у Тютчева есть такая фраза: «ты риза чистая Христа»⁷. Вне этой живой и жизнью обтекаемой ткани немислимо познание Непостижимого и Невещественного. В Церковь надо так же верить, как и в Бога, т<о> е<сть> иррационально и безусловно, просто и радостно. Она есть — сплетишиеся руки друзей Христовых на Тайной вечери — плоть от плоти Его и кость от костей Его.

Кроме брака, есть иной путь человека — путь одинокий, вне семьи. Как апостол сказал, этот путь «блаженнее»⁸. Но путь семьи имеет одну особенность: он скорее дает возможность осуществиться обещанию Господа: «где двое или трое собраны во имя Мое — там Я среди них»⁹. Семья — малая Церковь, нечто такое, что особенно чувствительно и восприимчиво принимает именно эту тайну Церкви как Тела Божия. Отсюда в семье такое стремление освятить весь окружающий быт, уклад жизни, предметы, всю материю бытия, освятить всем тем, что освящает: начиная с таинств и кончая пасхальным яйцом или крестами, которые сажей или углем пишат на косяках или над дверями в деревнях. Конечно, все выражаемое внешне имеет силу только при наличии внутренней власти, но это уже другой разговор.

Так вот я не знаю — как мыслима крепкая, теплая, радостная семья вне Церкви.

А Церковь, именно потому что она «риза чистая Христа», а не общество для каких-то механических действий, или, — что еще хуже, — для рационалистических богословствований, требует от каждого, кто хочет стать частью этой ризы, какого-то подчинения своим законам чистоты и правды. Если вот, к примеру сказать, наступила Страстная неделя, она говорит — «перестань есть мясо!». «Открой свой внутренний слух хоть на эти дни — когда мы — ученики вспоминаем, как гвозди пробивали тело Божие и тело человеческое». Или вот наступает вечер субботы, перед воскресеньем — надо опять хоть на один час вспомнить воскресение Христово. Это везде можно. Нельзя же всегда все забывать. Или, вернее, мы потому и «забываем», что не умеем и не хотим этим жить. От каждого требуется только то, что он может. Помнить Страстную неделю, великие праздники, священную память каждого субботнего вечера — это мы все-таки можем и если мы это делаем (но, конечно, с чистым сердцем, т<о> е<сть> не обижая при этом своих близких), то мы уже вливаем свое дыхание в великое дыхание Церкви.

Вот тут-то и конец нашему одиночеству, конец пустыне!

О формализме я не пишу. Настолько само собой разумеется,

что только реальное, творческое действие человека угодно Богу, а не изображение из себя благочестивой машины.

Но Бог ищет нашего действия и при этом не только в отношении людей, но и в отношении себя.

Ему более, чем нам, не нужно рудинство. Вот это действие к Богу и к человеку и есть Церковь — путь определенного долга перед Богом и людьми.

Иногда мы стремимся «отыграться» только «на людях». «Будем, дескать, любить людей, и с нас хватит». Это самообман. Человек непознаваем вне Бога, и только через Бога он может быть принимаем. Вне его он уродство. Только через Бога-Человека можно принять человека. Только влюбившись в Бога, можно влюбиться в человека, потому что только тогда догадаешься, что в человеке — Бог. Иначе все непрочно и наша «любовь к людям» только до первого испытания огнем жизни.

Первая заповедь — «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, всем пониманием твоим и всею крепостью твоею»¹⁰. Заметь — какие потрясающие повторения в этой фразе! «До ревности любит Дух, живущий в вас, но тем большую дает благодать»¹¹.

Семья создается и сохраняется, только если она «малая церковь». Тут она — «у Христа за пазухой», — тут ей тепло и прочно. А иначе никакие узы — ни страсти, ни «долга» ничего сами по себе не сохраняют. О «страсти» я не говорю, это очевидно.

Жизнь человека — великое одиночество. И страсть, и «долг» вне божественной любви только усугубляют его. Задыхаясь от страсти, человек тут же начинает еще более задыхаться от одиночества. Этим объясняются все, такие, казалось бы неожиданные, разрывы в браке. Иногда это только ссора, вспышки, иногда окончательный уход. И тогда начинаешь догадываться, что сам по себе и брак ничего не спасает, ничего не сохраняет: все умирает под дыханием смерти, — если нет в этих двух несчастных пылинках, соединивших свои жизни вместе, — «победы, победившей мир — веры нашей»¹², если эти двое не начали «прорастать»¹³, как семена, в вечность, в нетленное бытие Церкви.

Половая жизнь такое же временное явление земной физиологии, как еда, питье или сон. Презирать этот факт — безумие, но еще большее — жить только в нем. Надо учиться — и принимая — все же уметь и превозмогать этот физиологический факт, — подготавливать себя к будущему: уметь, когда нужно, встать из крепкого сна к ранней обедне, обуздать себя, когда нужно, в другом. Это все робкие шаги из тленного к нетленному.

Целую тебя, Николашенька. Боюсь утомить тебя или еще больше боюсь сказать не так, как нужно. Может, уже и сказал, а

потому молю Бога, чтобы Он Сам научил тебя, Сам все разъяснил твоему сердцу и уму, а мои слова, если нужно, изгладил.

Дай Бог вам с Лялей мира, доброго совета, любви, благополучия, а иногда и «ангельского сожительства».

Твой п.

№ 128. Н.С. Фуделю
26 XII [1958, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Вспоминаю, как год назад ты собрался встречать Новый год у Ник<олая> Оск<аровича>² и надевал смокинг. Только наша тупая бесчувственность не пугается от этого бега годов. Здоровы ли вы? Муне эти дни опять лучше. Сейчас сидит и спешно вяжет тебе носки для лыж. Об отъезде ни «за», ни «против», а мы молчим, не желая ее стимулировать ни на то, ни на другое. Схожу опять к нотариусу — может быть, она еще раз оформит доверенность³, не видя доверителя: они здесь по домам не ходят, а к ней тащить Муню трудно.

Вареньку к врачу записали на б I, вот она и поехала, и деньги ей на дорогу прислали⁴. Это будет как раз в сочельник. Когда-то у Макса⁵ в этот вечер бывала роскошная елка. Мы здесь будем делать крошечную елку для неунывающей и очень смешной Люшки⁶.

Ее когда-то учили молиться: «за папу, маму, дедушек, бабушек, дядю Колю, тетю Лялю» и т. д., и вот почему-то из всего перечня у нее запечатлелись ясно только вы, и когда теперь она видит икону (или церковь), она постукивает себя пальчиком по лбу и приговаривает: «Бозе, Бозе, Колю, Лялю»... Так что и мы иногда теперь, когда вздыхаем, говорим так же (независимо от вас).

Я недавно писал Ляле, доходят ли письма? Твоя открытка дошла и порадовала каким-то дыханием. Работа моя кончилась, увы, и я опять у домашних дел, что утомительней. Обрадовались было перспективой твоего перевода в Липецк⁷, но ты это отвел. Почему? Мы уже оттуда получили письмо от Степ. Ал.⁸ с радужными перспективами тамошней охоты и рыболовства. Город — из одного конца в другой виден, а кругом леса и реки. Конечно, для тебя это было бы хорошо.

Относительно писем: подумай — может быть, правда, писать тебе на институт или на почт<овое> отдел<ение>?

У нас новое беспокойство: надо куда-то переводить Машу⁹ — там, на квартире, ссора, и требуется перемена обстановки. Маше вообще трудно. Она ведь прямо говорит, что ее брак в общем ошибка, но что, мол, надо терпеть. Иногда она терпит весьма легко (или, скорее, ее «терпят»), а иногда трудно. Ищем

им комнату. Вареньку перевели к себе, так что у нас совсем как Ноев ковчег или юрта эскимоса. Когда приходит Люша, то я ее все время сваливаю валенками. Но тепло, и дров, очевидно, хватит. Мама в непрерывной работе, потому не пишет или пишет мало. Ей приходится на «пяточке» своего кухонного отделения проделывать все: и топить, и чистить, и варить, и непрерывно дезинфицировать разные Мунины тряпки. Ведь рвота почти ежедневно¹⁰.

В общем мы живем мирно. Спасает церковь: в 8 утра иногда (и часто) убегаем к будней обедне, когда в храме пустыня с горящими лампадами и полная достоверность Вечности. Там пьешь от источника, и со страхом возвращаешься домой, со страхом, что по собственному бессилию не сохранишь полученное. Там же иногда узнаешь о страдании, которое безмерно больше нашего.

Целую тебя, дорогой мой. Будь добрым не только на Рождество, но и всегда.

Твой п.

Сейчас получили письмо от Ляли и Тамары — спасибо большое им.

№ 129. Н.С. Фуделю
[Канун 1959, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

Целую тебя крепко, шлю тебе сердечный привет и вздыхание, т<о> е<сть> пожелание всего самого светлого в жизни. Мы с мамой все еще возимся и не унываем. Получил ли Мунин кошелек? Она вязала его часто в слезах. Ведь целая эпоха в этом бисерном кошельке. Я, конечно, мечтаю вас увидеть, но ехать не хочется, а скоро будет и нельзя, когда Муне станет хуже, а мама говорит, что это будет скоро². Начал было я служить³, но ничего не вышло и сейчас опять в инвалидном положении. А надо бы ежедневную работу! Целую тебя. Не забудь про 7/1 (Рождество), 15/1 (пр. Серафима), 19/1 (Крещение).

25/1 позвони Татьяне Мих<айловне>⁴, это ее день Ангела. Твой п.

№ 130. Н.С. Фуделю
11 I [1959, Усмань]¹

Дорогой мой Николаша.

Спасибо за 100 р., за большое письмо раньше и посылку Муне, за сегодняшнюю записочку в Мунином письме. Очень радуюсь, что между нами дружба не ослабевает. А черные кошки всегда и везде бегают и пробегают между всеми. Впрочем, они избе-

гают бегать там, где их встречают по футбольному. Как ни закрывай глаза на это, а жизнь все-таки подвиг, который надо честно совершить, узкий путь, который надо смиренно пройти, иго Христово, которое надо с любовью принять. И только при таком сознании жизни, в сердце неугасимой лампадой зажигается радость. А на эпикуреизме далеко не уедешь, не дальше первой зубной боли или ссоры с другом. Сегодня три года твоей дочке². Плохо ли, хорошо ли, но твой семейный корабль идет своим курсом. Поздравляю его с этим юбилеем.

Вчера Муня вдруг опять заговорила о поездке в Москву. «Поеду в начале февраля, поживу до весны, а там опять приеду».

«Тамару жалко, весь день одна». В причинах этого поворота курса, впрочем, трудно разобраться. Может, здесь и лукавство и страх насчет пенсии, а может, просто пушкинское — «тяга к перемене мест»³. Состояние ее временами очень бодрое, но лишь внутри дома, около стола или эл<ектро>плитки, на которой она себе все готовит (кстати, ей, если поедет, надо ее купить). Говорит — «раньше июля не умру». Я с ней говорил о смерти довольно откровенно (после того, как она первая мне сказала как-то: «С<ергей> Ос<ипович>! — ведь кончается моя жизнь»).

В связи с переписью⁴ я ее прописал здесь на 1 месяц (с 10 I). В вашем бланке она пойдет по 2-й графе (или второму вопросу), а в нашем по третьему, как «временно проживающая» или «временно выбывшая» — «меньше месяца».

Уж не знаю, что это будет для вас, если она поедет и если ей станет хуже, чем теперь. Она говорит о Бухарине⁵, о возможности лечь в больницу. Но о фистуле и слышать не хочет.

Мама замучилась, устала, — есть состояние то ли труда, то ли беспокойства, свыше сил или меры человека. Сейчас ждем Вареньку⁶. Машенькин квартирный вопрос еще не разрешен. Может быть, удалось бы втиснуть ее на Механ<ический> завод⁷ чертежницей, но куда девать Люшку?

Делали ей у себя елку с дедом Морозом и твоим пакетом с апельсином, конфетами и «Олей», пришедшейся очень по сердцу (а бывает, что куклу сразу отбрасывает — какая тут закономерность — не знаю).

15 января день смерти пр<еподобного> Серафима⁸. Он в эту зимнюю ночь в 1833 году умер, стоя на коленях на молитве. Представь Россию 1833 года. Очень прошу тебя запомнить (уже не для себя, а, что еще вернее, для других), что 27 января день именин т<ети> Нины и если ты вечером позвонишь, то сильно утеплишь ее глупое сердце.

Я никого не утеплял — ты постарайся и за себя, и за меня.

Получил ли мешочек бисерный для Маши?
Целую и низко кланяюсь сначала ей, а потом и вам обоим.
Твой п.

№ 131. Н.С. Фуделю
21 III/1959, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Получил твое и Лялино письмо и очень ему порадовался. Спасибо вам, дорогие, за любовь. Рад, что вам теперь несколько легче и Тамаре лучше в больнице. Ее состояние очень меня тревожит. Не скованность тела в первую очередь, а то, что нет у нее утешения. Никто, конечно, помочь не может, кроме Бога, а он помогает тем, кто этой помощи ищет. Переезд Муни в связи с ее состоянием тоже осложняется². Надо еще найти человека для них обеих. Во всяком случае я договорился на службе, что, если будет нужно, я в конце апреля или, вернее, в начале мая отвезу ее. А лучше было бы в начале июня ехать им троим, маме, Муне и Вареньке, после ее экзаменов. Маме надо лечиться и по разным другим причинам надо ехать. Но состояние такое, что не знаешь, как все в конце концов выйдет. Я был еще у хирурга, и он сказал, что язвы у меня, вероятно, нет, а боли от спазматического колита.

Не знаешь ли ты, получила ли Тамара мое и Мунино письмо?

Обалдев совсем от своих балансов³, я как-то вечером прочел «Холодный дом» и наконец понял значительность Диккенса, по крайней мере, такого Диккенса. Это какой-то погребальный катафалк, чудовищный и великолепный.

Стало ясно, что Достоевский не только конструктивно из «Холодного дома», но и по великому милосердию к человеческому роду, что конец «Мальчика у Христа на елке»⁴, — это конец Джо⁵.

Целую вас обоих. Мир дому вашему!

П.

Мунину пенсию получили⁶. С будущего месяца буду получать на службе 500 р.

Прилагаю письмо Тамаре.

№ 132. Н.С. Фуделю
5 V/1959, Усмань¹

Дорогой Коля.

Вот вчера мы похоронили Мунечку. В понедельник на Страстной она причастилась, после чего всю неделю уже не пила почти ничего, кроме воды с вином, пробовала молоко, но потом отказалась, сказав, что не идет. Рвота преследовала все время, но

эту последнюю неделю и она утихла. Осталось одно мучение с мокротой, — тяжелое клокотанье внутри, и начались все чаще какие-то явления в сердце. Иногда по многу раз в день принимала то Зеленина, то валидол. Но даже утром в субботу пульс был еще сначала неплохой. Очевидно, все свелось к метастазу в легкие, и это решило жизнь молниеносно. Самое главное то, что болевых страданий, по существу, не было. Несколько раз она говорила: «слава Богу, у меня ничего не болит». Действительно, за ее любовь к детям и людям Бог освободил ее от многого, казалось бы, неизбежного.

Умирала она в абсолютном сознании смерти до самых последних секунд.

Собственно, умирала она дважды: в среду я ездил в Воронеж за маслом, рыбой и т. д., и когда приехал, мне сказали, что ей было очень плохо, читали уже отходную, но потом отошло, а она сказала: «как же я умру, не простившись с С<ергеем> О<сиповичем>». В пятницу я ночью пошел на службу «Погребения», вернулся в 7 утра и испугался ее глаз: они были уже в черной рамке. Увидев меня, она напряженным голосом сказала: «простите меня». Потом часов в 9 просила позвать Машу. С этого времени, собственно, и начались последние часы. Она лежала больше с закрытыми глазами, но замечая все больше, чем мы. Когда через открытую форточку дошел звук благовеста к обедне (в 10 часов), она перекрестилась, и потом несколько раз крестилась. Иногда говорила с Машей, которая была с ней. Но лежала так спокойно и пульс был настолько еще не угрожающий, что я решил, что это то же, что было в среду, и сказал Маше: иди домой (но она не ушла). Только после 11 я понял, что это серьезное, когда она, на вопрос мамы, идти ли ей в церковь? — ответила: «нет, уж лучше не ходи» (а обычно, наоборот, отправляла). А потом сразу все стало ясно. Она вдруг велела маме держать ее руку, а когда она стала слушать пульс, она с досадой попросила ее: «не пульс, руку». Видно, была нужна родная рука. За несколько минут до смерти сказала: «ну теперь я пойду домой, к своим». Мама помогала ей подносить руку к голове для крестного знамения. Я читал отходную, и только по лицам мамы и Маши видел приближение смерти. Варенька была с Люшкой.

Потом мама и Маша ее обрядили, и она лежала чистенькая, в белом платочке, очень спокойная и добрая. Это было в час дня в субботу.

К заутрене пасх<альной> мы все-таки пошли все, оставив ее одну в доме, и было очень хорошо. Ночь была теплая, мы стояли на приступочках у открытой двери, с народом, все слышали, и пение и службу. Хоронили на второй день Пасхи², когда выносили

из церкви, был пасхальный перезвон, и все отпевание было составлено из пасхальных песней. Весь народ в церкви удивлялся такой смерти (в такие дни), незнакомые люди подходили к гробу, ставили на нем свечи, целовали ее руку. В гробу она лежала в монашеском, с четками. Без конца нас спрашивали: «как ее имя?»

Вот и конец пути. Завтра Маша с Варенькой и Люшкой отнесут ей черемуху, она все просила Машу: «принеси мне цветов».

Деньги 500 р. мы получили, вернувшись с кладбища. Все соседи во всем помогали, священник не взял ничего за похороны, т<ак> что трат было не больше, как на 350 р.

Сейчас ее угол за печкой пустой, но там все еще висят те карточки, которые были при ней.

Васе³ я написал. Свидетельство о смерти получил и вышлю для выписки.

Мама очень изнемогла, и сейчас я боюсь за нее.

Целую вас. Жизнь Мунечки у нас в доме эти 7 месяцев⁴ многому нас научила, многое хорошее нам дала. Мы стали дружнее, нам стало яснее, что только в любви к людям смысл жизни, нам стала еще радостней радость Пасхи, праздника нетления в Боге.

Христос воскрес!

П.

№ 133. Н.С. Фуделю
27 X / 1959, Усмань¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за деньги. Сегодня день смерти бабы Зины². Я вспоминаю, как мы с тобой (или ты с Муней) приехали из Загорска, а ее уже выносили из дома, в маленький московский дворик на Гагаринском³. Это тому уже 22 (21), кажется. Так идет история. Очень просим мы с мамой наших дней смерти не забывать и бывать в них в церкви. В ней была наша жизнь и любовь. Что церковь сейчас умирает, я знаю, но знаю еще и то, что она никогда не умрет. Умирает тленное, а бессмертное умереть не может.

Мы в осенней грязи, темноте, трудах и озлоблениях. Маша⁴, наконец, на днях переезжает в свой (или Мишки)⁵ коттедж: две комнаты, кухня, стекл<янная> терраса, сарай, подвал, в будущем забор, яблони, колодец. Там будет уже сейчас у нее коза, кролики, куры. Дал бы только Господь мира и здоровья!

Варенька получила двойку за сочинение и очень, бедная, переживала. Люшка⁶ на козьем молоке совсем поправилась. Безобразничает, но очень мило, совсем как была маленькая Маша: кокетство с детских лет.

Целую всех вас, дорогие. Не забывайте, пишите изредка, но без насилия (а то я видел, как ты заставлял Лялю!). Были ли в

Донском?⁷ (Над самим собой можно и насилить.) Поцелуйте Машеньку⁸ с низким поклоном. Читали ли вы С. Лагерлеф «Иеста Берлинг»?⁹ Если нет, поищу для вас.

Ваш дед.

№ 134. Н.С. Фуделю
14 VIII [1960, Усмань]¹

Дорогой мой Коля.

Рад был услышать твой голос; я уже думал, что мое письмо пропало. Пишешь ты о себе грустные вещи — твое здоровье предмет большого беспокойства и недоумения у всех нас. То, что ты уже и сейчас, только что вернувшись с Кавказа², плохо себя чувствуешь или как и прежде, еще раз подтверждает то, что никакие горы, леса и пустыни тебя не спасут, если после них надо возвращаться обратно. В твоём деле, как чужая душа и тело, говорить очень трудно. Но ведь если бы это была контузия, т<о> е<сть> чистая физиология, то почему о ней не было слышно в годах 1945—1951?

Неужели она таилась чуть ли не 10 лет? Да не чуть ли, а как раз 10 лет — 1944—1954. Но если это не физиология, то гораздо больше уверенности, что это временно, что это пройдет. Так по рассуждению человеческому, так и по-Божьи. Все проходит, и болезни, и здоровье, и жизни, — и важно не потерять себя в них, т<о> е<сть> не утратить из-за них своей свободы и своей радости. Поэтому-то об этих двух сокровищах я всегда и болею в отношении тебя — чтобы они всегда были с тобою, в какой-то кладовой сердца, куда входит только один Бог. Хранишь ли ты их, ищешь ли их? А ведь некоторые теряют их не в болезнях, а именно в здоровье — сердце заплывает жиром и жир побеждает все. Я иногда думаю, что и последнее было бы горше первого, и что болезнь твоя промыслительна, т<о> е<сть> по воле Божией, чтобы ты не уснул, как засыпают многие. Поэтому путь к выздоровлению — это давать Господу какие-то обязательства, что ты не спишь. Он, увидев это, и болезнь снимет, ибо она будет уже не нужна, раз человек (Коля) сам не спит.

Про Машеньку³ ты пишешь тоже беспокойное. Конечно, все это страшно: точно неотвратно формируются черты грубости и нелюбви. Но это уже такой больной вопрос, что лучше его не трогать. Даже и Люшка здесь почти предоставлена стихиям.

У Маши⁴ дела все те же.

От Вареньки писем мало, скоро она уже вернется на свою вахту⁵. Мама болела, но быстро поправилась, т<ак> к<ак> нам уже совсем нельзя болеть.

А ты не пробовал писать детские стихи? Я сегодня читал Лю-

ше стихи в книжке какого-то Демьянова Ив. Ив.⁶ — такие хорошие стихи! Начни для Маши, заведи хорошую тетрадь: налево текст, направо картинки. А под старость и издашь, опять же полезно. Демьянова я могу прислать для образца. И занятие это можно вести даже на службе, а тем более по дороге к ней.

Целую тебя, дорогой. Прости, что мало пишется, — нет воды живой, все больше усталость в голове.

«Да шелестят травой сухой
Мои старинные болезни»⁷.

Лялю и Машеньку целую.

Твой п.

19 VIII мамин любимый праздник Преображение.

28 VIII Успение.

Вернулась ли т<етя> Нина?

№ 135. Н.С. Фуделю

29 XI [1960, Усмань]¹

Милый мой Николаша.

Спасибо за письмо; да, необходимо как можно чаще писать друг другу, так как даже совсем незначительные нити общения душевного делаются какими-то нитями Ариадны, выводящими из лабиринта путаницы и темноты. Меня порадовало, что, как ты пишешь, в этом году наряду с разными скорбями, ты видел много светлого от Ляли, Маши и бывали у тебя хорошие встречи с людьми и книгами. Это и есть жизнь, — ее золотая проба, когда на черной земле страдания вырастают цветы. Цветы из воздуха или маргарина вырастают только у фокусников, и при этом совсем не вырастают и совсем не цветы. А все настоящее идет через страдание. Что даст Бог в будущем году? Конечно, хотелось бы в этом, 61-м году² переехать поближе к вам и Вареньке, т<ак> к<ак> годы идут и река времени все ближе к своему океану. Будем надеяться и ждать. Весной будет виднее, а если нет, то у меня запасен лес на ремонт (Мишины хлопоты), буду опять ковыряться здесь³. Про маму что скажу? Все в руках Божиих. Я ужасно боюсь остаться один, т<ак> к<ак> все мои добродетели показные и вела меня к Богу она. В ней сила жизни, сила ведущая к Источнику жизни, — любовь к миру и людям. Она из последних могижан⁴, а я только их Фенимор Купер. Но кто указывает Богу Его пути?

С кем вы встречаете Нов<ый> год? Не с Колей Т<ретьяковым>? Мама сегодня вернулась после 2 недель от Маши⁵, у которой уши, кажется, прошли. Зато, кажется, опять назревает новое и более внутреннее воспаление, душевного характера.

Значит, у Тамары боли остались только в коленях? 30 ноября

(среда) — день смерти бабы Жени⁶, с которой ты был знаком. Если письмо успеет напомнить, позвони т<ете> Нине и узнай, как она там. Книг новых давно не имели, а все читали Диккенса вслух. Есть ли у Маши «Конек-Горбунок»? У Люши он сделал эпоху, и она уже почти наизусть его знает. Где бы достать настоящую большую биографию Диккенса, — может быть, у Ел<ены> Вл<адиамировны>⁷ есть по-английски? Думаю, что биография Ланге⁸ не то, впрочем, я ее не читал. Нет ли у тебя литературоведов по Диккенсу? Я знал одного по Шекспиру. Как же, напечатали твои стихи в журнале?⁹ Н<иколаю> Оск<аровичу>¹⁰, когда увидишь, передай мой привет. Очень мне его все жаль, с его жировым наростом, из которого вырваться человеку почти так же трудно, как родиться вновь.

31 XII (т<о> е<сть> 13 I) будет мне 60, «стукнет», как говорят. Все еще хочется принести людям какую-то пользу, и все еще ничего не получается и теперь уже надежды мало. Как корабль, который тянут на буксире после кораблекрушения, вхожу я в неведомую пристань. «Помилуй мя Боже, помилуй мя».

Шлю тебе с Лялей привет и любовь.

Храни вас Бог. П.

№ 136. Н.Н. Третьякову

5 янв. [1961, Усмань]¹

Дорогой Николай Никол<аевич>.

Завтра сочельник, на меня веет какими-то детскими елками и теплом детства, и вот именно в эти часы хочется послать Вам сердечный привет и всему Вашему дому. Я Вас совсем недавно знаю², но, кажется, безошибочно воспринимаю Вас где-то «в планах» своего детства и всего близкого. Храни Вас Бог! Я хорошо понимаю, как Вам трудно и как много кругом Вас такого, что не дает собирать тепло. А, кажется, всю задачу жизни, весь ее смысл, можно свести к этому собиранию. Знаете — есть такое выражение: «загонять тепло в дом». Вот так же надо «загонять» его в сердце.

Я встретил Новый год в абсолютном и гнетущем одиночестве, под аккомпанемент плясок и пения за стеной. Вера М<аксимовна> еще не скоро приедет³.

Завтра, может быть, приедет Коля, и мое одиночество развеется.

Как жаль, что не всё между вами гладко, не всё в полном единстве дружбы. Вы понимаете, о чем я говорю. Во многом мы сами виноваты, а, может быть, и во всем.

Передайте мой искренний привет Ир<ине> Ник<олаевне>⁴ и мою просьбу извинить меня за неприезд в прошлый раз. Я, право, становлюсь стар и слаб, и мне уже трудно разъезжать, как

прежде. Беспокоюсь за Ваше здоровье, пишите мне о нем, что сказал врач, что Вы решили.

Ваш С.Ф.

№ 137. Н.С. Фуделю
28 I [около 1961, Усмани]¹

Милый мой Николашенька.

Спасибо за ваши письма. Так грустно, что мы в разных местах лежим и бодем. Здесь тоже появился грипп, но, кажется, не так злобный — пока шел до Усмани, несколько остыл. Сегодня получил результат рентгена — находят только болезни кишок, хотя слегка подозревают: в одном их месте — язвы. Не ясно еще — поджелудочная железа, она, конечно, не просвечивается. Пищевод проходим. Во вторник, очевидно, пойду опять к врачу с анализами, но он, наверное, еще погонит на желудоч<ный> сок, от чего я уклоняюсь пока. Вот уже месяц на днях, как болею и, кроме того, что это есть во мне, ничего еще не знаю. Аппетита нет совсем, хоть ем весьма мало, но это, может, оттого, что имею право есть только крайне невкусные или же надоевшие вещи. Одно утешение в чае с медом.

По Достоев<скому> работаю как могу², Варенька привезла 4 весьма интересн<ые> книжки с письмами и неизданными главами романов³. Если еще немного копнуть в «Кр<асном> Архиве», «Недрах»⁴ и др., то уже сейчас мне видно, что можно, с Божьей помощью, бросить свет на эту фигуру со стороны для многих еще нужной и недост<аточно> освещенной. Дост<оевский> жил с нами все это время и вместе с нами он и умрет: он будет только тогда не нужен, когда не будет нас. Когда же не будет нас? Жизнь так хрупка, как одуванчик.

О себе скажу: я, конечно, устал жить и последнее время все вижу во сне какие-то дома в лесу на полянах, освещенных солнцем, а за рекой города, полные сияющих церквей. Но я знаю, что главная усталость от грехов, — от недостатка или отсутствия в течение жизни любви к людям, а поэтому не только хочу, но и страшусь смерти и ответа, и тогда хочу искренно еще пожить и поработать для людей. О приезде даже не знаю, что и думать. Помнишь в «Игроке» Достоевского, там в Монте-Карло⁵ привозят играть в рулетку богатую старуху из Пензы или Рязани на носилках⁶.

Боюсь, что я смогу дойти до большой слабости и тогда предпочел бы быть у себя дома. Но что Бог даст! Эта неделя пойдет на конец анализов врача. Ждем еще письма от т<ети> Кати⁷, я ей писал и мама. Мы поедем, конечно, в том случае, если ее ответ будет положительный, т<о> е<сть> что можно лечь на лечение,

включая анализы (т<ак> к<ак> ездить по анализам в Москве мне будет уже трудно).

Поищи у себя и других воспоминания Анны Гр<игорьевны>⁸. Воспомин<ания> его дочери⁹ у меня есть. Целую тебя, дорогой, Лялю и Машу. Как Тамара? Передай ей мой сердечный привет.

П.

Коля¹⁰ действ<ительно> очень трогательный, я пишу ему еще больше. И то, что ты меня просил, написал.

Гуммиарабиком приходится клеивать, т<ак> к<ак> конверты никуда не годятся.

№ 138. Н.Н. Третьякову

[*Канун Пасхи, Усмань*]¹

Милый Ник<олай> Ник<олаевич>.

Во-первых, спасибо большое за Вашу готовность одолжить мне денег на мой переезд, но, к счастью, кажется, нужда в займах отпала, т<ак> к<ак> мы здесь сейчас не можем продать своего дома и, следовательно, наш переезд и покупка откладываются².

Во-вторых, я хотел Вас спросить вот о чем. Не собираетесь ли Вы на 8—9 апреля³ куда-нибудь поехать, ну, скажем, во Владимир или еще куда-н<ибудь>, чтобы послушать пение? Если собираетесь, то прошу Вас, увезите с собой моего Колю⁴. У него есть талант — совершенно бесталанно проводить такие дни. Помните эти строчки:

«Светало. Рассвет как пылинки золы
Последние звезды сметал с небосвода»...⁵

Или другие:

«И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться»⁶.

Как же не видеть, как же не слышать этого!

Крепко жму Вашу руку и искренно желаю и личного и семейного благополучия, и светлого Праздника, светлого Праздника!

Ваш С.Ф.

№ 139. Н.Н. Третьякову

4 VI/1961, Усмань¹

Дорогой Николай Николаевич.

Я еще, кажется, никогда не испытывал более досадного недо-

разумения: я только на днях узнал или понял, что в числе тех денег, которые Коля переводил мне на стройку², были и Ваши 500, а, не зная этого, и не благодарил Вас. Простите меня. Сейчас только все это разъяснилось, а поэтому — по пословице: «лучше поздно, чем никогда» — примите мою сердечную Вам благодарность. Это чувство благодарности к Вам я, впрочем, испытывал уже давно: за Колю, за ту дружбу, которую — как говорили в 19-м веке, Вы ему дарите. Коля, это запуганный и задерганный воробей, обязанный сидеть в каменном мешке, да еще с портфелем в лапках, и смотреть на все воробьиными глазами. Чем помочь ему, как облегчить ему путь — ума не приложу. Если во многом он сам виноват — от этого не легче. Не оставляйте его. Кажется, в притчах Соломона сказано: «брат от брата помогаем, — яко град тверд и огражден»³. В любви есть дерзновение, и есть всемогущество, и есть то смирение, без которого вообще ничто невозможно, без которого все умирает.

Очень был бы рад увидеть Вас и И<рину> Н<иколаевну>⁴, но не знаю, когда приеду.

Храни Вас Бог!

С.Ф.

№140. Н.С. Фуделю
28 I [1962 Усмань]¹

Дорогой Николаша, прости, что долго не отвечал на письмо, привезенное Варенькой. Мы так обрадовались ее приезду, что обо всем вроде забыли. Все же жизнь без детей очень одинока, и мы к ней еще не привыкли. Варенька спит за печкой, и наши старые сердца успокоились и потеплели. Она тоже довольна и с ужасом считает остаток дней до отъезда. Я нашел ее мало изменившейся и довольно серьезной, если не считать остриженной головы — дань Бандар Логу². Она набросилась на нас за нашу инертность в вопросе переезда. Я, правда, инертен, мне бы сейчас только сидеть на печке в валенках, но под ее воздействием сделал объявление о продаже и сообщил всем, кому нужно. С ней я и приеду, чтобы поехать на место и договориться окончательно. Если договорюсь о цене, то надо будет дать задаток рублей 500 (=50), чтобы не упустить, т<ак> к<ак> от туда мы получили письмо (от соседей продавцов), где говорится, что нас ждут, что они себе уже подыскали и могут тут же нам продать.

Так что если у нас пройдет успешно продажа³, то все это может обернуться быстро, — к Пасхе или тут же после нее (IV) мы сможем оказаться во Владимир<ской> области. Мама сегодня шутила, что вы вдруг неожиданно получите от нас письмо не из

Усмани, а из Александрова⁴. Я молчу, т<ак> к<ак> боюсь, как обычно, всяких задержек, но все может быть. Деньги на задаток у нас есть полностью. Может быть, если удастся продать хорошо, то даже останется немного, чтобы там отремонтировать третью комнату? Мы мечтаем, чтобы было помещение для ваших приездов. А мама еще мечтает, и довольно серьезно, чтобы как-то сэкономить на продаже и купить пианино: завораживать девочек — она говорит, и себя, конечно, — добавляю я. Спасибо за журнал. Стихи⁵ не плохие — видишь, ты и форму всю сумел соблюсти, когда понадобилось. Я уверен, что и «Северный свет»⁶ ты мог бы продолжить. У твоего приятеля⁷ хорошая душа, дай Бог ему покоя и прочности, в частности, и в семейной жизни. Варенька говорит, что его приятельница или новая жена очень мила. И он сам ей понравился. Посвежел ли ты после отдыха? Милый ты, Николаша, что же с тобой сделать? Нам ужасно жаль Лялю, ведь весь дом на ее плечах. Поставь же ты в святой закон уезжать вместе за город в воскресенье хоть на лыжах, хоть без них. У нас большие морозы и снег, надеюсь, и у вас тоже. Маша в ужасе от Тамариных отечных ног, говорит, что это перед концом (ей кто-то это сказал). Сама Маша посвежела как-то от поездки, хотя и неудачной в смысле ее болезни. Жаль, что ты с ней не виделся.

Целую вас крепко. Спасибо за любовь и память. Недавно попались хорошие стихи, которые и посылаю.

«Не всё ль равно, пусть время катится.
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божие поля»⁸.

Ваш п.

№ 141. Н.С. Фуделю
[около 26 мая 1962, Усмани]¹
Дорогой наш Коленька.

Спасибо тебе за рассказ², очень нас порадовавший. Точно в серую комнату вошел маленький лучик и обнадеживающе прошел по стенам. Так было утешительно и то, что пришел он как раз в день твоего рождения³. Получил ли ты нашу телеграмму?

Хотелось бы продолжения этого цикла с пером и Аполлоном. Ты помнишь Мих<аила> Егорыча⁴, как он сидел на лавке с очень серьезным лицом и рассказывал про то, как было в Москве при Наполеоне, — по рассказам его отца — Мих<аилу> Ег<орычу> было больше 80 (в 30-м году), т<ак> что его отец в своем детстве мог что-нибудь и помнить. Во всяком случае ты и

М<ихаил> Е<горович> сидели на лавке, как Фаунтлерой и мистер Гоббс⁵, и ты слушал (он сидел на бочонке с орехами).

Потом там были колоссальные темно-красные куры у Пелевиных⁶, у которых вороны крали яйца (они пробивают носом дырку и так уносят на крышу). А однажды Пелевины сварили в супе полкурицы и поставили ее на окно и, вот, мама сама видела, как ворона, все созерцавшая с дерева, опустилась на окно, и курица была унесена на сарай. Мама говорит, что ярость Ел<ены> Абр<амовны>⁷ и злорадство всех прочих (т<ак> к<ак> ее очень не любили) было уморительным. Все во главе с Ел<еной> Абр<амовной> потрясали руками, щетками, кочергами на ворону, сидевшую с курицей на сарае. Потом туда приходил дядя Кокка⁸ и приносил какие-то старые ненужные вещички. А ты там пугал Машеньку⁹ «Сальвадором», который живет за обоями. (На стр<анице> 3) «склад лесных досок» нельзя сказать, это вроде «металлического железа», доски все «лесные», а не полевые, да и «склад» нехорошо, я бы просто сказал «лежали доски». Чуть режет «тетя Поля». То, что создается ассоциация с «тетей Полли» из Тома Сойера¹⁰, неважно. Но она говорит «ласково» и введена как «родная тетя», а потом вдруг оказывается, что она единственная в этом рассказе «представительница зла». «Ласково» я бы заменил «подозрительно» и именовал бы ее именем-отчеством, как в конце рассказа.

У меня большая просьба: цены здесь снизились, и мы должны, перед тем как решаться на них, иметь данные — можно ли в М<ало>яросл<авце> купить за 2,5 — 2,6 максимально?

Если там конъюнктура такая, что можно, тогда мы отдадим здесь за 2,9, дороже вряд ли удастся.

Отдадим 0,3 долга и купим. Тянуть дальше нельзя. Поэтому я прошу тебя в ближайшие дни съездить туда, и, может быть, даже раза два, и обойти все, что возможно, по объявлениям. Я не могу оставить здесь маму, кроме того, каждая поездка стоит много денег — где их взять?

У Вареньки сейчас экзамены¹¹, конечно, и тебе это трудно, но без этой помощи ничего не выйдет. Как нам решаться здесь на сниженные цены, если совсем не ясно — что сейчас в Малоярославце¹². Покупатели сейчас у нас появились, после больш<ого> перерыва, но они больше 28 (м<ожет> б<ыть>, 29) не дают. Я буду пока тянуть. Если там найдется за 25—26, я соглашусь на 29. Иначе это не решишь. Вот почему я тебя и прошу это сделать, причем, может быть, мало будет один раз съездить, а придется два. Может быть, и Варенька поможет, но она сейчас в экзаменах, у нее 4-го первый большой экз<амен>, т<ак> что лучше ты ее не нагружай, а только узнай от нее — где объявления, где зна-

комые и т. д. У т<ети> Маши¹³ там родня, у С<офьи> П<авловны>¹⁴ тоже. Пожалуйста, Николаша, займись этим, прочеши этот городишко. Имей в виду, что нам никаких «вишневых садов» не нужно, никакой романтики за наши деньги не купишь. Надо, чтобы была комната и кухня, чтобы все было еще вполне крепкое, особенно крыша, чтобы не был далеко колодец. В отношении участка мы рассчитываем на самое минимальное (2—3 сотки), за счет того чтобы было прочное помещение.

Целую тебя и Лялю крепко. Везде у всех спрашиваю о человеке для Тамары, пока безответно, но не безнадежно.

Твой п.

О результатах поездки сейчас же напиши.

№ 142. Н.С. Фуделю
12 VII [1962, Усмань]¹

Милый Коля, Ляля и Машенька.

Вот забрались — петрушки-то! — в такую даль!² По медведям, что ли, соскучились? Шубу-то забыли взять Машеньке! — так, я думаю, надо о вас мыслить по-Муниному. Где же вы, право, несчастные? Хоть бы погода была для вас потеплей, ведь даже здесь у нас прохладно. Да и как доехали — ничего не знаем. Твое письмо о выезде получили, а дальше все кануло в северную вечность. Я рад, что с вами Н<иколай> Н<иколаевич>³, — как бы он ни был непрактичен, он вполне живая и родная душа, а непрактичны вы, кажется, все (слава Богу). Есть ли у тебя аппарат? Про Тamarу ничего не знаем, т<ак> что московских новостей у нас нет. Да и своих тоже. Собираем ягоды (черн<ую> смородину и крыжовник), и мама варит варенье, очень одобряемое Люшей, да и Мишей. Забор великолепен, получилась совсем «легенда одной усадьбы» (есть такая вещь С. Лагерлёф)⁴, а так как лето весьма дождливое, то все заросло бурно и все услаждает взоры. Покупатели⁵ появляются очень изредка и исчезают, но один из них вроде как бы «клянул», т<о> е<сть> зацепился за крючок и еще не отказался, а все ходит и поддерживает надежду. Ему и самому надо своей продать. Так что может быть и выйдет еще что-нибудь. Насчет М<ало>яр<ославца> и мы такого же мнения и больше думаем о Киржаче и Карабанове⁶. Если дело дойдет до задатка, поеду искать и заканчивать. Но сил очень мало, прямо беда!

От Вареньки было письмо, что она ходит по набережной и смотрит на Петропавловскую крепость, не зная, конечно, что в ней сидел Достоевский⁷. Оттуда сегодня, кажется, едет в Псков, с какими-то хорошими девочками. Письмо бодрое, молодое, полное впечатлений. Работа моя движется⁸, но я недоволен многим в ней, т<ак> к<ак> все сбиваюсь на литературоведение, со-

вершенно никому не нужное, а на что-то хорошее не хватает вдохновения. Для него надо как-то совсем отойти от себя, а это человеку всегда трудно. Получил ли Н<иколай> Н<иколаевич> мое последнее письмо в ответ на свое? Передай ему сердечный привет.

От Голубцовых⁹ были известия, что было хуже, т<ак> к<ак> он испугался мужика, который лез к ним в окно, но потом опять все обошлось. Но вряд ли теперь он¹⁰ восстановится вполне. От него пришла к нам рекомендация на один дом в Киржаче у его знакомых. Может, как-н<ибудь> все устроится. Переезжать нам очень трудно, обживаться на новом месте еще трудней, особенно если купим с какими-н<ибудь> дефектами, но надо отдать долги и надо жить так, чтобы в любой день можно было бы приехать нам к вам и обратно — вам к нам.

Целую вас всех, дорогие. Храни вас Бог! Мама ничего, бодрая. Варенька хотела на август приехать к нам¹¹. Вот бы нам с ней уехать отсюда совсем. Так или иначе осенью мы увидимся.

П.

Поищи старые часовни и церкви, в них следы людей.

№ 143. Н.С. Фуделю
12 VIII [1962, Усмань]¹

Дорогой Николаша.

Я уже несколько дней пишу тебе мысленно письмо, а на бумаге вряд ли напишется. Внешних новостей мало. Мама все так же, что-то в почках. Хочет ехать в М<оскву> делать анализы и с ними идти к Вл<адимиру> Ив<ановичу>².

У Вар<еньки> ничего пока не выходит с работой³, и она заказала билет в Липецк на 20 VIII. Ходит невеселая, тяготится и собой и нами. Нас можно принять только в каком-то христ<ианском> подвиге «принятия», а иначе мы нестерпимы. Впрочем, в какой-то мере это относится ко всем.

У кого-то были эти строчки —

«В безумной погоне толпы спешат,
И каждый каждому больше не рад»⁴.

И мы в этой «погоне», — себя никак нельзя исключать из нее, когда честно на себя посмотришь. Я как-то в письме сказал тебе точно: «мы с тобой безобразно мало любим людей», и все норовим отделаться словами о любви. Когда же мы с тобой проснемся? Я думаю, что нам обоим с тобой очень мешает писательство, создавая вредные иллюзии исполнения долга любви.

Как-то говорил с Лялей по телефону дня 4 тому назад. Там все благополучно, ходят в кино.

Все мечтаю в сентябре, в сухой день, доехать до Ал. Андр.⁵ Хочется хоть сколько-то отдохнуть — день, два, а то ведь у нас с мамой —

«Покоя нет, покой нам только снится»⁶.

Конечно, может быть, это и есть тот «путь», по которому нам суждено пройти?

Говорил дней 10 назад по тел<ефону> с Машей⁷, там все так же, как в том ее письме, которое я тебе давал.

Обнимаю. П.

За Машу твою⁸ поболей сердцем. Чтобы это было легче, посылаю ее карточку. Носи за пазухой.

№ 144. Н.С. Фуделю

23 X/1962, Усмань¹

Дорогой мой и милый Николаша.

Спасибо за 100 р. Письма я еще не получал. Мне очень хочется видеть тебя. Где это сказано: «Мне грустно оттого, что я тебя люблю»². Вот примерно так я все о тебе думаю, и чем более думаю, тем более люблю, а когда больше любишь, то больше и грустишь. Заколдованный круг, который я ложно пытаюсь разорвать, приехав к тебе. «Ложно» — потому что часто встречи дают меньше, чем волчий вой любви в одиночестве. Тут пустыня слушает и Бог, а там светские улыбки, и всякая петрушка, и немощ человека, когда он не в силах подняться выше страстей самолюбия. В общежительном общении правда достигается только при некотором подражании древним русским юродивым, которые, ни во что считая себя, дерзали подходить в этой наготе к каждой душе. В нас скудеет любовь! Все усиливается самолюбие. Это я вижу с тоской серьезной, даже за последние годы. Точно иссякают какие-то подземные источники вод и мы засыхаем. Ты видел когда-н<ибудь>, как засыхает деревцо? Я наблюдал здесь яблоньку. Если я в этом тираже выиграю, то приеду, хотя, опять же скажу, боюсь, что только сильней расстравлю тоску. Ты пишешь, что «вряд ли ты у нас отдохнешь». Может, и ты имеешь в виду не в смысле комфорта, а в смысле тоски. Но разве можно от нее убежать? Я во всяком случае поведу всех и с мамой многое выясню и решу, т<ак> к<ак> ждать ее сюда нельзя, да и незачем ей сюда ехать³. Здесь грязь, дожди, отсутствие необходимого и некоторый тупик, а сейчас, при болезни Вареньки, надо, чтобы не было тупика. Если Рыбное⁴ отпало, то, может быть, выйдет юг. Тетя Маруся обязательно бы тут согрешила и разложила свою колоду карт. Я, когда приеду, может быть, проеду прямо к маме, если ее найду. У ме-

ны сейчас такое чувство, что мне в Москву уже почти и не к кому ехать, что-то отрывается и здесь, последнее тепло комнаты т<ети> Маруси наконец уходит. Я никого не виню, но иногда хочется взять странническую палку и быть юродивым. Исправить силой воли здесь ничего нельзя. Мне все же надо достать себе книг. Но мама не очень меня поддерживает в моем стремлении поехать, и я сам иногда сомневаюсь. В общем, целую тебя, дорогой мой, милый Коленька. Мы живем с Мишей, ведем хозяйство, готовим обеды, посадили 6 яблонь. Часов в 10 он уже засыпает совсем мирно. Маша-Аглая⁵ еще не успела нарушить его первозданность.

Я очень благодарен и тебе и Ляле за вашу память в присылке денег. Зная всю трудность этого, я особенно благодарен. На эти 100 отдал весь свой долг, за налоги по дому, а пенсия благодаря этому осталась на житье. В Липецк я не ездил⁶. Для этого нужен и покой души, и погода, и деньги, и время, и, главное, любовь, а любовь в нас скудеет.

Твой п.

27 X.

Письмо все лежало, в ожидании твоего, но, не дождавшись, отправляется само. Напиши поскорее, приезжать ли мне?

№ 145. Н.С. Фуделю
23 XI [1962, Покров]¹

Милый мой Коленька.

Мы здесь уже 9 дней без письма от вас². Только от Вареньки³ была открытка. Не столько беспокойно, сколько досадно, т<ак> к<ак> хочется все теснее жить друг к другу, помогать, печалиться и радоваться вместе. Я писал Ляле и Маше, но и от них ничего не было, не знаю, дошло ли до них письмо. Чаще думается о Ляле, о вашей жизни. Спасибо ей за ее последнее письмо, старое. Мы с мамой живем хорошо. Мне стыдно перед вами, что я временно ее от вас отнял⁴. Но чувствую, что я, правда, в таком немогущем виде сейчас, в каком не был за всю жизнь, и что, следовательно, ее присутствие необходимо. Но в последнее время мне стало лучше, светлее на душе, увереннее, прежняя вера в жизнь опять возвращается. Только мне еще очень трудно писать, как после болезни. За это время мы с мамой стали еще ближе друг к другу. Скажу тебе: в конце пути близость особенно радостна, ею оправдывается вся предыдущая жизнь, освещается ее смыслом. Дай тебе Бог того же.

Жаль, что у тебя с Машей⁵ нет достаточной дружбы и доверия. Вам обоим это нужно. Ты говоришь, что сам испортил какими-то нравами. Конечно «учить» людей нельзя, их надо кор-

мить, физически или душевно. Маша меня беспокоит больше всех. В ней мало самостоятельности, еще мало корней, ей бы нужна как раз сейчас помощь, питание.

Наши дела сводятся к кругу лечения, 50 всевозможных укладов.

Твой п.

[Приписка рукой В.М. Сытиной]

Дорогой Коленька.

Я никак не успеваю тебе писать как следует вполне серьезно: на это надо очень неподходящее время выбрать, но вкратце скажу, что, несомненно, закончив здесь лечение, надо думать о каком-то более разумном и нормальном устройстве нашей жизни с продолжением лечения, без которого мы беспомощны, при бóльшей близости больницы и с надеждой на работу поблизости. Это основное и главное, к чему надо стремиться, т<ак> к<ак> без здоровья и покоя ничего не впрок. Как мне этого добиваться, еще не вполне ясно, но рук опускать нельзя и всем должно быть понятно, что это стремление вполне разумно. О покупке чего-либо мы хотя и поговорили с папой, но пришли к заключению, что одной комнаты без работы и, главное, без помощи врачебной при его состоянии нам недостаточно. Надо попробовать подумать серьезно о возвращении в Усмань⁶, откуда мы получили очень радушное письмо. Там и больница в двух часах и стоит все 12 р., если поехать, а отсюда нам стоила одна дорога около 300 р. Это одно уже почти решает. Кроме того, если здесь придется переехать в другое место, то опять чужие люди и с папой будет очень трудно, а там он не боится, и это уже поэтому желательно. Конечно же трудно, но что поделаешь. Он так тяжело переживает всякие неудачи, что я только стараюсь как-то все обратить в сторону самую легкую и скорее посмеяться над нелепостью окружающих условий и людей, как это и сейчас у нас — чем это серьезно и тяжело переживать. Целую тебя крепко. Твоя мама.

[Продолжение письма С.И. Фуделя]

Обрати также внимание на выражение собачьего лица: тепло, блаженство, но совсем лечь все же рискованно, так как половой (он на заднем плане стоит у печи) может поддать сапогом.

Вот чем я утешаюсь в моей унижительной болезни. Спасибо, дорогой за деньги, письмо и все присланное Лялей, целую вас обоих с благодарностью. Очень порадовали книги о Дост<оевском>. Я увлечен этой работой⁸; прошу тебя, пришли мне Дневн<ик> Писат<еля> и у тебя были воспоминания Анны Григ<орьевны> «Дн<евник> Пис<ателя>». В старом издании⁹. Мы страшно рады

приезду Вар<еньки>¹⁰, но смущены, что встречаем ее больные, у мамы тоже болезни. Поправился ли ты? Пиши, дорогой, очень бы хотел тебя и Лялю увидеть. Будьте благополучны.

П.

№ 146. Т.М. Некрасовой

[Февраль—март, 1963, Покров]¹

Дорогая Татьяна Михайловна².

Кажется, Вы еще в Хотькове, но, может быть, на Праздник³ приедете. Шлю Вам сердечное пожелание встретить его и провести в здоровье и в мире. Я еще не знаю, где буду. В<ера> М<аксимовна> вышла из больницы (здешней) окрепшей и, кажется, хочет ехать в М<оскву>, может быть, встретит праздник с сыном. Варенька тоже уедет, — я не знаю куда. Мне на Страстной нельзя уезжать, но в субботу, я думаю, не выдержу одиночества и тоже куда-то поеду. В эту ночь нестерпимей, труднее одиночество. И в то же время именно в эту ночь трудно найти пристанище. Может быть, потому, что не надо нарочито искать? Утешение свыше, как сказал один старец, приходит неожиданно и непредугаданное, как ласка Отчая.

Работу свою я кончил и скоро уже дам Вам прочесть⁴. Спасибо Вам за помощь⁵ в ее начале, — Ваша тетрадь у моей сестры Нины, и я отвезу ее как-н<ибудь> к Кап<итолине> Ник<олаевне>⁶. Я не знаю, как получилось. М<ария> Фед<оровна>⁷ одобряет. У меня такое чувство, что я отдал какой-то душевный долг, совершив и эти поминки любви.

Жить становится все труднее: та смертельная усталость, которая разлита в мире, иногда заливает душу. Очевидно, теперь в этом и есть главный подвиг — сохранять бодрость души, мужество сердца, верность своей вере.

Часто с благодарностью Вас вспоминаю и молю Бога о всяком для Вас благополучии. Как часто заканчивал свои письма Флоренский — «да сохранил Вас Господь и да утешает»⁸.

С.Ф.

№ 147. Т.М. Некрасовой

[Февраль—март, 1963, Покров]¹

Дорогая Татьяна Михайловна.

Я все поджидаю обещанных Вами замечаний на Достоевского² отрицательного характера. Я надеюсь быть на Святой у Кап<итолины> Н<иколаевны>³: вот, может быть, Вы — или тоже будете там, или оставите там это для меня.

Пользуюсь случаем передать Вам свои пожелания светлой встречи нашего Праздника. Наверно, и у Вас с детства осталось

такое наследство от этих дней, что им можно питаться всю жизнь. Бывает в жизни такой мрак, что кажется — ну, теперь все! — я погибаю. И вдруг, точно луч из тучи, — какой-нибудь обрывок молитвы, голос, память пасхальных свеч и — все опять делается легким и понятным. «О, Пасха велия и священнаяшая, Христе»⁴. По опыту знаю, что от ощущения этого Праздника особенно отводят все грехи нелюбви, т<о> е<сть> грехи не против себя, а против людей. Я однажды незадолго перед утренней не принял (в Загорске) странника, и я знаю — если бы не чьи-то молитвы — это могло бы сжечь все мое пасхальное наследство.

Шлю привет Ал<ександру> Серг<еевичу>⁵. Желаю Вам всякого благополучия и света.

С. Ф.

№ 148. Т.М. Некрасовой

16 V [1963, Покров]¹

Дорогая Татьяна Михайловна.

Спасибо за письмо. В нем два порицания², из коих одно я принимаю вполне, а второе отвергаю, т<о> е<сть> не принимаю.

Я и сам чувствовал, что у меня излишек Отцов³, что я этим как-то снизил «прицельность», меткость материала, «рассредоточил» его несколько. Это верно, но я один не в силах сейчас решить — что именно сократить, где убавить. Я слишком еще близко стою к вещи и не могу чего-то увидеть. А Вы не пишете конкретно — где сократить, какие именно цитаты убрать. Я буду благодарен, если Вы укажете.

Во втором я не согласен. Я нигде не даю отрицательных черт Д<остоевско>го вне всей ткани его бытия, он у меня нигде не бывает только «картежник»⁴. Когда я сообщаю, что он ругал свою прислугу, ходившую в «мармеладовском» платке, то тут же добавляю, что он по ночам закрывал ее детей. Писать же его «иконописно» я считал большой ошибкой, тем более что моя цель была дать не только идейное наследство, но и передать как-то его живую душу, его горячее сердце, показать его живьем.

Обо всем этом будем еще мы с Вами говорить. Теперь же сообщаю, что я неожиданно уехал вместо В<еры> М<аксимовны> в Усмань⁵ (В<ера> М<аксимовна> простудилась) и прошу Вас приготовить мне все, что Вы сможете, о Фл<оренском> по моей просьбе у Кап<итолины> Н<иколаевны> и, если Вы уедете, то передать это С<офье> П<авловне>⁶ или Ан<не> Павл<овне>⁷ для меня. Я приеду, возможно, недели через 2—3⁸. Всего Вам хорошего и светлого. С.Ф.

Я очень рад, что мы повидались.

№ 149. Н.Н. Третьякову
22/9 V [1963, Покров]¹

Дорогой Ник<олай> Ник<олаевич>.

Уж не знаю — какой Вы Никола? Вешний², наверное, т<ак> к<ак> все в Вашей душе вешнее и, даст Бог, никогда иного не будет. Поэтому поздравляю Вас и шлю самые искренние пожелания и здоровья и благополучия. К тому же ведь там еще у Вас маленький Николай³. Вот никак не удается мне побывать у Вас и на него посмотреть. Я со здоровьем начал сильно сдавать, и если что-то не изменится, то придется и еще сократить свои поездки и вообще темпы и петушиную сноровку.

Надо признаваться в старости и поберечь последние силы. Как Ваша работа? Иногда думается — уж не переменить ли Вам профессию? Вон Джозеф Конрад в 40 лет начал заниматься литературой, а до этого был моряком⁴, а Вам, может быть, наоборот, надо будет изловчиться и стать каким-нибудь шкипером. Очень сложна жизнь, и перейти это поле нелегко. Я вот радуюсь, что уже ясно вижу конец ее. Впрочем, это радость только тогда, когда душа здорова, когда она зрячая и доступная радости. В эти редкие минуты видишь вдаль, точно усталый путник на богомолье, кресты и маковки Китежа. И мне хочется вам сказать, что радость этого видения так ясна, так достоверна, что действительно воспринимаются как совершенные пустыки все скорби, труды и изнеможения прожитой жизни. Я Вл. Соловьева не люблю как богослова, но он оставил несколько настоящих слов в стихах.

«Смерть и Время царят на земле.
Ты владыкою их не зови...»⁵

Вот, дорогой и вешний Н<иколай>Н<иколаевич>, какие дела. И в такие минуты всех людей, которых встретил на своем пути в духовной близости, вспоминаешь, даже не в отдельности иногда, а в каком-то единстве праздника.

Если будет время — пишите.

Мой Коля обещал мне поехать в музей и снять фото. Раскачайте его, мне бы очень нужно теперь. И вообще его раскачивайте. Если поедете во Влад<имирские> Земли, приезжайте по пути. Очень желаю Вам и Ир<ине> Ник<олаевне>⁶ всякого благополучия.

Ваш С.Ф.

№ 150. Н.Н. Третьякову
2 VI [1963, Покров]¹

Дорогой Ник<олай> Ник<олаевич>.

Спасибо за письмо. Рад, что Вы на сегодняшний день уехали и, может быть, были в Угличе, что Вы, наверно,⁵ вдохнули воздух со-

борности, причастились светлейшего Праздника². Это день истинного единства человеческого, день предчувствия такой радости этого единства, «что сказать язык не может»³. Я знаю, что Вы участвуете в этом предчувствии, а вот я не знаю — участвует ли Коля? — и это, может быть, одно из самых больших моих огорчений. Для выхода к Богу надо суметь выйти к людям, для участия в божественной радости надо в полном смирении принять человека, другого человека, вот такого, которого мы встречаем в автобусе, для того, чтобы войти в храм Церкви, купол которой лазурь Вечности, надо забыть о себе, о своих страданиях, о своих несчастьях, а иногда даже о своей семье. Хоть одну какую-то минуту своей жизни нужно отдать в полной свободе, в полном безумии и в то же время в полном покое — Богу, создавшему мир. Но мы такие скупые, такие ленивые, такие холодные. Может быть, мы с Вами увидимся — я собираюсь в начале недели приехать дня на 3. Здоровье мое что-то совсем не клеится, надо или лечиться и поправляться, т<ак> к<ак> полубольной вечная для всех тягота, а В<ера> М<аксимовна> сама буквально еле-еле. Или же надо умирать и, если бы не страх о грехах, я был бы рад умереть безболезненно. Больше писать я не буду, быть полезным с одним глазом, а скоро, м<ожет> б<ыть>, и без второго⁴ — невозможно. Но, конечно, — во всем воля Божия, и я должен принять всякий исход — и тот, и другой. Заставить себя принимать как из благой, доброй руки Божией все, что получаешь в жизни — и благое, и злое — Его попушением, для испытания или наказания — это большая радость.

Не попалась ли Вам книга Гуса?⁵ Надо бы посмотреть. Уж это профессиональный зуд — писательский, наверно, зрящий. А Колю⁶ не оставляйте никогда в своей жизни. Может быть, будут какие-нибудь искушения в дружбе (тут иногда женский элемент может напутать что-н<ибудь>), но Вы их преодолевайте (и элемент, и искушения). Я не знаю — как пойдет его жизнь — душевно, и имею основания к большой тревоге. Он считает себя сейчас несчастным человеком — как же не тревожиться от такого ослепления. Пожалуйста, передавайте всегда ему частицу своей радости и света, своей благодарности Богу за эту тяжелую, иногда точно безнадежную жизнь, своего дерзновенного устремления к свободе и любви древнего искусства. Но ведь Вы же сами знаете, что для дерзновенного вдохновения нужен предварительно какой-то, так сказать, скучный рабочий труд. Чтобы доехать до Углича, надо помучиться в потном автобусе.

Передайте мой поклон и привет Ир<ине> Ник<олаевне> и Ник<олаю> Ник<олаевичу> — вешнему⁷.

Вера М<аксимовна> тоже шлет свои благие пожелания.

С.Ф.

№ 151. Н.Н. Третьякову
[Около 8 XI 1963, Покров]¹

Дорогой Николай Николаевич.

Я не отвечал на Ваше письмо, а сейчас хочется поблагодарить Вас еще раз за книгу о Рублеве². Это удивительная и почти «святоотеческая» книга по своему приближению к Истине. Прочтя ее, мне вдвойне стало обидно по моему отношению к Колю, так и не сумевшего создать себе из своей профессии хоть капельку творческой работы. Ведь вот можно же! А он все больше запутывается в своих служебных и семейных делах, в которых никакие «Регины»³ не помогут: так как настоящего литературного или поэтического таланта у него нет.

Книга Шевелева⁴ тоже, очевидно, интересна. Автор со стороны архитектурной техники сразу подошел к двум аспектам познания Церкви — ее святости и ее соборности. Святость это «подобие» — Богу, отсюда «пре-подобный», т<о> е<сть> очень подобный, очень похожий на Бога. Святость это обнаружение в человеке образа Божия, Его черт, проступание из темноты психофизической природы данного человека светоносных, божественных черт. Бог, как «Целое» — расчленяется в устремленных к Нему людях на свой подобия, но именно так расчленяется, что «возникающие подобия восстанавливают размер Целого». Но это и есть Церковь — Тело Божие (с множеством человеческих клеток) — в единстве, геометрической гармонии которого (или в Соборности) которого) все состоит из всего. И, конечно, — «все имеет один Исток»⁵. Апостол говорит о Церкви, что она есть «Полнота Наполняющего все во всем»⁶ — «Наполняющий все» — Бог, Церковь же — полнота Его подобия.

Это все так, теперь только в том вопрос — как нам-то не оказаться вне этого подобия, вне которого «холод и скрежет зубов»⁷. Лучше уж ничего не знать.

Мне очень было бы надо посмотреть книгу о Достоевском — Гроссмана (изд. Мол<одая> гвард<ия>. М. 1962) и Бахтина⁸, что ли. Если бы Вы могли достать (хотя бы Гроссмана), я приехал бы специально. Напишите и, кстати, скажите честно, можно ли у Вас переночевать. Приветствую Вас и все Ваше семейство низким поклоном.

С.Ф.

Алеша⁹ все обещал мне снять Достоев<ского> — Крамского¹⁰.

№ 152. Н.Н. Третьякову
16 XI [1963, Покров]¹

Дорогой Н<иколай> Н<иколаевич>.

Спасибо за письмо. Буду поджидать Бахтина, а Гроссман² мне

потому интересен, что я подозреваю в нем новые материалы о Шидловском³, друге Дост<оевского> 37—40-го года, и мне надо это проверить. К Коле⁴ я два раза звонил, и никто не подходит, не знаю — когда он придет и придет ли. О нем мне говорить трудно и мучительно. Вы не совсем меня поняли. Я не говорил, что у него совсем нет таланта. Прежде всего у него есть большая потребность духовного творчества. Но средств для ее воплощения не хватает. Большого и определенного дарования в нем нет, того, что называется «Божьей милостью поэт», когда даже в необработанном камне или глыбе слов чувствуешь золото. Но важно ли это? Мне кажется, совсем не важно. Не в этом жизнь, не в этом возможность настоящей жизни. Плохо или опасно только одно: именно преувеличить свои возможности и потом когда-нибудь, как Ефимов в «Неточке Незвановой»⁵, сойти с ума от разочарования. С другой стороны, я понимаю, что ему нужна разрядка, окно в мир живых людей и это окно он находит пока что здесь, в литературе. Ну и пусть пишет. Но только крайне вредно будет для него всякое преувеличение его худож<ественных> возможностей. А вот Ляля, например, при мне говорила ему, что его стихи выше пастернаковских, а он и бровью не повел, как будто это и взаправду. Ведь слаб человек, или, как сказано: «всяк человек лож»⁶, и, я думаю, и Дельвиг, и Ден<ис> Давыдов временами считали себя ничуть не слабее Пушкина.

Когда он говорит о своих вещах или когда он читает отрывки — выходит иногда совсем хорошо, а в целом все-таки впечатление подражательности, заимствований, банальности и многословности. Раз так, то прежде всего (и именно во имя интересов искусства) не преувеличивай своих возможностей. Я, как родственник, первый бы закричал о таланте, если бы его почувствовал. Но я знаю и то, что и скромное дарование, которое в нем есть, может дать, при скромности его восприятия, определенный эффект и даже настоящее искусство. Вот как раз из пушкинской плеяды таким был Баратынский, некоторые строчки которого стоят дороже многих пушкинских страниц. Впрочем, все это пишу, как говорили раньше, *à propos**. Я боюсь вылезать со своими мнениями, часто обнаруживая их неосновательность. «Каждый за себя даст ответ Богу»⁷. Кажется, только никакая литература и талант не заменят личных отношений с людьми и, что особенно важно, не создаст их. А иногда, даже наоборот, испортит. Коля все хочет заменить муку и скорби живых отношений и радости их — трудом и удовлетворением литературы. Бросить реальность и уйти в жизнь своих призраков — вылечит ли это кого?

* Кстати (*фр.*)

Но, опять-таки, я не ставлю такие страшные точки над и. Пусть пишет. Я, как близкий человек, не могу только одного: придавать этому большое значение. В данный, например, момент несравненно, неизмеримо более важно — упустит он воспитание духовное своей дочери или нет. Или еще — сумеет он или нет быть духовным кормчим своего собственного семейного корабля или этот корабль пойдет потихоньку в чужую для него пристань? В нем есть и всегда была, смертельная какая-то близорукость, как-то страшно тесно сжившаяся с охранением своего удобства физического и душевного. И в нем же, я знаю, живет большая духовная тоска.

Простите, что пишу так много об этом. Это все мучительные слова любви и тревоги, которые пишу Вам, как, мне кажется, единственно близкому ему человеку. Лично для себя (и В<еры> М<аксимовны>) мечтаю только о том, чтобы между мной и им не созидалась стена, чтобы он всегда видел дверь к нам всегда для него открытой. И, еще добавлю, — чтобы у него всегда было желание знать про эту дверь и иногда входить в нее. Ведь, Вы знаете, любви много мешает наша лень и нежелание настоящего творчества жизни. Я по себе знаю — куда легче писать рассказы.

Спасибо Вам большое за приглашение остановиться, если я приеду.

Мы с В<ерой> М<аксимовной> ужасно устали от всего, но просить смерти не положено, хотя Апостол и говорит: «Мне жизнь Христос и смерть — приобретение»⁸.

Обнимаю Вас и сердечно приветствую Ир<ину> Ник<олаевну> и Ник<олая> Ник<олаевича>. Приезжайте как-нибудь с Колей по дороге во Владимир. Ваш С.Ф.

Простите еще раз, что все пишу о Коле. После смерти Н<иколая> А<лександровича>⁹ он и совсем сирота остался. Я его вам завещаю. Поверьте, он исключительно близорук духовно, а поэтому может от многого пострадать. Может быть, Вы вдвоем сумеете помочь друг другу. Как сказано у Варсонофия вел<ико-го>: «друг от друга помогаем — яко град тверд и утвержден»¹⁰. Утверди, Господи, огради, Господи, от всякого холода и нелюбви!

№ 153. Т.М. Некрасовой
24 XII 1963 [Покров]¹

Дорогая Татьяна Михайловна.

Спасибо за добрые слова. Иногда, может быть, и надо укрепить себя надеждой, что не все в жизни было бесплодной смоковницей. Но только надеждой, очень далекой от уверенности. Думаю, что в том и возможность как-то подготовить себя к «вратам вечным», чтобы действительно осознать свою действительную нищету.

Умирая, о<тец> Николай² просил близких прочесть его любимый прокимен: «честна пред Господом смерть преподобных Его»³. Он был всю жизнь сама скромность и вдруг такое дерзновение! Но, оказывается, и об этом говорили Отцы: «проси у Бога дать тебе удостоверение в спасении, но, впрочем, не раньше кончины твоей, чтобы ты не превознесся»⁴. Значит, такой прокимен могут пропеть только такие, как он, да и то перед кончиной. Нам же остается надежда. Жизнь так иногда трудна, что временами ее теряешь, но потом она, точно ночью звезды из-за прошедших облаков, снова над головою. Я на этой неделе вспоминал Вас и Ал<ександра> Серг<еевича>⁵, и хотелось как-то сказать Вам о своем сердечном отношении к Вам. Я всегда молюсь за Вас обоих, чтобы Господь довел Вас до самого конца в верности Ему и в неизменности души. А тут пришло Ваше письмо, и я пользуюсь случаем, чтобы Вам это написать. Очень желаю всем Вам всякого благополучия.

С. Ф.

№ 154. Н.Н. Третьякову
1963 [Покров]¹

Дорогой и милый Н<иколай> Н<иколаевич>.

Вы очень хорошее сказали слово для определения итога или, наоборот, истока абстрактного искусства школы Пикассо — «бунт». В основе мироздания, в основе человека, во всем божественном замысле мира лежит Строй, Порядок, Лад. Только этим, кстати, можно объяснить такую всеобщность современного признания средневекового Рублева: раскрытие им изначальной гармонии объединило всех. Это хорошо выразил Тютчев.

«Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем...»²

Этот строй мы называем красотой, и художник, отыскивая ее в мире и в человеке, совершает, хоть и слабыми своими силами, но также какие-то познания Бога, Создавшего ее. Утверждая красоту Строя и строй Красоты, он как бы способствует сохранению мира, его спасению. Недаром Достоевский, поняв спасительность этого Богом данного неизреченного Ритма, сказал, что «красота спасет мир»³. Понять, почему он спасителен, мы вполне не можем, разве только догадываемся, так же, как только догадываемся о бездне премудрости Божией. Но мы ясно чувствуем божественность этой стихии Лада и знаем, что нарушение ее

закономерности таит в себе смертельную опасность для человека и мира. Тогда нарушается какое-то изначальное Единство и все возвращается к до-бытию, к разъединению и хаосу.

«О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..»⁴

Когда-то в детстве мы слышали в этих строках только красоту образа, и нам понадобилось прожить еще сорок лет, чтобы услышать их жуткую пророческую правду об опасности, нависшей над нами. У Тютчева есть еще такие строки:

«Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик и зобратится в них!»⁵

То, что поэту мерещилось, как следствие какого-то домостроительного акта Божия для «состава частей», совершаемого Им в установленные сроки, то абстрактному сознанию представляется как некий «принцип действия» современного человека, пожелавшего коснуться этого «состава частей», разрывая если не их, то себя, пожелавшего своими нечистыми руками тронуть первооснову бытия, то «основание, которого, — как сказал Апостол, — художник и строитель Бог»⁶. Точно какая-то ненависть к плоти мира, к самой материи мира все сильнее поднимается в человеке, в том самом человеке, который в обыденной своей жизни весь погружен в материю и растлевает плоть. Это страшно, конечно, только для человека самого, так как свободная воля, т<о> е<сть> свобода выбора добра и зла, строя и разрушения, жизни и смерти дана только ему, а значит, только он может погибнуть. А море, и горы, и пармская фиалка, и виноградная лоза будут всегда, в том или ином своем образе, славить своего создателя Бога.

Так что это, конечно, бунт и очень глубокое богоборчество, какой-то уже не базаровский, а космический нигилизм. Что же касается того, что где-то и Распятие уже сделали предметом абстракции или что будто бы Ватикан уже принял это искусство, — то что ж удивительного. Ватикан и не то принимает, и мы знаем, что Церковь тоже все шире захватывается стихией неверия.

Божественный Строй мира есть Единство его. Единство есть Любовь. Мир, созданный Богом, несет в себе Любовь, как свой изначальный Порядок, как свое первозданное тепло, как первую боготканную одежду. И вот нам нужно договорить, что этот современный бунт есть бунт против Любви. Слова наши бедны и, видя зарево ненависти, стоящее над миром, не лучше ли действительно совсем молчать обо всем этом и молиться? Как когда-

то один русский писатель говорил: «Я все писал о браке, о браке и о браке, а ко мне шла смерть, смерть, смерть!»⁷

Об искусстве не абстрактном, а, так сказать, о «Добром искусстве» я писал, конечно, неясно в прошлый раз, да вряд ли и теперь сумею.

Как можно вообще «отвергать» искусство? Я знаю в наше время молодых, которые молятся за Диккенса и Достоевского, давших им какой-то свет жизни. Даже у такого безобразника, как Золя, есть одна вещь («Грезы»), которая, как мне говорили, религиозно воспитывает душу, т<о> е<сть> достигает того, чего не в силах достичь многие кирпичеобразные богословские сочинения. Разве я этого не знаю? В искусстве действует тот же самый человек, который создавал церковные песнопения, иконы и храмы, которому посылались в церкви откровения догматов и божественные видения. Значит, и Человеку в искусстве могут посылаться какие-то откровения божественной правды. Больше того, надо честно признать, что, благодаря великому оскудению религиозной жизни, слова и художественные образы некоторых писателей — ну, скажем, Тютчева, Лермонтова, Лескова, Пастернака или Экзюпери, как бы возмещают это оскудение. Один том Достоевского или та страница у Диккенса, где маленький Джо умирает, силясь понять «Отче наш»⁸, дают больше для доказательства силы христианства, чем иногда целая духовная семинария. Ведь доказывать надо не «вообще» христианство, а именно силу его в современной душе. Искусство, как некоторая форма выражения духовной жизни, вполне закономерно. Нам сказано: «Дух дышит, где хочет»⁹. Духовное оскудение христианства есть исторический факт, предуказанный в Евангелии. Когда начали оскудевать священники Божии, Он стал иногда говорить через людей, носящих пиджаки. В Библии рассказывается, что был даже такой случай, когда Он дал дар разумной речи бессловесному животному¹⁰. Поэтому «да здравствует доброе искусство!».

Оно может быть не только у людей исключительных, вроде Достоевского, но и у таких «средних», как, например, Пушкин.

Но вот тут-то и начинается узел проблемы. Пушкин написал не только свои «ночные стихи» или Бориса Годунова, но и «Гаврилиаду», а Золя, кроме «Грез», написал целую кучу романов типа «Жерминаля» или «Наны», прибавившую грязи в человечестве. Даже у Достоевского есть вещи, которые также нужны человеку, как совершенно здоровому желудку касторка, Лесков, кроме «Соборян» и «Запечатленного Ангела», написал еще и целый ряд вещей, в которых обнаружил толстовскую злость и неверие. И тот же Лесков сказал: «У писателя должны быть все страсти в сборе»¹¹. А С.Н. Д<урылин>, любивший повторять эти слова в

эпоху своей до-священнической жизни в искусстве, имел у себя настольную книгу: издание рисунков Рувейра¹², где Художник дал мистику сладострастия. Мы называем вещи своими именами, а поэтому, если первый вывод, к которому приходишь, это: «искусство может быть закономерно и полезно», то второй будет: «искусство, хотя и может быть полезно, но оно ненадежно».

Практически для христианской жизни совершенно и достаточно этой формулы. Тебе дан талант, если ты христианин, благодари Бога, давшего его, и помни, что, как сказал еще, кажется, Лопе де Вега, «поэзия есть Бог в святых местах земли»¹³. Помни и о границах возможностей искусства. Самое хорошее даже искусство никогда не сможет дать того, что дает христианство, и ты, если говорить откровенно, что, конечно, будет несколько обидно, совсем еще не жрец, а только слепой котенок, ищущий в шерсти материнский сосок. Искусство мира может быть в лучшем случае только папертью Храма, в котором полнота познания и радости. Бесчисленное множество святых не знало даже азбуки, не говоря уже об истории искусств, и именно они пребывали и пребывают в этом храме истинного духовного счастья. Я говорю, конечно, о полноте христианства, а не о его оскудении в истории или в отдельной душе.

«Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отзвук искаженный
Торжествующих созвучий?»¹⁴

В искусстве в лучшем случае только отсветы или отзвуки того, что совершается в Храме, отзвуки, тем менее искаженные или тем более чистые, чем нравственно здоровее искусство. Они могут быть такими чистыми, что, даже уже стоя в Храме и слушая херувимские песни, человек может вспомнить их иногда с любовью и благодарностью. А разве это мало? Поэтому не о «непризнании» искусства может идти речь, а только о тревоге за человека, не чувствующего его границ и его немощи. Сумеет ли он не забиться и не забыть: ни своей меры, ни меры искусства? Сумеет ли он держать себя и свою мысль об искусстве в каком-то ограничении?

Но «как можно ограничивать художника!» «Искусство безгранично и, самодовлеимо!» «Оно само себе цель!» Какие только базы не подводятся под новую религию человечества. Самоограничение или узкий путь христианства делается самым ненавистным

понятием для современного человека. Тут уж, конечно, спорить не приходится, можно только попытаться что-то пояснить или, как говорят, «дать справку». Христианство открывает человеку любовь к божественной вечности и, одновременно, понимание, что для достижения ее ему надо быть духовно здоровым. Ведь не занимаются же, скажем, горнолыжным спортом раковые больные! Для поддержания здоровья ему нужна некоторая диета, некоторый выбор между вредным и не вредным, некоторое ограничение — вот и «узкий путь». Так что для неверующего в Бога должна быть, собственно, непонятна только цель христианина — вечность, а совсем не средство, как вполне понятный дисциплинарный метод избежания некоторых вредных вещей. Как где-то сказал Экзюпери: «смирение это не уничтожение, принцип действия»¹⁵. Спорить же о цели, повторяю, не приходится, но, с другой стороны, можем ли мы не «глядеть в корень» и не усмехнуться, слушая про все эти великие базы искусства? Мы видим, что человек, голый и слабый, стоит между ночью небытия и божественным Светом. Что он выберет, куда пойдет, возлюбит ли он своего Бога и вечность? Это дело нашей тревоги, нашей любви и надежды. Вот мы увидели, — все равно где увидели: на странице Достоевского или на паперти церкви — что луч Божий пронзил человека, и радость заливает нас, точно и мы сами стали причастны лучу. Так что мы имеем право на усмешку: ведь о слабости человека мы судим по самим себе. Вот кто-нибудь из писателей пошел по таким перепутьям, что и до Золя недалеко. «Он растет», — говорят нам, а мы думаем: это его, наверное, на каких-нибудь вечерах захвалили умные дамы с красивыми ногами и он пошел, подбоченься, по широкому пути. «Но это так талантливо, — скажут еще нам. Разве вред делается менее вредным оттого, что он талантлив? Таким захваленным дамами писателем был, наверно, Бунин, очень, конечно, талантливый и очень вредный. С точки зрения сохранения современного человечества гораздо лучше быть слесарем, чем филигранным мастером описания расстегивания дамских кофточек. Отошедшим от магистрали Диккенс—Достоевский это будет опять непонятно. «Помилуйте, скажут они, но ведь он расстегивает не просто, а обязательно где-нибудь рядом с березой, или на фоне моря, или вообще на фоне чего-то значительного». Но кофточки это только деталь, хоть и серьезная и значительная. А сколько в литературе хлама, кроме них. Опять вспоминается Тютчев:

«Не время выкликать теней:
И так уж страшен этот час»¹⁶.

Писатель же как раз и занят тем, что «выкликает тени» или как

автор многосложной пьесы играет на сцене своей вещи все созданные им роли и их ситуации. Вместо ограничения он, невольно, вовлекается в безграничность. А христианин, при всем своем сочувствовании людям, должен быть всегда только самим собой, идущим к Богу и людям, — и в этом его и творческое авторство и исполнительская роль.

Клавиатура зла очень широка. Если ее более низкие регистры еще вызывают у людей негодование (я не говорю о степени его искренности), то его более тонкие или прикрытые ноты чаще всего не только не отталкивают, но и привлекают. На самую паршивую нечистую силу достаточно надеть врубелевский маскарад, чтобы наименовать ее не нечистой силой, а, скажем, байроновским демоном и написать о нем доброжелательную статью. Так в писателе, соблазненном соблазном безграничности, рождается безразличие, питаемое высокоумием.

Ницше официально не признан, но навозная идея сверхчеловека, которому все, в общем, позволено, часто питает писательское сознание. Конечно, здесь дело не в Ницше, а в древней богоборческой идее. Недаром Раскольников появился до Ницше, а маркиз де Сад тоже, наверно, считал себя сверхчеловеком. Помните эту строчку Сологуба:

«И господа и дьявола хочу прославить я»¹⁷.

Мне все позволено и мне, в общем, все безразлично. И совсем не важно с точки зрения результатов, что это сверхчеловечество заострено до теоретического обоснования или пребывает только в слепой практике творчества. Когда Ст. Цвейг или М. Пруст изящно описывают одну мужскую страсть, то совершенно не важно, какими, собственно, целями они руководствовались: обличительными или пропагандистскими. Можно допустить даже и то, что у них не было вообще никаких целей, а просто они [нрзб]. Важно совсем не это, важен результат, важно то, что «Тайный яд страницы знойной смутил ребенка сон покойный и сердце слабое увлек» (Лермонтов)¹⁸. За этого ребенка христианину не плохо и возненавидеть литературу со всем ее мастерством. «Кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»¹⁹.

А удивляться тому, что это есть, конечно не приходится. Если писатели обмениваются женами, то что же удивительного в создании вещей вроде, скажем, «Дважды любимой» Анри де Ренье²⁰, вся сила которых в одном: показать прелесть греха. Так в великой лаборатории литературы изготавливаются многообразные и обворожительные по вкусу яды. В этом, можно сказать, вся

романская и почти вся русская дореволюционная литература. Судя по современной американской, это захлестывает и англосаксонскую.

Назовем опять вещи своими именами. Стихия нравственного безразличия есть замена закона Моисеева — не убий, не укради, не блуди, — этих десяти заповедей, на каменных скрижалях которых до сих пор держалось человечество, законом безразличного мастерства. Учить здесь, конечно, невозможно. Как можно учить сверхлюдей? Мастера футбола тоже мастера, но они все же считают себя людьми обыкновенными и они знают, что если они будут мастерски калечить ноги противников, то их удалят с поля. А какое дело какому-нибудь французскому мэтру до ног или душ человеческих, когда его «призвал к священной жертве Аполлон»?²¹ Рассказывают, что недавно за границей был поставлен балет, давший две идеи: идею чувственной любви и идею самоубийства. Насчет убедительности первой никто, наверное, не сомневался, но оказывается, балет был сделан так хорошо, что убедительным, красивым и притягивающим сделался и пластический образ самоубийства. Мастера искусства безответственны, так как они жрецы, а мастерство их метод жертвоприношения.

Теперь еще один интересный факт. Возьмем, наоборот, самые высокие и чистые явления литературы. Разве мы не видим, что, несмотря на все старания Гоголя, Собакевичи и Хлестаковы не только не уменьшились, но еще больше расплодились после Мертвых душ и Ревизора? И разве Россия не видела множества Смердяковых уже после того, как Достоевский его повесил? А в каком веке Мольер или Плавт пригвоздили лицемерие, жадность или другие пороки? Все остается как было. Меняются классы, но не нравственные типы общества. Вот почему Гоголь, догадавшись под конец жизни об этой бесплодности искусства, заметался в предсмертном ужасе и начал проповедь вне искусства²². Он, возможно, был и не прав, т<ак> к<ак>, перестав быть литератором, он еще не сделался христианским учителем, но его осознание бесплодности глубоко показательно. В чем же дело в конце концов? Чем сильнее буря в стакане воды искусства о его «добром влиянии», тем все меньше в нем людей духовной силы и власти. Сила идет от Бога, и люди, отрываясь от Него, все более и духовно и физически слабеют. Даже и великие писатели, несмотря на всю их пользу, были все-таки недостаточно духовно сильны (к тому же они были слишком одиноки) для прочного доброго влияния на человечество. Личная пьяная жизнь Есенина есть глубоко социальное явление, как показатель того, почему, как ни хороши его отдельные вещи, и он тоже оказался только холостым выстрелом, грустно так прозвучавшим в холодной пустоте жиз-

ни. Христианство победило кровью Голгофы и кровью мучеников. А много ли писателей хотя бы писало кровью сердца? Нам сказано ясно: «от умножения беззакония иссякнет любовь»²³, т<o> е<сть> от оскудения личной нравственности, от развала духовной жизни будет умирать любовь, а это значит, что будет осыпаться тот цемент, которым держится здание человечества.

Искусство решило заменить христианство, или, точнее, люди, потерявшие христианство (или его еще не знающие) приняли искусство как новую религию. В христианстве есть три стороны: догматическая, нравственная и обрядовая. Догматом или истиной в новой религии стало убеждение, что в общем нет никакой абсолютной Истины, нравственностью — неизбежный вывод из этого — что в общем все более или менее позволено, а обрядом — художественное мастерство.

Человек, входя в христианство, освящается лучом единого Солнца и в свете его начинает различать не только крупные предметы, но и пыль, летающую в воздухе. Никакое «мастерство», если можно так сказать, христианского обряда, никакое торжество богослужения не подменяет ему в Церкви ее догматической и нравственной правды. Он знает, что и храм религии наполняется земными людьми, а это значит, что и здесь, под едиными внешними сводами, могут как-то внешне сосуществовать добро и зло, чистота и порок, истина и заблуждение, покрываемые точно лаком, «мастерством» обряда. Как он учится распознавать добро от зла и как утверждает себя именно в первом, — это совсем другой вопрос. Мне здесь важно указать только одно: христианин, входя в самый великолепный храм, не растает с чувством какой-то трезвости, бдительности, духовной зоркости, помня апостольское предупреждение, что «и сатана может принять образ ангела света»²⁴. Но если христианин ощущает на себе лучи Солнца, то одновременно он не может не ощущать себя еще стоящим в «долине смерти», все еще окруженным и физическим и нравственным тлением и, больше того, в себе самом это тление носящим. Он всей своей любовью к вечной человеческой жизни знает тайну единства греха и смерти, полученную им от прародителей, «Земля еси и в землю отидеши, а може вси человецы пойдем»²⁵. И именно реалистическое знание их единства и есть причина его духовной бдительности и разборчивости. Всякое живое существо хочет жить, и христианин, желая жить вечно, зорко смотрит на таящуюся опасность.

Теперь взгляните на множество людей, ушедших от христианства или еще не пришедших к нему, — как безразборно они воспринимая искусство, посмотрите на людей, читающих романы

в метро, в автобусах, поездах, прикусывая эскимо или конфету. Они принимают написанное примерно так же, как американцы жевательную резинку, они воспринимают литературу, как некую жвачку, необходимую для заполнения духовного желудка, а раз необходимую, то долженствующую быть приятной. Чувство пищеварительной приятности делается критерием ценности данного произведения. Вот тут-то и обретает все свое значение литературное мастерство, превращая иногда щи из топора в изысканное блюдо. Обряд прикрывает в искусстве и догмат и нравственность. Это тем необходимее, что чаще всего надо прикрывать пустоту.

Конечно, приятность не всегда и не у всех читателей бывает сплошной. Хемингуэя, например, никак нельзя назвать вкусным, это не Флобер и даже не Манн, но Хемингуэй очень моден, у него, оказывается, «лепка словесного материала» дошла до предела, а потому и его необходимо проглотить, ну хотя бы так, как мы глотаем перцовку. Но перцовку пьют изредка, а в основном курс все же держится на приятность. Много говорилось о примитивности американского или английского детективного романа, но разве вы не видели с каким восторгом читают или глотают его даже весьма солидные, но несколько утомленные жизнью старички. А для более требовательных существует целое море книг в хороших переплетах, где есть все: и сюжетная острота, и философская проблематика, и психологический гарнир, и та или иная доза межполовых отношений. А уж если какой-нибудь писатель введет еще одну-две сцены, где почтительно, а не издевательски описан кусочек собора или обрывок службы, или если американские парни, едущие на фронт, пропев похабные песни, тут же, но тоже по-хорошему пропели псалом, или если, как у Кронина²⁶, положительный герой был однажды застигнут на чтении Евангелия — то о таком писателе верующие читатели начинают говорить уже с каким-то придыханием: «О! вы знаете, это католический писатель» или «это христианский писатель». И действительно: какая поразительная милость! — христианство не только не осмеяно, или оно не только не замолчано, но о нем даже упомянуто, как о чем-то вполне культурном, вполне пригодном для современности.

Есть еще один вид литературы, задачи которой несколько проще: только оглупить, так сказать, человека, кретинизировать его сознание настолько, чтобы он не чувствовал существенной разницы между Гамлетом и «Белой березой». Этот вид, конечно, весьма скучен, но в нем хоть нет тех пряностей, которыми в Америке теперь сдабривается даже роман научной фантастики. Как-то я прочел американское произведение об одном изобретателе

усовершенствованного радиоаппарата или радиомашины, через которую ее творец сделался способным возвращать на землю души умерших, обитающих где-то в галактике. Конечно, при возвращении они облекались в какую-то плоть и, ну конечно же! — первой возвращенной душой была душа женская, что дало возможность романисту разрабатывать проблему половых отношений изобретателя и этой девицы, переставшей быть покойницей и в то же время явно загадочной. Кажется, подчеркивая эту загадочность и соблюдая закон художественной правды, автор сделал ее не розовой, по некоей традиции, идущей еще от Апулея²⁷, а несколько серой.

Все это было бы даже смешно, если бы этим болотом не питались, бездумно и безразборно, сотни миллионов людей человечества. Книга вышла из печати — все! Это значит, ее нужно прочесть, это значит, что на ней стоит некий ритуальный штамп современной религии, гласящий: «этот предмет годен для питания». Конечно, и в болоте бывают иногда редчайшие цветы, но ведь только об этом различии цветов от болота я и толкую. А способность различения дает христианство. Только напившись его живой и студеной воды, человек выходит, точно ранним летним утром, из духоты своего безвольного сознания к мужественному различению добра и зла и к живому творчеству жизни.

1963 год

№ 155. Н.С. Фуделю
[Около 1963, Покров]¹

Милый и дорогой Николаша.

С робостью приступаю я к выражению своего мнения о твоей литературе.

Всякий автор ищет одобрения. И я огорчаюсь, когда не понимают моего «Достоевского»². Но я же знаю по опыту, что иногда после огорчения и даже после долгой борьбы и отпора чужому (якобы) «непониманию», потом вдруг что-то внутри смиряется и тогда тотчас же светлеет и начинается благодарное понимание правды, хотя бы неполной, того, что было высказано критиком. Может быть, и в данном случае будет так. А, кроме того, какая же между нами дружба, если она не выдерживает дружелюбного порицания?

Дело в том, что я хочу тебя порицать, и в связи с этой вещью³ сказать тебе вообще мое мнение о твоём писательстве. Большого художественного дарования у тебя, по-моему, нет и не было. Конечно, оно еще может быть, но я этого не знаю и говорю о том, что есть. Всякий хочет быть «Пушкиным», но,

может быть, лучше для дела осознать себя в «пушкинской плееде». Может быть, ты и мог бы со временем стать Баратынским в прозе.

Что же нужно для этого крошечного «бы»? Мне кажется, прежде всего нужен отказ от мысли, что в литературе автор повествует о себе, прежде всего нужен отход от себя. Можно писать без блеска Голсуорси, но все-таки так, чтобы читатель воспринял написанное как «свое», как общечеловеческое, как какой-то диалог душ или пересекающиеся диалоги многих душ. Читатель ищет не автора и не «от автора», он ищет мира. Дело совсем не в том, чтобы никогда не давать автобиографических черт или событий. Но у тебя 60 страниц философской автобиографии, наполняющей содержание не одного кого-нибудь, а почти всех. Ведь и Северин, и Герасимыч, и Кронин, и Костров⁴ — все наполнение повести — ведет все тот же самый монолог в комнате с пустыми пол-литрами: все, сговорившись, раскрывают авторские переживания. А это очень утомительно читать в разных людях один и тот же текст. Немного отдыхаешь только на «дяде», где, наконец-то, начинается какой-то диалог, где автор забыл о себе и открыл под лысым черепом профессора иной человеческий мир, и открыл очень человечно (во второй сцене).

Монологизм вещи только поддерживается всеми ее деталями, природой, бытом, случайными репликами (Краус с супругой и пр.). Все написано в унисон, т<о> е<сть> также, например, как «Записки из подполья»⁵, — вещь, которая не имела будущего. Надя⁶ дана как будто как раз для диалога, но она совсем эпизодична, не выявлена и больше похожа на стенку, о которую дети ударяют мяч, чтобы он отскочил к ним обратно. Разговор она не ведет (это не воспринимается); в отношении ее очевидным автор сделал только то, что ей хочется целоваться. Эротизм повести очень сдержан, но все время чувствуется, что эта сдержанка только «в силу кантовского императива», а если бы не он («чтоб ему не ладно!»), то автор и еще бы прошелся по «твердым губам» и «круглым плечам». Неужели, правда, нельзя без «острого запаха духов» и «крепкого тела»? Я думаю, что можно, вспоминая Генри, Лондона, Э. По, Ибсена, Диккенса, прозу Пушкина, Достоевского, Солженицына и других. Ведь что нового и что нужного может дать автор, сползая в эту тему? Весь мир уже тысячелетия, начиная, кажется, с «Золотого осла» Апулея, по уши погружен в литературное воспроизведение половых ощущений и, кроме острой банальности, здесь ничего не дашь ни в событиях, ни в эпитетах. Эпитеты-то здесь больше всего и подводят.

Я, кажется, уже рассказывал тебе, что один предреволюционный роман начинался буквально так: «Михайлов повалил ее на кушетку»⁷. Коротко и ясно. А дальше шла, помню, какая-то философия в стиле тогда модного Ницше.

Я не говорю, что и у тебя кушетка («тахта» все же есть), но я предостерегаю, что это очень портит восприятие новизны и свежести, которые есть в рассказе во фронтовых деталях и в некоторых сценах. Лучше ничего не писать, чем прибавить свои «сто грамм» к колоссальному чану литературно-полового сула. Да тебе, как человеку, это совершенно и не свойственно. Это только все та же твоя литературная (неосознаваемая) несамостоятельность, чье-то веяние в то время, когда ты пишешь.

Вот еще несколько мелких замечаний.

1) Жук в часовом механизме (или коробке) уже был в рассказе Генри⁸.

2) Фамилия «Кронин» для врача, тем более хирурга, режет ухо, т<ак> как есть роман Крони́на о врачах-хирургах («Цитадель»)⁹.

То же и «Борн» для физика. Уж лучше просто «Эйнштейн». Ведь Борн это тоже физик.

3) «Надпись 15-века» в сцене с Крониным совсем не звучит как надпись древняя, да и вообще как вполне осмысленная. «Братьям о Христе» никто не стал бы писать такую элементарность.

4) Не вполне убедительна мотивировка гонения за «дальнего родственника».

5) Псалтирь по-русски никто, особенно из матерей, не читает, просто потому, что в переводе нет и половины ценности подлинника (по-славянски). Совершенно понятно, что ты даешь по-русски, опасаясь, что современная молодежь не поймет по-славянски, но то, что это «совершенно понятно», и обнаруживает слабость этого места: «понятно», что автор вешает здесь нужную ему этикетку, нажимает на какую-то октаву регистра. А в вещи никаких ниток и швов не должно быть видно. Даже слезы и кровь автора не должны ощущаться, как его, автора, слезы и кровь. Опасение твое неправильно: можно найти и по-славянски вполне понятные места, как нашел, например, Толстой в «Трех смертях»¹⁰ (псалтирь над гробом).

Дело, наверно, не только в том, что нет диалога. «Записки лейтенанта Глана» (Гамсун)¹¹ и, кажется, весь Экзюпери написан монологически¹², но для той легкости восприятия, которую они дают, очевидно, нужно иметь автору прозрачную душу и прозрачный монолог, через который будет виден весь мир, все люди, все разнообразие мира. Ведь все же дело в том, чтобы не

себя раскрывать, а через себя мир. Во всех твоих вещах есть много отдельных прекрасных штрихов, есть вполне хорошие куски, но в целом не воспринимаешь как живое создание, законченное и совершенное творение о людях и мире, а только как беллетризованную автобиографию. Прости мне, пожалуйста, эти жестокие слова. Даже они не мешают мне ощущать громадное желание тебе всякого тепла, добра и правды.

Кто еще будет говорить с тобой откровенно? Дамы когда-то восторгались моими стихами! а где они теперь? И даже где эти дамы?

Тебе совсем не надо «приходить в отчаяние» и бросать писать. Тебе надо еще найти свою форму. Но, главное, тебе надо увидеть свою, пока что художественную ограниченность.

Вон даже Достоевский разорвал и бросил в огонь не менее 30 (тридцати) печатных листов уже написанных романов, уже выстраданных тетрадей!¹³ Представь это только себе! Бросай и ты, не жалея брака, а если не бросаешь, то хотя бы отложи отлежаться год-два, а потом посмотришь, прошло ли золото горнило. Больше не могу написать. Сейчас принесли телеграмму от Маши, вызывающую маму, и все сознание в беспokoйстве. Обнимаю тебя, мой еще больше дорогой, после этого отеческого внушения. Дом, построенный мною в мечте, все живет и ждет нас, и я уже вижу тебя из окна, возвращающегося с лыжами, и спешу сказать, чтобы накрывали на стол.

Твой п.

№ 156. Н.Н. Третьякову

29 IV [1964, Покров]¹

Дорогой Н<иколай> Н<иколаевич>.

Мир дому Вашему!

Сердечно желаю Вам и семье Вашей всякого благополучия, здоровья и радости в эти великие дни².

Книгу библиотечную<ую> я привез в М<оскву> и оставил у Коли на полке, он знает, а к Вам не успел. Спасибо Вам.

Здоров ли мальчик?³

Если никуда не пойдете в субботу вечером, то хотя бы избежите на эти часы всех чужих, чтобы увидеть хоть краешек ночного неба, соучаствовать хоть немного в тишине этих часов. Прочтите вдвоем I гл<аву> от Иоанна, первые 17 стихов, и хоть мысленно напоите или прочтите из пасх<ального> канона или из «да воскреснет Бог»⁴. Только есть ли это у Вас? Надо бы иметь.

Спросите у Коли, толкущему всегда отвернется. У Ир<ины> Евгеньевны⁵, конечно, все это есть. Она ведь тоже, наверно, сидит в эти часы дома из-за Кап<итолины> Ник<олаевны>⁶.

Обнимаю Вас и сердечно приветствую Ир<ину> Н<иколаевну>.

Мужественному сердцу всегда Бог помогает.

Ваш С.Ф.

№ 157. Н.Н. Третьякову

2 X / 1964, Покров¹

Дорогой Ник<олай> Ник<олаевич>.

Хочется поговорить хоть в письме.

Я так рад, что Вы были на погребении², что у нас с Вами теперь есть одно общее большое воспоминание — светлый свет в душе, точно вместе пережитая Пасха. Я именно так воспринял эти утренние часы золотого сентябрьского дня: обручение жизни вечной, радостный и тихий благовест, что «мы не имамы zde пребывающего града, но грядущего взыскуем»³. Это и есть русский Китеж, в душу которого Вы стараетесь проникнуть. Мне, конечно, очень обидно, что мой Коля был вечером, но не утром. На Вас лежит — хоть как-нибудь передать ему ощущение правды. Вера Макс<имовна> начала с Вами тогда на дороге говорить об этой девушке⁴, которая тоже была на погребении. Она художница, кончает худож<ественно>-технич<ескую> школу в Хотькове, ее бабушка — инструктор художеств<енных> ремесел. А она мечтает только о реставрационной работе в древнерусском искусстве. Этим летом она была во Владимир<ском> соборе и сумела, воспользовавшись ремонтными лесами, прекрасно, в красках снять фрески Рублева, в том числе ангела Стр<ашного> Суда и «море отдаст своих мертвецов»⁵. Вам было бы наверно интересно их посмотреть, а нам хотелось бы вас познакомить: может быть (кто знает), Вы сумели бы выяснить возможность где-н<ибудь> ее устроить. Она иногда бывает у нас и, может быть, и Вы когда-ниб<удь> выбрались бы?

Посылаю Вам прекрасно написанную статью из Комсом<ольской> правды, хотя, может быть, Вы ее знаете.

Мое здоровье улучшилось в связи с переходом на строгую язвенную диету. Это очень скучно, но зато живешь. Пренебрежительно относился к постам, вот и посажен на пост принудительный. Из-за этой диеты очень сложно бывать в Москве, и я почти не вижу своих. Вера М<аксимовна> вся в страдании, все время меня чем-то кормит, что-то протирает, и дел у нее прибавилось. Как здоровье Ваше и Ирины Н<иколаевны> и младенца?⁶ Вы теперь не то, что прежде, — Вам теперь надо беречь свое здоровье и для нее, и для него. Это тоже скучно, вроде моей диеты, но «не так живи, как хочется, а как Бог велит».

Нам всего труднее заставлять себя делать не то, что хочется,

например Великим постом не есть колбасы и не курить хотя бы натошак. Мы все надеемся, что золотые дни вернуться и мы еще погуляем в лесу, ведь он здесь рядом.

Крепко жму руку и обнимаю Вас, всегда помню и надеюсь на всякие милости Божии к Вам. Сердечно приветствую Ир<ину> Н<иколаевну>. Как здоровье Ир<ины> Евг<еньевны>?

Ваш С.Ф.

№ 158. Н.С. Фуделю
11 III [1967, Липецк]¹

Милый и добрый Николаша.

Твое письмо дошло до меня на 6-й день! Чем тебе не тайга, хоть до Липецка всего 10 минут на автобусе. На 5-й, 6-й день доходят и все письма. Т<ак> что мое письмо к тебе, где я все объяснил насчет Маши, наверно разошлось. Вчера ей сказали, что если еще дня 2 родов² не будет, — их будут вызывать искусственно. Она, бедная мужественная женщина, совсем изнемогла от ожиданий, страхов и больничного пребывания. Ведь с 18 января!

Я тоже, конечно, томлюсь, т<ак> к<ак> знаю, как трудно маме, больше душевно, чем физически, да и ослабела она после гриппа.

С Варенькой все не так просто, потому-то сердце так болит и мечется.

Но я в общем здоров, только иногда старческая слабость, склероз и пр. пугает, и тогда я горько жалуясь Богу, что вот придется умирать в каком-то лесничестве совсем одному с Мишей³. Но потом опять приходит бодрость и надежда на возврат и всеобщее благополучие.

Завтра Прощеное воскресенье⁴. Вот это мне трудно. Церковь — это общение любви, и этого общения я не имею. Только иногда бывают встречи с людьми. На днях иду с Люшей в лесу, встречается старая, но бодрая женщина с молодыми черными глазами, вдруг останавливается (совсем незнакомая) и почти строго спрашивает Люшу: «а когда дедушка умрет, ты плакать будешь?» Меня удивило и очень бойкое «буду» со стороны Люши.

Иногда мы уходим часа на 2¹/₂, дороги лесные здесь прочищены и ходить хорошо, а в лазоревые дни так даже почти страшно от красоты и предвесеннего благоухания. Люша, когда она не у телевизора (или после него), мила и покладиста, хоть и озорна ужасно (все норовит, когда ей становится скучно, спихнуть меня в сугроб).

В городе бываю очень редко и только по воскресеньям. Мне моя жизнь чем-то напоминает Княж-погост и прочие мои де-

ревни⁵. Летом здесь, конечно, хорошо, и вам полный смысл подумать о приезде. У них большая отдельная летняя комната и три теплых, они собираются купить козу с козлятами, чтобы девочки их пасли, есть добрая собака Венерка (соседей) и свой белый кот, уже узнававший у меня, не будет ли его обижать ваш Мишка или Бой⁶. Здешние леса идут через Орлов<скую> обл<асть> в Брянскую. Лесничий вчера говорил, что здесь будет хорошая охота.

Целую тебя дорогой Николаша, Лялю и Машеньку⁷.

Пиши.

П.

Люша обижается, что не пишет Маша⁸. Конечно, если будет нужда, я пошлю телеграмму, а также когда благополучно все кончится.

№ 159. Н.С. Фуделю

7 IV Благовещение [1969, Покров]¹¹

Спасибо, Николаша, за письмо и 10 р. с Варенькой. Придя с телефона, я нашел дома маму, которая мне все рассказала про телефон с Машей², а на след<ующий> день пришло и письмо от нее. Так что ты не выясняй то, о чем я говорил. У нее болели дети. Я пишу на тот случай, если вы разболеетесь и не приедете в субботу. В эту субботу вообще езда сюда с твоей Машенькой³ — плохая: везде все полно, автобус со станции берется с боя. Но ведь она мне говорила, что ее больше не укачивает, и значит, с ней можно ехать с Рижского?

Письмо твое очень грустное. Жить с такой усталостью в душе нельзя, это опасно и для самого человека, и для окружающих, — для семьи. Основное в тебе — душевная лень.

Ты будешь изнемогать (искренно), будешь при этом считать, что «если бы я жил в прериях Купера⁴, то было бы все замечательно», и никак не согласишься, что романтика не помогает, или только на полчас, и что вместо нее тебе уже давно надо было бы выйти «из себя» на какой-то душевный труд. Но душевный труд — самый трудный, и очень, наоборот, легко отгородиться от него всевозможными хитроумными доводами.

Но в тебе есть природное смирение, и это для меня залог того, что Бог тебя не оставит, вразумит и проведет в жизни. Года и сроки здесь не имеют значения. Вот мне скоро 70⁵, я только теперь увидел какой-то совсем ясный свет на дороге, и душой чувствую, что «времени нет». Это так невероятно укрепляет, успокаивает. Так что впереди у тебя еще целая жизнь душевной возможности, только «стучи в дверь», не замыкайся в свою болезнь, усталость, разочарованность. Никогда не начинай жалеть себя, а гляди кру-

гом себя – чтобы пожалеть кого-нибудь другого. В этом и есть душевный труд, только в этом и есть жизнь. А без этого и человек погибает, и семья его чахнет.

Слова мало учат, но хотелось что-то тебе передать.

Обнимаю тебя. Твой п.

На несколько часов был в М<оскве>. Звонил к тебе, но тебя не было.

Рады будем Вас видеть. С любовью встречаем любовь, и всякое расположение.

Если будете болеть, может быть, мне приехать за Машей?

№ 160. Н.Е. Емельянову

[8 X 1969, Покров]¹

Милый Коля².

Я (и мы) поджидаем обещанного сообщения о том: 1) кому подавать заявление; 2) можно ли будет при каком-то ответе повесить доску, что «памятник архитектуры» и т.д. Затем меня беспокоит – получили ли мое письмо, где я предупреждал, что с поездкой во Владимир откладывать нельзя, т<ак> к<ак> врач уходит на пенсию.

И вообще хочется услышать Ваши милые голоса, хотя бы через письмо.

Я не знаю Вашего отчества. Если сумеете, пришлите ответ к 14 X, у нас Праздник³.

№ 161. Н.Е. и О.В. Емельяновым

[9 I 1970, Покров]¹

Спасибо за поздравление. И я поздравляю. Сегодня видел вас обоих² во сне.

С.Ф.

№ 162. Н.Е. и О.В. Емельяновым

9 XII [1970, Покров]¹

Дорогие Коля и Оксана.

Я только на днях узнал о Ваших болезнях и скорбях. Вы от нас живете где-то далеко, и никогда мы не видимся, но Вы оба для меня и В<еры> М<аксимовны> близкие и дорогие, а поэтому мы вместе с Вами в Ваших переживаниях. А то, что мы не видимся, это плохо и ни к чему. Надо видеться, хоть раза два в год, а в промежутки писать друг другу. Сейчас жизнь затягивает в одиночество, точно в какую-то воронку в воде, и надо противодействовать этому. Даже и совсем иной раз незнакомый человек на улице скажет что-н<ибудь> доброе и улыбнется – и то кажется, что среди серого неба просияла лазурь. А мы друг другу очень знако-

мы. Поэтому пишите нам по возможности. У нас тоже много трудного и даже тяжкого, но вот как-то все переживается, и как ни бывает трудно, то тупика никогда не бывает: под ногами чувствуешь все ту же дорогу, а над головой звезды. И в этом чувстве Пути и есть наша непобедимая сила. Сейчас до января я, м<ожет> б<ыть>, буду чаще приезжать, по очереди с Верой Макс<имовой>. Летом или как потеплеет обязательно приезжайте к нам. Знаете ли Вы Володю Воробьева?² Они вчетвером были у нас летом, и мы провели с ними несколько хороших дней³. Вот и Вы приезжайте. А тогда на Пасху⁴ действительно ничего не получилось, к большому нашему огорчению.

Ваш С.И.

№ 163. Н.Е. и О.В. Емельяновым

*6 I [Первая половина 1970-х, Покров]*¹

Дорогого Колю и Ксану

благодарю за поздравление и тоже поздравляю. Я вас всегда так и вспоминаю, как Вы, Коля, подписались: «Николая, Оксану со чадами».

Рад был увидеть Вас. В мире становится так угрожающе мало близких.

Портрет Льва² поищу и привезу, если приеду во второй половине января. Уж очень все мне трудно, не по моему бессилию. У Коли нет мне угла. А доживать как-то надо. Вот Над<ежда> Ал<ександровна> Павлович³ сейчас с таким мужеством умирает.

Мир вам и дому вашему.

С.И.

№ 164. Н.Е. и О.В. Емельяновым

*[Начало 1970-х, Покров]*¹

Милый Коля и Ксана.

К 19 XII² посылаю Вам эти три вещи³ с искренним пожеланием «всю настоящего жития ночь прейти»⁴ во всяком долготерпении и благодущии, и даже с улыбкой. Мы не только будем иметь, но мы уже и сейчас имеем в себе великое сокровище Жизни.

Всегда с благодарностью и отрадой думаю о Вас обоих. Мир дому Вашему и совместному пути!

С.Ф.

№ 165. Н.Е. и О.В. Емельяновым

*[Начало 1970-х, канун Пасхи, Покров]*¹

Дорогие Коля и Ксана.

Шлю Вам сердечное пожелание встретить светлый Праздник² в радости и покое.

Мы ожили, как только ожил Коля³, и теперь живем надеждой, что Господь управит путь его к Себе не в смерти, но в жизни. Спасибо Ксане⁴ за труды, очень все хорошо сделала.

С.Ф.

№ 166. Н.Е. и О.В. Емельяновым
[Начало 1970-х, Покров]¹

Милые Коля и Ксана.

Я как-то подарил Вам «беседу пр. Серафима с Мотов<ило-вым>»². Примите к ней и одну мою сердечную просьбу: дайте ее кому-н<ибудь> из близких напечатать, чтобы было еще 3 экз. Это не спешно, но очень желательно. Многие ее не знают, а многим она была бы живой водой и насущным хлебом в своей простоте и установлении самого главного. Я не очень надеюсь, что Вы со мной согласны, но все же пишу. Оплату за работу я, конечно, приму на себя.

С.И.

№ 167. Н.С. Фуделю
8 VIII [1971, Покров]¹

Дорогой мой Николаша.

Спасибо за письмо. Радуюсь за тебя, что хоть 2 недели полностью задышишь воздухом². Дай Бог, чтобы все было легко и в «благорастворении воздухов»³. Только советую изгнать из головы «левые» мысли, что все твое благополучие будет зависеть от той или иной поездки в лес. Эти мысли вроде капкана, в который попадаешь левой ногой. Твое благополучие — целиком в руках Божиих. На эту мысль надо направить все свое дерзновение, без которого нет веры. В вере надо дерзать, иначе она умрет, как хилая старушка.

Помнишь, как ответил Тихон на ехидный вопрос Ставрогина: «А что, и гору — по Евангелию — можете верой сдвинуть?» Тихон опустил глаза и тихо ответил: «Если Бог повелит, то сдвину»⁴.

Обнимаю тебя, дорогой. Еще раз желаю тихих дней и покоя. Храни тебя Бог. Я получаю здесь то, чего не было в М<оскве>: совершенную тишину и совсем заросший зеленью участок, с розами и белыми лилиями. Доброе отношение к себе я видел и в М<оскве>, но и здесь оно заметно.

Мама и работает (за столом), и готовит, и бегает по магаз<инам>, ничего не находя, и ездит в М<оскву> и Орехово⁵ (туда собирается). Ради меня и других Бог дает ей силы.

В эту среду она поедет в М<оскву>.

Начал одну интересную, но небольшую работу, даже с целевой установкой на «Богосл<овские> труды»⁶.

Обещал приехать Саша⁷ и привезти еду.
Обнимаю тебя. Твой п.

№ 168. Н.С. Фуделю
24 X / 1971, Покров¹

Милый мой и хмурый Николаша.

Выписываю тебе то, что обещал о печали, которой мы оба одинаково болеем:

«Удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила... От печали бывает смерть» (Пр. Сир. 30—24, 25 и 38—18)². Конечно, есть еще иная — божественная печаль, но у нас с тобою она совсем не божественная.

Мама во Владимире, причем уехала, не дождавшись меня, воспользовавшись попутчицей, т<ак> что снимки послали к ней с оказией. В понедельник будет ее еще раз смотреть травматолог, но (я говорил с ней по тел<ефону>) уже и сейчас, по ее словам, ей «стало веселее». Хирургом она очень довольна, очевидно, он (она) отнесся внимательно. Когда вернется, не знаю. М<ожет> быть, в понедельник (?)

Обнимаю тебя. Был ли врач у Маши, сделали ли анализы? Обязательно спроси Машу — как у нее прорезаются зубки? Это, во-первых, а во-вторых — лачет ли у нее по ночам Кот из чашки³ Варенька ничего, бодрая. У меня усилилась простуда (или от Машки грипп!?). И я сижу дома с небольшой temp. Работаю и с благодарностью вспоминаю

«Живя, умей все пережить:
Печаль и радость и тревогу...»⁴

П.

Дост<оевского> не отдавай до меня⁵.

Экзюпери сказал, «мы все вышли из своего детства, как из родной страны»⁶. Вот почему мне очень трудна смерть т<ети> Нины⁷, и я бы очень хотел опять сейчас сидеть на тахте в ее комнате после ее смерти. Это было какое-то прощание с «родной страной».

О тебе все время в тревоге из-за твоего неблагополучия: и телесного и душевного. Нельзя все источники бед искать в другом человеке: мы сами виновны.

№ 169. В.В. Наумову
20 III 1972, [Покров]¹

Спасибо, дорогой Виктор², за такие искренние слова, они мне очень дороги. Благодаря им я почувствовал Вашу душу и порадо-

вался, что могу быть близок к ней. Дай Вам Бог всякой помощи, радости, мужества в этой жизни. Всегда буду помнить вас вместе с Машей³ и сердечно желать всяческого благополучия. Мир дому Вашему!

С. Ф.

На конверте отчества не мог написать, потому что не знаю, простите.

Маше своей скажите, что то, что я был ей должен, я оставил у Коли⁴, пусть при случае возьмет.

№ 170. М.А. Некрасовой
2—5 IV 1972 [*Покров*]¹

Милые Маша и Виктор.

Я не знаю, дошло ли до Вас мое прошлое письмо, но хочется послать и это с сердечным приветом к Светлому Празднику². Пусть будет в Вашем доме и в сердце Вашем свет и покой. Очень трудно, чтобы это было, но возможно, ибо, как сказано, «все возможно Богу»³. Всегда с благодарностью вспоминаю Вас.

С.И.

№ 171. Н.Е. и О.В. Емельяновым
23 IV [1973, *Покров*]¹

Милые и дорогие Емельяновы — Коля и Ксана!²

Мне всегда радостно вспомнить о Вас, — точно в сером моем небе откроется некая голубизна. Но я знаю, как Вам, бедным, может быть, почти непосильно трудно, так что не думайте, что я представляю Вас себе какими-то беззаботными пичугами, чирикающими на ветке. Совсем наоборот! Словом, приветствую Вас, понимая Вас или не понимая, но всегда радуясь о том, что Вы где-то существуете. Дай Вам Бог Светлого праздника³, веяния тепла его и радости, отгоняющей всякое уныние. Унывать предоставляйте мне и за себя и за Вас. Я никак не вылезу из болезней, почти месяц, и многое есть другое, что питает уныние. Не знаю — попаду ли куда-н<ибудь> на Пасху. В Вел<икий> четверг мечтаю причаститься, но то же все неизвестно.

Я очень рад, что Вы сблизились с Володей и Олей Вор<объе-выми>⁴. Они мне тоже очень по сердцу. Низко Вам кланяюсь, а потом и целую.

Мир Вам, дорогие, и благословение Божие!

С.И.

Не уверен в № квартиры.

№ 172. Н.С. Фуделю
9 VIII /1973, Покров¹

Милый Николаша.

Спасибо за быстрое письмо. Я вчера вернулся от тебя, пробыв там 3 дня и нашел письмо, приехав. Там все спокойно, пил чай с сухарями, оставленными Лялей, брынзой и творогом купленными. Поговорил с Колей², расспросив его об отъезде. Был у глазного врача. Конечно, зрение ухудшается, но нового лекарства она не придумала. Кроме того, огорчила тем, что больше мне к ней показываться нельзя, т<ак> к<ак> ее перевели с консультаций куда-то еще. Придется опять идти по платным поликлиникам.

В Москве невыносимо жарко, потно и тяжело. Мне пришлось много ездить, и я рад был вернуться в Покров. Здесь тишина, прохлада, множество своих и чужих яблок и помидор. Ключи твои целы, а соседи из № 86 уехали куда-то.

От Маши из Л<ипецка>³ приходят грустные письма, и нам с мамой надо будет обязательно к ней съездить в начале сентября.

У Вар<еньки> без перемен. Она бодрa и научилась делать «баклушки». Мама тоже бодрa, твою записку я ей передал.

Сейчас мне надо очень много работать, чтобы «заработать» поездку к Маше.

Может быть, я и сам несколько проветрюсь. Но боюсь постоянного телевизора по вечерам.

Получил от одного знакомого интересное письмо об Оптинском архиве⁴. Оказывается, что он цел, но до сих пор не разобран.

Жаль, что у вас лес далеко: километр — это вроде как у нас. Можно ли купаться? В общем, насколько я понял из письма, приобретать там что-н<ибудь> постоянное не стоит⁵. Но не унывай и, главное, выйди из плена той мысли, что если ты сколько-то времени не пробудешь на «настоящей» первозданной природе, то ты и жить работоспособно не сможешь. Эта твоя мысль явно слева. Сила Божия и в городских немощах совершается, и в подмосковных местах ей не запрещено проявляться, по вере нашей.

Целую тебя, приветствую вас всех — дорогую Лялю и милого ребенка Машу.

Спасибо ей за письмо.

Твой п.

№ 173. Н.С. Фуделю
29 X /1973, Покров¹

Милый Николаша.

Привет тебе. Спасибо за медицинскую бандероль, которая всех ободрила, кашляющих. У них, кажется, легкая форма, и они

не унывают. Отец² даже поехал на 2 дня в Загорск, несколько отдохнуть и набраться сил около святыни. От нее только и набираешься сил, и ни от чего другого, — придется когда-нибудь нам всем это понять. Мы изнеможем от тления жизни, от какой-то смерти в себе и в других, от угнетающего плена своего в чем-то временном и темном. Спасение наше и противоборство наше — только в Вечности, только в том, чтобы в пустыне этой нести в себе малую каплю Вечности. Я жизненно это знаю, знаю, что это надо помнить и осуществлять буквально каждый день, если не час, чтобы собирались какие-то звенья этих капель и чтобы душа пила.

Нам всем, может быть, даже и понятно, что это так, но тут дело не в том, чтобы понять, но в том, чтобы и понять и делать.

Вопрос о всех ваших взаимных «разочарованиях» и охлаждениях мне очень неприятен и как-то, я бы сказал, досаден. Он вскрывает одну вещь: «друг друга тяготы носите»³ — это мы знаем, читали, но чтобы хоть немного осуществить — это уж извините. Значит, многое строилось не на фундаменте, а на песке каких-то охотничьих экспедиций. Лично тебе я прежде всего очень советую больше входить во все эти дебри, во-первых, и, во-вторых, больше требовать от себя, а не от других. Сам старайся быть со всеми тем, чем ты должен быть, ибо, как нам сказано, «каждый за себя дает отчет Богу»⁴. А все остальное возложим на Него же, в надежде на помощь.

У нас более или менее по-прежнему. Собираюсь быть не ранее числа 9-го, 10-го. Ал⁵. писал о нас и жду ответа.

Мама опять весьма неважно себя чувствует, временами я полон отчаянного чувства жизненного осиротения, почти неизбежного для многих.

В доме холодно с пола, но с этим ничего не поделаешь. Здесь зимой очень трудно, и когда сидите в своей уборной, вспоминайте те уборные, в которых примерзает попка.

Целую тебя, дорогой, Лялю и Машеньку, вспоминаю ее арифметические скорби.

Твой п.

№ 174. Н.С. Фуделю
Ноябрь 1973, [Покров]

Милый Николаша.

В «Правде» за 28 X есть статья: «Дорога к Пушкину». Ты ее посмотри: там о Торжке, его древностях и о том, что, как там сказано, «многое еще можно спасти от забвения, вернуть городу и людям»². Это могло бы быть эпиграфом к тому, о чем ты рассказывал. В этом значение публикации этой статьи для тебя.

Меня очень опечалило то, что было накануне моего отъезда. И то, как реагировала Ляля, и твоя грубость, и, главное, недальновидность — ведь из всякой девушки легко сделать подобие дочки Сергея Козлова³, не любящей отца.

Будь осторожен, на тебе великая ответственность без всяких скидок на усталость, работу, болезни, город и пр. Посмотри на себя просто, честно, как на человека, полного страстей, из которых, может быть, главная — страсть гнева. Есть древнее мудрейшее правило: в состоянии даже легкого гнева, даже некоторого гневного «смущения» никогда не говорить человеку даже самые, казалось бы, справедливые вещи. Если нарушение этого правила может еще быть прощательным вне дома, скажем на работе, то дома оно недопустимо совсем. Дом — это единственное наше убежище, это стены, в которых живет еще наше сердце, наше последнее тепло.

И конечно — если ты даже 1 раз в месяц сидел до 11 1/2 за хоккеем, то тем самым навеки потерял право на такое возмущение по поводу цирка и каких-то зверей.

А самое главное — грубостью ничего не достигнешь, особенно с человеком⁴, который через 2 месяца уже будет иметь право выйти замуж и который, при этом, уже совершенно в нервном отношении надорван. Тут можно действовать только любящим терпением, молитвою и постом. Поплакать надо о Маше, о многом уже потерянном в смысле передачи ей того, что мы все ей не передали, занимаясь собой, а не ею, горько и безжалостно надо обвинить себя в этом. И в то же самое время надо весело и благодарно порадоваться тому, что, несмотря на это, в ней сохранилась еще так много от той чистой природы, которая идет из рук ее Творца. Порадоваться и всеми силами любви стараться это сохранить.

Обнимаю тебя и всех вас. Мир вам.

П.

№ 175. Н.С. Фуделю
10 XII [1973, Покров]¹

Дорогой мой Николаша.

Начал я вставать. Было у меня настоящее воспаление легких, а так как мне через месяц 74 года², то перенес я его еле-еле (врач удивлялся) и теперь чувствую себя еще совсем одуванчиком. Пришла, видно, пора глубокой старости. То, что я выжил, — это воля Божия, которую надо принимать, но во время второго подъема температуры у меня было спокойное осознание возможности перехода и какая-то надежда на радость этого перехода. Тяжелее теперешнее сознание моей инвалидности, очень длительной, может быть, совсем иной, «инвалидной эпохи». Но, конечно, и

надежды не оставляют что, и ослабевший, я смогу как-то, не в тягость другим, доживать век в благодущии. Как твое здоровье? Мне без тебя грустно и одиноко.

В твоей старой записке меня беспокоит фраза, что ты «уже договорился с Катей»³. Поскольку я остаюсь жить с ней, ни о чем не надо было договариваться. Но, конечно, это все разъяснится, и она не обидится.

У Вари опять, наверное, неустройство здесь в интернате⁴. Но как она справится с полной нагрузкой, непонятно. Мама везет все хозяйство и до 2 ч. ночи переводит⁵. Мне же трудно написать даже это короткое письмо.

Обнимаю тебя, дорогой мой. Целую Лялю и Машу нежно.

П.

№ 176. Н.С. Фуделю

[Около 19 декабря] 1973 [Покров]¹

Дорогой Николаша.

Это сорок девятые твои именины!² Порядочное число, пора и за ум браться. Поздравляю тебя, желаю еще большего количества лет, чтобы успеть накопить покой в себе, без которого «туда» лучше не переходить. «Покой» бывают разные, но нам лишь бы заполучить хоть самый малый: в темной маленькой комнате и слабый луч загорается торжеством и радостью. В этом главное, и это можно потихоньку приобретать везде, не только в лесу, но и в великом и безумном городе, везде, где можно обрести любовь, где можно потрудиться и над собой и ради людей. А без этого двойного труда ничего не будет. Вы все трое в кварт<ире> № 85³ очень ленивы, да еще и оправдываете свою лень.

К сожалению, не смогу, наверное, приехать, т<ак> к<ак> мама в М<оскве>, а Вар<ю> не надо оставлять. Мама сидела до 5 часов утра, всю ночь, делая для одной парализованной больной в М<оскве> такую же тюфяк, как для Тамары, а после этого с тюфяком поехала (и с Зиной Т<оропиной>) в М<оскву>.

Иногда мне ясно, что она последний из могижан.

Целую тебя, обнимаю, еще раз поздравляю, целую Лялю и Машу, которой на днях писал. Всех твоих друзей приветствую с любовью.

Твой п.

Я работаю, если все пойдет так же, то приеду числа 2 янв<аря>, чтобы сдать работу⁴. Живу трудно, но хорошо.

Будешь в аптеке, купи маме 2 кор<обки> ромашки. Себе купи лимонов и мин. воды. Уже достал было тебе 1/2-литр<овый> термос, но он оказался с дефектом. В Москве пойду. Еще бы хотелось что-то писать тебе, доброе и нужное, но не сумею. Храни те-

бя Бог. А Маше не давай смотреть на ночь кошмары о пожарах в лесу. Она мне тогда, когда мы легли спать после этих ужасов, говорила, что ей тяжело.

№ 177. Н.С. Фуделю

[Декабрь 1973 — начало января 1974, Покров]¹

Дорогой Коля.

Посылаю тебе то, что уже посылал к Празднику. Поздравляю тебя и твоих: Лялю и Машу с этим Праздником, тишина которого побеждает и наши бури и нашу муть. Всем вам желаю здоровья, а Маше еще: вымыть свои чудные глаза и не портить их никакими гадостями.

С теплом вспоминаю вас и надеюсь увидеть в 74-м году. Поставили елку? Пусть сохраняется хоть символика детства, если уж нет его в действительности.

Маме лучше, но она как-то вся осунулась, постарела. Варенька ничего. Даже Новый год встречали у Зины Торопиной с шампанским, вчетвером. Обнимаю вас.

П.

№ 178. М.Н. Фудель

[Начало января 1974, Покров]¹

Дорогая и добрая моя Машенька.

С радостью начинаю писать тебе, так как знаю, что, несмотря на все наши различия, мы в чем-то близки друг к другу и дороги. Это для меня большая душевная помощь. Часто изнемогаешь в жизни не от отсутствия здоровья или сил, а только от отсутствия истинной, духовной дружбы, согревающей сердце и просвещающей ум, дающей ему истинное познание мира. Я, кстати, всегда молюсь о тебе Богородице такой молитвой (из Канона): «Света твоего зарями просвети ее, Дева, мрак неведения отгоняющи»...²

Неведение это — опасная и тяжелая болезнь, и по возможности старайся от него освободиться. Но дается оно, как истинное духовное ведение, или познание, только любви.

В тебе сердце от природы предрасположено к любви, но это предрасположение еще не стало постоянным фактом жизни, не овладело еще умом и познанием. Вот ты иногда плачешь, что твоя «жизнь бессмысленна», что она «проходит зря» и т. д. Но ведь она потому и представляется тебе бессмысленной, что ты не осознаешь необходимости наполнить ее любовью к людям, к людям, говорю, к каждой живой человеческой душе, а тем более к душе скорбящей и озлобленной. Только в любви к людям смысл жизни, только в этом выход из тупика погружения в себя самого,

в свои удовольствия, в свои неприятности, прихоти и хотения. Это любовь духовная, хотя и не отрицающая любви к «Вите» или «Мише», но ставящая ее на свое место, на котором она уже не делается кумиром и языческим божком.

Трудно писать обо всем этом. Но я опять вспоминаю молитву: «света твоего заряжи просвети ее». Очень бы я, по любви своей, хотел тебе полноты земного благополучия, т<о> е<сть> такого благополучия, которое не в сосисках и не в квартире с телефоном, а именно в сочетании необходимых земных благ с предвкушением и предназначением уже будущей вечной жизни, «миров иных»³, как говорил Достоевский.

Вот кончается твоя самая ранняя юность, начинается юность уже более поздняя, переходящая во «взрослость»⁴. Дай же тебе Бог все больше проникаться смыслом жизни, этим веянием Вечности, ощущая которое все неприятности и даже страдания не кажутся страшными и вся жизнь делается теплой и благословенной.

Твой неизменный Дед.

С праздником Рождества тебя поздравляю!

В эти дни не забудь помолиться о страдающей т<ете> Варе⁵.

№ 179. Н.С. Фуделю
5 IV [1974, Покров]¹

Дорогие Коля, Ляля, Маша.

Сердечно вас всех приветствую, надеюсь скоро увидеть, а пока шлю эти пожелания здоровья и мира. Дай вам Бог встретить Праздник², и все эти дни перед ним ощутить как источник нашей силы, крепости и радости на весь следующий год, до новой Пасхи.

Я и Вар<еньке> прочел повесть о трех братьях³. Мама все работала и еще не успела. Повесть хорошая, читается с большим интересом. Откровенно скажу: я не ждал, и тем более был обрадован. О всяких исправимых недостатках напишу после.

Не знаю еще, что будет с нами на Праздник. Мама все болеет ревматизмом, хотя ей немного лучше. Здесь ли она будет или поедет в М<оскву>, неизвестно. Наверно, неизвестно, где будете и вы? Поезжайте к Емельяновым⁴: в такие часы и минуты надо быть вместе с близкими по сердцу.

Обнимаю вас всех единым объятием.

П.

№ 180. Н.С. Фуделю
19 V [1974, Покров]¹

Милый Николаша.

Все я недужу, да еще и душою, а не только телом. Собирался

приехать в субботу, и не вышло. Может быть, окрепну к четвергу и приеду дня на три.

Поздравляю тебя с большой и хорошей датой $1/2$ века². Дай тебе Бог, сколько бы ни прожил, набираться теперь любви, навerstывать упущенные в этом отношении годы и десятилетия, любви к людям. Я по себе сужу. И по себе же судя, говорю, что это никогда не поздно. Есть люди, у которых любовь точно элемент крови, — в самой природе их, а есть люди (мы с тобой), которым надо ее добывать в эту кровь трудом и годами.

Не знаю — смогу ли, т<o> е<сть> будут ли у меня силы быть у тебя вечером при гостях. Это уже не для меня. Утром этого дня я хотел бы поехать с тобой и мамой в Отрадное. Но возможно ли осуществить такое безумное желание — не знаю. Если меня не будет 26-го, смотри, чтобы не было как тогда, у Алешки³.

Обнимаю тебя нежно, милый мой маленький Николаша. Прошу простить меня и не забывать. Всех целую.

П.

№ 181. М.Н. Фудель
29 IX [1974, Покров]¹

Дорогая и милая Маша.

Спасибо за большое, хорошее письмо. Я очень прислушиваюсь к твоей жизни, и все в ней для меня интересно и важно. Никак не соберусь приехать: то старость, то ремонт².

Твои стихи³ хороши тем, что они верно уловили одну правду: молитва рождается от любви, как от любви же рождается и вера. Любовь в молитве не всегда ощущается, часто сердце мертвое, как камень, но это надо перетерпеть, как терпят зной и сухость пустыни люди, идущие по ней к светлым оазисам, к живым источникам вод.

Есть в церкви такая молитва:

«Отыми, Господи, от меня сердце каменное,
и даждь мне сердце плотяное»⁴, т<o> е<сть> живое
и трепетное, как плоть, ощущающее красоту и святость Божию.

Дай Бог, чтобы тебя в твоей жизни никогда не оставляла теплая молитва. Это самое большое мое тебе пожелание. Сколько бы ни было у тебя впереди страданий, молитва тебя защитит и согреет.

Я искренно жалею, что по годам не смогу долго сопутствовать тебе, хоть издали: последнее время мы стали близки друг к другу, а пасхальная ночь⁵ поставила на этом свою светлую печать. Но сколько-то я еще поживу и порадуюсь всякому твоему светлому чувству и делу.

Твой любящий дед.

№ 182. Н.С. Фуделю
4 XII [1974, Покров]¹

Милый друг Николаша.

Пожалуйста, выкинь из своей глупой головы, что когда я, в озабоченности любви к тебе, говорю о каких-либо духовных изъянах в твоей жизни, то это значит, что я «осуждаю» тебя. Любовь не «осуждает», она распинает себя за другого или за других, она страдает за них именно потому, что она есть любовь², а не скольжение по поверхности дел, лет и событий.

Я помню, что когда (в 17 лет) я увлекся Розановым, как отец мой твердо остановил меня и сказал: «пойми, это всего только и есть опавшие листья»³. 57 лет после этого прошло⁴, а я все помню эти слова и часто руководствовался ими. Слова любящего сердца иногда жгут тяжелее, чем слова чужих людей. Я думаю, что Петру было нестерпимо обидно, что именно сам Христос сказал ему: «прежде чем пропоет петух, отречешься от меня»⁵, сам Христос, а не какой-нибудь Иуда. Это, наверное, потому, что, не сознавая себе, мы инстинктом чувствуем любящую правду.

Это я пишу, получив твое письмо.

Совершенно независимо от того, прав я или нет в своем том письме, которое у мамы, преувеличил я или нет что-нибудь, в нем, в этом письме, нет того «осуждения», которое тебя пугает. Пора уже и забыть о нем.

Я живу скупое, скудно, трудно, но я живу, и даже иногда о чем-то мечтаю, и еще собираюсь увидеть близких людей, может быть, для того, чтобы проститься с ними, может быть, для того, чтобы что-нибудь еще сделать для них, и продолжать делать.

«Все от Него, Им и к Нему»⁶.

Мама болеет желудком. Сегодня я звонил. От Маши было письмо о том, что идет полная подготовка к свадебному пиру⁷: Миша закупил в колхозе, жарится масса кур, оправдывая приезд Воронцовки⁸.

Обнимаю вас. П.

№ 183. Н.С. Фуделю
[1974, Покров]¹

Милый, дорогой Николаша. Сердце болит за тебя в беспокойстве. По какому-то интеллигентскому кодексу не принято об этом говорить, но я не могу [не] обращать на это внимание. Я хоть не «фронтвик», но много раз бывал у самого фронта² и закрытие глаз перед опасностью не понимаю. Может быть, мое беспокойство за тебя усиливается от осознания отчаяния в отношении самого себя, ведь если я лишусь тебя, я лишусь единственной мужской, крепкой родной руки.

О лекарствах ты сам знаешь. Меня приводит в беспокойство то, что в самом тебе я не чувствую какой-то неукротимой воли к здоровью, без чего это здоровье может быть и не дано. Помнишь вопрос около купели Силоамской: «хочешь ли быть здоров?»³ Казалось бы — как можно об этом спрашивать? Здоровье требует воли, требует жертв, требует какого-то отказа от потворства своим прихотям, привычкам, требует подвига, как все хорошее и, прежде всего, конечно, требует веры, твердой веры сердца, что оно не от «нервной системы», а от Бога, ибо «все от Него, Им и к Нему»⁴, в том числе и нервная система.

Ты последнее время как-то ослабел духом, поддался какому-то усыплению или утомлению от чуждых стихий. Надо крепче сесть в седло и подтянуть поводья. Нельзя жалеть себя во второстепенном и иллюзорном, надо пожалеть свою жизнь, свое здоровье, данное тебе для того, чтобы ты, имея его, мог помогать людям. Надо пожалеть великий дар Божий, который Он тебе протягивает. Поэтому я говорю не о мелочах, когда ужасаюсь, что ты обжигаешь свое большое нутро горячим дымом, да еще натошак.

Пожалей не себя, а нас, и сделай прорыв к здоровью. Бог видит тебя, пойми это сердцем, и не считай, что ты спрятался от Него за телевизором, или за своими действительно трудными переживаниями и скорбями. Крепче возмись за веру, «ибо дни лукавы суть»⁵. Не забывай ежедневно, по возможности, прочитывать хоть несколько строк из Слова⁶. Твой путь одинокий, не ищи «наильно» сообщества. Всякая «встреча» с человеком есть чудо. Исполни мою старую просьбу: под воскресенье и утром в воскресенье, когда где-то в мире возносится Чаша, зажги свою малую лампаду для приобщения или хоть для какого-то предчувствия Великого света. И прочитывай в это утро ту молитву утреннюю, о которой я тебе тоже говорил давно: «Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти»⁷ (у тебя в молитвен<нике>). Каждое такое действие воли есть ущемление плоти и освобождение нашего духа, и в этом великая радость свободы и теплого дома Божия.

Мама о тебе тоже очень беспокоится. Она между прочим сказала и так: обострение могла вызвать не крушина, а переход на гомеопатию, так как есть такие внутренние ситуации, когда на нее нельзя переходить.

Видя инвалидность Вари⁸ и мое быстрое приближение к такому же состоянию⁹, она хочет как можно больше заработать, а это возможно только у Жени¹⁰. Поэтому, если ее у вас долго не будет, тебе надо находить ее по телефону и сговариваться о свидании по дороге домой, где-н<ибудь> в метро. Телефон Мулина¹¹ есть (на «М») в вашей книжке.

Обнимаю тебя, целую Лялю и Машу. Ты мне обещал одну

вещь, не забудь. Молись и об этом — чтобы Господь усилил в тебе память на все светлое или нужное. Как же без этого жить?

Хорошо бы Маше один хоть раз съездить к Варе в воскресенье к 12 дня за себя и за мать. Я ей сказал об этом, и она хорошо приняла.

Твой п.

Сейчас я болею, т<ак> что не звони, а пиши. Посылаю письмо и страшусь непонимания.

№ 184. Н.С. Фуделю
13 I / 1975, Покров¹

Дорогой Николаша.

Я живу в тревоге и недоумении. Маша² дала мне загадку: вдруг, совместно с Мишей³, пригласили меня в Липецк до лета. «Выпустить воду из батарей можно», — пишет, — «и ты приезжай». Что это значит? То ли мама ей написала, что Варю совсем не выпишут и, тем самым, сама мама остается при ней? То ли ее выписывают, но мама устроит ее у Жени⁴ с собой?

Я ведь живу в полном неведении. Пять раз я звонил тебе и маме (три раза маме и два тебе) с просьбой вызвать меня на телефон, т<ак> к<ак> все 5 раз я ни ее, ни тебя не заставал. И никто меня не вызывает. Даже если моя просьба о вызове меня не передается, то ведь она само собой разумеется, если, особенно, для вызова нужно только поднять трубку. Конечно, понятно: госуд<арственная> служба, семья, телевизор, усталость. Но некоторые и понятные вещи принять трудно. Мне ведь нужен живой голос, а его нет. Я эти недели живу вообще в каком-то большом страдании и все жду этого живого голоса, а не телеграммы. Даже Блока вспомнил:

«Я каждый вечер жду гостей,
И дрогну, и сжимаю руки...»⁵

Отчасти это страдание из-за тебя, это беспокойство сердца о тебе, о том — как пойдет твоя жизнь после моей смерти. Ты, мне кажется, и не подозреваешь, с какой стороны подходит к тебе опасность. Скажу кратко, как итог того письма, которое до тебя не дошло (застряло у мамы): заставь себя усилить свою духовную жизнь, поищи еще и еще узкий путь Божий.

Не думай, что если я страдаю, — я несчастлив. Даже если бы и действительно все меня оставили, — Бог меня не оставляет, спасает, милует, веселит сердце мое надеждою на соединение со всеми в любви.

Сегодня мне 75⁶. Два основных чувства наполняют меня: чув-

ство вины перед многими и чувство нового обретения их в прощении Божиим.

И как жалко, что меня так мало, так редко укоряли и осуждали. Если это идет от любящего сердца, никогда не бойся этого.

Многое хотел бы еще сказать тебе, но самое главное, кажется, сказал.

Держись за крест, даже если холодеет сердце. Господь, видя усилие твое, пошлет теплоту.

Целую вас троих. Никаких расчетов на приезд у меня нет: нет человека⁷. И здесь-то ко мне уже 2 недели никто не ходит, но это не страшно — дрова и уголь рядом.

П.

№ 185. Н.С. Фуделю
19 IX [1975, Покров]¹

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо с мамой. Все верно у тебя, все было верно у меня. Надо жить дальше и не останавливаться на огорчениях.

Я всегда всех учил, что христианин должен всегда искать в себе любви к другим, но он никогда не должен требовать любви к себе. На то и есть христианство, чтобы любить без требования награды. Только Господь Бог устраивает встречи любви.

Этому я учил и сам попался на той же ошибке: затребовал себе любви. Опомившись, иду далее, замолкая, получая большую радость от осеннего солнца, закончившегося ремонта² и заканчивающейся, слава Богу, жизни. Великая благодарность в сердце у меня и за всех вас, детей. Тебе нужно только одно: никогда не засыпать духовно, пробиваться к живому духу через толщу быта, службы, страха, лени, всего. Узок путь, ничего не поделаешь.

Обнимаю тебя с любовью. Может, и приеду поближе к 30 IX³. Звонил ли ты к Кириллу⁴ больному? Как он?

Твой п.

Милый мой Николаша, я все понимаю, все трудности, а если иногда что-н<ибудь> говорю, то говорю от любви.

№ 186. Л.И. Щербининой
[1975, Покров]¹

Дорогая, милая Лялечка.

Какое это действительно несчастье у Вас с глазами. Некоторое успокоение только в том, что катаракта это болезнь глаз наиболее легко операционно снимаемая. У меня есть много знакомых Вашего и еще более молодого возраста, которые сняли ее и давно уже живут спокойно. Как Вы знаете, я с глаукомой обоих глаз живу уже 14 лет², один глаз совсем слепой, а другим, как Вам

тоже известно я за это время (даже почти 15 лет) перечел массу книг и написал множество писаний.

Быстрицкая³, я знаю, делает иногда чудеса, она и мне помогла. К сожалению, общее мое состояние и множество несовместимых с гомеопатией лекарств мешают мне более точно исполнять ее указания (промежутки между приемом гомеопатии и алопатии должны быть не менее чем час или два). Кстати, спросите ее — не вредит ли глазам Ваше долгое сиденье у телевизора, особенно вблизи?

А самое главное — не теряйте мужества и надежды. Хомяков говорил, что надежда для нас так же обязательна, как вера и любовь⁴. А Вы знаете, что при наличии этих трех даже жизнь, полная несчастий, становится не только как-то приемлемой, но даже и благословляемой человеком. Я верю, что Вам поможет Бог.

Я лежу развалюшкой — задыхаюсь при малейшем хождении, но припадков стенокардии больше не было⁵.

Спасибо Вам за кекс, за добрую заботу. Дорогой мой Коля меня не понял: я совсем не тяну его приехать сюда, я просто тоскую без него, тем более что знаю о его болезни и делах.

Целую Вас, мир, мир Вам от Господа, несмотря ни на что.

П.

№ 187. М.С. Желноваковой

11 1976 [Покров]¹

Дорогая моя Машенька.

Спасибо за письма. Я был неделю почти в М<оскве> и, приехав в свою пустыню, нашел их на столе. Здесь оставалась и топила одна добрая душа², что дало мне возможность поехать сдать свою работу (последние тетради) и попытаться что-то устроить для себя в этом плане на будущее³. Приехал под Новый год и встречал его в каком-то невероятном, по количеству времени, сне: лег в 7—8 вечера, а встал сегодня около 10 утра. Это московское утомление из меня выходило. Я там изнемогаю душевно, да и физически. Здесь одному мне трудно физически тоже, но душа спокойна, точно послана мне от Бога какая-то радость конца. Это трудно передать. Что-то из этого передается в словах этого стиха:

«На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал»⁴.

Я очень благодарен тебе и особенно Мише⁵ за ваше приглашение мне приехать (скажи это ему). Думаю, что это неосуществимо по таким причинам:

Во-первых, Варя в январе, наверное, выйдет, и она мечтает уехать в Покров. Если меня на месте не будет, там должна все вре-

ма жить мама, а это сорвет ее работу по заработку⁶, что недопустимо, поскольку мой заработок сейчас, впервые за последние 9 лет⁷, под вопросом. Мама здесь работать не может, здесь она вся уходит в тяжелое хозяйство, здесь она то зябнет, то задыхается, здесь постоянная нехватка многого для нее необходимого. Здесь, наконец, кругом чужие люди, которые выводят ее из равновесия.

Я же, наоборот, только здесь и работаю, и если я, как я уже писал, все же получу новый перевод, то это будет второй причиной моего неприезда к тебе. Надо работать до конца, т<ак> к<ак> судьба Вари после нашего ухода стоит перед нами как темный призрак. Кроме нас, она никому не нужна. Впрочем, проживем, увидим. Ты меня беспокоишь не меньше Вари, а болею я за тебя даже еще больше. Может быть, потому, что ты из детей самая мне близкая по духу, по страшной судьбе, по страданию. Я бы только одного желал: не дожить мне до того времени, когда ты будешь как все, когда ожесточишься, когда потеряешь последнее тепло и любовь.

Мы живем, и дышим, и верим, и терпим, — только для того, чтобы «не умирала великая мысль»⁸, чтобы не стерлись с лица земли те капли крови, которые пролил за нее Христос. Так как без них — духота, и смерть, и ужас. Если люди перестают это понимать, то я ради них же, этих людей, не перестану, так как жизнь вне любви — безумие. А удерживает в нас любовь только смирение. Есть ли оно в тебе? Все, что мы терпим, мы заслужили, мы сами в громадной степени создали свое страдание. Я в том числе, искренно тебе говорю. А, как сказал один человек, «нищие не могут роптать, но они не могут и унывать, они могут только нести свой труд нищеты и надежды»⁹. Они слышат, как «Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным»¹⁰. Прости меня, я ничего не знаю, кроме этого, и я хотел бы, чтобы ты и жила и умерла с этим.

Мы получили прекрасные фотографии и письмо от Верочки¹¹, и я тотчас же ей ответил.

Целую тебя, моя Машенька.

Я становлюсь совсем слабым, 13 I мне 75 лет¹². Это тоже пугает меня при мысли о поездке.

Твой п.

С Праздником тебя поздравляю!

№ 188. М.С. Желноваковой

18 I 1976 [Покров]¹

Дорогая и милая Машенька.

Получил твое письмо. Особенно за меня не беспокойся. Мне трудно бывает одному с топкой, но «трудно» не значит «плохо».

Если в надежде на Бога перестаешь бояться трудностей, то откуда-то приходят силы. Пребывание мамы в М<оскве> совершенно необходимо и для Вари, и для самой мамы, которая там в тепле и поэтому не болеет, и для всех нас, потому что так она может что-то заработать (моя работа кончилась). На мое рождение, т<о> е<сть> 13 I, она приехала сюда. Мне, конечно, было очень радостно, но она тут же простудилась, уже ставили ей банки, и теперь, очевидно, сорвется сдача ею работы за январь². Это, по существу, не страшно, но я об этом говорю, как иллюстрации того, насколько ей противопоказана деревенская обстановка в эти суровые месяцы. Я же, слава Богу, ничем не болею.

Привезла она очень много вкусных вещей, и мы пировали, даже чай пили с вином. Еще до нее на самый Праздник³, приезжал ко мне Кирилл⁴ со своим товарищем. Он (Кирилл) болеет сильнейшей стенокардией, недавно его подняли в состоянии обморока на улице, и он пролежал в больнице больше месяца. Перестал совсем курить и выпивать. Во всем остальном такой же. Но в нем живо родственное чувство ко всей семье его матери, ко мне. На столе у него стоит фотогр<афия> моего отца, в углу иконки материнские. У него чудесная комната — в маленьком старом моск<овском> доме, но со своим газом, раковиной и телефоном⁵. Устроил он мне даже елочку и уехал на следующий день.

Отношения с семьей Гали⁶ у нас теперь потеплели, и это мне тоже помогает коротать одиночество. Как-то надо пережить еще эти 1¹/₂ месяца холодов. Как-то надо бодро перетерпеть и эти старые мои годы, не изнемогать от них. Ведь наше изнеможение от неверия в Божию помощь. «Не имамы дерзновения за премоногия грехи наши» (это из мол<итвы> 6 часа)⁷.

Самое тяжелое было на самую Пасху. В этом году Пасха в конце апреля (кажется, 25-го)⁸. Все же жалко, если отпуск тебе придется брать в холодные месяцы. От твоего прошлогоднего приезда в душе остался такой светлый и теплый луч. В этом и погода помогала.

Мама в М<оскве>. Кроме заработка, еще ухаживает за одной близкой нам женщиной⁹, у которой и рак, и инфаркт, а родных совсем нет.

И за т<етей> Женей¹⁰, конечно, ухаживает, которой, кажется, уже 85 лет.

Я не помню, что именно я писал в конце письма. Одно всегда неизменно переживаю и за тебя, и за Колю, и за Варю — мольбу о сохранении в вас веры. Найди третью главу Апокал<ипсиса> и в ней стихи 10 и 11¹¹. Это о тех, кто сохраняет верность в наше время.

А то, что глаза мои совсем сдают, показывает этот пропуск строчек и слияние местами слов. Операцию не рекомендуют делать.

Целую тебя, моя дорогая, моя любимая Машенька. Спасибо Танечке¹² за открытку. Сейчас мы с мамой будем есть куриный суп.

Твой п.

№ 189. Н.С. Фуделю
22 V 1976 [Покров]¹

Николин день

Дорогой Николаша.

Спасибо за письмо. Я порадовался нашей дружбе, но одно место письма меня огорчило. Ты просишь «не осуждать тебя, даже и за дело». Если это понимать в смысле неговоренья правды о заблуждениях, незнаниях и грехах, то какая же это дружба? Вот ты вспомнил в этом письме, как пример любви, Муню. В начале (или середине) 50-х годов я был накануне (в своем уме) принятия священства². Но советовался с разными людьми, в том числе с Муней. Мы были одни (в Усмани)³. Она говорит: «нельзя вам, — у вас страха Божия мало». Она обличила меня в самый корень, осудила мое намерение и сказала мне дружескую правду. Можно это или нельзя? Нужно это или нет?

А в самом конце 30-х годов назревал, под влиянием Тamarы, разрыв между т<етей> Марусей и твоей мамой, причем агрессивна была т<етя> Мар<уся>. И вот в этом случае уже мне пришлось говорить ей правду и как-то обличить ее во имя любви. Я это сделал в виде большого, горячего письма. Не касаясь совсем существа дела, я напомнил ей о том, что «кому много дано, с того много и взъщется»⁴. Письмо подействовало. А любовь несет в себе ревность о любимом, любовь кровоточит, если видит, что этот любимый ею терпит в чем-то, особенно душевном, урон.

Да ты и сам, только по любви к Владу⁵, пытаешься что-то ему сказать.

Все Евангелие полно обличений, и обличал тот, Кто больше всего любил.

Мы должны искать в себе, воспитывать, стяжать любовь, молиться о ней день и ночь, но начинать все это мы должны со смирения, с чувства или с осознания того, что мы достойны всякого осуждения, даже и несправедного, уж не говоря о праведном.

Св<ятые> Отцы упорно, везде повторяют «предтеча любви — смирение», и «где нет смирения, там нет любви»⁶. Без этого, без готовности принять осуждение, и любовь наша подобна любви

этого мистера Чедбенда из Холодн<ого> Дома, который, кажется, так говорил: «совершим это во имя любви»⁷.

Я всегда говорил тебе и всегда искренне говорю себе: в нас до безобразия мало любви! Я уже все упустил, всякое время, а у тебя есть еще возможность постепенно наверстывать. Вот только это я и писал. И всегда рви паутину лукавства. Для Любви от нас нужны прежде всего и больше всего не романы и не богослов<ские> статьи, даже с самыми хорошими намерениями, а повседневное отношение с живыми людьми. <...>

Но удержать в себе тепло любви именно в этом плане, в повседневности, а не в статьях и размышлениях, невероятно трудно, что и показывает золотую пробу любви. Тут надо держать себя все время в порядке. Вот ты пишешь о метро, о «шествии мимо тебя роботов», и еще даже почище, об ужасе своего одиночества среди них. Нельзя так мыслить, пойми, дорогой мой. Я не буду говорить об образе Божиим, луч которого не погасает в человеке до окончат<ельного> суда Божия. (А как же иногда удивительно бывает почувствовать в метро этот ясный и нетленный луч! Какая это бывает радость). Я скажу другое, вспомню слова о<тца> Николая Гол<убцова>. Он мне сказал: «Если хотите начинать как-то упорядочивать свои душевные отношения с людьми, повторяйте иногда эти чьи-то слова: «все святые, кроме меня»».

В этом есть парадокс, но парадокс глубокий и мудрый, имеющий в себе точно какой-то ключ к запертым дверям.

Вот сколько написалось.

О приезде еще ничего не знаю. Большая слабость путает все карты.

Обнимаю тебя, п.

Я не хотел было передавать письмо по пословице «не наводи тень на ясный день», но потом вспомнил не пословицу, а Евангелие: «горе вам, если все люди будут говорить о вас хорошо»⁸.

Пусть же правда о плохом в тебе будет исходить не от других, а от меня, от моей любви к тебе.

№ 190. Н.С. Фуделю
1 VI [1976, Покров]¹

Милый мой Николаша, здравствуй.

Сейчас как-то все тучи сгрудились, но твое ощущение правильно: гроза пройдет, Бог даст, стороной.

Очень спасибо тебе за приезд и за все. Я чувствую себя в смысле общего состояния крепче, лучше. Продолжает мучить аллергия, но это вытерпеть можно. Стал более регулярно зани-

маться переводом², имея в виду, чтобы числа 10 VI сдать то, что сделаю.

Самое главное — не терять бодрости, не «изнемогать», а это тем легче, чем меньше самомнения. Сколько положено нам пути, столько и пройдем.

Обнимаю тебя, целую Лялю и Машеньку дорогую. Очень по вас соскучился, кажется, что давно-давно не был. Спасибо за письмо.

Твой п.

№ 191. Н.С. Фуделю
[Осень 1976, Покров]¹
Дорогой мой.

Я сегодня проводил тебя и вот уже пишу. Только вряд ли напишу много: в глазах туман. Хочется сказать тебе, что твой приезд оставил в душе ровный и спокойный свет, какое-то успокоение. Я с удовольствием смотрю на твой недопитый стакан и даже пепельницу, я заметил все мелкие знаки заботы, вроде цепочки на входной двери крыльца. Сейчас накормил на ночь Дружка² супом с колбасой и могу больше ни о чем не думать. На неделю полностью я обеспечен топливом, даже если не придет Сережа³.

Обнимаю тебя, благодарю сердцем. На ответ Маше еще не хватает сегодня глаз.

Твой п.

Одна твоя фраза в разговоре напомнила мне слова моего отца: русская религиозная личность корни свои имеет в монашестве⁴. Можно не идти в него, но нельзя не понимать, что оно всегда было и будет высшим идеалом русского человека. Потому-то и созидались все эти «Северные Фиваиды»⁵, потому к нему и устремлялся со всех концов простой народ, потому его принимали князья, хотя бы перед смертью, потому его желали познать и Достоевский, и Толстой, и Блок⁶.

Оно есть непрекращающееся первохристианство, полнота того безумия⁷, к которому призвал Бог свой мир, призвал и призывает, так как только в нем спасение мира. Благоразумием и умеренностью мира не спасешь.

Можно не идти на монаш<еский> подвиг, но очень плохо, когда не понимается самая суть монашества как апостольского горения за людей, когда Зосима смешивается с Ферапонтом⁸. Древние отцы ясно определили монашество. «Монашество есть передание себя на молитву за весь мир»⁹.

Но ведь ты знаешь это современное стихотворение об истин<ных> монахах.

«Хмель естества до дна испепелив,
Приняв в народе имя страстотерпцев,
Страданье твари, птиц, людей и нив
Они впитали богоносным сердцем.

.....
За грех царей, за буйство пьяных сел
За кривду войн, за распри, за разруху,
Они за нас, — за всех, за вся, за всё —
Несли страду и горький подвиг духа.

Ушкуйник, смерд, боярин и купец
Их как владык таинственных просили
Внести за них сокровища в ларец —
В незримый Дом, в небесный град России»¹⁰.

Покров (1976 осень)

№ 192. Н.С. Фуделю
*15 XI 76 [Покров]*¹

Милый Николаша. Спасибо за письмо.

Я сижу, никак не отделаюсь от болезни и вспоминаю слова де-душки С<ерафима>² перед смертью: «Серг<ей> Иос<ифович>, какой великий дар Божий — здоровье!»

Все умирают в свой срок, но пока он не наступил, надо бороться за свое здоровье, за свое здоровое тело, так же, как мы должны бороться за чистоту своей души. И то и другое нужно для других людей, а только ради этого нас терпит Бог.

Конечно, я унываю: в М<оскву> ехать нельзя, искать перево-дов не могу, общения с близкими не имею. Но надо терпеть. «На-дежда не постыжает»³. От прочитанной у тебя книги остался хо-роший след, как верный указатель на давно известный, родной, теплый путь. Пусть кое-что напутано — указатель остается указа-телем, как светофор.

Обнимаю тебя, целую Лялю и Машу.

П.

Спроси у мамы то, что я ей передал о дневнике моего отца⁴.

№ 193. Н.С. Фуделю
*[Февраль 1977, Покров]*¹

Дорогой мой Николаша.

Спасибо за письмо от 4 II, оно, несмотря на сообщения о бо-лезнях, меня и маму подбодрило и обрадовало. Может быть, из-вестие о том, что в самую мрачную пору навестила Вас дружеская поддержка. Я сам много унываю, тягочусь тем, что и не оживаю

и не умираю, но в общем и я, грешный, чувствую милостивую руку Божию и целую даже символ ее с любовью. «Все от Него, Им и к Нему»².

Мы часто забываем эту заповедь о бдительности против земной печали. «Бойся печали, она многих убила» (Сирах)³. «Печаль мирская производит смерть»⁴ (Ап<остол> Павел). И мы так мало боремся с этой смертью в себе!

Если кто поедет, самое важное привезти минерал<ьной> воды, лучше Эссентуки № 4, затем Славяновская, Трускавец, да и вообще любой, даже Московской или Боржом. Это потому важно, чтобы не везти тяжесть маме. Она в бодрости и в чуде жизни ради других. Ради себя этого чуда не посылается.

Пока все. Трудно глазам писать, а читать могу только газетные заголовки. Но и из-за слабости я бы не мог много читать. Слабость сейчас после нового воспаления, усилилась.

Второй год болею⁵.

Когда же мы увидимся? Здесь стоят две маленьких бан<ки> меда для тебя.

Спасибо Ляле за письмо. Целую ее и Машеньку. Варю пищу.

Твой п.

№ 194. Н.Е. Емельянову
[1975–1977, Покров]¹

Дорогой Коля.

У меня к Вам небольшая просьба.

Я недавно передал для прочтения Володе В.² статью «Причастие вечной жизни», а вернувшись в Псков, обнаружил, что в ней есть неисправленные опечатки и, кроме того, несколько случайно в нее попавших лишних мест. Так как Володю я теперь очень не скоро увижу, то я хочу это исправление сделать через Вас. Кстати, и Вы прочтете ее и скажете мне свое мнение.

Исправить надо следующее:

1) Страница 17, строка 13 снизу вместо «слове» надо поставить «славе».

2) стр<аница> 20, строка 4 снизу не «но», а «по» («дару любви»).

3) стр<аница> 27, строка 12 снизу надо не «распята», а «распяща» («плоть распяща»).

4) стр<аница> 44, строка 12 сверху надо зачеркнуть «непогрешимость» и написать «непобедимость».

4а) стр<аница> 29, строка 7-я снизу прибавить слово «Но». («Но от нас только жаждание сего дара ?????»)*.

* Так в оригинале.

5) Стр<аница> 55, внизу всей страницы, после слов в скобках «Макарий Вел<икий>» 76 надо дописать: «Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах» (св<ятой> Исаак Сирин) (76а).

6) стр<аница> 58, строка 13 снизу надо зачеркнуть букву «ж».

7) стр<аница> 59, строка 8 сверху надо «Душа», а не «Душе».

8) стр<аница> 61, строка 9 сверху, первое «друг» надо написать с маленькой буквы («как друг с Другом беседуя»...).

Вот и все опечатки. Теперь, то, что надо вычеркнуть совсем:

1) На стран<ице> 29 надо зачеркнуть от слов:

«Господь всем верующим в Него...» и кончая словами: «дар ее великой милости» (т<о> е<сть> 9 строк).

2) На этой же 29-й странице надо зачеркнуть две последние строки, а на следующей стран<ице> 30 все первые 11 строк (т<о> е<сть> кончая словами: «через смирение»). Всего зачеркнуть на стр<анице> 29 одиннадцать строк и на стр<анице> 30 одиннадцать.

3) На стран<ице> 32 зачеркнуть от слов: «святые открывают нам», и кончая словами на стр<анице> 33 «в безопасности и покое», т<о> е<сть> всего и подряд на этих двух страницах зачеркнуть 24 строки.

4) На стран<ице> 58 зачеркнуть от слов: «Усвоение божественности нам будет, может быть, менее чуждым...» и кончая словами: «если только Дух Божий живет в вас» (Рим. 8—9).

Если вычеркивание покажется Вам затруднительным, то возьмите у Володи статью на неск<олько> дней, а я оставлю у моего Коли³ исправл<енный> экз<емпляр>, по которому Вы совсем легко исправите у себя, т<о> е<сть> для Володи.

Мне было бы приятно знать, что у Вас будет свой экз<емпляр> этой, очевидно, моей последней работы, в которой я еще успел собрать крохи, падавшие со стола Отцов моих⁴. Поговорите об этом с Володей. Я ему отдал до Пасхи.

Обнимаю Вас, приветствую вместе с Ксаной и детьми. Если в чем-либо будет задержка, напишите через Колю. Мне очень хочется, пока я жив, исправить.

Ваш С.И.

Комментарии

Тексты произведений, включенных в I том, подготовили к печати Н.В. Балашов и А.Г. Парменов. В работе над составлением примечаний принимали участие Н.В. Балашов, А.А. Кострюков, Н.В. Кузнецова, А.Г. Парменов; общая редакция прот. Н.В. Балашова.

Помощь при подготовке комментария оказали сотрудники Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ; ректор — прот. Владимир Воробьев), редакция газеты «Воронеж православный» (иером. Митрофан, А. Прытков), а также А.М. Копировский, Е.Л. Майданович, С.А. Мартыанова, И.В. Семенов-Басин, Н.Л. Трауберг, Н.С. Фудель, Д.М. Шаховской.

ВОСПОМИНАНИЯ

Главы I–V (некоторые из них — в более ранней редакции) публиковались в «Вестнике РХД» (1976. № 117, под псевдонимом Ф. Уделов; 1977. №121,123). Полностью впервые опубликованы: Фудель С.И. Воспоминания / Публ. и подгот. текста Н. Плотникова, коммент. В. Борисова // Новый мир. 1991. № 3, 4. Глава VII воспроизводилась также в книге: Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О.В. Косик. М.: Изд. ПСТБИ, 2000. Комментарии В.М. Борисова и О.В. Косик частично использованы при подготовке настоящего издания.

Текст «Воспоминаний» печатается по автографу, сохранившемуся у Д.М. Шаховского, с учетом более поздней авторской правки, внесенной в машинописные экземпляры из собраний Н.В. Балашова, Е.Н. Чернышевой и Д.М. Шаховского.

Работу над «Воспоминаниями» С.И. Фудель продолжал около двадцати лет, добавляя новые главы и внося многочисленные вставки в ранее написанные части текста. Главы об отце (I–III) были написаны в 1956 г. (впоследствии они перерабатывались: были добавлены вставки о Флоренском и несколько сокращено описание приходской деятельности о. Иосифа); вскоре после этого были записаны воспоминания о С.Н. Дурьлине (главы IV–V), дополненные позднее, в 1960-е гг.; «тюремная» глава VIII написана в 1961 или 1962 г. (в рукописях ранних редакций она подписана псевдонимом С.Ф. Уделов); десятью годами позже добавлена глава VI; наиболее поздней вставкой стала глава VII об епископе Афанасии (Сахарове), датированная 1975 г.

При подготовке текста к публикации опущены два небольшие фрагмента воспоминаний, почти дословно повторяющиеся в разных главах. Другие повторы того рода в последней редакции «Воспоминаний» устранил сам автор.

С. 13. Вспоминая поездку... в Оптину... — Оптиная пустынь (Введенская) — мужской монастырь в Калужской епархии недалеко от Козельска, основанный в XIV или XV в.; в XIX в. здесь были возрождены традиции старчества. К оптинским старцам за духовным руководством и утешением приходили тысячи верующих. Посещали их и многие представители русской культуры: Н.В. Гоголь, И.В. и П.В. Киреевские, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев и др. В 1919 г. монастырь преобразован в «сельхозартель», а в 1923 г. были прекращены богослужения. В 1987 г. обитель возвращена Русской Православной Церкви.

...приношу это тебе... как знак сердечной моей благодарности за всю прожитую вместе с тобою жизнь. — Слова посвящения (сохранившегося в единственной рукописи) обращены к жене С.И. Фуделя Вере Максимовне Сытиной (1901–1988).

«Ума холодных наблюдений...» — Строки из посвящения романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

«О память сердца!..» — Цитата из стихотворения К.Н. Батюшкова «Мой гений» (1815).

«Как ни тяжел последний час...» — Стихотворение Ф.И. Тютчева (1867).

I

С. 14. Скворода Григорий Саввич (1722–1794) — украинский религиозный философ и поэт. Цитируемое письмо (1763) адресовано другу и ученику Сквороды М.И. Ковалинскому.

...на Казанскую... — Летнее празднование в честь Казанской иконы Божией Матери совершается 8/21 июля.

Старец Иосиф — иеросхимонах Оптиной пустыни Иосиф (Литовкин; 1837–1911), ученик и преемник по старчеству преподобного Амвросия Оптинского; причтен к лику местночтимых святых в 1996 г.; канонизован как общероссийский святой в 2000 г.

Шамордино — Казанская женская монашеская община в Шамордине, расположенная в 12 километрах от Оптиной пустыни. Основана в 1884 г. стараниями оптинского старца преподобного Амвросия (Гренкова; 1812–1891), была его любимым детищем. В 1901 г. преобразована в Казанскую Амвросиевскую пустынь; закрыта в 1922 г.; в 1990 г. возвращена Церкви.

Зосимова пустынь (Смоленская) — мужской монастырь, расположенный в 25 километрах от Сергиева Посада, основан в XVII в., восстановлен после временного запустения в середине XIX в. В 1910-х гг. стал местом паломничества религиозно настроенной интеллигенции. Духовного руководства зосимовских старцев — игумена Германа (Гомзина; 1844–1923), иеросхимонаха Алексия (Соловьева; 1846–1928) — искали о. Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, М.А. Новоселов и др. Монастырь закрыт в 1923 г.; возрожден в 1992 г.

С. 15. Толгский монастырь — мужской монастырь близ Ярославля, основан в XIV в. Закрыт в 1926 г. В 1987 г. возрожден как женский монастырь.

Манатейные монахи — иноки, уже принявшие постриг и получившие право носить монашескую мантию.

«Се, оставляется вам...» — Мф. 23, 38.

С. 16. «О, всепетая Мати...» — 13-й кондак из акафиста Пресвятой Богородице.

Николо-Бабаетский монастырь — мужской монастырь, расположен на грани-

це Костромской и Ярославской губерний, основан в XV в. Закрыт в 1920 г.; возвращен Церкви в 1998 г.

Епископ Игнатий Брянчанинов (1807–1867) — архимандрит Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга (1833–1857), епископ Кавказский и Черноморский (1857–1861), богослов, духовный писатель. В Николо-Бабаевском монастыре святитель Игнатий жил на покое с 1861 г. Причислен к лику святых (1988). Н. С. Лесков посвятил обстоятельству его ухода в монашество рассказ «Инженеры-бессребреники» (1887).

Фиваида — египетская пустыня близ древнего города Фивы, в IV в. стала одним из главных очагов распространения отшельничества. *Русская Фиваида* — такое название писатель и религиозный деятель А. Н. Муравьев дал лесным местностям северо-восточной Руси, где в XIV–XV вв. ученики и последователи преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского основали многочисленные обители, оказавшие значительное влияние на духовную жизнь русского народа.

...не могла до конца убедить Толстого. — Л. Н. Толстой приезжал в Оптину пустынь несколько раз. После первого посещения в июле 1877 г. он «остался очень доволен мудростью, образованием и жизнью тамошних монахов-старцев» (Дневники С. А. Толстой, 1860–1891 гг. М., 1928. С. 39); однако летом 1881 г. «монастырь и сам знаменитый отец Амвросий разочаровали его жестоко <...> вскоре после этого <...> все чаще и чаще стали слышать от него сначала осуждение, а потом и полное отрицание всяческих церковных обрядов и условностей» (Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1969. С. 171). Известны отрицательные отзывы Толстого о монастыре и после поездок в 1890 и 1896 гг. В последний раз Толстой был в монастыре незадолго до своей смерти, 28–29 октября 1910 г., — именно в Оптину он направился, уйдя из дома. Однако после некоторых колебаний он отказался от мысли посетить старца Иосифа.

...не смогла убедить Бердяева... — Н. А. Бердяев ездил в Зосимову пустынь 6 марта 1910 г. вместе с С. Н. Булгаковым и М. А. Новоселовым. «Опыт этот был для меня мучительный, — писал позднее философ в своей автобиографии. — Нас согласился принять <...> старец Алексей, находившийся в затворе. Разговор с ним произвел на меня тяжелое впечатление. Ничего духовного я в нем не почувствовал. Он все время ругал последними словами Льва Толстого, называя его Левкой. Я очень почитаю Льва Толстого, и мне это было неприятно <...> О старце Германе у меня осталась хорошая память. Но это не то, что о нем говорили и что искали. Мне было ясно, что я не принадлежу к людям, которые отдают свою волю духовному руководству старцев (Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж, 1949. С. 202–203).

...он гордился... родством с титулованными фамилиями. — Ср.: «Все мои предки были генералы и георгиевские кавалеры <...> В детстве и юности я знал мир феодально-аристократический высшего стиля» (Там же. С. 15, 21).

Алексий (Соловьев; 1846–1928) — иеросхимонах, служил диаконом в Николо-Толмачевском храме Москвы и пресвитером Успенского собора в Кремле. В 1898 г. поступил в Зосимову пустынь. В 1916 г. ушел в затвор, однако в 1917 г. был избран членом Поместного Собора от монашествующих и принимал участие в избрании св. патриарха Тихона. Причислен к лику святых в 2000 г.

...книгу Ладыженского «Свет незримый»... — Речь идет о второй части «Мистической трилогии» М. В. Ладыженского «Свет незримый. Из области высшей мистики» (СПб., 1912). Упомянутая фраза находится в главе, посвященной критике мировоззрения Л. Н. Толстого: «Русская интеллигенция боготворила свой кумир — великого писателя земли Русской» (С. 217).

С. 17. «Возлюби Господа Бога твоего...» — Мк. 12, 30.

«...и Ему одному служи» — Мф. 4, 10.

Кафизма — чтение из Псалтири, во время которого разрешается сидеть.
«Христос моя сила...» — Ирмос 4-й песни воскресного канона 6-го гласа.

С. 18. ...«печать дара Духа Святаго» — слова, произносимые священником при совершении таинства Миропомазания.

«Прости все! Примиришь, примиришь!..» — тоже настаивал, умолял, не отступал от него духовник. — Ср.: «“Будь мирен! будь мирен! прости!” — настаивал кротко, но твердо Захария... “Богом живым тебя, пока жив ты, молю”» (Лесков Н. С. Соборяне. Ч. V. Гл. 5).

«Если любите Меня, соблюдайте...» — Ин. 14, 15.

...«от умножения беззаконий...» — Ср.: Мф. 24, 12.

С. 19. *Какая там «тихая пристань»?!* — Имеется в виду брошюра М.А. Новоселова «В тихой пристани (Посвящается братии Зосимовой пустыни)» (Вышний Волочек, 1908; М., 1909; Сергиев Посад, 1911).

Дионисий — иеромонах Зосимовой пустыни. Биографические сведения не обнаружены. См. о нем: Записки священника Сергия Сидорова. М., 1999. С. 61; Из писем иеромонаха Симона // К свету. М., б.г. №14. С. 27.

«Не имамы дерзновения за премогия грехи наша» — Богородичен 6-го часа.

С. 20. *Часовня св. Пантелеимона* на Никольской ул. принадлежала афонскому Пантелеимонову монастырю; закрыта в 1932 г., разрушена в 1934 г.

Скрудж — персонаж святочного рассказа Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (1843).

Шатер Николы Явленного — церковь Николы Явленного на Арбате была знаменита надвратной шатровой колокольней XVII в. Колокольня разрушена в 1931 г., сама церковь — в 1933 г.

«Волною морскою» — «творение... жены некия, Кассия именуемая». — Канон Великой субботы, читаемый также на пасхальной полунощнице. Инокня Кассия (IX в.) считается автором ирмосов первой половины его песен.

«...Нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити» — слова стихиры, которая поется во время пасхального крестного хода.

С. 21. «...радостию неизреченною и неизглаголанною» — ср.: 1 Пет. 1, 8.

Мир был слишком оставлен. — В автографе вслед за этими словами имеется следующее завершение главы, первоначально зачеркнутое, а затем восстановленное С.И. Фуделем, однако не включенное в машинописную копию с авторской правкой:

Это была темная предреволюционная эпоха.

Везде открывались кино и процветали кафешантаны. По улицам вечерами пронеслись лихачи извозчики, везя седоков в места развлечений. Доисторические конки быстро превращались в трамваи. На углу около Иверской можно было купить у темных личностей порнографическую литературу. Бурно развивался футбол, полетели первые аэропланы, и мечтой мальчишек сделались папиросы «Ява» или «Нега», 25 штук — 15 копеек. Конечно, была и другая жизнь, но все-таки она была больше в каких-то старых переулках, или, если так можно сказать, больше как бы в небесах, над Москвой. Кто не помнит благовест церквей во всю Светлую неделю?

У камня — первая трава.

В высоком небе — пламень вечный.

Наряд пасхальный, подвенечный,
 Надела тихая Москва.
 Там были мы или не мы?
 Иль все уходит без возврата?
 Ведь платя белые цвели
 Там в переулках у Арбата.
 И солнце помнило о том,
 Что ты, Москва — теперь царица, —
 Пока пасхальная седмица
 Ликует в небе голубом.

(Стихи С.И. Фуделя)

II

Филарет (Дроздов; 1782—1867) — митрополит Московский и Коломенский (с 1821), один из самых влиятельных иерархов Русской Православной Церкви XIX в.; канонизован в 1994 г.

«Страдающий плотию...» — 1 Пет. 4, 1.

Отец прошел весь свой путь в большой дружбе со своей женой... — И.И. Фудель был женат на Евгении Сергеевне Емельяновой (1865—1927), дочери С.И. Емельянова, частного поверенного по делам в Москве.

...от студенчества 80-х годов, когда он робко входил со своей статьей в приемную Ивана Аксакова... — В 1880—1886 гг. И.С. Аксаков был редактором газеты «Русь». И.И. Фудель познакомился с ним в 1885 г., придя «с просьбой решить, стоит ли ему посвящать себя литературной деятельности. Аксаков ласково принял его, посмотрел его первые пробы пера и дал свои советы» (Тихомиров в Л. А. Тени прошлого. Очерк 8-й: Отец Иосиф Фудель. Рукопись с авторской правкой и пометами датирована 1919 г.; хранится в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье»).

С. 22. *Неверов* Януарий Михайлович (1810—1893) — педагог и писатель.

Описанный разговор имел место, скорее всего, в начале 1820-х гг. Ср. объяснение мемуариста: «У нас в доме <...> не было Евангелия, и вообще в том кругу, среди коего я провел мое детство, почиталось если не грехом, то профанацией святыни читать дома Евангелие: для этого находили необходимым торжественную обстановку, так как и в церкви Евангелие читалось священником или дьяконом во время богослужения <...> полагали, что оно не могло быть читано в семье» (Из записок Я.М. Неверова. Подвижник и подвижница // Русская старина. 1880. № 6. С. 236.).

Савва (Тихомиров; 1819—1896) — ректор Московской духовной академии (1861—1862), епископ Можайский (1862—1866), Полоцкий (1866—1874), архиепископ Тверской и Кашинский (1879—1896), автор обширных воспоминаний «Хроника моей жизни» (Сергиев Посад, 1898—1911. Т. 1—9).

Алексий (Лавров-Платонов; 1829—1890) — архиепископ Виленский и Литовский, профессор Московской духовной академии по кафедре церковного законоведения (1870), принял монашество после вдовства (1877), епископ Можайский (1878), Дмитровский (1883), Таврический (1885), Литовский (1885), архиепископ (с 1886).

С. 23. *...в одном письме к К. Леонтьеву...* — И.И. Фудель был одним из постоянных корреспондентов К.Н. Леонтьева. Некоторые из писем, опубликованные о. Иосифом после смерти Леонтьева, явились существенным дополнением и

комментарием к его философско-публицистическим сочинениям. В 1891 г. Леонтьев писал своему молодому другу: «Я объективно и субъективно Вами доволен более, чем всеми другими моими молодыми приятелями. Объективно потому, что Вы очень умны, очень тверды, верны и достаточно смелы, потому что Вы религиозны, потому что на Вас не “полупердунчик”, а яresa. Пишете очень хорошо, ясно, прямо, решительно и с чувством <...>. Субъективно потому, что Вы меня как человека искренне любите и как писателя смело, независимо и талантливо готовы поддержать, когда есть малейшая возможность и повод <...>. Просто сказать и коротко: на Вас моя главная надежда» (Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 529–530).

«Русское дело» — еженедельная газета позднеславянофильского направления, издававшаяся в Москве в 1886–1890 и 1905–1910 гг. под редакцией Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911).

...из некролога, написанного моим отцом на смерть оптинского старца отца Иосифа. — Некролог «Памяти старца о. Иосифа» опубликован в «Московских ведомостях» (1911. № 120. 28 мая).

С. 24. ...запись священника Павла Левашова... — См.: Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа. Изд. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1911. С. 148–152.

С. 25. В 1887 году издал отдельной книжкой «Письма о современной молодежи»... — Книга И. И. Фуделя «Письма о современной молодежи и направления общественной мысли» (М., 1888) посвящена главным образом критике народничества с позиций «религиозного народничества» (определение самого автора), основная задача которого — религиозное просвещение народа.

...и школьной деятельности... — О. Иосиф Фудель был законоучителем в классической женской гимназии С. Н. Фишер в Москве.

«Ужас положения растет с каждым днем...» — Выявить источник цитаты не удалось.

С. 26. ...«о умножении в нас любви и искоренении ненависти и всякия злобы»... — См. «Службу о умножении любви» (Иерейский молитвослов).

Нотатки (от лат. *notatio*) — записки, дневник. Часть романа «Соборяне» построена Лесковым как дневник ее главного героя — протопопа Савелия Туберозова.

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) — публицист, революционер, член партии «Земля и воля», исполкома партии «Народная воля»; политэмигрант; в 1888 г. просил царя о помиловании, вернулся в Россию убежденным монархистом. О. Иосиф Фудель познакомился с ним в 1892 г.

... в своих воспоминаниях об отце... — Имеется в виду очерк Л. А. Тихомирова «Отец Иосиф Фудель» из цикла воспоминаний «Тени прошлого». (См. примеч. к с. 21.)

...на орловском миссионерском съезде 1901 г. — О. Иосиф Фудель выступил на съезде с докладом «Миссия среди интеллигенции» (см.: Миссионерский съезд в г. Орле. Орел, 1902. С. 155–160).

...была произнесена (М. Стаховичем) речь... — Стахович Михаил Александрович (1861–1923), предводитель орловского дворянства, впоследствии один из организаторов партии октябристов, член I и II Государственной думы. В его докладе на миссионерском съезде «О свободе совести» (Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 267; Орловский вестник. 1901. № 254) выдвигались требования свободы вероисповеданий и свободы Церкви от государства как необходимых предпосылок развития Церкви и торжества православия. Это выступление вызвало боль-

шой общественный резонанс; в прессе развернулась бурная полемика, в которой приняли участие все крупные периодические издания Москвы и Петербурга.

«Оттого, что Церковь Божию...» — Неточная цитата из стихотворения А.С. Хомякова «Остров» (1836). Ср.: «Но за то, что Церковь Божию...».

Ландышев Евгений Васильевич — священник, служил в Каменском заводе Пермской губернии; автор и издатель книжечек для простого народа — например, «Народного лечебника-травника» (1893), народных календарей «Рабочий» (1911), «Крестьянин» (1912).

С. 27. ...страха ради иудейска. — Ср.: Ин. 20, 19 (церк.-сл.).

С. 28. Хитров Михаил Иванович (1851—1899) — протоиерей, помощник председателя Училищного совета при Святейшем Синоде, преподаватель истории и русского языка на Московских высших женских курсах и в ряде других московских учебных заведений, переводчик классических памятников аскетической литературы («Луг духовный» Иоанна Мосха, «Жизнь пустынных отцов» Руфина), автор многих агиографических и назидательных сочинений. Сан священника принял в 1895 г.

С. 29. Рачинский Сергей Александрович (1836—1902) — ботаник, профессор Московского университета; в 1867 г. поселился в селе Татево Смоленской губ., целиком посвятив себя крестьянской школе, которую вел на строго религиозной основе. Автор книг «Заметки о сельских школах» (1883), «Сельская школа» (1891), в которых отстаивал передачу сельских школ в ведение духовенства.

С. 31. Пугачевская башня — место заключения Емельяна Пугачева в Бутырской тюрьме. См.: Бутырский тюремный храм // Московский журнал. 1993. № 2—3. С. 34.

С. 32. ...второй священник тюремной церкви отец Димитрий. — Димитрий Васильевич Георгиевский, служил в храме св. Александра Невского при Бутырской тюрьме сначала диаконом, а потом священником. Ко времени смерти о. Иосифа в 1918 г. служил настоятелем церкви преп. Саввы Освященного в Саввинском переулке.

III

С. 33. ...Николо-Плотниковской церкви. — Церковь Николы в Плотниках на Арbate построена ок. 1700 г.; с 1907 по 1918 г. настоятелем служил о. Иосиф Фудель; была закрыта в 1931 г., разрушена в 1933 г.

Флоренский Павел Александрович (1882—1937) — религиозный философ, математик, искусствовед, священник (с 1911 г.), исправляющий должность доцента, затем экстраординарный профессор Московской духовной академии (1908—1919); с середины 1920-х гг. работал в основном в области электротехники, редактировал «Техническую энциклопедию», для которой написал 127 статей; арестован в мае 1928 г. (освобожден позднее в том же году), вторично в 1933 г., отбывал наказание в Сибири, затем на Соловках; расстрелян.

В 1914-м, кажется, году... только что вышедшая тогда книга «Стоп и утверждение истины». — Книга о. Павла Флоренского выпущена в 1914 г. московским издательством «Путь». Ср.: 1 Тим. 3, 15.

...один архимандрит в «Миссионерском журнале»... — Имеется в виду рецензия архимандрита Никольского единоверческого монастыря в Москве Никанора

(Кудрявцева; 1884—1923), опубликованная в журнале «Миссионерское обозрение» (1916. № 1—2).

С. 34. *«Иногда в зияющих трещинах рассудка видна бывает лазурь вечности»*. — См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 489.

С. 36. *«Боже духов и всякия плоти»* — иерейская молитва заупокойного богослужения.

Евгеника — учение о наследственном здоровье человека и о возможных путях «усовершенствования» человеческой природы.

В 1918 или 1919 году, когда в Лавре... реставрировали рублевскую «Троицу»... — Реставрация «Троицы» Андрея Рублева была произведена в 1919 г. группой специалистов под руководством академика И.Э. Грабаря. Затем икона была помещена в Государственной Третьяковской галерее и в Троице-Сергиеву лавру уже не возвратилась.

С. 37. *«В непогоде тих»* — была подпись под одной из виньеток-эпиграфов... — См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины. С. 491.

Таким и остался он в моей памяти, и в этом именно его облик как-то слился для меня с обликом отца. — В рукописи далее следует зачеркнутое предложение:

«Поэтому, если иногда вечернее солнце, вместе с лучом Солнца Вечного, осветит и стену комнаты, и душу, — тогда в этой тишине так ясно опять становится, что “времени больше не будет”, что эти две любимые фигуры людей не позади меня, в истории, а там, впереди: стоят и поджидают с любовью меня, отставшего».

«А вы, отец Иосиф, литературный пустоцвет». — Ср. печатный отзыв В.В. Розанова об о. Иосифе Фуделе: «Фудель очень умный, сурово умный человек, но без блеска, без аромата, без гениальности <...> Фудель в самом христианстве понимает только суровость, черствость и дисциплину» (Розанов В.В. Из переписки К.Н. Леонтьева / С предисл. и примеч. В. Розанова // Русский вестник. 1903. Апрель. С. 645).

Сопи — персонаж рассказа О'Генри «Фараон и хорал» (1906).

«Приходской вестник» — журнал, издававшийся И.И. Фуделем в 1908—1912 и 1914—1915 гг.

С. 39. *«Святая Русь» умирала изнутри, идея сохранения христианства в массах терпела страшное крушение*. — За этим предложением в автографе следует вставка, опущенная в окончательной редакции:

Отец еще борется с безмерной горечью разочарования. В этом отношении характерна его статья «По вопросу о Соборе — ответ Д. Х.» (т.е. Дмитрию Алексеевичу Хомякову, сыну славянофила). Отец пишет: «Никто не станет оспаривать мысль автора, что “мы утратили умение осуществлять соборное начало”». Горькая правда и в том, что «соборность церковная замерла за два века», иссякла за последний петербургский период самая «*соборо-способность*». Но далее он пишет: «Соборо-способность надо восстановить, воскресить», и это можно сделать через созыв Поместного Собора. «И это будет начало» возврата к соборности. Но даже если бы и верной была эта мысль о спасении Церкви «сверху», от собора архипастырей (а не «снизу» — от народа, как надеялся Д. Х.), то и от этого не было бы легче таким, как он, сторонникам созыва Собора: правительство, в общем, и не собиралось по-серьезному этот Собор собирать. А самое главное то, что, конечно, был прав Д.Х.: нельзя создать соборность, то есть живое и благодатное единство во Христе всего церковного тела по приказу даже и Собора. Это слишком очевидная истина, и, читая эту статью, не можешь отде-

латься от чувства, что, полемизируя с Хомяковым, отец только отбивался от гнетущего чувства безнадежности.

«Анатэма» — нашумевшая в свое время философская трагедия Л.Н. Андреева (1908), в которой создан образ современного Мефистофеля. Резко критиковалась в церковной печати.

...еще продолжающихся «огарков»... — «Огарками» назывались участники тайных кружков, собиравшиеся на ночные кутежи и оргии; название происходит от книги С.Г. Петрова (литературный псевдоним: Скиталец) «Огарки. Типы русской богемы» (1906).

С. 40. Сологуб Федор Кузьмич (Тетерников; 1863—1927) — поэт, прозаик; эротические мотивы присутствуют в его романе «Мелкий бес» (1905).

Вербницкая Анастасия Алексеевна (1861—1928) — автор популярного романа «Ключи счастья» (1909—1913, кн. 1—6, М., 1909—1913), в котором женская эмансипация трактуется как полная свобода сексуальных отношений.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — автор эротического романа «Саннин» (1907). Шумная полемика вокруг романа, его небывалый успех у публики, особенно у молодежи, распространившиеся «кружки санинистов» и «лиги свободной любви», высылка автора из Крыма, дело, возбужденное Синодом по обвинению в кощунстве, отказ адвокатов защищать Арцыбашева — все это создало вокруг имени писателя скандальный ореол.

...забывать о «невидимой брани». — Ср.: «Невидимая брань», название известного сочинения «Combattimento spirituale» католического монаха Л.Скуполи в переводе преподобного Никодима Святогорца (1749—1808).

...много времени отдает изданию собрания сочинений Леонтьева... — Дать материал для «всестороннего изучения личности К. Леонтьева, <...> проследить за всеми перипетиями величественной и трогательной драмы, начавшейся как бы в древней Элладе безусловным культом красоты, а закончившейся в келье православного монастыря» — так определял о. Иосиф Фудель цель издания, предполагая опубликовать «возможно большее количество его воспоминаний и писем» (Фудель И. И. К. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Собр. соч. М., 1912. Т. 1. С. IV—V). Из задуманных 12 томов удалось издать девять (1912—1913); мемуары и письма в них не вошли. «Десятый том был уже набран и сверстан, когда разразилась империалистическая война. Печатание <...> остановилось, так как на все издания фирмы “Культура”, к которой перешло право издания от В. М. Саблина, был наложен арест на том основании, что это немецкая фирма», — писал позднее С.Н. Дурьлин, помогавший о. Иосифу Фуделю в работе над последними томами собрания сочинений (см.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 471).

С. 41. ...Леонтьев читал... свои воспоминания о Тургеневе... — См.: Леонтьев К. Н. Мое знакомство с Тургеневым // Собр. соч. Т. 9. М.; СПб., 1912.

«Стяжи мир в душе, и тысячи вокруг тебя спасутся». — Ср.: «Стяжи мирный дух, и тогда тысяча душ спасется около тебя» (Иосиф [Тихонов], иером. Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима. СПб., 1849. С. 80).

«Русская религиозная личность корни свои имеет в монашестве». — Источник цитаты не выявлен.

Знаменитый византизм Леонтьева, его теория «замораживания форм»... — Византийский тип аскетической религиозности К.Н. Леонтьев считал непревзойденным в истории образцом реализации христианского идеала. Полемике со славянофилами по этому вопросу посвящена его программная книга «Византизм и славянство» (1875). Представление о форме как «деспотизме внутренней идеи», предотвращающем разложение и упадок, «смесительное упрощение», занимало важное место в философии истории Леонтьева, служа

оправданием насильственных действий государства. Чайняим сторонников либерально-эгалитарного прогресса» Леонтьев противопоставлял пожелание «подморозить» загнивающую Россию.

«Дорога в никуда» — роман Ф. Мориака (1939).

С. 42. *Ерм* — римский христианский писатель конца I в., автор книги «Пастырь», имевшей большое распространение среди первохристианских общин. В двух ее главах описано строительство башни, символизирующей Церковь (I, вид. 3; III, под. 9).

«По мере приближения конца истории...» — См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины. С. 125.

...«иного жития вечнаго начало». — Слова из тропаря 7-й песни Пасхального канона.

Ниночка — Нина Иосифовна Фудель († 1971).

С. 43. ...негодующие письма о Вл. Соловьеве... — О. Иосиф Фудель относился к В.С. Соловьеву как к самобытному философу, обладавшему «даром художественного прозрения, доходившего до пророческого ясновидения» (Русская мысль. 1917. № 11/12. С. 32), однако не был согласен с его критикой славянофильской доктрины, как и с идеей «национального самоотречения» России во имя культурно-религиозного единения с Европой, а также с его католическими симпатиями. Свои возражения Соловьеву о. Иосиф высказывал, в частности, в письмах к К.Н. Леонтьеву.

...«как сердцу высказать себя?» — Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (1833).

«И на сердце человеку не вздоша...» — 1 Кор. 2, 9 (церк.-сл.).

«Чело высокое. Черты...» — Вариант стихотворения С.И. Фуделя «Портрет отца» (1927) из неопубликованного цикла «Тридцать стихов для друзей»; изменена 4-я строка (ср.: «Давно исправленные гробом...»), пропущена предпоследняя строфа:

В томленье злом безмерен мир.
Помилуй Бог его болезни!
Годами выношенный мир
Хранит душа, как Песнь из Песней.

С. 44. «И, начиная на краю / “Волной морской” исход из муки...» — В ирмосе канона «Волною морскою» (см. выше, примеч. к с. 20.) говорится об исходе Израиля из египетского рабства.

IV

...рудинское бессилие... — Имеется в виду Рудин, герой одноименного романа И.С. Тургенева (1856).

Дурьлин Сергей Николаевич (1886–1954) — литературовед, искусствовед, театровед, публицист; в 1920 г. рукоположен в сан священника; в 1922 г. арестован; в ссылке в Кургане, Челябинске, позднее в Томске и Киржаче; находясь в ссылке, отказался от священства и вступил в брак; в 1933 г. возвратился в Москву; с конца 1930-х гг. публиковал в основном работы по истории русского театра; д-р филологич. наук (1943).

С. 45. «У меня кончилась жизнь и началось житие». — Ср.: «Жизнь кончилась, и начинается житие» — слова протопопа Савелия Туберозова, героя романа Н.С. Лескова «Соборяне» (Ч. IV. Гл. 1).

«*Душа стесняется лирическим волнением*». — Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Осень» (1833).

...«*только отзвук искаженный торжествующих созвучий*». — Неточная цитата из стихотворения В.С. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892); ср.: «Только отклик искаженный...».

...«*сокровища, скрытого на поле*»... — Ср.: Мф. 13, 44.

С. 46. «*Покой и тишь во мне...*» — Строки из стихотворения З.Н. Гиппиус «Узел» (1905).

...*стояли его вышедшие работы...* — Далее Фудель перечисляет основные труды С.Н. Дурылина 1910-х гг. «*Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства*» (М., 1913) — в работе высказана мысль, что новое русское искусство должно пойти по пути Вагнера, воплощавшего «народное мифомышление» в современных художественных формах. «*Церковь Невидимого града. Сказание о граде Китеже*» (М., 1914) — предания и обряды, связанные с Невидимым градом Китежем (легендарным городом святых и праведников, незримо расположенном на берегу озера Светлояр), были для Дурылина образцом русского народного мифомышления, выражением «народного чувства Церкви <...> мистического ее существа», которым должно питаться будущее русское искусство. «*Цветочки святого Франциска Ассизского*» — сборник народных легенд и преданий XIV в., вышел в 1913 г. в издательстве «Мусaget» с предисловием С. Н. Дурылина, который ранее написал «*Житие святого Франциска Ассизского*» (опубл. под псевдонимом Сергей Северный в сб.: Сказание о бедняке Христове. М., 1911) и цикл сонетов, посвященных св. Франциску (опубл. в сб.: Антология. М., 1911). «*Начальник тишины*» — статья была опубликована в «Богословском вестнике» (1916. № 7–8). «*О церковном соборе*» — брошюра С.Н. Дурылина «*Церковный Собор и Русская Церковь*» — опубликована в 1917 г.

...*статья о Лермонтове...* — В предреволюционные годы С.Н. Дурылин опубликовал ряд статей о поэте: «Судьба Лермонтова» (Русская мысль. 1914. № 10), «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» (Труды и дни. 1916. Тетрадь 8), «Россия и Лермонтов. К изучению религиозных истоков русской поэзии» (Христианская мысль. 1916. № 2).

...*путевые записки о поездке в Олонецкий край...* — См.: Дурылин С. Н. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. Петрозаводск, 1913; Дурылин С. Н. Под северным небом. Очерки Олонецкого края / С фотографиями Н.С. Чернышева. М., 1915.

...*писал ли он тогда о Гаршине и Лескове...* — В 1910-х гг. Дурылин посвятил В. М. Гаршину ряд статей и брошюр (напр.: Детские годы В. М. Гаршина. М., 1910; Погибшие произведения Гаршина // Русские ведомости. 1913. № 70; и др.). Над книгой о Н.С. Лескове, которая должна была выйти в издательстве «Путь», шла работа в конце 1913 — начале 1914 г., но начавшаяся война не позволила ее издать.

«*Свет Невечерний*» (М.: Путь, 1917) — первая чисто богословская книга С.Н. Булгакова, обозначающая новый этап в его творчестве.

«*Размышления о Гёте*. (Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критцизма, символизма и оккультизма)» (М., 1914) — книга Эмилия Карловича Метнера (1872–1936), музыкального критика, журналиста, философа, одного из руководителей символистского издательства «Мусaget»; направлена против антропософской интерпретации естественнонаучного и литературного наследия Гёте.

«*По звездам*» (СПб., 1909) — сборник статей В.И. Иванова, в которых были обозначены пути и задачи искусства «реалистического символизма».

«*Из книги невидимой*» (М., 1905) — сборник духовных стихов и дидактической прозы Александра Михайловича Добролюбова (1876 — ок. 1944), петербургского

поэта, проделавшего сложный духовный путь от декадентства через богоборчество к поиску новых, «естественных» форм религиозного бытия и сознания; в 1898 г. он покинул Петербург и отправился странствовать по России с проповедью собственного религиозного учения.

«Русский архив» — журнал, в котором публиковались материалы (в основном мемуары и письма) по истории, культуре и литературе России XVIII–XIX вв.; основан в 1873 г. П. И. Барстевым (1829–1912).

«Богословский вестник» — журнал Московской духовной академии (1892–1918); в 1912–1917 гг. его редактором был о. П. Флоренский.

Фаррер Клод (Баргон Фредерик Шарль Эдуар; 1876–1957) — французский писатель, автор остросюжетных «колониальных» романов. «В чаду опиума» (1904) — цикл его новелл, объединенных общей темой о чарующей и губительной власти опиума, дающей своим поклонникам высшую мудрость.

«Весы» (М., 1904–1909) и «Аполлон» (СПб., 1909–1917) — основные периодические органы символистов.

Рувейр Андре (1879–1962) — французский художник и писатель.

С. 47. «Русские ночи» — философский роман В. Ф. Одоевского (1844); построен в форме бесед, которые ведут по ночам четверо молодых петербуржцев.

«В краю непуганых птиц» — название книги путевых очерков М. М. Пришвина (1907).

«Жалостник» — рассказ С. Н. Дурылина, опублик. в журнале «Русская мысль» (1917. № 3–4) и затем в серии «Религиозно-философская библиотека» М. А. Новоселова (М., 1917).

«О, бурь заснувших не буди...» — Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (1836).

«Слишком широк русский человек — я бы сузил». — Ср. слова Дмитрия Карамзова: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. I. Кн. III. Гл. 3).

С. 48. «Часов однообразный бой...» — Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Бессонница» (1829).

«Парки бабье лепетанье...» — Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

«Мышья беготня» — этот рассказ Дурылина остался не опубликован.

«Миф, порожденный грехами...» — Неточно воспроизведенные строки стихотворения Глеба Сазонова «Финал» (Сазонов Г. Орган: Вторая книга стихов. Пенза, 1912. С. 62). Ср.: «Скорбь — это миф, порожденный грехами, / Призрак, витающий ночью над нами...»

... «победа, победившая мир...» — 1 Ин. 5, 4.

«Белую розу из пасти дракона...» — Строки из стихотворения Эллиса «Братьям-рыцарям», вошедшего в состав сборника «Stigmata» (М.: Мусaget, 1911). Эллис (Кобылинский Лев Львович; 1879–1947) — поэт и переводчик, руководил работой кружков и семинаров, организованных при издательстве «Мусaget», в частности кружка по изучению творчества Бодлера. Заседания этого кружка посещал Дурылин.

С. 49. «Хранит (их) Господь и покрывает...» — Отрывок из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (Ч. IV. Гл. II); переложение на современный русский язык фрагмента из «Послания к отцу от сына из онаго сокровеннаго монастыря, дабы о нем сокрушения не имели и в мертвы не вмняли скрывавшагося из мира. В лето 7209 июня в 20 день», широко ходившего в народе в списках. «Послание...» — один из важнейших источников народной легенды о Невидимом

граде Китеже. Текст «Послания...» см.: Мельников-Печерский П. И. Очерки поповщины // Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. 13. С. 39.

Игуменов Константин Николаевич (1873–1948) — пианист, профессор и ректор (1924–1929) Московской консерватории.

С. 50. ...«все покрывает, всему верит...» — 1 Кор. 13, 7.
...«что времени уже не будет». — Откр. 10, 6.

С. 51. *Религиозно-философское общество* памяти В.С. Соловьева было учреждено в Москве в конце 1905 г. на основе студенческой религиозно-философской секции Историко-филологического общества при Московском университете. Членами-основателями стали Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий (исключен в 1908 г.), П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов; позднее к ним присоединились В.И. Иванов, Н.А. Бердяев (в 1912 г. вышел из общества), С.Н. Дурьлин, А. Белый. Первым председателем общества был Г.А. Рачинский. Заседания проходили в доме богатой московской меценатки М.К. Морозовой в Мертвом переулке (позднее — пер. Островского). В 1907 г. на базе общества был организован «Вольный богословский университет», в 1910 г. — издательство «Путь». Последнее заседание состоялось 3 июня 1918 г. С.Н. Дурьлин был секретарем РФО с 1912 по 1918 г.

Он никогда не выступал в Религиозно-философском обществе... кроме одного юбилейного вечера памяти Леонтьева в 1916 году... — Согласно воспоминаниям С.Н. Дурьлина, И.И. Фудель выступал и на заседании общества осенью 1912 г., также посвященном К.Н. Леонтьеву. Машинописный текст очерка С.Н. Дурьлина «Отец Иосиф Фудель» (подписанного псевдонимом С. Раевский и датированного январем 1919 г.) с пометами автора и посвящением «братски любимому Сергею Фуделю» хранится ныне в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье»; очерк опубликован в журнале «Литературная учеба» (1996. № 3).

Не кончивший даже гимназии... — С.Н. Дурьлин ушел из 5-го класса. «Эти школы являются местами долгих мучений, нравственных, а иногда и физических истязаний, местами гибели <...> душевных и физических сил, скуки, тоски и отчаяния», — писал он в очерке «В школьной тюрьме. (Исповедь ученика)» (М., 1907. С. 5).

С.52. *Сабуров* Андрей Александрович (1902–1959) — литературовед, сотрудник отдела рукописей Библиотеки им. Ленина, Государственного литературного музея, преподаватель Московского государственного университета; автор монографии «“Война и мир” Л.Н. Толстого: Проблематика и поэтика» (М., 1959). В детстве брал домашние уроки у С.Н. Дурьлина.

«Это писал Нестеров. Я тогда уже не носил рясы...» — В декабре 1924 г., после тюремного заключения, Дурьлин на короткое время смог вернуться в Москву. Тогда в два сеанса Нестеровым и был написан его портрет в священнической рясе (см.: Померанцева Г.Е. О Сергее Николаевиче Дурьлине // Дурьлин С.Н. В своем углу. М., 1991. С. 31–32).

...«очарованным странником»... — Имеется в виду одноименный рассказ Н.С. Лескова (1873).

«И тихонько он молится...» — Строфа из стихотворения А.А. Блока «Болотный попик» (1905).

С. 53. *Прейс* Николай Николаевич (ок. 1875 — до 1926) — член новоселовского кружка (см. примеч. к с. 62) и участник собраний Религиозно-философского общества; умер в психиатрической лечебнице на своей родине, в г. Ветневе Тульской области.

Андрей Белый где-то пишет, что в его чемодане... — Об увлечении А. Белого Кантом и Ницше см.: Белый А. Начало века. М., 1934. С. 18, 35, 57, 256–257, 411.

«И столетья прошли...» — Неточная цитата из поэмы А.А. Блока «Ночная фиалка» (1906); ср.: «Но столетья прошли...»

...«ибо так возлюбил Бог мир». — Ин. 3, 16.

С. 54. *«Я вспоминаю двор угрюмый...»* — Вариант стихотворения С.И. Фуделя «С. Н.» (1934) из цикла «Тридцать стихов для друзей»; три строфы пропущены и одна изменена.

С. 55. *Стефан* (Никитин Сергей Алексеевич; 1895–1963) — врач, староста прихода на Маросейке, арестован (1931–1934), тайно рукоположен во священника епископом Афанасием (Сахаровым), впоследствии служил в Средней Азии, в Днепропетровске, в Минске; пострижен в монашество (1953); епископ Можайский, управляющий делами Московской Патриархии (1960–1961), временный управляющий Калужской епархией (1962–1963).

...в келье башни Боголюбской часовни у Варварских ворот. — Часовня в честь иконы Божией Матери Боголюбской была устроена в Варварской башне Китайгородской стены в 1880 г.; часовня ликвидирована в 1923 г., башня разрушена в 1928 г.

«Размышление о Фаусте» — возможно, речь идет о работе А.А. Мейера «Размышления при чтении “Фауста” Гёте» (1935). Опубл. посмертно в кн.: Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982.

V

Андрей Дмитриевич — неустановленное лицо.

...«Я хотел бы умирать, слушая...» — Среди опубликованных произведений С.Н. Дурылина такого обнаружить не удалось.

С. 57. *...«немощего в вере»* — Рим. 14, 1.

Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1931) — член Московского религиозно-философского общества, духовный сын старца Анатолия Оптинского. В 1900–1910-х гг. — прозаик, драматург, публицист; в 1905 г. — один из основателей «Христианского братства борьбы», ставившего своей целью «принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны, действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества»; в политическом отношении братство выступало против неограниченной монархии. В 1917 г. принял сан священника, с 1920 г. служил в Москве. В 1922 г. арестован, в ссылке (Пенджикент) до 1925 г. В 1928 г. вместе с паствой отказался от общения с митрополитом Сергием (Страгородским); сослан в Канск. Умер в ссылке, за месяц до кончины написав митрополиту Сергию покаянное письмо. См.: Свенцицкий В.П. Предсмертные письма // Минувшее. Париж, 1986. Ч. 1.

С. 58. *«Горе вам, книжники и фарисеи...»* — Мф. 23, 27.

«Дополняйте же меру отцов ваших...» — Мф. 23, 32.

«Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки...» — Мф. 23.

Когда весны капель покажет... — Начальные строфы стихотворения С.И. Фуделя «Отцу», написанного в апреле 1933 г. на ст. Явенга. Опубл. в журнале «Православная община» (1994. № 24).

Ты, Оптина! Из сумрака лесного... — Строки из поэмы «Оптина» Надежды

Александровны Павлович (1895–1980), поэтессы и детской писательницы, духовной дочери старца Нектария Оптинского.

С. 59. *Анатолий* (Потапов; 1855–1922) — иеросхимонах, келейник и ученик преподобного Амвросия Оптинского, один из последних оптинских старцев; продолжал принимать духовных чад и в начале 1920-х гг., когда монастыря, как такового, уже не существовало. Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г. (местное почитание с 1996 г.). «Около него <...> создалась особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности», — писал протоиерей Сергей Четвериков (Оптина пустынь. Париж, 1926. С. 100). Ср.: «Не было духовника более строгого, чем иеросхимонах Анатолий, и не было более свободного духом духовника, чем он» (Свенцицкий В., прот. Беседы о духовной жизни. СПб., 1995. С. 314).

...Розовеют скитские ворота... — Продолжение поэмы Н.А. Павлович.

Нектарий (Тихонов; † 1928) — иеросхимонах, последний из оптинских старцев, ученик преподобного Амвросия и иеросхимонаха Анатолия; скончался в д. Холмищи Брянской обл. Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г.

...увидел Гаврюшу — юродивого... — Крестьянин Калужской губернии Гавриил Иванович Иванов поселился в Шамординском монастыре в конце XIX в.; подробнее о нем см.: Записки священника Сергея Сидорова. М., 1999. С. 76–82.

С. 60. *«Возложивший руку свою на плуг...»* — Лк. 9, 62.

Те, кто достойней, Боже, Боже... — Строки из стихотворения А.А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

VI

Горят во мне и жгут... — Неточная цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта «Слова любви» (1898); ср.: «Слова любви, не сказанные мною, / В моей душе горят и жгут меня».

С. 61. *...под влиянием своего старшего сына Александра...* — Тихомиров Александр Львович (1882–1955) — иеромонах Тихон (1907), архимандрит, ректор Новгородской духовной семинарии (1913), викарий Новгородской епархии, епископ Череповецкий (1920), Кирилловский (1924); провел три года в лагерях, работая на лесозаготовках (1927–1930); вернулся инвалидом; жил на покое в Загорске, затем в Ярославле.

...Симанский, будущий патриарх Алексей, а тогда воспитанник московского лицея. — Алексей I (Сергей Владимирович Симанский; 1877–1970), с 1945 г. патриарх Московский и всяя Руси; в 1891–1896 гг. обучался в московском Императорском лицее памяти цесаревича Николая.

С... епископом Тихоном они потом были вместе викариями в Новгороде. — Епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии Алексей (Симанский) был в 1913–1921 гг. Тихон (Тихомиров) служил в той же епархии викарным епископом Череповецким с 1920 по 1924 г.

Скучно было у Тихомировых... — Ср. с описанием московской квартиры Л.А. Тихомирова в воспоминаниях Андрея Белого: «Жил он... в неуютной, угрюмой, нелепой квартире... Повел он меня в пренеуютную, как и он, комнату: неравнобокую; точно не жили в ней, точно — редакция; старая мебель, диван, на

котором спят не раздеваясь; кресла нелепо стоят; быт квартир нелегальных!» (Белый А. Начало века. С. 157).

Сергиев — с 1992 г. — г. Сергиев Посад Московской обл. (в 1925–1930 гг. — Сергиев, в 1930–1992 гг. — Загорск).

Мансуров Павел Борисович (1860–1932) — дипломат, писатель; один из учредителей «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова; член Поместного Собора 1917–1918 гг.; секретарь общины Троице-Сергиевой лавры, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1920-е гг. неоднократно подвергался арестам.

С. 62. *Мансуров* Сергей Павлович (1890–1929) — член «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова, священник (1926), автор незавершенных «Очерков из истории Церкви», опубликованных посмертно (Богословские труды. М., 1971–1972. Сб. 6–7). О нем см.: Шаховская — Шик Н.Д. Мои встречи с С.П. Мансуровым // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1979. Вып. 3.

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938) — последователь религиозных идей Л.Н. Толстого (примерно до 1901 г.), затем православный церковный писатель и издатель, основатель и руководитель «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви», в котором принимали участие о. Иосиф Фудель, о. Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, В.А. Кожевников, Ф.Д. Самарин и др. С 1922 г. жил на нелегальном положении и продолжал свою литературную деятельность. По некоторым сведениям, в 1920 г. пострижен в монашество с именем Марк, а в 1923-м тайно рукоположен во епископа; был одним из духовных руководителей движения «непоминающих», прекративших молитвенное общение с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) после опубликования последнего в 1927 г. «Декларации» о лояльности Церкви к советской власти; многократно подвергался арестам; расстрелян. Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г. См. также примеч. к с. 155 (*Религиозно-философская библиотека*).

...*Ходит месяц обнаженный*... — Неточная цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Творчество» (1895); ср.: «Всходит месяц обнаженный / При лазоревой луне...»

...*статью «О семи апокалиптических Церквах»*... — Точное название: «Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира» (Христианин. 1907. № 9). По мнению Л.А. Тихомирова, семь «апокалиптических Церквей» (см. Откр. 2–3) представляют семь периодов развития Церкви, от ее основания до Второго пришествия Спасителя и конечной гибели мира. Современная эпоха упадка веры («Сардийская Церковь») сменится эпохой торжества веры («Филаделфийская Церковь»), которая и станет завершающей.

«*Апокалиптическая повесть*» — имеется в виду неопубликованная «эсхатологическая фантазия» Л.А. Тихомирова «В последние дни»; рукопись ее хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 634. Оп. 1. Д. 58). Время работы над повестью помечено автором: 18 ноября 1919 г. — 28 января 1920 г. (ст. ст.). Возможно, С.И. Фудель ошибся с датировкой встречи либо слушал чтение ранней редакции рукописи. В повести изображается эпоха «Лаодикийской Церкви», заключительная в жизни человечества. На смену господству социализма приходит власть Антиоха-антихриста, вступившего во временный союз с уничтоженной им впоследствии «Женой любодейной» или «Универсальной церковью», которой управляют колдуны и чародеи. Последняя битва добра и зла завершается Вторым пришествием Христа. См.: Репников А. В. Лев Тихомиров — от революции к Апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3 (20). Схожие мысли выражены также в работе Тихомирова 1913–1918 гг. «Религиозно-философские основы истории» (М., 1997).

...*в декабре 1916 года... Заседание было посвящено 25-летию со дня смерти К. Ле-*

онтьева. — Указанное заседание Религиозно-философского общества состоялось 13 ноября 1916 г. Протоиерей Иосиф Фудель выступил с докладом «К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях» (Русская мысль. 1917. № 11—12). Доклад Булгакова «Победитель-побежденный. Судьба К.Н. Леонтьева» см. в кн.: Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1918.

С. 63. *Один из них читал Вяч. Иванов* — «О границах искусства»... — Этот доклад был прочитан в Московском религиозно-философском обществе в 1913 г.; опубл. в кн.: Иванов В. И. Борозды и межи. М.: Мусaget, 1916. Докладчик усматривал ограниченность искусства, его предел, в невозможности осуществления его основной мистической задачи — реального одушевления мертвой природы.

Апис — в древнеегипетской мифологии священный бык, земное воплощение бога Пта, покровителя искусств и ремесел.

С. 64. «Свет Христов просвещает всех». — Возглас священника на литургии Преждеосвященных даров.

...он был один из первых, кто в печати приветствовал Флоренского. — Андрей Белый посвятил П.А. Флоренскому стихотворение «Священные дни» (Золото в лазури. М., 1904). Знакомство поэта с будущим философом, тогда еще студентом Московского университета, состоялось зимой 1903/04 г. К идеям Флоренского Андрей Белый отнесся с горячим интересом. «Мысли его во мне жили <...> Он укрепил во мне мысль о критической значимости символизма <...>. Мысль же его о растущем, о пухнущем, точно зерно, разбухающем <...> аритмологическом смысле питала меня», — писал он позднее в своих мемуарах (Белый А. Начало века. С. 274).

Чулков Григорий Иванович (1879—1939) — поэт-символист, драматург, прозаик, критик. За участие в революционном движении был выслан в Якутию (1901—1903). Работу «О мистическом анархизме» опубликовал в 1906 г.

...Мережковский, которого мы так легко анафематствуем... — Имеется в виду резкая критика со стороны православных церковных кругов идеи Д.С. Мережковского о «новом религиозном сознании», то есть преодолении исторически жившего себя христианства Нового Завета в религии «Третьего Завета».

...Мережковский сказал... — С этой речью Мережковский выступил на XVIII заседании петербургских Религиозно-философских собраний (ноябрь 1902 г.), где обсуждались вопросы: «Догматическое учение нуждается ли в дополнениях, разъяснениях и углублении? Каковы пути догматического развития?»

И понесся вдалеку безумный кентавр... — Цитата из «Северной симфонии» А. Белого (1904).

С. 65. *Оболенский Алексей Дмитриевич (1855—1933)* — князь, чиновник министерства земледелия (1894), управляющий Государственным дворянским банком (1896), обер-прокурор Святейшего Синода (1905—1906); сенатор, член Государственного совета.

Лопатин Лев Михайлович (1855—1920) — профессор Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — церковный писатель и публицист, чиновник канцелярии Святейшего Синода; один из основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге.

Хилиазм (от греч. χίλιατος — тысячелетие) — богословское мнение о наступлении в конце времен земного тысячелетнего царства Христа, которое находит опору в некоторых библейских текстах; его сторонниками во II—III вв. были Папий Иерапольский, свв. Иустин Философ и Иринея Лионский, Ипполит Римский, а также Тертуллиан и Лактанций; оспаривали такое мнение в III—V вв.

свв. Дионисий Александрийский, Ефрем Сирин, Григорий Богослов и бл. Августин.

Миланский эдикт (в рукописи Фуделя ошибочно: *Нантский*) — юридический акт императоров Константина и Лициния (313), придавший законный статус христианской Церкви в Римской империи.

Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — философ, литератор, переводчик. После революции член совета Союза объединенных приходов; в 1919 и 1931 гг. подвергался арестам. Кроме упомянутой Фуделем, ему принадлежит также работа «Трагедия Ницше: Опыт психологии личности» (М., 1900).

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — экономист и философ («легальный марксист»); впоследствии обратился к оставленной им в молодости православной вере; член Московского епархиального съезда (1917) и Всероссийского Поместного Собора (1917—1918); священник (с 1918) и богослов; в 1922 г. выслан из СССР; профессор Богословского института в Париже.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920) — профессор правоведения Киевского, затем Московского университета, религиозный философ и общественный деятель. В своих сочинениях (Мирозозерцание В.С. Соловьева. М., 1913; Смысл жизни. М., 1918; и др.) старался согласовать учение Соловьева о Софии с традиционными православными представлениями.

С. 66. *Котляревский* Сергей Андреевич (1873—1939) — историк, правовед, земский деятель, приват-доцент Московского университета, член ЦК Конституционно-демократической партии (1905—1912).

«Вниди и ты — грешный город — в радость Господа твоего, в Его “Непобедимую победу”». — Соединение евангельской цитаты, использованной в Пасхальном слове огласительном св. Иоанна Златоуста («вниди в радость Господа твоего» — Мф. 25, 21) и кондака кресту («...пособие имущим Твое оружие мира, непобедимую победу»).

Живоцерковники — «Живая Церковь», одна из групп так называемого «обновленчества», церковного раскола, возникшего в 1922 г. при содействии органов советской власти. Лозунги «борьбы с церковной контрреволюцией» выдвигались сторонниками этого движения наряду с планами радикальных реформ церковного канонического права, литургических обычаев Православия. Деятельность обновленцев способствовала подавлению Православной Церкви, возглавлявшейся св. патриархом Тихоном.

На этом съезде тогда происходили очень ответственные выборы московского митрополита из двух кандидатов... — Первоначальных кандидатов на кафедру митрополита на Московском епархиальном съезде в июне 1917 г. было шестеро.

Самарин Александр Дмитриевич (1868—1932) — общественный и церковный деятель, московский губернский предводитель дворянства (1907—1915); в июле 1915 г. был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, но за выступления против влияния Григория Распутина на церковные и государственные дела был уже в сентябре смещен с должности. Председатель Всероссийского Красного креста (1915—1917). На выборах Московского митрополита Самарин оказался вторым по количеству поданных за него голосов после архиепископа Литовского Тихона (Белавина), будущего патриарха. После Октябрьской революции — председатель совета Союза объединенных приходов; в 1920 г. приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением до 1922 г.; жил в Abramceve, сотрудничал в музее и руководил пением в храме; в 1925 г. вновь арестован и сослан в Якутию; с 1929 г. был регентом церковного хора в Костроме.

С. 67. *Сидоров* Сергей Алексеевич (1895—1937) — друг С.И. Фуделя и С.Н. Дурьилина; духовный сын старца Анатолия Оптинского; в 1921 г. был рукоположен

во священника и служил в с. Почтовая Вита близ Киева; в 1923—1925 гг. служил в Петропавловской церкви Сергиева Посада. После двух арестов (1924; 1925—1926) получил «минус шесть», жил во Владимире; служил в с. Волосове Владимирской обл. (1927—1928), с. Лукине Серпуховского р-на (1929—1930); в 1930 г. вновь арестован и осужден на 3 года; отбывал наказание в Пинюге близ Котласа и в Маринских лагерях; служил в Димитриевской слободе и в с. Климове близ Муром (1933—1937); вновь арестован и расстрелян в Бутове 27 сентября. См.: Записки священника Сергия Сидорова. М., 1999.

Обыденные храмы — построенные по обету за один день.

Чернышев Николай Сергеевич (1898—1942) — художник, духовный сын епископа Афанасия (Сахарова), друг С.И. Фуделя, муж его сестры Лидии (†1933); арестован в 1941 г. по обвинению в организации антисоветской религиозной группы; в 1942 г. сослан в Казахстан; скончался от голода и дизентерии по пути к месту ссылки (по др. сведениям, расстрелян).

«Ты носишь имя, будто жив...» — Откр. 3, 1.

Кожевников Владимир Александрович (1852—1917) — религиозный писатель, философ, поэт, один из активных авторов «Религиозно-философской библиотеки» М.А. Новоселова. Его брошюры апологетического характера, большой труд «Буддизм в сравнении с христианством» (Пг., 1916. Т. 1—2) имели целью «возведение ограды церковной», чтобы отделить «Церковь Православную <...> от учений ей чуждых и враждебных» (Дурылин С.Н. Ученый-христианин // Возрождение. 1918. № 9. С. 14—15).

...издавать или нет рукописи Анны Шмидт... как-то связанной с Вл. Соловьевым, который, кажется, провозжал ее гроб до могилы. — Шмидт Анна Николаевна (1851—1905) — сотрудница газеты «Нижегородский листок», принимавшая участие в похоронах В.С. Соловьева в 1900 г. Усматривая в учении Соловьева о Божественной Софии сходство с собственными мистическими видениями, А. Шмидт восприняла себя как земную ипостась соловьевской Софии, а философа — как Христа во плоти, призванного объявить миру «Третий Завет». Ряд ее произведений, а также письма В.С. Соловьева к ней были опубликованы С.Н. Булгаковым и о. Павлом Флоренским в кн.: Из рукописей Анны Шмидт. М., 1916. Признавая ее сочинения за «один из наиболее примечательных памятников мистической письменности», стоящий рядом с трудами Я. Бёме, Сен-Мартена, Сведенборга и др., Булгаков и Флоренский в предисловии к книге тем не менее ставили под сомнение подлинность ее откровений. К личности А.Н. Шмидт и ее отношению к Соловьеву Булгаков обращался также в работе «Владимир Соловьев и Анна Шмидт» (Тихие думы. М., 1918).

Коля Красоткин — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

С. 68. *...Булгаков мог впоследствии перейти какую-то меру богословствования о Софии и допустить ошибки, как пишут те, которым доставляет удовольствие производить над ним суд.* — Софиология Булгакова подверглась резкой критике в докладе митрополита Сергия (Страгородского) Синоду и указом Московской Патриархии от 24 августа 1935 г. была осуждена как учение неправославное и духовно опасное для верующих. С критикой учения о Сергия Булгакова выступали также В.Н. Лосский (Спор о Софии. Париж, 1936) и архиепископ Серафим (Соболев) (Искажение православной истины в русской богословской мысли. София, 1943).

...на лекции Флоренского «Философия культа»... — «Лекции по философии культа» были прочитаны П.А. Флоренским 8—29 мая 1918 г. в помещении гимназии Общества преподавателей на Остоженке; из переписки Новоселова с Флоренским известно, что С.И. Фудель принимал деятельное участие в их организации.

...в Шукинскую галерею... — Собрание французской живописи С.И. Шукина в его доме в Большом Знаменском пер.; с 1918 г.—Музей нового западного искусства (закрыт в 1948 г.).

...на свои чтения о Лермонтове, чтобы открыть в его лазурности... ожидание «мировой души» Соловьева... — Этой теме был посвящен доклад «Судьба Лермонтова», прочитанный С.Н. Дурьиным в Религиозно-философском обществе (Русская мысль. 1914. № 10). Разные варианты доклада Дурьин читал в близких ему московских домах.

И в пурпуре небесного блистанья... — Неточная цитата из поэмы В.С. Соловьева «Три свидания» (1898). Ср.: «Очами, полными лазурного огня, / Глядела ты, как первое сиянье...» Вторая строка заимствована Соловьевым из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...» (1840).

«Книга голубиная» — духовный стих космогонического содержания, известный во многих вариантах. Название происходит либо от «голубя», как символа Святого Духа, либо от «глубины» мудрости, содержащейся в книге. Впервые опублик. П.Н. Шеффером (Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. 1897. Т. II. Кн. 1). Другой извод текста см.: Марков А. Беломорские былинны. М., 1901.

С. 69. «Трумп» — под таким названием в 1859 г. была впервые издана «шутотрагедия» И.А. Крылова (1800), в других списках озаглавленная «Подщипа».

Ильинский Игорь Владимирович (1901—1987) — известный советский актер, крестник В.А. Чернышевой, в доме которой С.Н. Дурьин давал частные уроки.

...его мать была грузинка. — Анастасия Николаевна Сидорова, в девичестве княжна Кавкасидзе, умерла через полгода после рождения С.А. Сидорова.

Где-то в Курской губернии тогда еще жила в своем бывшем имении его тет-ка... — С осени 1917 г. до разгробления имения в декабре 1918 г. С.А. Сидоров жил у Варвары Николаевны Кавкасидзе в Николаевке Пугивльского уезда.

Мечёв Алексей Алексеевич (1859—1923) — протоиерей, настоятель храма св. Николая Чудотворца в Кленниках, на Маросейке (с 1892 г.), один из наиболее авторитетных московских священников; почитался «старцем в миру». Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г. В его церкви служил до ареста о. С. Дурьин. О нем см.: Отец Алексей Мечёв / Ред. Н.А. Струве. Париж: YMCA-Press, 1970 (здесь, в частности, воспоминания о нем С.Н. Дурьиной); Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва / Сост. мон. Иулиания (Соколова). М., 1999.

...лекции не только Челпанова, но даже и Бердяева, читавшего курс какой-то путаной, но все же «Космической философии». — Челпанов Георгий Иванович (1862—1936) — психолог и философ, основатель и директор Московского психологического института. Н.А. Бердяев был избран профессором Московского университета в 1920 г. и прочел два курса лекций: о мирозерпании Достоевского и о философии истории. Отдельные лекции в Московском университете читались Бердяевым и ранее, в 1918—1919 гг. См.: Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа. Николай Бердяев: жизнь и творчество. М., 1993. С. 49, 54.

Он же потом (кажется, в 1921-м) основал «Вольную академию духовной культуры». — «Вольная академия духовной культуры» была основана Н.А. Бердяевым в 1919 г.

...Розанов... уехавший умирать в Сергиев Посад. — В.В. Розанов переехал в Сергиев Посад в сентябре 1917 г.; умер от истощения в 1919 г.

С. 70. ...«шпоры генерала... цепляют за мою мантию»... — Слова, приписываемые митрополиту Филарету (Дроздову); имеется в виду известный своим деспо-

тизмом по отношению к архиереям генерал-майор граф Н.А. Протасов, обер-поручик Святейшего Синода с 1836 по 1855 г.

Вари пшено, и час тебе довлеет... — Строки из стихотворения В.И. Иванова «Зима души. Косым издалека...», входящего в состав цикла «Зимние сонеты» (1919–1920).

Вот наверху окошко светится... — Строки из стихотворения С.И. Фуделя «В. У.» (1939) из цикла «Тридцать стихов для друзей».

Был он тогда влюблен в Таню Кожевникову... — Кожевникова Татьяна Валентиновна выросла в имении, соседнем с Николаевкой.

...«как мимолетное виденье». — Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» (1825).

...рассказов «о русских подвижниках XVIII и XIX веков»... — Имеются в виду книги Е.Н. Погожева (псевдоним: Е. Поселянин; расстрелян в 1931 г.) «Русская Церковь и русские подвижники XVIII века» (СПб., 1905) и «Русские подвижники XIX века» (СПб., 1900).

...об этих чистых и странных для мира людях, не вмещавшихся в нем. — См., напр.: О странниках русской земли (Записки священника Сергея Сидорова. С. 93–140).

Руднев Алексей Николаевич (1880–1920) — преподаватель греческого языка и библиотекарь Московского университета, участник новоселовского кружка; организатор «Общества ортодоксофилов», которое собиралось у него дома.

Соболевский Сергей Иванович (1864–1963) — профессор Московского университета, член-корреспондент Академии наук СССР; автор трудов по классической филологии.

С. 71. *Леонова Вера Ивановна (†1940)* — дочь владельца кондитерского предприятия. Письма А.Н. Руднева к ней имели хождение в самиздате (два тома за 1913–1919 гг.); частично опублик.: В поисках Святой Руси // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1981. Вып. 6.

...о Лучинском... — Этот очерк опублик.: Тихий юродивый. Памяти Андрея Михайловича Лучинского // Московский журнал. 1997. № 7.

Серафим (Битюгов Сергей Михайлович; 1880–1942) — получил техническое образование; посещал Оптину пустынь, слушал лекции в Московской духовной академии; священник (1919), клирик московской церкви Кира и Иоанна на Солянке (1920–1928); иеромонах (1922), архимандрит (1926); в июле 1928 г. присоединился к «непоминающим» и покинул храм, до самой смерти совершая богослужение в частных домах. В начале 30-х гг. поселился в маленьком доме в Загорске, куда приезжали его многочисленные духовные чада; в его домовую церковь иногда служил епископ Афанасий (Сахаров). В 1940–1941 гг. неоднократно оставался в доме С.И. Фуделя в поселке Козья Горка близ Загорска, совершал там богослужения. О нем см.: Два портрета (По воспоминаниям В.Я. Василевской «Катакомбы XX века») // Вестник РХД. 1978. № 124. В мемуарной литературе встречаются разные варианты написания фамилии о. Серафима: *Битюков, Батюков и Батюгов*; С.И. Фудель писал *Битюгов*; правильность такого написания подтверждается также документальными свидетельствами, в том числе протоколами допросов по следственному делу загорской общины о. Серафима (1943).

Ветер стих, и слава заревая... — Стихотворение А.А. Блока «Ветер стих, и слава заревая...» (1914); приведено без последней строфы.

С. 72. *Афанасий (Сахаров; 1887–1962)* — епископ Ковровский, vicарий Владимирской епархии (1921); с 1922 г. многократно подвергался арестам и, с короткими перерывами, до 1954 г. находился в тюрьмах, лагерях и в ссылке; по окончательном освобождении с 11 октября 1955 г. проживал в пос. Петушки Влади-

мирской области. Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г. См.: [Апушкин А. Е. В.] Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова) // Вестник РХД. 1973. № 107; [Трапани] Н. В. Епископ Афанасий (Сахаров). Воспоминание // Вестник РХД. 1983. № 139; Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000.

Абрамцево — подмосковная усадьба, с 1843 г. принадлежала Аксаковым и была, особенно при жизни С.Т. Аксакова, своеобразным культурным и общественно-политическим центром. С.И. Мамонтов, крупный промышленник и меценат, купивший имение в 1870 г., превратил Абрамцево в «артистическую колонию», в один из ведущих центров русской художественной жизни, где подолгу жили и работали известные художники, в том числе М.А. Врубель, многочисленные работы которого украшали абрамцевский дом.

«*Записки об ужении рыбы*» — книга С.Т. Аксакова (1847), в которой практические советы по рыболовству объединены с воспоминаниями и лирическими описаниями природы.

...*девочка с ясными глазами...* — Мамонтова Вера Саввична (1875—1907), дочь С.И. Мамонтова, жена А.Д. Самарина, изображенная на знаменитой картине В.А. Серова «Девочка с персиками» (1887).

С. 73. «*И не делать ли нам зло...*» — Рим. 3, 8.

С. 74. *Все современные моей юности Самарины...* — Вероятно, кроме А.Д. Самарина, Фудель имеет в виду его братьев. Самарин Федор Дмитриевич (1858—1916) — член Государственного совета (1906—1909), участник заседаний Предсоборного Присутствия (1906), член новоселовского кружка и один из учредителей Братства Святителей Московских; организатор московских попечительств о бедных. Самарин Петр Дмитриевич (1861—1916) — член Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения (1901—1904), Общества истории и древностей российских, Братства Святителей Московских; в конце жизни — староста церкви свв. Бориса и Глеба на Поварской ул. Самарин Сергей Дмитриевич (1865—1929) — предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии (1894—1899), деятель сельского хозяйства. О единомыслии братьев Самариных и их верности наследию «старых славянофилов» свидетельствует в своих воспоминаниях дочь А.Д. Самарина Елизавета Александровна, которая в 1935 г. стала второй женой Н.С. Чернышева. См.: Лазарев К. А. Д. Самарин в воспоминаниях его дочери Е.А. Самариной-Чернышевой // Вестник РХД. 1979. № 129.

...*самый сердечный некролог на смерть Константина Аксакова был написан именно Герценом.* — См.: Герцен А. И. Константин Сергеевич Аксаков // Колокол. 1861. 15 янв. Л. 90. Цитаты приведены в «Былом и думах» (Ч. 4. Гл. XXX).

С. 75. *Это была какая-то Пасха «среди лета»...* — «Среди лета запоют Пасху» — пророческие слова преп. Серафима Саровского, сбывшиеся при его прощании в июле 1903 г.

VII

«*Путь Отцов*» — см. том 2 наст. изд.

Вскоре я получил от него письмо... — Датировано 30 сентября 1958 г. См.: Молитва всех вас спасет. С. 524—525. В приведенной далее цитате опущены следующие слова епископа Афанасия (выделены курсивом): «Зная Вас, я знаю и то, что книга, написанная Вами, не есть только упражнение в богословской литературе,

а является изображением того, чем Вы живете. <...> Ваша книга — *прекраснейшее* богословское обоснование *возможности* “монастыря в миру”. <...> Я очень бы хотел, чтобы Ваша книга была напечатана. Знаю, что это теперь не легко. Но если Вы разрешите, я попытаюсь нащупать почву».

«*Монастырь в миру*». — Эта работа Свенцицкого опубликована посмертно: Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру. Проповеди и поучения 1927–1928. М., 1995.

Кажется, из тридцати трех лет его епископства он только вначале три года был свободен и руководил своей епархией... — Согласно автобиографической записи владыки Афанасия, сделанной в 1954 г., за 33 года архиерейства он провел «на епархиальном служении 33 месяца [в 1921–1922 и 1925–1926 гг.]. На свободе не у дела 32 месяца. В изгнании 76 месяцев. В узах и горьких работах 254 месяца» (Афанасий (Сахаров), еп. Даты и этапы моей жизни // Вестник РСХД. 1966. № 81).

«*Хожделение по мукам*» — трилогия А.Н. Толстого (1922–1941).

...я его... увидел впервые в 1923 году в Усть-Сысольске... — После четырех краткосрочных арестов епископ Афанасий прибыл в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) 15 мая 1923 г. и оставался в Зырянском крае до января 1925 г.

С. 77. Дамаскин (Жабинский; 1878–1955) — иеромонах. Вернулся во Владимир с епископом Афанасием в 1925 г., в 1936 г. оба они вновь были арестованы; по освобождении жил в Рыбинске, где в 1943 г. был арестован за участие в тайных богослужениях; в 50-х гг. снова жил в Усть-Сысольске; умер в Рыбинске.

Кирилл (Смирнов; 1863–1937) — епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1904), епископ (1909), затем архиепископ Тамбовский (1913), митрополит Тифлиссский и Бакинский (1918), Казанский и Свияжский с 1920 г., в том же году арестован; после этого был на свободе лишь несколько месяцев в 1921–1922, 1924 и 1933–1934 гг. Находился в оппозиции митрополиту Сергию. Расстрелян близ г. Чимкента. Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г.

Николай (Добронравов) (1861–1937) — епископ Звенигородский (1921), арестован в 1922 г.; на этапах вместе с епископом Афанасием; архиепископ Владимирский и Суздальский с 1923 г. Вновь арестован в 1925 г.; в ссылке в Туруханске (1926–1929); впоследствии на покое в Вологодской обл. и в Москве; арестован и расстрелян в Бутове в 1937 г. Прославлен в лике святых Архиерейским Собором 2000 г.

Фаддей (Успенский; 1872–1937) — епископ Владимиро-Волынский (1908), Житомирский, Астраханский (1922), член Священного Синода, архиепископ Астраханский, Пятигорский, Саратовский, Тверской (1928–1934). Под арестом (1921–1922), вновь арестован и сослан в Усть-Сысольск (1922–1923), вновь сослан (1926–1928), арестован и расстрелян (1937). Прославлен в лике святых (1997).

Авакум (Боровиков; 1892–1937) — пострижен в монашество и тайно рукоположен епископом Андреем (Ухтомским) во епископа Староуфимского, викария Уфимской епархии (1922), через 40 дней арестован; в ссылке в Зырянском крае (1923–1926), в Челябинске и Ульяновске (1928–1930), затем в Северном крае; расстрелян.

С. 78. Леонид (Наголкин; 1769–1841) — иеромонах Оптиной пустыни; в схиме Лев; причтен к лику местночтимых святых в 1996 г., общероссийских — в 2000 г.

Николай (Ярушевич; 1891–1961) — епископ Петергофский, отбывал ссылку в Усть-Куломе (1923–1926); митрополит Крутицкий и Коломенский (1944–1960).

С. 80. *...моя сестра...* — Мария Иосифовна Фудель († 1949).

Кашин Иван Прокофьевич (1887 — ?) — бывший социалист-революционер, свидетель защиты на процессе эсеров 8 июня — 7 августа 1922 г.

...его открытое письмо... — Епископ Афанасий не принимал изложенный в «Декларации» 1927 г. курс митрополита Сергия (Страгородского) по отношению к советской власти; во взглядах на вопрос о возглавлении Русской Церкви он был близок к митрополиту Кириллу (Смирнову). В упомянутом письме, датированном 1955 г., епископ Афанасий сообщал: «Когда в 1945 г., будучи в заключении, я и бывшие со мною иереи, не поминавшие митрополита Сергия, узнали об избрании и наставлении Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что так как кроме Патриарха Алексия, признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного первоиерарха Русской Поместной Церкви, то нам должно на наших молитвах возносить имя Патриарха Алексия как Патриарха *нашего*, что я и делаю неуказательно с того дня». Письмо неоднократно публиковалось; впервые: Вестник РСХД. 1972. № 106. Из воспоминаний В.Я. Василевской известно, что упомянутые в письме иереи — о. Петр Шипков и о. Иеракс (Бочаров); их подписи стояли вместе с подписью епископа Афанасия под письмом «с разрешением ходить в церковь и причащаться», полученным в 1945 г. См.: Два портрета: (По воспоминаниям В.Я. Василевской «Катакомбы XX века») // Вестник РХД. 1978. № 124. С. 289.

Сахарнова Ольга Илиодоровна (1885 — ?) — духовная дочь о. Владимира Богданова, в 1922 г. пострижена в монашество с именем Серафима; до 1930 г. проживала в Ленинграде, затем в Москве; работала счетоводом, бухгалтером; арестована в 1946 г.; в ссылке близ Абакана; с 1952 г. проживала в Загорске.

С. 81. *«Грех в Церкви есть грех не Церкви, но против Церкви».* — Ср.: «Разве тяжкие грехи отдельных представителей Церкви, хотя бы из состава иерархии, могут быть названы грехами Церкви? Это не грехи Церкви, а грехи их *перед Церковью*» (Свенцицкий В., прот. Диалоги. Гл. IV; работа распространялась в самиздатских копиях; современное издание: М., 1995. С. 97).

Крючков Димитрий Иванович (1874–1952) — московский священник (с 1919 г.); служил в церкви Успения на Вражке, затем в церкви Саввы Освященного; арестован в 1922 г. по «делу об изъятии церковных ценностей» и осужден на 5 лет лишения свободы; освобожден по амнистии; после 1927 г. находился за штатом из-за несогласия с позицией митрополита Сергия; служил в церкви свв. Кира и Иоанна на Солянке (1928–1932); вновь арестован и послан в Нарынский край (1932–1935); жил в Гжатске (1935–1937) и в подмосковном пос. Томилино (1937–1945); арестован как «один из руководителей антисоветского церковно-монархического подполья» (1946) и послан в Красноярский край. Умер в Абаканском р-не через год после освобождения из ссылки.

...приглашали участвовать в архиерейском служении во Владимире, в Загорске. — На торжествах по случаю 800-летия владимирского Успенского собора 4 октября 1958 г. владыка Афанасий сослужил с архиепископом Владимирским Онисимом (Фестинатовым) и епископом Дмитровским Пименом (Извековым), будущим Патриархом. В Троице-Сергиевой лавре, постриженником которой был епископ Афанасий, он после освобождения служил в 1956 и в 1959 г.

«Лавра и та и не та»... — Ср. письмо епископа Афанасия к протоиерею Иосифу Потапову от 15 октября 1956 г.: «Утешился служением после почти 30-летнего перерыва, но больше огорчился... Есть Лавра и, в существе, нет Лавры!» (Молитва всех вас спасет. С. 477); у С.И. Фуделя хранилась выписка из этого письма.

...его пригласили для работы в Патриархии, в Комиссию по церковному уставу. — Первое заседание Календарно-богослужебной комиссии, председателем которой

был назначен епископ Афанасий, состоялось в январе 1957 г., а в апреле 1958 г. комиссия была распущена. В письме к протоиерею Иосифу Потапову от 8 сентября 1958 г. владыка Афанасий писал: «Я очень болезненно переживаю разгон комиссии, очень скорблю, что из-за моего неумения подлаживаться, неумения держать нос по ветру ликвидировано очень нужное, очень полезное, жизненно необходимое дело» (Молитва всех вас спасет. С. 521). Выписка из этого письма хранилась среди бумаг С.И. Фуделя. См. также: Кравецкий А. Г. Календарно-богослужбная комиссия // Ученые записки РПУ. 1996. Вып. 2.

С. 82. ...комиссии по оцеживанию комаров... — Ср.: «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!» (Мф. 23, 24).

...«боговдохновенная книга»... это определение Типикона приводит Владыка с одобрением в своей работе 50-х годов «О поминовении усопших по уставу Церкви». — Указанная работа, над которой епископ Афанасий трудился еще в заключении, была впервые опубликована в Парижском «Вестнике Русского Западноевропейского Патриаршего экзархата» (1969—1976. № 66—96, с перерывами); отдельное издание: Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб., 1999. В первой ее главе епископ Афанасий пишет: «Наш церковный устав <...> старые русские книжники не без основания называли “книгой богодухновенной”».

...«на плечи людям кладутся...» — Ср.: Мф. 23, 4.

С. 83. «Держи, что имеешь...» — Откр. 3, 11.

С. 84. ...в его скитаниях в Сибири однажды посчастливилось случайно соединиться в какой-то глухой ссыльной деревне с митрополитом Кириллом... — Встреча имела место весной 1932 г., когда оба иерарха отбывали ссылку в станке Селиваниха Турханского края. Ср. описание этого эпизода в воспоминаниях Е.В. Апушкиной: «Вместе им жить было очень хорошо, но тут помешала ревность матери Евдокии, монахини, которая была очень предана митрополиту Кириллу и сопровождала его по всем ссылкам. Ей показалось, что при общем служении владыка Афанасий не оказывает достаточной чести митрополиту (может быть, потому, что владыка Афанасий был знатоком устава и с этой стороны руководил богослужением), и в конце концов вынудила друзей жить на разных квартирах» (Молитва всех вас спасет. С. 43; ср. с. 222).

...при вскрытии мощей епископа Митрофания. — Мощи св. епископа Митрофана Воронежского (1623—1703), находившиеся в Благовещенском соборе Митрофановского монастыря в Воронеже, были вскрыты 3 февраля 1919 г. комиссией, состоявшей из представителей местного совета рабочих и крестьянских депутатов и ЧК; вскрытие сопровождалось глумлением над останками. В 1929 г. мощи были изъяты и помещены в Воронежском краеведческом музее; возвращены Церкви в 1989 г. См.: Горев М. Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 18—23; «Непобедимые сопротивными силами»: Судьба святых мощей русских угодников Божиих в XX веке / Публ. Ю.Н. Лазаревой // Даниловский благовестник. М., 1998. Вып. 10. С. 31.

«...Земля еси и в землю отыдеши» — икос из заупокойного последования. В ранней редакции «Воспоминаний» С. И. Фудель заключал воспроизведение этого разговора следующими словами: «Много соблазнов было бы отстранено от немощных в вере, если бы такое понимание этого вопроса со стороны епископа было бы распространено. Ни в первохристианстве, ни в последовавших за ним ближайших веках не было этой убежденности многих наших верующих в том, что, если человек — святой, он обязательно должен быть нетленным. Макарий Великий в IV веке

вообще отрицал возможность для христиан нетления. “Если бы человек стал бесмертен и нетленен по телу, — писал он, — то целый мир, видя необычность дела, а именно что тела христиан не истлевают, преклонялся бы к добру по какой-то необходимости, а не по произвольному расположению” (Макарий Великий, преп. Духовные беседы, послание и слова. Сергиев Посад, 1904. С. 130). Вот как святые высоко оценивали свободу души!»

С. 85. *Кажется, в это время его «повысили», сделали архиепископом...* — О намерении патриарха Алексия I возвести владыку Афанасия в сан архиепископа сообщают в своих воспоминаниях Л.А. Кутявина и Н.В. Трапани (см.: Молитва всех вас спасет. С. 131, 161); документального подтверждения этому не обнаружено.

«Бдите и молитесь...» — Мф. 26, 41.

...«непрестанно молитесь» — 1 Фес. 5, 17.

Симон (Ивановский; 1888–1966) — архиепископ, бывший Винницкий и Брацлавский (уволен на покой в 1961 г.), однокурсник епископа Афанасия по Московской духовной академии.

...с участием и Владимирского архиерея. — Имеется в виду архиепископ Онисим (Фестинатов; 1890–1970).

VIII

Было часов шесть утра в середине июля... — По архивным данным, опубликованным ПСТБИ, С.И. Фудель был арестован 23 июля 1922 г. вместе с сестрой Марией; непосредственной причиной ареста послужило обнаружение в их квартире экземпляров послания митрополита Агафангела к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Русской Церкви от 18 июня того же года. См.: Молитва всех вас спасет. С. 611.

С. 86. *Агафангел* (Преображенский; 1854–1928) — митрополит Ярославский, в мае 1922 г. был временно поставлен патриархом Тихоном во главе церковного управления в связи с привлечением патриарха к суду; 28 июня был заключен под домашний арест в Ярославле, а 22 августа помещен там же в тюрьму; по имеющимся сведениям, во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве был доставлен осенью; с 28 декабря 1922 г. по июнь 1926 г. в ссылке в Нарымском крае и в пермской тюрьме; в феврале 1928 г. отошел от митрополита Сергия, но в июне вновь вступил в общение с ним.

С. 87. *«Приди ты, немощный...»* — Строки из поэмы И.С. Аксакова «Бродяга» (1847–1850).

«...ты, риза чистая Христа» — Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Над этой темною толпой...» (1850).

Богданов Владимир Анатольевич (1865–1931) — кандидат математических наук; священник с 1914 г. *Арбатский период* — время службы о. Владимира в церкви ап. Филиппа и в церкви преп. Серафима на Сивцевом Вражке (до 1921). После ареста (1922) сослан в Зырянский край; находился в Усть-Сысольске вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым), архиепископом Фаддеем (Успенским), епископом Афанасием (Сахаровым). Затем жил нелегально в подмосковном пос. Пушкино, где и скончался, приняв тайный постриг с именем Серафим. После 1927 г. принадлежал к «непоминающим», был близок к о. Серафиму (Битюгову). Духовный отец упоминаемых С.И. Фуделем о. Д. Крючкова и о. В. Кривоуцкого. После его смерти около 15 лет существовали основанные им нелегальные общины.

Любимов Николай Александрович (1858–1924) — протопресвитер, настоятель Успенского собора в Московском Кремле (с 1913); член Высшего Церковного Совета (с 1918); арестован по делу Высшего церковного управления 27 марта 1922 г.; по данным ПСТБИ, освобожден 21 апреля 1922 г. «за недоказанностью преступления»; вновь подвергался кратковременному аресту в 1923 г.

Криволюцкий Владимир Владимирович (1888–1956) — окончил юридический факультет Московского университета (1910), прислуживал в храме свв. Кира и Иоанна на Солянке, настоятелем которого был священник Сергей Битюгов (впоследствии архимандрит Серафим), слушатель Православной народной академии (1921–1922); диакон в церкви Спаса на Песках, Кира и Иоанна (1922–1923); священник (1923), служил в церкви Знамения в Шереметьевском пер. (1924–1930), св. Николая в Котельниках (1930); не признал «Декларацию» митрополита Сергия; арестован и освобожден (1927), вновь арестован и сослан в Пинежский район (1930–1933); по освобождении жил в Можайске и Егорьевске, совершая тайные богослужения на дому; в начале 1940-х гг. несколько раз жил в доме Фуделей близ Загорска; арестован и приговорен к 10 годам заключения (1946), которое отбывал в Красноярске, Москве и Казахстане; освобожден досрочно (1955) в связи с тяжелой болезнью (рак).

...«и побегал один из них...» — Мф. 27, 48.

С. 88. *Жданов* Владимир Анатольевич (1869–1932) — юрист, до 1917 г. завоевал известность как адвокат с радикальными взглядами, участвовал в политических процессах как до, так и после революции, состоял в коллегии адвокатов до своей смерти. На процессе эсеров 1922 г. выступал защитником. 8 июня 1922 г. «Правда» назвала его и других защитников «продажными профессионалами-адвокатами» и «прожженными судейскими крючками».

Граф Амори — литературный псевдоним Ипполита Павловича Рапгофа (1860–1918), автора скандально известных произведений «Побежденные (Окончание романа “Ключи счастья” А. Вербицкой)» (1912), «Любовные похождения m-me Вербицкой» (1913), «Рабы страсти» (1913), «Возвращение Санина» (1914) и др.

С. 89. ...«плод жизни вечной» — ср.: Ин. 4, 36.

«Жена, когда рождает...» — Ин. 16, 21.

Дверь камеры была заперта... на большую и радостную дорогу. — В рукописи далее следует зачеркнутое предложение: «Наследство отца и монастырей вдруг заговорило во мне неодолимой силой первохристианского призыва: “Оставь грехи и иди! вот, тебе открываются свобода и радость”».

«И призва обанадесяте...» — Мк. 6, 7–8.

У людей пред праздником уборка... — Строки из стихотворения Б.Л. Пастернака «Магдалина» (1949); «Стихотворения Юрия Живаго»).

Ярошенко Николай Александрович (1846–1898) — живописец, передвижник, близкий к революционерам-народникам.

С. 91. «Железный поток» — роман А.С. Серафимовича (1924) о событиях Гражданской войны.

...это была не долговая тюрьма «Маршалъси» из «Крошки Доррит»... — Быт тюрьмы «Маршалъси» в Лондоне (действовала в 1811–1849 гг.) описан Ч. Диккенсом в романе «Крошка Доррит» (1857). Судя по этому описанию, режим тюрьмы не был строгим; ее обитатели могли пользоваться услугами кофейни, где подавали и спиртные напитки.

С. 92. *Павел* (Борисовский; 1867–1938) — епископ Вятский с 1921 г., аресто-

ван в июле 1922 г., осужден на три года ссылки; с 1929 г. архиепископ Ярославский и Ростовский, вновь арестован в 1937 г., расстрелян.

...*для него и здесь, в тюрьме, до небес достигали перегородки между Церквами.* — Ср.: «Наши перегородки до неба не достигают» — это высказывание в разговоре с католическим священником приписывается обычно митрополиту Киевскому Платону (Городецкому; 1803—1891), а иногда и другим православным архиереям прошлого века.

С. 93. «Если я говорю языками человеческими...» — 1 Кор. 13, 1, 3.

Перебаскин Василий Александрович — протоиерей, служил в Вятке, в 1922 г. арестован вместе с епископом Павлом и викарием Вятской епархии епископом Глазовским Виктором (Островидовым; 1875—1934) по обвинению в распространении воззваний патриарха Тихона. В 1926 г. вновь арестован и сослан на три года в Среднюю Азию. Дальнейшая судьба неизвестна. (Сведения П.Т. Ожегина, сообщены ПСТБИ.)

...*наверное, и он увидел Его где-то, может быть, тоже на пути...* — Как видно из черновой рукописи, подразумевается сравнение с апостолом Павлом, увидевшим Христа на пути в Дамаск (Деян. 9, 1—8).

...*и эта устремленность устремляла других.* — В рукописи далее следует опущенное впоследствии предложение: «Ведь убеждают не проповеди, а мужество и любовь».

С. 94. «Молитва основана на любви, а любовь — на радости». — Вольная передача слов преподобного Макария Великого: «Все добродетели между собой связаны, как звенья духовной цепи, одна от другой зависит: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения» (Добротолубие. М., 1895. Т.1. С. 215.).

«*Божия снисхождения огонь...*» — Ирмос воскресного канона 7-го гласа.

«*Земля людей.*» — Ср. название книги А. де Сент-Экзюпери «Планета людей» (1939).

«*Помилуй, Боже, ночные души.*» — Строка из стихотворения А.А. Блока «Я жду призыва, ищу ответа...» (1901).

Я беру присланный в передаче отцовский молитвослов и читаю в полунощнице 17-ю кафизму. — В рукописи далее следует предложение: «Возможно, что с этой самой книжкой он ходил здесь по камерам еще только 15—17 лет назад».

С. 95. «*Quo vadis, Domine?*» — Куда идешь, Господи? (лат.; Ин. 13, 36.). Слова, по преданию сказанные Иисусу апостолом Петром, увидавшим Его на Аппиевой дороге, недалеко от городских ворот Рима; Петр оставлял город из страха нероновских гонений, Христос же шел ему навстречу; на вопрос Петра Он ответил: «Если ты покидаешь народ Мой, Я иду в Рим, чтобы меня распяли во второй раз». Петр вернулся в Рим и был казнен. Эта легенда воспроизводится в романе Г. Сенкевича «*Quo vadis?*» (1894—1896).

«*И вспомнил Петр слово...*» — Мф. 26, 75.

«*Шильонский узник*» — поэма Дж. Байрона, посвященная тюремным страданиям борца за независимость Женевы Франсуа Боннивава.

С. 96. «Если имею... всю (православную) веру...» — 1 Кор. 13, 2—3.

...*ее незримые связи с христианами Запада... нам непостижимы...* — Ср.: «Сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты» (Хомяков А.С. По поводу разных сочинений латинских и протестантских // Сочинения. Прага, 1867. Т. 2. С. 196).

С. 97. ...«в Вифлееме Иудейском...» — Мф. 2, 1.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба... — Строки из стихотворения Б.Л. Пастернака «Рождественская звезда» (1947; «Стихотворения Юрия Живаго»).

«Где же ты теперь, мое детство? Ибо не может быть, чтобы тебя нигде не было.» — Вольная передача мысли блаженного Августина; ср.: «Младенчество не оставило меня, ибо куда ему деваться, и, однако же, его уже не было»; «Детство мое <...> принадлежит к прошедшему времени, потому что его уже нет, но образ его, когда о нем вспоминаю и рассматриваю, я созерцаю в настоящее время. Этот образ до сих пор существует в моей памяти и в моем воображении» (Исповедь. Кн. XI. Гл. 8, 18).

«...воскреснут мертвые, и встанут сущи во гробех...» — Ирмос 5-й песни Великой субботы.

С. 98. *У Лермонтова есть сон во сне...* — Имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...», 1841).

С. 99. *«Cujus regio, ejus religio».* — Политический принцип, положенный в основу Аугсбургского мира (1555) между католическими и протестантскими княжествами и городами Германии; подразумевалось, что все подданные должны следовать вере своих правителей.

С. 100. *Крылов* Иоанн Александрович (1884–1957) — священник московского храма Троицы в Листах (1922–1933); арестован и сослан в г. Ужур Красноярского края (1933–1939), затем служил в церкви св. Николая в Кузнецках, арестован в 1945 г. по дороге из храма; освобожден в 1954 г., служил в церкви преп. Пимена Великого. Почитался как внимательный пастырь и молитвенник; был разносторонне одаренным человеком, пианистом и художником. (Сообщено ПСТБИ.)

Потом его рука... тепло этого простейшего человека. — Далее в рукописи следует зачеркнутый текст: «Почему у тебя такие печальные глаза, Сереженька? И у твоего отца такие же были. — Это, наверное, печаль о грехе», — задумчиво объясняет он сам себе».

С. 101. *«Не жизни жаль с томительным дыханьем...»* — Цитата из стихотворения А.А. Фета «А.Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...», 1879).

...все труднее делаются поиски десяти праведников. — Подразумеваются библейские десять праведников, ради которых Господь обещал Аврааму не истреблять грешные города; но такого количества праведников не нашлось в Содоме (Быт. 18, 16–32).

Неофит (Осипов; 1875–1937) — архимандрит, настоятель крестового Сергиевского храма Троицкого Патриаршего подворья на Самотеке, личный секретарь Патриарха Тихона (1918–1922); после 1922 г. в ссылке в Усть-Выми, с 1927 г. в лагере; принадлежал к оппозиции митрополиту Сергию; скончался в Мариинском лагере.

С. 102. *Софья Ивановна.* — Возможно, Софья Ивановна Истомина, которая неоднократно привозила письма и передачи ссыльным архиереям и священникам.

С. 103. ...«собрание пестрых глав» — строка из посвящения романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

«Десять лет спустя» — роман А. Дюма (1848–1850).

С. 105. *«Холодный дом»* — роман Ч. Диккенса (1853).

Но такой был один... с горящими свечами в руках. — Далее в рукописи следует зачеркнутый отрывок: «Вот почему то время, когда я видел воочию свет Церкви, является для меня самым драгоценным в жизни, все равно, где бы оно ни было, это время: в тюрьме или на свободе. И вот почему воспоминание о камере 1922 года, когда я жил, если так можно сказать, в тюремной церкви, уже не просто воспоминание для меня, а живое и пребывающее ощущение».

С. 106. *«Потом бараки черным зевом...»* — Цитируемые стихи, по-видимому, принадлежат С.И. Фуделя.

С. 107. *...отец Спиридон... учил заканчивать Иисусову молитву так: «Богородице помилуй нас!»* — Соединение Иисусовой молитвы («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго») с окончанием тропарей троичных, входящих в состав утренних молитв.

...в этих четырех строчках две последние краденые (у Анненского и у Есенина)... — Ср.: «И, жутко задран, восковой / Глядел из гроба нос» (Анненский И. Ф. Черная весна (1906)); «Покатились глаза собачьи / Золотыми звездами в снег» (Есенин С. А. Песнь о собаке (1915));

Толстая-Попова Анна Ильинична (1888–1954) — внучка Л.Н. Толстого.

С. 108. *«Твоя от Твоих Тебе приносяще...».* — Возглас священника на литургии при возношении Святых даров.

У СТЕН ЦЕРКВИ

Отдельные выписки и заметки на разные темы накапливались у С.И. Фуделя в течение многих лет; некоторые из них использованы им в «Воспоминаниях», другие были в последние годы жизни (около 1974–1976 гг., судя по внутренним свидетельствам текста) собраны в составе данной работы; она была впервые опубликована в несколько отличающейся (по-видимому, более ранней) редакции в сборнике «Надежда», подготовленном З.А. Крахмальниковой (Франкфурт-на-Майне, 1979. Вып. 2; первоначально распространялся в самиздате). Переиздана (с сокращениями и не оговоренными изменениями текста) отдельной брошюрой: Фудель С. И. У стен Церкви. Макариев-Решемская обитель, 1997. Вып. 32/34 (Сер. Библиотека газеты «Свет православия»).

В английском переводе С. Куломзиной (и с ее же предисловием) книга была выпущена в США издательством Свято-Владимирской семинарии: Fudel S. Light in the Darkness (Recollections and Reflections of an Orthodox Christian in Russia Today). Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1989. В этом издании фрагменты работы С.И. Фуделя сгруппированы в десяти тематических главах.

При подготовке настоящего Собрания сочинений использовалась машинописная копия работы «У стен Церкви», переданная автором А.А. Бармину, и фрагменты ранних редакций с авторской правкой из архива Е.Н. Чернышевой. Для сверки использовалась также машинописная копия из собрания Н.В. Балашова. В немногих случаях предпочтение отдавалось тексту, опубликованному в сборнике «Надежда», если он представлялся более убедительным в смысле отсутствия случайных искажений.

Заглавие работы объясняют следующие строки из написанных ранее произведений С.И. Фуделя: «И вкусив Церкви, надо сознать себя... только стоящим у ее пречистых стен» («Церковь верных», т. 2 настоящего издания). «Видно, моя грешная судьба — все стоять только “около церковных стен”, из ночи греха ви-

деть горящий огнями храм, только издали слышать Божественные песни» («Мои детям и друзьям», с. 259 настоящего тома). Кроме того, название содержит аллюзию на известную книгу статей В.В. Розанова («Около церковных стен») и на полюбившееся Фуделею заглавие пьесы К. Гамсуна «У врат царства».

С. 111. *Мы вериги несем на теле...* — Строки из неопубликованного стихотворения С.И. Фуделя «На смерть Пастернака».

С. 112. *Серафим (Битюгов)* — см. примеч. к с. 71.

...в Дивееве у блаженной Марии Ивановны... — Мария Ивановна (так она называла себя; настоящее имя Мария Захаровна Федина; †1931), осиротев в раннем возрасте, странствовала между Саровом, Дивеевом и Ардатовом; с 1915 г. стала преемницей блаженной Паши Саровской, благословившей ее на подвиг юродства; пользовалась большой любовью и почитанием; за наставлениями к ней приезжали, в частности, епископ Варнава (Беляев; 1887—1963) и о. Валентин Свенцицкий.

Алексий Зосимовский — см. примеч. к с. 16.

С. 113. *Нектарий Оптинский* — см. примеч. к с. 59.

Владимир Кривоуцкий — см. примеч. к с. 87.

С. 114. «*У врат царства*» — название пьесы К. Гамсуна (1895).

...«близ есть, при дверех» — Мф. 24, 33.

С. 116. *Голубцов* Николай Александрович (1900—1963) — сын профессора Московской духовной академии А.П. Голубцова, окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию; работал, в частности, в библиотеке ВАСХНИЛ; рукоположен в 1949 г., служил в церкви Ризоположения на Донском соборе Донского монастыря; о нем см.: Выше славце ва О.Н. Пастырѣ во времена безбожия. СПб., 1994.

Солоухин Владимир Алексеевич (1924—1997) — писатель; одним из первых в 1960-х гг. заговорил в печати о варварском отношении к церковным памятникам в советское время. «*Черные доски*» (Москва. 1969. № 1) — его очерк, в котором описывается поиск старинных икон.

Антоний (Блум; р. 1914) — митрополит Сурожский; сын русского дипломата, окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны; работал врачом; принял монашество (1943) и священство (1948); с 1950 г. служит в Лондоне; с 1957 г. в сане епископа; архиепископ (1962), митрополит (1966). Автор множества проповедей и бесед, первоначально распространявшихся в России главным образом в самиздате.

Алексий Мечѣв — см. примеч. к с. 69.

Успенский Сергей Михайлович (1878—1937) — священник (1920), протоиерей (1924); служил в храмах Покрова на Лыщиках (1905—1910), Неопалимой Купины (1910—1929), Спаса на Песках (1929—1932); в 1932 или 1933 г. осужден на 3 года, но вскоре освобожден по состоянию здоровья; затем служил в Николо-Щеповском храме, активно помогал репрессированным и их семьям; вновь арестован и расстрелян в 1937 г.

С. 117. *Георгий* (Машурин; 1789—1836) — затворник Задонского Богородицкого монастыря, духовный писатель. См.: Письма Георгия, затворника Задонского. Воронеж, 1860.

Смарагда. — Дополнительных сведений о ней найти не удалось.

...епископ Тихон, сын... Льва Тихомирова... — См. примеч. к с. 61.

...отпевание его совершал местный архиерей... — Архиепископ Ярославский Димитрий (Градусов, † 1956) в то время был тяжело болен и находился на покое; епархией управлял епископ Угличский Исаия (Ковалев, † 1960); однако, по имеющимся сведениям, епископа Тихона († 26 марта 1955) отпевал тесно общавшийся с ним настоятель Феодоровского кафедрального собора и секретарь Ярославского епархиального управления иеромонах Никодим (Ротов, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский; † 1978).

С. 118. *«Пустыня внемлет Богу...»* — Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

...«всмотреться в вечность»... — Ср.: «Вглядываюсь в вечность» (Св. Игнатий [Брянчанинов]. Письма к мирянам. 40 // Сочинения епископа Игнатия: В 7 т. СПб., 1886. Т. 4. С. 505.

С одним из них добровольно приехал его келейник-монах... — Речь идет об епископе Афанасии (Сахарове) и иеромонахе Дамаскине (Жабинском). См.: Воспоминания. С. 76–77 наст. изд.

С. 119. ...«стуча веригами», как в «Детстве» и «Отрочестве»... — «Стуча веригами», в повести Л.Н. Толстого «Детство» молился юродивый Гриша (Гл. XII).

«Подвижники благочестия XVIII и XIX веков» — Имеются в виду книги Е. Поселянина; см. примеч. к с. 70.

Шик Михаил Владимирович (1887–1937) — принял крещение в 1918 г.; духовный сын о. Алексия (Соловьева). В 1925 г. рукоположен в диакона, служил в сергиево-посадской церкви Петра и Павла, где настоятелем был его друг о. Сергей Сидоров; в том же году арестован и сослан в Каракалпакскую АО, где в 1927 г. был рукоположен во священника; в 1928 г. вернулся в Москву, служил в московских храмах, в том числе в храме св. Николая на Маросейке. В 1930–1931 гг. служил в церкви св. Николая у Соломенной Сторожки; ушел за штат в связи с отказом поминать митрополита Сергия как местоблюстителя Патриаршего престола; поселился в Малоярославце (Калужская обл.), где принимал приезжавших из Москвы духовных чад и совершал богослужения на дому. Расстрелян вместе с о. Сергием Сидоровым.

...«небо открыто» — ср.: Деян. 7, 56.

«Всякою молитвою и прошением...» — Еф. 6, 18.

...валаамский иеромонах (Спиридон)... — О нем см. также: Воспоминания. С. 107 наст. изд.

В одном сибирском селе, где я жил с 1948 по 1951 год... — Большой Улуй (Красноярский край), где Фудель отбывал свою третью ссылку с конца лета 1947 по июнь 1953 г.

С. 120. *«Двадцатка»* — группа из двадцати или более граждан, которой, по советскому законодательству о религиозных культах, передавалось в пользование принадлежащее государству имущество храма; назначение членов «двадцатки», наделенных правом заключать договор найма со «служителем культа», как правило, контролировалось местной властью.

С. 121. ...далекие времена «Бурсы» Помяловского... — Имеются в виду «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского (1835–1863).

...«рука предающего Мя...» — Лк. 22, 21 (церк.-сл.).

«Не узнавши духа убивающего...» — Цитата из дневника св. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» (Полн. собр. соч. прот. Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1893. Т. 4. С. 55).

Фаддей — см. примеч. к с. 77.

Феофан (Быстров; 1873/1874—1940) — инспектор, затем ректор Санкт-Петербургской духовной академии; епископ Ямбургский (с 1909), затем Таврический, Астраханский, архиепископ Полтавский; эмигрировал с Белой армией в Болгарию; последние годы провел затворником во Франции. В 1905 г., в бытность инспектором академии, познакомил Распутина с в. кн. Анастасией Николаевной (женой Николая Николаевича) и ее сестрой Милицей Николаевной, которых окормлял духовно; в доме Николая Николаевича с Распутиным познакомилась и царская чета.

...«различение духов» — 1 Кор. 12, 10.

«Знаю твои дела...» — Откр. 3, 1.

Отец Валентин Свенцицкий — см. примеч. к с. 57.

С. 122. «Для чистого все чисто» — Тит. 1, 15.

...не выдергивайте на поле плевел... — Ср.: Мф. 13, 29.

С. 123. ...*один мудрый московский протоиерей называет этих женщин «православными ведьмами».* — Имеется в виду Всеволод Дмитриевич Шпиллер (1902—1984), с 1951 г. до кончины настоятель Николо-Кузнецкой церкви.

Я читал проповеди отца Валентина, которые он говорил по московским церквам уже после этих Бутырок... — См., напр.: Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру. Проповеди и поучения 1927—1928. М., 1995. Ранее эти проповеди распространялись в самиздате.

С. 124. «Будьте мудры, как змеи...» — Мф. 10, 16.

...*в период своих «вешних вод»...* — Ср. заглавие повести И. С. Тургенева «Вешние воды» (1871).

...«свет (Церкви) во тьме светит...» — Ин. 1, 5.

«Слово Божие живо и действенно...» — Евр. 4, 12.

С. 125. «Не любите мира» — 1 Ин. 2, 15.

«Ибо так возлюбил Бог мир...» — Ин. 3, 16.

...«не послал Бог Сына Своего...» — Ин. 3, 17.

«Вы — храм Божий» — 1 Кор. 3, 16.

С. 126. ...«не мир, но меч» — ср.: Мф. 10, 34.

«Но продуман распрядок действий» — строка из стихотворения Б. Л. Пастернака «Гамлет» (1946).

...«широта и глубина и превосходящая...» — Ср.: Еф. 3, 18—19.

...«царями и священниками» — Откр. 1, 6.

...«богами по благодати». — Подобные выражения употреблялись многими святыми отцами. Ср., напр.: «Нося светлоосиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими» (Симеон Новый Богослов, преп. Деятельные и богословские главы // Добротолюбие. М., 1900. Т. 5. С. 18).

С. 127. «Чтобы выдержать мучения, мученики первохристианства имели благодать не только в душе, но и в теле». — Источник цитаты не обнаружен.

...*начало преодоления «слишком человеческого»...* — Ср. название книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878).

«*Всякий подвижнический труд, чуждый любви, негоден Богу.*» — Максим Исповедник, преп. Слово подвижническое. Гл. 53 // Добротолюбие. М., 1900. Т. 3. С. 153.

С. 128. *«Ум не покоряется [кресту], если не покорится ему тело»... — Св. Исаак Сирий. Подвижнические наставления. Гл. 236 // Добротолюбие. М., 1895. Т. 2. С. 734.*

...пророчество святого Нифонта Цареградского... — Нифонт († ок. 1504), патриарх Константинопольский (1488–1490, 1499–1500); его пророчество см.: Из жизни св. Нифонта Цареградского // Преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1883. Приложение. С. 483.

«К свободе призваны вы...» — Гал. 5, 13.

«Все ешь, только людей не ешь». — Ср. изречение аввы Иперхия: «Лучше есть мясо и пить вино, нежели злоречием снедать братию» (Отечник: Избранные изречения святых отцов и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием [Брянчаниновым]. СПб., 1891. С. 257).

«Умоляю вас любовью Духа» — Рим. 15, 30.

С. 129. *...«овцы, не имеющие пастыря» — Мф. 9, 36.*

С. 130. *«Живая идея литургической соборности постепенно замирает в Церкви». — С.И. Фудель волюно передает смысл следующих слов автора статьи: «С XVII столетия на Руси началась эпоха увлечения “партесным” церковным пением. <...> Верующие русские люди <...> постепенно свыклись с вынужденной ролью пассивного, молчаливого “слушателя” богослужений. Живая идея песнословной соборности этим самым практически была похоронена» (Трубецкой Н., прот. Русское православное церковно-богослужбное пение // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 11. С. 68–69).*

С. 131. *...это место филологически нельзя понимать иначе... — По мнению большинства современных переводчиков и экзегетов, греческий текст допускает двоякое толкование.*

«Вера от слышания...» — Рим. 10, 17.

С. 132. *Это «пыль веков», ошибки переписчиков, переводчиков. — Некоторые «несуразности» славянского текста, приведенные далее С.И. Фуделем, связаны не только с ошибками переписчиков и переводчиков, но и с паронимическими значениями многих славянских слов, употребляемых и в русском языке.*

С. 133. *Иларион (Троицкий; 1886–1929) — архиепископ Верейский, находился в Соловецком лагере в 1924–1929 гг.; скончался в ленинградской тюрьме «Кресты».*

П. Ш. — Петр Алексеевич Шипков (1881/1888–1959) — священник, друг о. Серафима (Битюгова); рукоположен в 1921 г. патриархом Тихоном, служил в московской церкви св. Никиты; арестован в 1925 г.; в 1928 г. ушел в катакомбную церковь вместе с о. Серафимом; многократно подвергался арестам (в заключении и ссылке провел около 30 лет); с 1934 г. жил в Загорске, работал на кустарной фабрике бухгалтером и одновременно продолжал духовническую деятельность; в 1943 г. вновь арестован; после освобождения служил настоятелем собора в Боровске (Калужская обл.).

Живоцерковники — см. примеч. к с. 66.

...«оцеживание комаров и поглощение верблюдов» — ср.: Мф. 23, 24.

...«суббота для человека...» — Мк. 2, 27.

«Если у кого из вас недостает мудрости...» — Иак. 1, 5.

«Ищите прежде Царства Божия...» — Мф. 6, 33.

С. 134. *С. Ив. — Возможно, Софья Ивановна Истомина (см. примеч. к с. 102.) ...открытое письмо очень известного тогда архиерея... — Цитируется письмо*

архиепископа Антония (Храповицкого; 1863—1926), связанное с наступлением 25-летия его служения в священном сане. Строжайше запретив подведомственным духовенству и друзьям принимать какое-либо участие в подготовке юбилея, Антоний завершал письмо словами: «Не хочу укорять архиереев, смотрящих на это дело иначе, но я сам для себя решил еще в молодости поступать так» (Странник. 1910. Декабрь. С. 759—760).

С. 135. «*О Пасха велия и священнойшая...*» — Тропарь 9 песни Пасхального канона.

...«*апостольская*» — см. Символ веры: «...во едину святую, соборную и апостольскую Церковь».

«*Я с вами во все дни...*» — Мф. 28, 20.

...*кроме этого Предания с большой буквы... есть еще много преданий с маленькой...* — Ср. известную С.И. Фуделя статью В.Н. Лосского «Предание и предания» (Журнал Московской Патриархии. 1970. № 4).

«*В первый же день недели...*» — Деян. 20, 7—11.

С. 136. «*Дух дышит, где хочет*» — Ин. 3, 8.

...*нашел случайно у святого Фомы Аквинского...* — Около 1972 г. С.И. Фудель по заказу одного из церковных учреждений работал над переводом (с английского издания) важнейшего памятника латинской схоластики — «Summa theologiae» Фомы Аквинского. Многочисленные выписки, сделанные им в процессе работы, отражают полемику Фуделя с Аквинатом и католическим богословием в целом.

С. 137. «*В доме Отца Моего...*» — Ин. 14, 2.

«*Да возвеселится сердце мое...*» — Пс. 85, 11.

...«*начало премудрости...*» — Притч. 1, 7.

...«*и бесы веруют, и трепещут...*» — Иак. 2, 19.

...«*веры, действующей любовью...*» — Гал. 5, 6.

«*Пригвозди страху Твоему плоти наша и... любовьию Твоею уязви души наша.*» — Слова из молитвы 6-го часа.

С. 138. «*Сокровище смиренных*» — название философско-этического трактата М. Метерлинка (1896).

«*Это была наша счастливая жизнь...*» — Окончание фразы в рукописи отсутствует.

С. 139. Лосский Владимир Николаевич (1903—1958) — православный богослов, сын философа Н.О. Лосского; выслан с родителями из СССР в 1922 г.; начальник парижского Братства св. Фотия, инспектор и преподаватель догматического богословия во Французском православном институте св. Дионисия.

«*Невозможно всегда оставаться только зрителем литургии.*» — Ср. воспоминания О. Клемана о В.Н. Лосском: «Причащался он каждое воскресенье, решительно утверждая, что на службе Евхаристии нельзя присутствовать “в качестве зрителя”» (Clément O. Vladimir Lossky, un théologien de la personne et du Saint-Esprit // Вестник Русского Западно-Европейского экзархата. 1959. № 30—31).

Макарий (Даев; 1888—1960) — епископ (1944), архиепископ Можайский (1951), викарий Московской епархии.

...*перефразируя Колю Красоткина...* — Имеются в виду слова персонажа романа Ф.М. Достоевского: «Мужики бывают разные» (Братья Карамазовы. Ч. IV. Кн. 10. Гл. 3).

С. 140. У Варсонофия Великого есть прямые слова о том, что и святые ошиба-

лись. — Ср.: «Не думайте, чтобы люди, хотя и святые, могли совершенно постигнуть все глубины Божии. <...> Святые <...> сохранили и то, что приняли от прежних учителей своих, то есть учение неправое. Преуспев впоследствии и сделавшись учителями духовными, они не помолились Богу, чтобы Он открыл им относительно их учителей <...> и таким образом мнения учителей их перемешались с их собственным учением» (Преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководствo к духовной жизни. Ответ 610).

...ошибался «вероуительно» даже и апостол Петр. — См.: Гал. 2, 11–14.

«Уст твоих, якоже светлость огня...» — Начальные строки тропаря св. Иоанну Златоусту.

«И Твое сердце оружие пройдет...» — Лк. 2, 35.

«Яко призре на смирение...» — Лк. 1, 48.

С. 141. ...«икона есть явление будущего века». — Из доклада в Московской духовной академии (декабрь 1966 г.), распространявшегося в самиздате. Опубл. в кн.: Антоний, митр. О встрече. СПб., 1994. С.144.

«Жажду» — Ин. 19, 28.

...«оцет, смешанный с желчью» — ср.: Мф. 27, 34.

Зосимова пустынь. — См. примеч. к с. 14.

«Мы не знаем, о чем молиться...» — Рим. 8, 26.

«Праведен суд Твой...» — Ср.: Пс. 118, 137.

С. 143. «Отыми сердце каменное...» — Слова из «Молитвы святого Амвросия, епископа Медиоланского, пресвитером, готовящимся к служению святых литургий».

«Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!»... «Жизнь вечная есть утешение в Боге». — См.: Исаак Сириин. Слово 38 // Творения аввы Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1911. С. 160.

«Кто отвалит нам камень...» — Мк. 16, 3.

«Камень — это недуг души...» — См.: Поучение в Неделю жен-мироносиц // Сочинения епископа Игнатия [Брянчанинова]. СПб., 1886. Т. 4. С. 52.

С. 144. «...Даруй Леониду...» — Красноповков Лев Васильевич (1817–1876) — будучи морским офицером, познакомился с архимандритом Игнатием, был им обращен к вере и состоял с ним в переписке; по выходе с военной службы поступил в Московскую духовную академию; пострижен в монашество с именем Леонид; впоследствии стал одним из известнейших архиереев Русской Церкви.

«Церковь — это ошутимо начавшееся богообщение». — Вольная передача слов из книги иеромонаха (впоследствии архиепископа Иркутского, после четырех арестов расстрелянного в лагере) Гурия (Степанова; 1880–1938) «Буддизм и христианство в их учении о спасении» (Казань, 1908), в которой о сошествии Святого Духа сказано: «Для верующих это было <...> явным свидетельством новой жизни и ошутимо начавшееся богообщения» (С. 191).

«Вся права суть разумеваюшим...» — Прит. 8, 9.

«Церковь — это не стены...», — говорил Златоуст. — Цит. по кн.: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святых горы Афонския инока Парфения. М., 1856. Ч. I. С. 57.

С. 145. «Раскаянность — уже степень святости»... — См.: Ельчанинов А., священник. Записи. Париж, 1962. С. 144.

Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) — протоиерей; школьный друг о. Павла Флоренского, в предреволюционные годы один из организаторов «Христианского братства борьбы» (вместе с В.Ф. Эрном и В.П. Свенцицким);

преподаватель, религиозный публицист, автор работ по истории религии; с 1920 г. жил во Франции; священник русского храма в Ницце (с 1926).

Глинская пустынь — Глинская Рождество-Богородицкая пустынь — монастырь близ Путивля, основан в 1557 г.; в 1922 г. ликвидирован; в 1942 г., в период немецкой оккупации, пустынь была открыта и закрыта вновь в 1961 г.; в 1994 г. возвращена Русской Православной Церкви. Наиболее известными старцами Глинской пустыни во второй период ее существования были: архимандрит Нектарий (Нуждин; 1863—1944), который восстановил обитель в 1942 г.; иеросхимонах Серафим (Амелин; 1874—1958); схиархимандрит Андроник (Лукаш; 1889—1978), неоднократно арестовывавшийся и несколько раз сосланный на Колыму; схиархимандрит Серафим (Романцов; 1885—1976); архимандрит Таврион (Батозский; 1898—1978), многолетний узник ГУЛАГа, настоятель пустыни в 1957—1958 гг.

С. 146. *«Власть ключей»* — это выражение, распространенное преимущественно в латинском богословии, С.И. Фудель заимствовал из книги С.И. Смирнова «Духовный отец в древней Восточной Церкви» (Сергиев Посад, 1906. Ч. 1. С. 170—171, 240—243, 302—307); оно восходит к евангельским словам Иисуса, сказанным апостолу Петру: «Дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16, 19), а также к ветхозаветному пророчеству: «Ключ дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет; запрет он, и никто не отворит» (Ис. 22, 22). Отцы Церкви относили эти слова к праву прощать грехи и отворять тем самым врата неба для кающихся грешников. Согласно богословскому мнению Оригена, Дионисия Ареопагита, преподобных Нила Синайского, Исидора Пелусиота, Варсануфия Великого и Симеона Нового Богослова, такое право принадлежит не всякому епископу или священнику, но связано с особой харизматической одаренностью и зависит от чистоты жизни священнослужителя.

...*«вязать и решать»* — см.: Мф. 18, 18.

Иоанн Бычков — биографические сведения обнаружить не удалось.

С. 147. *«Иисусе, тепло любимая»*... — См.: 12-й икос акафиста Иисусу Сладчайшему.

Епископ Феофан Затворник... как и многие отцы, учил, что надо искать свои слова для молитвы. — Ср.: «Надо приобретать навык к молитвенным оборотам мыслей и движениям чувств по чужим молитвам, как учатся иностранным языкам по печатным разговорам... По мере того, как станешь навыкать молиться как следует по чужим молитвам, начнут у тебя возбуждаться и свои молитвенные к Богу обращения и возвания... Всякий раз, как они возбуждятся, остановись и молись своею молитвою» (Феофан, еп. Письма о духовной жизни. М., 1897. С. 126—128).

...*«молитва рождается от любви».* — Ср.: «Все добродетели между собой связаны, как звенья духовной цепи, одна от другой зависит: молитва от любви, любовь от радости...» (Добролюбие. М., 1895. Т. 1. С. 215).

«Возлюбим скорбь, чтобы обрести Бога». — См.: Древний патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 30 (гл. III. 1).

С. 148. *«Относительно правила молитвенного... имейте свободу с рассуждением».* — См.: Сочинения епископа Игнатия. СПб., 1886. Т. 7. С. 14.

Назаров Борис Михайлович (1884 — ?) — военно-морской инженер, в 1917 г. — старший лейтенант флота, в 1920-х гг. работал инженером-механиком в Ленинграде. В 1929 г. арестован за участие в религиозно-философском кружке «Воскресенье» А.А. Мейера, осужден на 10 лет заключения. Освобожден по зачетам в 1937 г. Жил в Хвалынске Саратовского края.

«Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся». — См. примеч. к с. 41.

С. 149. «Где двое или трое собраны...» — Мф. 18, 20.

...«храме Тела Его» — ср.: Ин. 2, 21.

«Да двое едино будут». — Слова, заимствованные из латинского эпитафия-визитки на первой странице книги священника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины»: «Finis amoris, ut duo unum fiant» («Предел любви — да двое едино будут»). Ср.: Ин. 17, 21–22.

С. 150. «Потерять веру в факт первородного греха опаснее, чем потерять веру в Бога». — Это высказывание принадлежит писателю Ж. Бернаносу (1888–1948).

С. 151. ...старуха Адриановна с дочерью Сашей. — Неустановленные лица.

«Честна пред Господом смерть преподобных Его». — Прокимен из службы преподобным отцам (Пс. 115, 6).

«Тем человеком, в котором пребывает вера, она создается через внутренний акт сердца». — См.: Thomas Aquinas. Summa theologiae. Pars I. Q. 87. Art. 2. Ad 1.

С. 153. ...«первой любви» — Откр. 2, 4.

Прейс — см. примеч. к с. 53.

Тогда в Москву (на жительство в Загорске) переехал из Петрограда В.В. Розанов... — См. примеч. к с. 69.

Дурылин — см. примеч. к с. 44.

Герье Владимир Иванович (1837–1919) — историк, профессор Московского университета, организатор и первый директор (1872–1888) Высших женских курсов в Москве, в октябре 1918 г. преобразованных во 2-й Московский государственный университет.

о. В. — Вероятно, имеется в виду протоиерей Владимир Николаевич Воробьев (1876–1940), настоятель церкви Николая в Плотниках после кончины о. Иосифа Фуделя, член епархиального совета (1923), благочинный Дорогомиловского сорока (1925); неоднократно находился под арестом (1924–1925, 1930–1931, 1938–1940), в Свирлаге (1931–1932), в ссылке (1932–1938); скончался в тюрьме г. Куйбышева.

С. 154. ...среди писем одного старца епископа... — Имеется в виду митрополит Макарий (Парвицкий-«Невский»; 1835–1926), сотрудник (1855), затем начальник (1883) Алтайской духовной миссии, епископ Бийский (1884), Томский (1891), архиепископ (1906); митрополит Московский (1912–1917). Причтен к лику святых Архиерейским Собором 2000 г.

«...С души как время скатится...» — строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839).

Новоселов — см. примеч. к с. 62.

Мансуров — см. примеч. к с. 62.

С. 155. «Религиозно-философская библиотека». — В этой серии, издававшейся первоначально в Вышнем Волочке, а затем в Москве и Сергиевом Посаде, с 1902 по 1917 г. вышло около 60 книг и брошюр, а также более 80 листов с выдержками из трудов святых отцов и русских писателей и ученых. См.: Полищук Е. С. Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994. С. XVI–XVIII.

«Забытый путь опытного богопознания». — «Забытый путь опытного богопознания (в связи с вопросом о характере христианской миссии) (Вышний Волочек, 1902) — первая книжка «Религиозно-философской библиотеки» Новоселова. В своем докладе в Московской духовной академии 31 января 1966 г., текст которого распространялся в самиздате, митрополит Антоний сказал: «Когда я был

еще юношей, мне в руки попала книжка <...> “Забытый путь опытного богопознания”. Она тогда произвела на меня большое, глубокое впечатление. Она состояла главным образом из выдержек св. отцов и позднейших богословов, показывающих, что религиозное богословие является словом о Боге, свидетельством о внутреннем опыте».

...«*во плоти жил духовно, на земли — небесно...*» — См.: Акафист преподобному Сергию Радонежскому, икос 9.

С. 156. *Хилиазм* — см. примеч. к с. 65.

«*Гога и Магога*» — Откр. 20, 7.

С. 157. «*Спаси мя, Господи...*» — Пс. 11, 2.

С. 158. «*Главная ошибка нашей молодежи...*» — См.: Ельчанинов А., свящ. Записи. С. 113.

Варсонофий Великий учил... «беречь глаза»... — Ср.: «Когда... кто будет на торгу и вообще вместе с другими, то не следует молиться устами, но одним умом. При сем надлежит соблюдать глаза, для избежания рассеяния помыслов и сетей вражиих» (Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ 717).

...«*в малой капле вод*». — Цитата из оды Г.Р. Державина «Бог» (1784): «Во мне Себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод».

«*Непрестанно молитесь*» — 1 Фес. 5, 17.

«*Ум устаем...*» — Ср.: Песн. 5, 2.

Митрополит Кирилл — см. примеч. к с. 77.

С. 159. «*Монастырь в миру*», или «*белое монашество*», есть утверждение узкого пути Евангелия для всех... «*Монашество в миру*» никто не придумывал... — Фудель развивает здесь взгляды, высказывавшиеся о. Валентином Свенцицким: «Монастырь в миру — это не моя мысль. Это мысль святоотеческая. Святой Иоанн Златоустый говорит следующее: “Мы должны искать пустынножителство не только в каких-либо местах, но и в самом произволении и прежде всего душу свою ввести в самую необитаемую пустыню”». По мнению Свенцицкого, новая эпоха гонений на Церковь настоятельно требует создания «невидимого монастыря в миру <...> дабы те побуждения, которые влекли людей в монастырь, нашли себе удовлетворение здесь, в миру, ввиду невозможности уйти за каменные монастырские стены. <...> Человек <...> и не уходя из мира, должен идти по пути такого же внутреннего делания, которым шли люди в условиях прежней монастырской жизни» (Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру. С. 5, 9, 11). Те же мысли высказывались о. Валентином в его «Диалогах» (гл. VII. О монашестве). Идея «монастыря в миру» имела широкое хождение в начале XX в.: ее распространение восходит к деятельности известных московских подвижников прот. Валентина Амфитеатрова (1836–1908), прот. Алексия Мечева. См.: Маросейка. Жизнеописание отца Сергия Мечева. Письма. Проповеди. Воспоминания / Сост., примеч., вступ. ст. С.С. Бычкова. М., 2001. С. 23, 75.

С. 160. «*В сердце жизнь...*» — См.: Феофан, еп. Письма о христианской жизни. СПб., 1880. С. 378.

Клаас — герой романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных деяниях во Фландрии и других краях» (1867), отец Тиль Уленшпигеля, несправедливо обвиненный и сожженный на костре как еретик. «Пепел Клааса стучит в мое сердце», — повторял Тиль, объясняя свою борьбу против испанских католиков за свободу Фландрии.

«Путь Отцов» — название работы С.И. Фуделя (см. т. 2 наст. изд.).

С. 161. *Чулков* — см. примеч. к с. 64.

В заботах каждого дня... — Стихотворение В.Ф. Ходасевича (1916–1917) из сборника «Путем зерна».

«Взбранной Воеводе...» — 1-й кондак акафиста Пресвятой Богородице.

Мария (ок. 1880–1961) — схиигуменья, пострижена в мантию с именем Арсения ок. 1900 г. во Владимирском Вольском монастыре Саратовской губ., после закрытия монастыря нелегально (с чужими документами) поселилась в Загорске, неподалеку от о. Серафима (Битюгова), с которым поддерживала близкое духовное общение (как и с о. Петром Шипковым); руководила женской монашеской общиной. По воспоминаниям о. Александра Меня, на которого схиигуменья Мария оказала большое влияние в детские годы, «она была совершенно лишена черт ханжества, старверия и узости... У матери Марии была черта, роднящая ее с оптинскими старцами... — открытость к людям, их проблемам, их поискам». См.: Басин И. В. Схиигуменья Мария и подпольный женский монастырь // *Χριστιανός*. Рига, 1998. Вып. VII.

...*читать «Богородицу»*. — Имеется в виду молитва: «Богородице Дево радуйся...»

«Богородицею помилуй нас»... — Окончание троичных тропарей, входящих в состав утренних молитв и великопостной утрени.

С. 162. *«Мы приближаемся к печатям»*. — Речь идет о видении Иоанна Богослова (Откр. 5–8), в котором снятие семи печатей с таинственной книги открывает конечную эпоху жизни мира, наполненную губительными катастрофами.

...*«остановившей безумие пророка»* — 2 Пет. 2, 16.

Брэдбери... вложил в сердца людей христианской цивилизации... идею заучивания и аизустъ глав Евангелия, чтобы пронести их в темноте как золотые звенья человечества. — В романе американского фантаста Рея Брэдбери «451° по Фаренгейту» (1953; рус. пер. 1956) последние носители запрещенной и уничтожаемой книжной культуры, объединившись в тайное сообщество, заучивают тексты самых разнообразных книг — от Библии до собрания сочинений атеиста Бертрона Рассела, надеясь дожить до времени, когда печатание книг вновь будет разрешено. «Все мы — обрывки и кусочки истории, литературы, международного права. Байрон, Том Пейн, Макиавелли, Христос — все здесь, в наших головах», — говорит один из них.

Гоголь издавал свою благочестивую «Переписку»... — Речь идет о книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1843–1846).

С. 163. ...*«мудрым, как змей...»* — ср.: Мф. 10, 16.

«Все из Него...» — Рим. 11, 36.

...*как говорит тот же апостол, цитируя в своей религиозной проповеди языческие стихи, «мы Его и род»*. — Апостол Павел использовал полустихие греческого поэта Арата (ок. 315–240 до н. э.), повторенное также стоиком Клеанфом из Асс (331–251 до н. э.) в его гимне Всевышнему Богу.

«Крылом своим меня одень...» — Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Гютчева «День вечерет, ночь близка...» (1851); ср.: «Для очарованной души».

...*из воспоминаний об отце одной его близкой духовной дочери.* — Далее близко к тексту воспроизводится фрагмент главы 2 переписанных рукою С.И. Фуделя «Кусочков воспоминаний духовной дочери». Рукопись хранится в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье»; подписана: Н. В. У. Идентифицировать автора не удалось.

С. 165. «Согрешил против неба...» — Лк. 15, 18–19.

...«добродетель воли». — Цит. по: Черемухин П. А. Учение о домостроительстве спасения в византийском богословии // Богословские труды. 1964. Сб. 3. С. 166.

Сущность этого закона антиномий хорошо раскрыта Флоренским. — См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины. Письмо 6: Противоречия.

С. 166. ...лютеранское «спасение только верой», без необходимости подвига и «добрых дел». — По учению М. Лютера, сформулированному в полемике с римско-католическим учением об индульгенциях и «сверхдолжных заслугах» святых, человек может обрести спасение только верой (sola fide), а не в результате «добрых дел» или «удовлетворения» Божия правосудия.

...«паче ума»... — Вероятно, имеются в виду слова преподобного Феодора Едесского: «Благ же сих, паче ума великих, сподобиться мы можем не от дел <...> но по безмерной милости Божией» (Деятельные главы. 78 // Добротолюбие. Т. 3. С. 338).

«Помощник и Покровитель...» — Ирмосы Великого канона, которые поются при погребении священников.

С. 167. «Дуновение Иисусово». — Ср. слова Оригена: «Тот, кто получил дуновение от Иисуса, как апостолы <...> такой человек отпускает такие грехи, которые бы отпустил Бог, и удерживает неисцелимые грехи» (цит. по: Смирнов С. И. Духовный отец в древней Восточной Церкви. Ч. 1. С. 242–243). Ориген имел в виду следующий евангельский текст: «Иисус... дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 21–23).

«Монашество — это не одежда...» — Вольная передача слов преподобного Ефрема Сирина: «Не пострижение и одеяние делают монахом, но небесное желание и Божественное житие, в которых обнаруживается совершенство жизни» (Добротолюбие. Т. 2. С. 451).

...беседа преподобного Серафима «О цели христианской жизни»... — См.: Серафим Саровский, преп. О цели христианской жизни. Сергиев Посад, 1914 (неоднократно переизд.).

С. 168. «Я рассудил быть у вас...» — 1 Кор. 2, 2.

С. 169. «Великого Совета Ангел» — Ис. 9, 6.

...«любовь рождает знание»... — Слова св. Григория Нисского, вынесенные (в греческом оригинале) в эпиграф книги о. П. Флоренского «Столп и утверждение истины».

«Призывание имени Иисуса Христа...» — См.: Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1884.

С. 170. ...«времени больше не будет» — Откр. 10, 6.

«Все возможно верующему» — Мк. 9, 23.

С. 171. ...«ищите Царства Божия» — Мф. 6, 33.

«Уврат царства» — см. примеч. к с. 114.

С. 172. ...епископ Стефан, когда-то духовный сын отца Алексия Мечёва... — См. примеч. к с. 55. По имеющимся жизнеописаниям, епископ Стефан (тогда еще мирянин С.А. Никитин) стал посещать храм на Маросейке уже после смерти о. Алексия и не мог быть его духовным сыном.

...как говорили Паскаль и Флоренский, к человеку приходит не бог философов и

ученых, но Бог Авраама, Исаака и Иакова... — Имеется в виду записка («амулет») Б. Паскаля, цитированная о. П. Флоренским. См. работу С.И. Фуделя «Начало познания Церкви» (т. 3 наст. изд.).

С. 173. ...«если не будет явления Христа в нас...» — См.: Симеон Новый Богослов, преп. Слова. М., 1892. Вып. 2. С. 112.

«Се, Человек.» — Ин. 19, 5.

Рафаил (Шейченко; †1957) — иеродиакон Оптиной пустыни; после закрытия монастыря в 1928 г. жил в Козельске, затем был арестован и до 1932 г. находился в лагере в Дмитровском районе Московской области; за совершение тайных богослужений получил 15 лет лагерей и направлен на Соловки; в середине 40-х гг. активирован по инвалидности; рукоположен во иеромонаха митрополитом Николаем (Ярушевичем), добился открытия Благовещенской церкви в Козельске и служил в ней; был оклеветан в сотрудничестве с фашистами одним из священников и приговорен к 5 годам лишения свободы; по окончании срока в 1955 г. вернулся в Козельск, где служил в Благовещенском храме под началом оклеветавшего его священника.

«Нет большие той любви...» — Ин. 15, 13.

...во время такой же своей сухой, но упорной молитвы о молитве точно луч сошел в его сердце от иконы Богоматери, и озаренное сердце стало молиться. — Об этом случае, не называя имени подвижника, рассказывал св. Феофан Затворник (Душеполезное чтение. 1896. Т. 1. С. 357).

С. 174. «Если существует “Троица” Рублева, то, значит, есть Бог». — Ср. статью о. П. Флоренского «Троице-Сергиева лавра и Россия» в сб.: Троице-Сергиева лавра (Сергиев Посад, 1919).

...дама, по фамилии, кажется, Пушкина... — В.Н. Пушкина, выступавшая на «теософических беседах», упоминается в «Дневнике теософа» А.А. Каменской (1919).

...«ибо как молния...» — Мф. 24, 27.

С. 175. ...«сия есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, ибо почил от всех дел Своих...» — Ср.: «Сия бо есть благословенная суббота. Сей есть упокоения день, вонже почи от всех дел Своих...» (Стихира на «хвалитех», утренняя Великой субботы).

«Не я ли, Господи?» — Мф. 26, 21, 22.

...тогда умерли все его старцы: и отец Анатолий Оптинский, и отец Алексий Мечёв, — и он остался один. — Об о. Анатолии см. примеч. к с. 59. Теллые воспоминания о нем сохранились в записях С.Н. Дурылина 1926 г., составленных уже после отхода от священства и содержащих немало критических суждений о Церкви и духовенстве (Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991).

...того «веселия вечного», о котором поется в пасхальную ночь. — Ср. тропарь из 1-й песни Пасхального канона: «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется <...> Христос бо воста [воскрес], веселие вечное».

С. 177. «Дам тебе я на дорогу образок святой...» — Строки из «Казачьей колыбельной песни» М.Ю. Лермонтова (1840).

...«одну молитву чудную»... — Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839).

...в тех «косых лучах», о которых так хорошо потом говорил Достоевский... — Образ «косых лучей заходящего солнца», занимающий особое место в творчестве Ф.М. Достоевского (см., например: Братья Карамазовы. Ч. I. Кн. I. Гл. 4), был темой работы С.Н. Дурылина «Об одном символе у Достоевского: Опыт тематического обзора» (Достоевский: Сб. статей. М., 1928).

...у нас жила близкая нам простая женщина. — Матрона Петровна Лучкина (инокиня Матрона; 1881 — 1959), няня детей С.И. Фуделя, родом из с. Воча, ныне Сольвычегодского района Архангельской области; жила у Фуделей как член семьи с 1924 г. и до конца жизни.

С. 179. *«Церковь есть Тело Его»* — ср.: Кол. 1, 24.

«Се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершена доносится...» — Поселение великого входа на литургии Преждеосвященных даров.

«Совет пречечный...» — Стихира на «Господи, воззвах» праздника Благовещения.

«Премудрость созда себе дом» — Прит. 9, 1.

...*Хомяков сказал, что Церковь — это «основное таинство мироздания».* — Источником цитаты С.И. Фуделю послужил самиздатский текст доклада митрополита Сурожского Антония в Московской духовной академии 31 января 1966 г. Ср. ближайшие из обнаруженных мест у А.С. Хомякова: «Семь таинств совершаются <...> всю Церковью в одном лице. <...> Церковь живет на земле не земною человеческою жизнью, но жизнью Божественною и благодатною» (Церковь одна. § 8–9 // Хомяков А.С. Сочинения. Т. 2. С. 12, 15.

С. 180. *...основание догмата о Софии.* — Имеется в виду богословское мнение о. П. Флоренского, о. С. Булгакова и др., не провозглашавшее Церковь в качестве догмата. Об отношении С.И. Фуделя к софиологии см.: Воспоминания. С. 68 наст. изд.

«Те, которые, не имея закона согрешили...» — См.: Ельчанинов А., свящ. Записи. С. 47.

«Дело закона у них...» — Рим. 2, 15.

«Простой индус, верящий во Всевышнего... спасется». — Эти слова С.И. Фудель заимствовал из распространившихся в самиздате «Воспоминаний о старце иеромонахе Нектарии» архимандрита Бориса (Холчева). Впервые опубл.: Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1980. Вып. 4.

С. 181. *«Царство Божие нудится»* — Мф. 11, 12.

С. 182. *Старец Силуан Афонский, умерший накануне Второй мировой войны, писал...* — Силуан (Антонов; 1866–1938) — крестьянин Тамбовской губернии, послушник Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (1892), монах (1896), схимонах (1911); причислен к лику святых в 1988 г. Цитированные С.И. Фуделем слова принадлежат неназванному афонскому монаху, который рассказал старцу Силуану о своем видении; присутствовавший при этом биограф Силуана иеромонах Софроний (Сахаров) отметил: «От оценки видения мы уклоняемся. Мы слушали его без малейшего проявления своего отношения к рассказанному им, следуя суровому правилу афонских отцов — быть особенно осторожными, когда речь идет о видениях» (Софроний, иером. Старец Силуан. М., 1991. С. 188; С.И. Фудель пользовался самиздатской перепечаткой парижского издания книги о. Софрония).

С. 183. *«Жена, когда рождает...»* — Ин. 16, 21.

...*«средство для великого восхождения к Богу».* — Ср.: «Если хочешь вырасти, позволь противоречиям изнашивать тебя, они — твой путь к Господу. Нет в этом мире другого пути. Согласись, прими страдание, и оно поможет тебе подняться» (Сент-Экзюпери А. де. Цитадель. Гл. XLIX).

«Смысл страданий — участие в страданиях Христа...» — См.: Ельчанинов А., свящ. Записи. С. 39.

С. 184. *«Где любовь, там нет страдания, а если оно есть, его любишь».* — Источник цитаты не выявлен.

С. 185. *...так называемый «христианский атеизм»...* — Это выражение С.И. Фудель позаимствовал из статьи А. Рогова «О христианских атеистах и Христосомонавте» (Известия. 1969. № 144. 20 июня).

«Церковь Бога Живаго» — 1 Тим. 3, 15.

«Где нет... любви — нет и Церкви...» — Неопубликованная проповедь митрополита Антония цитируется по первому самиздатскому собранию его выступлений (1967).

«Тело Господне истинное, но смешанное...» — Слова блаженного Августина цит. по: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1907. Т. 2. С. 418.

«Попечения о плоти...» — Рим. 13, 14.

«Более же всего облекитесь в любовь...» — Кол. 3, 14.

...«лучше поражение со смирением, чем добродетель с гордостью». — Ср.: «Лучше люблю поражение со смирением, нежели победу с гордостью» (Изречения старцев... которых имена не дошли до нас // Отечник... СПб., 1891. С. 368).

«Всякая добродетель есть любовь». — Ср.: «Щель всякой заповеди есть любовь» (Августин, блаж. Эхиридион Лаврентию. Гл. 121).

С. 187. *...«любовь не ищет своего»* — 1 Кор. 13, 4, 5.

«Чтобы положить основание любви, надо начать с жертвы». — Цитата из книги А. де Сент-Экзюпери «Военный летчик» (1942). См.: Сент-Экзюпери А. де. Сочинения. М., 1964. С. 416.

С. 189. *Лебедянь* — город в Липецкой области, где С.И. Фудель жил с лета 1952 до начала января 1953 г.; место действия рассказа И.С. Тургенева «Лебедянь» из цикла «Записки охотника».

Странник Иларион, Катя — неустановленные лица.

С. 190. *В одном большом московском храме я наблюдал в праздник такое явление. Выходит священник... идет с чашей в боковой придел, где и причащает. «Тело Христова примите» здесь уже не поется: нельзя отвлекать людей от слушания проповеди.* — Имеется в виду, вероятно, Богоявленский собор в Елохове, где такая практика многие годы была обычной.

С. 192. *...я вошел в алтарь. И вот он властно поднял руку, останавливая меня...* — В описанный период о. Валентин Свенцицкий был поборником строгого соблюдения церковных канонов. Ср. его проповедь 1927 г.: «Есть канон Церкви, воспевающий мирянам ходить в алтарь, <...> надлежит восстановить должное отношение к церковным правилам, тогда у нас не будет <...> ни хождения в алтарь, ни многого того, что у нас есть ныне» (Свенцицкий В., прот. Беседы о духовной жизни. С. 444).

С. 193. *...«лишь только... я на сие решился... Царствие Божие внутри сердец наших».* — Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1884. С. 82.

«Плачу и рыдаю...» — Стихира из последования погребения.

«Страждет плотию Бог...» — Канон крестовоскресный, глас 3, песнь 8.

С. 194. *...Флоренский как-то прислушивался к Оригену...* — Имеется в виду богословское мнение Оригена (ок. 185–254) об очищающем характере гееннского

огня, посредством которого в будущем всем падшим существам откроется путь возвращения к безгрешному состоянию и воссоединения с Богом.

Матушка Матреша — неуставленное лицо.

...у стен закрытого монастыря... — Речь идет об общежительном Димитриевском женском монастыре в с. Троекурове, расположенном в 11 километрах от Лебедяни; учрежден в 1871 г. на основе женской общины, образовавшейся при Свято-Димитриевской церкви из почитательниц блаженного Илариона Фокина; обитель закрыта в 1920-е гг. В 1991 г. началось восстановление Свято-Димитриевской церкви, которая стала действовать в качестве приходской.

Блаженный Иларион (Фокин Иларион Мефодьевич; † 1853) — крестьянин Рязанской губернии; в конце XVIII в., вскоре после свадьбы, оставив жену, тайно уединился в лесу, где вел аскетическую жизнь; с 1824 г. поселился в келии, построенной для него близ Троекурова; принимал многочисленных паломников, приходивших за советом, в том числе — А.М. Гренкова (впоследствии иеросхимонаха Амвросия), который по его благословению отправился в Оптину пустынь. Могила Илариона пользуется народным почитанием; в 2000 г. были обретены останки подвижника.

С. 195. ...«Любовь в нас вложена как зерно». — Указанный автором источник цитаты (М.М. [Макарий (Невский), митр.] Письма к духовной дочери. Сергиев Посад, 1915) оказался недоступен, в современном переиздании (М., 1999) цитата не обнаружена.

С. 196. «Как любовь к Богу, созидающая Град Божий...» — Ср.: «Два рода любви, из которых одна святая, а другая нечистая <...>, одна покорная Богу, а другая страстная <...> эти два рода любви <...> положили различие между двумя градами, образовавшимися в человеческом роде <...>, — град праведных и град нечестивых» (Августин, блаж. О книге Бытия. XI. 15. 20// Творения блаж. Августина. Киев, 1912. С. 220—221).

Соловьев... в профессорских журналах... печатал бестактные, холодные и несправедливые статьи против славянофилов... — Вероятно, имеются в виду прежде всего следующие работы В.С. Соловьева, опубликованные в «Вестнике Европы»: «Россия и Европа» (1888); «Очерки из истории русского сознания» (1889); «Идолы и идеалы» (1891); «Византизм и Россия» (1896).

«Повесть об антихристе». — «Краткая повесть об антихристе» является заключительной частью последнего произведения В.С. Соловьева «Три разговора» (1899—1900).

«Смерть и Время царят на земле...» — Строфа из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

С. 197. *Крест был деревянный и был весь исписан.* — В 1930 г. этот крест был спилен.

...в сторону Черниговской... — Имеется в виду церковь в честь Черниговской иконы Божией Матери при Гефсиманском скиту, расположенном на расстоянии 2,5 километров от Лавры.

С. 198. ...«юродство проповеди» — 1 Кор. 1, 21.

Отец Дмитрий Крючков — см. примеч. к с. 81.

...работал несколько лет садовником в каком-то высоком учреждении. — По имеющимся данным, о. Дмитрий работал садовником с 1937 по 1945 г. в подмосковном поселке Томилино — сначала при детском саде, затем при военном госпитале.

С. 199. *Вслед за отцом Дмитрием-садовником...* — Данный отрывок до слов «Дальше на Красноярск я поехал с поминающим отцом Дмитрием» отсутствует в машинописном экземпляре из собрания А.А. Бармина, который лежит в основе настоящей публикации; воспроизводится по сб.: Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1979. Вып. 2.

Иван-столяр — неустановленное лицо.

...*был из так называемых «непоминающих», то есть ушедших в какой-то раскол.* — К «непоминающим» принадлежали многие священнослужители, фигурирующие в воспоминаниях С.И. Фуделя: епископ Афанасий (Сахаров), архимандрит Серафим (Битюгов), о. Петр Шипков, о. Михаил Шик, о. Сергей Сидоров, о. Владимир Криволицкий, о. Димитрий Крючков и др.; однако в 1945 г. епископ Афанасий, а за ним и разделявшие его позицию священники признали законность поставления патриарха Алексия I и стали помянуть его в молитвах. Об этом см. примеч. к с. 80. Описанный С.И. Фуделем эпизод относится к 1946 г., когда о. Димитрий Крючков уже был «поминающим».

...*этапная камера, о которой я писал в воспоминаниях...* — См.: Воспоминания. С. 96–98 наст. изд.

С. 200. *«Ядят убозии, и насытятся...»* — Эта молитва, взятая из Псалтери (Пс. 21, 27), обыкновенно читается перед ужином. Застольным молитвам придавал большое значение и епископ Афанасий, который дополнил их уставный чин молитвословиями своего сочинения. Этой теме посвящена следующая статья: Афанасий (Сахаров), еп. Молитвословия за трапезой. М., 1998.

«*Есть надо столько, чтобы после еды хотелось молиться...*» — Ср.: «Кушать надо столько, чтобы после кушанья хотелось молиться, чтобы дух всегда горел и насытно стремился к Богу день и ночь» (Софроний, иером. Старец Силуан. С. 445).

С. 202. *Алексий, архиепископ Виленский* — см. примеч. к с. 22.

С. 203. ...*«Церковь, всегда рождая Христа... учит сему все народы».* — Ср.: Иполит, св. Изыскание о Христе и антихристе // Владимирские епархиальные ведомости. 1867. № 11. С. 506.

Фишер Лукас (р. 1926) — пастор Реформатской Церкви в Швейцарии, директор Комиссии Всемирного Совета Церквей «Вера и церковное устройство» (1965–1979). Цитата, по-видимому, заимствована из неизданного перевода его книги, выполненного по заказу Московской Патриархии.

«*Бог один... и Церковь одна*» — См.: Киприан Карфагенский, св. К Помпею // Творения. Киев, 1891. Ч. 1. С. 359.

...«*призрак единства*». — см.: Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Сочинения. Т. 2. С. 67.

«*Церковь... не есть государство...*» — См.: Хомяков А. С. Письма к В. Пальмеру // Там же. С. 301, 328; Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Там же. С. 77.

С. 204. ...«*сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты*» — см. примеч. к с. 96.

Соединятся христиане не «экуменически» и не «организационно», а только благодатно. — К этому отрывку примыкает по смыслу следующая заметка, не вошедшая в окончательный состав работы «У стен Церкви» (сохранилась во фрагменте ранней редакции из архива Е.Н. Чернышевой):

Для того, чтобы возможность христианского единства была как-то понятна сектантам лютеранского направления, может быть, надо выработать не-

сколько кратких положений, рассеивающих вековую тьму недоразумений вокруг понятия Церкви.

Эти положения могут быть такими:

1. Церковь свята — в святые Божественного в ней пребывания и в святой устремленности людей, ее составляющих, к этой Божественной святине. Вся неправда и грех, которые мы видим в церковной ограде, есть грех не Церкви, а против Церкви, то есть это грех людей, уже самоотлучивших себя от Церкви. Их грех не касается святины Невесты Божией, ибо сказано, что «врата ада не одолеют ее» [Мф. 16, 18].

2. Церковь одна, но она имеет непостижимые, сокровенные связи со всеми искренне призывающими имя Христово, а поэтому каждый христианин должен искренне искать единства всех в Боге, не ставя возможность этого единства в зависимость от обязательно-видимого в данный момент наружного единства.

3. Апостол Иоанн дал нам самую краткую, то есть минимальную формулу возможности этого единства: веру в Христа не только как в человека, но и как в Бога, как в Богочеловека, как в Бога воплотившегося. Совместное принятие этой формулы есть уже начало единства, а при неприятии нет возможности для единства. «Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин. 4, 3).

4. Обрядовая сторона Церкви есть «свободная поэзия образов» (Хомяков), которая может увеличиваться, уменьшаться, изменяться и даже сходить почти совсем на нет, приближаясь к первоначальной простоте апостольской общины. Люди Церкви часто не понимают, что обряд это не догмат и что сила Церкви не в нем, а в таинственном общении с Христом, которое не зависит ни от обилия, ни от недостатка обряда, ни от обрезания, ни от необрезания [ср.: Гал. 5, 6].

5. Таинственное общение с Богом может осуществляться и в таинствах, и вне таинств — как постоянное и действенное стяжание Духа Божия, Которого мы постоянно просим: «Царю Небесный... прииди и вселися в ны!» Поэтому от сектантов данного направления надо искать не того, чтобы они тут же принимали установленное в Церкви количество таинств, а только того, чтобы они признавали величайшей целью всех христиан богообщение. Церковь и есть это богообщение, то есть величайшее человеческое счастье.

6. И воплощение Бога, и общение с Ним «во вся дни до скончания века» [Мф. 28, 20] — эти истины совершенно ясно открыты в Священном Писании, которое поэтому и должно стать общим камнем веры, объединяющим всех христиан. В Священном Писании сказано и о созидаании Церкви, и об основных таинствах, и о священстве и его значении, и о богослужбных собраниях, и о Троицестве Бога, и о Воплощении Сына, и о Духе Святом и жизни в нем христиан, созидающих из себя храм Божий — «малую церковь». Все это и многое другое, заключенное в Писании, есть то первоначальное ядро Вселенской Церкви, которое тысячелетия Священного Предания окружили или запеленали тканью различной ценности. Принятие этого ядра сектантами из рук не наших, а Священного Писания открывает уже второй этап единства, о котором мы, может быть, не смеем и мечтать. Поэтому ничего большего того, что есть в Священном Писании, требовать от них не надо.

7. Полнота единства не только с ними, но и с теми, которые уже находятся внешне в церковной ограде, зависит не от этого их нахождения и не от отвлеченного знания об истине, но от погружения в нее своей жизни или от восхождения на Голгофу Христову для перехода через нее в Пятидесятницу — в великий праздник Церкви.

С. 205. По «Посланию восточных патриархов 1848 года», Церковь — это весь пра-

востлавный народ. — Ср.: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласно с верою отцев его» (Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам [1848]. СПб., 1859. § 17).

С. 206. *Феодор* (Бухарев Александр Матвеевич; 1822–1871) — библеист, религиозный публицист, литературный критик; преподаватель Московской духовной академии (1846), инспектор Казанской духовной академии (1854), член Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (1858), насельник Переяславского монастыря (1861); после запрещения цензурой его труда об Апокалипсисе (1862) снял сан, монашество и женился (1863).

...*основа греха католичества совсем не в главенстве папы, а в клонении от главенства Христа*. — Ср.: «Папа, святительствуя во имя Христа, не возводил взоров западных христиан к Самому Христу — единственному и всегда действующему Главе Церкви <...> Западные власти, и духовная, и гражданская <...> одинаково порабощали себе свободных по Христу детей Отца небесного, одинаково не возглавляясь под живое главенство Самого Христа. <...> Если бы светская власть папы и решительно ослабла и даже пала <...> единственное главенство Христа продолжало бы оставаться бездейственным, непризнанным у христиан Запада» (Бухарев А. М. О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М., 1865. С. 126–127).

С. 208. *«Каждый из нас... постоянно ищет того, чем Церковь постоянно обладает»*. — См.: Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Сочинения. Т. 2. С. 99.

...*«двое или трое, собранных...»* — ср.: Мф. 18, 20.

...*«тьма над бездною...»* — Быт. 1, 2.

С. 209. *...как сказал Дионисий Ареопагит, «все вещи предсуществуют в Боге...»* — Ср.: «Тот, Кто является причиной <...> всего <...> прообладает первообразами всех сущих <...> Первообразами же мы называем предсуществующие в Боге в единстве и творящие сущность логосы сущих» (Дионисий Ареопагит. О божественных именах. 5. 9); «Он и знает все как из Него сущее и в Нем предсуществующее» (Там же. 7. 2).

С. 210. *...«и на земле, как на небе»* — Мф. 6, 9.

...*из монастыря, который в двух-трех километрах от Усмани...* — Спасо-Преображенский Толшевский монастырь на правом берегу реки Усмани, близ ст. Графская; основан ок. 1646 г. в непроходимом лесу отшельником Константином (первоначальное название — Константиновская пустынь); в 1768–1769 гг. в нем жил на покое св. Тихон Задонский; закрыт в 1929 г., возрожден в 1994 г.

Алексей, Христина — неустановленные лица.

Гаврюша — см. примеч. к с. 59.

Павел — неустановленное лицо.

С. 211. *«Не угрюмичайте»* — см.: Феофан, еп. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1904. С. 169, 229.

«*Благословен еси Господи...*» — Пс. 118, 12, 185.

«*На маковках святой Церкви уже давно видны розовые отцветы Грядущего Дня.*» — Ср.: «По мере приближения конца истории являются на маковках святой Церкви новые, доселе почти невиданные розовые лучи грядущего Дня Немеркнувшего» (Флоренский П. Столп и утверждение истины. С. 125).

Самое памятное мое воспоминание... когда поют «Се, Жених грядет в полноти». — Ср.: Воспоминания. С. 75 наст. изд.

Сон живой и мгновенный... — Строки из поэмы А.А. Блока «Ночная фиалка» (1906).

С. 212. *«Царство Божие не в слове, а в силе»* — 1 Кор. 4, 20.

Будет время, и я замолчу... — Стихотворение С.И. Фуделя (1939) из цикла «Тридцать стихов для друзей».

С. 213. *«Каждый из нас мог бы светить, как “Единый безгрешный”...»* — Ср.: «И поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый Безгрешный и не светил» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. II. Кн. 6. Гл. 3. Из бесед и поучений старца Зосимы).

...«*подножие ног Его*» — Мф. 5, 35.

...«*все покрывает, всему верит...*» — 1 Кор. 13, 7.

...«*душа... присоиздается к Церкви не по тому, что сделала, но по тому, что возжелала*». — См.: Беседа 37 // Преподобного Макария Египетского духовные беседы, послание и слова. Сергиев Посад, 1904. С. 261–262.

В том же воспоминании о моем отце его духовной дочери... — См. примеч. к с. 163; далее приводится пересказ фрагмента из воспоминаний Н. В. У. Указанная проповедь о. Иосифа была произнесена в день Успения Божией Матери, 15 августа 1918 г.

...«*окончил словами Дмитрия Ростовского: “Радуйтесь, грешники! Праведников поведет в рай апостол Петр, а грешников — Сама Божия Матерь”*». — Ср. «Слово в субботу пятую Великого поста» св. Дмитрия Ростовского (1651–1709): «Разделил Христос Господь словесное Свое стадо на два стада: овцы особно, а козлища особно; съест, ино праведники, а ино грешники <...> Кто будет пасти овцы? Петре святыи! ты паси овцы Моя <...> Козлища же кто пасти будет? <...> Се видим, яко и козлища своего имут пастыря, Агницу непорочную, Пречистую Деву» (Сочинения св. Дмитрия, митрополита Ростовского. М., 1827. Т. 2. С. 88–89).

Василий (Кривошаин; 1900–1985) — патролог; афонский монах (1927), иеромонах домового храма в Оксфорде (1957), архиепископ Брюссельский и Бельгийский (1960). Цитируемые слова являются откликом на полемику, связанную с выходом книги англиканского епископа Дж. Робинсона «Быть честным перед Богом» (1963).

С. 214. *Вы шли толпою, врозь и парами...* — Строки из стихотворения Б.Л. Пастернака «Август» (1953).

С. 215. *Достоевский говорил, что это есть теория жизни в свое «духовное пузо»*. — Неточная цитата из записной тетради Ф.М. Достоевского за 1881 г. Ср.: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 1. Отд. 2. С. 369).

«*Да будет воля Твоя...*» — Мф. 6, 10.

«*Во Христе возглавлено все человеческое...*» — Вольная передача мысли А.М. Бухарева. Ср.: «Мне... надо... объединить и возглавить в одном Христе все дело моей мысли, все способы и образы познания, все знакомство с современным знанием, изучение всех современных наук и чтение всяких книг» (Письма архимандрита Феодора [А.М. Бухарева] // Богословский вестник. 1917. № 4–5. С. 597).

С. 216. *Тейяр де Шарден* Пьер (1881—1955) — французский священник-иезуит, философ, палеонтолог и антрополог, член Парижской академии наук (1950). В книге «Феномен человека» (1938—1948; опубл. посмертно, 1955; рус. пер. 1965) развивал идею эволюционной конвергенции человечества к кульминационной «точке Омега», в которой достигается сверхличностное бытие «персонализирующего универсума, способного вместить в себя человеческую личность». Важнейшими направлениями этой эволюции духа или ноосферы Тейяр считал «организацию научных исследований, сосредоточение их на человеке, соединение науки и религии». В своих черновых записках С.И. Фудель характеризовал концепцию Тейяра как «утопический прогрессизм» и отмечал: «Бог для Тейяра <...> нечто вроде короля в Англии».

Федоров Николай Федорович (1828—1903) — философ, библиотекарь Румянцевского музея и Московского архива Министерства иностранных дел, автор проекта «регуляции природы», радикального преобразования мира, победы над смертью и «воскресения отцов» посредством «общего дела» человечества.

«Грех вошел в мир...» — Рим. 5, 12.

С. 217. *Астафьев* Петр Евгеньевич (1846—1893) — философ, психолог, правед; преподаватель ярославского лицея (с 1872), затем лицея цесаревича Николая (1881—1885), член Московского цензурного комитета, приват-доцент Московского университета (с 1890); автор ряда сочинений, в которых высоко оценивал идеи славянофилов и критиковал взгляды В. С. Соловьева.

Фурье Шарль (1772—1837) — французский философ, представитель «утопического социализма».

Консидеран Виктор (1808—1893) — социальный утопист, последователь Ш. Фурье.

...под главенством «Великого Инквизитора». — Имеется в виду персонаж поэмы Ивана Карамазова (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. II. Кн. 5. Гл. V).

С. 219. «Апокалипсическое учение о семи Вселенских Церквах»... — См. примеч. к с. 62.

...«сохраняет слово терпения» — ср.: Откр. 3, 10.

...«те, которые следуют за Агнцем...» — Откр. 14, 4.

С. 220. «Верую видети благая...» — Пс. 26, 13 (церк.-сл.).

...«боязливые и неверные» — Откр. 21, 8.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ ГОЛУБЦОВЕ

Воспоминания написаны, вероятно, вскоре после смерти о. Николая в 1963 г. Публикуются впервые по машинописному экземпляру, переданному автором А.А. Бармину; текст сверен с машинописью из архива Д.М. Шаховского, правленной автором. Общие сведения о протоиерее Н.А. Голубцове — см. примеч. к с. 116.

С. 223. ...учение о «власти ключей»... — См. примеч. к с. 146.

«Дуновение Иисусово». — Ср.: Ин. 20, 21—23. См. также примеч. к с. 167.

...несет Его солнце в своей «малой капле вод»... — Ср.: «Во мне Себя изображает, / Как солнце в малой капле вод» (Г.Р. Державин, ода «Бог»).

...на 12 Евангелий. — Служба «Последования святых Страстей Господа Иисуса Христа», на которой читается 12 евангельских отрывков о страданиях и смерти Иисуса; обыкновенно совершается вечером в четверг Страстной седмицы.

С. 224. *Я жил тогда под Воронежем...* — В г. Усмани Воронежской области С.И. Фудель жил в 1951–1962 гг.

...работал в одной большой научной библиотеке... — Имеется в виду библиотека Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина.

С. 225. *Иоанн Бычков* — биографические сведения установить не удалось. *Макарий* — см. примеч. к с. 139.

С. 226. *...редко кого отпевают три архиерея и человек 30 священников.* — Отпевание протоиерея Николая Голубцова 23 сентября 1963 г. в храме Ризоположения на Донской улице совершали архиепископ Дмитровский Киприан (Зернов), брат покойного архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей (Голубцов) и находившийся в то время на покое епископ Донат (Щеголев; впоследствии Калужский и Боровский) в сослужении 28 священников.

...«один дух в Господе» — ср.: 1 Кор. 1, 10; 12, 13.

...«среди лета запели Пасху». — См. примеч. к с. 75.

...без желчи и отца Страстной... — Ср.: «Пришедше на место, нарицаемое Голгофа... даща Ему пити оцет [уксус] с желчию смешен» (Мф. 27, 33–34).

«Господь дал, Господь взял...» — Иов 1, 21.

«Помощник и Покровитель...» — ирмосы Великого канона, которые поются при погребении священников.

Сохранились также два некролога, текст которых большей частью включен в публикуемые воспоминания. Ниже приводятся фрагменты одного из них, не вошедшие в окончательный текст.

Есть люди, с представлением о которых как-то совсем не мирится понятие смерти. Когда они умирают, хочется сказать: «Это невозможно!» Это люди, вся жизнь которых была поддержкой и опорой для других, люди большой и деятельной любви, теплом и светом которой питалось и направлялось множество душ. К таким людям принадлежал отец Николай Голубцов.

Это был действительно «пастырь добрый» [Ин. 10, 11, 14], отдавший всего себя заботе о своих многочисленных церковных детях. Их было множество со всех концов Москвы. Люди со всеми запутанными узлами житейских дел и напастей, со всеми скорбями и болями душевной и физической жизни ехали к нему. А он был со всеми ровен, со всеми тих, ко всем совершенно открыт, каждого принимал так, как будто он только и ждал этого его прихода, чтобы отдать ему со всею щедростью свое драгоценное время и все душевные силы. «Всем он был действительно вся» [ср.: 1 Кор. 9, 22]. Может быть, в наше холодное и одинокое время именно эта душевная щедрость отца Николая, да и не только душевная, эта его раздача всего себя людям и поражала больше всего и больше всего привлекала к нему людей <...>

Неся свое священство и духовничество, отец Николай никогда не подчеркивал в себе нарочитой духовности. Он был прост и в своем служении в храме и в своем руководстве людьми. В нем было истинное смирение любви. Он был «кроток и смирен сердцем» [Мф. 11, 29]. Но именно благодаря его смирению в нем чувствовался человек, несущий духовную власть. Тут тайна Божия: чем больше человек забывает себя, тем яснее начинает проступать в нем благодать.

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» [2 Тим. 4, 7]. Я несколько раз вспоминал эти апостольские слова еще при его жизни, когда думал о его почти ежедневном «течении» в туннелях метро от Измайлово до Донской. Это был воистину «подвиг добрый» и драгоценный для многих.

МОИМ ДЕТЯМ И ДРУЗЬЯМ

Работа датирована автором 1955–1956 гг. Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой из собрания Е.Н. Чернышевой.

С. 229. *Те, кто достойней, Боже, Боже...* — Строки из стихотворения А.А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

1

«*Отцы, не раздражайте детей ваших...*» — Еф. 6, 4.

...«*неисследимое богатство Христово*» — Еф. 3, 8.

«*О, Пасха велия и священнейшая, Христе!..*» — Тропарь 9-й песни Пасхального канона.

2

С. 230. *Кто без тоски внимал из нас...* — Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Бессонница» (1829). Ср.: «*Среди всемирного молчанья, / Глухие времени стенанья*». Возможно, произошла невольная контаминация со строкой другого тютчевского стихотворения того же года — «Видения»: «*Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...*»

«*Кто думает, что он знает что-нибудь...*» — 1 Кор. 8, 2.

...у «*врат Царства*». — Ср. заглавие пьесы К. Гамсуна «У врат царства» (1895).

И в этот миг — сладчайший миг... — Строки из стихотворения С.И. Фуделя «Ты говоришь, что я в бреду...» (1939), входящего в состав неопубликованного сборника «Тридцать стихов для друзей». Ср. первоначальный вариант 4-й строки: «...На тишине пасхальных книг».

«*Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной*». — См.: Исаак Сирийский. Слово 38 // Творения аввы Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1911. С. 160.

С. 231. «*Иных и страхом спасайте*» — Иуд. 1, 23.

«*Страдающий плотию перестает грешить*» — 1 Пет. 4, 1.

«*И сказал Господь: Симон, Симон!..*» — Ср.: Лк. 22, 31–32.

...«*вера есть... уверенность в невидимом*» — Евр. 11, 1.

...«*блаженны не видевшие и уверовавшие*» — Ин. 20, 29.

«*Благодать Божия призывает всех...*» — См.: Феофан Затворник, св. Вступление // Добротолюбие. Т. 1. С. III.

С. 232. «*Решительное очищение грехов...*» — Ирмос 5-й песни канона Пятидесятницы, творение преподобного Иоанна Дамаскина.

«*Вы не по плоти живете, а по духу*» — Рим. 8, 9.

...«*осуществление ожидаемого*» — Евр. 11, 1.

...«*начаток Духа*» — Рим. 8, 23.

Макарий Великий называл это «предвоскресением». — Ср.: «В воскресение же тел, которых души предвременно воскресли и прославились, прославятся и тела сии; потому что Господь есть для них и дом, и скиния, и град» (Беседа 34 // Преподобного Макария Египетского духовные беседы, послание и слова. Сергиев Посад, 1904. С. 251).

«*Блажен, кто верует, тепло ему на свете*». — Реплика Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 1, явл. 7).

С. 233. «*Подобно Царство Небесное сокровищу...*» — Мф. 13, 44.

«*Ты не холоден и не горяч...*» — Откр. 3, 15.

...в *«Иудушке Головлеве»* — Имеется в виду роман М.Е. Салтыкова-Щедрина *«Господа Головлевы»* (1875—1880).

...*«Вси такови согнали Богу...»* — См.: Тихон Задонский, св. Наставление христианское. Гл. 47 // Творения. М., 1889. Т. 5. С. 151.

...по слову *Святителя (а не баптистского проповедника)...* — Имеется в виду проповедь внутреннего духовного возрождения, «рождения свыше» (Ин. 3, 3, 7), характерная для баптизма и нередко противопоставляемая в баптистской среде внешнему, обрядовому благочестию православных.

...*Потемкина, или Юсупова...* — Имеются в виду князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739—1791) и, вероятно, министр департамента уделов князь Николай Борисович Юсупов (1750—1831), современники святителя Тихона Задонского (1724—1783).

С. 234. ...*«тлеет»* — 2 Кор. 4, 16.

...*«ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».* — Цитата из посвящения *«Евгения Онегина»* А.С. Пушкина.

...*«жизнь — это есть совокупность сил, сопротивляющихся смерти».* — Определение принадлежит французскому анатому, физиологу и врачу М.-Ф. Биша (1771—1802).

3

...*«и бесы веруют и трепещут»* — Иак. 2, 19.

...*«Вера без дел мертва»* — Иак. 2, 20.

...*«святейшей вере вашей»* — Иуд. 1, 20.

...*«чистые сердцем узрят Бога»* — ср.: Мф. 5, 8.

...*«Призвал нас Бог не к нечистоте...»* — 1 Фес. 4, 7.

...*«обещанием Богу доброй совести»* — 1 Пет. 3, 21.

...*«хранением себя неоскверненными от мира»* — Иак. 1, 27.

С. 235. ...*«Невозможно однажды просвещенных...»* — Евр. 6, 4—6.

...*«Как вы можете веровать...»* — Ин. 5, 44.

...*«Они показывают, что дело закона...»* — Рим. 2, 15.

С. 236. ...*«Когда ум получит свободу...»* — См.: Отечник... С. 172.

...*«находящимся в Колоссах...»* — Кол. 1, 2.

...*«приветствуют вас все святые»* — 2 Кор. 13, 12; Фил. 4, 22.

...*«всем святым, находящимся в Филиппах»* — Флп. 1, 1.

...*«праведный был жив верою»* — ср.: Рим. 1, 17.

...*«Все мы много согрешаем»* — Иак. 3, 2.

...*«первой любви»* — Откр. 2, 4.

...*«Братия, я не почитаю себя достигшим...»* — Фил. 3, 13—14.

С. 237. ...*«Будьте совершенны...»* — Мф. 5, 48.

...*«будьте святые...»* — ср.: 1 Пет. 1, 15.

...*«если рука твоя соблазняет тебя...»* — ср.: Мф. 5, 30.

...*«неотменно должны мы добрые дела творить, яко христиане...»* — См.: Тихон Задонский, св. Наставление христианское. Гл. 42. С. 149—150.

...*«Когда слышишь слова Писания...»* — См.: Добротолюбие. Т. 1. С. 539—540.

...*«что Господь воздаст каждому по делам его»* — Пс. 61, 13.

...*«Царство Небесное... не есть возмездие за дела... Награда рабам необязательна для Господина».* — Добротолюбие. Т. 1. С. 538—539.

С. 239. ...«верую очистивши сердца» — Деян. 15, 9.
«Сын Человеческий, придя...» — Лк. 18, 8.

5

...«тайнство веры в чистой совести» — 1 Тим. 3, 9.

С. 240. «Горе вам, книжники и фарисеи...» — Мф. 23, 27.
«Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки...» — Мф. 23, 32. 37—38.
...«не умирает великая мысль»... — Ср.: «...настоящих христиан еще ужасно мало <...> Но почему вы знаете, сколько именно надо их, чтоб не умирал идеал христианства в народе <...> чтоб не умирала великая мысль» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 год. Гл. III. 3. Две половинки).

С. 241. Когда весны капель покажет... — См. примеч. к с. 58.
...сидеть «около церковных стен»... и, покуривая, размышлять... — Намек на взятого курильщика В.В. Розанова и его книгу «Около церковных стен» (1906).

6

С. 242. ...«жизнь жительствоует». — Цитата из «Слова огласительного в день Святой Пасхи» св. Иоанна Златоуста.

С. 243. «И Я умолю Отца...» — Ин. 14, 26.
«Царствие Божие не пища и питие...» — Рим. 14, 17.
«Как тело без души мертво...» — См.: Добротолюбие. Т. 1. С. 197.

С. 244. «Царство Мое не от этого мира» — Ин. 18, 36.
«Кто не родится от воды и Духа...» — Ин. 3, 5—6.

С. 245. «Я сказал вам о земном...» — Ин. 3, 12.
«Пришел к своим, и свои Его не приняли» — Ин. 1, 11.
«Жена, когда рождает...» — Ин. 16, 21.
«Вы... сограждане святым и свои Богу» — Еф. 2, 19.
«Царствие Божие внутри вас» — Лк. 17, 21.
«Когда внешний наш человек тлеет...» — 2 Кор. 4, 16.
«Царство Небесное силою берется...» — Мф. 11, 12.

С. 246. «Ищите Царствия Божия» — Лк. 12, 31.
«Вы приступили не к горе осязаемой...» — Евр. 12, 18—23.
«Божиего никто не знает...» — 1 Кор. 2, 11.
«Душевный человек не принимает...» — 1 Кор. 2, 14.
«Да, я Царь...» — ср.: Ин. 18, 36.

С. 247. «Будьте совершенны...» — Мф. 5, 48.
В разряде совершенных есть множество степеней... — См.: 1 Кор. 15, 41.
«Они (ученики) не от мира...» — Ин. 17, 15. 16.

7

С. 248. «Но люди более возлюбили тьму...» — Ин. 3, 19.
«Бог наш есть огонь поядущий» — Евр. 12, 29.
«Духом пламенейте...» — Рим. 12, 11.

«Да будут... светильники (ваши) горящи» — Лк. 12, 35.

«Огонь пришел Я низвести на землю...» — Лк. 12, 49.

«Если бесы... аллегория, то такая же аллегория и свиньи». — Ср.: Агапит (Беловидов), схиархим. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 102. Здесь этой апофтегмой завершается разговор о Амвросия с неким господином.

С. 249. «Покрыла есть небеса добродетель Твоя, Христе...» — Строка из ирмоса 4-й песни канона 3-го гласа.

«Вскую мя отринул еси...» — Строки из ирмоса 5-й песни канона 8-го гласа.

«Добре, рабе благий и верный...» — Мф. 25, 21.

«Истоци в сердце мое единую каплю благодати Твоей...» — См.: Ефрем Сирин, преп. Молитвы на разные случаи // Творения. Сергиев Посад, 1907. Т. 4. С. 6–7.

8

Будет время, и я замолчу... — Стихотворение С.И. Фуделя (1939) из цикла «Тридцать стихов для друзей».

«Начальник тишины» — заглавие статьи С.Н. Дурылина (Богословский вестник. 1916. № 7–8).

С. 250. «Возлюби Господа Бога Твоего...» — Мк. 12, 30.

9

«Бог — конец пустыне!» — Цитата из стихотворения А.А. Блока «Неведомому Богу» (1899). Ср.:

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну, неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

Это все давно раскрыто в словах аввы Дорофея. — См.: Добротолюбие. Т. 2. С. 617. Изложение этих слов см. в кн.: Путь Отцов (т. 2 наст. изд.).

«Вы други Мои» — Ин. 15, 14.

...увидеть... как после 12 Евангелий в Великий четверг, идут огоньки людей. — По обычаю, после утрени Великой пятницы (совершаемой вечером в Страстной четверг) верующие уносят домой зажженные свечи, с которыми стояли в храме во время чтения 12 евангельских повествований о страданиях Христа.

С. 251. «Бог наш есть огонь поядающий» — Евр. 12, 29.

«Вера — от слышания...» — Рим. 10, 17.

...один человек когда-то сказал мне, что термин «православие» ему более дорог, чем термин «христианство». — Имеется в виду епископ Афанасий (Сахаров); см.: Воспоминания. С. 83 наст. изд.

Бедная Антиохия «Деяний»! — Ср.: «Ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами» (Деян. 11, 26).

...«кто отлучит нас от любви Божией» — Рим. 8, 35.

«Врата адовы» — Мф. 16, 18.

С. 252. «Где двое или трое собраны...» — Мф. 18, 20.

«И дана мне трость...» — Откр. 11, 1–2.

- С. 253. «Тело Божие» — ср.: Еф. 1, 23.
 ...«полнота Наполняющего...» — Еф. 1, 23.
 ...«столп и утверждение истины» — 1 Тим. 3, 15.
 ...«всяк человек — ложь» — Пс. 115, 2.
 ...«верю и любовь приступим»... — Слова из песнопения «Ныне силы небесных...», поющегося на великом входе литургии Преждеосвященных даров.
 «Не бойся, малое стадо!» — Лк. 12, 32.

10

- С. 254. «Непрестанно молитесь» — 1 Фес. 5, 17.
 «Итак мы, приемля царство непоколебимое...» — Евр. 12, 28—29.
 «Царство Небесное силою берется...» — Мф. 11, 12.
 «Тесны врата...» — Мф. 7, 14.
- С. 255. «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата...» — Лк. 13, 24.
 «Весьма многие из людей... хотят сподобиться Царствия без трудов...» — См.: Добротолюбие. Т. 1. С. 195.
 «Дух Святой... вселяется в душах кающихся... после многих трудов». — См.: Там же. С. 50.
 «Начало безгневия...» — См.: Там же. Т. 2. С. 532.
- С. 256. ...«невидимой брани»... — См. примеч. к с. 40.
 Ты сам, один на один, ночь за ночью... — Установить автора стихотворения не удалось.

- С. 257. ...«касание миров иных», как говорил Достоевский... — Ср.: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим... Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и взшло все, что могло взойти, но взрощенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 6. Гл. 3. Из бесед и поучений старца Зосимы. О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным).
 «Нам предлежат два пути...» — См.: Отечник... С. 190.

11

- С. 258. ...«все покрывает, всему верит...» — 1 Кор. 13, 7.
 ...«и гад морских подводный ход...» — Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).
 ...«не века сего» — 1 Кор. 2, 6.
 «Любовь Твоя... веры, причастия Духа и мудрости знания во Христе Иисусе, Господе нашем». — См.: Каллист Катафигиот. О Божественном единении и созерцательной жизни // Аскетические творения святых отцов. Казань, 1898. Т. 3. С. 100—101, 62, 88, 85.
- С. 259. «Мы имеем ум Христов» — 1 Кор. 2, 16.
 ...«есть совокупность совершенства» — Кол. 3, 14.
 «Верующий... а не пребывающий в любви...» — 1 Кор. 13, 1. См.: Добротолюбие. Т. 3. С. 17.
 «Воскресение Твое, Христе Спасе...» — Стихира, которую поют во время пасхального крестного хода.

ПИСЬМА

В настоящем издании впервые осуществлена наиболее полная публикация сохранившихся писем С.И. Фуделя за последние тридцать лет его жизни (1946—1976), написанных в Загорске, в сибирской ссылке — Минусинске и с. Большой Улуй Красноярского края; затем в Усмани Воронежской области, Лебедяни Липецкой области, Покрове Владимирской области. Адресаты писем С.И. Фуделя — жена, Вера Максимовна Сытина (1901—1988), сын, Николай Сергеевич Фудель (р. 1924), невестка, Лидия Ивановна Щербинина (1922—1991), дочь, Мария Сергеевна Желновакова, урожденная Фудель (р. 1931), внучка, Мария Николаевна Казакова, урожденная Фудель (р. 1956), а также друзья — Сергей Николаевич Дурьлин (1886—1954), Николай Николаевич Третьяков (р. 1922), Николай Евгеньевич и Оксана Васильевна Емельяновы (р. 1939), Татьяна Михайловна Некрасова (р. 1904).

Отрывки из писем к сыну впервые опубликованы: Письма из ссылки/ Публ. и примеч. Н.С. Фуделя// Новая Европа. 1993. № 3—4. Все письма (за исключением одного письма Н.Н. Третьякову) печатаются по автографам из соответствующих семейных архивов, как правило, без купюр и сокращений. Датировка писем — там, где она не указана автором, — рассчитана по косвенным признакам и дается в квадратных скобках с обоснованием в комментарии к письму. В квадратных скобках указано также место отправления корреспонденции. Письма размещены по хронологии, согласно предложенной нами сквозной нумерации. Тексты публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Коньктуры в угловых скобках. Графические выделения принадлежат автору писем.

В сборе сведений для реального комментария помощь оказали Н.С. Фудель, М.С. Желновакова, Н.Н. Третьяков, Н.Е. Емельянов, М.А. Некрасова.

№ 1. Н.С. Фуделю

- ¹ Самое раннее из писем С.И. Фуделя к сыну-фронтовику (Н.С. Фудель был призван в армию в 1942 г.), находившемуся в Симферополе, на действительной службе (Таврический военный округ). Написано, вероятно, после возвращения С.И. Фуделя с фронта и до его нового ареста (в мае 1946, в Москве). Датируется по содержанию (до ареста) и указанию на зимнее время года.
- ² Пс. 50, 12.
- ³ Вера Максимовна Сытина.
- ⁴ Матрена Петровна Лучкина (инокиня Матрона; 1881—1959) — няня детей С.И. Фуделя и В.М. Сытиной, зырянка родом из с. Воча, ныне Сольвычегодского района Архангельской области. Жила у Фуделей как член семьи с 1924 г. и до конца жизни. (Далее в письмах — Муня, Мунечка.)
- ⁵ Мария Сергеевна Фудель (в замужестве Желновакова), старшая дочь С.И. Фуделя.
- ⁶ Мария Иосифовна Фудель (8 IV 1892—13 V 1949), старшая дочь священника Иосифа Фуделя, сестра С.И. Фуделя.
- ⁷ Варвара Сергеевна Фудель (р. 10 VII 1941), младшая дочь С.И. Фуделя.
- ⁸ Справка об окончании 7 классов нужна была Н.С. Фуделю для учебы в вечерней школе по месту прохождения военной службы в Симферополе.
- ⁹ В ссылке С.И. Фудель изучал английский язык.
- ¹⁰ Рядом рукою В.С. Фудель нарисован заяц.

№ 2. Н.С. Фуделю

- ¹ Написано из Минусинска, где С.И. Фудель отбывал третью ссылку (1946—1951), до перевода его в Красноярский край. Датируется по связи со следующим за ним письмом № 3, где дата указана полностью.

- 2 То есть филология, литература: осенью 1946 г. Н.С. Фудель поступил на первый курс филологического факультет МГПИ им. Ленина.
- 3 Имеется в виду роман английского писателя Генри Хаггарта «Копи царя Соломона» (1885).
- 4 Ин. 18, 38.
- 5 Речь идет об А.Н. Майкове (1821—1897) и об А.А. Голенищеве-Кутузове (1848—1913).
- 6 Цитата из стихотворения А.А. Фета «Среди звезд» («Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу...», 1876).
- 7 Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).
- 8 Имеется в виду работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру» (1872), которая позже получила название «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм».
- 9 См. примеч. 6 к письму 1.
- 10 В.М. Сытина зарабатывала (под чужими фамилиями) переводами с немецкого, французского, английского, итальянского языков. «У мамы немецкий язык был вторым родным. На нем она начинала говорить вместе с русским. Ее бонна, няня, была немка. С пеленок до гимназии она была с ней неразлучно» (Желновакова М. Воспоминания о матери // Наш современник. 1996. № 11. С. 43).

№ 3. Н.С. Фуделю

- 1 Написано спустя месяц после письма 2 и тесно связано с ним по содержанию. См. примеч. 1 к письму 2.
- 2 Мария Сергеевна Фудель. См. примеч. 5 к письму 1. Обстоятельства ее поездки неизвестны.
- 3 Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Кончен пир, умолкли хоры...» (1850). Ср.: «Кончен пир, умолкли хоры, / Опорожены амфоры, / Опрокинуты корзины, / Не допиты в кубках вина, / На главах венки измяты, — / Лишь курятся ароматы / В опустевшей светлой зале... / Кончив пир, мы поздно встали — / Звезды на небе сияли, / Ночь достигла половины...» Ср.: Мф. 22, 14.
- 5 Неточная строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «О вещая душа моя...» (1855). Ср.: «О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!...»

№ 4. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на путешествие Н.С. Фуделя на Кавказ. См. примеч. 2.
- 2 Н.С. Фудель был в горах Кавказа (в Домбае) летом 1947 г.
- 3 С.И. Фудель был на Кавказе проездом, летом 1920 г.
- 4 Неточные цитаты из стихотворения Ф.И. Тютчева «День и ночь» (1839). Ср.: «Над этой бездной безымянной, / Покров наброшен златотканый / Высокой волею богов»; «Но меркнет день — настала ночь; / Пришла — и с мира рокового / Ткань благодатную покрыва, / Сорвав, отбрасывает прочь...».
- 5 На втором курсе филологического факультета МГПИ им. В.И. Ленина Н.С. Фудель учился в 1947/48 уч. г.
- 6 Речь идет об американском писателе О. Генри (1862—1910).

№ 5. Н.С. Фуделю

- 1 Написано, по-видимому, из с. Большой Улуй Красноярского края, куда С.И. Фуделя перевели из Минусинска в конце лета 1947 г.
- 2 30 сентября — именины Веры, Надежды, Любоми и матери их Софии.
- 3 Максим Эргардович Брицке, племянник В.М. Сытиной, сын ее сестры Зинаиды Максимовны и академика Эргарда Викторовича Брицке.

4 В октябре 1947 г. С.И. Фуделю было уже 47 полных лет.

№ 6. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на фотографию Н.С. Фуделя, относящуюся к 1947 г., а также по указанию на то, что нынешним летом С.И. Фудель еще не был в Б. Улеу и «не испытал кошмары».
- 2 Сергей Львович Сытин, племянник В.М. Сытиной, сын ее брата, Льва Максимоновича Сытина, известного фотографа-художника.
- 3 По-видимому, описка: не два с половиной, а полтора года, то есть с мая 1946 г.
- 4 Имеется в виду роман Л.Н. Толстого «Семейное счастье» (1859).
- 5 То есть в МГПИ им. В.И. Ленина, где учился Н.С. Фудель.
- 6 Речь идет о романсе М. Глинки (1825) на текст стихотворения Е.А. Баратынского «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...», 1821).
- 7 Б.Л. Пастернак никогда не преподавал в Литературном институте ни в штате, ни внештатно.
- 8 Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Песок сыпучий по колени...» (1837).
- 9 С.И. Фудель по памяти цитирует две строфы из своего неопубликованного стихотворения «Давно все сказаны слова...» (1935), вошедшего в цикл «Тридцать стихов для друзей» (1925—1939). В первоначальном варианте седьмая и восьмая строки звучат: «Слов небывалых приближение, / Как шум далеких голосов» (Архив Н.С. Фуделя).

№ 7. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 По-видимому, имеется в виду, что маленькая Варя Фудель не ощущала отсутствия отца.
- 3 Имеются в виду повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» (1872) и его стихотворение в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» (1879).
- 4 Коптящая керосиновая лампа.
- 5 Речь идет об академике П.Н. Сакулине (1868—1930), литературоведе, авторе исследований «Русская литература и социализм» (1922—1924), «Теория литературных стилей» (1928) и др.

№ 8. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на состояние здоровья М.И. Фудель, которое резко ухудшилось в начале 1949 г., так что в феврале 1948-го она была еще относительно здорова (по сравнению с февралем 1949-го).
- 2 Речь идет об издании: Лесков Н. С. Избранные сочинения / Вступ. ст. Б.М. Другова; Биогр. и коммент. А.Н. Лескова. М., 1946.
- 3 Печать В.Я. Брюсова о Тютчеве печатались в «Русском архиве»; см.: «О собрании сочинений Ф.И. Тютчева» (1898. № 11); «Ф.И. Тютчев. Летопись его жизни» (1903. № 11—12). Статьи и рецензии Брюсова, печатавшиеся в журнале «Весь» и др. были объединены в кн.: Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912.
- 4 Речь идет о работе В.Я. Брюсова, который выступил на Гоголевском юбилейном чествовании в Обществе любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. с речью «Испепеленный. К характеристике Гоголя», опубликованной затем в журнале «Весь» (1909. № 4; отд изд. — М., 1909, 1910).
- 5 Речь идет о книге И.С. Аксакова (женатого на старшей дочери Ф.И. Тютчева Анне Федоровне) «Биография Ф.И. Тютчева» (М., 1886).
- 6 В 1913 г. В.Я. Брюсов рекомендовал журналу «Русская мысль» полученное из Тулы от литературного критика Д.С. Дарского (1883—1957) исследование о Тютчеве, но оно было отклонено ввиду имевшейся статьи на сходную тему

С.Л. Франка (Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. 1913. Кн. 11). Работа Д.С. Дарского «Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева» вышла отдельным изданием (М., 1913).

⁷ Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «День и ночь» (1839).

⁸ Вариант строфы из неопубликованного стихотворения С.И. Фуделя «Ночь» (1925), вошедшего в цикл стихотворений «Тридцать стихов для друзей» с эпиграфом из стихотворения Ф.И. Тютчева «День и ночь». Ср.: «Люби всем сердцем час вечерний, / И ночь прими душой своей. / Пусть будет жизнь еще безмерней, / Пусть будет ночь еще полней. / Ведь Ночь, как Вечная Супруга / И неразгаданная Мать, Рукою благодного друга / Нас будет днем оберегать» (Архив Н.С. Фуделя).

⁹ Персонаж рассказа Н.С. Лескова «Одному» (1879) Александр Афанасьевич Рыжов.

№ 9. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на состояние здоровья М.И. Фудель. См. примеч. 1 к письму 8.

² Н.С. Фудель в студенческие годы писал стихи о своем будущем 25-летию, «середине жизни».

³ Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!».

№ 10. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на день Пасхи, наступающей через полторы недели после 22 апреля: в 1948 г. Пасха приходилась на 2 мая.

² Речь идет о персонажах романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах»; мужем Ирэн стал не Джулиан, а Сомс Форсайт.

³ Речь идет о рассказах прозаика и очеркиста В.Р. Козина, вошедших в сборник «Конские сады» (М., 1946).

⁴ Страстная неделя в 1948 г. начиналась 26 апреля.

№ 11. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на возраст Н.С. Фуделя.

² К июню 1948 г. Н.С. Фуделю, родившемуся 26 мая 1924 г., действительно было 24 года, а С.И. Фуделю — 48, а не 47 лет.

³ Заключительная строка из стихотворения С.А. Есенина «Песни, песни, о чем вы кричите?» (1918). См.: «Будь же холоден ты, живущий, / Как осеннее золото лип».

⁴ Ср.: «И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился» (2 Кор. 12, 7).

⁵ То есть с весны 1946 г.

№ 12. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по сочетанию месяца, числа и дня недели: воскресенье 18 октября было в 1948 г.

² С.И. Фудель в ссылке устроился на работу счетоводом-бухгалтером.

³ В подмосковном селе Манихино был дом бабушки Н.С. Фуделя, Зинаиды Александровны Сыгиной (Свербеевой), матери В.М. Сыгиной.

№ 13. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте заказного письма № 349. Адрес отправителя: «от Фудель С.И. Б. Улуй Красноярского края, Партизанская, 12», отправлено 26 11 48; адрес получателя: Москва-2, Арбат, дом 47, кв. 2, Николаю Сергеевичу Фудель», получено: 3 12 48, почтовым отделением К-2— 4 12 48.

- 2 Речь идет о стихотворении А.А. Фета А.Л. Бржеской («Далекий друг, пойми мой рыдания...», 1879).
- 3 С.И. Фудель ошибочно приписывает стихотворение А.А. Блока «Тёмно в комнатах и душно...» (1901) А.А. Фету. Ср. письмо 38.
- 4 Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...», 1830).
- 5 Строки из стихотворений Ф.И. Тютчева «Бессонница» (1830) и «Есть в осени первоначальной» (1858).
- 6 Строки из стихотворений А.А. Блока «Жизнь медленная шла, как старая галдалка...» (1902); «Под масками» («А под маской было звездно, / Улыбалась чья-то повесть, / Короталась тихо ночь...», 1907); «Ночная Фиалка» (1906).
- 7 Вероятно, речь идет о романсе неизвестного композитора на слова Вс. Крестовского «Ванька-ключник» («Словно ягода лесная...», 1861).

№ 14. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущими письмами.
- 2 То есть в квартире М.И. Фудель.
- 3 Речь идет о книгах С.И. Фуделя из библиотеки его отца, Иосифа Ивановича Фуделя.
- 4 Драматург и поэт М. Метерлинк умер в 1949 г., прожив 87 лет.
- 5 Речь идет о романе Беатрис Гарраден «Корабли, проходящие ночью» (пер. с англ. А.Д. Линдегрэн, СПб.; М., 1904).
- 6 Речь идет об эпизоде из романа К. Гамсуна «Пан» (1894; рус. пер. 1901).
- 7 См. примеч. 8 к письму 2.
- 8 Возможно, речь идет об издании: Скворода Г. С. Собр. соч. с заметками и примеч. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1912. Т. 1.
- 9 Вторая строфа стихотворения А.А. Блока «Ночная» (1904) из цикла «Молитвы».
- 10 «Генрих IV», историческая хроника Шекспира, оканчивается арестом Фальстафа (Ч. 2, сц. 4) и «Эпилогом, произносимым танцором», где есть слова: «Насколько мне известно, Фальстаф умрет от сильной испарины, если ваше презрение еще не убило его» (пер. с англ. Б. Пастернака).
- 11 Речь идет о С.Н. ДурьILINE. См.: Воспоминания. С. 45 наст. изд.
- 12 Строки из посвящения «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.
- 13 Речь идет о предполагаемой продаже дома в Загорске и переезде В.М. Сытиной с дочерьми ближе к Москве.
- 14 Тамара Андреевна Липкина — троюродная сестра и гимназическая подруга М.И. Фудель.

№ 15. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о тяжелой болезни М.И. Фудель и предчувствию ее скорой кончины.

№ 16. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по предчувствию близкой смерти М.И. Фудель и указанию на возраст В.М. Сытиной, которой исполнялось 48 лет в 1949 г.
- 2 См.: Воспоминания. С. 42–43 наст. изд.
- 3 Нина Иосифовна Фудель († 30 IX 1971), старшая сестра С.И. Фуделя.
- 4 Вероятно, знакомая по Вологде, где в 1934–1936 гг. С.И. Фудель отбывал вторую ссылку (после ареста в 1932 г., Бутырской тюрьмы, этапа и лагеря).
- 5 Роман-эпопея Ромена Роллана «Жан-Кристоф» (1904–1912).
- 6 По-видимому, вода из родника под Загорском.

№ 17. В.М. Сытиной

- 1 Датируется по ссылке на трехлетие разлуки. См. примеч. 8.

- 2 Строка из кондака канона на утрене Великой Субботы.
- 3 Пс. 118, 96.
- 4 Пс. 118, 103.
- 5 Мф. 18, 19. Ср.: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного».
- 6 Ирмос песни Пасхального канона. Ср.: «Утренюем утреннюю глубину».
- 7 Пасха в 1949 г. приходилась на 24 апреля.
- 8 То есть с мая 1946 г.

№ 18. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на Пасху, которая в 1949 г. приходилась на 24 апреля (именно это пасхальное воскресенье упомянуто в письме), а также по указанию на возраст С.И. Фуделя и Н.С. Фуделя (см. примеч. 5).
- 2 См. письмо 16.
- 3 М.И. Фудель скончалась 13 мая 1949 г.
- 4 Неточные строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (1858). Ср.: «И льется чистая и теплая лазурь / На отдыхающее поле...»
- 5 Н.С. Фудель отметил свое двадцатипятилетие в 1949 г.; в этом же году С.И. Фуделю исполнилось 49 лет.
- 6 С.И. Фудель был арестован 17 мая 1946 г. в Москве.
- 7 В Вологде Н.С. Фудель жил с отцом, где тот отбывал вторую ссылку, в течение 1934—1935 гг., и учился в четвертом классе; вместе с отцом они читали Евангелие.
- 8 Перед смертью М.И. Фудель удалось поменять ее комнату на Арбате и комнату Т.А. Липкиной на две комнаты в коммунальной квартире в Дурновском пер.
- 9 То есть познание тайны пола.
- 10 Фил. 3, 16.

№ 19. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 Возможно, речь идет о юродивом, жившем столетием ранее. См.: «Ряд московских юродивых начинается с Максима († 1433), канонизированного на Соборе 1547 г. Житие его не сохранилось» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д.С. Лихачева и А.В. Меня. М., 1990. С. 205).
- 3 Ср.: «Что б ни выражал человек, он выражает только самого себя; что б ни созерцал он — он созерцает не иначе, как чрез призму своего внутреннего мира» (Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства, 1858).
- 4 Н.С. Фуделю исполнилось 25 лет 26 мая 1949 г.
- 5 То есть в 1951 г., когда окончится срок пятилетней ссылки.

№ 20. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на кончину М.И. Фудель.
- 2 Имеются в виду два предыдущих письма.
- 3 1 Цар. 14, 43.
- 4 См. примеч. 3 к письму 18.
- 5 Края письма оборваны.
- 6 Возможно, имеется в виду цитата из: Мк. 6, 52. Ср.: «...Еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце?»
- 7 С 1941 по 1945 гг. С.И. Фудель был на фронте; после войны несколько месяцев проживал с семьей в Загорске; был конфиденциально предупрежден об опасности нового ареста женой работника НКВД (см.: Желнова К. -

в а М. Воспоминания о матери // Наш современник. 1996. № 11. С. 59), переехал в Москву и нелегально жил на квартире у сестры, М.И. Фудель, где и был арестован в мае 1946 г.

№ 21. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по упоминанию о недавно пережитой утрате — кончине М.И. Фудель. См. примеч. 3.
- ² Три года подряд — в 1947-м, 1948-м и 1949-м — Н.С. Фудель ездил в горы Кавказа: в Домбай, в Сванетию, на Алибек.
- ³ То есть смерть М.И. Фудель.
- ⁴ Ср.: «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Ср. также: Моим детям и друзьям. С. 245 наст. изд.
- ⁵ Ср.: «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, Язвы, ходящей в мраке, заразы, опустошающей в полдень» (Пс. 90, 5—6) и строки стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» (1830).
- ⁶ 1 Пет. 4, 1.
- ⁷ Рим. 12, 11.
- ⁸ По святым — Вера, Надежда, Любовь и мать их, София.
- ⁹ Английское название газеты «Московские новости», выходившей в Москве на русском и английском языках с 1930 г., позже — на немецком, французском, арабском.

№ 22. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² Мф. 13, 44.
- ³ Неточная цитата из: Мф. 7, 13—14. Ср.: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь; ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».
- ⁴ Там же.
- ⁵ Мф. 19, 26.
- ⁶ Ср.: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым» (1 Кор. 3, 18).

№ 23. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на начало учебного года и по связи с предыдущим письмом.
- ² Речь идет о возвращении Н.С. Фуделя с Кавказа. См. письмо 22.
- ³ Письма С.И. Фуделя к М.И. Фудель неизвестны.
- ⁴ В 1916 г., когда С.И. Фуделю было 16 лет, его отцу, И.И. Фуделю, было 52 года.
- ⁵ О. Иосиф Фудель умер в 1918 г.
- ⁶ Кирилл Николаевич Ильин († 18 июля 1984) — племянник С.И. Фуделя, сын Н.И. Фудель и Н.Н. Ильина; художник, автор портрета С.И. Фуделя.
- ⁷ Именины Веры, Надежды, Любви и матери их, Софии.

№ 24. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на предстоящее окончание института Н.С. Фуделем весной будущего, то есть 1950 г.
- ² С.И. Фудель болел открытой формой туберкулеза до своего первого ареста.
- ³ Лидия Иосифовна Фудель умерла от туберкулеза 25 января 1933 г.
- ⁴ То есть в местах первой ссылки (1922—1925).
- ⁵ Н.С. Фудель окончил институт в мае 1950 г.

- 6 Строка из стихотворения В. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).
 7 С.И. Фудель находился в третьей ссылке четвертый год, с весны 1946 г.
 8 Речь идет о «Четьях Минеях» св. Димитрия Ростовского — 12-томном собрании «Житий святых».

№ 25. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на скорое пятидесятилетие С.И. Фуделя и на восемнадцатилетие его дочери Маши.
 2 Строки из стихотворения А.А. Блока «Ужасен холод вечеров...» (1902).
 3 Пятидесятилетие С.И. Фуделя наступало через два месяца, 13 января 1950 г.
 4 М.С. Фудель родилась 11 ноября 1931 г.

№ 26. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на срок разлуки с семьей. См. примеч. 6.
 2 См. примеч. 3 к письму 12.
 3 Лев Максимович Сытин (1890—1974) — дядя Н.С. Фуделя.
 4 Ин. 16, 21.
 5 См.: 1 Кор. 13, 4—7.
 6 То есть с весны 1946 г.
 7 Ср.: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19).
 8 Речь идет об А.А. Блоке и его стихотворении «Ветр налетит, завет снег» (1912); строка «насквозь прокурена душа» — скорее всего, ассоциация со строкой стихотворения А.А. Блока «Я пригвожден к трактирной стойке» (1908); ср.: «А ты, душа... душа глухая... / Пьяным пьяна... пьяным пьяна...»
 9 Один из повторяющихся мотивов в рассказах О.Генри. См., напр.: «Грошовый поклонник», «Святыня», «Из любви к искусству», «Золото и любовь».

№ 27. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по содержанию предыдущих писем и по связи с ними.
 2 Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!».

№ 28. Н. С. Фуделю

- 1 Место отправления указано по аналогии с письмами 1950 г.
 2 Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Я к людям не выйду навстречу» (1903). Ср.: «Молчаливые мне понятны, / И люблю обращенных в слух: За словами — сквозь гул невнятный / Просыпается светлый Дух».
 3 Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1863). Ср.: «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано».
 4 Федор Федорович Волькенштейн, сын Федора Акимовича Волькенштейна, с Ф.А. была дружна М.И. Фудель, жившая в одной с ним коммунальной квартире на Арбате в 1940-х гг.
 5 1 Кор. 14, 1.
 6 Речь идет о возможности отъезда Н.С. Фуделя из Москвы на работу по распределению после окончания института.

№ 29. Н. С. Фуделю

- 1 Место отправления указано по аналогии с письмами 1950 г.
 2 См. примеч. 7 к письму 23.
 3 Речь идет о статье Н.Г. Чернышевского: «Путешествия А.С. Норова» (1855) — рец. на кн.: Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113—1115). Издано археографической комиссией под ред. А.С. Норова, с

его критическими замечаниями, с приложением карты Палестины, плана Иерусалима и снимков с рукописей. СПб., 1864.

- 4 Размышления Н.Г. Чернышевского о повести И.С. Тургенева «Ася» «Русский человек на rendez-vous» (1858).

№ 30. Н.С. Фуделью

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
² См. примеч. 5 к письму 24.
³ Ср.: «Ибо каждый понесет свое бремя» (Гал. 6, 5).
⁴ См.: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2).
⁵ «По звездам» (1909) — название книги В.И. Иванова, куда вошли его статьи о символизме.
⁶ См.: «Яже Свет не вечерний рождающая, душу мою ослепшую просвети» (из молитвы 7-й, ко Пресвятой Богородице).
⁷ По-видимому, неточно процитированная строка из стихотворения неизвестного автора «Гори, гори, моя звезда».
⁸ Ср.: «Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (Откр. 22, 16).
⁹ Ольга Константиновна Дунина — бухгалтер завода № 6 в Загорске, помогла семье С.И. Фуделя после пожара, случившегося перед войной и уничтожившего только что построенный им дом, взяв к себе на зиму его сына-школьника.

№ 31. Н.С. Фуделью

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
² Это письмо С.И. Фуделя неизвестно.
³ Историческая хроника Шекспира «Генрих IV».
⁴ Речь идет об Андрее Белом. См. примеч. к с. 53.
⁵ Строки стихотворения А. Белого «Под окнами» (1908), из цикла «Урна», раздел «Философическая грусть».

№ 32. Н.С. Фуделью

- ¹ Датируется по упоминанию о кончине М.И. Фудель и вопросу об О.К. Дуниной (см. примеч. 9 к письму 30).
² См. примеч. 8 к письму 24.
³ Ольга Константиновна Дунина (см. примеч. 9 к письму 30).
⁴ См. примеч. 13 к письму 14.
⁵ Зинаида Максимовна Сыгина, свояченица С.И. Фуделя, жена академика Эргарда Викторовича Брицке.

№ 33. Н.С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на дни Страстной недели. См. примеч. 2.
² Страстная неделя приходилась на начало апреля в 1950 г., Пасха отмечалась 9 апреля.
³ Быт. 2, 2—3.
⁴ Строка из кондака канона на утрене Великой Субботы.
⁵ Роман Р. Роллана «Жан-Кристоф».
⁶ Имеется в виду Библия.
⁷ Ср.: «Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «до ревности любит дух, живущий в нас?»» (Иак. 4, 5).

№ 34. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о телеграмме Н.С. Фуделя от 3 апреля. См. письмо 33.

№ 35. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на телеграммы, которые Н.С. Фудель послал, по-видимому, поздравляя отца с Пасхой.
- 2 То есть роман О. Генри «Короли и капуста» (1904, рус. пер. 1924).
- 3 Произведения шведской писательницы Сельмы Лагерлёф С.И. Фудель мог читать в русском переводе в издании: Полн. собр. соч. Т. 1–12. М., 1909–1911.
- 4 Речь идет, вероятно, о рассказе Э. По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля» (1835), в котором кошка с котятми погибают во время фантастического путешествия естествоиспытателя на воздушном шаре. См. также рассказ Э. По «Черный кот» (1843).
- 5 Две книги переводов К.Д. Бальмонта из Э. По («Баллады и фантазии» и «Таинственные рассказы») были изданы в 1885 г.
- 6 Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «День и ночь» (1839).
- 7 В рассказе Э. По «Убийство на улице Морг» (1841) речь идет об убийце-орангутанге огромных размеров, привезенном с острова Борнео; рассказ, где речь идет о драке в винном погребе, называется «Король Чума» (1835).
- 8 Роман Р. Роллана «Жан-Кристоф».
- 9 Неточная цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 1, строфа XVII). Ср.: «Еще бокалов жажда просит / Залить горячий жир котлет».

№ 36. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о кончине М.И. Фудель и по связи с предыдущим письмом.
- 2 Вероятно, маленький сын хозяев квартиры, где С.И. Фудель снимал комнату.
- 3 См. письмо 6 и примеч. 1.
- 4 Будущая жена (с сентября 1951 г.) Н.С. Фуделя, Лидия Ивановна Щербинина (Ляля), учительница русского языка и литературы.
- 5 В письме (не позднее мая 1826) к П.А. Вяземскому из Михайловского в Москву А.С. Пушкин писал: «Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная <...> — род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу».
- 6 Иак. 4, 5.
- 7 Чулым — река в северо-восточной части Западно-Сибирского края, правый приток Оби.
- 8 Мф. 19, 26.

№ 37. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по смыслу: послать свою фотокарточку домой, в Загорск, С.И. не мог в следующем, 1951 г., накануне возвращения из ссылки; тем более позже, из Усмани, где он часто виделся с родными, а затем и воссоединился с ними. Это не могло быть и ранее, в 1949 г., так как из письма видно, что М.И. Фудель уже нет в живых.
- 2 Ср.: Мф. 18, 3.
- 3 Ср.: Евр. 4, 12.
- 4 См. стихотворение А.А. Блока «Я — тварь дрожащая. Лучами...» (1902): «В тебе таятся в ожиданьи / Великий свет и злая тьма — / Разгадка всякого познания / И бред великого ума».

№ 38. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на окончание института Н.С. Фуделем. См. примеч. 2.
- ² Н.С. Фудель окончил институт в мае 1950 г.
- ³ Имеется в виду «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, которую по разным поводам цитировал С.И. Фудель.
- ⁴ С.И. Фудель ошибочно приписывает стихотворение А.А. Блока «Тёмно в комнатах и душно...» (1901) А.А. Фету. Ср. также письмо 13.
- ⁵ То есть Л.И. Щербинину.
- ⁶ Неточная цитата из финала романа О. Генри «Короли и капуста». Ср.: «Разве есть во всем мире что-нибудь лучше, чем маленький круг на экране кино и в нем двое, идущие рядом?»
- ⁷ Звонарь Помпилиус Ньюман, персонаж романа Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле...» (1867).
- ⁸ Такое видение имел преподобный Антоний Великий. См.: Петр (Екатеринский), еп. Указание пути ко спасению. Сергиев Посад, 1905. С. 132.
- ⁹ Отец Л.И. Щербининой, Иван Григорьевич Щербинин, был начальником торговых перевозок Киевской железной дороги, член КПСС, мать, Вера Терентьевна, — дочерью кондуктора.
- ¹⁰ Имеется в виду возможность поступления Н.С. Фуделя в аспирантуру после окончания института.

№ 39. В.М. Сытиной

- ¹ Датируется по смысловой связи с письмом 36, где речь идет о предстоящей женитьбе Н.С. Фуделя.
- ² Речь идет об издании: С ы т и н П. В. Из истории Московских улиц. (Очерки). М., 1948.
- ³ Речь идет о комнате, которую снимал С.И. Фудель в с. Большой Улуй, вероятно, с осени 1948 г.

№ 40. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на двадцатисемилетие свадьбы С.И. Фуделя и В.М. Сытиной. См. примеч. 2.
- ² Венчание и свадьба С.И. Фуделя и В.М. Сытиной состоялись в 1923 г., в Усть-Сысольске, где С.И. Фудель отбывал первую ссылку (1922—1925). См.: Воспоминания. С. 78 наст. изд.
- ³ Строки из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг! Истомил тебя путь...» (1887).
- ⁴ Речь идет о С.Н. Дурьлине.

№ 41. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на сложности в отношениях Н.С. Фуделя и его будущей жены, Л.И. Щербининой.
- ² То есть с Н.С. Фуделем.
- ³ Ср.: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания. Человек не годится для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием» (Из архива Достоевского. «Преступление и наказание». Неизданные материалы. М.;Л.: ГИХЛ, 1931. С. 154).
- ⁴ См. книгу эссе М. Метерлинка «Сокровище смиренных» (1896).
- ⁵ Ср.: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа, — кричал он [Ипполит] громко всем, — князь утверждает, что мир спа-

сет красота!.. Какая красота спасет мир?.. Вы ревностный христианин?» (Достоевский Ф. М. Идиот. Ч. 3. Гл. V).

⁶ Ср.: Мф. 19, 26.

№ 42. Н. С. Фуделю

¹ Датируется по указанию на скорое окончание срока ссылки; см. примеч. 5.

² Имеется в виду «Рождественская песнь в прозе» (святочный рассказ с привидениями) Ч. Диккенса (1843).

³ После окончания института в мае 1950 г. Н. С. Фудель остался в Москве с целью поступления в аспирантуру и искал работу по специальности.

⁴ Пьеса М. Метерлинка «Синяя птица» была поставлена в Московском Художественном театре в 1908 г. и не сходила со сцены в течение многих лет, включая 40-е и 50-е гг.

⁵ Весной 1951 г. заканчивался срок пятилетней сибирской ссылки.

№ 43. Н. С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на обстоятельства встречи Нового года (вдали от семьи).

² См. письмо 42.

№ 44. Н. С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на обстоятельства жизни Н. С. Фуделя.

² Речь идет о поисках работы Н. С. Фуделем в Москве.

³ Ср.: «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине» (Пс. 144, 18).

№ 45. Н. С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на обстоятельства жизни Н. С. Фуделя, до его женитьбы.

² То есть о продаже дома в Загорске.

№ 46. Н. С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на планировавшуюся свадьбу Н. С. Фуделя.

² После окончания института и до поступления на службу в музей «Абрамцево» Н. С. Фудель зарабатывал частными уроками.

³ Имеется в виду Н. Н. Ильин, муж сестры С. И. Фуделя, Нины Иосифовны, историк, работавший в Библиотеке им. В. И. Ленина.

⁴ См., напр.: Никольский Ю. Тургенев и Достоевский: (История одной вражды). София, 1921.

⁵ Библиографическому описанию библиотеки Ф. М. Достоевского посвящена работа: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского // Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. Гроссман пишет о тетради с перечнем книг и газет, составленным А. Г. Достоевской: «Писался он не с целью составления каталога книг Достоевского, а, скорее, ввиду намеченной ликвидации его библиотеки. Это, очевидно, список книг для ознакомления букинистов... Это реестр книг для продажи» (С. 11).

⁶ См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 год. Август. Гл. III. Приписка к случаю. Четыре лекции на разные темы, прочитанные мне г-ном Градовским. [Лекция] III. Две половинки.

⁷ 26 мая — день рождения Н. С. Фуделя. На этот день первоначально намечалась свадьба Н. С. Фуделя и Л. И. Щербининой, но затем церемония была перенесена на более поздний срок.

⁸ Утренняя молитва 5-я св. Василия Великого «И даруй нам бодренным серд-

цем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти, ожидающим пришествия светлаго и явленнаго дне Единороднаго Твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

№ 47. В. М. Сытиной

- ¹ Датируется по упоминанию о скором окончании сибирской ссылки. См. примеч. 2.
- ² Возможный переезд ожидался в июне 1951 г.
- ³ Эти планы не осуществились.
- ⁴ На кладбище в Загорске был похоронен о. Серафим (Битюгов).
- ⁵ То есть с 1946 г.

№ 48. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на вторую годовщину смерти М.И. Фудель. См. примеч. 8.
- ² Письмо утрачено.
- ³ Ср.: «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1, 5).
- ⁴ Имеется в виду сцена из Библии — обольщение змеем Адама и Евы. Ср.: «Но знает Бог, что в день, в который вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5).
- ⁵ Ср.: Мф. 10, 16.
- ⁶ Позднее, в Усмани, С.И. Фудель отказался от намерения ехать в Заполярье на заработки.
- ⁷ День рождения Н.С. Фуделя — 26 мая.
- ⁸ Скончалась М.И. Фудель — 13 мая 1949 г.

№ 49. Л. И. Щербининой

- ¹ Датируется по ссылке на годовщину смерти М.И. Фудель.
- ² См. примеч. 8 к письму 48.
- ³ «Познать Бога способна лишь сама душа, христианка по природе» (Тертуллиан. О душе (ок. 200 н.э.)).
- ⁴ Строфа из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Есть речи — значенье...» (1840).

№ 50. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на предыдущее письмо, написанное в тот же день, 14 V.

№ 51. Н. С. Фуделью и Л. И. Щербининой

- ¹ Датируется по указанию на окончание срока ссылки и «начало новой жизни».
- ² Годы ссылки (1946—1951).
- ³ Строки из посвящения романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
- ⁴ Заключительная строфа стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828).
- ⁵ То есть через Москву, где жили Н.С. Фудель и Л.И. Щербинина, в Загорск, к жене.
- ⁶ То есть жизнь после сибирской ссылки.
- ⁷ Речь идет о выборе учебного заведения для М.С. Фудель.
- ⁸ Письма не сохранились.

№ 52. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по указанию на окончание срока ссылки. См. примеч. 2, 3.
- ² Перед окончанием ссылки и отъездом по месту жительства семьи С.И. Фудель выдали общегражданский паспорт.

- ³ С.И. Фудель работал в Большом Улуе бухгалтером-счетоводом.
- ⁴ Г. Ачинск — центр Ачинского округа Сибирского края, на реке Чулыме, ближайшая к с. Большой Улуй железнодорожная станция.
- ⁵ То есть проездом через Москву (к Т.А. Липкиной), по пути в Загорск.
- ⁶ М.С. Фудель окончила десятилетку в Загорске и собиралась поступать в институт. Жила у Т.А. Липкиной в Москве.
- ⁷ Речь идет о плане найти литературную работу (переводы с иностранных языков) в Воронеже для В.М. Сытиной.
- ⁸ В 30-е гг. XIX столетия все «литературные» Аксаковы — Сергей Тимофеевич и его сыновья, Иван Сергеевич и Константин Сергеевич, — жили в Москве (до этого — в оренбургских имениях). В Нижнем Новгороде в 1859—1860 гг. служил в палате Государственных имуществ А.Н. Аксаков, племянник С.Т. Аксакова.

№ 53. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на начало работы Н.С. Фуделя экскурсоводом в музее «Абрамцево».
- ² Речь идет о портрете В.С. Мамонтовой (1875—1907), дочери С.И. Мамонтова, жене А.Д. Самарина, изображенной на картине В.А. Серова «Девочка с персиками» (1887).
- ³ Имеется в виду историко-художественное исследование: Грабарь И.Э. В.А. Серов. М., 1915.
- ⁴ Неточная цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (Гл. 8, строфа XLVI). Ср.: «... Что в них? Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада...».
- ⁵ М.А. Врубель руководил реставрацией древних фресок Кирилловской церкви в Киеве (1884) и создал несколько новых композиций, а также иконы для иконостаса, работал над росписью Владимирского собора в Киеве (1887).
- ⁶ Неточная цитата из стихотворения А.А. Фета «Поэтам» (1890). Ср.: «Этот листок, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопеньи».
- ⁷ См. примеч. 4 к письму 8.
- ⁸ «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14).

№ 54. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на предстоявшую в сентябре 1951 г. женитьбу Н.С. Фуделя.
- ² То есть героя романа И.С. Тургенева «Рудин» (1855).
- ³ Повесть Л.Н. Толстого (1886).
- ⁴ Источник цитаты не обнаружен.
- ⁵ См.: Исаак Сирийн. Слово 38 // Творения аввы Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1911. С. 160.
- ⁶ Герой книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» (1923).
- ⁷ Известное высказывание К.С. Станиславского, основателя и режиссера Московского Художественного театра.
- ⁸ К.Н. Ильин, племянник С.И. Фуделя.
- ⁹ То есть в 1916 г.
- ¹⁰ С.Н. Дурылин.
- ¹¹ Английский писатель Герберт Уэллс трижды посещал Россию: в 1914, 1920, 1934 гг.
- ¹² То есть в первой ссылке, в Усть-Сысольске.
- ¹³ Строка из стихотворения А.А. Блока «Я жду призыва, ищу ответа...» (1901).
- ¹⁴ См.: Из записок Я.М. Неверова. Подвижник и подвижница // Русская старина. 1880. № 6; Неверов Я. М. Воспоминания о встречах с Тургеневым и Станкевичем // Русская старина. 1873. Т. 40. № 11.

№ 55. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по ссылке на обстоятельства жизни С.И. Фуделя в Усмани. См. примеч. 2.
- ² Г. Усмань Воронежской области, новое местожительство после пятилетнего сибирской ссылки и полученного «минуса» (то есть разрешения проживать не ближе, чем 100 км от Москвы).
- ³ С.И. Фудель искал бухгалтерскую работу, освоенную в ссылке.
- ⁴ Графская, Рамонь — станции железной дороги, следующие за Усманью в сторону Воронежа.
- ⁵ См. примеч. 7 к письму 18.
- ⁶ Речь идет о доме в Загорске.
- ⁷ Адрес дома в Усмани, где С.И. Фудель снял комнату летом 1951 г.

№ 56. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по ссылке на обстоятельства жизни С.И. Фуделя в Усмани. См. примеч. 2.
- ² С.И. Фудель искал в Усмани бухгалтерскую работу.
- ³ Летом 1951 г. М.С. Фудель поступила на первый курс Московского лесотехнического института.
- ⁴ Работа Н.С. Фуделя в музее «Абрамцево» и проживание М.С. Фудель у Т.А. Липкиной в Москве (в Дурновском пер.), в то время как институт, куда она поступила, находился в Московской области, на станции Строитель северной железной дороги.
- ⁵ То есть в музее «Абрамцево», куда Н.С. Фудель пытался устроиться на постоянную работу.
- ⁶ К этому времени согласие Щербининых на брак их дочери с Н.С. Фуделем еще не было получено.
- ⁷ Строфа из стихотворения З.Н. Гиппиус «Узел» (1905). Ср.: Воспоминания. С. 46 наст. изд.
- ⁸ Речь идет о книге из библиотеки о. Иосифа Фуделя.
- ⁹ П.Я. Чаадаев был объявлен сумасшедшим за 1-е «Философическое письмо» (Телескоп. 1836. № 15).
- ¹⁰ Находясь с П.Я. Чаадаевым в тесных дружеских отношениях, Ф.И. Тютчев в споре с ним доказывал, что Россия «особый мир, с высшим политическим и духовным призванием, пред которым должен со временем преклониться Запад» и что православию — «залог будущности для России и всего славянского мира» (см.: Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М., 1874. С. 31).
- ¹¹ Автор философского сочинения «Русские ночи» (1844) — В.Ф. Одоевский (1803—1869).
- ¹² Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Памяти А.И. Одоевского» («Я знал его: мы странствовали с ним...», 1839). Ср.: «А море Черное шумит не умолкая».
- ¹³ Церковь Спаса-Нередицы вблизи Новгорода Великого, построенная в 1198 г. для семьи кн. Ярослава Владимировича.
- ¹⁴ Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Бессонница» (1829).
- ¹⁵ Елена Дмитриевна Мамонтова, урожденная Свербеева, дочь Дм. Дм. Свербеева, жена последнего из Мамонтовых, Всеволода Саввича (работавшего одно время в музее), которая доживала в Абрамцево в крыле дома.

№ 57. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по упоминанию о плане покупки дома в Усмани.
- ² Имеются в виду осложнения со свадьбой Н.С. Фуделя и Л.И. Щербининой.

- ³ Речь идет о коллизиях романа И.А. Гончарова «Обрыв» (1868).
- ⁴ Речь идет о несостоявшейся женитьбе В.А. Жуковского на его ученице и племяннице М. Протасовой в связи с категорическим отказом ее родных по причине слишком близкого родства.
- ⁵ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «К портрету Жуковского» (1818).
- ⁶ То есть С.Н. Дурылина. Об этих стихах см.: Воспоминания. С. 51 наст. изд.
- ⁷ Речь может идти об изданиях: Дурылин С. Н. Михаил Васильевич Нестеров. Очерк. М.; Л., 1942; Нестеров — портретист. М.; Л., 1949.
- ⁸ См. примеч. 3 к письму 56.
- ⁹ Возможно, Надежда Львовна Тихомирова, дочь Льва Тихомирова, жившая в Загорске. См.: «Две старушки Тихомировы отдали папе перед войной часть своего участка, где он построил дом, который сгорел через два дня после переезда» (Желнова М. Воспоминания о матери // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1999. № 4. [Главы, не вошедшие в публикацию журнала «Наш современник». (1996. № 11)]. С. 262.
- ¹⁰ Н.И. Фудель.

№ 58. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по обстоятельствам, связанным с продажей дома в Загорске и поисках жилья в Усмани.
- ² То есть продажа дома в Загорске.
- ³ Софья Тернова, двоюродная сестра С.И. Фуделя, врач Лебедянской больницы, проживавшая в большом каменном доме по адресу: Лебедянь, ул. Свободы, 24.
- ⁴ Строка из стихотворения З.Н. Гиппиус «Узел» (1905). См. примеч. 7 к письму 56.

№ 59. Н.С. Фуделю

- ¹ Адрес отправления указан по аналогии с письмами осени 1951 г.
- ² Свадьба Н.С. Фуделя и Л.И. Щербининой состоялась в сентябре (до 12) 1951 г.
- ³ Имеется в виду одна из сюжетных линий романа Ф.М. Достоевского «Бесы».
- ⁴ См. финал романа О. Генри «Короли и капуста».
- ⁵ Имеется в виду герой драматической поэмы Г. Ибсена «Бранд» (1866).
- ⁶ Роль Бранда в спектакле по одноименной пьесе Г. Ибсена В.И. Качалов играл в Московском Художественном театре в 1906 г.
- ⁷ То есть книги С.Н. Дурылина: Павел Акинфиевич Хохлов. 1854—1919. М.; Л., 1947; Айра Олдридж. [Великий трагик XIX века]. М.; Л., 1940.
- ⁸ С.Н. Дурылин.
- ⁹ Роман-хроника Н.С. Лескова «Соборяне» (1872).

№ 60. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- ² То есть в Москву, где с Т.А. Липкиной (в Дурновском пер.) жила М.С. Фудель и куда из Абрамцева наезжал Н.С. Фудель, и в Загорск, где до продажи дома жили жена и дочь Варя.
- ³ См. примеч. 5 к письму 59.
- ⁴ Сосед по квартире на Арбате, которая после революции стала коммунальной, три из шести комнат занимали жильцы.
- ⁵ С.И. Фудель ошибается — эти строки из стихотворения В. Шершеневича (посв. Я. Блюмкину) «Сердце частушка молитв» (1918). Ср. точный текст: «Другим надо славы, серебряных ложечек, / Другим стоит много слез, — / А мне бы только любви немножечко, / Да десятка два папирос» (1-я строфа);

«Но пока я не умер, простудясь у окошечка, / Всё смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, — / Мне бы только любви немножечко / Да десятка два папирос» (9-я строфа).

- 6 По-видимому, речь идет о книге: Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М., 1933.
- 7 Ср.: Мф. 26, 37—38.
- 8 Лк. 22, 44.
- 9 Речь идет о герое драматической поэмы Г. Ибсена «Пер Гюнт» (1866), идеал которого — «быть самим собой».

№ 61. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом. См. примеч. 2 к письму 60.
- 2 Н. С. Фудель ездил в короткую командировку в музей-усадьбу «Поленово».
- 3 С. И. Фудель был в Поленове в начале 20-х, до первого ареста; В. М. Сытина снимала дачу недалеко от Поленова в 30-х гг.
- 4 См.: Исх. 17, 5—6; Числ. 20, 11; Пс. 77, 15; 101, 41.
- 5 Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1826).
- 6 Продолжение письма не сохранилось.

№ 62. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущими письмами.
- 2 Имеется в виду поездка С. И. Фуделя в Москву.
- 3 Эти стихи Н. С. Фуделя не опубликованы.

№ 63. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 Ср.: Мф. 7, 14.
- 3 Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...», 1830).
- 4 Ср.: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...»
- 5 Стихи С. И. Фуделя не опубликованы.
- 6 Неточно названное стихотворение из неверно указанного поэтического цикла А. А. Блока. Ср.: «Я в дольний мир вошла, как в ложу» (1907) из цикла «Фаина».
- 7 Стихи С. А. Есенина 1925 г., напечатанные в газете «Бакинский рабочий» («Ну, целуй меня, целуй...», «Видно, так заведено навеки...», «Я помню...» и др).

№ 64. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 Не удалось продать дом в Загорске, купить жилье и найти работу в Усмани и воссоединиться с семьей.
- 3 Ср.: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. 3, 19).
- 4 На короткое время С. И. Фудель ездил в Москву и Загорск, к семье.
- 5 Герой из книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала».

№ 65. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 Вероятно, имеется в виду издание: Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия. ТОДРЛ. Т. VIII. М.; Л., 1951.
- 3 Древнерусские распевы.
- 4 Песни в честь богини плодородия Деметры, чей храм построен в греческом городе Элевсине.
- 5 Скифская баба, каменное изваяние — экспонат музея «Абрамцево».

№ 66. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по упоминанию об Усмани.
- ² Речь идет о продаже дома в Загорске.
- ³ С осени 1951 г. Н. С. Фудель работал в музее «Абрамцево» в должности младшего научного сотрудника и жил в предоставленной ему при музее комнате.
- ⁴ Речь идет о книге: Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М., 1874.
- ⁵ Музей в бывшем имении И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново близ Мценска.
- ⁶ Роман-хроника Н. С. Лескова.
- ⁷ То есть рядом с Абрамцевом, которое находится на 55-м км железной дороги на линии Москва — Загорск.
- ⁸ Имеется в виду Мария Алексеевна Бобринская, жена известного зоолога Бобринского, служившего в бобровом заповеднике в усманском бору.
- ⁹ А. Ф. Гильфердинг (1831—1872) — историк-славист, фольклорист, участник кружка славянофилов, собиратель и издатель Онежских былин. П. В. Киреевский (1808—1856) — фольклорист, археолог, член кружка Любомудров, собиратель и издатель народных песен.

№ 67. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² Дочь, М. С. Фудель.
- ³ С. Н. Дурылин.
- ⁴ Софья Тернова. См. примеч. 3 к письму 58.
- ⁵ См. примеч. 2.
- ⁶ Неточная цитата из стихотворения В. Шершеневича «Сердце частушка молитв». См. примеч. 5 к письму 60.
- ⁷ Речь идет о писателе Н. Д. Телешове (1867—1957) и его художественных мемуарах «Записки писателя. Рассказы о прошлом и воспоминания» (1943), выдержавших несколько изданий. О памятнике Пушкину речь идет в гл. 1.
- ⁸ Знакомство К. Н. Леонтьева с И. С. Тургеневым произошло весной 1851 г., когда молодой автор пришел к уже известному писателю с первой своей пьесой «Женитьба по любви» и встретил горячий прием; позже Тургенев свел Леонтьева в литературный салон Евг. Тур. «Он наставил и вознес меня», — писал К. Н. Леонтьев о Тургеневе (Собр. соч. Т. 9. М.; СПб, 1912).

№ 68. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с содержанием предыдущего письма.
- ² С. Н. Дурылин.
- ³ С. Н. Дурылину в 1951 г. было 65 лет (1886—1954).
- ⁴ С. Н. Дурылин писал статьи и рецензии об актерах МХАТа и Малого театра.
- ⁵ См. примеч. 7 к письму 67.
- ⁶ Речь Достоевского о Пушкине была произнесена днем 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей российской словесности по случаю открытия памятника. В тот же день, на литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания, Достоевский читал произведения Пушкина: в первом отделении отрывок из «Песен западных славян» и «Сказку о медведихе», во втором — стихотворение «Пророк» (дважды, по просьбе публики).

№ 69. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Об этой просьбе см. в письме 67.
- ³ Имеется в виду прощание с домом в Загорске в связи с планами его предстоящей продажи (или аренды, если не осуществится продажа).

- 4 Ср.: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1, 21).
- 5 Нина Васильевна Петровская — хозяйка дома в Усмани, где С.И. Фудель снял комнату.
- 6 С 1945 г. Дурьлин — профессор, зав. кафедрой истории русского и советского театра ГИТИСа и старший научный сотрудник сектора истории театра Института истории искусств АН СССР. См.: Кузьмина В. С.Н. Дурьлин. Краткий очерк научной деятельности// Сообщения Института истории искусств АН СССР. М., 1955. № 6; Померанцева Г. Е. О Сергее Николаевиче Дурьлине// Дурьлин С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М., 1991. С. 39—41.
- 7 См. примеч. 3 к письму 68.
- 8 После второй (вологодской) ссылки С.И. Фудель поселился с семьей в Загорске. На хуторе, в 20 км от Серпухова, снимал дачу брат В.М. Сытиной, Лев Максимович Сытин; туда приезжал на каникулы и Н.С. Фудель.
- 9 Валентина Белякович — хозяйка дома, в котором С.И. Фудель снимал комнату первое время по приезду в Усмань. «Беляковичи — мать-старушка, которую папа очень любил, и ее дочь Валя (нигде не работала, с ребенком и без мужа) иногда имели к ужину вареную мелкую картошку без хлеба, чем от души угощали папу» (из письма М.С. Желноваковой Н.С. Фуделю от 21 июня 2000 г.).

№ 70. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по сочетанию числа, месяца и дня недели (20 ноября, вторник).
- ² Вероятно, имеется в виду езда из Усмани в Москву по железной дороге. См. письмо 62.
- ³ С.И. Фудель неточно цитирует свое стихотворение «Уже скоро рассвет, мой милый» (1934) из неопубликованного цикла «Тридцать стихов для друзей». Ср.: «Уже скоро рассвет, мой милый. / Недалёко уж нам идти. / Сосчитаны наши силы, / Измерены нам пути».
- ⁴ С.И. долго искал работу и нашел ее в артели «Красное знамя», где работал до пенсии бухгалтером. «Он все бегал по всем учреждениям и искал работу и был бодр и весел (я помню его лицо того времени)» (из письма М.С. Желноваковой Н.С. Фуделю от 21 июня 2000 г.).
- ⁵ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830). С.И. Фудель точно воспроизводит знаки препинания: в 1-й цитируемой строке вместо восклицательного знака — запятая.
- ⁶ «Слово о полку Игореве» датируется концом XII в.
- ⁷ Осенью 1951 г. Н.С. Фудель поступил в аспирантуру Института мировой литературы АН СССР. Тему «Творческий метод Тургенева», о которой первоначально шла речь, ему предложили сменить на исследование творческого метода казахского писателя М.О. Азузова с обещанием оставить в очной аспирантуре. Н.С. Фудель оставил прежнюю тему, но был переведен в заочную аспирантуру.
- ⁸ См. примеч. 3 к письму 69. В связи с тем что продать дом сразу не удалось, решено было его сдавать в аренду.
- ⁹ Неточная строка из стихотворения А.А. Блока «Под масками» (1907). Ср.: «А под маской было звездно, / Улыбалась чья-то повесть, / Короталась тихо ночь...»

№ 71. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Фил. 3, 16.

- ³ В связи со сдачей дома (в Загорске) в аренду В.М. Сытина и Варя Фудель жили в Москве (вместе или врозь) у знакомых или родных, в частности у Т.А. Липкиной, в Дурновском пер.; у Н.И. Фудель.

№ 72. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Речь идет, скорее всего, о сложных отношениях поэта-символиста Вяч. Иванова с художницей и поэтессой М.В. Сабашниковой, женой поэта М.А. Волошина. См. стихотворение «Венчанная крестом лучистым лань...» из биографического цикла Вяч. Иванова «Золотые завесы» (1906—1907), с которым, возможно, возникла ассоциация у С.И. Фуделя: «Венчанная крестом лучистым лань, — / Подобие тех солнечных оленей, / Что в дебрях возывал восторг молений, — / Глядится так сквозь утреннюю ткань / В озерный сон, где зарева рань / Купает жемчуг первых осветлений, — Как ты, глядясь в глаза моих томлений, / Сбираешь умилений светлых дань...»
- ³ Строки из посвящения романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
- ⁴ См.: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4, 1—2).
- ⁵ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева («Как океан объемлет шар земной...», 1830). Ср.: «Как океан объемлет шар земной, / Земная жизнь кругом объята снами...»
- ⁶ 1 Кор. 14, 20.
- ⁷ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).
- ⁸ Имеется в виду 4-й сборник стихотворений А.А. Блока «Ночные часы» (М., 1911).
- ⁹ Евр. 11, 1.
- ¹⁰ Письмо не окончено; было приложено к письму 73 и отправлено вместе с ним.

№ 73. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² См. письмо 72.
- ³ Вероятно, Зинаида Моисеевна Купер, знакомая Фуделей. М.С. Желновакова вспоминает о ней как об очень бедной женщине. «Мне запомнилось, как они [С.И. Фудель и В.М. Сытина] ахали, что она вот так от себя оторвала» (письмо М.С. Желноваковой Н.С. Фуделю от 21 июня 2000 г.).
- ⁴ См. письмо 71.
- ⁵ Речь идет о Софье Ивановне Осиповой (урожденной Фудель), дочери Ивана Ивановича Фуделя, тете С.И. Фуделя, и о Нине Иосифовне Фудель, сестре С.И. Фуделя.

№ 74. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!».
- ³ Утренняя молитва 8-я, Господу нашему Иисусу Христу: «Или хошу, спаси мя, или не хошу, Христе Спасе мой, предвари скоро, скоро погибох: Ты бо еси Бог мой от чрева матере моея».
- ⁴ См.: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2, 9).
- ⁵ Ср.: «И убоявшись пошел и скрыл талант свой в земле; вот тебе твое» (Мф. 25, 25).

- 6 Ср.: «Тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут искать меня, и не найдут меня» (Прит. 1, 28).
- 7 Еккл. 12, 7.
- 8 Песня из службы погребения сравнивается с «Песнью песней Соломоновых».
- 9 Хозяйка дома в Усмани, сдававшая комнату С.И. Фуделю. См. примеч. 9 к письму 69.
- 10 Имеются в виду статьи Н.Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы», опубликованные в журнале «Современник» в 1855 — 1856 гг.
- 11 Речь идет о медицинской комиссии по инвалидности.

№ 75. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущими письмами.
- 2 То есть с выписками из статей Д.И. Писарева.
- 3 См. статью Д.И. Писарева «Базаров» (1862): «Мираж рассеялся — Рудины не сделали практическими деятелями; из-за Рудиных выдвинулось новое поколение, которое с укором и насмешкой отнеслось к своим предшественникам» (Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 19).
- 4 См.: Воспоминания. С. 46—47 наст. изд.

№ 76. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на обстоятельства жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- 2 Ходатайство о пенсии по инвалидности С.И. Фудель подал в конце 1951 г.
- 3 С.И. Фудель старался помочь сыну выписками из книг по теме его научных интересов. См. письма 74 и 75.
- 4 Намерение бросить курить С.И. Фудель осуществил в Усмани позднее.

№ 77. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с письмом 76.
- 2 См. письмо 76, где С.И. Фудель договаривался с сыном бросить курить одновременно 17 января.
- 3 «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского.
- 4 Отъезд Л.Н. Толстого из Ясной Поляны в 1910 г.
- 5 Стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» («Спи, младенец мой прекрасный...», 1840) и «Выхожу один я на дорогу» (1841).
- 6 В этот день С.И. Фуделю исполнилось 52 года.
- 7 Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора...» (1830—1836).
- 8 С С.Н. Дурьиным.

№ 78. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 Выписки для Н.С. Фуделя, связанные с творчеством И.А. Гончарова (см. письмо 79).
- 3 По-видимому, речь идет о статье Н.Г. Чернышевского «По поводу «Автобиографии» Н.И. Костомарова», где упомянуты профессор Петербургского университета Б.И. Утин, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич и др. Р.И. Сементковский — литератор, один из редакторов «Нивы», еженедельного журнала, выходившего в Петербурге в 1870—1918 гг.
- 4 Имеется в виду иронический отзыв Н.Г. Чернышевского (Современник. 1857. № 2) о статье литературного критика С.С. Дудышкина, посвященной творчеству И.С. Тургенева (Отечественные записки. 1857. № 1, 4).
- 5 Речь идет об издании: Тургенев И.С. Материалы и исследования. Сборник под ред. проф. Н.Л. Бродского. Орел, 1940.

- 6 Речь идет о возможных или воображаемых музейных экспонатах и культурных реалиях музея «Абрамцево»: кресле Сергея Тимофеевича Аксакова, крылатке (плаще) Н.В. Гоголя, фотографиях или рисунках улиц Москвы, интерьере книжной лавки петербургского книгопродавца и издателя А.Ф. Смирдина (1795–1857).
- 7 Комната, которую С.И. Фудель снимал у Н.В. Петровской в Усмани.

№ 79. Н.С. Фуделю и Л.И. Щербининой

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² См. примеч. 6 к письму 78.
- ³ См. примеч. 3 к письму 78.
- ⁴ Роман И.С. Тургенева «Рудин» впервые был напечатан в январском и февральском номерах журнала «Современник» за 1856 г.
- ⁵ То есть в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина.
- ⁶ См. примеч. 5 к письму 78; речь идет о статье Е.П. Прохорова в упомянутом сборнике.
- ⁷ Имеется в виду эпистолярное обсуждение диссертационной работы Н.С. Фуделя о романе «Рудин».

№ 80. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² То есть дочери хозяев дома в Усмани.
- ³ Речь идет о научном руководителе Н.С. Фуделя проф. Н.Л. Бродском и о его книге «М.Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. 1814–1832» (М., 1945).
- ⁴ Сын хозяев дома в Усмани.

№ 81. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- ² То есть работы бухгалтером.
- ³ То есть с августа 1951 г., после сибирской ссылки и отпуска, проведенного в Загорске.
- ⁴ Переосвидетельствование, связанное с инвалидностью С.И. Фуделя, началось каждые полгода (иногда каждые три месяца). См. письмо 76.
- ⁵ Речь идет о слаче в аренду дома в Загорске.
- ⁶ То есть с мая 1946 г.
- ⁷ Речь идет о поселке Хотьково между Абрамцевом и Загорском, где предполагалось снять временное жилье.
- ⁸ То есть в комнате у Н.В. Петровской.
- ⁹ Беляковичи — хозяева дома в Усмани, сдававшие С.И. Фуделю комнату в августе—октябре 1951 г.
- ¹⁰ Речь идет о вошедшем в «Былое и думы» «Рассказе о семейной драме» (Ч. 5), повествующем об отношениях Георга Гервега с Н.А. Герцен.
- ¹¹ Речь идет о столетии со дня смерти Н.В. Гоголя, которое отмечалось в музее «Абрамцево».

№ 82. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- ² Речь идет о сдаче в аренду дома в Загорске. На арендные деньги В.М. Сытина содержала дочерей.
- ³ К письму приложена открытка с репродукцией картины В.М. Васнецова «Преферанс» (Государственная Третьяковская галерея).
- ⁴ Источник цитаты не найден.

№ 83. С.Н. Дурылину

- ¹ Письмо С.И. Фуделя С.Н. Дурылину было послано вместе с письмом к сыну (см. письмо 84), но не передано адресату по причине неувстречи с ним. Датируется по упоминанию о шести годах одиночества. См. примеч. 3.
- ² То есть с выставкой, посвященной столетию смерти Н.В. Гоголя.
- ³ То есть с мая 1946 г.
- ⁴ См. примеч. 3 к письму 58.
- ⁵ Вероятно, речь идет о брате С.Н. Дурылина Георгии Николаевиче Дурылине, анархисте. См.: Русские писатели. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 198.
- ⁶ Автобиографическое стихотворение С.Н. Дурылина, о котором упоминается в «Воспоминаниях» С.И. Фуделя (С. 49 наст. изд.).

№ 84. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по упоминанию о намерении ехать в Лебедянь и пропастись в доме двоюродной сестры Софьи Терновой.
- ² Такая книга не была написана.
- ³ Имеется в виду глава XXX части четвертой «Былого и дум» А.И. Герцена («Не наши»), с подзаголовком «Славянофилы и панславизм. — Хомяков, Киреевские, К. Аксаков. — П.Я. Чаадаев».
- ⁴ «Былое и думы».
- ⁵ Имеется в виду некролог А.И. Герцена «Константин Сергеевич Аксаков» (Колокол. 1861. 15 января).
- ⁶ Имеется в виду книга: Анненков П. В. Н.В. Станкевич. Биографический очерк. М., 1857.
- ⁷ Речь идет о комиссии по поводу инвалидности С.И. Фуделя, назначавшейся каждые три месяца (или каждые полгода).
- ⁸ То есть в Лебедяни.
- ⁹ Речь идет о главе «Эпизод из 1844 года» части четвертой мемуаров А.И. Герцена «Былое и думы», рассказывающей историю женитьбы В.П. Боткина (Базиля) на француженке Арманс.
- ¹⁰ С.Н. Дурылин.

№ 85. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² То есть С.И. Фудель, его жена и младшая дочь Варя, которые приехали к нему в Усмань в промежутке между 9 и 26 марта 1952 г.
- ³ См.: «Вот, Я стану пред тобою там на скале в Хориве; и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей в глазах старейшин Израильских» (Исх. 17, 6).
- ⁴ Рецензия И.С. Тургенева «Путешествие по святым местам русским» на книгу А.Н. Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) появилась в «Журнале министерства народного просвещения» (1836. № VII. С. 391–410) за подписью «И. Тургенев» и была названа библиографом «Московского телеграфа» первым печатным произведением писателя. Сам Тургенев считал эту рецензию «ребяческим упражнением» (Вестник Европы. 1876. Кн. 1. С. 430).
- ⁵ Имеется в виду работа Венгеров С.А. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды. Иван Сергеевич Тургенев. СПб., 1875.
- ⁶ Первое Полное собрание сочинений и писем А.И. Герцена (Т. 1–22) с обширным комментарием, включающим множество документов, вышло под ред. М.К. Лемке (П., 1919–1925).
- ⁷ Речь идет о письме А.И. Герцена не к И.С. Тургеневу, а к дочери, Н.А. Гер-

цен, от 20 (8) сентября 1865 г. из г. Веве. «Я ждал на пристани. Лезет какой-то гнусный старче, опираясь на англичанку, и, увидя меня, прячется в толпу, — не удержался я, я за ним — и стал перед. — “Василий Петрович, Василий Петрович — зачем перепугались?..” — “Да... да я... да... да я и не испугался — совсем не испугался”, — бормотал он, бледный. Я отвернулся и ушел. Сегодня встретил. Шапку ломит издали — но уж ни слова».

№ 86. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани после приезда жены и дочери.
- ² Речь идет о внутренних правилах для научных сотрудников музея «Абрамцево», которым вменялась в обязанность ночная работа над экспозицией.
- ³ Елена Владимировна Чернышова, научный сотрудник музея «Абрамцево», с которой был дружен Н.С. Фудель и о которой он рассказывал в письмах отцу и матери.

№ 87. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Пасха в 1952 г. приходилась на 20 апреля.
- ³ В предисловии к рассказу «Инженеры-бессребреники» Н.С. Лесков писал: «В течение многих лет занятия литературой я собрал изрядное число записей о разных историях и о разных лицах прошлой, не весьма от нас отдаленной поры тридцатых и сороковых годов истекающего столетия».

№ 88. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Мария Михайловна Мишина, знакомая по Загорску, вдова профессора духовной академии, погибшего в лагерях (См. о ней: Желновакова М. Воспоминания о матери // Наш современник. 1996. № 11. С. 58).
- ³ Зина, знакомая по Загорску.
- ⁴ Козья Горка — поселок, где был дом С.И. Фуделя.
- ⁵ Соседка по дому в поселке Козья Горка.
- ⁶ Рим. 4, 18.
- ⁷ Кроме Сони из Лебедяни, С.И. Фуделю пытались подыскать жилье и знакомые из г. Калач Липецкой области.
- ⁸ «Если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети?.. для чего должны были страдать и они и зачем им покупать страданиями гармонию?» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 5. Гл. IV. Бунт).
- ⁹ Имеется в виду образ жизни В.П. Боткина, эстета и гурмана, культивировавшего «духовные наслаждения» и чувственные удовольствия, подорвавшие его здоровье (умирающий Боткин устраивал у своей постели концерты и пиры). «Мы испытываем отлив людей с 1863 — так, как испытали его прилив от 1856 до 1862. Какой-нибудь одряхлевший мастурбатор искусства, науки, политики — который смотрит на мир, как старики на похабные картинки, словом, какой-нибудь Боткин — ругавший при Николае русскую типографию и сделавшийся моим почитателем во время успеха, — ругает нас снова из патриотизма, — только смешон» (письмо А.И. Герцена И.С. Тургеневу 10 марта 1864 г. из Теддингтона).
- ¹⁰ См., напр.: «Новый роман Тургенева “Дым” приобретен, говорит “Весть”, “Русским вестником” за “пять тысяч” руб. Вот и награда Тургеневу за “Дым”, а Каткову за то, что его чад террора и доносительства проходил...» (Герцен А. И. Новый роман Тургенева «Дым»); «Экой этот Иван Сергеевич —

лучший, сказал бы я, из всех Иван Сергеевичей в мире, если б не боялся обидеть Аксакова. И нужно ему эдакие *дымы* кольцами пускать!» (Герцен А. И. <Отцы сделались дедами>).

- 11 Имеется в виду разрыв П.В. Анненкова и др. писателей либерального направления с «Современником», а также борьба Анненкова против крута Н.Г. Чернышевского с позиций эстетической критики.
- 12 Инженер Николай Федорович Фермор — герой рассказа Н.С. Лескова «Инженеры-бессребреники».
- 13 «Душевные страдания Фермора, говорят, послужили мотивами Герцену для его «Записок доктора Крупова»» (Лесков Н. С. Инженеры-бессребреники. Гл. 15).

№ 89. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на ожидание Пасхи (20 апреля).

№ 90. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на ожидание Пасхи (20 апреля).

№ 91. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на день Пасхи 20 апреля.
- 2 Рассказ Н.С. Лескова «Запечатленный ангел».
- 3 Речь идет о произведениях Ч. Диккенса.
- 4 То есть в Москву и Загорск, заниматься продажей дома.

№ 92. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на недавний праздник Пасхи.
- 2 См. письмо 91.
- 3 То есть от Софьи Терновой, из Лебедяни.
- 4 Станция железной дороги, следующая за Усманию в сторону Воронежа.

№ 93. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по обстоятельствам жизни в Усмани.
- 2 Родители Л.И. Щербининой долго не давали согласия на брак с Н.С. Фуделем.
- 3 См. примеч. 4 к письму 92.
- 4 Как инвалиду 3-й группы С.И. Фуделю был выделен вне очереди небольшой участок земли под огород.
- 5 Письмо написано на темной бумаге.

№ 94. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущими письмами.
- 2 Речь идет о письме 91.
- 3 См.: 1 Кор. 7, 24–27.
- 4 См. примеч. 4 к письму 92.
- 5 Речь идет о возможности покупки дома в Усмани или где-нибудь поблизости на средства, вырученные от продажи дома в Загорске, если она будет удачна.

№ 95. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по обстоятельствам жизни в Усмани.
- 2 То есть с марта, когда к С.И. Фуделю приехали жена и младшая дочь. См. письмо 85.
- 3 Поездка (первая) в Лебедянь состоялась, возможно, во второй половине мая, когда из Усмани в Москву уехали жена и дочь Варя.

- 4 См. примеч. 14 к письму 54.
- 5 Деян. 14, 22.
- 6 Еф. 1, 23.
- 7 Мф. 18, 20.
- 8 «Добротолубие» — пятитомное собрание аскетических творений христианских подвижников, переведенных на русский язык в конце XIX в. епископом Феофаном Затворником (1815—1894), причисленным позднее к лику святых.

№ 96. В. М. Сытиной

- 1 Датируется по ссылке на вторую поездку в Лебедянь.
- 2 Софья Тернова, двоюродная сестра С.И. Фуделя.
- 3 Знакомая из Лебедяни.
- 4 сосед по Усмани.
- 5 См. примеч. 3 к письму 95.

№ 97. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на строительные работы в Лебедяни.
- 2 Пс. 102, 22.
- 3 Директор музея «Абрамцево».
- 4 Ср.: «Христианство не поэма, а подвиг», — сказал мне как-то отец Серафим (Битогов)» (См.: У стен Церкви. С. 126 наст. изд.).
- 5 Мф. 7, 7.
- 6 Возможно, ассоциация со стихами из книги А. Белого «Золото в лазури» (1917).

№ 98. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на второе пребывание в Лебедяни.
- 2 Имеется в виду помощь сыну в работе над тургеневской темой.
- 3 Софья Тернова.
- 4 М. С. Фудель приезжала в Лебедянь во время летних каникул 1952 г. («Я жила в Лебедяни лето с т<етей> Тamarой и туда же явилась т<етя> Нина, которая страшно ко мне приставала по любому поводу. Там был сад, где мы жили, и рядом Дон довольно широкий, и я там плавала» (из письма М. С. Желноваковой Н. С. Фуделю от 21 июня 2000 г.).
- 5 Исх. 31, 15.
- 6 Праздник Преображения Господня, или Второй (яблочный) спас.
- 7 Речь идет о письмах И. С. Тургенева 1856 г. (времени создания романа «Рудин»), адресованных Полине Виардо и графине Е. Е. Ламберт, которым писатель поверял свои творческие замыслы и переживания.

№ 99. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на второе пребывание в Лебедяни.
- 2 Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!».
- 3 Николай Павлович Пузин — хранитель музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, который сотрудничал с музеем «Абрамцево».
- 4 Ср.: «Христос посреде нас» — «И есть, и будет». — Приветствия сослужащих священников при совершении литургии, перед пением Символа веры.
- 5 М. С. Фудель.
- 6 См. примеч. 4 к письму 98.
- 7 Речь идет, видимо, о спортивных увлечениях М. С. Фудель, которые С. И. Фудель называл «лыжами», поскольку Н. С. Фудель интенсивно занимался альпинизмом и катался на горных лыжах.

- ⁸ Герой романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».
- ⁹ «Часто Фет напоминает мне Бетховена, — писал П.И. Чайковский. — Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова» (Чайковский М. Жизнь П.И. Чайковского. М.; Лейпциг, 1902. Т. III. С. 226—227).
- ¹⁰ То есть дому в Лебедяни.

№ 100. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на ремонтные работы в Лебедяни.
- ² Речь идет об отъезде из Лебедяни Т.А. Липкиной, которая летом снимала там дачу.
- ³ Софья Тернова.
- ⁴ В.М. Сытина вместе с дочерью Варей приехала в Лебедяни в конце лета.
- ⁵ Речь идет о деньгах, полученных от продажи дома в Загорске.
- ⁶ Строфа из стихотворения А.А. Фета «Среди звезд» (1876).

№ 101. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на ремонтные работы в Лебедяни.
- ² См.: «Варя была в Лебедяни недолго, и как захолодало, мама отправила ее в Москву, привезла ее знакомая женщина Катя, я встречала на вокзале, она пожила сначала у т<ети> Нины, но там случилась у соседей скарлатина, и ее привезли на Дурновский [к Т.А. Липкиной], потом я отвезла ее в Усмьнь. Они [С.И. Фудель и В.М. Сытина] уже жили там на частной квартире, вероятно, этот год она [Варвара] не училась» (из письма М.С. Желноваковой Н.С. Фуделю от 21 июня 2000 г.).
- ³ Нина Владимировна — подруга юности Т.А. Липкиной.

№ 102. Н.С. Фуделю и М.С. Фудель

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² В конце ремонтных работ, когда уже была потрачена значительная сумма денег, С. Тернова раздумала продавать дом.
- ³ См. примеч. 2 к письму 101.
- ⁴ Эта поездка состоялась между 10 и 22 октября 1952 г.

№ 103. М.С. Фудель

- ¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.
- ² Софья Тернова.
- ³ Имеются в виду напрасно потраченные деньги на ремонт, неудавшаяся попытка купить дом и найти работу в Лебедяни.
- ⁴ См. примеч. 4 к письму 102.
- ⁵ См. примеч. 2 к письму 101.
- ⁶ Речь идет о деньгах, вырученных от продажи дома в Загорске.
- ⁷ Н.С. Фуделя.
- ⁸ См. примеч. 4 к письму 98.

№ 104. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на обстоятельства пребывания в Лебедяни.
- ² Вероятно, от Н.Н. Ильина, мужа сестры Нины.
- ³ В две смежные комнаты большой коммунальной квартиры в Дурновском переулке (д. 30, кв. 2) Т.А. Липкина въехала вместе с М.И. Фудель путем обмена своих комнат в разных местах Москвы. В комнате М.И. Фудель был прописан Н.С. Фудель; после смерти тети он сам и его родные владели этой жилплощадью.

- 4 Этот план не удался.
- 5 Крутские (Андрей и Елена), хозяйева дома в Усмани, где весной 1953 г., после возвращения из Лебедяни в Усмань и переезда от Н.В. Петровской (из-за ссоры хозяев), снял комнату С.И. Фудель.
- 6 Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Бессонница» (1830).
- 7 Роман Э. Золя «Мечта» («Le Rêve», 1888).
- 8 Неточная цитата из молитвы великого повечерия. Ср.: «В сонном безмолвии просветится зрением судеб Твоих».

№ 105. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на «Лебедянский опыт».
- 2 То есть неудача с покупкой дома, напрасная трата денег.
- 3 Медицинская комиссия должна была подтвердить (или опровергнуть) право С.И. Фуделя на пенсию по инвалидности.
- 4 См. примеч. 5 к письму 104.
- 5 Речь идет о снятии комнаты в Лебедяни.
- 6 Речь идет о хрониках Н.С. Лескова «Старые годы в селе Плодомасове» (1868) и «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых» (1873).
- 7 Имеется в виду, вероятно, Г.П. Данилевский (1829–1890), писавший под псевд. А. Скавронский, автор весьма популярных сочинений «Очерки старинной жизни» (1856), «Княжна Тараканова» (1883), «Сожженная Москва» (1886), «Черный год» (1888) и др.
- 8 Неустановленное лицо.
- 9 Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован. Из рассказов о трех праведниках» (1880).
- 10 Мф. 26, 41.
- 11 Флп. 3, 12.
- 12 Роман Г.П. Данилевского «Новые места» был опубликован в «Русском вестнике» в 1867 г. (№ 1–2); перепечатан в сб. «Нива» (1901).

№ 106. Н.С. Фуделю и Л.И. Щербининой

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом.
- 2 См. примеч. 3 к письму 105.
- 3 После медицинской комиссии намечался отъезд из Лебедяни в Усмань.
- 4 То есть Новый год и Рождество.
- 5 М.С. Фудель.
- 6 Время предполагаемого отъезда из Лебедяни в Усмань.
- 7 Начало письма к Л.И. Щербининой.

№ 107. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по связи с предыдущим письмом и упоминанию о «Лебедянском периоде».
- 2 То есть план диссертации, над которой работал Н.С. Фудель как аспирант заочной аспирантуры Института мировой литературы АН СССР.
- 3 Пахомов Николай Павлович — директор музея «Абрамцево».
- 4 Л.И. Щербинина работала в московской школе № 113, жила в Дурновском пер., вместе с Т.А. Липкиной, и на выходные ездила к мужу в Абрамцево.
- 5 То есть 17 января. См. письмо 106.
- 6 Речь идет о вещах, которые должен был отправить из Москвы Н.С. Фудель.
- 7 С.И. Фудель пробыл в Лебедяни семь месяцев — с июня 1952-го по январь 1953 г.
- 8 Живя в Усмани и пользуясь районной библиотекой, С.И. Фудель мог (теоретически) выписывать книги из Воронежской областной библиотеки.

- 9 Ср.: «О переводах С.Я. Маршака, — будь то народные баллады и эпиграммы, стихи и песни Роберта Бернса или сонеты Шекспира, — хочется прежде всего сказать, что они обладают таким очарованием свободной поэтической речи, когда читатель, даже знающий язык оригинала, как бы забывает о возможности иного, чем в данном переводе, звучания этих строк» (Твардовский А. Т. О переводах С.Я. Маршака // Маршак С. Соч.: В 4 т. М., 1959. Т. 3. С. 783).
- 10 Софья Тернова не выполнила своего обещания продать С.И. Фуделю ту часть дома, которую он отремонтировал на свои средства.
- 11 Отдельные издания стихотворений Д.В. Веневитинова (1805–1827), которые могли бы попасть в поле зрения С.И. Фуделя, выходили в 1829, 1831, 1862, 1934, 1940 гг.
- 12 Известен отзыв А.С. Пушкина на разбор Д.В. Веневитинова двух глав «Евгения Онегина» в журнале «Сын Отечества» (1825. № 8). «Это единственная статья... которую я прочел с любовью и вниманием. Все остальное — или брань, или переслащенная дичь»).
- 13 Речь идет о Т.П. Пассек, родственнице и друге детства А.И. Герцена, жене В.В. Пассека, и ее воспоминаниях «Из дальних лет» (т. 1–3, 1878–1889).
- 14 Описка; речь идет не о Василии, а о В.Ф. Одоевском, авторе «Русских ночей», и о поэте-декабристе А.И. Одоевском.
- 15 Петровская Нина Васильевна — хозяйка дома в Усмани по адресу: ул. Советская, 60.

№ 108. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на возвращение в Усмани из Лебедяни (27 января 1953 г.).
- 2 Речь идет о приезде в Усмани из Лебедяни Н.С. Фуделя и В.М. Сьгиной.
- 3 Летом 1952 г. Н.С. Фудель приезжал в Лебедянь на короткое время.
- 4 Мф. 5, 6.
- 5 Речь идет о поисках жилья в Усмани.
- 6 Речь идет о В.С. Соловьеве. См.: Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 645–650 (гл. «Юмор и смех»).
- 7 См.: Собр. соч. А.С. Грибоедова. Предисл. А.И. Введенского (Сб. «Нива». 1892).
- 8 Реплика протопопа Савелия Туберозова, героя романа Н.С. Лескова «Соборяне» (Ч. IV. Гл. I).

№ 109. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по указанию на переезд из Лебедяни в Усмани (см. примеч. 1 к письму 108).
- 2 То есть приезд младшей дочери Вари из Москвы, где она жила у родственников и знакомых, в Усмани.
- 3 С.И. Фудель уехал в Лебедянь летом 1952 г. после неудачных поисков работы и жилья в Усмани.
- 4 М.С. Фудель привезла младшую сестру Варю в Усмани к родителям.
- 5 М.С. Фудель ежедневно ездила на занятия в институт на электричке.
- 6 Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина (1875–1880).
- 7 В Евангелии от Матфея 28 глав.
- 8 Мф. 23, 27. Ср.: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным грабам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».
- 9 Здесь соединены в один два стиха из Мф. 23, часть стиха 16 («Горе вам, вожди слепые...» и часть неточно процитированного стиха 23 («Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оста-

вили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять».

10 1 Пет. 1, 7.

11 Лк. 12, 49. Ср.: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»

2 В трех первохристианских источниках находится текст слов Христа, не записанных в Евангелии (аграфы): «Кто близ Меня, тот близ огня; кто далеко от Меня, тот далеко от Царства». — См.: Ориген. Толкование на Иеремию. Гл. 20. Ст. 8; Дидим. Толкование на псалом 78, 8; Евангелие от Фомы (найденное в 1945 г.), изречение 86.

13 Мф. 7, 14.

14 Откр. 3, 15, 16.

15 Мф. 27, 3–4. Ср.: «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам. Говоря: согрешил я, предав Кровь невинную».

№ 110. Н.С. Фуделью

1 Датируется по ссылке на попытку купить дом в Усмани.

2 Первый сборник стихов А.А. Фета «Лирический пантеон» был опубликован в 1840 г.

3 Стихотворное послание из письма А.А. Фета к И.С. Тургеневу от 20 апреля 1864 г. («Тебя искал мой стих по всем концам земли...»).

4 Имеется в виду стихотворение А.А. Фета «Я тебе ничего не скажу...» (1885) из третьего выпуска «Вечерних огней», впервые напечатанное в «Вестнике Европы» (1886. № 1) под заглавием «Романс».

5 Неточно процитированные строки из стихотворения С.А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Ср.: «Словно я весенней гулкой ранью / Пророскал на розовом коне».

6 Повторяющийся образ из романа И.А. Гончарова «Обрыв» (1869).

7 Скорее всего, цитата из письма Н.С. Фуделя.

8 «Буйство крови» и «любовные проказы» — основные мотивы картин французского художника Антуана Ватто (1684–1721).

9 Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Бессонница».

10 То есть дома в Усмани.

11 Имеется в виду литература о романе И.С. Тургенева «Рудин».

12 Герой романа А.И. Герцена «Кто виноват?» (1845).

13 «Инженеры-бессребреники» — рассказ Н.С. Лескова (1887).

14 Имеется в виду поэма Н.А. Некрасова «Саша» (1855).

15 Имеется в виду статья Н.Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous».

16 Поездка С.И. Фуделя из Лебедяни в Рязань к врачам состоялась в октябре 1952 г. См. примеч. 4 к письму 102.

17 Возможно, речь идет о стихотворении В.С. Курочкина «Двуглавый орел» (1857).

18 См. примеч. 6 к письму 107.

19 Летом 1952 г. Н.С. Фудель приезжал в Лебедянь к отцу и пробыл около трех недель. Н.С. Фудель впервые за 10 лет причастился в местной церкви.

№ 111. Н.С. Фуделью

1 Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани.

2 См. примеч. 10 к письму 110.

3 Имеется в виду Нина Владимировна, подруга юности Т.А. Липкиной.

4 Речь идет о письме 110.

№ 112. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- 2 См. письма 110 и 111.
- 3 Возможно, аналог выражения «майский день, именины сердца», принадлежащего персонажу поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1841), Манилову.
- 4 Вероятно, намек на книгу воспоминаний А.Б. Мариенгофа «Роман без вражья» (1927).
- 5 То есть повести Л.Н. Толстого «Детство» (1852) и «Отрочество» (1954).
- 6 Вещи (мебель, посуда и одежда) были высланы С.И. Фуделю сыном из Москвы.
- 7 См. примеч. 5 к письму 104.
- 8 Речь идет о крестной матери Маши Фудель Софье Павловне Кристман, жене известного московского терапевта Владимира Ивановича Кристмана.
- 9 В романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869) осмысляются пережитые русским обществом события 40–60-х гг.
- 10 «Русские Пропилеи» — сборники материалов по истории мысли и литературы, составлявшиеся М.О. Гершензоном (т. 1–4, 6; 1915, 1919); «Звенья» — сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в., выходившие в Москве под ред. В.Д. Бонч-Бруевича и А.В. Луначарского.
- 11 Вероятно, речь идет о фразе из письма Н.С. Фуделя; см. также размышления С.И. Фуделя о Ренессансе в письме 110.
- 12 Ср.: «Христианския кончины живота нашего <...> у Господа просим» (Просительная ектения).
- 13 Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «<В альбом С.Н. Карамзиной>» («Любил и я в былые годы...», 1841), написанное не в двадцатилетнем, а двадцатисемилетнем возрасте. Ср.: «Любил и я в былые годы, / В невинности души моей, / И бури шумные природы, / И бури тайные страстей»).
- 14 77-й сонет Шекспира «Thy glass will show the how thy beauties wear...» С.И. Фудель читал в переводе С.Я. Маршака («Седины ваши зеркало покажет...»).
- 15 Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Бессонница». См. письмо 110.
- 16 См.: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдает сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Флп. 4, 7).
- 17 В.Г. Белякович.

№ 113. Н. С. Фуделю

- 1 Датируется по обстоятельствам пребывания в Усмани.
- 2 Институт мировой литературы, в аспирантуре которого учился Н.С. Фудель.
- 3 Овчарка Н.С. Фуделя, жившая в коммунальной квартире в Дурновском пер.
- 4 Речь идет об отъезде из Усмани, где проводила летние каникулы М.С. Фудель, на занятия в институт. Намеченный на 29 августа отъезд был перенесен на несколько дней. См. ниже, письмо 114.
- 5 С.И. Фудель нашел в Усмани бухгалтерскую работу в артели «Красное знамя».
- 6 Знакомая по Усмани.
- 7 Речь идет о ветхом жилье в Усмани (полдома, две маленькие комнаты), которое было приобретено С.И. Фуделем в начале лета 1953 г. (у Каншинных), по адресу: ул. Карла Маркса, 19, и требовало серьезного ремонта.
- 8 Вероятно, речь идет о работе Н.С. Фуделя над диссертацией.
- 9 См. стихотворение Ф.И. Тютчева «Над этой темною толпой» (1858): «Кто их излечит, кто прикроет?.. / Ты, риза чистая Христа...»
- 10 Успенский пост (14–27 августа) заканчивается праздником Успения Богородицы (28 августа).

№ 114. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по ссылке по связи с письмом 113.
- ² Дочери С.И. Фуделя уезжали в Москву: Маша — на занятия в институт (см. примеч. 4 к письму 113), Варя — из-за ремонта в доме, где было холодно и сыро (см. примеч. 7 к письму 113).
- ³ Вероятно, речь идет о кратковременном приезде Н.С. Фуделя в Усмань.
- ⁴ См. стихотворение Б.Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (<1956>) из книги «Когда разгуляется» (1956–1959). Ср.: «Быть знаменитым некрасиво. / Не это подымает ввысь. / Не надо заводить архива, / Над рукописями трястись».
- ⁵ Иан. 3, 8.

№ 115. *Л.И. Щербининой*

- ¹ Датируется по ссылке на тридцатилетие бракосочетания С.И. Фуделя и В.М. Сытиной. См. примеч. 2.
- ² С.И. Фудель и В.М. Сытина обвенчались в 1923 г.
- ³ С.И. Фудель цитирует по памяти свое стихотворение «Уже восток золотится ясней...» (1934) из цикла «Тридцать стихов для друзей». Ср.: «Уже восток золотится ясней, / И повеяло ветром с юга. / Нету имени здесь нежней / И теплее, чем имя друга».

№ 116. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по упоминанию о переводе М.С. Фудель на учебу из Московского лесотехнического института в Воронежский лесной институт. См. примеч. 7.
- ² Речь идет о возможных сокращениях в артели «Красное знамя», где С.И. Фудель работал бухгалтером-счетоводом.
- ³ М.П. Лучкина, приезжавшая гостить в Усмань, неожиданно заболела.
- ⁴ В письме 126 (примеч. 6) указана другая дата именин М.П. Лучкиной — 22 ноября.
- ⁵ По-видимому, речь идет о Щельциной (Мамонтовой) Екатерине Всеволодовне, докторе Боткинской больницы.
- ⁶ Пребывание М.П. Лучкиной в Усмани затянулось в связи с болезнью.
- ⁷ Речь идет о предполагаемом переводе М.С. Фудель на учебу в Воронеж в связи со сложными личными обстоятельствами.
- ⁸ Имеется в виду Зинаида Торопина, подруга М.С. Фудель по Загорску.
- ⁹ Н.С. Фудель защитил кандидатскую диссертацию (о романе И.С. Тургенева «Рудин») в июне 1956 г.
- ¹⁰ М.С. Фудель.
- ¹¹ Ср.: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13, 8).
- ¹² Зимний пейзаж в Усмани.
- ¹³ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Под масками». См. примеч. 9 к письму 70.
- ¹⁴ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1839).
- ¹⁵ М.С. Фудель.
- ¹⁶ То есть уверенность на получение пенсии М.П. Лучкиной.

№ 117. *Н.С. Фуделью*

- ¹ Датируется по ссылке на возраст С.И. Фуделя. См. примеч. 4.
- ² С.И. Фудель до пенсии, то есть до 1960 г., работал бухгалтером-счетоводом в усманской артели «Красное знамя».
- ³ Фудель — домработница Н.С. Фуделя, приехавшая из Усмани в Москву.
- ⁴ 55 лет С.И. Фуделью исполнилось 13 января 1955 г.

№ 118. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на рождение внучки С.И. Фуделя и годовщину памяти Ф.М. Достоевского. См. примеч. 2, 4.
- ² 10 января 1956 г. родилась дочь Н.С. Фуделя Мария.
- ³ Михаил Романович Желноваков.
- ⁴ Речь идет о 75-летней годовщине со дня смерти Ф.М. Достоевского, которая отмечалась в феврале 1956 г.
- ⁵ Цитата (с незначительными изменениями) из письма Ф.М. Достоевского Н.Д. Фонвизиной из Омска (конец января — 20-е числа февраля 1854 г.).
- ⁶ Ср., напр.: «А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17).

№ 119. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на возможное замужество М.С. Фудель. См. примеч. 8.
- ² Речь идет о дочери Н.С. Фуделя, Марии.
- ³ Мф. 5, 3.
- ⁴ 1 Кор. 3, 18.
- ⁵ 1 Кор. 4, 13.
- ⁶ См. роман Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868). Ч. 2. Гл. II.
- ⁷ Евр. 4, 12.
- ⁸ Речь идет, по-видимому, об отношениях М.С. Фудель с М.Р. Желноваковым, ее будущим мужем.
- ⁹ На Новодевичьем кладбище в одной могиле похоронены отец Иосиф Фудель, его жена, Евгения Сергеевна Емельянова (мать С.И. Фуделя), и их дочь, Л.И. Фудель.

№ 120. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на рождение внучки С.И. Фуделя Веры. См. примеч. 5.
- ² Неточная цитата из русской народной сказки «Кот, лиса и петух». Ср.: «Несет меня лиса за синие моря, за высокие леса».
- ³ В 1956 г. Т.А. Липкина тяжело заболела.
- ⁴ Имеется в виду Николай (Александрович?) Мулин, сын Евгении Николаевны Мулиной, подруги В.М. Сытиной. Варя Фудель, на время уехавшая из Усмани, где шла подготовка к капитальному ремонту, жила в московской квартире Мулиных и самостоятельно проходила школьную программу.
- ⁵ Вера Желновакова, дочь М.С. Фудель, родилась 27 декабря 1956 г.
- ⁶ М.С. Желновакова, урожденная Фудель.
- ⁷ М.Р. Желноваков.
- ⁸ Деревня недалеко от Усмани.

№ 121. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на рождение внучки С.И. Фуделя Веры.
- ² См. примеч. 6 к письму 120.
- ³ М.Р. Желноваков.
- ⁴ Внучка Вера.
- ⁵ Дочь Н.С. Фуделя.
- ⁶ Имеется в виду сюжет стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Воробей» (1878): «Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!»
- ⁷ См. примеч. 4 к письму 120.
- ⁸ В конце 1954 г. М.С. Фудель перевелась из Московского лесотехнического института в Лесной институт в Воронеже, который и окончила.

№ 122. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по упоминанию о капитальном ремонте дома в Усмани.
- ² Ин. 19, 22. См. также «Вместо предисловия», написанное А.А. Ахматовой в ноябре 1944 г. к «Поэме без героя».
- ³ После покупки ветхого дома в Усмани (см. примеч. 7 к письму 113) оказалось, что у него гнилой фундамент.
- ⁴ Строфа из стихотворения Б.Л. Пастернака «Август» (Из «Стихотворений Юрия Живаго», 1956).
- ⁵ М.Р. Желноваков; во время капитального ремонта у С.И. Фуделя М.С. Желновакова и ее семья переехали на частную квартиру.
- ⁶ Егерь Усманского бобрового заповедника.

№ 123. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по упоминанию о смерти Л.Д. Свербеевой. См. примеч. 6.
- ² Речь идет о дочери и зяте Желноваковых.
- ³ С.И. Фудель работал в артели «Красное знамя» (попеременно — то в штате, то внештатно) и подрабатывал частными уроками английского языка.
- ⁴ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828).
- ⁵ Н.С. Фудель в течение многих лет занимался альпинизмом.
- ⁶ Любовь Дмитриевна Свербеева, двоюродная сестра матери В.М. Сытиной, Зинаиды Александровны Сытиной (Свербеевой), умерла 24 января 1958 г.
- ⁷ Стихи Л.Д. Свербеевой не публиковались.

№ 124. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на ожидаемый приезд в Усмань М.П. Лучкиной.
  - ² Строфа из стихотворения В.Ф. Ходасевича «В заботах каждого дня...» (1917) из цикла «Путем зерна».
  - ³ Исаак Сирин. «Слова подвижнические» (цит. по: Мысли святых отцов о любви // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 5. С. 34).
  - ⁴ Осенью 1958 г. М.П. Лучкина тяжело заболела; навестив ее в Москве, В.М. Сытина решила привезти старую няню в Усмань для лечения и ухода.
  - ⁵ Соседи по Усмани: Ираида Андреевна Абрамова († 1960), зубной врач усманской поликлиники, друг семьи С.И. Фуделя, и ее дочь Таня, школьная подруга В.С. Фудель. Их фотографии сделал Н.С. Фудель во время своего пребывания в Усмани летом 1958 г.
  - ⁶ Елизавета Пораскеевна Каливази, гречанка, сосланная в Усмань как жена «врага народа», работала в местной аптеке и жила на квартире у И.А. Абрамовой.
- ⁷Внучка, М.Н. Фудель.

№ 125. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по штемпелю на почтовой открытке, посланной из Усмани 19 X 1958 по адресу: Москва Г-2, Композиторская улица [бывш. Дурновский пер], дом 30, кв. 4, и полученной 23 X 1958.
- ² С.И. Фудель выслал внучке, М.Н. Фудель, в подарок набор переводных картинок.
- ³ М.П. Лучкина приехала в Усмань в конце сентября 1958 г.
- ⁴ М.С. Желновакова.

№ 126. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на пребывание в Усмани М.П. Лучкиной.
- ² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы» (1830).

- 3 М.С. Желновакова и ее семья уже жили отдельно от родителей.
- 4 Домашнее имя Веры, дочери М.С. Желноваковой.
- 5 М.Р. Желноваков.
- 6 В письме 116 названа другая дата именин М.П. Лучкиной — 23 ноября.
- 7 По-видимому, речь идет о Щельциной (Мамонтовой) Екатерине Всеволодовне, докторе Боткинской больницы.
- 8 См. примеч. 6 к письму 122.

№ 127. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о пребывании в Усмани М.П. Лучкиной.
- 2 См.: «Голубь возвратился к нему в вечернее время; и вот, свежий масляный лист во рту у него: и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8, 11).
- 3 Имеются в виду произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858).
- 4 См.: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10).
- 5 Родственник (?) М.П. Лучкиной из зырянской общины в Москве.
- 6 См.: Еф. 1, 23.
- 7 Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Над этой темною толпой...» (1858).
- 8 1 Кор. 7, 40.
- 9 Мф. 18, 20.
- 10 Мк. 12, 30.
- 11 Иак. 4, 5, 6.
- 12 1 Ин. 5, 4.
- 13 Ср.: «Он же сказал: чему подобно Царствие Божие, и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое взял человек посадил в саду своем: и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13, 18–19).

№ 128. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на пребывание в Усмани М.П. Лучкиной.
- 2 Николай Оскарлович Корст, профессор МГПИ им. Ленина, руководитель педагогической практики Н.С. Фуделя и гимназический товарищ С.И. Фуделя.
- 3 См. письмо 126.
- 4 Друзья В.М. Сытиной (возможно, Мулины) устроили Варе Фудель медицинскую консультацию в Москве.
- 5 Максим Эргардович Брицке — племянник В.М. Сытиной, сын ее сестры, Зинаиды.
- 6 См. примеч. 4 к письму 126.
- 7 В семье обсуждался возможный перевод Н.С. Фуделя в Липецк — там должен был открыться филиал Института стали и сплавов, где после защиты диссертации он работал преподавателем кафедры русского языка для иностранцев.
- 8 По-видимому, друг С.И. Фуделя по ссылкам, живший в Липецке.
- 9 М.С. Фудель с семьей жила на частной квартире.
- 10 У М.П. Лучкиной была тяжелая стадия рака.

№ 129. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на ожидающееся ухудшение состояния М.П. Лучкиной.
- 2 См. примеч. 1.
- 3 С.И. Фудель, работавший в штате артели «Красное знамя», был вновь переведен на повременную оплату. См. примеч. 3 к письму 123.
- 4 Татьяна Михайловна Некрасова, друг семьи С.И. Фуделя.

№ 130. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на день рождения М.Н. Фудель и на всесоюзную перепись населения. См. примеч. 2, 4.
- ² Мария Фудель родилась 10 января 1956 г.
- ³ Неточная цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 8, строфа XIII). Ср.: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест...»
- ⁴ Всесоюзная перепись населения проходила в 1959 г.
- ⁵ Врач московской районной больницы, к которой была прикреплена М.П. Лучкина.
- ⁶ См. примеч. 4 к письму 128.
- ⁷ Имеется в виду завод в Усмани.
- ⁸ Св. Серафим Саровский († 1833).

№ 131. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на пребывание в Усмани М.П. Лучкиной.
- ² Видимо, М.П. Лучкина надеялась поправиться и вернуться в Москву в семью Н.С. Фуделя.
- ³ То есть от бухгалтерской работы.
- ⁴ Литературным источником рассказа Ф.М. Достоевского из «Дневника писателя» за 1876 г. «Мальчик у Христа на елке» было популярное рождественское стихотворение немецкого поэта Ф. Рюккерта «Елка сироты» (1816). Роман «Холодный дом» был включен Ф.М. Достоевским в список книг, необходимых для библиотеки подростка. См. его письмо неустановленному лицу (Николаю Александровичу) от 19 декабря 1880 г.
- ⁵ Персонаж романа Ч. Диккенса «Холодный дом» (1853).
- ⁶ Пенсия М.П. Лучкиной была переведена из Москвы в Усмань. См. письмо 126.

№ 132. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на смерть и похороны М.П. Лучкиной.
- ² Пасха в 1959 г. приходилась на 3 мая.
- ³ См. примеч. 5 к письму 127.
- ⁴ С конца сентября 1958 г.

№ 133. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на годовщину смерти З.А. Сытиной. См. примеч. 2.
- ² Теща С.И. Фуделя, Зинаида Александровна Сытина (Свербеева), умерла 27 октября 1938 г.
- ³ В конце 30-х гг. семья С.И. Фуделя жила по адресу: Москва, Гагаринский пер., д. 20.
- ⁴ М.С. Желновакова.
- ⁵ М.Р. Желноваков.
- ⁶ Домашнее имя внучки С.И. Фуделя Веры, дочери М.С. Фудель.
- ⁷ Н.С. Фудель и его жена, Л.И. Щербинина, тайно посещали церковь в Донском монастыре, где в это время служил о. Николай Голубцов, друг С.И. Фуделя.
- ⁸ М.Н. Фудель, внучка С.И. Фуделя, дочь Н.С. Фуделя.
- ⁹ Роман шведской писательницы С. Лагерлёф «Сага о Йосте Берлинге» (1891).

№ 134. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по упоминанию о поездке Н.С. Фуделя на Кавказ.
- ² Поездка Н.С. Фуделя на Кавказ, в альплагерь Алибек.
- ³ М.Н. Фудель.
- ⁴ М.С. Фудель.

- 5 Речь идет о возвращении В.С. Фудель с летних каникул в Москву, где с осени 1959 г. она училась в МГПИ им Ленина, на дефектологическом факультете.
- 6 Речь может идти о книгах: Демьянов И. И. Рассвет. Стихи. Л., 1950; У синих рек. Стихи. Л., 1952; Молодые сады. Стихи. Л., 1954 и др.
- 7 Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Ветр налетит, завоюет снег» (1912). Ср.: «И шелестят травой сухой / Мои старинные болезни».

№ 135. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о скорой встрече Нового, 1961 года.
- 2 То есть в будущем, 1961 г.
- 3 Капитальный ремонт дома в Усмани был в 1957 г.
- 4 Намек на роман Фенимора Купера «Последний из могикан» (1826).
- 5 Из-за болезни дочери, М.С. Желноваковой, В.М. Сытина жила в ее доме и помогала ей по хозяйству.
- 6 Евгения Сергеевна Емельянова (1864—1927), мать С.И. Фуделя, жена о. Иосифа Фуделя.
- 7 Е.В. Чернышова.
- 8 Речь, вероятно, идет об издании: Ланн Е. Диккенс (Беллетризованная биография). М., 1946.
- 9 Н.С. Фудель отдал свои стихи в журнал «Охотничьи просторы». Подборка опубликована в № 15 за 1960 г.
- 10 Н.О. Корст. См. примеч. 2 к письму 128.

№ 136. Н.Н. Третьякову

- 1 Датируется по ссылке на знакомство С.И. Фуделя с Н.Н. Третьяковым, искусствоведом (с 1991 г. — профессор МГАХИ им. В.И. Сурикова, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России). См. примеч. 2.
- 2 Знакомство с Н.Н. Третьяковым состоялось осенью 1960 г.
- 3 В.М. Сытина уехала в Москву навестить дочь-студентку, В.С. Фудель.
- 4 Ирина Николаевна Третьякова, жена Н.Н. Третьякова.

№ 137. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на недавнее знакомство с Н.Н. Третьяковым. См. примеч. 10. См. также примеч. 2 к письму 136.
- 2 Имеется в виду работа над книгой «Наследство Достоевского».
- 3 Речь идет, по-видимому, об издании: Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л., 1928—1959.
- 4 «Красный Архив» — исторический двухмесячный журнал Центрального архивного управления СССР и РСФСР, выходил с 1922 г. «Недра» — литературно-художественные сборники, выходившие в 1923—1924 гг. в изд-ве «Новая Москва», в 1925—1931 гг. — в изд-ве «Недра».
- 5 В романе Ф.М. Достоевского «Игрок» действие происходит в вымышленном г. Рулетенбурге, куда приезжает la baboulinka, семидесятипятилетняя помещица и московская барыня Антонида Васильевна Тарасевичева.
- 6 В игорный зал la baboulinka обыкновенно вносили в креслах.
- 7 По-видимому, Шельцина (Мамонтова) Екатерина Всеволодовна, работавшая в Москве, в Боткинской больнице.
- 8 Речь может идти об издании: Достоевская А. Г. Воспоминания / Под ред. Л.П. Гроссмана. М., 1925.
- 9 Речь может идти об издании: [Достоевская Л. Ф.]. Ф.М. Достоевский в изображении его дочерей Л. Достоевской. М.; Л., 1922.
- 10 Н.Н. Третьяков.

№ 138. *Н.Н. Третьякову*

- 1 Датируется по ссылке на пасхальные праздники 8–9 апреля. См. примеч. 3.
- 2 Речь идет о возможном переезде из Усмани ближе к Москве.
- 3 Пасха 9 апреля была в 1961 г.
- 4 Н.С. Фудель.
- 5 Цитата из стихотворения Б.Л. Пастернака «Рождественская звезда» (Из «Стихотворений Юрия Живаго», 1956).
- 6 Цитата из стихотворения Б.Л. Пастернака «На Страстной» (Из «Стихотворений Юрия Живаго», 1956).

№ 139. *Н.Н. Третьякову*

- 1 Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Усмани 4 VI 1961 г. и получено в Москве (К-104, Тверской бульвар, 17, кв. 23) 5 VI 1961 г.
- 2 То есть на ремонт дома в Усмани.
- 3 Ср.: «Озlobившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка» (Прит. 18, 19); здесь цит. по: Преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни. СПб., 1905. С. 84. Ответ 117.
- 4 Ирина Николаевна Третьякова.

№ 140. *Н.С. Фуделю*

- 1 Датируется по ссылке на скорый отъезд из Усмани во Владимирскую область. Обезьяны, друзья Маугли, из одноименного произведения Р. Кипплинга.
- 2 Речь идет о продаже дома в Усмани и отъезде во Владимирскую область.
- 4 Александров входил в число городов, где искал жилье С.И. Фудель.
- 5 Речь идет о подборке стихов Н.С. Фуделя «Тишина в лесу», опубликованных в журнале «Охотничьи просторы» (1960. № 15).
- 6 Имеется в виду неопубликованный рассказ Н.С. Фуделя «Бегство» (др. назв. — «Северный свет») о Беломорье.
- 7 Речь идет о литературном знакомом, который помогал с публикациями в журнале «Охотничьи просторы».
- 8 Строфа из стихотворения Н.С. Гумилева «Второй год» (1915).

№ 141. *Н.С. Фуделю*

- 1 Датируется по ссылке на день рождения Н.С. Фуделя и выпускные экзамены в институте, который заканчивала В.С. Фудель.
- 2 Рассказ (в рукописи) Н.С. Фуделя, предназначенный для журнала «Охотничьи просторы».
- 3 26 мая.
- 4 Старый дворник, служивший в доме по адресу: Гагаринский пер., 20, где жила семья С.И. Фуделя.
- 5 Персонажи романа Ф.-Х. Бернет «Маленький лорд Фаунтлерой» (1886).
- 6 Соседи по дому в Гагаринском пер., 20.
- 7 Елена Абрамовна Пелевина.
- 8 Одинокий старик, приходивший в гости к З.А. Сытиной.
- 9 М.С. Желновакова.
- 10 Речь идет о герое романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» (1886).
- 11 Речь идет о выпускных экзаменах — В.С. Фудель заканчивала дефектологический факультет МГПИ им. Ленина.
- 12 Предполагалась покупка дома в Малоярославце, где С.И. Фудель мог бы поселиться вместе с женой и дочерью Варей. Покупка не состоялась.
- 13 Видимо, речь идет о Марии Алексеевне Бобринской. См. примеч. 8 к письму бб.
- 14 Софья Павловна Кристман.

№ 142. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по упоминанию о поездке Н.С. Фуделя на Беломорье, в поморское село Летняя Золотница.
- 2 Речь идет о поездке Н.С. Фуделя на Беломорье с семьей и Н.Н. Третьяковым.
- 3 Н.Н. Третьяков.
- 4 Имеется в виду роман шведской писательницы С. Лагерлёф «Дом Лильекроны» (1911).
- 5 То есть покупатель дома в Усмани, который был отремонтирован перед продажей.
- 6 В Малоярославце, Киржаче и Карабанове велись поиски жилья.
- 7 Ф.М. Достоевский, арестованный по делу петрашевцев, находился в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости с 23 апреля по 23 декабря 1849 г.
- 8 Речь идет о книге «Наследство Достоевского», над которой работал С.И. Фудель.
- 9 То есть от семьи о. Николая Голубцова.
- 10 О. Николай Голубцов.
- 11 Ожидался приезд В.С. Фудель в отпуск. См. примеч. 3 к письму 143.

№ 143. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на трудоустройство В.С. Фудель после окончания института. См. примеч. 3.
- 2 В.И. Кристман. См. примеч. 8 к письму 112.
- 3 После окончания дефектологического факультета МГПИ им. Ленина (в мае 1962), получив распределение в г. Кольчугин Владимирской области, В.С. Фудель пыталась перевестись на работу в Усмани.
- 4 Источник цитаты не обнаружен.
- 5 По-видимому, знакомый С.И. Фуделя из Киржача.
- 6 Строка из стихотворения А.А. Блока «На поле Куликовом» (1908).
- 7 М.С. Желновакова.
- 8 М.Н. Фудель.

№ 144. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на обстоятельства жизни С.И. Фуделя в Усмани.
- 2 Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Отчего» (1840). Ср.: «Мне грустно, потому что я тебя люблю...»
- 3 В.М. Сытина временно находилась в Москве у сына, Н.С. Фуделя.
- 4 Речь идет о поисках жилья во Владимирской области, а также в соседних с Москвой областях южного направления.
- 5 Ироническое сравнение дочери и зятя с персонажами романа Ф.М. Достоевского «Идиот».
- 6 В Липецке жил друг С.И. Фуделя по ссылкам.

№ 145. Н.С. Фуделю

- 1 Датируется по ссылке на поездку из Усмани в Покров для покупки дома.
- 2 С.И. Фудель и В.М. Сытина приехали в Покров 14 ноября 1962 г.
- 3 В.С. Фудель находилась в г. Кольчугине, по месту работы после распределения. См. примеч. 3 к письму 143.
- 4 См. примеч. 3 к письму 144.
- 5 М.Н. Фудель.
- 6 Имеется в виду возможное возвращение в Усмани (усманский дом был объявлен к продаже, но еще не продан) из Покрова, где продавалось жилье — полдома (комната, разделенная перегородкой надвое) без отопления и газа, с очень маленьким участком.

- ⁷ К письму приложена почтовая открытка с репродукцией картины В.Е. Маковского «В харчевне» (1886), под которой С.И. Фудель написал: «Вот что всегда было мечтой моей жизни!» Следующий текст на обороте открытки написан, вероятно, позже, чем письмо. См. примеч. 3, 10.
- ⁸ Речь идет о работе над книгой «Наследство Достоевского».
- ⁹ Речь идет об издании: Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1—12. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1895. («Дневник писателя» в т. 9—11.)
- ¹⁰ В.С. Фудель приехала, вероятно, вскоре после того, как было написано (но не отправлено) письмо.

№ 146. Т.М. Некрасовой

- ¹ Датируется по ссылке на недавнее окончание работы над книгой «Наследство Достоевского».
- ² Татьяна Михайловна Некрасова (р. 1904) — литературовед, б. сотрудник отдела рукописей Музея Л.Н. Толстого, друг С.И. Фуделя со времен вологодской ссылки. Приезжала в Вологду к своим родителям (Е.Г. Полуэктову и К.Н. Коншиной), также сосланным.
- ³ В 1963 г. Пасха приходилась на 14 апреля.
- ⁴ Речь идет о работе «Наследство Достоевского».
- ⁵ По-видимому, речь идет о рукописных материалах (выписках о Достоевском), которые передала Т.М. Некрасова С.И. Фуделю в начале его работы над трудом «Наследство Достоевского».
- ⁶ Капитолина Николаевна Полуэктова (урожденная Коншина) — мать Т.М. Некрасовой.
- ⁷ Мария Федоровна (фамилию установить не удалось) — знакомая семьи Некрасовых.
- ⁸ См., напр., письма о. П. Флоренского своим детям «на случай моей смерти». «Я всегда буду с вами душою, а если Господь позволит — буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь» (Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 440).

№ 147. Т.М. Некрасовой

- ¹ Датируется по ссылке на окончание работы над книгой «Наследство Достоевского».
- ² См. примеч. 1. См. также письмо 146.
- ³ См. примеч. 6 к письму 146.
- ⁴ Тропарь 9-й песни Пасхального канона.
- ⁵ Александр Сергеевич Некрасов — инженер-строитель, муж Т.М. Некрасовой.

№ 148. Т.М. Некрасовой

- ¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.
- ² То есть критические замечания на только что законченную книгу С.И. Фуделя «Наследство Достоевского».
- ³ В своей книге «Наследство Достоевского» С.И. Фудель обильно цитировал Отцов Церкви.
- ⁴ Речь идет о биографических главах книги «Наследство Достоевского».
- ⁵ Речь идет, видимо, о поездке в Усманскую больницу.
- ⁶ Софья Павловна Кристман.
- ⁷ Неустановленное лицо.
- ⁸ Речь идет о возможном приезде в Москву.

№ 149. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 24 V 1963 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 25 V 1963 г. Дата указана по новому и по старому стилю.
- ² Никола Вешний празднуется 9/22 мая.
- ³ Сын Н.Н. Третьякова, Николай.
- ⁴ Английский писатель Джозеф Конрад (1857–1924) служил юнгой на французских судах, был моряком английского флота, затем получил звание капитана английского торгового флота (1884); первый роман «Каприз Олмейера» был написан им в 1893 г., в возрасте 36 лет.
- ⁵ Строки из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...» (1887).
- ⁶ Жена Н.Н. Третьякова.

№ 150. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 3 VI 1963 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 4 VI 1963 г.
- ² То есть Троицы, которая в 1963 г. приходилась на 2 июня.
- ³ Кор. 12, 4.
- ⁴ Речь идет о болезни глаз С.И. Фуделя.
- ⁵ Речь, очевидно, идет об издании: Гус М. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. М., 1962.
- ⁶ Н.С. Фудель.
- ⁷ Жена и сын Н.Н. Третьякова.

№ 151. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 9 XI 1963 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 11 XI 1963 г.
- ² Речь идет о кн.: Демина Н. А. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963.
- ³ «Регина» — неопубликованная повесть Н.С. Фуделя; написана в октябре 1961 г.
- ⁴ Речь идет об издании: Шевелев И. Ш. Геометрическая гармония. Кострома, 1963.
- ⁵ Вероятно, имеется в виду основной философский принцип Милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимент).
- ⁶ Еф. 1, 23.
- ⁷ Ср.: «А сыны царства низвержены будут во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12).
- ⁸ Речь идет об изданиях: Гроссман Л. П. Ф.М. Достоевский. М., 1962 (ЖЗЛ); Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963.
- ⁹ Возможно, Алексей Алексеевич Бармин, племянник Т.М. Некрасовой (сын ее сестры Ирины Евгеньевны Полуэктовой), друг С.И. Фуделя.
- ¹⁰ Речь идет о работе художника И.Н. Крамского «Ф.М. Достоевский на смертном одре», выполненной на следующий день после кончины писателя, 29 января 1881 г.

№ 152. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 18 XI 1963 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 19 XI 1963 г.
- ² См. примеч. 8 к письму 151.

- ³ Речь идет о друге юности Ф.М. Достоевского Иване Николаевиче Шидловском, возможном прототипе образа Ордынова (повесть «Хозяйка»).
- ⁴ Н.С. Фудель.
- ⁵ Персонаж повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» (1848), отчим героини, музыкант-неудачник.
- ⁶ Ср.: «Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 4).
- ⁷ Ср.: «Каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Рим. 14, 12).
- ⁸ Ср.: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1, 21).
- ⁹ То есть после смерти о. Николая Александровича Голубцова в сентябре 1963 г.
- ¹⁰ См. примеч. 3 к письму 139.

№ 153. Т.М. Некрасовой

- ¹ Адрес отправления указан по аналогии с письмами 1963 г. из Покрова.
- ² О. Николай Голубцов.
- ³ Прокимен службы преподобным отцам. Ср.: «Дорога в очах Господних смерть святых Его!» (Пс. 115, 6).
- ⁴ Ср.: «Некоторые в смерти получали удостоверение в спасении» (Григорий Истинный, св. // Добротолюбие. М., 1900. Т. 5. С. 220).
- ⁵ То есть А.С. Некрасова, мужа Т.М. Некрасовой.

№ 154. Н.Н. Третьякову

- ¹ Печатается по машинописи из архива Н.Н. Третьякова, автограф утерян, место отправления указано по аналогии с письмами 1963 г. из Покрова.
- ² Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865).
- ³ См. примеч. 5 к письму 41.
- ⁴ Заключительные строки стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (нач. 1830-х гг.).
- ⁵ Стихотворение Ф.И. Тютчева «Последний катаклизм» (<1829>).
- ⁶ См.: «Ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог» (Евр. 11, 10).
- ⁷ См. об этом: Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени (1918—1919). Ср.: «Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть — и мы сбросили крест» (гл. «Как мы умираем»).
- ⁸ Имеется в виду мальчик Джо, персонаж романа Ч. Диккенса «Холодный дом» (гл. «Завешание Джо»).
- ⁹ Ин. 3, 8.
- ¹⁰ См.: «И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже в третий раз?» (Числ. 22, 28).
- ¹¹ Подобную мысль Н.С. Лесков высказал в повести «Островитяне» (гл. 7). Ср.: Воспоминания. С. 45 наст. изд.
- ¹² Речь идет о французском художнике и писателе Андре Рувейре (1879 — 1962) и его работах (в том числе рисунках) на религиозные и мифологические темы.
- ¹³ С.И. Фудель ошибается. Цитируемая строка — из драматической поэмы В.А. Жуковского «Камознс» (1939), предсмертные слова поэта Камознса, героя поэмы.
- ¹⁴ Строфы из стихотворения В.С. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1895). Ср. последние две строки: «Только отзвук искаженный / Торжествующих созвучий?»
- ¹⁵ Ср.: «Я понимаю, что такое смирение. Оно неравносильно самоунижению. Оно есть самый источник действия» (Сент-Экзюпери А. де. Военный летчик (1942). Гл. XXV).

- 16 Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Из края в край, из града в град» (1834). Ср.: «Не время выкликать теней: / И так уж этот мрачен час».
- 17 Строка из стихотворения не Ф.К. Сологуба, а В.Я. Брюсова «З.Н. Гиппиус» («Неколебимой истине / Не верю я давно...», 1901) из кн. «Urbi et Orbi». Ср.: «Хочу, чтоб всюду плавала / Свободная ладья, / И Господа и Дьявола / Хочу прославить я».
- 18 Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).
- 19 Ср.: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18, 6).
- 20 Речь идет о романе французского поэта и писателя Анри де Ренье «Дважды любимая» (1900).
- 21 См. стихотворение А.С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон...», 1827).
- 22 Ср.: «Мне хотелось хотя сим [духовным завещанием] искупить бесполезность всего, доселе мною напечатанного, потому что в письмах моих, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, нежели в моих сочинениях». (Г о г о л ь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Предисловие. 1846).
- 23 Ср.: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12).
- 24 Ср.: «И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 14).
- 25 Икос из заупокойного последования.
- 26 Речь идет об английском писателе Арчибальде Джозефе Кронине и его романе «Цитадель» (1937).
- 27 Древнеримский писатель II в. н.э. Апулей, известный более всего своим романом «Золотой осел».

№ 155. Н.С. Фуделя

- ¹ Датируется по ссылке на чтение автобиографической повести Н.С. Фуделя «Сержант Северин». См. примеч. 3.
- ² Имеется в виду законченная весной 1963 г. работа С.И. Фуделя «Наследство Достоевского».
- ³ То есть с повестью Н.С. Фуделя «Сержант Северин», написанной в 1963 г.
- ⁴ Персонажи повести Н.С. Фуделя «Сержант Северин».
- ⁵ Повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).
- ⁶ Героиня повести Н.С. Фуделя «Сержант Северин».
- ⁷ Имеется в виду персонаж романа М.П. Арцыбашева «У последней черты» (1910–1912), Сергей Николаевич Михайлов; процитированных слов в начале романа нет.
- ⁸ Вероятно, речь идет о повести Э. По «Золотой жук» (1843).
- ⁹ См. примеч. 26 к письму 154.
- ¹⁰ Речь идет о рассказе Л.Н. Толстого «Три смерти» (1858), где для чтения псалтиря над гробом покойной найдено понятное и по-славянски место (Пс. 29, 8–13).
- ¹¹ Речь идет о герое повести К. Гамсуна «Пан» (1894) лейтенанте Глане.
- ¹² Речь идет, вероятно, о художественных произведениях А. де Сент-Экзюпери, написанных от первого лица.
- ¹³ Ф.М. Достоевский уничтожил (сжег в камине) первый вариант романа «Бе-сы» (около 15 печатных листов).

№ 156. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 29 IV 1964 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 2 V 1964 г.
- ² Речь идет о Пасхе, которая в 1964 г. приходилась на 3 мая.
- ³ Сын Н.Н. Третьякова, Николай.
- ⁴ Имеются в виду стихирь Пасхи.
- ⁵ Ирина Евгеньевна Полуэктова, мать друга С.И. Фуделя А.А. Бармина.
- ⁶ Мать И.Е. Полуэктовой.

№ 157. Н.Н. Третьякову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 3 X 1964 г. и получено в Москве (А-315, ул. Усиевича, 15, кв. 2) 5 X 1964 г.
- ² Очевидно, речь идет о годовщине смерти о. Николая Голубцова и о погребении его в сентябре 1963 г. Есть, однако, вероятность некой путаницы с датировкой письма и почтовыми штемпелями на конверте, так как содержание письма более естественно соотносится с событиями 1963 г., нежели с откликом на эти события год спустя.
- ³ Евр. 13, 14.
- ⁴ Имя молодой художницы, которая по рекомендации С.И. Фуделя однажды была у Н.Н. Третьякова и показывала ему свои работы, установить не удалось.
- ⁵ Сюжет из «Откровения Иоанна Богослова»: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Откр. 20, 13).
- ⁶ Сын Н.Н. Третьякова, Николай.

№ 158. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на Прощеное воскресенье и на рождение внучки С.И. Фуделя Татьяны, дочери М.С. Желноваковой. См. примеч. 2, 4.
- ² Дочь М.С. Фудель-Желноваковой Татьяна родилась 18 марта 1967 г.
- ³ М.Р. Желноваков, который в декабре 1966 г. переехал с семьей в Липецк и работал в Управлении лесного хозяйства.
- ⁴ 12 марта 1967 г. Пасха — 30 апреля.
- ⁵ Деревни на севере России, места ссылок С.И. Фуделя.
- ⁶ Кот и собака Н.С. Фуделя.
- ⁷ Внучка С.И. Фуделя.
- ⁸ Дочь С.И. Фуделя.

№ 159. Н.С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на скорое семидесятилетие С.И. Фуделя.
- ² М.С. Желновакова.
- ³ Дочь Н.С. Фуделя.
- ⁴ Имеется в виду роман Ф. Купера «Прерия» (1827).
- ⁵ Семидесятилетие С.И. Фуделя наступало 31 декабря 1969 г. по ст. ст. (13 января 1970 г. по н. ст.).

№ 160. Н.Е. Емельянову

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 8 X 1969 г. по адресу: Москва В-420, ул. Наметкина, д. 13, корп. 2, кв. 29. Емельянову Николаю.
- ² Николай Евгеньевич Емельянов, друг Н.С. Фуделя (с 1990 г. — Председа-

- тель совета Братства «Во Имя Всемилостивейшего Спаса», 1992 г. — профессор, зав. кафедрой информатики Православного Свято-Тихоновского богословского института) был в конце 1960-х сотрудником Института проблем управления АН СССР и ответственным секретарем московского молодежного клуба «Родина», занимавшегося изучением памятников архитектуры и живописи. С.И. Фудель обратился к нему как к руководителю архитектурной секции клуба по вопросу постановки на учет Покровского храма г. Покрова.
- 3 14 октября — праздник Покрова Богородицы (по н. ст.).

№ 161. Н.Е. и О.В. Емельяновым

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо послано из Покрова Владимирской области 9 I 1970 г. по адресу: Москва В-420, ул. Наметкина, д. 13, корп. 2, кв. 29. Емельяновым.
- 2 Н.Е. Емельянов и его жена, Оксана Васильевна Емельянова.

№ 162. Н.Е. и О.В. Емельяновым

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте: письмо (написано, видимо, в Покрове Владимирской области) отправлено из Москвы 9 XII 1970 г. по адресу: Москва В-420, ул. Наметкина, д. 13, корп. 2, кв. 29. Емельяновым. Получено 9 XII 1970 г.
- 2 Владимир Николаевич Воробьев (р. 28 III 1941), друг семьи С.И. Фуделя, в 1970 г. — сотрудник Вычислительного центра АН СССР, с 1979 г. — священник, с 1990 г. — духовник Братства «Во Имя Всемилостивейшего Спаса», с 1992 г. — ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института, с 1997 г. — настоятель Николо-Кузнецкого храма. (О его деде, протоиерее Владимире Николаевиче Воробьеве, ставшем, по смерти о. Иосифа Фуделя, настоятелем церкви Николая в Плотниках, см.: У стен Церкви. С. 153 наст. изд.).
- 3 Летом 1969 г. В.Н. Воробьев, его жена, Ольга Георгиевна Воробьева, и его братья были в Покрове у С.И. Фуделя.
- 4 Речь идет о Пасхе 1969 г. (13 апреля), которую не удалось отпраздновать вместе с Емельяновыми.

№ 163. Н.Е. и О.В. Емельяновым

- ¹ Датируется условно, по упоминанию о тяжелой болезни Н.А. Павлович. См. примеч. 3.
- 2 Речь идет о фотопортрете Льва Александровича Тихомирова, который был подарен С.И. Фуделю его крестной матерью (женой Л.А. Тихомирова). К Н.Е. Емельянову фотопортрет (обещанный в подарок) попал только после смерти С.И. Фуделя.
- 3 Речь идет о Надежде Александровне Павлович (1895–1980), которая долго и тяжело болела в 1970-х. См. примеч. к с. 58.

№ 164. Н.Е. и О.В. Емельяновым

- ¹ Датируется по упоминанию о статьях С.И. Фуделя.
- 2 19 декабря — именины Н.Е. Емельянова (Никола Зимний по н. ст.).
- 3 Речь, вероятно, идет о статьях С.И. Фуделя начала 1970-х гг.
- 4 Утренняя молитва 5-я св. Василия Великого «И даруй нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти, ожидающим пришествия светлаго и явленного дне Единороднаго Твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». См. письмо 46.

№ 165. Н.Е. и О.В. Емельяновым

- ¹ Датируется предположительно.

- 2 Праздник Пасхи.
- 3 Н.С. Фудель.
- 4 О.В. Емельянова часто посылала С.И. Фуделю продуктовые посылки.

№ 166. *Н.Е. и О.В. Емельяновым*

- 1 Датируется предположительно.
- 2 Имеется в виду беседа преподобного отца Серафима Саровского о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым, который посетил преподобного зимой 1831 г. (из рукописного воспоминания Н.А. Мотовилова, гл. VI). Рукопись эта, открытая С. Нилусом, опубликована в кн.: Нил ус С. Великое в малом. 2-е изд. Царское Село, 1905. С. 197–199. Отрывок из беседы опубликован в кн.: Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Ч. 1. Гл. V. Письмо четвертое. Свет Истины. См. также работу С.И. Фуделя «Об отце Павле Флоренском» (т. 3 наст. изд.).

№ 167. *Н.С. Фуделю*

- 1 Датируется по ссылке на двухнедельный отпуск Н.С. Фуделя. См. примеч. 2.
- 2 Речь идет об отдыхе Н.С. Фуделя на озере Селигер.
- 3 Ср.: «О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и о временах мирных Господу помолимся» (Великая Ектения).
- 4 См.: Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 2. Гл. 9 («У Тихона»).
- 5 Орехово-Зуево.
- 6 Вероятно, речь идет о работе «Славянофильство и Церковь» (см. т. 2 наст. изд.). На одном из экземпляров текста есть надпись: «сдана в 1972 г. в Издательский отдел Московской Патриархии».
- 7 Неустановленное лицо.

№ 168. *Н.С. Фуделю*

- 1 Датируется по упоминанию о смерти Н.И. Фудель. См. примеч. 7.
- 2 Ср.: «И удаляй печаль от сердца своего...» (Еккл. 11, 10). См.: «Люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль» (Сир. 30, 24); «...ибо от печали бывает смерть, и печаль сердечная истощит силу» (Сир. 38, 18).
- 3 Домашний фольклор.
- 4 Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!» (1851).
- 5 Сочинения Ф.М. Достоевского и книги о нем, которые Н.С. Фудель брал в библиотеке и у знакомых для С.И. Фуделя.
- 6 См. посвящение «Леону Верту, когда он был маленьким» книги А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»: «Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит».
- 7 Н.И. Фудель умерла 30 сентября 1971 г.

№ 169. *В.В. Наумову*

- 1 Датируется по штемпелям на конверте: Моск. обл., ст. Баковка Белорус. ж. д., Трудовая ул., дом 16. Наумову В.В. от Фуделя Н. и С. Иосифовича; почтовые штемпели: отправлено 20 03 72; получено 22 03 72.
- 2 Виктор Владимирович Наумов — редактор журнала «Охотничьи просторы», зять Т.М. Некрасовой.
- 3 М.А. Некрасова, дочь Т.М. Некрасовой.
- 4 Н.С. Фудель.

№ 170. *М.А. Некрасовой*

- 1 Датируется по штемпелям на конверте: Моск. обл., ст. Баковка Белорус. ж. д.,

Трудовая ул., дом 16. Марии Александровне Некрасовой. От С.И.; почтовые штемпели: отправлено 05 04 72; получено 08 04 72.

² То есть к Пасхе, которая в 1972 г. приходилась на 9 апреля.

³ Ср.: «А Иисус воззрев сказал им: человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26).

№ 171. Н.Е. и О.Ю. Емельяновым

¹ Датируется по почтовым штемпелям на конверте. Отправлено 23 04 72 по адресу: Москва, 117420, ул. Наметкина, дом 13, корп. 2, квартира 52. Емельяновым от Сергея Иосифовича Фуделя. Получено: 27 04 72.

² См. примеч. 2 к письму 160, примеч. 2 к письму 161.

³ Пасха в 1973 г. приходилась на 29 апреля.

⁴ Речь идет о В.Н. Воробьеве и его жене Ольге Георгиевне. Н.Е. Емельянов и В.Н. Воробьев были знакомы со школьных лет.

№ 172. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на пребывание Н.С. Фуделя в Калининской (Тверской) области. См. примеч. 5.

² Вероятно, с Н.Н. Третьяковым.

³ М.С. Желновакова, которая с 1966 г. жила с семьей в Липецке и работала на Липецком тракторном заводе цеховым технологом.

⁴ То есть архив Оптиной пустыни.

⁵ Имеется в виду летний отдых Н.С. Фуделя на оз. Молдино Волоколамского района Калининской (Тверской) области. С.И. Фудель интересовался возможностью приобрести там летнюю дачу.

№ 173. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Покрове.

² Речь идет о соседях по дому С.И. Фуделя.

³ Вероятно, имеется в виду библейское: «Как же мне одному носить тягости ваши, бремена ваши и распри ваши?» (Втор. 1, 12).

⁴ Ср.: «Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Рим. 14, 12).

⁵ Некий знакомый С.И. Фуделя, вероятно, из Киржача.

№ 174. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на статью в «Правде» от 28 X 1973.

² Заметка (без подписи) «Дорога к Пушкину» в «Правде» (1973. 28 окт.) посвящена пушкинским местам и краеведению.

³ Речь идет о московских соседях Н.С. Фуделя.

⁴ Совершеннолетие М.Н. Фудель наступало 10 января 1974 г.

№ 175. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по ссылке на скорое семидесятичетырехлетие С.И. Фуделя.

² 13 января 1974 г.

³ Приходящая помощница по хозяйству.

⁴ В.С. Фудель пыталась устроиться логопедом в Покрове, в детском интернате.

№ 176. Н.С. Фуделю

¹ Датируется по упоминанию о сорок девярых именинах Н.С. Фуделя.

² Именины Н.С. Фуделя праздновались на Николу Зимнего, то есть 6/19 декабря.

³ Номер московской квартиры Н.С. Фуделя на Ленинградском шоссе.

⁴ С.И. Фудель выполнял переводы с английского языка по заказу иностранного отдела Московской патриархии.

№ 177. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на встречу Нового года (1974) и предстоящий праздник Рождества (7 января 1974 г.).

№ 178. М. Н. Фудель

- ¹ Датируется по ссылке на возраст внучки, М. Н. Казаковой (урожденной Фудель). См. примеч. 4.
- ² 9-я песнь Канона.
- ³ См.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 6. Гл. III («Из бесед и поучений старца Зосимы»). Беседа «О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным».
- ⁴ Вероятно, речь идет о приближающемся восемнадцатилетии М. Н. Фудель (10 января 1974 г.).
- ⁵ В. С. Фудель находилась в больнице.

№ 179. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на скорую Пасху.
- ² То есть Пасху, 14 апреля.
- ³ Речь идет об исторической повести Н. С. Фуделя «Три брата», опубликованной позже (Плотников Н. Береза в ноябре. М., 1988).
- ⁴ См. примеч. 2 к письму 160 и примеч. 2 к письму 161.

№ 180. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на пятидесятилетний юбилей Н. С. Фуделя.
- ² 26 мая 1974 г.
- ³ См. примеч. 9 к письму 151.

№ 181. М. Н. Фудель

- ¹ Датируется по ссылке на Пасху 1974 г. См. примеч. 5.
- ² Речь идет о ремонте дома в Покрове, законченном к 1975 г.
- ³ Речь идет о неопубликованных стихах М. Н. Фудель.
- ⁴ Ср.: «Отыми сердце каменное от плоти нашея, и даждь сердце плотяное, бо-ящееся Тебе» («Молитва пресвитером, готовящимся к служению святыя литургии», приписываемая св. Амвросию Медиоланскому). Ср. также: «И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам сердце плотяное» (Иез. 11, 19).
- ⁵ Речь идет о Пасхальной службе в церкви Рождества Богородицы в поселке Городня Тверской области, на которой, по приглашению священника Алексея Злобина, были С. И. Фудель, его сын и внучка в 1974 г.

№ 182. Н. С. Фуделю

- ¹ Датируется по ссылке на дату знакомства с В. В. Розановым. См. примеч. 3, 4.
- ² См.: 1 Кор. 13, 4–8.
- ³ С. И. Фудель вспоминал, что отец (о. Иосиф Фудель) не любил В. В. Розанова как писателя (см.: Воспоминания. С. 37 наст. изд.). «Опавшие листья» (1912) — сочинение В. В. Розанова.
- ⁴ То есть к 1974 г.
- ⁵ См.: «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоем петух, трижды отречешься от Меня» (Мф. 26, 75).
- ⁶ Ср.: «Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. 11, 36).
- ⁷ Речь идет о свадьбе внучки С. И. Фуделя, В. М. Желноваковой.
- ⁸ Имеется в виду приезд родственников отца невесты, М. Р. Желновакова, из с. Воронцовка.

№ 183. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по упоминанию об ухудшении состояния здоровья С.И. Фуделя. См. примеч. 9.
- ² С.И. Фудель был на фронте (на Волховском направлении, под Сталинградом) рядовым роты охраны при поездах, перевозящих боеприпасы.
- ³ Имеется в виду евангельский рассказ об исцелении человека, болевшего в течение тридцати восьми лет, в Иерусалиме, у Овечьих ворот, при купальне, называемой по-еврейски Вифезда (Дом милосердия). «Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров?» (Ин. 5, 6).
- ⁴ Рим. 11, 36.
- ⁵ Еф. 5, 16.
- ⁶ То есть из Евангелия.
- ⁷ Утренняя молитва 5-я св. Василия Великого.
- ⁸ Дочь С.И. Фуделя Варвара находилась в больнице.
- ⁹ Имеется в виду состояние С.И. Фуделя после инфаркта.
- ¹⁰ Возможно, речь идет о Евгении Алексеевиче Карманове, ответственном секретаре «Журнала Московской Патриархии», который заказывал В.М. Сытиной переводы с иностранных языков.
- ¹¹ См. примеч. 4 к письму 120.

№ 184. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на семидесятипятилетие С.И. Фуделя. См. примеч. 6.
- ² М.С. Желновакова.
- ³ М.Р. Желноваков.
- ⁴ То есть у Е.Н. Мулиной. См. примеч. 4 к письму 120.
- ⁵ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Я просыпался и всходил...» (1902). Ср.: «Сегодня жду моих гостей / и дрогну, и сжимаю руки».
- ⁶ То есть 13 января 1975 г.
- ⁷ То есть человека, на кого можно было бы оставить дом, чтобы не отключать местное паровое отопление.

№ 185. Н. С. Фуделью

- ¹ Датируется по ссылке на закончившийся ремонт в Покрове.
- ² Все ремонтные работы в Покрове были завершены к лету 1975 г.
- ³ 30 сентября — именины В.М. Сытиной.
- ⁴ Кирилл Ильин, племянник С.И. Фуделя, сын его сестры Н.И. Фудель.

№ 186. Л.И. Щербининой

- ¹ Датируется по ссылке на состояние здоровья С.И. Фуделя.
- ² Зрение С.И. Фуделя ухудшилось еще в Усмани, около 1961 г.
- ³ Московский врач, окулист-гомеопат, лечившая С.И. Фуделя.
- ⁴ Ср.: «Надежда так же обязательна, как и любовь... Правда, общество пляшет, дворянство играет в карты, чиновник крадет, поп меняет каноны на гривенники — да ведь это делали всегда, разом не переменялись» (Хомяков А. С. Письмо к Ю.Ф. Самарину от 3 октября 1858 года // Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 297).
- ⁵ Вероятно, речь идет о состоянии С.И. Фуделя после инфаркта.

№ 187. М. С. Желноваковой

- ¹ Датируется по почтовым штемпелям на конверте; письмо послано из Покрова Владимирской обл. 04 01 76 г. по адресу: Липецк-13, проезд Ильича, дом 8, кв. 1. Желноваковой Марии Сергеевне; получено 08 01 76.

- 2 Елена Георгиевна Вербоноль, жительница Покрова, которая помогала С.И. Фуделю по хозяйству.
- 3 С.И. Фудель выполнял перевод с английского языка книги Фомы Аквинского «Summa Theologiae» для одного из церковных учреждений. См. примеч. к с. 136.
- 4 Строки из опущенной строфы последней главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
- 5 М.Р. Желноваков.
- 6 Речь идет о переводах с иностранных языков, которые выполняла В.М. Сытина для «Журнала Московской Патриархии».
- 7 С.И. Фудель работал для Московской Патриархии с 1967 г.
- 8 См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 год. Август. Гл. III. Придирака к случаю. Четыре лекции на разные темы, прочитанные мне г-ном Градовским. [Лекция] III. Две половинки. См. также письмо 46.
- 9 Ср. комментарий С.И. Фуделя к Иоанну Карпафийскому (см.: Путь Отцов. Т. 2 наст. изд.).
- 10 Ср.: «Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и и избранные и верные» (Откр. 17, 14).
- 11 Внучка, В.М. Желновакова.
- 12 13 января 1976 г. С.И. Фуделю исполнилось не 75, а 76 лет.

№ 188. М.С. Желноваковой

- 1 На конверте адрес (Липецк 13, проезд Ильича, дом 8, кв. 1. Желноваковой Марии Сергеевны) и почтовые штампы: Покров Владимирской обл. 19 01 76; Липецк областной 23 01 76.
- 2 См. примеч. 6 к письму 187.
- 3 Рождество.
- 4 Кирилл Ильин.
- 5 В комнате Кирилла Ильина, в одном из переулков на Солянке, С.И. Фудель останавливался во время своего амбулаторного исследования (1974—1975).
- 6 Галина Каменьяка, жена покровского священника о. Андрея Каменьяки, и их родственники, знакомые С.И. Фуделя.
- 7 Богородичен 6-го часа.
- 8 Пасха в 1976 г. приходилась на 25 апреля.
- 9 Неустановленное лицо.
- 10 Е.Н. Мулина.
- 11 См.: «И вот как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле»; «Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего».
- 12 Т.М. Желновакова, внучка.

№ 189. Н.С. Фуделю

- 1 Место отправления указано по аналогии с письмами 70-х гг.
- 2 Решение о принятии священства обдумывалось в середине 1950-х гг. в Усмани.
- 3 М.П. Лучкина до своей болезни регулярно приезжала гостить в Усмань.
- 4 Ср.: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).
- 5 Владислав Васильевич Свешников, приятель Н.С. Фуделя, сотрудник Министерства приборостроения (1971—1974), церковный сторож (1974—1975), с конца 1976 г. — священник.
- 6 Ср.: «Страх Господень научает мудрости, и славе предшествует смирение»;

«За смирением следует страх Господень, богатство и слава и жизнь» (Прит. 15, 33; 22, 4).

7 Персонаж романа Ч. Диккенса «Холодный дом».

8 Лк. 6, 26.

№ 190. Н. С. Фуделю

1 Датируется по ссылке на регулярные занятия переводами.

2 См. примеч. 3 к письму 187.

№ 191. Н. С. Фуделю

1 Датируется по обстоятельствам жизни С.И. Фуделя в Покрове.

2 Домашняя собака.

3 Сергей Кузнецов, рабочий (наладчик на трикотажной фабрике) из Покрова, часто навещавший С.И. Фуделя.

4 См.: Воспоминания. С. 41 наст. изд.

5 Наричательное именование совокупности всех русских северных монастырей, основанных учениками и последователями преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.

6 Имеются в виду, вероятно, поездка Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева к оптинским старцам в 1878 г. и поездки Л.Н. Толстого в Оптину пустынь в 1877, 1881, 1890, 1896 и в 1910 (накануне смерти) гг. См. примеч. к с. 16.

7 Ср.: «Тот будь безумным, чтоб быть мудрым» (1 Кор. 3, 18).

8 Персонажи романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

9 Ср.: «Схимничество — есть посвятить себя на молитву за весь мир», — говорил старец Парфений Киево-Печерский (см.: Путь Отпов. Т. 2 наст. изд.).

10 Неточная цитата из стихотворения Д.Л. Андреева «Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх...» (1950) из цикла «Зеленая поймой»; из 9 строф процитированы с искажениями 4, 5 и 6-я строфы. Ср.:

Хмель естества дотла испепелив,
Приняв в народе имя страстотерпцев,
Страданье твари — птиц, людей и нив
Они впитали целокупным сердцем.
Ушкуйник, смерд, боярин и купец
Их, как владык таинственных, просили
Внести за них сокровище в ларец —
В незримый Кремль, в небесный Град России.
За грех царей, за буйства пьяных сел,
За кривду войн, за распри, за разруху,
Они за нас — за всех, за вся, за всё
Несли страду и горький подвиг духа.

№ 192. Н. С. Фуделю

1 Место отправления указано по аналогии с письмами 1970-х гг.

2 О. Серафим (Битюгов).

3 Рим. 5, 5.

4 Речь идет о работе о. Иосифа Фуделя «Дневник священника пересыльной тюрьмы». Опубл.: Православная община. М., 1991. № 3–4. Рукопись (из архива Н.С. Фуделя) хранится в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье».

№ 193. Н. С. Фуделю

1 Датируется по ссылке на состояние здоровья С.И. Фуделя.

2 Ср.: «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11, 36).

3 Ср.: «Бойся печали, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет» (Сир. 30, 25).

⁴ Кор. 7, 10.

⁵ Речь идет о злокачественном воспалении лимфатических узлов, болезни, начавшейся в 1976 г.; от нее 7 марта 1977 г. скончался С.И. Фудель.

№ 194. *Н.Е. Емельянову*

¹ Датируется приблизительно, по ссылке на написание работы «Причастие вечной жизни», которая была завершена не ранее 1974 г. См. т. 2 наст. изд.

² В.Н. Воробьеву. См. примеч. 4 к письму 171.

³ Н.С. Фудель.

⁴ Ср.: «...И псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15, 27).

Указатель имен

- А.В. 406, 602
Абрамова И.А. (Ираида Андреевна) 448, 610
Абрамова Т. (Таня) 448, 610
Аввакум (Боровиков), епископ, Уфимский викарий 77, 543
Августин Блаженный 97, 184–186, 196, 538, 549, 564, 565
Авраам (библ.) 172, 204, 245, 297, 549, 562
Авраамий Ростовский 172
Агапит (Беловидов), схиархимандрит 575
Агафангел (Преображенский), митрополит 86, 546
Адам (библ.) 589
Аксаков А.Н. 590
Аксаков И.С. 21, 25, 51, 74, 86, 277, 366, 525, 546, 579, 590, 591, 594, 601
Аксаков К.С. 74, 393, 542, 590, 599
Аксаков С.Т. (Сергей Тимофеевич) 386, 542, 590, 598, 611
Аксакова (Тютчева) А.Ф. 579
Аксаковы 347, 348, 409, 542, 590
Ал. Андр. 470, 502
Александр II 61, 117
Александр Невский 84
Александр Дмитриевич — см. Самарин А.Д.
Александр Сергеевич — см. Некрасов А.С.
Александра Андриановна 292
Алексей, юродивый 210, 568
Алексий I (Симанский С.В.), патриарх 61, 535, 544, 546, 566
Алексий (Лавров-Платонов), архиепископ Виленский и Литовский 22, 27, 202, 525
Алексий (Соловьев), зосимовский иеросхимонах 16, 18, 112, 143, 207, 208, 522, 523, 551, 552
Алеша — см. Бармин А.А.
Амвросий Медиоланский 143, 556, 624
Амвросий (Гренков), оптинский старец 22–25, 43, 51, 57, 73, 74, 89, 159, 248, 255, 522, 523, 535, 565, 575
Амори, граф (псевд. И.П. Рапгофа) 88, 547
Амфитеатров Валентин, протоиерей 559
Анатолий (Потапов), оптинский старец 59, 73, 175, 534, 535, 538, 562
Анастасия Николаевна, вел. княгиня 553
Андреев Д.Л. 627
Андреев Л.Н. 529
Андрей Юродивый 320
Андрей Дмитриевич 55, 534
Андрей (Ухтомский), епископ 543
Андриановна 151, 558
Андроник (Лукаш), схиархимандрит 557
Андрюша — см. Крутские
Анна Григорьевна — см. Достоевская А.Г.
Анна Павловна 474
Анненков П.В. 394, 399, 429, 599, 601

- Анненский И.Ф. 45, 46, 69, 107, 550
 Антонида Федоровна 398, 600
 Антоний 101
 Антоний Великий 147, 255, 587
 Антоний (Блум), митрополит 116, 141, 155, 168, 185, 551, 556, 558, 564
 Антоний (Храповицкий), архиепископ 555
 Антонов К. 31
 Анфиса, монахиня 164
 Аполлон (миф.) 466, 486
 Апулей 489, 490, 619
 Апушкина Е.В. 542, 545
 Арат 560
 Ариадна (миф.) 461
 Аристофан 288
 Арманс 394, 599
 Арсеньев В.К. 376, 590, 593
 Арцыбашев М.П. 40, 529, 619
 Астафьев П.Е. 570
 Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский 7, 72, 76–78, 80, 521, 534, 539, 541–546, 552, 566, 575
 Ахматова А.А. 610
 Азузов М.О. 595

 Базиль — см. Боткин В.П.
 Байрон Дж. 318, 351, 548, 560
 Бакунин М.А. 421
 Балашов Николай, протоиерей 6, 521, 550
 Бальзак О. де 318, 368
 Бальмонт К.Д. 60, 268, 323, 535, 586
 Баратынский Е.А. 478, 490, 579, 586
 Бармин А.А. 5, 477, 550, 566, 570, 617, 620
 Бартенева П.И. 46, 532
 Басин И.В. 560
 Батюгов С.М. — см. Серафим Батюков С.М. — см. Серафим Батюшков К.Н. 13, 54, 426, 522
 Бахтин М.М. 477, 617
 Бедный Демьян 91
 Белинский В.Г. 383–386
 Белый А. 53, 63, 64, 533–537, 585, 602
 Бельтов 429
 Белякович В.Г. (Валентина Григорьевна, Валя) 372, 383, 434, 595, 607
 Беляковичи 390, 595, 598
 Беме Я. 539
 Бердяев Н.А. 16, 42, 65, 66, 69, 153, 162, 523, 533, 540
 Бернаос Ж. 558
 Бернет Ф.-Х. 614
 Бернс Р. 605
 Бетховен Л. ван 266, 267, 286, 411, 603
 Бианки В.В. 333
 Битюгов С.М. — см. Серафим Битюков С.М. — см. Серафим Бичер-Стоу Г. 333
 Биша М.-Ф. 573
 Блок А.А. 52, 60, 64, 69, 71, 161, 162, 168, 181, 21, 229, 286, 288, 359, 363, 377, 510, 517, 533–535, 541, 548, 569, 572, 575, 581, 584, 586, 587, 590, 593, 595, 596, 608, 613, 615, 625
 Блюмкин Я. 592
 Бобринский 594
 Бобринская М.А. (Маша) 367, 594, 614
 Богданов Владимир, священник 87, 92, 544, 546
 Бодлер Ш. 532
 Болотов В.В. 564
 Боннивар Ф. 548
 Бонч-Бруевич В.Д. 581, 607
 Борис (Холчев), архимандрит 563
 Борисов В.М. 521
 Борн М. 491
 Боря 197
 Боткин В.П. (Базиль, Василий Петрович) 394–396, 399, 405, 599, 600
 Бржеская А.Л. 286, 549, 581

- Бришке М.Э. (Макс) 273, 308, 454, 578, 611
Бришке Э.В. 578, 585
Бродский Н.Л. 597, 598
Брэдбери Р. 162–163, 560
Брюсов В.Я. 47, 268, 277, 349, 536, 579, 619
Булгаков С.Н. 46, 63, 65–68, 104, 125, 522, 523, 531, 533, 536–539, 563
Бунин И.А. 484
Бухарин, врач 456
Быстрицкая 512
Бычков Иоанн, протоиерей 145, 225, 557, 571
Бычков С.С. 559
- В. Володя — см. Воробьев Владимир
Вагнер Р. 531, 578
Валентина Григорьевна, Валя — см. Белякович В.Г.
Варвара, Варенька, Варя, тетя Варя — см. Фудель В.С.
Варнава (Беляев), епископ 551
Варсонофий (Варсануфий) Великий 124, 140, 158, 169, 479, 554–557, 559, 614
Василевская В.Я. 541, 544
Василий (Кривошеин), архиепископ Брюссельский 213, 569
Василий Великий 134, 137, 588, 621
Василий Петрович — см. Боткин В.П.
Василий Петрович, однокамерник С.И. Фуделя 98
Васнецов В.М. 71, 198, 348, 361, 598
Вася 397
Вася, родственник М.П. Лучкиной 451, 459
Васька, сын хозяев в Усмани 388, 598
Ватто А. 427, 606
Введенский А.И. 423, 605
- Велес (миф.) 172
Венгеров С.А. 395, 599
Веневитинов Д.В. 421, 605
Вера Ив. Л. — см. Леонова В.И.
Вера Максимовна — см. Сытина В.М.
Вербицкая А.А. 40, 88, 529, 547
Вербоноль Елена Георгиевна 626
Вересаев В.В. 360, 593
Верочка — см. Желновакова В.М.
Верочка, Верушенька — см. Сытина В.М.
Верт Л. 622
Виардо П. 272, 341, 409, 602
Виктор — см. Наумов В.В.
Виктор (Островидов), епископ Глазовский 548
Влад — см. Свешников В.В.
Владимир 423
Владимир Иванович — см. Кристман В.И.
Волошин М.А. 596
Волькенштейн Ф.А. 584
Волькенштейн Ф.Ф. (Фефочка) 314, 584
Вонифатий, мученик 105
Воробьев Владимир, протоиерей (о. В.) 153, 558, 621
Воробьев Владимир, протоиерей (Воробьев Володя), внук протоиерея В. Воробьева 9, 497, 500, 519–521, 621, 623, 628
Воробьева О.Г. (Оля) 500, 621, 623
Врангель П.Н. 115
Вронские 15
Врубель М.А. 361, 542, 590
Вышеславцева О.Н. 551
Вяземский П.А. 325, 586
- Гаврюша, юродивый (Иванов Г.И.) 59, 210, 535, 568
Галкин М.В. (псевд. М. Горев) 545
Галя — см. Каменяка Г.
Гамсун К. 287, 318, 491, 551, 572, 581, 619
Гарт Б. 287, 318, 377

- Гарраден Б. 581
Гаршин В.М. 46, 531
Гауптман Г. 318, 359
Гейне Г. 287
Генка 324, 326, 586
Георгиевский Димитрий, священник 32, 527
Георгий (Машурин), затворник Задонский 117, 551
Георгий Николаевич — см. Дурылин Г.Н.
Гервег Г. 390, 598
Герман (Гомзин), игумен, зосимовский старец 522, 523
Гермоген, святитель 75
Герцен А.И. 74, 155, 235, 325, 330, 373, 393, 395, 396, 399, 421, 429, 542, 599–601, 605, 606
Герцен Н.А. 598, 599–600
Гершензон М.О. 607
Герье В.И. 153, 558
Гёте И.-В. 64, 288, 531
Гильфердинг А.Ф. 367, 594
Гиппиус З.Н. 46, 93, 531, 592, 619
Глинка М.И. 579
Гоген П. 45
Гоголь Н.В. 46, 48, 53, 155, 162, 163, 277, 319, 348, 349, 360, 383–385, 396, 486, 522, 560, 579, 593, 598, 599, 607, 619
Голенищев-Кутузов А.А. 265, 578
Голсуорси Д. 318, 490, 580, 587
Голубцов А.П. 551
Голубцов Николай, священник (отец Николай, Николай Александрович) 116, 139, 145, 148, 151, 157, 166, 167, 184, 223–226, 479, 480, 516, 551, 571, 612, 615, 618, 620
Голубцовы 469
Гомер 318
Гончаров И.А. 333, 386, 592, 597, 606
Горев М. — см. Галкин М.В.
Гофман Э.-Т.-А. 274
Грабарь И.Э. 348, 528, 590
Градовский 588, 626
Грибоедов А.С. 423, 572, 605
Григ Э. 267, 286
Григорий Богослов 538
Григорий Нисский 561
Григорий Синайский 618
Григорьев А.А. 297, 582
Гроссман Л.П. 477, 588, 617
Гумилев Н.С. 614
Гурий (Степанов), архимандрит 144, 556
Гус М. 476, 617
Давыдов Д.В. 478
Даль В.И. 287
Дамаскин (Жабинский), иеромонах 77, 78, 543, 552
Данилевский Г.П. 417, 418, 604
Данте А. 288, 318
Дарский Д.С. 277, 579, 580
Дельвиг А.А. 478
Деметра (миф.) 593
Демина Н.А. 617
Демьянов И.И. 461, 613
Державин Г.Р. 559, 570
Диадок блаженный 138, 190, 259
Дидим 184, 606
Диккенс Ч. 45, 53, 322, 337, 342, 420, 457, 462, 482, 484, 490, 524, 547, 549, 588, 601, 612, 613, 618, 627
Димитрий (Градусов), архиепископ Ярославский 552
Димитрий Ростовский 213, 569, 584
Дионисий Александрийский 538
Дионисий Ареопагит 209, 557, 568
Дионисий, зосимовский иеромонах 19, 524
Дмитриева Н.К. 540
Дмитрий Донской 423
Дмитрий Петрович 360, 592
Добролюбов А.М. 46, 383, 386, 429, 531
Долнина А.С. 613
Донат (Щеголев), епископ 571

- Дорофей, авва 250
- Достоевский Ф.М. 5, 27, 34, 47, 51, 67–69, 74, 154, 155, 159, 162, 175, 177, 192, 193, 196, 211, 213, 215, 217, 240, 257, 272, 274, 287, 318, 323, 334, 335, 341, 359, 368, 369, 379, 436, 440, 441, 457, 463, 468, 472–474, 477, 478, 480, 482, 484, 486, 489, 490, 492, 499, 506, 517, 522, 532, 540, 555, 562, 569, 570, 574, 576, 587, 588, 592, 594, 597, 600, 609, 612, 613, 615, 617–619, 622, 624, 626, 627
- Достоевская А.Г. (Анна Григорьевна) 464, 472, 588, 613
- Достоевская Л.Ф. 613
- Другов Б.М. 579
- Дудышкин С.С. 597
- Дунина О.К. (Ольга Константиновна) 317, 320, 585
- Дурылин Г.Н. (Георгий Николаевич) 393, 599
- Дурылин С.Н. (Сергей Николаевич, псевд. С. Раевский) 44–55, 57, 58, 60, 62, 65–69, 72, 153, 174, 175, 177, 333, 351, 356, 358, 359, 362, 367–371, 376, 383–385, 392–394, 482, 521, 529–534, 538–540, 558, 562, 575, 577, 581, 487, 590, 592, 594, 595, 597, 599
- Дюма А. 549
- Ева (библ.) 589
- Евдокия, монахиня 545
- Евдокия, келейница 101
- Еврипид (Эврипид) 45, 69, 288, 318
- Екатерина II 134
- Екатерина Всеволодовна — см. Щельцина Е.В.
- Елена Абрамовна — см. Пелевина Е.А.
- Елена Владимировна — см. Чернышова Е.В.
- Елизавета Пораскеевна — см. Каливази Е.П.
- Ельчанинов Александр, священник 137, 145, 158, 180, 183, 190, 533, 556, 559, 563
- Емельянов Н.Е. (Коля, Николай) 496–498, 519, 577, 620, 621, 628
- Емельянов С.И. 525
- Емельянова Е.С. (баба Женя) 462, 525, 609, 613
- Емельянова О.В. (Ксана, Оксана) 496–498, 520, 577, 621, 622
- Емельяновы 506, 621
- Емельяновы Н.Е. и О.В. 496–498, 500, 621–623
- Ерм 42, 530
- Еропкин 392
- Есенин С.А. 107, 287, 363, 486, 550, 580, 593, 606
- Ефрем Сирийский 145, 167, 249, 538, 561, 575
- Жданов В.А. 88, 547
- Желноваков М.Р. (Миша) 440, 442, 443, 445, 450, 459, 461, 468, 471, 494, 508, 510, 512, 609–612, 620, 624–626
- Желновакова В.М. (Верочка, Люша) 446, 450, 454–456, 458–462, 468, 494, 495, 513, 609, 611, 612, 624, 626
- Желновакова (Фудель) М.С. (Маша, Машенька, Машок, Машунечка, Машуня, Мурзик) 264, 267, 271, 272, 276, 287, 292, 294, 296, 307, 308, 317, 319, 322–324, 338, 342, 343, 347, 352–354, 357, 361, 364, 365, 367, 368, 380, 383, 391, 396–398, 400–402, 404, 408, 410–412, 414, 415, 419, 421, 424, 425, 428, 430, 435, 436, 438–440, 442–445, 448, 450, 454, 456–461, 466, 470, 471, 492, 494, 495, 499, 501, 508, 510, 512, 513, 515, 578, 582–584, 589–592, 595, 596, 600, 602, 604, 605, 607–615, 620, 623, 625, 626

- Желновакова Т.М. (Танечка, Татьяна) 515, 620, 626
 Женья — см. Емельянова Е.С.
 Женья — см. Карманов Е.А.
 Женья (тетя Женья) — см. Мулина Е.Н.
 Жуковский В.А. 155, 287, 323, 349, 356, 592, 618
- З. — см. Купер З.М.
 Замараев 270
 Зина 194
 Зина — см. Сытина З.А.
 Зина — см. Сытина З.М.
 Зина — см. Торопина З.
 Зина, знакомая по Загорску 398, 600
 Злобин Алексей, священник 624
 Золя Э. 266, 318, 416, 482, 484, 604
 Зосима 193, 517
- Иаков (*библ.*) 172, 256, 562
 Ибсен Г. 287, 318, 359, 360, 490, 592, 593
 Иван-столяр, священник 199, 200, 566
 Иван Федосеич 191
 Иванов А.А. 173
 Иванов В.И. 46, 63, 70, 533, 537, 541, 585, 596
 Иванов Г.И. — см. Гаврюша
 Игнатий (Брянчанинов), епископ 16, 26, 118, 143, 144, 148, 166, 523, 552, 554, 556, 557
 Игумнов К.Н. 49, 533
 Иеракс (Бочаров), иеромонах 544
 Иисус Христос 14, 15, 57, 95, 97, 99, 203, 426, 537, 539, 548, 557, 560, 561, 567, 568, 570, 575, 589, 596, 606, 607, 609, 621
 Иларион (Троицкий), архиепископ 133, 554
 Иларион (Фокин), блаженный 194, 565
 Иларион, странник 189, 564
 Ильин К.Н. (Кирилл) 306, 307, 511, 514, 583, 590, 625, 626
 Ильин Н.Н. (Коля, Николай Николаевич) 341, 342, 416, 583, 588, 603
 Ильинский И.В. 69, 540
 Илья Муромец 100
 Илюша 96, 97
 Иоанн, апостол 156, 172, 567
 Иоанн Богослов 560
 Иоанн Дамаскин 179, 572
 Иоанн Златоуст 27, 43, 121, 130, 131, 140, 144, 165, 196, 199, 538, 556, 559, 574
 Иоанн Карпафийский 166, 626
 Иоанн Креститель 218
 Иоанн Кронштадтский (Сергиев) 57, 81, 121, 136, 158, 552
 Иоанн Лествичник 255
 Иоанн преподобный 169, 554, 556, 559
 Иов (*библ.*) 226
 Иосаф (Тихонов), иеромонах 529
 Иосафан Белгородский 148
 Иосиф, священник — см. Фудель
 Иосиф
 Иосиф (*библ.*) 130
 Иосиф (Литовкин), оптинский старец, иеросхимонах 14, 23, 24, 522, 523, 526
 Иперхий, авва 554
 Ипполит Римский 203, 537, 566
 Ираида Андреевна — см. Абрамова И.А.
 Ирина Евгеньевна — см. Полуэктова И.Е.
 Ирина Николаевна — см. Третьякова И.Н.
 Иринея Лионский 123, 127–129, 179, 203, 215, 537
 Исаак (*библ.*) 172, 562
 Исаак Сирин (Исаак Сириянин) 47, 128, 143, 230, 350, 447, 520, 554, 556, 572, 590, 610
 Исаия (Ковалев), епископ Угличский 552
 Исаия, авва 166, 236, 257

- Исидор Пелусиот 557
Исраил (*библ.*) 256
Истомина С.И. (С.Ив.) 102, 549, 554
Иулиания (Соколова), монахиня 540
Иустин Философ 537
Иуда (*библ.*) 57, 253, 426, 508, 606
- Кавкасидзе А.Н. — см. Сидорова А.Н.
Казакова (Фудель) М.Н. (Маша, Машенька) 443, 445, 446, 448, 450, 460–462, 464, 467, 468, 470–472, 495, 496, 499, 501–507, 509, 510, 517, 609, 612, 615, 623, 624
Каливази Е.П. (Елизавета Пораскеевна) 448, 610
Каллист Катафигиот 259, 576
Каменская А.А. 562
Каменяка Андрей, священник 626
Каменяка Г. 514, 626
Камознс Л. 618
Кант И. 64, 319, 363, 534
Каншины 607
Капитолина Николаевна — см. Полуэктова К.Н.
Карамзина С.Н. 607
Карманов Е.А. (Женя) 509, 625
Кассия, инокиня 20, 524
Катков 600
Катя, знакомая В.М. Сытиной 603
Катя, помощница по хозяйству 504, 623
Катя, праведница 189, 564
Катя — см. Шельцина Е.В.
Качалов В.И. 359, 592
Кашин И.П. 80, 544
Киплинг Р. 287, 318, 614
Киприан Карфагенский 566
Киприан (Зернов), архиепископ Дмитровский 571
Киреевские 599
Киреевский И.В. 5, 46, 366, 522
Киреевский П.В. 367, 522, 594
- Кирилл Белозерский 523, 627
Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский 7, 77, 78, 84, 99–103, 159, 543–546, 559
Кирилл — см. Ильин К.Н.
Клеанф 560
Клеман О. 555
Кобылинский Л.Л. — см. Эллис
Ковалинский М.И. 522
Кожевников В.А. 67, 536, 539
Кожевникова Т.В. 70, 541
Козин В.Р. 280, 580
Козлов 376
Козлов С. 503
Кока (дядя Кока) 467
Кольцов А.В. 287
Коля — см. Третьяков Н.Н.
Коля — см. Чернышев Н.С.
Коля, Коленька — см. Фудель Н.С.
Коля — см. Ильин Н.Н.
Конрад Дж. 475, 617
Консидеран В. 217, 570
Константин, император 538
Константин, отшельник 568
Коншина К.Н. — см. Полуэктова К.Н.
Копировский А.М. 521
Коровин 361
Корст Н.О. (Николай Оскарович) 454, 462, 611
Косик О.В. 521
Костер Ш. де 559, 587
Костомаров Н.И. 597
Кострюков А.А. 521
Котляревский С.А. 66, 538
Кравецкий А.Г. 545
Крамской И.Н. 477, 617
Краснопевков Л.В. — см. Леонид
Крахмальникова З.А. 550
Крестовский Вс. 581
Криволицкий Владимир, священник 87, 113, 118, 139, 193, 546, 547, 551, 566
Кристан В.И. (Владимир Иванович) 469, 607, 615

- Кристан С.П. (Софья Павловна) 368, 522, 525, 526, 528–530, 433, 474, 607, 614
- Кронин А.-Дж. 488, 491, 619
- Крутские (Андрей и Елена) 416, 604
- Крылов Иоанн, протоиерей 100, 549
- Крылов И.А. 69, 540
- Крючков Димитрий, священник 81, 198–200, 544, 546, 565, 566
- Ксана — см. Емельянова О.В.
- Кузнецов Н.В. 521
- Кузнецов С. (Сереза) 517, 627
- Кузьмина В. 595
- Куломзина С. 550
- Купер З.М. 379, 596
- Купер Ф. 377, 461, 495, 613, 620
- Куприн А.И. 288
- Курочкин В.С. 429, 606
- Кутявина Л.А. 546
- Лагерлеф С. 323, 460, 468, 586, 612, 615
- Ладыженский М.В. 16, 523
- Лазарев К. 542
- Лазарева Ю.Н. 545
- Лактанций 537
- Ламберт Е.Е. 409, 602
- Ландышев Евгений, священник 26, 41, 527
- Ланн Е. 613
- Лева — см. Сытин Л.М.
- Левашов Павел, священник 24, 526
- Левитан И.И. 232
- Лемке М.К. 395, 599
- Лена — см. Мамонтова Е.Д.
- Ленин В.И. 429
- Леонид (Краснопевков), архиерей 144, 556
- Леонид (Наголкин, в схиме Лев), иеромонах, оптинский старец 78, 543
- Леонова В.И. (Вера Ив. Л.) 71, 541
- Леонтьев К.Н. 5, 23–25, 39–42, 46, 51, 62, 63, 65, 89, 155, 163, 217, 368, 522, 525, 526, 528–530, 533, 536, 537, 594
- Лермонтов М.Ю. 46, 68, 98, 154, 162, 177, 275, 286, 341, 345, 385, 388, 426, 434, 482, 485, 531, 540, 549, 552, 558, 589, 591, 597, 598, 607, 608, 615, 619
- Лесков Н.С. 16, 18, 27, 28, 45, 46, 162, 277, 278, 287, 359, 377, 397, 399, 401, 402, 417, 429, 482, 523, 524, 526, 530, 531, 533, 579, 580, 592, 594, 600, 601, 604–606, 618
- Лида, Лидочка — см. Щербинина Л.И.
- Лида, Лидия — см. Фудель Л.И.
- Линдегрэн А.Д. 581
- Липкина Т.А. (Тамара, Тамара Андреевна, тетя Тамара) 289, 295, 296, 298, 301–303, 306–308, 310, 315, 316, 321, 322, 344, 347, 352, 355, 357, 364, 365, 379, 383, 394, 395, 397, 402–404, 406, 410–412, 414, 415, 418, 420, 430, 439, 441–443, 446, 450, 451, 455–457, 461, 464, 466, 468, 504, 515, 581, 582, 590–92, 596, 602–604, 606, 609
- Лихачев Д.С. 582
- Лициний, император 538
- Лонгфелло Г.-У. 287, 318
- Лондон Дж. 267, 318, 490
- Лопатин Л.М. 65, 537
- Лопе де Вега 483
- Лосев А.Ф. 605
- Лосский Н.О. 555
- Лосский В.Н. 65, 139, 539, 555
- Лоти П. 318
- Лука, евангелист 140
- Луначарский А.В. 607
- Лучинский А.М. 71, 541
- Лучкина М.П. (инокиня Матрона, Мунечка, Муня) 264, 278, 289, 304, 306, 309, 320–322, 326, 334, 355, 357, 364, 365, 383, 397, 413, 415, 419, 420, 435, 436, 438–440, 448–451, 454–457, 459, 515,

- 563, 577, 608, 610–612, 626
Люба — см. Свербеева Л.Д.
Любимов Николай, протопресвитер 87, 547
Лютер М. 561
Люша — см. Желновакова В.М.
Ляля — см. Щербинина Л.И.
- М.М. — см. Макарий (Невский)
М.Н. (М.Ник.) 406
Магдалина (*библ.*) 89
Майданович Е.Л. 521
Майков А.Н. 265, 266, 318, 578
Макарий (Даев), архиепископ 139, 225, 555, 571
Макарий Великий (Макарий Египетский) 5, 45, 94, 124, 147, 187, 213, 232, 238, 243, 255, 289, 520, 545, 546, 548, 569, 572
Макарий (Невский), митрополит (М.М.) 154, 195, 558, 565
Макиавелли 560
Маковский В.Е. 616
Макс — см. Брицке М.Э.
Максим, юродивый 297, 582
Максим Исповедник 127, 128, 178, 553
Мамонтов В.С. 591
Мамонтов С.И. 72, 542, 590
Мамонтова В.С. 348, 542, 590
Мамонтова (Свербеева) Е.Д. (баба Лена) 355, 591
Манн Т. 488
Маня 30
Мансуровы 62
Мансуров П.Б. 536
Мансуров С.П. 154, 536, 558
Мариенгоф А.Б. 607
Мария, схиигумения 161, 201, 560
Мария Египетская 146
Мария Ивановна, блаженная — см. Федина М.З.
Мария Федоровна, знакомая семьи Некрасовых 473, 616
Марк Аврелий 288
Марк Подвижник 237
- Марков А. 540
Маркс А.Ф. 616
Мартьянова С.А. 521
Маруся, Марусенька, тетя Маруся — см. Фудель М.И.
Маршак С.Я. 420, 605, 607
Марья Михайловна — см. Мишина М.М.
Матреша, праведница 194–195, 565
Матреша — см. Лучкина М.П.
Маша — см. Бобринская М.А.
Маша, Машенька, Машок, Машунечка, Машуня, Мурзик — см. Желновакова М.С.
Маша, Машенька — см. Казакова М.Н.
Маша — см. Некрасова М.А.
Машков И.И. 71
Мейер А.А. 534, 557
Мельников-Печерский П.И. 49, 287, 532, 533
Мень Александр, священник 560, 582
Мережковский Д.С. 64, 93, 216, 537
Мериме П. 318
Метерлинк М. 184, 287, 318, 555, 581, 587, 588
Метнер Э.К. 46, 531
Мечёв Алексей, протоиерей 7, 64, 69, 116, 118, 133, 161, 172, 174, 175, 540, 551, 559, 561, 562
Мечёв Сергей, священник 559
Милица Николаевна, вел. княгиня 553
Митрофан, иеромонах 521
Митрофаний Воронежский 84, 545
Михаил Егорович 466, 467, 614
Миша, мальчик из Загорска 197, 198
Миша — см. Желноваков М.Р.
Мишина М.М. (Марья Михайловна) 398, 401, 600
Михаил Иванович, егерь 445, 450, 610

- Моисеева А. П. 540
 Моисей (*библ.*) 209, 246, 361, 486, 599
 Мольер 486
 Мориак Ф. 530
 Морозова М. К. 65, 533
 Мосх Иоанн 527
 Мотовилов Н. А. 622
 Мулин Н. А. (Н. А.) 442, 509, 609
 Мулина Е. Н. (Женя, тетя Женя) 510, 514, 609, 625, 626
 Мулины 611
 Муля, Мунечка — см. Лучкина М. П.
 Муравьев А. Н. 523, 599

 Н. А. — см. Мулин Н. А.
 Н. В. У. 569
 Надежда Львовна — см. Тихомирова Н. Л.
 Назаров Б. М. 148, 557
 Наполеон I 466
 Наумов В. В. (Виктор) 499–500, 622
 Неверов Я. М. 22, 25, 351, 405, 525, 590
 Некрасов А. С. (Александр Сергеевич) 474, 480, 616, 618
 Некрасов Н. А. 429, 584, 606
 Некрасова М. А. (Маша) 500, 577, 622, 623
 Некрасова Т. М. (Татьяна Михайловна) 455, 473, 474, 479, 577, 611, 616–618, 622
 Нектарий (Нуждин), архимандрит 557
 Нектарий (Тихонов), оптинский старец 59, 113, 146, 160, 180, 212, 535, 551, 563
 Неофит (Осипов), архимандрит 101, 549
 Нестеров М. В. 52, 57, 66, 125, 348, 356, 361, 533, 592
 Никанор (Кудрявцев), архимандрит 527–528
 Никита Стифат 190, 248

 Никифоров К. 29, 30
 Никодим (*библ.*) 171, 244, 248
 Никодим (Ротов), иеромонах 552
 Никодим Святогорец 529
 Николай I 354, 600
 Николай, святитель 207
 Николай (Добронравов), архиепископ Владимирский 77, 78, 543
 Николай (Кавасила), митрополит 165
 Николай Александрович — см. Голубцов Николай
 Николай Александрович, адресат Достоевского 612
 Николай Николаевич, вел. князь 73, 553
 Николай Николаевич — см. Ильин Н. Н.
 Николай Николаевич — см. Третьяков Н. Н.
 Николай Оскарович — см. Корст Н. О.
 Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий 78, 543, 562
 Николаша, Николашенька — см. Фудель Н. С.
 Никольский Ю. 588
 Нил Синайский 557
 Нилус С. 622
 Нина, Ниночка, тетя Нина — см. Фудель Н. И.
 Нина Васильевна — см. Петровская Н. В.
 Нина Владимировна, подруга Т. А. Липкиной 414, 430, 603, 606
 Нифонт Цареградский 128, 554
 Ницше Ф. 53, 64, 485, 490, 534, 553, 578
 Новоселов М. А. 62, 67, 154, 155, 522–524, 532, 536, 539, 558
 Норов А. С. 317, 584

 о. В. — см. Воробьев Владимир
 Оболенский А. Д. 65, 537
 Огарев Н. П. 433

- О'Генри (Генри) 37, 272, 311, 318, 328, 490, 528, 578, 584, 586, 587, 592
- Одоевский А.И. 421, 591, 605
- Одоевский В.Ф. 47, 354, 366, 532, 591, 605
- Ожегин П.Т. 548
- Олдридж А. 359, 592
- Ольга Илиодоровна — см. Сахарнова О.И.
- Ольга Константиновна — см. Дунина О.К.
- Оля — см. Воробьева О.Г.
- Онисим (Фестинатов), архиепископ Владимирский 544, 546
- Ориген 184, 557, 561, 564, 606
- Осипова (Фудель) С.И. (Соня) 380, 596
- П.Ш. — см. Шипков Петр
- Павел, апостол 73, 75, 119, 124, 128, 130, 135, 140, 166, 177, 242, 254, 258, 349, 387, 418, 441, 519, 548, 560
- Павел (Борисовский), архиерей, епископ Вятский 92, 547—548
- Павел, юродивый 210, 568
- Павлов И.П. 361
- Павлович Н.А. 497, 534—535, 621
- Пальмер В. 566
- Папий Иерапольский 537
- Парменов А.Г. 521
- Парфений, инок 556
- Парфений Киево-Печерский, старец 627
- Паскаль Б. 172, 561, 562
- Пассек В.В. 605
- Пассек Т.П. 394, 421, 605
- Пастернак Б.Л. 89, 97, 144, 162, 214, 274, 436, 444, 482, 547, 549, 551, 553, 569, 579, 581, 608, 610, 614
- Пахомов Н.П. 407, 420, 604
- Паша Саровская, блаженная 551
- Пейн Т. 560
- Пелевина Е.А. (Елена Абрамовна) 467, 614
- Пелевины 467
- Перебаскин Василий, священник 93, 94, 108, 548
- Петр Великий 27, 84
- Петр, апостол 95, 140, 172, 213, 231, 425, 508, 548, 556, 557, 569
- Петр (Екатериновский), епископ 587
- Петров С.Г. (псевд. Скиталец) 529
- Петровская Н.В. (Нина Васильевна) 371, 421, 595, 598, 604, 605
- Пикассо П. 68, 480
- Пилат 246, 306
- Пимен (Извеков), епископ Дмитровский 544
- Писарев Д.И. 383, 425, 429, 597
- Писемский А.Ф. 429, 433, 607
- Плавт 486
- Платон (Городецкий), митрополит Киевский 548
- Плотников Н. — см. Фудель Н.С.
- По Э. 45, 274, 318, 323, 490, 586, 619
- Погодин 373
- Погожев Е.Н. (псевд. Е. Поселянин) 541, 552
- Полежаев А.И. 287
- Поленов В.Д. 361
- Полина Ивановна 435, 607
- Полищук Е.С. 558
- Полонский Я.П. 45
- Полуэктов Е.Г. 616
- Полуэктова И.Е. (Ирина Евгеньевна) 492, 494, 617, 620
- Полуэктова (Коншина) К.Н. (Капитолина Николаевна) 473, 474, 492, 616
- Померанцева Г.Е. 533, 595
- Помпей 566
- Помяловский Н.Г. 121, 552
- Поселянин Е. — см. Погожев Е.Н.
- Потапов Иосиф, протоиерей 544, 545
- Потемкин-Таврический Г.А. 233, 573
- Прейс Н.Н. 53, 70, 153, 154, 533

- Пржевальский Н.М. 376
 Пришвин М.М. 376, 377, 378, 438, 532
 Протасов Н.А. 541
 Протасова (Протасьева) М. 356, 592
 Прохоров Е.П. 387, 598
 Пруст М. 318, 485
 Прытков А. 521
 Пугачев Емельян 527
 Пузин Н.П. 409, 602
 Пушкин А.С. 45, 48, 168, 190, 270, 286, 289, 323, 325, 333, 335, 341, 346, 354, 361, 363, 369, 373, 377–379, 421, 426, 478, 482, 489, 490, 522, 531, 532, 541, 549, 573, 576, 578, 581, 583, 586, 589, 590, 592–597, 605, 610, 612, 619, 623, 626
 Пушкина В.Н. 174, 562
 Радишев А.Н. 383
 Раевский С. — см. Дурьлин С.Н.
 Рапгоф И.П. — см. Амори
 Рассел Б. 560
 Распутин Г.Е. 36, 40, 72, 73, 121, 163, 538, 553
 Распутин, зам. начальника ГПУ 103
 Рафаил (Шейченко), оптинский иеромонах 173, 562
 Рафаэль Санти 45, 198
 Рачинский Г.А. 65, 66, 533, 538
 Рачинский С.А. 29, 527
 Ренье А. де 318, 485, 619
 Репин И.Е. 348
 Репников А.В. 536
 Робинсон Дж.-А.-Т. 569
 Рогов А. 214, 564
 Розанов В.В. 35, 37, 46, 62, 64, 69, 124, 153, 508, 528, 540, 551, 558, 574, 618, 624
 Роллан Р. 98, 318, 322, 323, 581, 585, 586
 Рубенс П.-П. 318, 427
 Рублев Андрей 153, 174, 179, 365, 477, 480, 493, 528, 562, 617
 Рувейр А. 46, 483, 532, 618
 Руднев А.Н. 71, 541
 Руфин 527
 С. Ив. — см. Истомина С.И.
 Сабашниковы 433
 Сабашникова М.В. 596
 Саблин В.М. 529
 Сабуров А.А. 52, 533
 Савва (Тихомиров), архиепископ 22, 525
 Сазонов Г. 532
 Сакулин П.Н. 276, 579
 Салиас-де-Турнемир Е.В. — см. Тур Евг.
 Салтыков-Щедрин М.Е. 341, 424, 429, 573, 605
 Самарин А.Д. (Александр Дмитриевич) 66, 72, 74, 538, 542, 590
 Самарин Д.Ф. 74
 Самарин П.Д. 542
 Самарин С.Д. 542
 Самарин Ф.Д. 536, 542
 Самарин Ю.Ф. 75, 155, 205, 206, 625
 Самарина-Чернышева Е.А. 542
 Самарины 74, 542
 Самсон (*библ.*) 197
 Сараскина Л.И. 6
 Сахарнова О.И. (Ольга Илиодорова) 80, 81, 544
 Саша, дочь старухи Андриановны 151, 558
 Саша 499
 Сведенборг Э. 539
 Свенцицкий Валентин, священник (отец Валентин) 57, 67, 76, 81, 93, 108, 121, 123, 181, 188, 192, 533–535, 543, 544, 551, 553, 556, 559, 564
 Свербеев Д.Д. 591
 Свербеева Л.Д. (Люба) 447, 610
 Света 397
 Свешников В.В. (Влад) 515, 626
 Северянин И. 360

- Семененко-Басин И.В. 521
Сементковский Р.И. 386, 597
Сенкевич Г. 548
Сен-Мартен 539
Сент-Экзюпери А. де (Экзюпери) 183, 188, 436, 482, 484, 491, 499, 548, 563, 564, 618, 619, 622
Серафим (Амелин), иеросхимонах 557
Серафим (Битюгов), архимандрит 7, 71, 112–118, 126, 140, 161, 170, 177, 188, 199–201, 212, 218, 219, 541, 546, 547, 551, 554, 560, 566, 589, 602, 627
Серафим (Романцов), схиархимандрит 557
Серафим Саровский 22, 41, 87, 116, 133, 136, 148, 152, 167, 168, 178, 199, 243, 351, 352, 405, 455, 456, 518, 529, 542, 561, 612, 622
Серафим (Соболев), архиепископ 539
Серафимович А.С. 547
Сервантес С. 318
Сережа, мальчик из Загорска 197
Сережа — см. Кузнецов С.
Сережа — см. Сидоров Сергей
Сережа — см. Сыгин С.Л.
Сергей Николаевич — см. Дурылин С.Н.
Сергей Тимофеевич — см. Аксаков С.Т.
Сергиев И.И. — см. Иоанн Кронштадтский
Сергий (Голубцов), архиепископ 571
Сергий Радонежский 155, 178, 207, 208, 523, 559, 627
Сергий (Страгородский), митрополит 534, 536, 539, 543, 544, 546, 547, 549, 552
Серов В.А. 72, 348, 542, 590
Сидоров Сергей, священник (Сережа) 67–71, 138, 524, 535, 538–541, 552, 566
Сидорова (Кавкасидзе) А.Н. 540
Силуан Афонский (Антонов) 182, 200, 563, 566
Симанский С.В. — см. Алексей I
Симеон (*библ.*) 190
Симеон Новый Богослов 146, 173, 195, 248, 553, 557, 562
Симон (*библ.*) 231
Симон (Ивановский), архиепископ 85, 546
Симон, иеромонах 524
Сирах 519
Скаворонский А. (псевд. Данилевского Г.П.) 604
Скиталец — см. Петров С.Г.
Сковорода Г.С. 14, 87, 138, 287, 522, 581
Скуполи Л. 529
Смарагда 117, 150, 159, 162, 171, 188, 204, 210, 551
Сметанка 103
Смирдин А.Ф. 386, 598
Смирнов С.И. 557, 561
Соболевский С.И. 70, 541
Солженицын А.И. 490
Соловьев В.С. 27, 43, 62, 63, 65, 67–69, 75, 124, 154, 155, 196, 206, 211, 216, 217, 475, 522, 530, 531, 533, 537–540, 565, 570, 584, 587, 605, 617, 618, 627
Сологуб Ф.К. 40, 485, 529, 619
Соломон (*библ.*) 465
Солоухин В.А. 116, 551
Соня — см. Осипова С.И.
Соня — см. Тернова С.
Софокл 267, 288
Софроний (Сахаров), иеромонах 563, 566
Софья Ивановна — см. Истомина С.И.
Софья Павловна — см. Кристман С.П.
Спартак 130
Спасович В.Д. 597
Спиридон, валаамский иеромонах 107, 119, 550, 552
Спиридон Тримифунтский 150

- Станкевич Н.В. 22, 351, 394, 396, 405, 421, 590, 599
- Станюкович К.М. 433
- Стасюлевич М.М. 597
- Стахович М.А. 26, 526
- Степ. Ал. 454, 611
- Стефан (Никитин), епископ 55, 172, 534, 561
- Стефан, первоученик 142
- Страхов Н.Н. 74
- Струве Н.А. 540
- Суворов А.В. 277
- Сытин Л.М. (Лева) 309, 579, 584, 595
- Сытин П.В. 587
- Сытин С.Л. (Сережа) 273, 579
- Сытина В.М. (Вера Максимовна, Верочка, Верушенька) 7, 292, 330, 342, 343, 406, 419, 421, 423, 430, 445, 462, 472–474, 476, 479, 493, 496, 497, 522, 577–581, 587, 589, 590, 593, 595, 596, 598, 602, 603, 605, 608–611, 613, 615, 625, 626
- Сытина (Свербеева) З.А. (баба Зина) 459, 580, 610, 612, 614
- Сытина З.М. (Зина, тетя Зина) 320, 578, 585, 611
- Таврион (Батозский), архимандрит 557
- Тамара, Тамара Андреевна, тетя Тамара — см. Липкина Т.А.
- Танечка, Татьяна — см. Желновакова Т.М.
- Таня, искусствовед 194
- Таня — см. Абрамова Т.
- Татьяна Михайловна — см. Некрасова Т.М.
- Твардовский А.Т. 605
- Твен М. 318, 614
- Тейяр де Шарден П. 216, 217, 570
- Телешов Н.Д. 368, 369, 594
- Тернавцев В.А. 65, 537
- Тернова С. (Соня) 368, 394, 398, 402, 404, 406, 408, 411–417, 420–422, 592, 594, 599–602, 605
- Тертуллиан 537, 589
- Тит 166
- Тихомиров А.Л. — см. Тихон, епископ
- Тихомиров Л.А. (Лев) 26, 39, 60–63, 117, 219, 497, 525, 526, 535, 536, 551, 592, 621
- Тихомирова Н.Л. (Надежда Львовна) 357, 592
- Тихомировы 61, 535
- Тихон (Белавин), патриарх 8, 66, 74, 101, 212, 523, 538, 546, 548, 549, 554
- Тихон Задонский 136, 137, 159, 210, 233, 237, 252, 545, 568, 573
- Тихон (Тихомиров), епископ 61, 117, 535, 551, 552
- Толстая С.А. 523
- Толстая (Толстая-Попова) А.И. 107, 550
- Толстой А.К. 522
- Толстой А.Н. 543
- Толстой И.Л. 523
- Толстой Л.Н. 16, 51, 163, 272, 274, 287, 318, 385, 395, 491, 517, 522, 523, 533, 536, 550, 579, 590, 597, 602, 603, 607, 616, 619, 627
- Торопина З. (Зина) 438, 504, 505, 608
- Трауберг Н.Л. 521
- Третьяков Н.Н. (Коля, Николай Николаевич) 461, 462, 464, 468, 469, 475, 477, 480, 492, 493, 501, 577, 613–615, 617, 618, 620, 623
- Третьяков Н.Н. (Николай Николаевич), сын Третьякова Н.Н. 475, 476, 479, 617, 620
- Третьякова И.Н. (Ирина Николаевна) 462, 465, 475, 476, 479, 493, 494, 613, 614, 617
- Трапани Н.В. 542, 546
- Трубецкой Н., протоиерей 130, 554
- Трубецкой Е.Н. 65, 533, 538
- Тур Евг. (псевд. гр. Е.В. Салиас-де-Турнемир) 594

- Тургенев И.С. 24, 41, 272, 276, 317, 323, 337, 341, 349, 383, 387, 395, 399, 409, 426, 529, 530, 553, 564, 579, 585, 588, 590, 594, 595, 597–600, 602, 606, 608, 609
- Тютчев Ф.И. 48, 68–69, 87, 155, 162, 230, 266, 271, 275, 277, 278, 286, 287, 323, 354, 355, 366, 378, 380, 420, 427, 436, 452, 480–482, 484, 522, 530, 532, 546, 560, 572, 578–582, 584, 586, 591, 594, 596, 602, 604, 606, 607, 611, 618, 619, 622
- Тютчева А.Ф. — см. Аксакова А.Ф.
- Ульгорн Г. 131
- Успенский Сергей, священник 116, 551
- Утин Б.И. 386, 387, 597
- Уэллс Г. 351, 590
- Фальк Р.Р. 71
- Фаддей (Успенский), архиепископ 7, 77, 78, 95, 101, 121, 134, 543, 546, 552
- Фаррер К. 45, 46, 47, 318, 532
- Федина М.З. (Мария Ивановна) 112, 551
- Федоров Н.Ф. 216, 570
- Федотов Г.П. 582
- Феодор (Бухарев), архимандрит 206, 215, 568, 569
- Феодор Едесский 561
- Феофан (Быстров), архиепископ Полтавский 121, 553
- Феофан Затворник, епископ 119, 145, 147, 152, 160, 187, 197, 211, 218, 231, 557, 559, 562, 568, 572, 602
- Ферапонт 517
- Фердинанд 103
- Фет А.А. 53, 266, 286, 328, 363, 367, 411, 412, 426, 427, 431, 549, 578, 581, 587, 590, 603, 606
- Фефочка — см. Волькенштейн Ф.Ф.
- Филарет (Дроздов), митрополит 21, 69–70, 150, 209, 525, 540
- Фишер Лукас 203, 566
- Фишер С.Н. 526
- Фома, апостол 132, 184
- Фонвизин Н.Д. 338, 609
- Флобер Г. 488
- Флоренский Павел, священник 5, 33–37, 41, 42, 62, 64, 67–69, 83, 99, 125, 132, 142, 158, 165, 168, 172, 174, 181, 194, 211, 218, 473, 474, 521, 522, 527, 528, 530, 532, 533, 536, 537, 539, 556, 558, 561–564, 568, 616, 622
- Фома Аквинский 124, 136, 137, 151, 162, 555, 626
- Франк С.Л. 580
- Франс А. 266, 318
- Франциск Ассизский 69, 531
- Фрося 440, 608
- Фудель В.С. (Варвара, Варенька, Варя, тетя Варя) 264, 271–273, 275–277, 280, 281, 286, 287, 292, 293, 295, 296, 299, 307, 319, 322, 324, 326, 331, 333, 338, 342, 343, 352–354, 361, 362, 364, 365, 370, 375, 376, 379, 380, 386–391, 394, 396–398, 400–403, 411–413, 415, 416, 423, 424, 429–436, 438, 442, 443, 445, 450, 454–461, 463, 465–471, 473, 494, 495, 499, 501, 504–506, 509, 510, 512–514, 519, 577, 579, 592, 596, 599, 601, 603, 605, 608, 609, 611, 613–616, 623–625
- Фудель Ив.Ив. 596
- Фудель Иосиф, протоиерей 5, 7, 22, 23, 29, 30, 37, 39, 163, 521, 525–530, 533, 536, 537, 558, 569, 581, 583, 591, 609, 613, 621, 624, 627
- Фудель Л.И. (Лида, Лидия) 307, 539, 583, 609
- Фудель М.И. (Маруся, Марусенька, тетя Маруся) 264, 267, 273, 276–281, 285, 287, 290, 291,

- 294–299, 305, 306, 308, 310, 312, 314, 320, 321, 325, 327, 329, 330, 344, 360, 379, 425, 444, 447, 450, 470, 471, 515, 544, 546, 577, 579, 580–586, 589, 603
- Фудель М.Н. — см. Казакова М.Н.
- Фудель М.С. — см. Желновакова М.С.
- Фудель Н.И. (Нина, Ниночка, тетья Нина) 42, 292, 295, 296, 298, 306, 321, 355, 357, 380, 401, 402, 410, 417, 434, 440, 443, 456, 461, 462, 473, 499, 530, 581, 583, 588, 596, 602, 603, 622, 625
- Фудель Н.С. (Коля, Коленька, Николаша, Николашенька, псевд. Н. Плотников) 263, 264, 267, 271–273, 275, 276, 278, 279, 281, 282, 285, 287, 289, 290, 292–294, 296, 298, 299, 302, 304, 305, 307–309, 311, 313, 315–319, 321–324, 326, 327, 330, 331, 333, 336–340, 343–349, 351, 352, 355, 357–359, 361, 362, 364–368, 370–372, 374–376, 379, 380, 383–388, 391–397, 399, 400, 402–404, 406–409, 411–421, 423, 424, 426, 429–431, 433, 434, 436–442, 444, 445, 447, 448, 450, 453–455, 457, 459–466, 468–472, 475–479, 489, 492–495, 497–508, 510–512, 514–518, 520, 521, 577–615, 617–620, 622–628
- Фудель П.И. (Павел) 89
- Фудель С.И. — см. Осипова С.И.
- Фурье Ш. 217, 570
- Хаггарт Г. 578
- Хемингуэй Э. 488
- Хитров Михаил, протоиерей 28, 527
- Хлебников В. 181
- Ходасевич В.Ф. 560, 610
- Хомяков А.С. 5, 26, 68, 74, 75, 154, 155, 179, 196, 203–205, 208, 353, 366, 392, 393, 512, 527, 548, 563, 566–568, 599, 625
- Хомяков Д.А. 528, 529
- Хохлов П.А. 359, 592
- Христина, юродивая 210, 568
- Цвейг Ст. 318, 485
- Чаадаев П.Я. 354, 366, 393, 591, 599
- Чаадаева 354
- Чайковский М. 603
- Чайковский П.И. 411, 603
- Челпанов Г.И. 69, 540
- Черемухин П.А. 561
- Чернышев Н.С. (Коля) 67, 68, 69, 70–72, 531, 539, 542
- Чернышева В.А. 540
- Чернышова Е.В. (Елена Владимировна) 397, 462, 600, 613
- Чернышева Е.Н. 6, 521, 550, 566, 572
- Чернышевский Н.Г. 101, 317, 383, 386, 391, 429, 584, 585, 597, 601, 606
- Четвериков Сергей, протоиерей 535
- Чехов А.П. 272, 287, 368
- Чулков Г.И. 64, 161, 537, 560
- Чюрленис М.К. 349
- Шарапов С.Ф. 23, 526
- Шаховская-Шик Н.Д. 536
- Шаховской Д.М. 6, 521, 570
- Шевелев И.Ш. 477, 617
- Шекспир В. 277, 288, 318, 328, 330, 359, 420, 427, 428, 434, 462, 581, 585, 605, 607
- Шершеневич В. 592, 594
- Шеффер П.Н. 540
- Шидловский И.Н. 478, 618
- Шик Михаил, священник 119, 552, 566
- Шипков Петр, священник (П.Ш.) 133, 554, 560, 566
- Шишкин И.И. 270

- Шмидт А.Н. 67, 539
Шопен Ф. 45, 47, 267, 286
Шоу Б. 292, 308
Шпиллер Всеволод, священник 553
Штейнер Р. 64, 531
- Щедрин — см. Салтыков-Щедрин М.Е.
Щельцина (Мамонтова) Е.В. (Екатерина Всеволодовна, Катя, тетя Катя) 438, 450, 463, 608, 611, 613
Щербинин И.Г. 587
Щербинина В.Т. 587
Щербинина Л.И. (Лида, Лидочка, Ляля) 324, 328–331, 333, 335, 336, 338, 339, 340, 342, 344–347, 349, 351, 353, 355–357, 359, 362–365, 369, 375, 376, 380, 386, 387, 391, 392, 397–400, 402–404, 407–409, 413, 415, 416, 418–422, 425, 434, 436, 437, 439–443, 445, 446, 448, 451, 454, 455, 459, 461, 462, 464, 466, 468, 469, 471–473, 478, 495, 501–506, 509, 511, 517–519, 577, 586–589, 592, 598, 601, 604, 608, 612, 625
- Щербинины 591
Щукин С.И. 540
- Эллис (псевд. Л.Л. Кобылинского) 48, 532
Эрн В.Ф. 69, 533, 556
Эсхил 267
- Юсупов Н.Б. 233, 573
- Ярослав Владимирович, князь 591
Ярошенко Н.А. 89, 547

СОДЕРЖАНИЕ

Прот. Н.Балашов, Л.Сараскина
От составителей

5

Прот. В.Воробьев
Предисловие

7

Воспоминания

13

У стен Церкви

111

Воспоминания об отце Николае Голубцове

223

Моим детям и друзьям

229

Письма

263

Комментарии

521

Указатель имен

629

Фудель С.И.
Ф 94 Собрание сочинений: В 3 т./ Сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; предисл. прот. В.Н. Воробьева. Т. 1: Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма. — М.: Русский путь, 2001. 648 с., ил.

ISBN 5-85887-086-4 (Т. 1)

ISBN 5-85887-120-8

В трехтомном собрании сочинений Сергея Иосифовича Фуделя (1900–1977), религиозного писателя, испытавшего многолетние гонения в годы советской власти, наиболее полно представлены его завершенные произведения и материалы к биографии.

В первый том вошли «Воспоминания», собрание заметок, озаглавленное «У стен Церкви», близкая по жанру к воспоминаниям работа «Моим детям и друзьям», а также письма С.И. Фуделя за последние тридцать лет его жизни.

ББК86.372+83.3(2Рос)6

Сергей Иосифович Фудель
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ
Том 1

Редактор *О.Б. Василевская*
Корректор *А.З. Лазуткина*
Компьютерная верстка *В.И. Лухманов*

ЛР № 040399 от 03.03.98
Подписано в печать 29.10.2001. Уч.-изд. л. 40. 5.
Формат 60×90/16. Тираж 3000 экз. Заказ № 6610.

ЗАО «Русский путь»
109004, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел.: (095) 915-10-47

Отпечатано в ФГУИПП «Янтарный сказ».
236000, г. Калининград, ул. К. Маркса, 18

Мне был тогда только 21 год, но мне — я помню — было до очевидности ясно, что происшедшая катастрофа — это Божие возмездие. Я понимал, что когда верующий человек отказывается от подвига своей веры, от какого-то узкого пути и страдания внутреннего, то Бог — если Он еще благоволит его спасти — посылает ему страдание явное: болезни, лишения, скорби, чтобы хоть этим путем он принес «плод жизни вечной».

ISBN 5-85887-086-4

9 785858 870869 >